

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

1(35)'2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(35)'2011

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте Уральского государственного педагогического университета: www.journal.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2011

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Заведующий отделом перевода: И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО

П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2011. Вып. 1(35). – 267 с.

ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 82 11-04-00327а — Политическая коммуникация: общие закономерности и национальная специфика).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 1 (35)

Подписано в печать 25.03.2011. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 30,5. Тираж 500 экз. Заказ 3567.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2011

© Политическая лингвистика, 2011

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

1(35)'2011

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аникин Е. Е. Колумбия, США Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство)	11
Жаковска М. Лодзь, Польша	Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX — XX вв.	15
Леонтович О. А. Волгоград, Россия	<i>“From Russia with love”</i> : культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса	20
Седых А. П. Белгород, Россия	Специфика речевого воздействия Жака Ширака	24
Серио П. Лозанна, Швейцария	Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой	30
Химик В. В. Санкт-Петербург, Россия	Глобализм в русском языковом и идеологическом пространстве: идея, слова, значения	41
Цонева Л. М. Велико-Тырново, Болгария	Имена российских политиков в болгарском политическом дискурсе	56
Червиньски П. Катовице, Польша	Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (7)	64
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Исследование политической коммуникации в США: новые перспективы (2009–2011)	74

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аникин Е. Е. Колумбия, США	Спортивно-игровая метафора как средство концептуализации президентских выборов США 2008 года (на материале британских СМИ)	87
Атьман О. В. Волгоград, Россия	Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США	96
Бродский М. Ю. Екатеринбург, Россия	Политический дискурс и перевод	103
Булипопова Е. В. Тирасполь, Молдова	Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории	112
Воропаев Н. Н. Москва, Россия	Прецедентные имена и другие прецедентные феномены в китайскоязычном политическом дискурсе	119
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	У разбитого корыта: культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе	126
Карамова А. А. Бирск, Россия	Социально-политическая оценка как проявление современного политического дискурса	130
Кирилова И. В. Екатеринбург, Россия	Сакральная символика традиционной народной культуры как средство воздействия в политическом дискурсе	135

Костылев Ю. С. Екатеринбург, Россия	Языковой портрет Иосипа Броз Тито в советской печати	139
Мадалиева Е. В. Нижний Новгород, Россия	Прагматикон языковой личности политика в жанре исповеди	143
Макарова В. В. Вильнюс, Литва	О риторических особенностях выступлений фюрера	147
Марьянчик В. А. Архангельск, Россия	Жертвоприношение как медиа-политический сценарий	152
Морозова О. Н. Пушкин, Россия	Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы	156
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Прецедентные онимы-неологизмы: <i>Кущевская</i> и <i>цапки</i>	162
Пикалова Е. В. Воронеж, Россия	Тематическая группа «симптомы и конкретные болезненные состояния» в метафорическом пространстве политического дискурса	167
Сподарец О. О. Уфа, Россия	Поликодовость как ключ к новостному политическому медиатексту	171
Хасуева М. Х. Грозный, Россия	Метафорические тактики стратегии суггестии в медиатекстах политического дискурса	177
Шабалина Е. В. Екатеринбург, Россия	Числительные в русской политической фразеологии: <i>пятая колонна</i> и <i>пятая графа</i>	189

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Акаш Б. А. Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия	Перевод как составляющая массовой коммуникации	193
Аникина Т. В. Нижний Тагил, Россия	Политизированные никнеймы в ономастическом пространстве чатов	198
Барковская Н. В. Екатеринбург, Россия	Постсоветская рефлексия над советским детством (Э. Кочергин. «Крещённые крестами»; Н. Нусинова. «Приключения Джерика»)	202
Варзин А. В. Шуя, Россия	«Свобода» в словарной фиксации XIX—начала XX века: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии	206
Вдовиченко А. В. Москва, Россия	Коммуникативные актаны книги: идеологизация от коммерции	213
Гридина Т. А. Екатеринбург, Россия	Этносоциокультурный контекст ономастической игры	219
Копытов О. Н. Хабаровск, Россия	Модус публицистического текста	224
Романова Н. Л. Москва, Россия	Своеобразие религиозной метафоры в современной немецкой прессе (на материале прессы ФРГ рубежа XX — XXI вв.)	231
Третьякова О. В. Екатеринбург, Россия	Межкультурный диалог в романе Н. И. Греча «Поездка в Германию» (лингвокультурологический аспект)	234

Шабанова Т. А. Екатеринбург, Россия	Женщина – это звучит гордо. Метафорическое представление женского образа в феминистском дискурсе России	238

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Зубакина Т. Н. Екатеринбург, Россия	Из истории создания когнитивной теории метафоры: Майкл Осборн и Дуглас Энингер	241

Осборн М. Мемфис, США	Метафора в публичном выступлении	244
Энингер Д. Айова, США		

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Борискина О. О. Воронеж, Россия	Теория и практика политической метафорологии	254

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Екатеринбург, Россия	Вопросы номинативной теории политической коммуникации <i>Рецензия на книгу П. Червинского «Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации» (Тернополь, 2010)</i>	257

Лу Т. Пекин, Китай	Лингвистический анализ китайских правительственных пресс-конференций <i>Рецензия на монографию Чэнь Лицзян «Культурный контекст и политический дискурс: дискусный анализ правительственных пресс-конференций» (Пекин, 2007)</i>	260

Пирогов Н. А. Екатеринбург, Россия	Хроника работы диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.283.02 в 2010 году	263

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		265

CONTENTS

EDITORIAL	10

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Anikin E. E. Columbia, SC, USA Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia	Russian linguistic world image controversy: universalist relativism and Neo-humboldtianism	11
Żakowska M. Łódź, Poland	The hunting bear, the bear hunting: Russia in German caricature of 19-th and 20-th centuries	15
Leontovich O. A. Volgograd, Russia	<i>"From Russia with love"</i> : culturally specific meanings in political discourse	20
Sedykh A. P. Belgorod, Russia	Specificity of the impact of Jacques Chirac's speech	24
Sériot P. Lausanne, Switzerland	Oxymoron or misunderstanding? Universalistic relativism of the universal natural semantic metalanguage of Anna Wierzbicka	30
Khimik V. V. St. Petersburg, Russia	Globalism in the Russian linguistic and ideological space: idea, words, meanings	41
Tsoneva L. M. Veliko Tarnovo, Bulgaria	Names of Russian politicians in Bulgarian political discourse	56
Chervinsky P. Katowice, Poland	Language of the Soviet reality: semantics of positive in designation of persons (7)	64
Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	Political communication in USA: new research perspectives (2009–2011)	74

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Anikin E. E. Columbia, SC, USA	Sports metaphor as a means of conceptualizing the 2008 US presidential election (on the basis of British Mass Media)	87
Atman O. V. Volgograd, Russia	Verbalization of self-presentation strategy in presidential election debates as agonal genre of US political discourse	96
Brodsky M. Yu. Ekaterinburg, Russia	Political discourse and translation	103
Bulipopova E. V. Tiraspol, Moldova	Double standards: problem and term in the discourse of modern political theory	112
Voropaev N. N. Moscow, Russia	Names-precedents and the other precedent phenomena in the Chinese political discourse	119
Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	At the broken trough: cultural precedent text in political caricature on world crisis	126
Karamova A. A. Birsk, Russia	Socio-political evaluation as manifestation of contemporary political discourse	130
Kirilova I. V. Ekaterinburg, Russia	Sacred symbols of traditional folk culture as a means of influence in political discourse	135

Kostylev Yu. S. Ekaterinburg, Russia	Linguistic image of Josip Broz Tito in the Soviet press	139
Madalieva E. V. Nizhny Novgorod, Russia	Pragmatical level of the linguistic personality of a politician in the genre of political confession	143
Makarova V. V. Vilnius, Lithuania	Rhetoric peculiarities of Fuhrer's speeches	147
Maryanchik V. A. Arkhangelsk, Russia	Sacrifice as media-political script	152
Morozova O. N. Pushkin, Russia	Political Internet-communication: its role, functions and forms	156
Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	Precedent onyms-neologisms: <i>Kushchevskaya</i> and <i>Tsapki</i>	162
Pikalova E. V. Voronezh, Russia	The thematic group "Symptoms and specific disease states" in metaphoric fields of the politic discourse"	167
Spodarets O. O. Ufa, Russia	Code-mixing as a key to a mass media political text	171
Khassueva M. Kh. Grozny, Russia	The metaphorical tactics of the suggestion strategy in the media-texts of political discourse	177
Shabalina E. V. Ekaterinburg, Russia	Numerals in the Russian political phraseology: <i>the fifth colomn</i> and <i>the fifth section</i>	189

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Akash B. A. Ar Riyad, The Kingdom of Saudi Arabia	Translation as a constituent of mass communication	193
Anikina T. V. Nizhny Tagil, Russia	Political nicknames in chats	198
Barkovskaya N. V. Ekaterinburg, Russia	Post-soviet reflexion on Soviet childhood (E. Kochergin "Baptized with Crosses"; N. Nusinova "Adventures of Jeric")	202
Varzin A. V. Shuya, Russia	'Freedom' in vocabularies of the 19-th — beginning of the 20-th centuries: reflection of senses transformation under the influence of liberal ideology	206
Vdovichenko A. V. Moscow, Russia	Communicative actants of a book: ideologization because of commerce	213
Gridina T. A. Ekaterinburg, Russia	Ethno-socio-cultural context of onomastic game	219
Kopytov O. N. Khabarovsk, Russia	Modus of the publicistic text	224
Romanova N. L. Moscow, Russia	Specificity of religious metaphor in modern German press (based on the Federal Republic of Germany press materials, issued on the boundary of XX—XXI centuries)	231
Tretyakova O. V. Ekaterinburg, Russia	Cross-cultural dialogue in the novel by N. I. Grech "Trip to Germany"(lingo-cultural aspect)	234

Shabanova T. A. Ekaterinburg, Russia	Woman — it sounds majestic. Metaphorical representation of a woman in a feminist discourse of Russia	238

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Zubakina T. N. Ekaterinburg, Russia	From the history of creation of cognitive theory of metaphor: Michael Osborn and Douglas Ehninger	241
Osborn M. Memphis, USA	The metaphor in public address	244
Ehninger D. Iowa, USA		

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Boriskina O. O. Voronezh, Russia	Political metaphorology: theoretical and practical aspects	254
Gridina T. A., Konovalova N. I. Ekaterinburg, Russia	Problems of theory of nomination in political communication	257
Lu T. Beijing, China	Linguistic analysis of Chinese government press conference	260
Pirogov N. A. Ekaterinburg, Russia	Chronicle of work of the Dissertation Council for the confirm of degrees of Candidate and Doctor in 2010	263
Manuscripts requirements		265

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет тридцать пятый выпуск «Политической лингвистики». Редакционная политика остается прежней.

Мы стремимся к узкой специализации с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России и в других странах.

Мы сохраняем четыре основных раздела нашего журнала.

Раздел «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои материалы профессора Н. В. Барковская (Екатеринбург), О. А. Леонтович (Волгоград), А. П. Седых (Белгород), Патрик Серю (Лозанна, Швейцария), В. В. Химик (Санкт-Петербург), Л. Цонева (Велико-Тырново, Болгария), Е. В. Шустрова (Екатеринбург).

Раздел «Политическая коммуникация» включает статьи и материалы преимущественно практического характера.

В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

В разделе «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, написанные много десятилетий назад, но сохраняющие свою значимость для теории и истории науки.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Разумеется, сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы можем публиковать материалы в порядке дискуссии, не разделяя при этом точку зрения авторов.

Мы не имеем возможности достойно оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы соответствующих публикаций.

Мы лишены возможности достойно оплачивать труд профессиональных переводчиков.

Поэтому вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

Мы стремимся совершенствовать информационный потенциал журнала. Поэтому в справочных данных к каждой статье помещаются сведения о том, кто именно рекомендовал ее к публикации в журнале.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, однако стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны: (343) 2357612 (кафедра);

(343) 3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на конец 2010 года наш журнал вновь оказался в числе пяти наиболее цитируемых филологических изданий. Разумеется, импакт-фактор не в полной мере отражает научную значимость соответствующих журналов: существуют и другие признанные научным сообществом показатели.

Более полные данные о Российском индексе научного цитирования и импакт-факторе РИНЦ представлены на сайте РИНЦ (<http://elibrary.ru>).

С уважением и надеждой на сотрудничество:

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов,
доцент Эдуард Владимирович Будаев,
доцент Мария Борисовна Ворошилова,
редактор Даниил Олегович Морозов

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27:303.833.6

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.01.11; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Е. Е. Аникин
Колумбия, США

А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

E. E. Anikin
Columbia, SC, USA

A. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia

ДИСКУССИЯ О РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: АБСОЛЮТНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ И КРАЙНИЙ РЕЛЯТИВИЗМ (НЕОГУМБОЛЬДТИАНСТВО)

Аннотация. Обзор полемики Анны Вежбицкой и Патрика Серио по проблемам русской языковой картины мира.

Ключевые слова: полемика; языковая картина мира; семантические примитивы; гумбольдтианство.

Сведения об авторе: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, докторант факультета политических наук Университета штата Южная Каролина (США), научный сотрудник Института международных и региональных исследований имени Ричарда Уокера.

Место работы: Институт международных и региональных исследований имени Ричарда Уокера. (Колумбия, США).

Контактная информация: 3019, Hope Avenue, Apt 'B', Columbia, SC, 29205, USA.
e-mail: ewganik_chel@mail.ru.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

RUSSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE CONTROVERSY: UNIVERSALIST RELATIVISM AND NEO-HUMBOLDTIANISM

Abstract. The article summarizes A. Wierzbicka and P. Sériot's debate on issues concerning the Russian linguistic image or the world.

Key words: debate; linguistic image of the world; semantic primitives; Humboldtianism.

About the author: Anikin Evgeny Evgenyevich, Candidate of Philology, PhD Student in the Political Science Department of the University of South Carolina, Research Assistant in the Walker Institute of International and Area Studies.

Place of employment: Walker Institute of International and Area Studies (Columbia, SC, USA).

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Австралийский лингвист польского происхождения Анна Вежбицкая и швейцарский языковед французского происхождения Патрик Серио принадлежат к числу зарубежных русистов, исследования которых пользуются максимальной популярностью в России. Ссылки на труды Анны Вежбицкой, многие из которых опубликованы на русском языке [Вежбицкая 1996, 2001, 2002, 2008], особенно характерны для исследований по проблемам компонентного анализа, лингвокультурологии, языковой картины мира, концептологии и синтаксиса. Ссылки на исследования Патрика Серио, в том числе опубликованные в России [Серио 1993, 1995, 1999, 2002, 2008, 2009], наиболее типичны для исследований по синтаксису, дискурсологии, политической коммуникации, социолингвистике, теории текста.

До недавнего времени отечественные языковеды не обращали значительного внимания на различия во взглядах П. Серио и А. Вежбиц-

кой, однако положение кардинально изменилось после публикации полемических статей, в которых указанные специалисты выступают как непримиримые оппоненты. Статья Анны Вежбицкой «Имеет ли смысл говорить о "русской языковой картине мира"? (Патрик Серио утверждает, что нет)» была опубликована в широко известной книге «Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой» [Вежбицкая 2008]. Указанная статья, в свою очередь, представляет собой реакцию на остро полемическую публикацию Патрика Серио «Oxumore ou malentendu? le relativisme universaliste de la métalangue naturelle sémantique universelle d'Anna Wierzbicka» [Sériot 2004], в которой рассматриваются теоретические истоки и методология исследований А. Вежбицкой. Эту методологию швейцарский ученый определяет как поразительное сочетание, казалось бы, несо-

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 82 11-04-00327а — Политическая коммуникация: общие закономерности и национальная специфика).

© Аникин Е. Е., Чудинов А. П., 2011

вместимых научных направлений — абсолютного универсализма и крайнего релятивизма (неогумбольдтианства). Очень показательно уже начало статьи профессора из Лозанны.

То, что в XXI веке по-прежнему можно верить в «национальный характер народов», может показаться неправдоподобным. Однако тот факт, что для его изучения чаще всего опираются на универсальную комбинаторику семантических атомов или «Алфавит человеческих мыслей» («*Alphabetum Cogitationum humanorum*») Лейбница, кажется еще более парадоксальным. Тот факт, что подобного рода спекуляции пользуются огромным успехом в Восточной Европе, причем не только у широкой публики, но и в научном дискурсе заслуженных и признанных лингвистов, заслуживает особого внимания.

В течение тридцати лет Анна Вежбицка — лингвист польского происхождения, работающий в Австралии, пытается примирить между собой воззрения Лейбница и Гумбольдта посредством разработки теории «естественного семантического метаязыка», способного описать «мир смыслов» всех языков мира. Абсолютный универсализм на службе у крайнего релятивизма — эта поразительная гипотеза представляет собой основной объект данной работы при анализе эпистемологических основ, на которые опирается А. Вежбицка, в рамках более общей задачи выявления научных и идеологических посылок восточноевропейского дискурса о языке [Серио 2011].

В своей ответной публикации Анна Вежбицкая стремится показать, что идеи Гумбольдта и его последователей кажутся ей значительно плодотворнее, чем методологический арсенал современной французской дискурсологии, на который опирается Патрик Серио. Главный предмет дискуссии обозначен уже в начальном абзаце глубоко полемичной статьи австралийского специалиста:

Имеет ли смысл думать, что русский язык несет в себе какую-то специфическую «картину мира» и что он отражает русскую культуру? Для многих лингвистов, и просто многих людей, ответ на эти вопросы очевиден: да, несет, да, отражает. Для некоторых других, однако, такой ответ не только не очевиден, а наоборот, глубоко ошибочен. В частности, так думает французский/швейцарский лингвист Патрик Серио [Вежбицкая 2008: 177].

Далее Анна Вежбицкая выражает свое отношение к тому, как П. Серио ведет полемику, к способам его аргументации, которые (это следует признать) не вполне типичны для лингвистических дискуссий в нашей стране. Однако метафоры, сравнения и аллюзии австралийского профессора также не относятся к числу логически безупречных аргументов:

Тон, каким Серио говорит о Восточной Европе в целом и о России в частности, напо-

минает тот тон, каким президент Франции Ширак говорил о восточноевропейских странах, недавно принятых в Европейский союз (“les nations mal élevées” — ‘дурно воспитанные нации’). Серио не употребляет именно этих слов, но он намекает на что-то подобное, когда говорит, например, что “очень старая система ценностей немецкого романтизма массово представлена в консервативном мышлении, преобладающем в советской и постсоветской России”, или когда он загадочно упоминает об “идеологических предпосылках дискурса о языке в восточной Европе”. Такое “консервативное”, “советское или постсоветское” и явно устаревшее мышление (“дискурс о языке”), с темными идеологическими предпосылками, противопоставлено в статье Серио настоящему современному мышлению явно авторитетных для него французских теоретиков, таких как Лакан (Lacan), Бурдьё (Bourdieu), Пешо (Pêcheux) [Вежбицкая 2008: 177].

Если все-таки отвлечься от тона полемики, то нетрудно заметить, что А. Вежбицкая отстаивает представление о том, что русский язык отражает специфическую «картину мира» и русскую культуру. В связи с этим А. Вежбицкая еще раз напоминает, что она в свое время предложила считать слова *душа*, *тоска*, *судьба* «ключевыми» для русской культуры [Wierzbicka 1990; Вежбицка 1996] и отмечает, что, несмотря на критику со стороны П. Серио, остается при своем мнении. Далее приводятся дополнительные аргументы.

*Имеет ли смысл говорить, что слова, подобные этим, “навязывают” некую картину мира носителям русского языка? Лично я бы сказала не “навязывают”, а “подсказывают”. Тщательные, серьезные исследования, такие как работа американского антрополога Дэйл Песмэн [Pesmen 2000], показывают, что, например, слово **душа** играет очень большую роль в речи всех, с кем она разговаривала в России в 1990—1994 годах. Как я пыталась показать в недавней работе, напечатанной в антропологическом журнале “Этос”, модель человека, связанная со словом **душа**, глубоко отличается от модели, связанной с английским понятием **mind**. Нет сомнения, что слово **mind** играет огромную роль в представлении о мире многих людей, для которых английский язык является родным. Особенно примечателен тот факт, что это слово играет большую роль в связанных с английским языком философии, психологии и лингвистике и что многие ученые, жизнь которых протекает в сфере английского языка, не могут поверить, что **mind** — это не универсальное человеческое понятие, а конструктор одной культуры.*

Можно ли сказать, что англосаксонская культура “навязывает” это понятие и связанную с ним модель всем говорящим по-английски? По моему мнению, все-таки нет: ес-

ли очень стараться, можно говорить по-английски и не употребляя слово *mind*. Можно — но в действительности дело обстоит иначе: это слово употребляют очень широко и в разговорной речи, и даже в науке — психологии, философии и т. д., — не задумываясь говорят о человеке именно в терминах модели “*mind and body*”, “*mind и тело*”. В русском языке, как известно, существует широко употребляемое словосочетание **душа и тело** и нет сочетания **ум и тело**, в английском же языке существует ***mind and body***, но почти нет ***soul and body*** [Вежбицкая 2008: 179—181].

Едва ли есть смысл детально пересказывать дальнейшее содержание рассматриваемой статьи и давать оценку стилю полемики: все желающие могут обратиться к ее тексту, который опубликован на русском языке в изданном большим тиражом научном сборнике. Совершенно иначе до настоящего времени дело обстоит с текстом, отражающим позицию Патрика Серио: его статья была опубликована только на французском языке, к тому же в издании, доступном далеко не всем российским языковедам. Именно поэтому мы предлагаем вниманию читателей «Политической лингвистики» перевод указанной статьи на русский язык.

Представляется, что дискуссия по рассматриваемым проблемам будут продолжаться. Далеко не все специалисты согласны со следующим мнением Анны Вежбицкой: «В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [Вежбицкая 2008: 186]. Аргументируя это положение, автор ссылается на мысли В. Гумбольдта, получившие позднее «свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира-Уорфа», а также на публикации Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, В. З. Санникова, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелева, Е. С. Яковлевой и других современных российских специалистов. Весьма показательны и одно из заключительных положений, высказанных Анной Вежбицкой.

И все-таки, атаки вроде статьи Серио бесполезны: они должны напоминать исследователям “лингвистической картины мира” о том, как важны в этой области явные и хорошо обоснованные методологические принципы, поиски разного рода лингвистических доводов, изучение частотности слов и вообще работа с корпусом, детальное исследование фразеологии, коллокаций, изучение опыта двуязычных и “двукультурных” людей, особенно “языковых мигрантов”, и так далее. Прежде всего они должны помнить, как необходима для их исследований хорошо разработанная семантическая теория [Вежбицкая 2008: 187].

Отметим также, что Анна Вежбицкая в своей ответной статье по существу проигнорировала основной вопрос Патрика Серио: как и почему в ее концепции сочетаются «абсолютный универсализм» (то есть теория семантических примитивов) и крайний релятивизм (неогумбольдтианство, то есть признание того, что язык влияет на национальную ментальность и картину мира). Вместо прямого ответа Анна Вежбицкая упрекает Патрика Серио в искажении ее взглядов на семантические примитивы.

Я должна сказать, что мне очень трудно узнать свои собственные взгляды в изложении Серио. Тот факт, что моя фамилия искажена в его статье одиннадцать (!) раз, весьма показателен: мои взгляды в его представлении искажены не менее часто. Приведу лишь несколько примеров таких искажений.

Итак, Серио говорит, что количество единиц в наборе “семантических примитивов”, постулируемых в моих работах, “колеблется” (“oscille”) между пятнадцатью и шестьюдесятью. На самом деле этот набор никогда не “колебался”, а всегда возрастал согласно результатам эмпирических исследований (ср. [Goddard, Wierzbicka (eds) 1994; 2002]).

*Серио утверждает, что понятия “контроля” (*contrôle*) и “господства” (*maîtrise*), которые я якобы постоянно (“constamment”) употребляю и которые якобы являются опорой моей теории, сами никогда не подвергались толкованию. На самом деле эти термины никогда не появляются в моих толкованиях, и никакие утверждения на них не опираются.*

Серио утверждает, что “одна из основных идей А. Вежбицкой — что любой форме соответствует какой-то смысл”. Это неверно (ср. [Goddard, Wierzbicka (eds). 2002]). Идея (которую Серио приписывает мне), что если у кого-нибудь нет в его языке слов (форм), чтобы что-то сказать, он не может этого думать, тоже фантастична. Наоборот, я всегда утверждала, что каким-то образом и сказать и думать можно все, на любом языке, потому что все языки разделяют один и тот же набор семантических примитивов.

Надеемся, что публикация в нашем журнале перевода статьи Патрика Серио поможет читателям лучше понять сущность его концепции, которая, как и теория А. Вежбицкой, имеет немало сторонников в самых различных научных сообществах. Представляется, что внимание специалистов еще долго будет притягивать обсуждение проблем реальности взаимодействия языка с мышлением и культурой соответствующего народа.

Не менее интересен и еще один круг вопросов, поставленных П. Серио. В какой мере традиционные черты русского характера и русской культуры проявляются в поведении «новых русских», отдыхающих в Куршевеле? Насколько для них значимы выделенные А. Вежбицкой

«ключевые» концепты русской культуры — *душа, тоска, судьба*? И в какой мере они надеются на «русское авось» как еще один ключевой концепт нашей культуры? Было бы интересно также сравнить коммуникативные характеристики «новых русских» и «старых русских», которые по разным причинам приезжали во Францию из Российской империи или Советского Союза.

Полемика между П. Серио и А. Вежбицкой по существу продолжает давние дискуссии о том, в какой мере национальный язык влияет на мышление и определяет особенности личностной картины мира. По мнению Э. В. Будаева, при анализе публикаций по политической метафорологии «выделяются две противоборствующие парадигмы: лингвокультурологическая парадигма и парадигма универсализма. Противопоставление названных парадигм основывается не столько на методах анализа, сколько на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления. Лингвокультурологическая парадигма призвана продемонстрировать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других — типична для определенного цивилизационного пространства, а в третьих — имеет общечеловеческий характер. Парадигма универсализма, опирающаяся на теорию воплощенного разума, теорию первичных метафор и нейронную теорию метафор, ставит целью не разграничение общего и специфического, а поиск универсальных оснований политической метафорики в сочетании с нивелированием межкультурных различий» [Будаев 2010а: 22; Будаев 2010б: 12]. Разумеется, противоречия между парадигмой универсализма и лингвокультурологической парадигмой обнаруживается не только в политической метафорологии.

Заканчивая обзор дискуссии, считаем необходимым отметить, что мы (А. Чудинов и Е. Аникин) не считаем для себя возможным в полной мере принять точку зрения как П. Серио, так и А. Вежбицкой. Рациональное ядро содержится и в концепциях универсалистов, и в концепциях специалистов, которые акцентируют национальные особенности языковой картины мира. Первые напоминают о том, что люди — везде люди и каждый развитый язык создает возможности для оптимального выражения той или иной мысли. В соответствии со второй точкой зрения, национальный язык в значительной степени воздействует на мышление и, опираясь на анализ языка, можно выявить существенные особенности мышления людей, для которых этот язык является родным. Скорее всего, истина находится посередине, а учет аргументов, использованных в процессе рассматриваемой полемики, будет способствовать формированию взвешенной и объективной точки зрения на рассматриваемые проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010а. № 1 (31). С. 9—23.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Екатеринбург, 2010б.

Вежбицкая А. Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серио утверждает, что нет) // Динамические модели. Слово, предложение, текст: сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. — М.: Языки славянских культур, 2008. С.177—189.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М., 2001.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.

Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4).

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М., 2005.

Серио П. Деревянный язык, чужой язык и свой язык // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).

Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиск настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под общ. ред. П. Серио. — М., 1999.

Серио П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. — М., 1995.

Серио П., Степанов Ю. С., Руденко Д. И. [и др.]. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. — Харьков, 1993. Т. 1.

Серио П. От любви к языку до смерти языка // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М., 2002.

Sériot P. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. Ns 57. 2005.

Wierzbicka A. The Case for Surface Case. — Ann Arbor: Karoma, 1980.

Wierzbicka A. *Duša, toska, sud'ba*: Three key concepts in Russian language and Russian culture // Z. Saloni (ed.). Metody formalne w opisie jezykow slowianskich [Formal methods in the description of Slavic languages]. — Bialystok: Bialystok Univ. Press, 1990.

Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. — N. Y.; Oxford Univ. Press, 1992.

М. Жаковска
Лодзь, Польша

M. Żakowska
Łódź, Poland

МЕДВЕДЬ НА ОХОТЕ, ОХОТА НА МЕДВЕДЯ:

Россия в немецкой карикатуре XIX и XX вв.

Аннотация. Рассмотрена проблема эволюции семиотического значения понятия «русский медведь» в немецкой карикатуре и политическом дискурсе в XIX и XX вв.

Ключевые слова: «русский медведь»; семиотика; немецкая карикатура; политический дискурс; XIX и XX вв.

THE HUNTING BEAR, THE BEAR HUNTING:

Russia in German caricature of 19-th and 20-th centuries

Abstract. The article describes the evolution of semiotic meaning of the idea of “Russian Bear” in German caricatures and political discourse in 19th and 20th centuries.

Key words: “Russian Bear”; semiotics; German caricature; political discourse; 19th and 20th centuries.

Сведения об авторе: Жаковска Магдалена, кандидат исторических наук, доцент.

Место работы: Факультет международных и политических дел, Лодзинский университет.

Контактная информация: Katedra Europy Środkowej i Wschodniej, Wydział Studiów Międzynarodowych i Politologicznych UE, ul. Narutowicza 59a, 90-131 Łódź.
e-mail: magdazakowska@uni.lodz.pl.

About the author: Żakowska Magdalena, PhD, Assistant Professor.

Place of employment: Faculty of International and Political Studies, University of Lodz.

По крайней мере со времен Петра I немцы стали носителями культуры России. С наполеоновской эпохи вплоть до Первой мировой войны у Пруссии была общая граница с Россией, более того: до этого времени между немецкими государствами и Россией царил мир. Однако поражение России в крымской войне (1853—1856), объединение Германии (1870) и, наконец, договоры России с Францией (1893) и с Англией (1907) обостряли отношения между двумя империями. Общественные волнения и недовольство царизмом после неудачи реформ Александра II вызвали у немцев чувство беспокойства перед непредсказуемой Россией. Немецкие консерваторы предупреждали об опасности, которую несли с собой русские революционеры. Социал-демократы и либералы сочувствовали подданым царя, напоминая «рабов». В немецком националистическом дискурсе русским было отказано в праве на равенство с народами Западной Европы. Царская империя стала предметом немецких планов *Drang nach Osten* [ср. *Unsere Russen*: 14—45].

С этого времени популярным становится сравнение отношений между немцами и Россией со связью Красавицы и Чудовища, продиктованное представлениями о столкновении Европы с Азией. Для немцев XIX в. Россия выступала «миром наоборот», источником опасности, которую несет с собой империализм, деспотизм, азиатчина, покрытые флером европейской культуры. Особенно часто «русский медведь» ассоциировался с «варваром у ворот». Это понятие появилось в немецкой политической риторике уже в конце XVII в. Например, Готфрид Лейбниц называл русских «крещеными медведями». В середине XIX в. русские медведи «прижились» также в немецкой карикатуре (о развитии немецкой карикатуры с середины XIX в. см. [Hiller: 76—81]). В карикатурах образ медведя используется до сих пор и стал

самым популярным, если не единственным, символом России. Однако является ли сегодняшний «русский медведь» тем же самым, что и персонаж карикатур XIX или начала XX вв.?

В КОНЦЕРТЕ ДЕРЖАВ. В XIX в. «русский медведь» не всегда ассоциировался с Чужим. Олицетворение России в облике нордического «царя зверей» вовсе не было самым обидным оскорблением и не подразумевало, что она является Чудовищем. Русского Голиафа немецкие карикатуристы изображали с уважением, как равноценного соперника, состоящего в успехах с державами Европы. Карикатуры с медведем чаще всего выступали комментарием к дипломатическим и военным действиям России. На рисунке 1863 г. (рис. 1) медведь предстает одним из «игроков» на политической карте Европы, наряду с Великобританией — львом, Италией — единорогом, Испанией — быком, Пруссией и Австрией — двумя орлами, и с расположенным в центре карикатуры символизирующим Францию петухом. Отрицательные чувства по отношению к России выражены здесь довольно мягко. Медведь присел на корточки в правом нижнем углу картины, прикрываясь сжимаемым в лапе кнутом. Покусанный турецкими пчелами в Крымской войне медведь (карикатура 1855 г. — см. рис. 2) вызывает у читателей не только злорадство (*Schadenfreude*), но и сочувствие.

ЧУДОВИЩЕ. Была, однако, и обратная сторона медали. Царская империя ассоциировалась у немцев с косностью, темнотой и дикостью, и свои взгляды они открыто выражали в карикатурах. Медведь идеально подходил для этих целей, и поэтому стал героем очень популярных в свое время работ, образующих цикл «Красавица и Чудовище». Роль Красавицы чаще всего играла «фрау Европа». Наибольшее отвращение у нее вызывал «балканский зверинец» (см. рис. 3). Однако медведя она также

предпочитала видеть в зоопарке, а не в салоне (см., напр., рис. 4). После 1893 г. в роли Красавицы постоянно фигурировала также Марианна. Плача в растрепанном пеньюаре, она тщетно проклинала брак с пропивающим ее приданое косолапым зверем (рис. 5).

В то же время случалось, что карикатуристы из либеральных журналов конца XIX — на-

чала XX вв. высмеивали подобный «варварский дискурс». Примером тому может служить карикатура «В службе России», опубликованная в журнале «Simplicissimus». Рисунок изображает белого медведя, которого с миссионерским страданием чистят от вшей пруссаки, представленные в виде обезьян (рис. 6).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЗАРАЗА». В межвоенный период образ «русского медведя» приобрел в немецкой пропаганде черты символического Эльдorado. Это способствовало созданию и образа союзника, и нейтральной фигуры, и Врага. Особенно востребованной фигура медведя становится во время Первой и Второй мировых войн, меньше — в период 1922—1932 гг., когда во взаимных отношениях Германии и СССР доминировало сотрудничество, даже своеобразная дружба. Однако следует понимать, что даже поддержка «русского медведя» не снимала с него клейма Чуждости. Основным символом советского государства стал рыжий «медведишка» в буденовке с серпом и молотом или же с красной звездой на космах. Тот же медведь фигурировал как символ «коммунистической заразы» (рис. 7). Изображение советского государства в облике зверя оправдывало отношение к нему как к дикому зверю (см. рис. 8).

Подчеркивались сила, грубость и «извращенный эротизм» русских. Маркируемый как примитивный самец, «русский медведь» воплощал «темную» сторону маскулинности. Карикатуристы внушали, что он мог, по непонятным причинам, очаровать распутницу Францию (см. рис. 9, 10), однако у германской красавицы блондинки — цивилизованной Европы он вызывал лишь отвращение и презрение (см. рис. 11).

После прихода к власти Гитлера «русский медведь» был использован также в качестве антисемитского символа, который ассоциировался с отходами и смрадом. Так, карикатура 1938 г., опубликованная перед Мюнхенским соглашением, представляет Сталина медведем с большим «еврейским носиком», приветствующим президента Чехословакии Эдуарда Бенеша. Бенеш на этой карикатуре изображен в виде медвежонка, испражняющегося на шляпу британского дипломата (см. рис. 12).

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10¹

Рис. 11

Рис. 12²

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16³

Рис. 17

¹ Надпись под карикатурой: «Политический сон в летнюю ночь. Титания — Марианна: Мой слух влюбился в твой певучий голос, / Мой взор пленился образом твоим; / Мне красота твоя велит поклониться. Моток — Сталин: По-моему, сударыня, вряд ли это с Вашей стороны разумно» (пер. М. Лозинского).

² Надпись: «В Чехословакии распространился советско-русский обычай приветствования гостей».

³ Надпись: «Только прошу уважать время поста!»

«ИМПЕРИЯ ЗЛА» И ЕЕ РАСПАД. После окончания Второй мировой войны Германия и другие страны Западной Европы для определения феномена Советского Союза стали использовать термин «тоталитаризм», служивший для обозначения «теории извращенной современности и разложившейся демократии» [Малля: 16—17]. Эти воззрения ярко отразились в способе представления советского государства в общественном дискурсе в ФРГ. СССР существовал в нем почти исключительно в контексте примитивных ассоциативных рядов: русский = восточный человек = враг европейской цивилизации; Советский Союз = коммунизм = опасность для «свободного мира». На политических плакатах ФРГ в 40-е и 50-е гг. постоянно появлялся мотив опасного советского «чудовища». Наряду с ним в немецкой карикатуре времен холодной войны сохранялся мотив «русского медведя». Прежде всего он проявился в откликах карикатуристов из «свободного мира», в том числе из ФРГ, на такие события, как участие СССР в афганской войне (1979—89; см. рис. 16) и в противодействии движению «Солидарность» в Польше (см. рис. 17). В карикатурах того времени «советский медведь» воплощал не только силу и величину советского государства, но и проводимую им агрессивную внешнюю политику. Кроме того, он, как правило, олицетворял коммунистическую систему и ее идеологию.

Однако «русского медведя» немецкие карикатуристы постепенно стали изображать и с симпатией. Это произошло во время перестройки, когда немцы восхищались реформами Михаила Горбачева и воспринимали СССР государством, наиболее заинтересованным в преодолении противостояния эпохи «холодной войны». Симпатия к Горбачеву проявлялась в сочувствии его борьбе за «поддерживание жизни» Советского Союза, даже когда она была уже практически проиграна. «Die Welt» в декабре 1989 г. изобразил наступающий распад восточного блока как постепенное таяние и разламывание льдины в форме медведя, происходящее несмотря на усилия Горбачева избежать гибели «медведя» в океане перестройки (рис. 18).

Рис. 18

Созданная после распада СССР Российская Федерация довольно быстро стала важным политическим и экономическим партнером Германии. В то же время многих немцев беспокоили результаты общественно-экономических перемен в новом государстве. Сохраняется очарование далекой и неизвестной России, однако это государство до сих пор представляется амбивалентным. Положительное отношение к русскости в области культуры вступает в противоречие с критичным отношением к России-государству.

Сегодня медведь остается последним звеном из богатого в XIX и начале XX вв. немецкого «зверинца народов». В настоящее время сложно встретить британского льва или французского петуха, не говоря уж о персонажах, исключенных по соображениям политической корректности, таких как японские обезьяны, сербские вши, польские крысы. Все эти фигуры не более популярны, чем сидящая на быке Европа в качестве олицетворения Европейского союза. Современные карикатурные изображения России более мягки и ироничны по форме, однако более критичны по содержанию. Россия-медведь в международных отношениях считается чаще всего одиноким Чудовищем среди людей (см. рис. 19). Россию, обладающую мощным военным и сырьевым потенциалом, на одной из карикатур изображают в виде медведя, идущего на Европу, который опирается на газовую трубу и ассоциируется с враждебно настроенным Дедом Морозом (рис. 20).

Из немецкой сатиры давно исчез мотив злорадства по поводу поражения малых народов и государств в столкновении с русским (и любым другим) Голиафом. В ней клеймятся любые войны и военные интервенции, осуждаются агрессоры и не считается мало важным нарушение прав человека. Современная немецкая карикатура без прикрас показывает «державный дискурс», управляющий политикой великих держав. Особенно экспрессивно это выражено в карикатурах 2008 г., представляющих грузинский конфликт «с русской точки зрения» (см., напр., рис. 21, 22).

Рис. 19. Реплика: «Можно мне с ним поиграть?»

Рис. 20. Дед Мороз

Рис. 21

Рис. 22.

НАРОД В ОКОВАХ. Из немецкой карикатуры никогда не исчезала идея противопоставления русского государства русскому народу. В XIX в. этот народ представлялся, однако, опасным и варварским, как сама Россия. Такое мнение ярко отразилось в перцепции немцами революции 1905 г. Сатирики солидаризовались с «цивилизованной Европой» в осуждении анахронической авторитарной власти Николая II. Однако народ, борющийся за демократические свободы, изображался не иначе как в облике

медведя, сбежавшего из клетки (рис. 23). Такой зрительный образ мог вызвать у читателей

Рис. 23

Рис. 24

только одно желание: чтобы монстра удалось задержать в зоопарке. Мотив Чудовища, который освобождается из-за решетки, был также использован карикатуристами еженедельника «Der Spiegel» для изображения распада СССР в 1991 г. (рис. 24). Однако в ещкой карикатуре русский народ представляется с заметно большим, чем сто лет назад, сочувствием и пониманием. Более того, вырождение русской власти и «диктатуры закона» современная немецкая карикатура осуждает чаще и жестче, чем прежние немецкие сатирики — режим последних царей (см., напр., рис. 25).

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

По мнению Ивэра Нойманна, в немецком и (общеевропейском культурном дискурсе Россия рассматривается как часть Европы только в том смысле, что Россия — ученик Европы. Последние 500 лет она была государством-аномалией, отрицавшим категории европейского универсума, что вызывало у европейцев глубокую обеспокоенность [Нойманн 2004: 152—153.].

В подобном восприятии русскости мало что изменилось до сих пор. Устойчивость представлений о «русских дикарях» демонстрирует сравнение рекламы спектакля 1873 г. с участием «косолапого дикого человека и его сына из девственных лесов России» со снимком косолапого русского туриста, украшающим статью «Русские прибывают», опубликованную в журнале «Stern» в 2005 г. (см. рис. 28, 29).

Рис. 28

Рис. 29

По мнению Нойманна, специфичность России как Другого «находится не столько в про-странственном, сколько во временном измерении, поскольку эта страна воспринимается как постоянно находящаяся в состоянии перехода к следующей стадии европеизации» [Там же: 153—154]. Исторически Россия является главным «лиминарным спутником» Европы. Поэтому, утверждает Нойманн, одна из основных характеристик, которая приписывалась России, — это неопределенность. В XVI и XVII вв. Европа «выражала сомнения по поводу христианского статуса России», в XVIII в. — «по поводу успехов европеизации России», в XIX в. — «относительно ее военных намерений», в XX в. — по поводу ее великодержавного статуса, сегодня — по поводу ее желания стать членом мирового сообщества. Пока Россия воспринимается как «пограничное явление», она будет считаться «медведем» — опасностью [Там же: 154—155].

ЛИТЕРАТУРА

- Малия М. Советская трагедия: История социализма в СССР (1917—1991). — М., 2002.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. В. Литвинов, И. Пильщиков. — М., 2004.
- Hiller B. Cartoons and caricatures. — London; N. Y., 1970.
- Unsere Russen. Unsere Deutschen. Bilder vom Anderen 1800 bis 2000. — Leipzig, 2008.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Zur Beruhigung // Kladderadatsch. 1863.

- № 23—24.
- Рис. 2. Die höhere Politik oder so macht man's Allen recht // Kladderadatsch. 1855. № 46.
- Рис. 3. Aus der Balkanmenagerie oder angenehme Nachbarschaft // Kladderadatsch. 1909. № 14.
- Рис. 4. Die Rüstungen im Osten // Kladderadatsch. 1914. № 11.
- Рис. 5. Die glückliche Ehe // Kladderadatsch. 1905. № 51.
- Рис. 6. In Russlands Diensten // Simplicissimus. 1904. № 20.
- Рис. 7. Berlin 1926 // Kladderadatsch. 1926. № 23.
- Рис. 8. Der Bärenhäuter // Kladderadatsch. 1917. № 39.
- Рис. 9. Die Dompteuse von Genf // Kladderadatsch. 1934. № 24.
- Рис. 10. Politischer Sommernachtstraum // Kladderadatsch. 1937. № 7.
- Рис. 11. Abgeblitzt // Kladderadatsch. 1938. № 43.
- Рис. 12. Johnson A. Ein sauberer Gruß // Kladderadatsch. 1938. № 34.
- Рис. 16. Aber jetzt bitte die Fastenzeit respektieren! // Süddeutsche Zeitung. 1980.
- Рис. 17. Revolution im Sowjet-block // Der Spiegel. 1981. № 41.
- Рис. 18. Bohle K. // Die Welt. 1989. 27.12.
- Рис. 19. Koufogiorgos K. Kann ich auch mal damit spielen? 2008. URL: <http://es.toonpool.com/cartoons/Kann%20ich%20auch%20mal%20damit%20spielen%3F%20F%2021432>.
- Рис. 20. Schopf O. Väterchen Frost. 2007. URL: www.oliverschopf.com.
- Рис. 21. Sakurai H. Einfühlungsvermögen gefordert. 16.08.2008. URL: <http://www.sakurai-cartoons.de/>
- Рис. 22. Schönfeld K.-H. NATO — Russland. 21.08.2008. URL: http://www.cartooncommerz.de/IIMS/iims.php?op=modload&name=IIMS_Gallery&file=index&do=showpic&pid=5164&orderby=.
- Рис. 23. Das Verfassungsmanifest // Kladderadatsch. 1905. № 44.
- Рис. 24. Ein Weltreich zerbricht // Der Spiegel. 1991. № 36.
- Рис. 25. Schwalme R. Väterchen Putin und der russischer Bär. 2003. URL: http://www.cartooncommerz.de/IIMS/iims.php?op=modload&name=IIMS_Gallery&file=index&do=showpic&pid=284&orderby=.
- Рис. 26. Die neugeborene Verfassung // Simplicissimus. 1906. № 9.
- Рис. 27. Schwalme R. Russland. 2001. URL: <http://www.schwalme.de/schwalme/index.php5>.
- Рис. 28. Adrjan Jefichjew, der haarige Waldmensch und sein Sohn, aus den Urwäldern Russlands. — Berlin, 1873. // Unsere Russen... — Leipzig, 2008. S. 25.
- Рис. 29. Die Russen kommen // Stern. 2005. № 33.

Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова и проф. Анжей де Лазари

О. А. Леонтович
Волгоград, Россия

O. A. Leontovich
Volgograd, Russia

“FROM RUSSIA WITH LOVE”:

**КУЛЬТУРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Аннотация. Предлагается комплексная методика исследования культурных значений и смыслов в контексте политического дискурса. Алгоритм пошагового анализа продемонстрирован на разборе прецедентной фразы “From Russia with Love” и учитывает следующие факторы: 1) формирование «микросмыслов» на основе культурно-специфических значений; 2) их комбинирование, в результате чего образуются сложные культурные смыслы; 3) логика смыслообразования, обуславливающая «макросмысл» коммуникации.

Ключевые слова: культурные значения и смыслы; коммуникация; социальный конструкционизм; интерпретация; логика смыслообразования.

Сведения об авторе: Леонтович Ольга Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода.

Место работы: Волгоградский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 400131, Волгоград, пр. Ленина, 27, каб. 4-40а.
e-mail: olgaleo@list.ru.

“FROM RUSSIA WITH LOVE”:

**CULTURALLY SPECIFIC MEANINGS
IN POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. The article introduces a complex methodology of analysis of culturally specific meanings in political discourse. The algorithm of analysis is demonstrated on the example of the phrase “From Russia with Love” and is based on the following dimensions: 1) the formation of culturally specific “micromeanings”; 2) their combination into complex meanings; 3) logic of meaning formation, which accounts for the “macromeaning” of political communication as a whole.

Key words: culturally specific meanings; communication; social constructionism; interpretation; logic of meaning formation.

About the author: Leontovich Olga Arkadyevna, Doctor of Philology, Professor and Chair of the Department of Intercultural Communication and Translation.

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

Культурные значения представляют собой закрепленное за языковыми единицами содержание, маркированное с точки зрения его национальной или этнической принадлежности, и выступают как основа для формирования культурных смыслов в процессе коммуникации.

В основе предлагаемого подхода к анализу культурных значений и смыслов лежат следующие базовые положения:

1) коммуникация — это не инструмент, а форма человеческого существования, универсальный социальный процесс, составляющий сущность человеческой жизни;

2) суть коммуникации заключается не в обмене сообщениями, а в совместном творении смыслов ее участниками;

3) все коммуникативные процессы культурно обусловлены;

4) культурные смыслы допускают возможность множественных интерпретаций.

Язык выступает как инструмент для организации смыслов, продуцируемых в результате мыслительной, эмоциональной и мирозерцательной деятельности человека, и как средство передачи этих смыслов от одного коммуниканта к другому. Динамичность культурно маркированных смыслов, неопределенность и размытость их границ, с одной стороны, создают неисчерпаемые возможности для их разворачивания в контексте, а с другой — затрудняют их восприятие и интерпретацию. Формируясь как результат действия множественных факторов, они не являются простой суммой культурно-

специфических значений, реализуемых в дискурсе, так как их совокупность порождает новое качество. Соответственно, способы их анализа предполагают учет сложного переплетения различных переменных, участвующих в процессе коммуникации.

Сегодня одним из наиболее продуктивных подходов к исследованию коммуникации, в том числе политической, является ее рассмотрение с позиций социального конструкционизма — научного направления, которое сформировалось в последние десятилетия и получило широкое развитие в разных научных дисциплинах. Центральное положение социального конструкционизма состоит в том, что социальная реальность создается самими людьми в ходе коммуникации как непрерывного переговорного процесса. Не становясь полностью на позиции социального конструкционизма (в его крайних, постструктуралистских проявлениях), мы принимаем ряд его положений, в частности следующие:

1) социальный мир в значительной степени есть продукт человеческого творчества и интерпретации;

2) он создается в результате интеракции между людьми;

3) интерпретация зиждется на параметрах, категориях и концептах, которые вырабатываются в процессе социальных переговоров и обуславливают миропонимание;

4) то, как человеческое сознание конструирует мир, оказывает влияние на человеческую дея-

тельность (по важности это положение бесспорно должно занимать первое место).

Политический дискурс воплощается в корпусе текстов, объединенных интертекстуальными взаимосвязями. Предлагаемая комплексная методика анализа включает элементы дискурс-анализа, контекстуального, интерпретативного, сопоставительного анализа и интроспекции. Цель данной методики состоит в следующем: показать, что формирование культурных смыслов — это результат взаимодействия многочисленных факторов, которые условно можно охарактеризовать по нескольким параметрам:

- 1) формирование «микросмыслов» на основе культурно-специфических значений;
- 2) их комбинирование, в результате чего образуются сложные культурные смыслы;
- 3) логика смыслообразования, обуславливающая «макросмысл» коммуникации.

Приведенный ниже алгоритм пошагового анализа позволяет описывать разворачивание в тексте смыслов, в частности культурно-специфических, интерпретировать их, проследить их взаимосвязи и закономерности реализации в контексте. Продемонстрируем предложенную методику на материале прецедентной фразы *From Russia with Love* и ее эволюции в различных культурных контекстах.

Шаг 1. Идентификация эксплицитных культурных значений. В качестве культурных маркеров этих значений могут выступать топонимы, антропонимы, названия политических реалий, общественных организаций, государственных структур, цитаты, входящие в фонд прецедентных текстов, и т. д. В нашем случае в качестве основного культурного маркера выступает топоним *Russia*.

Шаг 2. Выявление выводной имплицитной информации, которая находится за рамками языковых значений.

А. Прежде всего, мы имеем дело с *прецедентностью*, которая определяется целой цепочкой интертекстуальных связей.

From Russia with Love

1) во-первых, это одноименный роман Яна Флеминга 1957 г. о Джеймсе Бонде и русской красавице-шпионке, триллер времен «холодной войны»;

2) во-вторых, это знаменитая экранизация романа Флеминга, увидевшая свет в 1963 г., с Шоном Коннери (Sean Connery) в главной роли. После того, как президент Джон Кеннеди назвал роман *From Russia with Love* в числе десяти своих любимых книг, по ней был поставлен фильм. Кеннеди посмотрел его 20 ноября 1963 г. перед отъездом в Даллас, где 22 ноября был убит;

3) третьим рождением фразы стал 2005 г., когда вышла основанная на фильме компьютерная видеоигра *From Russia with Love*, сразу же после выхода в США ставшая бестселлером.

Таким образом, ассоциативные связи коммуникантов, воспринимающих фразу *From Russia with Love*, предопределены тем, к какому поколению они принадлежат и какой из прецедентных текстов доминирует в их восприятии.

В. Следующий фактор, влияющий на формирование имплицитной информации, — *контексты*, в которых данная фраза реализуется: мы можем вести речь о временном, локальном, культурном контекстах и превалирующей в соответствующем тексте тематике.

Проведение контент-анализа взятых из Интернета контекстов, в которых используется интересующая нас фраза, позволило получить следующие данные: всего было обнаружено 259 006 293 ссылки; из них 8 701 164 относились к фильму о Джеймсе Бонде; 589 005 были связаны с видеоиграми; остальные ссылки относились к следующим темам: политика (наибольшее количество ссылок, например, относящихся к визиту Обамы в Россию), а также искусство, балет, музыка, выставки, религия, история, юриспруденция, садоводство, экономическое сотрудничество, благотворительность, усыновление российских детей, знакомства на соответствующих сайтах.

Шаг 3. Рассмотрение способов языкового выражения, в частности, многочисленные модификации языковой формы анализируемой фразы:

From Russia with Love!
From Russia with Love?
From Russia with...
To Russia with love / 2 Russia with Love
From Russia about Love
From Russia, for Love
From Russia Maybe with Love
From White Russia with Love
Some Russia to Love
Hu's Trip to Russia: Without Love, but ...

(о визите китайского президента Ху Цзиньтао в Россию) и т. д.

Некоторые формулировки модифицированных фраз достаточно прозрачны для того, чтобы читатель мог с самого начала догадаться, о чем пойдет речь, например:

From Russia with News (новостной сайт о России);
To Russia, with Cash (инвестиции);
From Russia with Guns (продажа оружия);
From Russia, with Fuel (закупка нефти у России).

Другие формулировки более расплывчаты и вызывают вопросы:

From Russia Without Love; To Russia, With Hate или *From Russia with Hate!!!* (неясно, кто ненавидит Россию и почему); *From Russia with Wisdom* (кого и какой именно мудростью одарила Россия?) и т. д. Для ответов на эти вопросы требуется дальнейший анализ, требующий углубления в текст и рассмотрения присутствующей в исходной фразе имплицитной информации.

Шаг 4. Исследование макросмысла коммуникативной ситуации по ряду параметров.

А. Макроконтэкст интеракции. В качестве макроконтекста выступает политическая ситуация в мире и связанные с нею фоновые знания, пресуппозиции и инференции, которые не выражены в тексте эксплицитно, но самым непосредственным образом влияют на формирование соответствующих смыслов. При этом следует принимать во внимание эволюцию семантики и связанных с ней культурных ассоциаций во времени: от момента зарождения фразы *From Russia with Love* на пике холодной войны к потеплению, а затем к новому витку холодной войны. Соответственно, варьируется закрепленная за ней коннотация и оценочность.

В. Адресант/адресат и их коммуникативное поведение. Семантика фразы в значительной степени зависит от того, в чьих устах она используется и кому адресована (будут ли это анти- или пророссийски настроенные коммуниканты), от используемых коммуникативных стратегий и тактик, от выбранной тональности общения и т. д.

С. Сфера общения может оказывать решающее влияние на судьбу фразы и заключенные в ней смыслы, в том числе культурно маркированные, например:

- политические проблемы, как межгосударственные (*To Russia, With Hate*), так и внутригосударственные (*From Russia, with Hate* — о скинхедах в Москве);
- экономическое сотрудничество (*From Russia With Love: Gazprom Gas Headed to California*);
- кулинария (*From Russia with Love* — рецепт блинов с икрой и водкой);
- сайт знакомств: *From Russia Maybe with Love*.

Д. Локус и время осуществления коммуникации также влияют на семантику фразы и особенности ее реализации. Так, например, модифицированный вариант *From Russia with... a Bill*, осмысленный в контексте российско-индийских экономических отношений, указывает на доброжелательный настрой и стремление к взаимовыгодному сотрудничеству между двумя государствами.

Можно также вести речь об абсолютном и относительном времени коммуникации: до или после международного конфликта? До или после скандалов с приемными американскими родителями российских детей? В качестве примера можно привести смысловую динамику исследуемой фразы в заголовках статей по мере развития российско-грузинского конфликта: *From Russia with Loathing*; ср. *From Russia with Wisdom* (отметим при этом, что обе статьи написаны в разное время одной и той же журналисткой — Патрис Эйми, Patrice Ayme).

Е. Картирование мира — концептуализация и категоризация действительности в зависимости от политической принадлежности и взглядов коммуникантов (определение свобо-

ды, демократии, позиционирование участников дискурса как своих/чужих и т. д.). Приведем пример из опубликованной в Интернете политической дискуссии, касающейся роли США в современном мире. Автор постинга, озаглавленного *From Russia Without Love*, Рон Эварт (Ron Ewart), настроенный крайне реакционно, пишет следующее: *“with all our generosity and aid, most of the world will continue to hate and envy us. They are jealous of our wealth and our standard of living. They do not understand that the reason we are powerful and wealthy and that we live so well, is because we are free, at least for now”* (выделено мной. — О. Л.). Обращает на себя внимание крайне агрессивный тон и откровенное противопоставление «своих» (американцев) «чужим» (всем остальным), что определяет устройство мира, сконструированное в сознании автора. Заголовок недвусмысленно указывает на то, что олицетворением «чужих», источником зла он считает Россию.

Ф. Логика смыслополагания. В своей весьма интересной книге «Логика смысла» арабист А. В. Смирнов утверждает, что помимо простой суммы культурных знаний, следует учитывать «процедуру смыслополагания», «конфигурацию смыслов», своего рода «прибавку» к смыслу частей, которая «не при-кладывается к основной части (отдельные смыслы отдельных слов), а трансформирует их» [Смирнов 2001: 138—139]. Если согласиться с автором в том, что у разных культур различается логика формирования смыслов, то следует признать, что помимо определенного объема культурно-специфической информации об исследуемой традиции или культуре, необходимой для понимания какого-либо содержания, требуется понимание логико-смысловой процедуры, формирующей это содержание [Там же: 46, 92].

В связи с этим выглядят весьма убедительными аргументы социального конструкционизма, сводящиеся к тому, что отдельные картинки, возникающие в сознании разных коммуникантов при восприятии действительности, могут быть сходными, однако проблемы, ведущие к непониманию, возникают тогда, когда из этих элементов, как мозаику, надо выстроить общую картину мира: именно на этом этапе возникают наиболее ощутимые различия. Построение целого из разрозненных элементов требует использования логики их сопряжения в единое целое, и именно здесь находятся истоки разногласий и конфликтов. В сфере политического дискурса общая картина во многом формируется на основе политических взглядов и личных пристрастий коммуникантов.

Так, в уже упомянутом выше тексте Рона Эварта *From Russia Without Love* содержатся следующие рассуждения:

We believe, no, we are convinced that America is an exceptional country and the American people are more creative, resilient, self-reliant, responsible and generous than other people in other nations,

not because we are better than anyone else, but because for 233 years we have been essentially a free people in a free nation. The sacrifice of millions of American men and women freed Europe (and Russia) from the aggressions of an insane Hitler and a country (Germany) who stood by and did nothing while Hitler tried to conquer the world and murder an entire race of people because he didn't like them, or he thought that they were inferior.

Russia is a "sick" country and it will continue to be a "sick" country until the people of Russia decide that freedom is the natural order...

К сожалению, объем статьи не позволяет привести текст целиком, но отметим, что логика автора выстраивается в нем буквально следующим образом: Америка — исключительная страна; американцы — более творческие, самодостаточные, ответственные и щедрые люди, чем кто-либо еще в мире, — идут по пути демократии. Другие страны, даже свободные в прошлом, такие как Великобритания, Австралия, Канада и др., выбрали путь социализма и пожинают плоды этого выбора: мещанство, лень, утечку мозгов, — и безумно завидуют американцам. Именно Америка выиграла для Европы (включая Россию) Вторую мировую войну, а сейчас помогает Гаити и другим жертвам цунами и землетрясений. Русские не помогают Гаити и не приглашают к себе беженцев из этой многострадальной страны, следовательно, Россия — больное государство и будет больно до тех пор, пока не пойдет по американскому пути.

Завершая анализ, подчеркнем, что нами продемонстрирована лишь часть факторов, влияющих на порядок формирования культурных смыслов в политическом дискурсе. Многие другие, такие как национальный менталитет, психологическая идентичность коммуникантов, их индивидуальные особенности, сформированные в недрах конкретной лингвокультуры, остались нерассмотренными. Однако предлагаемый алгоритм анализа в определенной степени позволяет проследить сложные процессы извлечения из текста культурных смыслов и их интерпретации.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Культурные смыслы формируются как результат действия множественных факторов, участвующих в коммуникации. При этом неправомерно говорить о простой сумме значений, переплавляющихся в смыслы в процессе коммуникации, так как их совокупность дает новое качество. Соединяясь воедино, они образуют качественно новое целое, которое обладает собственными признаками, отличными от каждого из компонентов, взятых в отдельности.

2. Значение внеконтекстно, не интерактивно и статично; смысл, в свою очередь, контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен. Таким образом, следует вести речь не о простой «передаче» смыслов от отправителя к получателю, а о том, что каждый из коммуникантов делает свой вклад в их формирование.

3. Говоря о продуцировании смыслов, важно учитывать не только их компоненты, но и то, каким образом они соединяются воедино; то есть в процессе интерпретации смыслов необходимо принимать во внимание межкультурные различия в смыслополагании.

Области применения предлагаемой методики анализа культурных значений и смыслов многообразны. Она может использоваться для выявления различий в формировании и восприятии картины мира и объяснения причин коммуникативных сбоев в политической коммуникации; для интерпретации и толкования политических текстов; для выявления особенностей использования и восприятия политической риторики в журналистике и политологии; при составлении политических материалов для размещения их на интернет-сайтах, адресованных разным по этническому и социальному составу аудиториям в средствах массовой информации; а также для других практических и исследовательских целей.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов А. В. Логика смысла. — М.: Языки славянской культуры, 2001.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и проф. Е. В. Шустрова

А. П. Седых
Белгород, Россия

A. P. Sedykh
Belgorod, Russia

**СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
ЖАКА ШИРАКА**

**SPECIFICITY OF THE IMPACT
OF JACQUES CHIRAC'S SPEECH**

Аннотация. Исследуется языковая личность политика на материале высказываний французского президента Жака Ширака. Дискурс политика изучается на основе интерпретационного анализа лексического корпуса, фразеологии, неологизмов, вторичных антропонимов. Демонстрируется, как языковые данные вербализуют типичные для данной личности стратегии и тактики речевого воздействия.

Abstract. The paper deals with linguistic identity of politician on the materials of statements of French President Jacques Chirac. Political discourse is studied through interpretive analysis of vocabulary, neologisms, and anthroponyms. Linguistic information verbalizes typical strategies and tactics of verbal action of this personality.

Ключевые слова: языковая личность; институциональный дискурс; стратегия и тактика речевого воздействия; коммуникативное поведение.

Key words: linguistic identity; institutional discourse; the strategy and tactics of speech influence; communicative behavior.

Сведения об авторе: Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, доцент, факультет РГФ.

About the author: Sedykh Arkadiy Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the French Language, Associate Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Белгородский государственный университет (БелГУ).

Place of employment: Belgorod State University (BSU).

Контактная информация: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, к. 5-13.
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

Исследования индивидуальных речевых особенностей политических лидеров — активно развивающееся направление лингвистики [Будаев, Чудинов 2009; Нахимова 2010; Садуов 2010; Шустрова 2010 и др.]. Это вполне закономерно: при всем разнообразии проблем современного общества многих людей волнует речь представителей политической элиты. От речевого поведения политической элиты во многом зависит ее успех или провал на выборах, а следовательно, и судьба страны. Именно поэтому во всех странах, начиная со школы и заканчивая работой специалистов-имиджмейкеров, огромное внимание уделяется именно речи и, шире, речевому поведению человека, претендующего на власть.

Языковая личность президентов, в частности французских, проявляется на всех уровнях их коммуникативного поведения: вербальном и невербальном. Дискурсивный имидж французского политика обусловлен типологическими признаками стилистических, жанровых, прагматических предпочтений, а также выбором формата стратегий и тактических шагов.

Жак Ширак — один из лидеров французской политической и языковой культуры. Его дискурс отличается широким арсеналом коммуникативных средств воздействия на слушающих. Цельный характер его языковой личности базируется на своеобразных стратегических установках, тактических ходах и употреблении ряда языковых средств, свойственных только этому президенту Франции.

Жак Рене Ширак родился 29 ноября 1932 г. в Париже в семье банковского служащего. Впо-

следствии его отец, Франсуа Ширак, возглавил авиастроительную компанию. Будущий президент учился в лицеях Карно и Луи-ле-Гран в Париже, парижском Институте политических наук, где в 1954 г. получил диплом политолога. Спустя два года Ширак был призван в армию и отправился служить в Алжир, где Франция тогда вела колониальную войну. На фронте Ширак был ранен. В 1957 г. он вернулся домой и поступил в Национальную школу управления (École Nationale d'Administration, ENA) — место подготовки руководящих кадров верхнего эшелона. По окончании учебы в 1959-м г. он становится аудитором в Государственной аудиторской палате. В апреле 1962 г. Ширак поступает на службу в аппарат правительства Жоржа Помпиду, премьер-министра при президенте Шарле де Голле. С этого назначения начинается его политическая карьера [см. Биография Жака Ширака]. Убежденный голлист, мэтр Парижа, дважды президент Французской республики Жак Ширак никогда не менял своих убеждений, всегда выступал за сильную центральную власть, был последовательным противником любого вида экспансии и считал, что любой закон должен иметь четкую социальную направленность [Там же].

С целью выявления речевого портрета Жака Ширака рассмотрим дискурсивные характеристики его текстов, в частности их **темпоральную направленность**. Все высказывания президента, используемые в статье, выложены на официальном сайте Французской республики [http://www.elysee.fr].

L'Europe est essentielle pour notre avenir. Avec tous nos partenaires, nous avons trouvé un

bon accord sur le budget européen mais il faut à l'Europe des institutions plus démocratiques, plus stables, plus efficaces. On ne peut pas attendre. C'est pourquoi, je prendrai rapidement des initiatives pour relancer la construction de l'Europe politique, de l'Europe sociale, de l'Europe des projets (Европа имеет важное значение для нашего будущего. Со всеми нашими партнерами мы пришли к согласию по поводу европейского бюджета, но Европа нуждается в более демократичных, более стабильных, более эффективных структурах. Мы не можем ждать. Поэтому я буду предпринимать оперативные шаги, направленные на возобновление политического строительства Европы, справедливой Европы, Европы, смотрящей в будущее.) [Palais de l'Elysée, Paris, Samedi 31 décembre 2005].

Mais notre ambition doit aller bien au-delà. <...> Pour cela, il va falloir innover. Faire des choix. Inventer de nouveaux équilibres. Nos entreprises ont absolument besoin de plus de souplesse. Cela ne doit pas se traduire par plus de précarité pour les salariés, mais au contraire par des sécurités nouvelles. Il faut poursuivre la modernisation du code du travail et mettre en place une véritable sécurité sociale professionnelle (Но мы стремимся пойти еще дальше. <...> Для этого следует действовать по-новому. Делать выбор. Создавать новые сбалансированные структуры. Нашим предприятиям абсолютно необходимо большая гибкость. Это не должно привести к неустойчивости финансового положения работающих, но, скорее, к созданию стабильности нового типа. Следует продолжить модернизацию Трудового кодекса и создание функционирующего социального обеспечения в сфере профессиональной занятости.) [Palais d'Iéna, Paris, le mardi 10 octobre 2006].

Ce dialogue permettra d'appréhender l'ensemble des enjeux sociaux. <...> Ce travail en commun permettra aussi de dépasser les situations, que nous avons trop souvent connues, dans lesquelles État et partenaires sociaux se renvoient la balle au risque de prendre de mauvaises décisions (Этот диалог позволит обеспечить преемственность усилий по социальным вопросам. <...> Эта совместная работа позволит избежать ситуаций, когда государство и социальные партнеры перекладывают ответственность друг на друга, рискуя принять неэффективные решения.) [Palais d'Iéna, Paris, le mardi 10 octobre 2006].

Pour cela, nous aurons besoin d'une forte volonté collective. C'est pourquoi j'ai appelé les Français à faire le choix d'une écologie humaniste. Ce choix devra être inscrit au premier rang de nos priorités par une Charte adossée à la Constitution pour prendre place au cœur de notre pacte républicain (Для этого нам понадобится сильная коллективная воля. Вот почему я призвал

французов сделать выбор в пользу гуманистической экологии. Этот выбор должен стать в авангарде наших приоритетов, вписанных в Хартию и Конституцию, и стать ключевым для нашей республики.)

Ce doit être le choix de tous les Français. Il s'imposera à l'État, aux collectivités publiques et aux entreprises comme aux citoyens. Il exprimera aussi notre détermination à inventer les éléments du nouvel art de vivre dont le monde a besoin. Il permettra à la France de jouer pleinement son rôle dans le combat pour l'environnement au niveau européen et mondial (Это должен быть выбор всех французов. Он станет непреложным законом для государства, органов власти, предприятий и граждан. Он также станет выражением обновления образа жизни, в котором нуждается мир. Это позволит Франции в полной мере играть свою роль в борьбе за окружающую среду на европейском и мировом уровне.) [Villepinte, Seine-Saint-Denis, le mardi 4 décembre 2001].

Как видим, дискурс Жака Ширака главным образом обращен в будущее, которое манифестируется при помощи рекуррентных форм соответствующих глагольных времен, лексических и синтаксических конструкций:

а) личные формы глагола в Futur simple (Futur immédiat): *je prendrai; il va falloir innover. Faire des choix. Inventer; permettra; nous aurons besoin; devra être inscrit; s'imposera; exprimera; permettra à la France de jouer le rôle;*

б) лексико-тематическая группа «будущее»: *avenir; doit aller bien au-delà; sécurités nouvelles; appréhender; dépasser les situations; faire le choix;*

в) инфинитивная конструкция Pour + Inf., вербализующая побудительную и темпоральную прагматику высказывания: *pour relancer la construction de l'Europe; pour prendre place;*

г) безличные конструкции побуждающего формата коммуникации: *on ne peut pas attendre; il faut à l'Europe; il faut poursuivre, mettre en place.*

Семиотика вышеприведенных фрагментов говорит о стремлении президента показать личностное понимание активной гражданской позиции и передать его аудитории. Это напоминает прагматику экстраверта, направленную во внешний мир с целью привлечь внимание не столько к проблеме, сколько к себе. Вместе с тем «направленность в будущее» является интегральным признаком любого институционального дискурса, и высказывания французского президента в этом смысле не составляют исключения.

В речевых манифестациях Жака Ширака часто отмечаются анафорические конструкции:

Les deux rives aspirent à davantage de sécurité, en particulier contre le terrorisme (Два берега стремятся к обеспечению большей безопасности, в частности, против тер-

поризма). Le code de conduite que nous allons adopter confirme notre engagement commun contre des pratiques barbares qui dévoient les causes qu'elles prétendent servir. La lutte contre le terrorisme, dans le respect des droits de l'Homme et de l'état de droit, nous rassemble et doit nous conduire à renforcer nos instruments de coopération policière et judiciaire;

Les deux rives aspirent à plus de croissance (Два берега стремятся к росту). La zone de libre-échange à laquelle nous travaillons est un projet ambitieux mais ne suffira pas <...> C'est ainsi que nous parviendrons, à terme, à donner toute sa dimension à la communauté économique euro-méditerranéenne que nous voulons. Nous devons aborder la question migratoire dans ce même esprit de responsabilité partagée <...>.

Les deux rives aspirent à plus de démocratie et à une meilleure gouvernance (Два берега стремятся к большей демократии и к лучшей системе управления). C'est l'appel des peuples [Barcelone — (Espagne) — lundi 28 novembre 2005].

Ensemble, nous devons réformer en profondeur l'Etat (Вместе мы должны кардинально реформировать Государство), afin de permettre une baisse de la dépense publique, seule façon d'alléger les impôts et les charges qui pèsent trop lourdement sur vous et qui, trop souvent, vous démotivent. La baisse des impôts, c'est un choix exigeant, mais c'est un choix majeur que je fais parce que c'est le choix de l'avenir;

Ensemble, nous devons encourager (Вместе мы должны способствовать ...), plus fortement qu'on ne le fait, les créations d'entreprises et les initiatives locales qui font notre richesse. Nous devons faire évoluer les comportements qui font obstacle à l'emploi. Il faut partout développer le dialogue et la concertation pour trouver de nouvelles réponses au chômage;

Ensemble, nous devons prendre toutes les mesures (Вместе мы должны принять все необходимые меры...) qui s'imposent afin que notre système éducatif s'adapte aux exigences de l'entrée des jeunes dans la vie active [Le discours annonçant la dissolution de l'Assemblée Nationale, lundi 21 avril 1997].

Je voudrais saluer (Мне бы хотелось приветствовать...) chacune et chacun d'entre vous qui êtes la France à Hanoi et dans sa région. **Je voudrais vous dire ma joie de vous rencontrer (Мне бы хотелось высказать свою радость по поводу нашей встречи ...)** et aussi l'estime que j'ai pour celles et ceux qui travaillent ici, ceux qui coopèrent, ceux qui font des affaires, ceux qui ont d'autres raisons d'être ici, notamment, des raisons d'ordre humanitaire — les médecins — ou d'ordre culturel — les enseignants, les artistes. En bref, **je voudrais saluer (Мне бы хотелось приветствовать...)** tous ceux qui représentent, et qui représentent si bien, notre pays dans cette région du monde, qui doit être pour nous une région relativement privilégiée;

Je voudrais saluer notre Ambassadeur (Мне бы хотелось поприветствовать нашего Посла ...) qui nous reçoit chez lui et lui dire combien j'apprécie le travail qui est fait pour la défense des intérêts de la France, par lui et par toute son équipe. **Et je voudrais saluer (Мне бы хотелось приветствовать...),** naturellement, Madame la Ministre de la Culture, Porte-Parole du Gouvernement, et Monsieur le Ministre chargé de la Coopération et de la Francophonie, qui ont bien voulu m'accompagner [Hanoi (Vietnam), samedi 15 novembre 1997].

Considérons que l'accès universel à des soins et des médicaments de qualité est un droit fondamental (Будем считать, что всеобщая доступность качественного медобслуживания и лекарств является фундаментальным правом человека);

Considérons que (Будем считать, что...) dans la plupart des pays en développement, des franges importantes de la population n'ont pas accès à ce droit fondamental, ce qui est contraire à la dignité humaine et constitue une injustice génératrice de déséquilibres et de tensions;

Considérons que (Будем считать, что...) la production et la vente de faux médicaments constituent un crime et une atteinte à l'ordre public;

Considérons que (Будем считать, что...) le trafic international des faux médicaments nuit gravement aux relations pacifiques entre les Etats;

Considérons qu'un terme (Будем считать, что...) doit être mis le plus rapidement possible à la production, au trafic international et à la commercialisation illicites des faux médicaments [Lundi 12 octobre 2009, Cotonou — Bénin].

Приведенные анафорические конструкции в речи президента выполняют как минимум две функции:

а) оформление композиционно-логической структуры высказывания, основанной на тенденции облегчить восприятие смысловых узлов и тематических блоков;

б) возбуждение интереса аудитории к содержанию речи, формирование оценочных суждений.

Данный тип повторов повышает экспрессивные параметры речи, создает психологическую основу восприятия информации. В данном случае анафора может быть рассмотрена в качестве лейтмотива, структурирующего речь президента на ассоциативном и образном уровне.

Интеррогативные высказывания.

Je ne le crois pas. Madame CHABOT, permettez-moi de vous dire que depuis le CPE (contrat première embauche), c'est-à-dire depuis trois mois — pour prendre simplement l'action du gouvernement depuis trois mois — qu'est-ce que j'observe ? (Я так не считаю. Г-жа Шабо, позвольте мне сказать вам, что, со времени CPE (договор первого найма), то есть через три месяца — оценивать действия прави-

тельства только за истекшие три месяца — **что же я наблюдаю?** = риторический вопрос) [Interview de Jacques CHIRAC, Président de la République, par Arlette CHABOT // journal de 20 h France 2006, 2, 26 juin];

*L'année 2005 a vu s'exprimer les tensions et les interrogations qui traversent notre société: le non au référendum et la crise des banlieues en portent le témoignage. Avec en arrière-plan, une question, celle de la mondialisation: **comment rester nous-mêmes dans un monde qui change d'une manière accélérée?** (2005 год показал разногласия и неясности, которые волнуют наше общество: «нет» на референдуме и кризис «пригородов» об этом свидетельствуют. На общем фоне вопроса о глобализации: **как сохранить себя в мире, который так быстро меняется?** = вопрос-призыв) [Palais de l'Élysée, Paris, Samedi 31 décembre 2005];*

Pourquoi, au risque de vous surprendre, me suis-je résolu à user maintenant du pouvoir, que me confère l'article 12 de la Constitution, pour abrégier le mandat d'une Assemblée que j'ai tenu à conserver en 1995 et dont la majorité a soutenu loyalement le gouvernement? (Почему, рискуя вас удивить, я теперь решил использовать свои полномочия в соответствии с разделом 12 Конституции, чтобы сократить мандат Национального собрания, который я хотел сохранить в 1995 году при преданной поддержке правительства депутатским корпусом? = риторический вопрос) [Le discours annonçant la dissolution de l'Assemblée Nationale];

*ARLETTE CHABOT — Je pense que vous le confirmez ce soir? LE PRESIDENT — **Vous n'en doutez pas?** (Арлет Шабо — Я думаю, сегодня вечером вы это подтвердите? ПРЕЗИДЕНТ — **У вас нет сомнений на этот счет?** = риторический вопрос) [Palais de l'Élysée — lundi 26 juin 2006].*

Наличие частых риторических вопросов манифестирует желание президента расширить эмоциональный формат высказывания, вовлечь аудиторию в процесс рассуждения или переживания, сделать слушателя более активным, побуждая его к поиску самостоятельного вывода. Риторические вопросы Жака Ширака являются неотъемлемой частью «театральности» его дискурса. В этом иногда есть некий элемент «самолюбования», превосходства над аудиторией, что, конечно, не способствует популярности президента — как в среде французов низших социальных слоев, так и у части интеллектуалов.

Употребление местоимений je/nous (я/мы).

***Nous** devons nous y engager dès cette année, en étant particulièrement attentif à la situation de toutes les entreprises, qui naturellement ne sont pas homogènes. C'est une réforme qui doit se faire en concertation avec les partenaires sociaux bien entendu, et dont **je** souhaite qu'ils s'impliquent pleinement et participent, dans un esprit de responsabilité, à ce chantier essentiel pour gagner la*

*bataille de l'emploi. **Nous** devons aussi adapter notre protection sociale aux transformations du marché du travail [Palais de l'Élysée — Jeudi 5 janvier 2006];*

*La France doit aussi être à la pointe des progrès technologiques. **J'ai** voulu relancer la politique industrielle et d'innovation. **Nous** avons mis en place les instruments: les pôles de compétitivité, l'Agence de la recherche, l'Agence de l'innovation industrielle [Palais de l'Élysée — Jeudi 5 janvier 2006];*

***Je me réjouis** de le faire grâce à l'Internet, qui crée entre **nous** tous un lien direct et qui démultiplie nos capacités d'échange et de dialogue [Vœux de M. Jacques Chirac adressés aux Européens];*

*La Fondation que **j'ai** créée pour servir la paix a fait de l'accès aux médicaments de qualité l'un de ses objectifs prioritaires [Cotonou, Bénin — 12 octobre 2009];*

*Merci aussi pour vos paroles amicales, cher Jean-Paul, auxquelles **je** suis très sensible et merci à la population de Saint-André qui **nous a réservé** un accueil chaleureux. **Je voudrais** lui dire du plus profond de mon cœur **ma** reconnaissance et lui adresser au travers, notamment de ses élus et de son maire mes sentiments de fraternité et d'affection [Salle des fêtes de Saint-André à La Réunion. Le vendredi 18 mai 2001];*

***Je veux que nous exprimions** sans tarder notre volonté commune d'entrer dans le troisième millénaire avec confiance et avec enthousiasme [Le discours annonçant la dissolution de l'Assemblée Nationale];*

*C'est d'abord au Gouvernement de définir ses objectifs politiques dans le domaine social. **Je souhaite que**, chaque année, le Premier ministre fasse, devant votre Assemblée, un discours et ouvre un débat sur l'état social de la Nation [Palais d'Iéna, Paris, le mardi 10 octobre 2006];*

***Nous** sommes à un moment où la France doit également faire état de son cœur et elle le fera, **je n'en doute pas**, au profit de l'ensemble de ses enfants qui ont été touchés par ce drame [Haute-Vienne, le jeudi 30 décembre 1999];*

*Aujourd'hui, **je considère**, en conscience, que l'intérêt du pays commande d'anticiper les élections. **J'ai acquis la conviction** qu'il faut redonner la parole à **notre** peuple, afin qu'il se prononce clairement sur l'ampleur et le rythme des changements à conduire pendant les cinq prochaines années. Pour aborder cette nouvelle étape, **nous** avons besoin d'une majorité ressourcée et disposant du temps nécessaire à l'action [lundi 21 avril].*

Специфика относительно равномерной дистрибуции местоимений «я и мы» говорит об умеренной индивидуалистической психологии лидера. Его можно отнести к типу личности, основные черты которой есть продукт принадлежности к определенному месту в социальной структуре и которые детерминированы этим положением [Андреева 1994].

Наиболее часто встречающиеся лексемы в речах Жака Ширака — «*Europe* (Европа)», «*fracture sociale* (социальный излом, трещина)», «*jeunes* (молодые)», «*la construction de l'Europe* (построение Европы)», «*le problème des jeunes de banlieue* (проблема молодежи из пригородов)». Стандартные лексико-синтаксические формулировки таковы: «*mes chers compatriotes de France et d'outre-mer* (мои дорогие соотечественники из Франции и заморских территорий)», «*ce que je peux vous dire c'est que ...* (то, что я могу вам сказать, так это ...)», «*je vous l'ai dit tout à l'heure* (я только что вам об этом сказал)», «*à chacune et à chacun d'entre nous* (каждой и каждому из нас)», «*c'est la raison pour laquelle, je...* (именно по этой причине я...)», «*je vais vous dire une chose* (я вам скажу одну вещь)». Наиболее частотным наречием является «*naturellement* (естественно)» [Mayaffre 2007].

«Ключевые слова» политика — некий узнаваемый символ его личности. Они могут нести как отрицательный, так и позитивный заряд. В любом случае шираковская языковая символика апеллирует к чувству гордости за свою нацию, подводит французов к мысли о центральной роли страны в европейском строительстве, напоминает о былых колониальных «заслугах».

Предпочтительное употребление наречия «*naturellement* (естественно)» создает особый семиотический оттенок в речах Жака Ширака. По нашему мнению, оно манифестирует высокую самооценку президента и указывает на такие качества, как психическая уравновешенность, адаптированность, способность к самоконтролю. При этом вербализуется личностно ориентированный концепт «естественность», который осознается президентом как тенденция к объективности, стремление следовать принятым социальным нормам в рамках реализации коллективных установок на достижение успеха.

Неологизмы и фразеология («chiraquismes = ширакизмы»): «*J'apprécie beaucoup plus le pain, le pâté, le saucisson que les limitations de vitesse*» (Я гораздо больше ценю хлеб, паштет, колбасу, чем ограничения скорости) (1977: Chirac, l'épicurien); «*Pour moi, la femme idéale, c'est la femme corrézienne, celle de l'ancien temps, dure à la peine, qui sert les hommes à table, ne s'assied jamais avec eux et ne parle pas*» (Для меня идеальной женой является женщина из департамента Коррез, жена, которая, как в стародавние времена, вытерпит любую тяжелую работу, которая обслуживает мужчин за столом, никогда не присядет и молчит.) (1978: la Corrèzienne); «*Un chef, c'est fait pour cheffer*» (Начальник призван начальствовать, букв. 'шеф, чтобы шефить') (1992: C'est quoi un chef?); «*Ma femme est un homme politique*» (Моя жена — это политический деятель, букв. 'политический муж') (1996: Bernadette Chirac); «*Après consultation du Premier ministre, du Président du*

Sénat et du Président de l'Assemblée nationale, j'ai décidé de dissoudre l'Assemblée nationale» (После консультаций с премьер-министром, председателем Сената, председателем Национального собрания, я решил распустить Национальное собрание) (1997: LA dissolution); «*Bien sûr que je suis de gauche! Je mange de la choucroute et je bois de la bière*» (Конечно же, я — левый, я ем свинину с картофелем и кислой капустой и пью пиво) (1999: Sa conception de la Gauche); «*Peut-être qu'en le pratiquant jeune, j'aurais pu faire du sumo, j'avais la taille nécessaire, et le poids, ça s'acquiert...*» (Может быть, тренируйся я с молодых лет, я мог бы заниматься сумо, у меня был необходимый рост и вес, который набирается со временем...) (1998: une carrière de sumo); «*On rapporte une histoire abracadabrantesque* (несуществующее слово во французском языке). *On fait parler un homme mort il y a plus d'un an. On disserte sur des faits invraisemblables qui auraient eu lieu il y a plus de quatorze ans* (Разносят 'сногсшибательническую' историю. Человек умер более четырнадцати лет назад, а его заставляют говорить. Разглагольствуют о невероятных фактах более чем четырнадцатилетней давности)» (2000: La cassette «Méry»); «*Ce n'est pas que ces sommes se dégonflent, c'est qu'elles font pschitt !!! si vous me permettez cette expression*» (Дело не в том, что эти суммы сдуваются, они делают «пшик», если вы мне позволите так выразиться.) (2001: Les voyages payés en liquide font pschitt); «*Quand j'ai été élu, j'avais 32 ans et je suis entré tout de suite au gouvernement. Je suis resté ensuite tout le temps. Les gouvernements changeaient, moi je restais avec les meubles*» (Когда меня избрали, мне было 32 года и я сразу вошел в правительство. Все время я там и оставался. Правительства сменялись, а я оставался вместе с мебелью.) (2006: Retour sur une carrière) [http://news.fr.msn.com].

С помощью вышеприведенного типа популистско-располагающего дискурса Жак Ширак включает слушателей в процесс творческого восприятия речи, он как бы мыслит публично, вовлекает аудиторию не только в интеллектуальное, но и в эмоциональное сопереживание.

Вторичные антропонимы Жака Ширака:

«*Mon bulldozer*» ('Мой бульдозер' = прозвище, данное Жоржем Помпиду за пробивные способности Ширака), «*Caméléon*» (Хамелеон), «*Girouette*» (Флюгер), «*Le Grand Condor*» ('Великий Кондор' = кондор — хищная птица подотряда американских грифов), «*Jacques Chirouette*» ('Шлюгер'), «*Chichi*» ('Шиманник' = от Ширак и жеманство), «*Le Chi*» ('Шикака'), «*Jacquou le rockant*» ('жакуша-рокер'), «*Jacquouille la fripouille*» ('Жакуля прохвост').

Во все времена народ и журналистская братия (часто и сами политические лидеры) вне зависимости от национальной принадлежности «приклеивают» клички и прозвища персонам

первой величины: Иван IV («Грозный»), Маргарет Тетчер («Железная леди»), Герхард Шредер («Шред»), Юрий Лужков («Кепка», «Колобок»). Не избежал подобной участи и Жак Ширак. Хотя вторичные антропонимы не имеют прямого отношения к языковой личности президента, тем не менее, они отражают (с учетом сложившихся как в СМИ, так и в народной молве стереотипов) некоторые личностные признаки французского лидера. К ним можно отнести: упорство в достижении цели, смена (легкая и частая) мнений, взглядов, симпатий, приверженность к крайним мерам в области гонки вооружений, любовь к музыкальному стилю «рок» (сразу же после избрания Жака Ширака президентом на площади Согласия в Париже всю ночь выступала американская рок-группа «ZZ Top»), нечистоплотность в делах. Последнее, как всегда и везде в мире, «неожиданно выясняется» после ухода лидера с руководящего поста. Его обвиняют во всех смертных грехах — от растраты государственных средств до создания фиктивных рабочих мест.

Добавим несколько штрихов к портрету языковой личности Жака Ширака, основанных на личных впечатлениях автора от встреч с президентом в официальной и неофициальной обстановке. Жак Ширак — интересный собеседник, использующий не только протокольный корпус высказываний, но и «живую» разговорную лексику: *conneries* (идиотизм), *je m'en fous* (плевать мне на это), *se dégonfler* (сдрейфить) и пр. Во время общения Жак Ширак смотрит собеседнику прямо в глаза, как будто изучая его. На лице широкая улыбка, голова чуть повернута влево. Жесты — патерналистские, «обнимающие». Как выяснилось, президент довольно серьезно изучал русский язык, особенно в молодости, когда перевел на французский язык поэму А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и даже пробовал ее опубликовать. Жак Ширак довольно прилично (в отличие от большинства его соотечественников) говорит по-английски, немного — по-русски. Предпочитает маленькие уютные рестораны с хорошей кухней. Имеет награды, набор которых не очень «свойствен» президентам: Croix de la Valeur Militaire (Военный крест), Médaille de l'Aéronautique (Медаль по Аэронавтике), Chevalier du Mérite Agricole (За заслуги перед сельским хозяйством), des Arts et des Lettres (орден Искусств и Литературы), de l'Étoile Noire (орден Черной Звезды), du Mérite Sportif (За спортивные заслуги), Grand-croix du Mérite de l'Ordre Souverain de Malte (Большой крест заслуг Суверенного Мальтийского ордена). Все это говорит

о широком диапазоне интересов французского лидера и его познаниях в разнообразных сферах человеческой деятельности.

Вышеприведенные особенности институционального дискурса президента позволяют говорить о нем как об умеренно харизматической личности. Это скорее созерцатель, чем деятель. Мимика — богатая, жесты — широкие, патетические. Каждый жест словно законченное театральное действие. Официальная речь — зачастую набор готовых штампов. При этом об отношении большинства французов к Жаку Шираку можно судить по довольно большому количеству прозвищ негативного характера.

Таким образом, языковая личность Жака Ширака по многим параметрам близка к идеальному типу француза, который предполагает создание «субъязыка» в качестве персонафицированного маркера индивидуальности говорящего, своеобразного варианта национального языка. Доминантным способом взаимодействия с аудиторией выступает «театральный» формат коммуникации. Президент относится к языку как к действенному инструменту воздействия на аудиторию, что проявляется в целенаправленном использовании разнообразных риторических приемов, фразеологии и синтаксических конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Наука, 1994. URL: <http://psylib.org.ua/books/andrg01/index.htm> (дата обращения: 22 ноября 2010).

Биография Жака Ширака // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/2007/03/12/oa_233655.shtml (дата обращения: 19 ноября 2010).

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1.

Нахимова Е. А. Мифологема Александр Невский в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 3.

Садуов Р. Т. Автобиография как стержневая компонента политического дискурса Барака Обамы // Политическая лингвистика. 2010. № 3.

Шустрова Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2010. № 2.

Les petites phrases de Jacques Chirac. URL: <http://news.fr.msn.com/m6-actualite/politique/photo.aspx?cp-documentid=150779099&page> (дата обращения: 19 ноября 2010).

Mayaffre D. Paroles de président. Jacques Chirac (1995—2003) et le discours présidentiel sous la Ve République. — Paris: Honoré Champion, 2007.

Présidence de la République // Élysée.fr. URL: <http://www.elysee.fr/president/les-actualites/discours> (дата обращения: 19 ноября 2010).

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и проф. Е. В. Шустрова

П. Серю

Лозанна, Швейцария

Перевод с французского Е. Е. Аникина

ОКСЮМОРОН ИЛИ НЕДОПОНИМАНИЕ?

УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ

УНИВЕРСАЛЬНОГО ЕСТЕСТВЕННОГО

СЕМАНТИЧЕСКОГО МЕТАЯЗЫКА АННЫ ВЕЖБИЦКОЙ

Аннотация. Перевод на русский язык знаменитой статьи, которую П. Серю опубликовал на французском языке в 2004 г. См.: P. Sériot. *Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2005. Ns 57. P. 23–43.*

Ключевые слова: Анна Вежбицкая; универалистский релятивизм; семантический примитивы; семантический метаязык; языковая картина мира.

Сведения об авторе: Серю Патрик, доктор философии, профессор факультета филологии.

Место работы: Университет Лозанны.

Контактная информация: University of Lausanne, department of philology, Anthropole, CH – 1015, Lausanne, Switzerland.

e-mail: Patrick.Seriot@unil.ch.

Сведения о переводчике: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Место работы: Институт международных и региональных исследований имени Ричарда Уокера (Колумбия, США).

Контактная информация: 3019, Hope Avenue, Apt 'B', Columbia, SC, 29205, USA.

e-mail: ewganik_chel@mail.ru.

OXYMORON OR MISUNDERSTANDING?

UNIVERSALISTIC RELATIVISM

OF THE UNIVERSAL NATURAL SEMANTIC

METALANGUAGE OF ANNA WIERZBICKA

Abstract. Russian translation of the famous article that P. Sériot originally published in French in 2004. See: P. Sériot. *Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2005. Ns 57. P. 23–43.*

Key words: Anna Wierzbicka; universalistic relativism; semantic primitives; semantic metalanguage; linguistic image of the world.

About the author: Sériot Patrick, PhD, Professor of the Department of Philology.

Place of employment: University of Lausanne.

Place of employment: University of Lausanne, department of philology, Anthropole, CH – 1015, Lausanne, Switzerland.

About the translator: Anikin Evgeny Evgenyevich, Candidate of Philology, Research Assistant.

Place of employment: Walker Institute of International and Area Studies (Columbia, SC, USA).

Гуманитарные науки, хорошо это или плохо, значительно отличаются от точных. Так, по мнению Томаса Куна, как только новая парадигма приходит на смену старой, старая парадигма более не имеет шанса на существование в рамках «нормальной науки». Известно, например, что гелиоцентрическая модель Коперника заменила геоцентрическую модель Птолемея.

В лингвистике, напротив, ничего подобного не происходит. Новая теория никогда не «фальсифицирует» старую. Скорее уместнее говорить о возникновении различных центров интересов, но не о перевороте во внутреннем устройстве унифицированной науки. Генеративная грамматика Хомского не привела к исчезновению сравнительно-исторической грамматики, обе грамматики могут благополучно сосуществовать на факультете общей лингвистики одного и того же университета. В качестве возможного общего предмета для дискуссий между приверженцами каждой из них можно было бы указать признание достижений каждой, но никак не утверждение окончательной научной *истинности* одной из них, предполагающее консенсус всего научного сообщества.

Так, можно было бы предположить, что репертуар взглядов на язык, датируемый эпохой

немецкого романтизма, начинает устаревать. Однако ничего подобного не происходит: возрождение неогумбольдтианства представляет собой массовое явление, как в Восточной Европе в целом, так и в России в частности.

То, что в XXI веке по-прежнему можно верить в «национальный характер народов», может показаться неправдоподобным. Однако тот факт, что для его изучения чаще всего опираются на универсальную комбинаторику семантических атомов или «Алфавит человеческих мыслей» («Alphabetum Cogitationum humanorum») Лейбница, кажется еще более парадоксальным. То, что подобного рода спекуляции пользуются огромным успехом в Восточной Европе, причем не только у широкой публики, но и в научном дискурсе компетентных и признанных лингвистов, заслуживает особого внимания.

В течение тридцати лет Анна Вежбицка, лингвист польского происхождения, работающий в Австралии, пытается примирить между собой воззрения Лейбница и Гумбольдта посредством разработки теории «естественного семантического метаязыка», способного описать «мир смыслов» всех языков мира. Абсолютный универсализм на службе у крайнего релятивизма — эта поразительная гипотеза

представляет собой основной объект данной работы при анализе эпистемологических основ, на которые опирается А. Вежбицка, в рамках более общей задачи выявления научных и идеологических посылок восточноевропейского *дискурса о языке*.

В настоящем специальном выпуске журнала, посвященного проблемам изучения языковых универсалий, главным образом будет представлена теория *универсального естественного семантического метаязыка* А. Вежбицкой: мы поразмышляем над тем, как конструируется данный интерпретационный инструмент, попытавшись оставить в стороне теоретические допущения.

1. Что может сказать язык: релятивизм

В работе «*Понимание культур через посредство ключевых слов (Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, Japanese)*» [Wierzbicka 1997] А. Вежбицка опирается на «возвращенную популярность» идей Гумбольдта и гипотезы Сепира—Уорфа с целью обоснования своей программы исследования «взаимной связи между языком и мышлением» через посредство набора особых слов, ключевых для каждой *культуры*. При этом последний термин понимается как абсолютный эквивалент «языка». Ее исследовательская концепция строится на следующих принципах. (Речь идет о *принципах* согласно определению, представленному ранее, а не о гипотезах, которые должны быть доказаны в процессе исследования.)

Каждый язык отражает черты экстралингвистической реальности, «считающиеся релевантными» представителями культуры, использующими данный язык. Осваивая язык и в особенности смысл слов, носитель языка начинает «видеть мир» под углом зрения, навязываемым ему родным языком — таким образом, он приобретает особый способ концептуализации мира, характерный для данной культуры. Слова, которые содержат «лингвистически специфические концепты», сразу и отражают, и создают способ мышления носителя языка. В качестве примера для русского языка приводится гастрономическая лексика — *щи* (суп из капусты) и *кефир*, — а также совокупность привычек, социальных институтов и систем отдельных ценностей, характерных для культуры, использующей «соответствующий язык». «Лингвистически специфические слова», таким образом, представляют собой те «бесценные ключи» (*priceless clues*), которые позволяют интерпретировать и понимать ценности и идеалы «людей» (*people*), их способ восприятия мира и своей жизни в этом мире. Так, А. Вежбицка утверждает, что три особых лингвистических понятия сами по себе дают ключ к «русской языковой картине мира». Данными понятиями, по ее мнению, являются понятия «душа», «тоска» (особый тип меланхолической ностальгии), «судьба» [Wierzbicka 1990].

Несколько ранее в работе *Прагматика культурного взаимодействия (Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction)* [Wierzbicka 1991] А. Вежбицка изложила свою концепцию нереперентной семантики. Открыто не соглашаясь с разделением синтаксиса, семантики и прагматики у Ч. Морриса, она утверждает, что значение элементов естественного языка не может быть выведено из отношения между знаками и миром: «**Природа естественного языка такова, что он не отделяет экстралингвистической реальности от** психологического и социального мира носителей языка» [Вежбицка 1991: 16]^[1]. Значение для нее:

1) «антропоцентрично», т. е. отражает общие приоритеты человеческой природы, предназначено для человека. Вся лингвистическая категоризация объектов и событий мира ориентирована на человека — эта черта является общей для всех языков;

2) «этноцентрично», т. е. ориентировано на определенную этническую группу, и каждый язык имеет свою национальную специфику.

Таким образом, по мнению А. Вежбицкой, естественный язык не может описать «мир таким, какой он есть»: каждый язык *навязывает* определенную картину мира.

Наконец, в семантике определенного языка можно различить только те части, которые заданы структурой этого языка. Так, например, семантика «таких абстрактных понятий, как обещание или приказ, стыд или отвращение», предопределена тем языком, на котором выражены данные понятия; она определена «интересами и позициями говорящих», которые, в свою очередь, также заданы языком, на котором говорят собеседники [Wierzbicka 1998: 2.].

А. Вежбицка игнорирует границы между разделами лингвистики, которые, по-видимому, представляются ей ложными и искусственными. Она утверждает, что «не может существовать границы между «денотативным значением» и «прагматическим значением», как и не может существовать границы между ними и грамматикой. Разница между активными и пассивными предложениями, между субъектом и объектом, между прямым и косвенным дополнением (местоимением, его замещающим) и т. д. является главным образом прагматической, то есть в значительной степени обусловленной интересами и позицией собеседников» [Там же].

Наконец, подлинная структура языка поддерживает тесную связь с другим измерением — психологическим: «национальный характер» носителей языка может быть выведен из языка, и, в свою очередь, различия в концептуализации мира между языками могут быть объяснены различиями в национальных характерах. Более того, не только мысли могут стать мыслями лишь в рамках определенного языка, но еще и эмоции могут быть испытаны и прочувствованы лишь при условии возможности их выражения в языке, в «особом языковом сознании».

2. То, что говорит речь: универсальный ключ

Изложенная в работах А. Вежбицкой культуралистская концепция была бы удивительно похожа на неогумбольдтианство, если бы она не добавила совершенно новый и отличительный элемент. В самом деле, если в гипотезе Сепира—Уорфа лингвистические системы картин мира являются несоместимыми и несопоставимыми между собой, то для А. Вежбицкой, напротив, «культурно специфические понятия» хорошо сопоставимы, потому что их можно перевести на универсальный язык, который преодолевает эти различия, т. е. на язык *семантических примитивов*, или *естественный семантический метаязык*.

В работе *Семантические Примитивы* (Semantic Primitives, 1972), опираясь на то, что для Витгенштейна «...Философия — это не доктрина, а вид деятельности. Философский труд главным образом состоит в разъяснении» [Wittgenstein 1921, афоризм 4.112; французский перевод — 1972: 82], она излагает свой главный исследовательский принцип: «Семантика представляет собой вид деятельности, который заключается в разъяснении смысла человеческих высказываний» [Wierzbicka 1972, Введение].

Взамен тому, что она называет «традиционной семантикой», А. Вежбицка предлагает концепцию «современной» семантики, цель которой состоит в моделировании и представлении значений в виде «эксплицитных формул». Она не останавливается на этом и идет дальше логических представлений, настаивая на том, что единственной приемлемой моделью является модель представления значений, которая в то же время является и их *толкованием*. Для достижения данных целей А. Вежбицка предлагает создать *семантический метаязык*, который — для того чтобы быть «объясняющим» — должен быть «настолько ясным и понятным», что для него самого не требовалось бы никаких разъяснений. По этой причине она отвергает любые формулы символической логики, любые матрицы дифференциальных признаков, поскольку они не могут служить в качестве *объяснений*. Таким образом, универсальный язык, по мнению Вежбицкой, мог бы одновременно служить и в качестве метаязыка, и в качестве части естественного языка.

А. Вежбицка опирается на логическую ошибку: «Если семантика, описывающая содержание произносимых людьми высказываний, призвана воспроизводить структуру человеческого сознания, она не может использовать аппарат, чуждый этому сознанию. Семантический язык должен делать сложное простым, запутанное — понятным, неясное — очевидным» [Вежбицка 1972, Введение].

Так объясняется ее отказ от идеи *искусственного языка* — парадоксальное следствие реализации ее концепции *универсального семантического языка*. Вот на чем основывается

поразительная оригинальность исследовательской концепции А. Вежбицкой, которую мы собираемся сейчас представить.

Универсальный язык Вежбицкой не находит места в типологии Л. Кутюра и Л. Ло [Couturat, Leau 1903], поскольку он может быть выражен в форме всех языков мира. Более простой, чем любой «естественный» язык, он состоит из частей языка, то есть сам является частью языка. В то же самое время он сам может передавать значения любого языка, за пределы которого выходит. Он представляет скорее целое, нежели часть, а также скорее внутренний, нежели внешний аспект человеческой речи.

В отличие от «классического» неогумбольдтианства, А. Вежбицка постулирует *общую основу* для описания всего разнообразия способов концептуализации мира при помощи всех существующих языков. Согласно ее концепции, любое понятие^[2], каким бы сложным или странным оно ни казалось, «закодированное» в лексической единице естественного языка, может быть представлено в виде определенной конфигурации *элементарных смыслов*, неразложимых и универсальных, в смыслах, в которых они лексически зафиксированы во всех языках. Это утверждение имеет двусторонний характер:

- любая семантически неразложимая единица должна быть универсальной;
- любая универсальная единица (т. е. единица, представленная в лексике любого из существующих языков) считается семантически неразложимой.

Таким образом, существует связь между неразложимым и универсальным: любое семантически неэлементарное (т. е. неуниверсальное) понятие может быть представлено в виде определенной конфигурации элементарных смыслов (или семантически элементарных и универсальных концептов).

Количество семантических универсалий, называемых «семантическими примитивами», в значительной степени варьируется в работах А. Вежбицкой (на разных этапах исследования данное число варьируется в пределах от 15 до 60), однако основной принцип остается неизменным: объяснение всякого «лингвистически специфического понятия» состоит в его *переводе* на естественный семантический метаязык, лексика которого представляет собой набор универсальных семантических *элементов*. Данные элементы приводятся в движение в рамках великой *комбинаторики*, древнейшие исследования которой восходят к идеям каталонского теолога Раймунда Луллия (1235—1315) с претензией на универсальный характер, которые Дж. Свифт с наслаждением высмеивает в третьей книге «Путешествий Гулливера».

Сущность работы А. Вежбицкой состоит в уточнении, а точнее в *открытии*, метаязыка для описания значений всех естественных языков. В своей книге 1980 года^[3] первый этап ре-

шения данной задачи она называет фазой *ментального языка* (*lingua mentalis*). Затем, незаметно для остальных, конечная цель меняется: А. Вежбицка перестает рассуждать о наборе отдельных слов и вводит понятие *истинного языка*, обладающего не только лексикой, но также и синтаксисом.

Необходимо особо подчеркнуть два важных момента:

1) Семантический метаязык должен *сам* представлять собой *естественный язык*, точнее, *часть* естественного языка. Данный принцип А. Вежбицка называет *принципом естественности*. В отличие от языка деревьев или семантических сетей (как в модели «смысл ↔ текст» И. Мельчука), языка семантических маркеров [Katz, Fodor] или языка интенциональной логики Монтегю, семантический язык А. Вежбицкой создан в рамках существующего языка. Если в логике разрешается использование символов, поскольку значение данных символов определяется аксиоматично, значение слов семантического языка, напротив, должно быть *понятно само по себе*, а не только носителям конкретного языка.

2) Один и тот же семантический язык должен служить для описания как лексических значений, так и грамматических и прагматических (т. е. иллокутивных) значений.

Последний пункт особенно важен. Для А. Вежбицкой не существует чисто грамматического значения, а существуют лишь конкретные значения, которые имеют грамматически обязательную черту. Из этого следует, что грамматические и лексические значения взаимозаменяемы: то, что в одном языке является лексическим значением, в другом может быть передано лишь с помощью грамматических средств.

Данный принцип единства семантического метаязыка распространяется и на иллокутивные значения. Так, глаголы *спрашивать* и *приказывать* являются лексическими единицами, тогда как вопрос и приказание являются иллокутивными актами. Однако значение данных языковых единиц состоит из *одних и тех же элементов*. Например:

– элемент (или «составляющая») «я хочу» (I WANT) входит в семантику императива, а также в описание слов со значением просьбы и приказа;

– элемент (или «составляющая») «я знаю» (I KNOW) играет важную роль в толковании декларативной и вопросительной модальностей, а также в толковании лексем со значением «информировать», «спрашивать».

Семантическая концепция А. Вежбицкой очень близка концепции московской семантической школы (А. Жолковский, И. Мельчук, Ю. Апресян). Однако концепция упомянутой школы не предполагает перевод семантических примитивов с одного языка на другой, тогда как, согласно концепции А. Вежбицкой, семантический метаязык является абсолютно *универ-*

сальным. При этом основное различие состоит в том, что для московских специалистов набор семантических примитивов спонтанно представляется в качестве набора истолковывающих составляющих, которые повторяются, тогда как в концепции А. Вежбицкой семантический метаязык является результатом тщательной обработки, которая, как она утверждает, представляет собой *эмпирический процесс*: примитивы, по ее мнению, не создаются и не изобретаются, их необходимо обнаружить. Они существуют до начала исследовательской работы ученого в ожидании того момента, когда будут *обнаружены*, словно грибы в лесу. Не существует *реализации смысла*, потому что *смысл задан* с самого начала.

Гипотеза (или скорее неоднократно повторяемое утверждение) существования универсального естественного семантического метаязыка состоит в возможности обнаружения определенного набора слов в определенном языке (например, в английском), которые будут удовлетворять следующим условиям:

1) эти слова сами являются семантически неразложимыми (в соответствии со значением слова «примитив» в английском языке), однако при помощи этих слов можно *разложить на составляющие* другие слова того же языка;

2) эти слова имеют аналоги во всех других языках, и во всех языках слово, входящее в набор этих аналогов, может играть роль семантического примитива данного языка.

Существует два критерия, по которым можно узнать, может ли слово быть включено в группу семантических примитивов, и по которым можно определить, является ли данное слово частью естественного семантического метаязыка:

1) внутренняя семантическая простота, или «самодостаточность для понимания»: *слово должно быть понятным само по себе*. А. Вежбицка настаивает на том, что сложность или невозможность найти для данного слова адекватное толкование не является доказательством того, что слово является примитивом: можно доказать, что слово разложимо, но нельзя доказать обратное;

2) переводимость на другие языки, что является гарантией универсальности естественного семантического метаязыка и в то же время хорошим аргументом в пользу того, что слово является семантическим примитивом.

Так, А. Вежбицка ставит под сомнение толкование глагола *существовать* в Грамматике Пор-Рояля, где данный глагол помещен в «группу слов, значения которых настолько ясны, что нет никакой необходимости их объяснять». А. Вежбицка, в свою очередь, утверждает, что поскольку данный глагол существует не во всех языках, он не является примитивом. Она предлагает заменить его выражением THERE IS (есть, имеется), которое, как она утверждает, существует во всех языках.

Эмпирический принцип А. Вежбицкой проявляется в ее терминологии: она пытается найти своих «кандидатов» на роль примитивов. Так, определенные слова (или скорее «концепты») были бы «хорошими кандидатами» по причине своей переводимости, как, например, глаголы SEE, HEAR, которые, согласно мнению автора, присутствуют во всех языках. Тот факт, что данное утверждение не поддается проверке, не принимается автором в расчет.

Тот же самый принцип, представленный в качестве эмпирического, позволяет ей определиться с выбором «кандидатов», осуществляемым во имя психологии очевидного: цель состоит в том, чтобы найти слова, которые были бы «сами по себе понятны» и наиболее переводимы на другие языки. Таким образом, по мнению А. Вежбицкой, из пары слов можно всегда выбрать то слово, которое более понятно, то есть то, которое является более конкретным. Именно поэтому слово *мужчина* является более понятным, чем слово *одушевленный*, местоимение *это* — более понятно, чем *дейксис*,

глагол *делать* — понятней, чем *агентив*, глагол *говорить* — понятней, чем *локатив*. Точно таким же образом слова, выражающие параметры объекта и ситуации, как, например, слова, выражающие *расстояние*, *величину*, *количество*, *качество* и т. д., передаются на универсальном естественном семантическом языке по своим крайним мерам: *большой/маленький*, но не *величина*, поскольку — «для сознания носителей языка» — идея параметра *более сложна*, чем крайние меры на шкале значений. При этом далее можно заметить, что понятия «контроля» и «владения», к помощи которых она постоянно прибегает, так и не были объяснены автором, несмотря на то, что данные понятия являются основой концепции А. Вежбицкой.

Приведем еще один пример использования метода эмпирического поиска «кандидатов», который иллюстрирует непрерывные изменения, вносимые в список А. Вежбицкой. Прежний примитив BECOME (в книге 1972 г.) в книге 1988 г. объясняется при помощи примитива HAPPEN:

X became Y =	X стал Y =
(a) at some time X was not Y	(a) в какой-то момент X не являлся Y
(b) after that something happened to X	(b) после этого что-то произошло с X
(c) after that X was Y	(c) после этого X стал Y
(d) I say this after that time.	(d) я говорю это после того, как это произошло.

Однако самое интересное происходит, когда слово, которое ранее было разложимым, в более поздней версии становится примитивом. Например, глагол KNOW, который сначала интерпретировался при помощи выражения CAN SAY, становится примитивом, так же как и глагол MOVE, сначала интерпретировавшийся при помощи выражения CHANGE PLACE.

3. Что является объектом исследования в работе А. Вежбицкой?

Я считаю, что успех — и крайняя степень неоднозначности — книг А. Вежбицкой в англосаксонском мире и в России объясняется тем фактом, что ее концепция объединяет в себе две разные традиции, или два подхода, философские основания которых изначально кардинально отличаются друг от друга: англосаксонскую аналитическую философию и гегельянство в «восточной» интерпретации (теория формы, см. п. 3.1.2.).

Отказ А. Вежбицкой от разграничения синтаксиса и семантики — это лишь изолированное явление. Его основания имеют двоякую природу: оспаривание независимого характера синтаксиса в исследованиях Блумфилда, Хомского и Харриса 60-х гг. в США (посредством компонентного анализа и логического атомизма), с одной стороны, а с другой — отстаивание существования «неразрывной» связи между языком (речью) и мыслью в немецкой традиции гумбольдтианства, что легло на крайне благоприятную почву в России как до большевистской революции, так и в советскую, а затем и в постсоветскую эпоху. Столкновение этих двух

философских течений, естественно, порождает определенное непонимание. А. Вежбицка одновременно играет на двух досках: с одной стороны — на универсализме логического атомизма, с другой — на релятивизме, или «культурализме», неогумбольдтианства. При интерпретации ее исследований в современной России, по видимому, преобладает традиция, упомянутая последней, включая смешение понятий «антропоцентризма» и «этноцентризма». В недавно вышедшей в России монографии по философии языка [Безлепкин 2001: 6], обсуждая проблему антропоцентризма, автор приводит цитата из работы А. Вежбицкой: «Язык навязывает носителям определенную картину мира». При этом в упомянутой монографии ни разу не уточняется, идет ли в данном случае речь о дословном переводе немецкого понятия *Weltbild*, часто употреблявшегося в немецкой лингвистике 30-х гг. XX в., а затем и в послевоенные годы [см. Weisgerber 1939, 1950]. В рамках данного подхода основой антропологии является этнография: считается, что индивидум может существовать не иначе как в составе этнической группы, которой он принадлежит, и исключительно благодаря ей.

3.1. Совершенный язык или язык ангелов?

Универсальный естественный семантический метаязык А. Вежбицкой, подобно языку ангелов в раю, является языком, знаки которого настолько прозрачны, что они «могут быть поняты непосредственно и интуитивно»^[4]. Знаки этого языка указывают не на мир вещей, а на закрытый мир людей, заключенный в «картине

мира» с непреступными границами. И благодаря подобному движению взад и вперед между этими двумя несовместимыми позициями, задача поиска культурных отличий в семантике естественных языков решается методом от противного: при помощи прозрачного смысла, абсолютно доступного и недвусмысленного.

3.1.1. Идея всеобщности

По мнению А. Вежбицкой, ничто из того, что является лингвистикой, не может не являться частью семантики. Семантика всеобъемлюща, она не оставляет ничего вне своих рамок. «Семантика едина. Она включает в себя лексику, грамматику и иллокутивную структуру. Фундаментально важным является то, что мы можем определить ее принципиальное единство, а также то, что, независимо от части общей задачи, решаемой нами в каждый определенный момент, мы ни на миг не забываем о нашей основной цели — описании комплексной семантики естественных языков» [Wierzbicka 1998: 2—3].

3.1.2. В начале был Смысл

Основная идея А. Вежбицкой состоит в том, что *всякая форма соответствует определенному смыслу*. Следовательно, всякая грамматическая конструкция «кодирует» определенное значение, которое может быть «выделено» и строго установлено, чтобы значения различных конструкций могли быть «сопоставлены точным и ясным способом, как внутри языка, так и вне рамок, существующих между языками» [Wierzbicka 1998: 3]. Следствием этой основной идеи является положение, которое можно назвать оруэлловским: если в определенном языке нет слов (*форм*), с помощью которых можно выразить что-либо, то на данном языке об этом нельзя ни подумать, ни даже почувствовать это.

Понятие *произвольный* приобретает чрезвычайно негативную оценку: «Грамматика не является семантически произвольной. Напротив, грамматические различия мотивированы (в синхронистическом смысле) семантическими различиями; любая грамматическая конструкция представляет собой средство выражения определенной семантической конструкции, являющейся смыслом ее существования и критерием, определяющим ее употребление» [Там же].

Непримиримым следствием того факта, что все лингвистическое является семантикой, есть заключение о невозможности существования *исключения*, основанное на том, что ничто в языке не может не подчиняться правилам порядка и гармонии, основанным на смысле.

Существуют источники, на которые А. Вежбицка не ссылается, но которые тем не менее необходимы для понимания ее философской концепции. В первую очередь необходимо упомянуть Якобсона, который в своей статье о структуре русского глагола, опубликованной в 1932 г., говорит о том, что тот, кто — среди множества «случайных и частных употреблений» глагольных форм — знает, как распознать их «основное значение» (*Gesamtbedeutung*),

старается избегать поспешного формулирования правил, которые приводят к возникновению многочисленных исключений [Jakobson 1932 (1985:211—212)].

Второй источник еще более интересен, хотя он и игнорируется А. Вежбицкой, поскольку почти слово в слово соответствует ее положениям. Речь идет о Константине Аксакове (1817—1860), грамматисте-славянофиле и убежденном гегельянце, по мнению которого практически все сводится к правилу и в *языке не может существовать исключений*: «Зачастую мы можем обнаружить особый случай употребления глагола, который — в случае отсутствия должной глубины анализа — может представиться как исключение из правил; однако <...>, если понять подлинное значение этого глагола, мы обнаружим, что на самом деле данный случай полностью соответствует правилам употребления» (Аксаков 1855: 17)^[5].

Необходимо подчеркнуть следующее: в силу того что А. Вежбицка постоянно ссылается на философские языки, о которых мечтали теоретики «*Characteristica universalis*» в XVII—XVIII вв. и которые делают невозможным выражение ложной или нелогичной идеи (прежде всего в данном контексте стоит упомянуть Лейбница), она придает своему семантическому языку совершенно особую целесообразность, исключаяющую понятие *истинности*. Вместо того чтобы создавать язык для адекватного описания мира, она пытается найти язык для выражения смысла, заключенного в самих языках. В самом деле — не может существовать несоответствия между словом и референтом за неимением последнего. В теории, согласно которой возможно знать лишь знание, а не то, что нужно знать, неизбежно топтание на одном месте. «Независимый синтаксис не способен учитывать различий в значениях, и он и не пытается это делать. Однако он даже не учитывает различий в дистрибуции, потому что дистрибуция зависит от значения. Семантический подход к синтаксису позволяет нам найти решение одновременно для двух проблем: он позволяет учитывать различия в дистрибуции; он предоставляет информацию о мире смыслов слепых и произвольных правил индивидов, а также об их мире смыслов слепых и произвольных исключений из этих правил; наконец, он позволяет нам понять, почему синтаксис имеет смысл» [Wierzbicka 1998: 7].

Примером, ярко иллюстрирующим практическое применение данного принципа, является употребление придаточных дополнительных конструкций в английском и чешском языках. Так, можно сказать

- (a1) Mary started TO work;
- (a2) Mary started workING,
но только
- (b1) Mary finished typING the letters;
и нельзя сказать
- (b2) *Mary finished TO type the letters.

По мнению А. Вежбицкой, сосуществование (a1) и (a2) объясняется возможностью *контроля* над действием, отсутствующей в случае (b): синтаксические варианты определяются именно глубинной синтаксической конструкцией (то есть «интенциональным значением»).

Точно так же она полностью отвергает идею о том, что выбор между придаточной дополнительной конструкцией и инфинитивом может иметь минимальную связь с такой формальной характеристикой, как кореферентность подлежащих, как это объясняется в учебниках по языку.

3.1.3. Каждый язык — это Большой Текст

Следствием обобщающей теории А. Вежбицкой является заключение о том, что язык, речь и дискурс являются равнообъемными. По причине полного соответствия между тем, что говорится и тем, что можно сказать на языке, между потенциалом и выражением, любой язык представляет собой гигантский текст, который сводится к своему «семантическому миру». Однако все, что нам известно об этом Тексте — это лишь небольшое количество примеров, взятых А. Вежбицкой из текстов ее любимых русских писателей, главным образом из работ двух поэтесс — Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, — творчество которых она считает репрезентативным с точки зрения представления русской лингвистической картины мира. Вот характерный пример подобного *типа* рассуждений: достаточно один раз согласиться (имплицитно) с тем, что определенный пример представляет собой матрицу для всех возможных результатов речевой деятельности внутри языка, чтобы найти в данном языке любой пример, убедительно доказывающий первоначальный тезис. В дискурсе А. Вежбицкой, функционирующем одновременно на основе аргументов авторитетных людей (на основе цитат философов и писателей) и принципа интуитивной очевидности, не остается места для примеров, доказывающих противоположное, не предполагается существование процедуры для их обнаружения. Речь идет об идее в высшей степени эссенциалистской, полностью противоположной эмпирическому предубеждению в отношении возможности проверки «кандидатов» на роль универсального семантического атома.

Как можно сказать что-нибудь новое, если всё уже сказано до коммуникативного акта как такового, раз весь смысл уже представлен в лексике и грамматике? Остается лишь бесконечно повторять один и тот же Большой Текст — совокупность всех возможных текстов, единственной матрицей которых является язык, что делает невозможной идею о том, что формирование смысла является результатом дискурсивных *практик*. Язык — это фильтр и энциклопедия, он, как у философов романтизма, является совокупностью представлений людей.

Находясь вне рамок альтернативы между *тезисом* и *физисом*, смысл у А. Вежбицкой не основан ни на природе, ни на условности. Он

одновременно является внутренней сущностью языка вообще и каждого языка в частности.

Необходимо сделать одно замечание относительно понятия «естественности»: может ли универсальный семантический быть естественным? Фактически, несмотря на внешнее впечатление, высказывания, произносимые на семантическом метаязыке, не являются высказываниями на естественном языке, поскольку они не могут отличаться от других высказываний и заменять их. Благодаря им язык освобождается от своей неоднозначности, все становится абсолютно эксплицитным, все новое определяется заранее предоставленными элементами и правилами их комбинирования. Семантический метаязык, таким образом, более не является «естественным», поскольку он выражает все имплицитное, отбирая из двусмысленного^[6]. Он является гигиеной мысли.

Мир А. Вежбицкой, полностью лишенный диалогизма, а также параметра социального взаимодействия, можно охарактеризовать как мир застывший и замороженный, как закрытый перечень культурных отображений, «лингвоспецифических ключевых понятий», как мир, в котором смысл является пленником. Кроме того, в нем также нет монологизма, поскольку за нас говорит язык. Как только означающее перестает быть независимым по отношению к означаемому, нельзя более говорить о существовании игры слов, поэзии, метафоры, оговорки или непонимания. Нельзя более говорить о существовании подлежащего, потому что больше нет ни высказывания, ни личной ответственности говорящего за свое высказывание, ни отображения сюжета в повествовании, ни конфликта, ни расхождений.

С помощью своей химеры о непосредственно значащем слове А. Вежбицка старается занять господствующее положение, представить себя единственным лингвистом, способным утолить нарциссическую боль, вызванную тем, что в языке есть что-то, чего мы не замечаем. По ее мнению, в языке нет недоступных нам закоулков, мы можем подвергнуть контролю все, что захотим, эксплицитировать имплицитное, сделать запутанное понятным, — все это благодаря ее семантическому метаязыку, который мерит все на свой аршин, будь то Нагорная проповедь [Wierzbicka 2001] или «деревянный язык» польской Коммунистической партии. Эта старая мечта о надежном основании истинного смысла, лишенном проблем, связанных с произвольностью узуса и языковыми различиями, мечта об устранении недосказанности и невыразимости несовместима с параметром не-целостности и несоответствия языка самому себе, который мы находим в работах А. Кюльоли и Ж. Лакана, утверждающих: «Метаязыка не существует».

3.2. Психология народов

У А. Вежбицкой не найти каузальной гипотезы наподобие той, что мы находим в теории

климатических поясов: единственной реальностью является язык. Язык не допускает ничего, кроме одной вещи — самопознания. Но иногда он является ключом толкования, для того чтобы понимать и интерпретировать коллективное поведение или укрепить наиболее классические и неподдающиеся проверке клише о психологии людей.

Если, как говорят все неогумбольдтианцы начиная с 30-х гг. XX в., язык народа — это его мысль, а его мысль — это его язык, мы моментально сталкиваемся с хорошо известным парадоксом. Любое «лингвистическое сообщество» — пленник картины мира. «Картина мира» — это исчисляемая, закрытая, обособленная категория. Каждое языковое сообщество существует в рамках тотальной лингвистической автаркии без контакта с другими сообществами, без заимствований, без влияния. Эта полностью лишенная последовательности мысль является эссенциалистской мыслью *наподобие* платоновской, согласно которой смысл не имеет истории. Смысл, загнанный в рамки коллективной психологии, способен рассказать нам лишь об этой коллективной психологии, но не о мире.

В рамках подобного иренистского представления о языковом сообществе А. Вежбицка без устали работает над созданием антропологии, которая состоит в полном отказе от социологии в пользу унитаристской этнографии. В отличие от М. Пеше и П. Бурдьё, она не задается вопросом о том, благодаря каким общественным и идеологическим процессам люди приходят к консенсусу в отношении значения слов. Согласно ее теории, не имеет места процесс согласования смысла слов, не имеет места процесс взаимодействия, не имеет места процесс общественного порождения смысла: смысл *есть*, и у нее есть ключ от него. Остается неизвестным, каким образом у слов появляется смысл, но он есть и остается у слов, застыв в вечности. Именно благодаря этой *бесплотности* — о чем А. Вежбицка не подозревает — те, кого она называет *людьми* являются прежде всего *агенсами*, вовлеченными в отношения символической силы [см. Bourdieu 2001].

Образ языкового сообщества весьма прост: достаточно говорить на одном и том же языке, чтобы понимать друг друга. Этот постулат не опирается ни на какие доказательства; будучи обычной логической ошибкой, он зиждется на простой очевидности. Предположение о возможности непосредственного понимания влечет за собой идею о том, что не существует феноменов недоразумений или недопонимания внутри языкового сообщества, что прекращается объясняется единством его «картины мира». Таким образом, можно говорить о мощнейшем редукционизме при объединении людей (например, «русских», «американцев») в стабильные и гомогенные языковые сообщества, в рамках которых невозможны споры в отношении смысла слов.

Согласно *унанимистскому предположению*, общество представляет собой неделимое сообщество, идентифицирующее себя исключительно в рамках собственного понимания лексической и грамматической семантики, свободное от разногласий в отношении смысла слов. Данный тезис напоминает о старой системе ценностей немецкого романтизма, широко распространенной в консервативном мышлении, весьма распространенном в советской и постсоветской России, а именно об идее, что *Gemeinschaft* (языковое сообщество) более истинно, более реально, более аутентично, нежели *Gesellschaft* (общество — механическое объединение людей). Именно поэтому имеет место определенная путаница между предметом антропологии и этнографии, а социология отодвинута на второй план.

Полное уподобление «культуры» языку (и литературе) основано на унитаристском допущении, которое никогда не было выражено ясно, а именно: *все люди, говорящие на одном и том же языке, мыслят одинаково*. Учитывая смелость данной гипотезы, можно было бы рассчитывать на то, что она будет подвергнута проверке посредством гипотетико-дедуктивного метода: необходимо проверить гипотезу в процессе проведения исследования, вместо того чтобы изначально представлять ее в качестве аксиомы, которая, в свою очередь, оказывает влияние на результаты исследования. При этом высок риск замкнутого круга, в конце которого невозможно то, что изначально предполагалось.

Данное следствие, в свою очередь, влечет за собой другие. Так, предполагается, что все люди, говорящие на французском языке, мыслят одинаково, имеют одну и ту же «наивную языковую картину мира», определяемую «культурной традицией», которая «сформирована в «обыденном» сознании определенного сообщества», демонстрирующую «национальный характер» языка. Воссоздание «языковой картины мира нации» или «культурной традиции» предполагает — хотя от этого и не говорится, — что франкоговорящие швейцарцы являются частью той же «нации», что и французы или валлоны, не говоря уже о франкоканадцах (при этом непонятно, имеют ли в таком случае говорящие на диалекте корсиканцы ту же картину мира, что и «французы»), имеют тот же «менталитет» и поэтому отличаются от швейцарцев, говорящих на немецком. При этом интересно — меняется ли «менталитет» последних, когда они переходят с диалекта на литературный немецкий и обратно?

Другие трудности связаны с проблемой изобретательности. Если целостность значения изначально заложена в лексике и грамматике, то есть в языковых *формах*, как можно сказать что-либо новое? Возможен ли научный или философский труд, если он обречен на повторение значения, уже навязанного языком?

Путаница между *понятиями* и *концептами* относится к той же плоскости слов повседневной жизни и концептуальных средств философии. Если русские и французские «концепты» по-разному членят семантическое пространство, как можно объяснить то, что философские школы могут спорить друг с другом, при этом говоря на одном и том же языке? Борьба между материализмом и идеализмом в истории русской философии всегда была предельно жесткой, однако она всегда велась на *одном и том же языке*. Если бы исследование концептов определялось исключительно языком исследования, философия как наука была бы невозможна.

3.3. Ориенталистский миф:

антропологическая полярность

Часто за наукоёмкой риторикой и сложным техническим и критическим аппаратом эксплицитного текста скрыт другой текст — латентный, бесконечно более ценный, поскольку он описывает рождение научного мифа. Этот миф, который у А. Вежбицкой представлен в форме вечного противопоставления Востока Западу, скрывает в себе другой миф, еще более основательно запрятанный в представлениях-архетипах, раскрыть который было бы небезынтересно.

Благодаря научному инструментарию, повсюду обнаруживаются мифические основания. Фантастический тезис, который П. Бурдые выдвигает в «теории климатических поясов» Монтестье (северяне активны и мужественны, южане — пассивны и «женоподобны») [Bourdieu 2001: 335]), перенесен А. Вежбицкой на противопоставление *Восток/Запад*. Ось координат, таким образом, поворачивается на 90°, но термины противопоставления остаются прежними: мир базируется на отношении двух элементов, мужского и женского, которое проявляется в противопоставлении «агентивности» и «пациентности». Вежбицка испытывает слабость в отношении понятия «контроль» — метатермина, довольно регулярно встречаемого в большей части ее исследований и ассоциируемого с понятием агентивности, и, конечно, в отношении понятия «отсутствия контроля» (которое в естественном семантическом метаязыке выражено структурой «not because I want it»).

«Данные синтаксической типологии показывают, что существует *два жизненных подхода*, которые играют разные роли в разных языках: ориентация на 'то, что я делаю', так сказать, *агентивное отношение*, а также ориентация на 'то, что со мной происходит', то есть *пациентивное* или *пассивное отношение*, характеризующее объект воздействия. Агентивный подход представляет собой особый случай каузатива (см. Балли 1920), и указывает на ярко выраженное внимание по отношению к действию или акту волеизъявления ('я делаю', 'я хочу'). При пациентивном отношении, которое, в свою очередь, является особым случаем феноменологической направленности, акцент переносит-

ся на осознание собственного бессилия и на пациентивность ('я ничего не могу сделать', 'со мной происходят различные вещи').

Для выражения агентивности характерно употребление номинативных и номинативоподобных конструкций, тогда как для выражения чувства собственного бессилия и пациентивности — употребление дативных и дативоподобных конструкций. Агентивность и пациентивность находят в неравном положении: активность представлена во всех языках, но не во всех языках — осознание собственного бессилия. При этом языки значительно различаются в плане значения ощущения бессилия. В определенных языках оно не принимается в расчет, агентивный тип предложения в данных языках принимается за модель всех или большинства высказываний о людях: номинативный тип, основанный на агентивной модели, и дативный тип, в котором люди представлены *неспособными управлять событиями*. (выделения автора, П. Серию) [Wierzbicka 1992 (1996: 55—56)].

Подобно тому, как Ш. Балли противопоставляет французский язык немецкому как язык разума языку чувства [Bally 1994: 359], А. Вежбицка обнаруживает свою пару языков, ниспосланную провидением и представляющую собой идеальную пару для ее теории — английский и русский. Очень быстро данная пара языков превращается в пару двух народов: «американцев» и «русских».

Поскольку в английском говорят *he succeeded*, а в русском говорят *ему это удалось*, А. Вежбицка заключает, что «...Английская номинативная конструкция возлагает ответственность за успех или провал предприятия на того человека, который его предпринимает, тогда как дативная конструкция русского языка полностью освобождает человека от любого вида ответственности за конечный результат: что бы ни произошло — что-либо хорошее или что-либо плохое — это не является результатом наших собственных действий» [Wierzbicka 1992 (1996: 72)]. Еще она добавляет, что примеры подобного типа позволяют подвести «хороший итог описанию различий в этнофилософиях, отражаемых данными языками» [Там же: 73], поскольку грамматика русского языка изобилует конструкциями, в которых реальный мир представлен в виде мира «противоречащего желаниям и устремлениям человека или, по крайней мере, не зависящего от этих желаний и устремлений, тогда как английский язык этого почти не делает» [Там же]. Именно дативные конструкции в русском языке (в безличных предложениях) раскрывают «особую направленность семантического мира русского языка и русской культуры» [Там же: 75].

«Объяснение значения показывает, что предложения такого типа являются неагентивными: загадочные и непонятные события происходят без нашего участия, не потому, что кто-то этого хочет, а те события, которые происходят с на-

ми, не зависят от нашего желания. При агентивном подходе, напротив, не происходит ничего таинственного: кто-либо что-нибудь делает, и по этой причине происходят события, поэтому все понятно. Загадочные и непонятные события — это события, которые происходят в результате действий загадочных сил природы. В русском языке предложения, построенные по агентивной модели, имеют более ограниченную сферу применения, нежели в других европейских языках (особенно в английском). Язык отражает и мотивирует тенденцию изображать мир в виде совокупности не поддающихся контролю и пониманию событий — тенденцию, доминирующую в русской культуре. Данные события имеют скорее негативные последствия, нежели позитивные [Там же: 76].

Возникает вопрос о том, необходимо ли было применять столь сложный критический инструмент лишь для того, чтобы воспроизвести несколько старых клише о понятиях активности и пассивности. Идею о том, что неактивные, или эргативные конструкции соответствуют мышлению «пассивного» типа, можно найти в работах К. Уленбека (1866—1951) [см. Sapir 1917], который говорит, что люди, говорящие на языках с эргативной конструкцией, считают человека лишь пассивным орудием в руках божественной силы. Данный тип мышления соответствует религиозному фатализму «отсталых» народов, ощущению всеобщего бессилия человека перед тотемом или природой (народы Кавказа, индейцы Северной Америки и т. д.), в отличие от мышления людей, говорящих на индоевропейских языках, «активная» конструкция которых определяется тем, что субъект всегда представлен именительным падежом.

Закончится ли когда-нибудь дискурс о «славянской душе»? Интересно, являются ли «новые русские», которые катаются на лыжах в Куршевеле, или олигархи, которые инвестируют в нефть, пассивными или «пациентивными» по отношению к жизни? Если из разговоров на террасе кафе мы узнаем, что все шотландцы скупы, а все корсиканцы ленивы, — прекратим ли мы когда-нибудь использовать лингвистику в качестве доказательства для наших фантазий, которые на самом деле должны быть предметом изучения психоанализа?

Заключение

Как и в XVI в., ностальгия по единству порождает мечту о восстановлении единого языка (в данном случае — универсального естественного семантического метаязыка) [см. Dubois 1970]. Но как и в век романтизма, очарование различий (а не разнообразия) языков заставляет создать науку, которую можно назвать частной, детерминированной, лингвистически ограниченной. Тридцать лет работы А. Вежбицкой позволяют нам в одном эклектическом и непоследовательном труде проследить историю лингвистических фантазий нескольких веков.

Оксюморон, противоречие, эклектизм или недоразумение, — данный труд ставит перед нами вопросы своим страстным неприятием зияющего разлома, свойственного человеческому языку, своим стремлением к совершенству и единству. Возможно, в этом и кроется очарование гуманитарных наук, которые своими фантазиями открывают нам больше о человеческой природе, чем своим научным дискурсом.

ЛИТЕРАТУРА

- Безлепкин Н. И. *Философия языка в России*. — СПб.: Изд. СПбГУ, 2001.
- Bally Charles. *Linguistique générale et linguistique française*. 2e éd. — Berne: Francke, 1994.
- Borel Marie-Jeanne. Schématisation discursive et énonciation // *Travaux du Centre de Recherches Sémiologiques de Neuchâtel*. 1975. № 23.
- Bourdieu Pierre. La rhétorique de la scientificité // *Langage et pouvoir symbolique*. — Paris: Seuil, 2001. P. 331—342.
- Certeau, de M. Le parler angélique. Figures pour une politique de la langue // : *La linguistique fantastique* / S. Auroux (éd.). — Paris: Denoël, 1985.
- Couturat L.; Leau L. *Histoire de la langue universelle*. — Paris: Hachette, 1903.
- Dubois Claude-Gilbert. *Mythe et langage au XVIème siècle*. — Bordeaux: Ducros, 1970.
- Jakobson R. Zum Struktur der russischen Verbums // *Charisteria Gvilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis...* — 1932. P. 74—84 (перевод: «О структуре русского глагола // Якобсон Р. *Избранные работы*. — М.: Прогресс, 1985»).
- Katz J. J., Fodor J. A. *The Structure of Language: Readings in the Philosophy of Language*. — Englewood Cliffs N.J.: Prentice-Hall.
- Sapir Edward. Review of C. C. Uhlenbeck: Het passive karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noordamerika // *International Journal of American Linguistics*. 1917. № 1. P. 82—86.
- Seriot P. Une identité déchirée: K. S. Aksakov, linguiste slavophile ou hégélien? // P. Sérriot (éd.): *Contributions suisses au XIIIe congrès mondial des slavistes à Ljubljana*, août 2003. — Bern: Peter Lang. P. 269—292.
- Weisgerber L. Die volkhaften Kräfte der Muttersprache // *Beiträge zum neuen Deutschunterricht*. Herausgegeben von Ministerialrat Dr. Huhnhauser, Frankfurt am Main: Diesterweg, 1939. № 1.
- Weisgerber L. *Vom Weltbild der deutschen Sprache*. — Düsseldorf: Schwann, 1950.
- Wierzbicka A. 1972. *Semantic Primitives*. — Frankfurt a/Main: Athenaeum; trad. fr: *Les primitifs sémantiques*. — Paris: Larousse, 1993.
- Wierzbicka A. *Lingua Mentalis: the Semantics of Natural Language*. — Sydney; N. Y.: Academic Press, 1980.
- Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar*. — Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1988.
- Wierzbicka A. Dusha (=Soul), Toska (=Yearning), Sud'ba (=Fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture // Zygmunt Saloni (ed.): *Metody*

formalne w opisie jezykow slowianskich. — Bialystok: Bialystok University Press, 1990. P. 13—36.

Wierzbicka A. *Cross-cultural Pragmatics : the Semantics of Human Interaction*, Berlin - New-York : De Gruyter, 1991.

Wierzbicka A. The Russian Language // A. Wierzbicka. *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations.* — N. Y.: Oxford University Press, 1992. Chap. 12, p. 395—441 (перевод: «Русский язык // А. Вежбицка. *Язык, Культура, Познание.* — М.: Русские словари, 1996»).

Wierzbicka A. *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese.* N. Y.: Oxford University Press, 1997.

Wierzbicka A. *What Did Jesus Mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts.* — Oxford: Oxford University Press, 2001.

Wittgenstein L. *Tractatus logico-philosophicus*, 1921. Trad. fr. — Paris: Gallimard, 1972.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Этот тезис постоянно повторяется в трудах А. Вежбицкой. См., напр., [Wierzbicka 1988].

[2]. А. Вежбицка всегда использует в своих текстах на английском языке слово 'concept' (концепт), не делая различия между *понятиями* и *концептами*.

[3]. Необходимо заметить, что использование А. Вежбицкой терминологии Гийома д'Оккама связано с обычным недоразумением. Для д'Оккама значение терминов естественного языка (разговорного и письменного) абсолютно условно и может меняться (то, что по-английски обозначается словом «dog», на латыни обозначается словом «canis»). Значение терминов (или концептов) «ментального языка», согласно идее д'Оккама, напротив, определяется природой раз и навсегда. Концепты «естественным образом имеют значения», поскольку они являются концептами. Данное «естественное значение» представляет собой своего рода картину мира, основанную на том факте, что концепты определенным «естественным образом похожи» на свои объекты.

[4]. Здесь подразумевается «говорение на языке ангелов» и «библейская лингвистика» вообще, ср. [de Certeau 1985].

[5]. О статусе правила и исключения у Аксакова — лингвиста-гегельянца, см. [Sério 2003].

[6]. См. по этому вопросу: [Borel 1975: 10].

Статью рекомендуют к публикации члены редколлегии А. П. Чудинов и Э. В. Будаев

В. В. Химик

Санкт-Петербург, Россия

**ГЛОБАЛИЗМ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ИДЕЯ, СЛОВА, ЗНАЧЕНИЯ**

Аннотация. Рассматривается противоречивый процесс становления идеи всеединства, гиперинтеграции, глобализации в зеркале русской лексической номинации и семантики на примере ряда слов, семантических вариантов и словообразовательных гнезд; предлагается объяснение исторических предпочтений в формировании идеи и выборе ее вербальных интерпретаций.

Ключевые слова: всеобщий; общемировой; всеединство; универсальность; глобальность; глобализм; идея гиперинтеграции; номинация; семантическое пространство.

Сведения об авторе: Химик Василий Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11, Санкт-Петербургский государственный университет, Филологический факультет.
e-mail: vvkhimik@mail.ru.

V. V. Khimik

St. Petersburg, Russia

**GLOBALISM IN THE RUSSIAN LINGUISTIC
AND IDEOLOGICAL SPACE:
IDEA, WORDS, MEANINGS**

Abstract. The article describes the process of development of the idea of unity, hyperintegration, globalization, in the sphere of Russian lexical nomination and semantics on the example of a number of words, semantic variants and word-formation clusters. The author suggests explanation of the historic preferences in the formation of the idea and choice of its verbal interpretations.

Key words: universal; general; unity; universality; global; globalism; idea of hyperintegration; nomination; semantic space.

About the author: Khimik Vasily Vasilievich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Концепт глобальности в русском языке выступает как семантическая доминанта. Семантические доминанты представляют собой фундаментальные идеи, характеризующиеся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке, а также пониженной степенью коммуникативной осознаваемости.

Е. В. Падучева [Падучева 1996].

**1. Идея глобальности/глобализма
и традиционные способы ее номинации
и интерпретации в русском языке**

1.1. В русском языке существует обширное множество слов, традиционных собственно русских и заимствованных, с помощью которых может быть оптимально представлена отвлеченная концептуальная идея «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего», или, иначе, идея гиперинтеграции, глобальности, глобализма. Почему эта достаточно определенная, естественная и закономерная, мыслительная и практическая идея получила в русском языковом сознании не две-три, как можно было бы ожидать, номинации, а десятки обозначений, слов и значений, притом не только собственно русских, но и заимствованных? Чем отличаются друг от друга разные по происхождению, содержанию и функционированию обозначения «полного охвата всего»? Как формировалось обширное семантическое пространство гиперинтеграции в русском языке и почему появилась коммуникативная потребность в иноязычных заимствованиях?

Ответы на эти непростые вопросы начнем с анализа традиционных, собственно русских по происхождению слов, представляющих своеоб-

разный «вход» в концептуальную сферу глобальности, таких, например, как *всеобщий* и *всеобщность*, *всемирный* и *всемирность*, *всеохватный* и *всеохватность*, *всеобъемлемый* и *всеобъемлемость*, *всесторонний* и *всесторонность*, *повсеместный* и *повсеместность*, *всеединный* и *всеединство*, *соборный* и *соборность*, а также *мировой*, *вселенский*, *планетарный*, *всепланетный*, *общенародный*, *общечеловеческий*, *общемировой*, *всечеловеческий*, *всеобъемлющий*, *всеобнимающий*, *абсолютный*, *поголовный*, *повальный*, *сплошной*, *исчерпывающий* и др.

Все множество лексико-семантических и словообразовательных интерпретаций концептуальной идеи глобальности/глобализма, или «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего», группируется вокруг трех основных аспектов, или содержательных вариантов, гиперинтеграции: социального, локального и количественного. Каждый из этих вариантов представлен соответствующей группой слов, лексических репрезентантов глобальности и глобализма, объединяющихся вокруг трех доминантных прилагательных: *общий* («социальный»), *мировой* («локальный») и *единый* («количественный»). Рассмотрим каждую из этих

трех групп — содержательных вариантов гиперинтеграции, глобальности.

1.2. Общий — всеобщий, всеобщность, общечеловеческий, общенародный...

Первая из трех названных групп слов семантического пространства глобальности — **социальная**, или совокупность слов, в семантическом содержании которых идея всеобщего охвата, гиперинтеграции отличается некоторой социальной ориентацией: *общий, всеобщий, всечеловеческий, общечеловеческий, всенародный, общенародный, всенациональный, общенациональный, поголовный, повальный* и т. п.

Социальная ориентация, т. е. объединение, охват чего-л., квантификация с направленностью на обширные группы или объединения людей, представлена уже в доминантной единице — в слове *общий*, которое определяется в современных толковых словарях следующим образом: «...1. Относящийся ко всему, всем; распространяющийся на всех, всё. *Общее правило*... 2. Осуществляемый совместно с кем-л.; коллективный... *Общие игры*... 3. Принадлежащий всем или нескольким, находящийся в совместном пользовании. *Общее имущество*... 4. Одинаковый, сходный с кем-л. ...*Общие интересы*...» [МАС 1982: II, 577; см также Ожегов, Шведова 1992: 452; БТС 1998: 692]. Как видим, «общий» — это распространяющийся на всех или многих, охват, направленный на людей как на объектов интеграции или исходящий от людских сообществ как от субъектов объединения.

Отметим, что современное русское слово *общий* заимствовано из церковнославянского языка (ср. с исконно русским *обчий*), и его первичная образность едва ли осознается современными носителями языка. Между тем в праславянской истории оно означало «*obytjo - 'то, что вокруг' (от *oby...))» [Фасмер 1971: III, 110], вокруг субъекта, человека. Т. е. интеграция заключала в себе отражение важнейшего для мифологического сознания прошлого образа круга, кругозора. Очевидно, и весь комплекс современных значений прилагательного *общий* имеет в своей основе некогда утраченный (историческая приставка *об-* здесь тоже уже не осознается) образ круга, кругозора человека: «всё, что вокруг, что одинаково распространено во всех направлениях от смотрящего и что находится внутри этого пространства», т. е. распространение чего-либо, широкий охват, совокупность, направленные на множество объектов. Тот же скрытый образ круга, широкого охвата и совокупности объектов отчасти сохраняется и в некоторых производных от *общий* словах социальной направленности: *община, общество*.

Значение «распространенности чего-л. на всех, охвата всего» еще более определенно представлено в производных образованиях от рассматриваемого слова: в прилагательном *всеобщий* и существительном *всеобщность*. *Всеобщность* — это лексическое выражение

некоторого отвлеченного свойства по значению прилагательного *всеобщий*, которое, в свою очередь, семантизируется как «1. ...Охватывающий всех, обязательный для каждого... *Всеобщая мобилизация*... Принадлежащий всем; общий... *Всеобщий любимец*... 2. Происходящий при участии всех, совершаемый всеми; всенародный... *Всеобщие выборы*... 3. Распространяющийся на весь мир, на все человечество; всемирный... *Эпоха всеобщего разоружения*... Относящийся к разным странам мира, предназначенный для всех или для многих стран... *Всеобщая история*... 4. Происходящий на значительной территории, во многих странах... *Всеобщая засуха*...» [СЛЯ 1991: 571—572].

Всеобщий и *всеобщность* отличаются от производящего *общий* заметным усилением значения охвата объектов и субъектов (в основном по-прежнему лиц, людей) и расширением границ интеграции, что достигается использованием в структуре производных слов морфемы *все-*. *Все* — это одна из форм так называемого определительного местоимения (местоимения-прилагательного) *весь* (*вся, всё, все*), которое указывает на целостный класс предметов или явлений, состоящих из однородных или разнородных частей, любой по объему. Семантическое содержание слова *весь* — «целый, полный; без остатка, от начала до конца, полностью, целиком» [СЛЯ 1991: 149]: *вся страна, весь мир, всё человечество*. В сочетании с прилагательными и существительными местоимение *весь* (*вся, всё, все*) «указывает на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений... на совокупность предметов, понятий, явлений и т. п. целиком, без каких-л. исключений...» [СЛЯ 1991: 151—153]: *все люди земли; всё прогрессивное человечество*. Местоимение *весь* можно соотнести по смыслу с местоименными наречиями *везде, всегда, всюду*, однако последние уступают ему по полноте и цельности охвата плана содержания, поскольку выражают только локальное (*везде, всюду, повсюду, отовсюду*) либо только темпоральное (*всегда, навсегда*) обобщение.

Небезынтересно отметить, что этимология слова *весь* уходит своими корнями к древнейшему периоду общеславянского языкового единства (до 2-й пол. 1-го тысячелетия н. э.), и, как отмечают историки языка, это слово образовано во всех славянских и балтийских языках от основы со значением 'размножать, выводить' [Фасмер 1964: I, 304—305] — кстати, по той же семантической модели, что и соотносительное германское местоимение *all* [Фасмер. Там же]. Можно предположить, что в основе возникновения абстрактного значения цельности и полноты слова *весь* заключалась, по видимости, идея квантификации (множества, увеличения), которая была перенесена и в образовавшиеся затем от местоимения *весь* наречия: *всегда* («всё время»), *всюду, везде* («во всех местах»). Слова *общий* и *весь* оказались семантически

близкими: оба выражают идею интеграции, широкого охвата чего-/кого-либо. Однако слово *весь* в качестве словообразовательного форманта в рассматриваемых отвлеченных существительных и прилагательных подвергает значение интеграции заметному усилению: распространенность и широкий охват чего-/кого-л. с употреблением компонента *все-* становится максимальным, а совокупность представляется конечной. И всё это отражается в приведенных выше толкованиях местоимения *весь* — «от начала до конца», «полностью», «исчерпывающий охват», «совокупность целиком», например: *Весь день, всё население, вся страна, все люди* — в каждом случае подразумевается полное, исчерпывающее количество чего-/кого-либо^[1]. Тем самым элемент *все-* фактически приобретает увеличительное квантифицирующее значение интеграции, усиления того, что представлено в другой корневой части слова, например: *общий* — *всеобщий*. Наличие форманта *все-* придает значению уже выраженной интеграции дополнительно усиленный и исчерпывающий характер: распространение охвата на значительное и полное множество объектов. В результате морфемный статус корневого элемента *весь-* оказывается не только и даже не столько словообразовательным семантическим, сколько модификационным и усилительным^[2], и это его употребление оказывается функционально идентичным употреблению форманта *общ(е)-* в составе сложных слов, выражающих общее значение «распространения чего-л. на всех или на всё, охват всего», построенных на основе понятий «человек» — «человеческий», «народ» — «народный», «нация» — «национальный»: *всемирный/общенародный, всечеловеческий/общечеловеческий, всенациональный/общенациональный*.

Так, обобщенное по характеру своего значения производящее прилагательное *человеческий* ('имеющий отношение к людям, такой, как у людей' и др.) с использованием форманта *общ(е)-* лишается многозначности, но приобретает гиперинтегральное содержание: *общечеловеческий* (то же, что *всечеловеческий*) — 'имеющий отношение ко всем людям', например: *Охрана природы — общечеловеческая (= всечеловеческая) забота. Проблема наркомании приобрела всечеловеческий (= общечеловеческий) масштаб*.

Несколько иначе выражается идея интеграции при образовании аналогичных модификаций слова *народный* ('имеющий отношение к народу, принадлежащий народу, тесно связанный с народом' и др.). *Общенародный* — «общий для всего народа, принадлежащий всему народу; всемирный» [МАС 1982: II, 576]. В свою очередь, *всемирный* — «принадлежащий всему народу, охватывающий весь народ; общенародный» [МАС 1981: I, 229]. Семантизация двух слов происходит с помощью взаимной синонимической отсылки, и этим подчер-

кивается возможность совпадения их употребления. Например: *Пользоваться общенародным (= всемирным) уважением. Объявить общенародным (= всемирным) достоянием*. Но есть и некоторое различие в способах интеграции: формант *общ(е)-* выражает гиперинтеграцию как объединение, «охват всех», в то же время морфема *все-* подчеркивает в рассматриваемых словах исчерпывающую количественную дистрибуцию, как бы полное перечисление составляющих. При этом оба слова передают интеграцию, более ограниченную в своем охвате (обычно в пределах одного народа, отдельной страны), чем это содержится в более отвлеченном слове *всеобщий*.

Те же наблюдения можно отнести и к интегральным производным от *национальный*. *Общенациональный = всенациональный* — «охватывающий всю нацию, весь народ...» [СЛЯ 1991: 570], ср.: *общенациональная корпорация — всенациональная корпорация, общенациональное движение — всенациональное движение*. Некоторое различие двух слов связано скорее с традициями их употребления, чем с вариантами семантики: слово с формантом *общ(е)-* используется чаще, чем прилагательное с морфемой *все-*, которая придает ему дополнительный стилистический оттенок книжности, например: *Только всенациональное единение страны помогло ей выстоять*.

Среди других гиперинтегральных слов группы с социальной ориентацией отметим прилагательные *поголовный* и *повальный*. Социальный аспект интеграции в прилагательном *поголовный* выражается в том, что оно «квантифицирует как людей, так и животных» («по головам» — В. Х.) и «соответственно со своей внутренней формой, указывает на то, что каждый представитель каждого класса рассматривается индивидуально» [НОСС 2003: 77—78]. Фактически это означает специализацию и ограничение идеи глобальности, «охвата всех». Подобные специальные ограничения имеет и прилагательное *повальный*, которое интегрирует «субъекты состояний, причем преимущественно таких, в которые субъект попадает не по своей воле... а под влиянием окружения, обстоятельств. В первую очередь оно характеризует болезни... или состояния, которые в той или иной степени уподобляются болезням» [НОСС 2003: 8].

Из всей рассмотренной группы слов, составляющих семантическое пространство гиперинтеграции, только два прилагательных образуют соответствующие имена существительные со значениями предельно отвлеченного свойства или состояния: *всеобщий* → *всеобщность* и *всемирный* → *всемирность*. Но свойство или состояние в существительном *всемирность* отличается непосредственно выраженной социальной ориентацией («нечто имеющее отношение ко всему народу или всем народам»), тогда как *всеобщность* может выражать

квантификацию действий, состояний, способностей, т. е. более универсальное содержание: «нечто, имеющее отношение ко всем или всему», например: *всеобщность преобразований, всеобщность веры в бессмертие, всеобщность бытия, всеобщность гипотезы* и т. п. Тем самым будем считать существительное *всеобщность* доминантным^[3] выражением отвлеченного типизированного свойства или явления гиперинтеграции, или глобальности.

1.3. *Мировой — общемировой, всемирный, всепланетный; всеохватный, всеобъемлемый...*

Вторая составляющая рассматриваемого семантического комплекса «распространенности чего-л. на всё или всех, охвата всего» так или иначе привносит в выражение идеи глобальности сопутствующий локальный мотив, или некоторое представление об интеграции, распространяемой на **огромное пространство**: *мировой, общемировой, всемирный, планетарный, всепланетный, вселенский, всеохватный, всеобъемлемый, всеобъемлющий, всеобнимающий, всесторонний, повсеместный, сплошной* и др.

В основе объединения части слов данной группы находится производящее существительное *мир* с целой системой лексических значений, которые передают представление о гигантском локусе, о глобальном пространстве: *мир* — это «часть Вселенной; планета... Земной шар, Земля со всем существующим на ней... Всё живое, всё окружающее... Окружающее общество, люди...» [МАС 1982: II, 274]^[4]. Соответственно прилагательное *мировой* — это имеющий отношение к Земле как к «части Вселенной... *Мировое пространство. Мировой океан.* ...Охватывающий земной шар, все народы земного шара; имеющий значение для всего мира; всемирный... *Мировой рынок. Мировая война. Мировая история...* Принятый во всем мире... *Мировые стандарты...* Известный всему миру ...*Мировая литература*» [МАС 1982: II, 276]. Слово *мировой* отличается от прилагательных *общий* и *всеобщий* конкретной пространственной ориентацией «охвата всего», а через это пространство — распространением интеграции на всё существующее в нем: *мировой океан, мировая территория, мировые запасы, мировая политика, мировой разум.* В этом плане может показаться избыточным образование производного прилагательного *общемировой* с морфемой дополнительной интеграции, но, тем не менее, оно существует и служит выражением признака подчеркнутой, усиленной интеграции, обязательного «распространения на всех, охвата всего населения мира» [БТС 1998: 691], ср.: *мировые проблемы — общемировые проблемы; мировое сообщество — общемировое сообщество.* В то же время морфема *общ(е)-* оказывается неуместной для некоторых клишированных составных наименований: *мировая война, мировой океан, мировая литература* и т. п.

Аналогичное усилительное назначение имеет в гиперинтегральных номинациях с корнем *мир-* и формант *все-*. Так, прилагательное *всемирный*, образованное от словосочетания *весь мир*, означает: «...Распространяющийся на все человечество... *Всемирное братство...* Связанный с разными странами мира, предназначенный для всех или многих стран... *Всемирная история...* Имеющий большое значение для всего человечества... известный всему человечеству, признаваемый всем человечеством... *Всемирное значение. Всемирная известность. Всемирное признание...*» [СЛЯ 1961: 569]. Практически во всех случаях прилагательное *всемирный* оказывается полным синонимом к слову *общемировой*: то же усиление интеграции и глобализации характеризуемых объектов. Вместе с тем *всемирный* и *общемировой* не являются полностью взаимозаменяемыми, в речевой практике существует целая серия устойчивых наименований с атрибутом *всемирный*, который не может быть заменен на *общемировой*, например: *всемирный конгресс, всемирная олимпиада, всемирная выставка, всемирный потоп, всемирное тяготение* и т. п. И еще одно важное отличие. Прилагательное *всемирный* образует отвлеченное существительное *всемирность* как выражение «свойства и состояния по знач. прил. *всемирный*» [СЛЯ 1961: 569], в то время как слово *общемировой* такого производного не имеет.

Близки к семантическому содержанию слов *мировой* и *всемирный* прилагательные *планетарный* («охватывающий весь земной шар; всемирный» [МАС 1983: III, 132]) и *всепланетный* («охватывающий всю планету, распространяющийся на всю планету...» [СЛЯ 1991: 572]). Однако внутренняя форма этих прилагательных, или представление о возможности обозначения словом «планета» любого небесного тела, придает рассматриваемым прилагательным (как и потенциально возможному существительному *всепланетность*) дополнительную коннотативную окраску «космического преувеличения», своеобразной стилистической гиперболы, которой нет в более нейтральных словах *мировой* и *всемирный* (ср.: *всепланетные войны, всепланетная экономика, всепланетное значение*). То же стилистическое преувеличение можно отметить и в прилагательном *вселенский*^[5] — «всемирный, охватывающий всю землю...» [СЛЯ 1961: 567]. Не случайно это последнее выражение гиперинтеграции допускает множество экспрессивных гиперболизированных метафор, например: *вселенское горе, вселенский позор, вселенский трезвон, вселенская слава* и т. п.

Специфическое пространственное ограничение содержится и в другой группе гиперинтегральных прилагательных локальной ориентации: *всеохватный, всеобъемлемый, всеобъемлющий, всеобнимающий, всесторонний, повсеместный.* Так, прилагательное *всеохватный*,

образованное от сочетания *всё охватить/охватывать*, сохраняет в своем содержании пространственную интенцию глагола *охватить* — «1. ...обнять... 2. Расположиться вокруг чего-л. ...3. Распространившись по всему... пространству... заполнить... объять» [МАС 1982: II, 727—728]. Предельная интеграция, передаваемая с помощью базового элемента *-охват-* и усиленная формантом *весь-*, приобретает здесь особую окраску благодаря метафорическому образу охватывающих (образующих круг) рук человека. При этом, будучи глагольным, корень *-хват-* придает всему содержанию отвлеченной интеграции в прилагательном *всеохватный* и существительном *всеохватность* дополнительный импульс активного действия, акциональности (ср.: *хватать что-л., охватить что-/кого-л.*) — семантический компонент, который отсутствует в гиперинтегральных номинациях *всеобщность* и *всемирность*. Кроме того, семантика производящего глагола *охватить/охватывать* отличается сильным объектным управлением («включать в себя, в свой состав, в свое содержание... *Охватывают период... Охватить все пространство...*» [МАС 1982: II, 728]), т. е. предполагает позицию обязательного объекта интеграции.

Аналогичное содержание передают и прилагательные *всеобъемлемый, всеобъемлющий, всеобнимающий*, которые являются близкими синонимами к слову *всеохватный*. Очевидную синонимичность этих слов создает общая для них образность широкого «объятия/охвата», усиливаемого и гиперболизируемого формантом *все-*: *всеобъемлемая доброта, всеобъемлющее влияние, всеобнимающий интерес*. Отметим, однако, что перечисленные гиперинтегральные номинации с однотипной образностью «круга-объятия» используются преимущественно для характеристики отвлеченных мыслительных понятий; нередко так говорится о знаниях: *всеобъемлемое описание, всеобъемлющая характеристика*. Возможно, это влияние старой метафоры и старого производящего слова *объемлемость* («объятность, возможность быть объяту» [Даль 1882: II, 607]), архаичность которого и придает особую книжность и отвлеченность рассматриваемым единицам. Традиционная отвлеченность и сочетаемость позволяет, однако, легко образовывать от некоторых из этих прилагательных абстрактные существительные: *всеохватность* и *всеобъемлемость*, — которые тоже отличаются ограниченной сочетаемостью (*всеохватность, всеобъемлемость* — *желания, идеи, мысли, души, ума* и т. п.), в отличие от более нейтрального и универсального слова *всеобщность*.

Иного рода ограничения употребления характеризуют слово *всесторонность*. Образованное от прилагательного *всесторонний* («охватывающий все стороны чего-л.; рассматривающий что-л. со всех сторон...» [СЛЯ 1991: 575]: *всестороннее обсуждение, всестороннее*

развитие), это существительное со значением отвлеченного свойства тоже косвенно представляет идею некоего метафорического «пространства, которое имеет разные стороны», и это осмысление приводит отвлеченное существительное *всесторонность* к регулярному книжному употреблению: *всесторонность подхода, всесторонность осмысления, всесторонность учета всех фактов, всесторонность и полнота исследований*.

Иначе интерпретируется локальный компонент концепта глобальности в слове *повсеместность* — «свойство по знач. прил. *повсеместный...*», распространение чего-л. «всюду, везде, на какой-л. обширной территории» [МАС 1983: III, 162]. Представление об интеграции, широкой распространенности чего-либо реализуется здесь внутренней формой образования — производящим предложно-падежным сочетанием *по всем местам*, которое и сообщает производным словам *повсеместный* и *повсеместность* дополнительные оттенки пространственной и дистрибутивно-множественной ориентации характеризуемых объектов. Например: *повсеместность голосования, повсеместность архивов, повсеместность солнечного света, повсеместность пиратских копий* («во всех местах какого-л. пространства»).

Возможно, аналогичная причина локальной ориентации препятствует образованию отвлеченного существительного и от слова *сплошной*, во внутренней форме которого тоже ощущим признак пространственной характеристики — «тянущийся, продолжающийся без перерывов, без промежутков, заполняющий собой какое-л. пространство... *Сплошная рубка леса. Сплошная грамотность*» [МАС 1984: IV, 226], — но немаловажным фактором здесь является, вероятно, и «сопротивление формы», традиция словообразования.

1.4. *Единый — всеединый, единство, всеединство, соборность*

Слова группы «единый» составляют третий пласт лексических выражений семантического пространства «распространения чего-л. на всех или на всё, охват всего» — **количественный**. Идея интеграции предстает здесь как сведение некоего множества к нераздельности, целостности, подобно единицы, что и отражено в соответствующем значении многозначного слова *единый*: «...Цельный, нераздельный. *Единый фронт. Единое государство...* [МАС 1981: I, 463]. Обычно это интеграция составляющих, которые могут быть разными по масштабу, в том числе небольшими множествами или совокупностями — *единый коллектив, единый процесс, единая позиция, единый взгляд*: «как один».

Слово *единый* может быть производящим и для целого ряда частных интегральных лексических образований, в которых корневой элемент *един(о)-* выражает значение «охвата всего подобного, многое в едином», например: *единомыслие, единоверие, единовластие, едино-*

началие и т. п. Тот же уровень количественной интеграции представлен и в основном значении производного существительного *единство*: «...Цельность, нераздельность... *Внутреннее единство чего-л. Принцип единства...*» [МАС 1981: I, 463], например: *единство мира, единство веры, единство экономики, единство управления*.

Интегрирующее значение, построенное по типу «многое в едином», кажется, может быть усилено с помощью модификационного форманта *все-*. Но прилагательное *единый* с таким усилением (**всеединый*), хотя потенциально и возможно, в словарях не зафиксировано. Зато известно другое образование: *всеединство*. Это отвлеченно-книжное слово создано, по всей вероятности, по аналогии с подобными номинациями других языков (ср. греч. *ἕν χαί, τᾶυ*, лат. *Unopnia*, нем. *Alleinheit*), но в полном соответствии с законами русского словообразования, поэтому оно воспринимается как собственно русское производное от существительного *единство*, полученное соединением с усилительно-квантифицирующим формантом *все-*. *Всеединство* — это «полное единство, безраздельная общность взглядов, мнений, чувств и т. п. (обычно в торжественной речи). ...*Ощущение всеединства душ зрителей...*» [СЛЯ 1991: 565]. Идея глобальности получает здесь еще одну семантическую интерпретацию: специфическая количественная («многое или всё как единое») гиперинтеграция, ориентированная на охват не столько материальных составляющих, сколько идеальных и даже идеологических. Возможно, поэтому *всеединство* чаще рассматривается как специальный термин — обозначение особой мыслительной категории в философии и богословии.

К этой же группе лексических единиц семантического пространства «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего» тяготеет и слово *соборность*^[6]. Внутренняя форма этого отвлеченного существительного организуется конкретным глаголом *собрать/собирать*, означаящим «...сосредоточить в одном месте (многое, многих)» [МАС 1984: IV, 171]. Благодаря семантике корня *сбор-* (от *собр-/собр-*) идея гиперинтеграции, глобальности представлена в данном существительном как выражение нераздельности объединяемых объектов, как их целостность и подобие единице.

Однако основная семантика отвлеченного существительного носит специальный характер: *соборность* — это «...свободное единство множества людей, объединенных любовью к Богу и друг к другу (как одно из свойств православной Церкви)» [ТСЯИ 2001: 733]. Или, иначе, «...один из основных признаков христианской церкви, фиксирующий ее самопонимание как всеобщей, универсальной... как общий принцип устройства бытия, характеризующий множество, собранное силой любви в “свободное и органическое единство”» [ТСРЯ 2003:

1117]. Впрочем, допускается и расширенное понимание слова *соборность*: «О единстве вообще. ...*Русские ощущают свое единство, соборность*» [ТСЯИ 2001: 733]. Однако во всех случаях отвлеченное существительное *соборность* все-таки сохраняет свою специализированность, идея гиперинтеграции принимает здесь суженный смысл, идейный или ментальный, и поэтому уступает по своему интегральному языковому потенциалу другим отвлеченным номинациям всеобщности.

Итак, совокупное семантическое пространство выражения «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего» традиционными языковыми средствами составляет три содержательные области интеграции: **социальную**, представленную доминантным словом *общий*, **пространственную**, организующуюся вокруг слова *мировой*, а также **количественную**, основное содержание которой передается словом *единый*. Каждая из областей и все семантическое пространство всеобщности в целом представлено большим числом лексических единиц, прилагательных и существительных, выражающих идею интеграции и гиперинтеграции. Наиболее отвлеченное выражение идеи **глобальности как свойства** в русском языке осуществляется отвлеченными отадаъективными существительными: *всеобщность, всенародность, всемирность, всеохватность, всеобъемлемость, всесторонность, повсеместность, всеединство, соборность*. Однако большинство из этих слов содержит помимо основного значения гиперинтеграции различные семантические созначения, коннотативные дополнения или характеризуется ограничениями в сочетаниях. Это эксплицитно выраженная социальная (*всенародность*) или пространственная (*всемирность, всеохватность, всеобъемлемость, всесторонность, повсеместность*) ориентация, подчеркнутая книжно-стилистическая ограниченность (*всеохватность, всеобъемлемость, всесторонность*) или специальная терминоподобная предназначенность (*всеединство, соборность*). В наибольшей мере свободно от тех или иных ограничений семантики, прагматики или сочетаемости имя существительное *всеобщность*, с помощью которого идея гиперинтеграции, или глобальности, выступает в наиболее «чистом» виде и которое может представлять разные отвлеченные варианты интеграции, различающиеся масштабами — как относительно малыми (*всеобщность трудового порыва горожан*), так и глобальными (*всеобщность идеи разоружения*), — что делает это слово наиболее универсальным, а значит, и наиболее абстрактным.

2. Расширение числа лексических интерпретаций идеи глобальности/глобализма за счет иноязычных слов

2.1. Конец 80-х — начало 90-х гг. XX столетия характеризуется реальным изменением политико-экономической ситуации в мире в сто-

рону всеобщей и разнонаправленной интеграции. Человечество на практике начинает осознавать единство и взаимосвязанность не только природно-биологических факторов своего существования, но и многих процессов общественной и экономической жизни, происходящих на Земле. По всему миру распространяется экологическое движение, возникает и быстро развивается всемирная электронная связь, получившая характерное название Internet, зарождаются и быстро распространяются такие понятия, как мировая экономика и геополитика. Оставляя в стороне возможные оценки всех этих явлений и процессов как положительных или отрицательных в том или ином отношении, отметим бесспорный факт: в русском языковом сознании актуализируется объективная коммуникативная потребность в адекватных и точных номинациях для всех этих реалий нового мира и нового времени. Казалось бы, национальный русский словарь уже располагал всеми необходимыми средствами для обозначения таких реалий, т. е. рассмотренными выше многочисленными собственно русскими лексическими интерпретациями идеи всеобщности, «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего». Однако, как мы убедились, многие из таких лексических номинаций семантического пространства всеобщности оказались нагруженными разного рода дополнительными значениями, функциональными ограничениями или спецификациями, ориентированностью на собственно локальные, пространственные или религиозно-ментальные смыслы.

Впрочем, помимо собственно русских по происхождению слов, уже к середине XIX в. в национальном русском словаре имелось и множество других, заимствованных номинаций для воплощения идеи «полного охвата всего». Причиной появления новых, заимствованных слов были, очевидно, потребности книжной речи, научной или публицистической, которая нуждалась в предельно отвлеченных, нейтральных и универсальных номинациях, не связанных с очевидностью внутренней формы или с разного рода ограничениями словоупотребления родного слова. Не последнюю роль в процессах заимствования играли и факторы «словесной моды», популярности некоторых иноязычных новаций, придававших публичной речи эффект современной и передовой коммуникации. Однако еще большее значение имело, вероятно, естественное стремление мыслящих людей к межкультурному взаимопониманию, к терминологической интеграции, которая последовательно достигалась в том числе и расширением фонда интернациональной лексики. Эти общие соображения отчасти подтверждаются тем обстоятельством, что новые слова, выражающие идею всеобщности, в основе своей дублируют базовое содержание соответствующих собственно русских слов и повторяют особенности их внутренней формы. Таковы, на-

пример, номинации *универсальный*, *интегральный*, *тотальный*, *глобальный*, *грандиозный*, *масштабный*, *массовый*, *кардинальный*, *фундаментальный*... Особого внимания в этом обширном ряду слов, проникавших в русский словарь в те или иные периоды национальной истории, заслуживают номинации *универсальный*, *интегральный*, *тотальный* и *глобальный*, в которых идея гиперинтеграции выходит наиболее прямое и непосредственное выражение.

2.2. Универсальный, универсализация, универсализм...

Одна из самых распространенных и популярных номинаций идеи всеобщности — известное в русской языковой культуре со времени Петра I прилагательное *универсальный*. Основное значение этого слова, по данным ряда толковых словарей, — «охватывающий всё, многое; всеобъемлющий. *Универсальное явление. Универсальный закон природы...*» [БТС 1998: 1389; МАС 1984: IV, 497]. Это слово представляет целый комплекс родственных образований с общим латинским корнем *ūnīversus* (*unus + versus*) — «1) весь, целый, взятый в совокупности... 2) общий, всеобщий...» [ЛРС 1961: 690], например: *универсум*, *универсалия*, *универсальный*, *универсализм* и т. п. Среди таких слов, в той или иной степени связанных с интерпретацией идеи всеобщности, глобальности, отметим наиболее отвлеченные и специализированные образования: *универсум* (от лат. *universum*) — «общее, обобщенное представление, понятие о чем-л. ...*Универсум знаний*» [БТС 1998: 1389] и *универсалия* (от лат. *universalis*) — «общее понятие, всеобщая идея, имеющая самостоятельный смысл». Так, например, *языковые универсалии* — это свойства или характеристики, обнаруживаемые во всех языках, свойственные всем языкам. Однако оба эти понятия и оба слова хотя и связаны с представлением о концептосфере всеобщности, относятся к области специальных, научных знаний, тогда как в данной статье мы рассматриваем общеязыковые, социализованные представления об идее всеобщности.

Наиболее социализованным и распространенным в русской речи является, несомненно, слово *универсальный*. Общепринятое толкование, происхождение и возможности синонимических замен этого слова (*универсальный закон = всеобщий, всемирный закон*) позволяют сделать заключение о том, что прилагательное *универсальный* вполне соотносится по своему семантическому содержанию с традиционными русскими обозначениями гиперинтеграции, такими как *всеобщий*, *всеединый*, *всеобъемлемый*. То же можно сказать и о производном от прилагательного существительном *универсальность* — «свойство, признак по прилагательному *универсальный*»: *универсальность знаний*, *универсальность метода исследования*. Однако в общем содержании прилагательного и образованного от него существительного отчет-

ливо проявляется и другая, дополнительная линия развития семантики, которую некоторые словари даже расценивают как основную, ср.: *универсальный* — «...1. Разносторонний, охватывающий многое... *Универсальная подготовка*. 2. С разнообразным назначением, для разнообразного применения... *Универсальное средство*» [Ожегов, Шведова 1992: 864; Лопатин 1997: 741]. Именно этот вариант значения стал источником производных образований, широко употребляемых в обиходной речи: *университет, универсант, универмаг, универсам, универсал, универсализация* и т. п. Тем самым семантическая структура слов *универсальный* — *универсальность* строится на основе оппозиции двух базовых компонентов в ее составе: «всеобщности» (*универсальный закон* — «общий для всех») и «разнообразия» (*универсальная подготовка* — «разносторонняя»), которые и формируют два основных лексико-семантических варианта каждого из этих слов. Первый вариант значения — «всеобщность» — относится к рассматриваемому нами семантическому пространству «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего», т. е. отражает идею всеобщности, глобальности; второй вариант значения — «разнообразии» — относится к другой содержательной сфере и, очевидно, к другому мыслительному концепту — «дистрибуция, распределение».

Аналогичную семантическую двойственность сохраняет и слово *универсализм*. С одной стороны, это «разносторонность, широта знаний, профессиональных навыков и т. п. ...*Универсализм композитора, рабочего, конструктора...*» [БТС 1998: 1389], а с другой стороны, *универсализм* — «всесторонность, всеохватывающее знание; стремление к целостности»: *социологический универсализм, универсализм экономики, универсализм политики*.

Тем самым весь ряд рассматриваемых слов, и прежде всего словообразовательная пара *универсальный* — *универсальность*, сдвигается в сторону выражения многообразия и разносторонности, а выражение всеобщности, «полного охвата» оказывается периферийным, вторичным в структуре лексико-семантического содержания слова, а значит, уступает по своему функциональному потенциалу другим выразителям идеи всеобщности.

2.3. *Интегральный, интегрировать, интеграция, сверхинтеграция...*

Прилагательное *интегральный* обычно не включают в синонимические группы слов с общим значением «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего». Между тем его семантика тоже приближается к представлению об идее всеобщности. *Интегральный* в неспециальном употреблении — это «неразрывно связанный, цельный, единый» [СИС 1964: 257], например: *интегральная электронная библиотека, интегральный каталог, интегральный рейтинг профессионализма, интеграль-*

ный индекс уровня притязаний. Русское слово, заимствованное из современных западноевропейских языков, происходящее от латинского *intēgēr* («нетронутый, целый»), первоначально имело отношение только к математическому знанию. Затем оно распространилось в русской общенаучной и публицистической речи в более широком употреблении, притом, опять-таки под влиянием французского (*intégrale, intégration*) или английского (*integrate, integration, integrator*) языка, в разных частеречных вариантах: *интегрировать, интегрированный, интеграция, интегратор*. Каждое из этих образований так или иначе тяготеет к семантическому полю «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего» и формирует значение обобщающего действия, признака, процесса или лица с учетом исходного содержания цельности, полноты, полученного из латинского первоисточника. Например: *интеграция всех сил, интегрировать экономику, интегрированная мировая политика, выступить интегратором идей*. Однако, как показывают примеры, это все же выражение ограниченного обобщения, для выражения идеи всеобщности здесь всегда используются дополнительные текстовые уточнения, ср.: *интеграция всех международных сил, интегрировать всю экономику, интегрированная мировая политика, выступить интегратором всех идей*. Тем самым *интегральный* и *интегральность* — это выражения лишь частичного обобщения, без исчерпанности и полноты, поэтому они относятся только к дополнительным средствам организации семантического пространства всеобщности.

Непосредственное выражение идеи всеобщности, глобальности может быть достигнуто соединением базовой производящей основы *интеграция* с усилительными морфемами *сверх-* или *гипер-* (подобно образованию *все- + общий*): *сверхинтеграция, гиперинтеграция*. Например: *сверхинтегральная проблема космической эволюции человека, сверхинтегральный образ, сверхинтегральная функция; гиперинтегральная компьютеризированная система*.

2.4. *Тотальный, тотальность...*

Особую и довольно специфическую позицию в семантическом пространстве идеи «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего» занимают слова *тотальный* и *тотальность*. Прилагательное *тотальный* отличается довольно высокой частотностью использования в речи^[7] и включено в основные синонимические словари русского языка наряду с рассматривавшимися выше собственно русскими прилагательными: «*общий, всеобщий, поголовный... повальный, тотальный...*» [Александрова 2003: 69]; «*всеобщий, общий, сплошной, поголовный, повальный, тотальный*» [ССРЯ 2001: II, 26]; «*всеобщий, поголовный, повальный, тотальный, сплошной*» [НОСС 2003: 76]. *Тотальный* значит «всеобъемлющий, всеобщий» [БТС 1998: 1335]: русское прилагательное

образовано от французского *total*, которое, в свою очередь, возникло на основе латинского *tōtus* — ‘весь, целый’ [ЛРС 1961: 675], и, следовательно, в какой-то мере соотносится с аналогичными русским словами *весь* и *общий* — не только по содержанию, но и по истории номинации, ср.: *тотальная* (= *всеобщая*) *пропаганда*, *тотальная* (= *всеобщая*) *война*, *тотальные* (= *всеобщие*) *перемены*.

Однако употребление слова *тотальный* связано в русском языке с целым рядом ограничений, что также определяет его несколько периферийную позицию в семантическом пространстве «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего» и в системе средств репрезентации идеи гиперинтеграции. Прилагательное *тотальный* уступает слову *всеобщий* в универсальности функционирования: *всеобщий* употребляется для характеристики как малых классов интегрируемых объектов, так и очень больших [см. НОСС 2003: 79], ср.: *всеобщий любимец студентов* («в университете»), *всеобщее увлечение школьников*, *всеобщее достояние* («жителей района») — замена на *тотальный/тотальное* невозможна. В то же время *всеобщее разоружение*, *всеобщий страх* означает то же самое, что и соответствующее *тотальное разоружение*, *тотальный страх*.

Есть и другое ограничение. Словоупотребления с прилагательным *тотальный* очень часто используются в русском языке для разного рода жестких или даже деструктивных гиперинтеграций, в большинстве случаев «вызванных к жизни благодаря какой-то внешней силе — давлению социума или власти» [НОСС 2003: 79]: *тотальное истребление*, *тотальное разрушение*, *тотальная мобилизация*, *тотальная война*, *тотальный социальный взрыв*, *тотальная слежка*, *тотальный страх*, *тотальный контроль*. В некоторых из таких словосочетаний могло бы употребляться и прилагательное *всеобщий*: *всеобщее истребление*, *всеобщее разрушение*, *всеобщая мобилизация*, но различие становится очевидным в сочетаниях типа *всеобщая история*, *всемирная литература*, в которых замена на прилагательное *тотальный* решительно невозможна. Относительно редко используется и отаждективное существительное на *-ость* от рассматриваемого прилагательного: очевидно, коммуникативная потребность выражения какого-то особого свойства по прилагательному *тотальный* невысока. Вероятно, причина ограничений сочетаемости и словопроизводства объясняется наличием в семантической структуре слова *тотальный* негативного созвучия, оформившегося в результате обратного воздействия негативного потенциала целого ряда других родственных ему в русском языке образований с конкретизированным общественно-политическим и социальным содержанием: *тоталитарный*, *тоталитарист*, *тоталитаристский*, *тоталитаризм*.

2.5. Глобальный и глобальность

Прилагательное *глобальный* появилось в русской книжной речи в XIX столетии под влиянием французского языка (*global* — ‘общий, глобальный, взятый в целом’), в котором оно сформировалось на основе латинского *globus* (‘шар’, *globus terrae* ‘земной шар’) и первоначально как в иностранных языках [см., напр., БАРС 1989: I, 332], так и в русском выражало два значения: «всемирный» и «полный, всеобъемлющий». Западная история прилагательного *global*^[8] удивительным образом напоминает аналогичные образцы русской языковой истории, в которой соответствующие по содержанию слова *мировой*, *общемировой*, *всемирный*, а в некотором смысле и *всеобъемлемый*, *всеохватный*, *вселенский* так же связывают идею всеобщности, «полного охвата всего и всех» с представлением о мире как о Земле, о земном шаре. Это представление привело к развитию своеобразной метафоры гиперинтеграции и к образованию целого комплекса лексических интерпретаций идеи всеобщности, который стал весьма популярным в современной русской речи.

Большинство классических словарей русского языка рассматривает два значения слова *глобальный*, прямое и переносное, например: «1. Охватывающий весь земной шар. *В глобальном масштабе*. 2. *перен.* Полный, всеобъемлющий. *Глобальное изучение*» [Ожегов, Шведова 1992: 133]. Однако постепенно переносное употребление слова существенно расширило свои функции, и вот один из толковых словарей нового времени фиксирует уже пять значений прилагательного *глобальный*: «1. Охватывающий территорию или население всего земного шара; всемирный, всеобщий. *Претендовать на глобальное господство*... 2. Всесторонний, всеобъемлющий; глубокий, основательный. *Глобальное радиационное обследование местности*... 3. Основной, определяющий, главный. *Определить глобальную цель парламента*... 4. Затрагивающий разные стороны или самую сущность чего-л., ...выдающийся, фундаментальный. *Глобальный поворот в национальной самосознании. Конфликт глобального характера*... 5. Значительный по своему размаху, степени проявления; грандиозный... *Строительство приобрело глобальный размах*...» [БТС 1998: 208].

Многозначное прилагательное *глобальный* становится одной из самых распространенных^[9] номинаций современной книжной речи, с помощью которой идея всеобщности, «полного охвата всего и всех», интерпретируется в самых разных вариантах словоупотребления, например: *глобальный мир*, *глобальная политика*, *глобальная энергия*, *глобальная технология*, *глобальная инициатива*, *глобальное общение*, *глобальные проблемы*, *глобальная конкуренция*, *глобальная статистика*, *глобальный поиск*, *глобальная эпидемия*, *глобальный торго-*

вый центр, глобальное партнерство, глобальное коммуникационное пространство, концепция глобального управления и т. п.

В чем причина феноменальной активности и популярности слова *глобальный* на фоне всех других обозначений гиперинтеграции, «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего»? Какими преимуществами обладает это слово по сравнению с другими аналогичными номинациями, собственно русскими и заимствованными?

Во-первых, значение слова *глобальный* характеризуется максимальной отвлеченностью и универсальностью, подобно прилагательному *всеобщий*, однако, в отличие от него и от некоторых других средств выражений гиперинтеграции, *глобальный*, с одной стороны, не имеет социальных ограничений для указания на разные типы объектов и субъектов интеграции, а с другой стороны, не допускает ориентации на малые группы полного охвата. По этой причине невозможно использование прилагательного *глобальный* вместо *всеобщий* в следующих сочетаниях «малой квантификации»: *всеобщее увлечение школьников; всеобщий смех собрания; всеобщее голосование сотрудников*.

Во-вторых, значение слова *глобальный*, как и прилагательных *всемирный*, *общемировой*, связано с пространственной ориентацией объединения, но *глобальный* не ограничивается только «географической» составляющей интеграции, а развивает целый ряд переносных значений, и при этом может указывать на любую полноту и всеохватность объединения. Такковы, например, сочетания *глобальный обзор поверхности Луны, глобальный анализ ситуации, глобальная ракета, глобальное мышление*

глобальный

- *глобальность*
- *глобально*
- *глобализировать(ся)* → *глобализация* → *глобализационный*
- *глобализатор* → *глобализаторство*
- *глобализированный*
- *глобализовать(ся)* → *глобализованный*
- *глобализм* → *глобалист* → *антиглобалист*
- *антиглобализм*
- *глобалистика* → *глобалистский* → *антиглобалистский*
- *глобалистический*
- *глобалка*^[10]

Ближайшее и исторически первичное образование от слова *глобальный* — отвлеченное существительное *глобальность*, которое наследует все значения слова *глобальный*, кроме исходного, основного [см.: БТС 1998: 208], например: *глобальность политики, глобальность конкуренции, глобальность инициативы, глобальность общения, глобальность мышления* и т. п. При этом существительное *глобальность* не приобрело в русском языке того понятийно-категориального статуса, который представляют собственно русские отвлеченные существительные *всеобщность, все-*

и т. п., в которых маловероятно использование прилагательных *всемирный* и *общемировой*.

В-третьих, слово *глобальный*, подобно прилагательному *тотальный*, указывает на интеграцию только крупнейших классов объектов, притом в полном и исчерпывающем их объеме («весь мир, вся Земля и всё, что на ней находится»), причем такое объединение в слове *глобальный* имеет нейтральный, неоценочный характер, в отличие от *тотальный*, связанного с отражением преимущественно деструктивной интеграции и давления каких-либо сил и стихий. Именно поэтому зона употребления у прилагательного *глобальный* несравнимо шире, чем у *тотальный*. Было бы неуместно, например, использование слова *тотальный* вместо *глобальный* в таких словосочетаниях, как *глобальная экономика* или *глобальное правительство*.

И наконец, в-четвертых, прилагательное *глобальный* реализует особый, максимально богатый словообразовательный потенциал, которого нет ни у одной из рассмотренных номинаций всеобщности, собственно русской или заимствованной. Особенности отвлеченной семантики слова и некоторые этапы его истории в русском языковом пространстве привели к образованию обширного и разветвленного словообразовательного гнезда — целой системы однокоренных производных слов (более двадцати единиц), находящихся в деривационной связи с исходным прилагательным *глобальный*: субстанциальных (*глобальность, глобализм, глобалистика* и др.) и процессуальных (*глобализировать/глобализовать, глобализация, глобализатор, глобализаторство*). Структура словообразовательного гнезда прилагательного *глобальный* имеет следующий общий вид:

мирность, всеобъемлемость, и особенно *соборность* и *всеобщность*. *Глобальность* в любом употреблении означает только свойство по производящему качественному прилагательному *глобальный*: ‘основательность, фундаментальность, значительность’, т. е. субстантивное производное не привносит никаких кардинальных изменений в содержание прилагательных, что и подтверждается возможностью простых замен: *глобальный Интернет* → *глобальность Интернета*; *глобальная катастрофа* → *глобальность катастрофы*. Аналогично: *глобальность экологии, ... политики, ... анлий-*

ского языка, ... поставленного вопроса, ... мотивации, ... мышления, ... решений, ... идеи, ... системы и т. п. В большинстве из употреблений отвлеченное существительное *глобальность* выражает качественно-количественную оценку характеризуемого объекта, но не употребляется для обозначения явления или состояния самого по себе, как это происходит в собственно русских номинациях с категориальным статусом — *всеобщность* и *соборность*. Причина последнего обстоятельства, очевидно, в том, что в системе родственных образований, связываемых со словом *глобальный* как с исходным, появились другие номинации, которые приняли на себя особые функции обозначения отвлеченной идеи, категориального смысла в системе русского гуманитарного знания: существительные *глобализация*, *глобализм*, *глобалистика* и их производные.

2.6. Глобализация, глобализировать/глобализовать...

Слова *глобализация*, *глобализировать/глобализовать*, а также производные от этих новообразований отсутствуют в классических русских словарях, представляющий лексикон, который сложился к середине XX столетия. По всей вероятности, слово *глобализация*, хотя оно и является исторически родственным прилагательному *глобальный*, не было образовано от уже освоенного русского слова, а было принесено в русский язык первоначально как английское *globalization*. Заимствование объясняется появившейся коммуникативной потребностью выражения уже не качества или свойства всеобщности, гиперинтеграции, а обозначения важнейших для нового времени процессов и идей «полного охвата всего».

Заимствованное существительное *глобализация* первоначально стало распространяться как выражение негативного идейного смысла, воспринятого от западной политической культуры: «Глобализация — род политики (геополитики), направленный на распространение своего культурного влияния со стороны какой-либо страны или нескольких стран на весь мир» [Даниленко 2009]. Однако постепенно значение этого слова, как и соответствующее культурологическое понятие, расширилось и усложнилось, и в настоящее время публичная коммуникация использует существительное *глобализация* уже в трех разных значениях: 1) 'внешняя политика государства, заключающаяся в навязывании своей воли другим странам, в установлении мирового господства'... *Финансово-олигархическая глобализация рынков*; 2) 'распространение какого-л. фактора за пределами одного государства'... *Глобализация коррупции; глобализация компьютерных сетей*; 3) тенденция мирового развития, выражающаяся в постепенном стирании экономических, культурных, политических и т. п. границ между государствами и народами'... *Глобализация как объективный процесс. Глобализация экономики* [см. Ткачева 2004: 33—34].

Процессуальное имя существительное *глобализация* отличается довольно высокой частотностью^[11] и многообразием употребления в современной публичной речи, при этом негативная оценочность первого (первоначально воспринятого) значения или нейтральность и объективная ориентация двух других значений обычно реализуется в широком контексте, в зависимости от идеологической целеустановки говорящего, ср.: *глобализация национальных конфликтов, глобализация экологических проблем, финансовая глобализация, эпоха глобализации, элитарность глобализации, теория глобализации, история глобализации, глобализация конкуренции, глобализация монополий, электронно-финансовая глобализация, всеобщая глобализация, глобализация мира, глобализация общества, глобализация экономики, культурная глобализация* и т. п.

Процессуальное существительное *глобализация*, таким образом, выражает специфицированное геополитическое обобщение, объективная энциклопедическая сущность которого удачно представлена в «Большом иллюстрированном словаре иностранных слов»: «Явление, характеризующее мировую политико-экономическую ситуацию последнего десятилетия 20 в. и заключающееся в выходе как положительных, так и отрицательных (кризисы, войны) событий за пределы одной отдельно взятой страны и приобретении ими общечеловеческого масштаба; глобальность связана с возрастанием взаимозависимости и взаимозависимости различных стран мира в политико-экономическом и информационном аспектах» [БИС 2003: 207].

Однако англоязычным существительным *глобализация* процесс формирования в русском языке гнезда слов с ядерной семантикой всеобщности не исчерпывается. Обычно имена книжной стилистической ориентации с суффиксом *-аций(я)* образуются в русском языке от глаголов с иноязычной основой на *-ировать* или *-овать* [Русская грамматика 1980: I, 161]. В реальности же все произошло иначе: сначала распространилось заимствованное из английского языка актуальное существительное *глобализация*, а уже затем, под воздействием традиции словообразования и вследствие все тех же коммуникативных потребностей, появились и глаголы, которые далее стали осознаваться как «производящие», причем сразу в двух вариантах — *глобализировать* и *глобализовать* — с практически дублирующими друг друга лексическими значениями^[12] и одинаковыми грамматическими признаками. Оба глагола дувидовые, что позволило обоим употребляться как в собственно процессуальном смысле (*глобализировать / глобализовать экономику в течение столетия*), так и в результативном (*глобализировать / глобализовать экономику к концу столетия*). Оба глагола являются переходными и легко образуют весь парадигматический набор причастных и дее-

причастных форм: *глобализированный / глобализованный, глобализирующий / глобализующийся, глобализируемый / глобализуемый, глобализируя / глобализуя, глобализировав / глобализовав*.

Разумеется, новообразованные глаголы соотносятся с уже известным и давно освоенным русским языком прилагательным *глобальный*, но не со всеми его значениями, а только с главными, которые обычно выделялись всеми старыми словарями: «всемирный, всеобщий, всеобъемлющий». *Глобализировать / глобализовать* в актуальном употреблении стало означать не «увеличивать объем чего-л.» или «делать/сделать что-л. «глубоким, основательным, главным или всесторонним и кардинальным» (в соответствии с переносными значениями прилагательного *глобальный* по данным [БТС 1998: 208]), а «придавать/придать чему-л. глобальный (единый, всемирный) масштаб»: *глобализировать политику, господство, управление, планы, проекты; глобализовать экономику, финансовую систему, телевидение, армию* и т. п. Так же, как в случае с процессуальным существительным *глобализация*, в реальной публичной речи оказались одинаково возможными как негативно-оценочные, так нейтрально-объективные употребления двух новообразованных глаголов, а вместе с ними и производных от них, вторичных прилагательных *глобализированный* и *глобализованный*, которые тоже приобрели общее содержание геополитического уровня. Напр.:

Украина глобализирует Европу в борьбе с терроризмом. [news.liga.net/ЛПГА.Новости/N0117127.html (07.01. 2001)]; ... *Коста-Рика и Никарагуа являются самыми глобализированными странами Латинской Америки по итогам 2008 года* [travel.mail.ru/Новости туризма/50693 (07.01.2001)]; *С помощью Интернет производитель может практически мгновенно глобализовать продажи, предлагая свои товары и услуги не только в своем регионе, а во странах мира.* [www.itranslateit.ru/uslugi/perevod-sajtov/ (07.01.2001)]; *Кризис глобализованной экономики создает не только угрозы, но и новые шансы для «прорыва» российской промышленности.* [www.er-duma.ru/press/34150 (07.01.2001)].

2.7. Глобализм и глобалистика как новые номинации в русском семантическом пространстве всеобщности

Другое отвлеченное слово, которое тоже оказалось вовлеченным в рассматриваемое нами словообразовательное гнездо, а также и в общее семантическое пространство «полного охвата всего и всех» — существительное *глобализм*. Книжно-научная номинация *глобализм* встречается в публичной речи гораздо реже^[13], чем *глобализация*, но при этом гораздо чаще отмечается в новых лексикографических работах, и как правило в негативно-оценочном смысле, ср.: «глобализм... 1. Внешняя политика

какого-л. государства, основанная на праве вмешиваться во внутренние дела других стран, в навязывании своей воли. *Захватнический, открытый г. Доктрина глобализма. 2.* = Глобальность. *Г. проблемы сохранения живой природы.* < Глобализмы, -ов, мн. Общемировые, общечеловеческие проблемы. *Мыслить глобализмами*» [БТС 1998: 208]. Речевой материал нового времени позволяет зафиксировать иную, более развитую семантическую структуру этого абстрактного новообразования, которая представляет в настоящее время полярные понимания слова:

1) Идеология, отражающая стремление одного конкретного государства к мировому господству... *Глобализм однополярного мира; Вызов сил мирового глобализма; Американский глобализм;* 2) Идея построения единого мирового порядка без преобладающей роли какой-л. одной страны... *Условия экономического глобализма; Этика объективного глобализма;* 3) Тенденция мирового развития, выражающаяся в постепенном стирании экономических, культурных, политических и т. п. границ между государствами и народами... *Век глобализма; изучение глобализма; глобализм как связь всего со всем* [см.Ткаченко 2004: 30—31].

Отвлеченные существительные с формантом *-изм* обычно обозначают в русском языке «признак, названный мотивирующим прилагательным, как общественно-политическое, научное или эстетическое направление, склонность: ...позитивизм, ...идеализм, ...геоцентризм, ...вулканизм, ...монархизм» [Русская грамматика 1980: I, 180—181]. Тем самым в семантике существительного *глобализм*, которое в словообразовательной системе русского языка соотносится в качестве производного с прилагательным *глобальный*, проявляется общее значение отвлеченного признака гиперинтеграции: типологически обобщенное выражение некоего коллективного представления, идеи, принципа, идеологии. Примерами могут служить сочетания *смысл глобализма, идеология глобализма, этический глобализм, экономический глобализм, современный глобализм, изучение глобализма, принципы глобализма, теории глобализма, категория глобализма* и т. п.

Слово *глобализм* полностью расходится по содержанию с отвлеченным существительным *глобальность*, которое, как было отмечено выше, только субстантивирует переносные значения прилагательного *глобальный* и выражает исключительно качественно-количественное значение, свойство характеризуемого объекта по его признаку (ср., например, *глобальность катастрофы* при невозможности сочетания **глобализм катастрофы*). В то же время отвлеченная номинация *глобализм* непосредственно соотносится с другим отвлеченным существительным — *глобализация*, а именно, с его третьим значением: «тенденция мирового развития, выражающаяся в постепенном сти-

рании экономических, культурных, политических и т. п. границ между государствами и народами». Фактически здесь совпадают те из значений двух слов, которые представляются наиболее нейтральными и объективными в аспекте концептуального содержания гиперинтегральности, всеобщности, ср.: *Эпоха глобализации / глобализма; теория глобализации / глобализма; изучение глобализации / глобализма*. Однако совпадение третьих значений в семантических структурах каждого из сопоставляемых слов не снимает их очевидного базового различия: *глобализация* сохраняет в своем содержании семантический компонент процессуальности, а слово *глобализм* — обозначения идеи, направления, движения. При этом оба слова могут обозначать в известном смысле полярные культурологические идеи: «глобализм как мировое господство одной силы» и «глобализм как естественная тенденция мирового развития».

Слово *глобализм* как выразитель идеи, принципа, идеологии напрямую соотносится с еще одной специализированной интерпретацией концепта всеобщности — существительным *глобалистика*. Эта книжная номинация возможна, как и две предыдущие, в полярных смысловых употреблениях — 1) негативно-оценочном: совокупность идей, высказываний, акций, направленных на порабощение какой-то одной общественной силой, компанией, государством всех других сил, народов и государств; все, что связано с идеей чьего-л. мирового господства... *Американская глобалистика; проповедовать экономическую глобалистику*; и 2) объективно-нейтральном: наука, изучающая идеи глобализации или глобализма как закономерной тенденции мирового развития и постепенного стирания экономических, культурных, политических и т. п. границ между государствами и народами... *Теория глобалистики; научная глобалистика; современная экономическая глобалистика; вопросы экологической глобалистики*.

Второе употребление слова встречается гораздо чаще^[14], чем первое, но оба значения используют продуктивную словообразовательную модель с суффиксальным формантом *-ик(а)* в двух разных функциях. Первая — образование отадъективных существительных с собирательным значением «совокупность явлений, характеризующихся признаком, названным мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980: I, 175], ср.: *комбинаторные явления — комбинаторика, глобальные акции — глобалистика*. Вторая функция форманта *-ик(а)* — служить для образования существительных, обозначающих научные дисциплины и теории: *глобалистика как наука* (ср. *риторика, поэтика, лингвистика*).

Итак, морфологическое многообразие системы проанализированных однокоренных слов свидетельствует о том, что весь словообразо-

вательный комплекс, всё деривационное гнездо исходного слова *глобальный* глубоко проникло в систему современной русской речи и значительно опередило по активности и универсальности использование других номинаций семантического пространства «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего». Ни одно из рассмотренных выше собственно русских слов в семантическом пространстве всеобщности не располагает столь обширной и разветвленной системой производных слов — субстантивных и глагольных, предметных и личных номинаций.

В то же время ни одна из номинаций семантического пространства всеобщности не содержит столь последовательно разграничиваемых оппозиционных значений гиперинтеграции, как группа слов *глобальный* и его производные: с одной стороны, это негативно-оценочные варианты значений ('стремление в мировому господству', 'навязывание воли'), с другой стороны — нейтральные значения слов, ориентированные на выражение объективности и естественной закономерности процессов и явлений интеграции в мировое сообщество — самой актуальной сверхидеи нового времени. Однако еще более показателен другой факт: имеющая место в части мирового сообщества коммуникативная интенция противодействия идеям глобализма и глобализации, протестная позиция по отношению к процессам гиперинтеграции не ограничивается использованием только негативно-оценочных значений слов *глобализация/глобализм*. Отрицательное отношение к идее всеобщности находит свое воплощение кроме некоторых значений базовых слов *глобализация* и *глобализм* еще и в образовании целого ряда специальных производных номинаций, ср.: *глобализм* → *антиглобализм*; *глобализация* → *глобализаторство*; *глобалисты* → *антиглобалисты*; *глобалистский* → *антиглобалистский*. Заметим при этом, что приведенные пары слов не следует считать антонимическими. Однозначно негативный, протестный смысл слов *антиглобализм, глобализаторство, антиглобалисты, антиглобалистский* противопоставляется не всему комплексу значений исходных номинаций (*глобализм* и др.), а только первым значениям в семантической структуре данных слов (ср. 'глобализм как стремление к мировому господству' — «антиглобализм»).

Обобщая всё сказанное, можно заключить, что мыслительный концепт гиперинтеграции, или концептуальная идея «распространения чего-л. на всех или на всё, охвата всего» опирается в русском языковом пространстве на обширный и многоаспектный комплекс лексических и семантических средств с разной дифференцирующей ориентацией: социальной (*всеобщность, всенародность*), пространственной (*всемирность, всеохватность, всеобъемлемость, повсеместность, тотальность*), количественной (*всеединство, соборность*). Боль-

шинство иноязычных заимствованных номинаций всеобщности приобретает в русском языке практически ориентированный смысл (*универсальность, интегральность, массовость, фундаментальность...*). В то же время в русском языке функционирует целая группа слов с базовым значением «полного охвата всего», которая может служить для выражения идейной или идеологически мотивированной идеей интеграции (*всеединство, соборность, глобализация, глобализм*). Особую роль в русском языковом пространстве приобрел словообразовательный комплекс интегральных номинаций от слова **глобальный**. Группа родственных слов с общим корнем *глобал-* (около 20 образований) фактически удовлетворяет все коммуникативные потребности обозначения гуманитарных понятий, связанных с актуальной идеей всеобщности, номинируя: динамические процессы гиперинтеграции (*глобализация, глобализировать/глобализовать, глобализаторство*); тенденции мирового развития (*глобализация, глобализм*); научные системы, изучающие эти процессы и тенденции (*глобализм, глобалистика*); идеи, идеологии и общественные движения, связанные с понятием всеобщности (*глобализация, глобализм, антиглобализм*), а также субъектов (*глобалисты, глобализаторы*) и оппонентов этих идеологий и движений (*антиглобализаторы, антиглобалисты*).

ЛИТЕРАТУРА

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2005.

БАРС 1989 = Большой англо-русский словарь: в 2-х т. / под общ. рук И. Р. Гальперина. — М.: Рус. яз., 1989. Т. 1.

БИС 2003 = Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. — М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003.

БТС 1998 = Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880—1882.

ЛРС 1961 = Латинско-русский словарь. Изд. 2 / сост. А. М. Малинин. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961.

Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь: ок. 35 000 сл. 4-е изд.— М.: Рус. яз., 1997.

Даниленко В. П. Глобалистская картина мира, или глобалистика, глобализм, антиглобализм, глобализация и антиглобалистская борьба. URL: // www.islu.ru/danilenko/articles/glob.htm (12.04.2009).

НОСС 2003 = Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. — М.: Языки славянских культур, 2003. Вып. 3.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1992.

Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfosintassi delle lingue slave*. Padova, 1996. V. 5. — С. 163—185.

Русская грамматика. — М.: Наука, 1980. Т. 1.

СИС 1964 = Словарь иностранных слов. Изд. 6, перераб. и доп. / гл. ред. Ф. Н. Петров. — М.: Сов. энциклопедия, 1964.

СЛЯ 1991 = Словарь современного русского литературного языка / АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд. / гл. ред. К.С. Горбачевич. — М.: Рус. яз., 1991. Т. 2.

МАС 1981—1984 = Словарь русского языка: в 4-х т. 2-е изд. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1981—1984.

ССРЯ 2001 = Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Астрель; АСТ, 2001.

Ткачева И. О. Слово глобализм и его производные в современном русском языке // 23 междунар. филолог. конф.: Лексикология, лексикография (Русско-славянский цикл) / Филологический факультет СПбГУ. — СПб.: 2004. Вып. 14. Ч. 1. С. 30—37.

ТСРЯ 2003 = Толковый словарь современного русского языка / отв. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2003.

ТСЯИ 2001 = Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Складневской. — М.: Астрель; АСТ, 2001.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. О. Н. Трубачева. — М.: Прогресс, 1964—1973.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Интересно, что множественному *весь* (*всё, вся, все*) противопоставляются «нулевые» местоимения *ничто, ничего, нисколько* (напр.: *Всё или ничего. Все или никто. Истрчено всё, нисколько не осталось*). При этом слова *весь, всё, вся, все* могут употребляться в живой речи и в противоположном значении утраченного множества, «нуля»: *«Деньги все!»* («кончились»). *Он весь, она вся... умер, скончался. Что Иван? «Да уж он весь». Давно ли? Вечор побывшился»* [Даль 1880. I, 187].

[2]. Качественно-усилительное модификационное значение элемента *весь*- как префиксоида проявляется со всей очевидностью в таких, например, производных, правда устаревших, словах, как *всене-пременно, всепокорно, всемилостивый, всенижайший* и т. п.

[3]. Данные поисковой системы Яндекс в русском Интернете дают довольно высокий показатель встречаемости слов рассматриваемой словообразовательной пары: 8 млн ответов на прилагательное *всеобщий* и 262 тыс. на существительное *всеобщность* (на 06.01.2100).

[4]. Показательно следующее немаловажное обстоятельство: слово *мир* имеет в традиционной русской культуре еще одно значение, кроме перечисленных — «община, общество крестьян; (сельская) сходка» [Даль 1881: II, 330]» (*На миру и смерть красна* — «среди своих, со своими»). Это свидетель-

ствует об исторической переключке корней *мир-* и *общ-*, которые в русской традиции имели близкий смысл объединения.

[5]. Мы не имеем здесь в виду специальные употребления этого прилагательного в сфере христианских иерархических обозначений: *Вселенский престол, Вселенский патриарх* и т. п.

[6]. Показательно, что прилагательное *соборный* («...основанный на соборности; такой, которому присуща соборность... *Соборный разум... Соборное усилие...*» [ТСЯИ 2001: 733]) является не производящим для существительного *соборность*, как было до сих пор в подобных случаях, а само образовано от этого отвлеченного существительного, что говорит о его искусственном, интеллектуальном создании.

[7]. 5 млн. ответов по данным Яндекса в русском Интернете (06.01.2011).

[8]. См. значения слова *global* в английском языке: «...1) мировой, всемирный; ~ *war* мировая война; 2) общий, всеобщий; ~ *disarmament* всеобщее разоружение...» [БАРС 1989: 1, 332].

[9]. Самый большой статистический показатель употребления среди всех прилагательных, представ-

ляющих идею гиперинтеграции: 17 млн ответов в Яндексе (06.01.2011).

[10]. *Глобалка* — шутливо «о художественном произведении, в котором исторические события изображаются эпически» [БТС 1998: 208]. Наличие в языке подобных разговорно-сниженных экспрессивных образований от исходного книжного слова свидетельствует о полном освоении заимствованной единицы и ее производных русской речевой культурой.

[11]. 3 млн ответов в текстах русского Интернета — самое большое число в рассматриваемой группе однокоренных слов после прилагательного *глобальный*.

[12]. Показательно, что оба глагола имеют и близкие статические показатели функционирования: соответственно 55 тыс. и 48 тыс. ответов в русском Интернете (Яндекс: 06.01.2011).

[13]. Всего 204 тыс. ответов на *глобализм* по сравнению с 3 млн для слова *глобализация* (Яндекс: 07.01.2011).

[14]. В этом можно убедиться, просматривая 65 тыс. ответов Яндекса в русском Интернете на данное слово (07.01.2011).

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и доцент М. Б. Ворошилова

Л. М. Цонева

Велико-Тырново, Болгария

**ИМЕНА РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ
В БОЛГАРСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования имен субъектов российской политики в дискурсе современных болгарских СМИ. Предметом внимания являются особенности использования вариантов русской именной формулы, а также использование имен политиков в различных видах языковой игры.

Ключевые слова: политический дискурс; русская тема; имена политиков; языковая игра.

Сведения об авторе: Цонева Лиляна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики.

Место работы: Великотырновский университет Святых Кирилла и Мефодия.

Контактная информация: България, 5002 гр. Велико Търново, п. к. 56.
e-mail: liliconeva@abv.bg.

L.M. Tsoneva

Veliko Tarnovo, Bulgaria

**NAMES OF RUSSIAN POLITICIANS
IN BULGARIAN POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. The article discloses peculiarities of functioning of the names of Russian politicians in the discourse of contemporary Bulgarian Mass Media. Special attention is given to peculiarities of usage of Russian name formula variants, as well as usage of politicians' names in different types of linguistic game.

Key words: political discourse; Russian theme; names of politicians; linguistic game.

About the author: Tsoneva Lilyana Mikhailovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Russistics.

Place of employment: The St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo.

Интерес к особенностям функционирования имен российских политиков в болгарском политическом дискурсе, которым посвящена данная работа, обусловлен как актуальностью изучения сложного феномена собственного имени, — источника важной (культурной, этнокультурной, эстетической) информации о референте, — так и важной ролью имени в создании образа политика. Нельзя не отметить и особую актуальность «русской темы» в Болгарии и болгарских СМИ. Как известно, русско-болгарские связи (политические, религиозные, культурные, языковые) имеют многовековую историю, а периоды тесной дружбы между двумя государствами и народами чередуются с периодами охлаждения отношений. Очередной период охлаждения — 90-е гг. XX в., время кардинальных политических, экономических, идеологических перемен в Болгарии и резкого неприятия всего, что связано с СССР и Россией, нередко — и всего русского вообще. (По этому поводу известная болгарская журналистка К. Кадринова пишет, что происходит отождествление антикоммунизма с антирусизмом [Къдринова 2010].)

В наше время общий фон русско-болгарских отношений можно определить как достаточно сложный: будучи членом НАТО (с 2004 г.) и ЕС (с 2007 г.), Болгария вынуждена «балансировать» между великими силами, между западной ориентацией и «вечной русско-болгарской дружбой». Освещение русско-болгарских отношений в политическом дискурсе тоже является противоречивым, поскольку оно отражает как сложные отношения современной Болгарии с Россией, так и вечное деление болгарского общества на русофобов и русофилов (последних много среди «простых людей», прежде всего старшего поколения).

Особенности отражения «русской темы» в болгарском политическом дискурсе зависят от множества разных факторов, в том числе от характера самого политического дискурса, понимаемого как совокупность текстов, взятых не как единичные факты, а в их нераздельности с рядом экстралингвистических фактов (исторических, социокультурных, психологических, прагматических и т. д.). В настоящей работе исследуются особенности дискурса СМИ (дискурса массмедиа, медийного дискурса), с которым тесно связаны содержательные (и не только) характеристики политического дискурса [см.: СМИ и политика 2007: 159—160]. Источником исследования являются тексты разных жанров, опубликованные в печатных и электронных версиях современных болгарских газет и журналов — «Сега», «Монитор», «Стандарт», «Новинар», «Труд», «24 часа», «168 часа», «Капитал», «Дума», «Дневник», «Тема» и др.

Явные отличия в объеме и оценочности информации о России в болгарских СМИ можно объяснить причинами разного характера. Одна из них — политическая направленность конкретного издания, связанная, естественно, и с тем, что основные болгарские массмедиа, в том числе печатные издания, являются собственностью иностранцев. Например, в газете «Дума», издании Болгарской социалистической партии, есть постоянная рубрика «Русия и България», в которой печатаются материалы различной тематики о России, в том числе и материалы по культуре русской речи. Регулярно появляются серьезные анализы русско-болгарских отношений в газете «Сега», принадлежащей компании «Овергаз», в которой держателем 50 % акций является ОАО «Газпром», и политико-аналитическом журнале «Тема». Меньше внимания

«русской теме» уделяют самые рейтинговые газеты: «Труд», «24 часа», «168 часа» (в течение многих лет бывшие собственностью немецкого концерна WAC, с недавнего времени — австрийской компании), а также в большей степени проправительственные газеты «Монитор», «Телеграф», которые являются собственностью ДПС — оппозиционной партии турецкого меньшинства.

Количество и общая оценочная направленность материалов о России зависят и от общей политической ориентации правительства страны в определенный период, а также от обусловленных этой направленностью важных событий политического и/или экономического характера, которые могут стать конкретным поводом для появления материалов в СМИ. К таким событиям относятся как связанные с отношениями между Россией и Болгарией (встречи глав двух государств, подписание важных двусторонних соглашений и т. д.), так и факты из области отношений России с другими странами, затрагивающие, как правило, и Болгарию (отношения между Россией и НАТО, русско-грузинская война в 2008 г., «газовые войны» с Белоруссией и Украиной и т. д.). Приведем заглавия подобных материалов: *Презареждане на отношенията между Русия и НАТО* [Монитор. 18.11.2010]; *Руската мечка в клопката на Кавказ* [Новинар. 28.01.2011]; *За три дни Русия смаза Грузия* [Дневник 1.08.2008]; *Беларус шантажира Москва с транзита на газ* [24 часа. 24.06.2010].

Сравнительно редко, по нашим наблюдениям, в болгарских СМИ появляются материалы о современной русской культуре и литературе, которые к тому же могут иметь чисто развлекательный характер. Ср.: *Водката — руският бог* [Новинар. 26.01.2007].

Особой актуальностью в рамках «русской темы», без всякого сомнения, отличаются материалы, посвященные вопросам энергетики, в том числе строительству новых энергетических мощностей, а также нефте- и газопроводов на территории Болгарии, имеющих стратегическое значение не только для Болгарии и других балканских стран, но и для многих стран Европы. Так, визит В. Путина в Болгарию осенью 2010 г. для подписания двусторонних соглашений о строительстве АЭС «Белене» и газопроводов «Южный поток» и «Набуко» подробно отражался изданиями разной политической направленности: *“Росатом” отстъпи пред София* [Монитор. 2.12.2010]; *Договарят се за “Южен поток”, преговарят инвеститорите за “Белене”* [Стандарт. 3.11.2010]; *Газов мир поне за зимата* [Труд. 15.11.2010]; *Игра на нерви* [Новинар. 26.11.2010]; *Путин прояви разбиране, идва на крака* [Труд. 4.11.2010]; *Голямата новина: Русия дава всички пари за АЕЦ “Белене”* [Труд. 2.12.2010] и т. д. Естественно, визит В. Путина стал поводом для освещения не только вопросов энергетики, но и русско-болгарских отношений вообще, сегодня и в прошлом.

Важными для создания образа современной России, причем скорее всего далеко не положительного, являются как подбор и акцентирование определенных фактов (например, природные и техногенные катастрофы, террористические акты, политические убийства и т. д.), так и умолчание о других (как известно, умолчание — один из типов отклонения от истины). В связи с этим нужно говорить о медиатизации политики: СМИ являются фильтрами, которые отбирают информацию, привлекают внимание к определенным вопросам, формируют публичные имиджи политических фигур [см.: СМИ и политика 2007: 91].

Важно подчеркнуть, что без комментариев в болгарской публицистике нередко остаются многие события, актуальные не только для самой России, но и для двусторонних отношений. Это можно определить как показательное, «значимое» молчание. В других случаях, наоборот, можно говорить о необоснованно эмоциональном отношении к действиям России и ее лидерам. Следует упомянуть, например, интерес болгарских СМИ к разного рода протестным действиям по поводу планировавшегося, но не состоявшегося присуждения В. Путину звания почетного доктора Великотырновского университета Святых Кирилла и Мефодия в 2009 г.

Яркой особенностью содержательно-оценочной направленности основных болгарских СМИ нового времени, отличающей ее от публицистики тоталитарного времени, когда о СССР писали всегда и только с восторгом, можно считать то, что среди публикаций (в том числе среди перепечаток из зарубежных изданий), целенаправленно формирующих образ России, больше всего таких, которые можно определить как нейтральные или критические.

В то же время нельзя не признать очевидный для многих факт: насаждаемое с 90-х гг. негативное отношение к России и ее лидерам, к русским вообще в последние годы меняется. Это связано не только с новой политической и экономической ситуацией, но и с большей реалистичностью образа новой России, пришедшего на смену сильно идеологизированному образу, создававшемуся в «добровольно-принудительном» порядке болгарскими СМИ в недавнем прошлом. Важную роль в создании этого нового образа современной России, естественно, играют и новые СМИ, публикующие серьезные анализы политической ситуации: *България — 16-а република на СССР. Това е мит!* [Труд. 29.11.2010] — интервью с ученым-историком об отсутствии исторических документов, подтверждающих широко известную идею о присоединении Болгарии к СССР; *Различната Русия* [Тема. 15.11.2010]; *Танцуващият с мечки* [Тема. 11.05.2009]; *Москва не вярва на сръбни* [Тема. 4.05.2009] (обратим внимание на игровые заглавия последних двух текстов, в которых трансформируются названия фильмов «Москва слезам не верит» и «Танцующий с

волками»: компоненты исходного названия заменяются новыми, связанными с содержанием текста).

Важная составляющая образа России — фигуры значимых для современного общества субъектов: экономистов, бизнесменов, ученых, деятелей культуры, спортсменов и других людей, представляющих страну. Особое место среди них, естественно, занимают политики, играющие важную роль как во внутривнутриполитической жизни России, так и в развитии двусторонних отношений с Болгарией. Как известно, СМИ создают мнение об образе политика, а не о самом политике, поэтому оценку политика обществом можно понимать как набор стереотипных реакций на этот «экранный образ».

Заметную роль в создании образа политиков, как уже было отмечено, играют и их имена. Как подчеркивают авторы исследования «Имя собственное в политике: язык власти и власть языка», имена политиков можно отнести к важнейшим ориентационным знакам политического дискурса, к знакам с необычайной информативной емкостью [Романов, Романова, Воеводкин 2000: 22].

Многие имена политических субъектов можно считать ключевыми именами (КИ) времени [Цонева 2007], которые, как и ключевые слова вообще, имеют специфичные характеристики [Шмелева 1993, Шмелева 2009]. Ключевыми для болгарского политического дискурса можно считать имена русских политиков национального масштаба (президента, премьер-министра, министров, лидеров политических партий), в то время как имена политиков регионального уровня актуальны в меньшей степени. Довольно часто в медиатекстах, прежде всего посвященных вопросам энергетики, появляются также имена руководителей крупных компаний, бизнесменов и т. д.: *Шапки долу за Лужков* [Капитал. 24.09. 2010]; *Алексей Милер: "Южен поток" е крачка към Европа* [Стандарт. 13.11. 2010]; *В руската делегация ще вземат участие и енергийният министър Сергей Шматко и шефът на корпорация "Росатом" Сергей Кириенко* [Стандарт. 13.11.2010].

Менее актуальны в последние годы имена политиков прошлого, которые появляются на страницах газет в связи с важными событиями, годовщинами и т. д. Ср.: *Хрущов в Америка — One Man Show* [Сегга. 1.05.2010]; *Прословутата обувка на Хрущов — истина или измислица?* [Монитор. 20.09.2010].

К характеристикам КИ нужно отнести в первую очередь высокую частотность, «упоминаемость» в медиатекстах. Особо следует отметить частотность появления КИ в заглавиях медиатекстов, которая дает основание называть их носителей «заголовщиками» (см., напр., рейтинги политиков в журнале «Коммерсантъ-Власть»).

По нашим наблюдениям, главный «заголовщик» среди русских политиков в болгарской

прессе — В. Путин: *Путин праща заместника си да преговаря с Борисов* [Сегга. 3.07.2010]; *Путин, Шипка и газ* [Труд. 21.06.2010]; *Светът се развива по плана на Путин* [Монитор. 15.06.2010].

В. Путину посвящаются и целые тексты, в которых, как нам кажется, нынешний премьер-министр России ассоциируется прежде всего с политикой «твердой руки», антидемократическими действиями, с прошлыми, связанными с советскими органами безопасности. «В народе», скорее всего, преобладает уважение к человеку, в чьих руках сосредоточена огромная власть, к лидеру великой страны, с которой Болгария не только исторически, но и экономически тесно связана.

Интерес для болгарских СМИ представляет не только стиль правления В. Путина, но и его увлечения, особенности характера и т. д. Так, в тексте *«Борисов и Путин — един стил, цени различни»* [Труд. 11.11.2010] сравнивается гардероб двух лидеров; довольно любопытный текст с эффектным заглавием *«Путин не простиг на ракията, омел три ястия като змей»* [Труд. 18.11.2010] посвящен официальному ужину, во время которого В. Путин показал завидный аппетит (что, как правило, встречается «народными массами» с одобрением). При отъезде визита В. Путина в ноябре 2010 г. болгарские СМИ уделяют много внимания подарку болгарского премьера Б. Борисова — собаке породы, популярной в Болгарии: *Путин моли руснаците да избераат име на кучето му* [Труд. 18.11.2010]; *Измислиха песен за новото кученце на Путин* [24 часа. 20.11.2010]; *Критикуват Путин заради кучето от Бойко* [Труд. 18.11.10]. Добавим, что обмену подарками (В. Путин подарил болгарскому премьеру нож) посвящены даже стихи, в которых эти подарки представлены как символические: *Нашата читателка Вера Асенова е посветила стихове на проведените неотдавна преговори между премиерите на България и Русия Бойко Борисов и Владимир Путин. Текстът е посветен на символиката на разменените подаръци между двамата лидери* [Труд. 18.11.2010].

Часто в болгарских СМИ упоминается и президент Д. Медведев, нередко — рядом с В. Путиным: *Медведев отива на посещение в САЩ* [Дневник. 16.06.2010]; *Путин открадна шоуто на Медведев* [Труд. 19.06.2010]; *Медведев уволни близък човек на Путин* [Монитор. 14.06.2010]; *Путин и Медведев с дворци за 4 млрд. евро* [Стандарт. 31.01.2011]; *За всички обаче е ясно, че в дуета Путин остава музикаращият инструмент, а Медведев — аккомпаниращият* [Сегга. 25.01.2011].

В рамках нашей темы следует обратить внимание на варианты использования личных имен — основного способа номинации российских политических субъектов в болгарском политическом дискурсе, т. е. в иноязычной (инославянской) среде. Важно учитывать при этом

условия заочной коммуникации (реже — коммуникации «лицом к лицу» [Романов, Романова, Воеводкин 2000: 86]), при которой имена чаще всего используются в вокативной функции.

Известно, что русская именная формула (именной комплекс) рядом особенностей отличается от именных формул в других языках, в том числе в славянских. К данным особенностям относятся компоненты формулы, их последовательность, отношения между ними и т. д. [см. об этом: Васильева 2009].

Полная русская именная формула *имя + отчество + фамилия* (также с инициалами), обязательная в болгарской публицистике времен тоталитаризма, сегодня встречается редко, причем главным образом в перепечатках из русских изданий. Широко употребительна нейтральная формула *имя + фамилия*. Именно эта формула, принятая во многих странах мира, является самой корректной и в болгарских СМИ: *Няколкостотин души протестираха в Москва срещу Владимир Путин* [Дневник. 23.10.2010]; *Владимир Путин де факто влезе в Кремъл навърх милениума, на първи януари 2000 г.* [Сега. 25.01.2011].

Чаще всего российские политики представлены только фамилией. Нужно признать, что этот способ номинации господствует в последние годы в текстах разных жанров, причем не только в их важнейшем компоненте — заглавии (в котором, конечно, следует учитывать и жесткие требования объема), но и в самом тексте: *Има ли изненади в кюфара на Путин* [Политика. 12.11.2010]; *Путин идва само за “Южен поток”* [Монитор. 13.11.2010]; *Борисов и Путин ще обсъдят отпадането на посредниците за газа, както и цената на синьото гориво* [Стандарт. 8.11.10]; *Медведев настига Путин по рейтинг* [Монитор. 30.10.2010].

Такой способ номинации важных политических субъектов, на наш взгляд, следует считать не совсем корректным из-за оттенка пренебрежения, неуважения (отметим, что уважение, по В. И. Карасику, — признак высокого положения другого человека и внутреннее одобрение этого положения [Карасик 2002: 71]). Данный оттенок ослаблен в тех случаях, когда фамилия дается после идентификатора (обозначения должности) [Васильева 2009: 34]: *Как президентът Путин и Михаил Ходорковски може да си разменят ролите на лошия и добрия* [Тема. 2.05.2008]. Отметим разнообразие идентификаторов, в том числе игровых, и необходимость в их специальном исследовании. Ср.: *...а Русия, макар и под властта на веселия ликвидатор Борис Елцин, продължаваше да се привижда като мрачна сянка на Съветския съюз* [Тема. 15.11.2010].

Типичная модель именования в болгарском медиатексте (прежде всего информационных жанров не очень большого объема) выглядит следующим образом: в заглавии используется фамилия, в первом предложении — формула

идентификатор + фамилия или *идентификатор + имя + фамилия*, далее в тексте обычно дается только фамилия.

Особого внимания заслуживает употребление этикетной формулы *имя + отчество*, которая имеет национально-культурную окраску и реализуется в русском этнокультурном сообществе [Супрун 2000: 9]. Использование этой формулы, как правило, знак признания не только солидности, «взрослости» референта, но и показатель уважения к нему. Примечательно, что эта формула используется редко даже в жанре интервью (т. е. при коммуникации «лицом к лицу»), где она уместна и естественна. Чаще всего, по нашим наблюдениям, данная формула встречается в интервью с деятелями культуры. Приведем пример из интервью с актером А. Джигарханяном: — *Армен Борисович, в България идвате често, но в Русе сте за първи път* [Монитор. 20.11.2010].

В нашей картотеке отмечен единичный случай самостоятельного использования русского отчества, обладающего, как известно, определенными стилистическими характеристиками в русскоязычной среде: *Освен разните му там ядрени централи, потоци и други тръби Владимирович и Методиев ще си говорят за български кетчуп, вино и пр.* [Сега. 4.11.2010].

Отметим любопытную деталь: иногда русское отчество используется в составе дву- или трехкомпонентной именной формулы для номинации (как и в предыдущем примере, не в вокативной функции) болгарских политиков как особый прием иронизирования, подчеркивающий их коммунистическое прошлое, политическую привязанность к СССР или к России. Такое ироническое отношение нередко выражается политическими оппонентами С. Станишева, премьер-министра Болгарии до 2009 г. (полное имя — Сергей Дмитриевич Станишев, он родился и получил образование в СССР, его мать — русская): *“И персонално нейните водачи — Сергей Дмитриевич, Симеон Борисов, Ахмед Доган, и техния патрон — Георги Седефчов”, продължават с атаките хората на Яне Янев* [Република. 6.04.2009]. Еще ярче негативная экспрессия выражена при номинации А. Луканова, бывшего премьер-министра, до этого — члена Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии (его полное имя — Андрей Карлов Луканов): *И ако стане държавен глава, конците на президентската институция може да се дърпат от Андрей Карлович* [Континент. 10.02.1996]; *Две правителства излъчи тогава БСП, все начело с покойния кръстник на българската мафия Андрей Карлович Луканов* [Политика. 11.06.2010].

Примеры самостоятельного использования только личного имени единичны: *За “Белене” ще говорим, ако Владимир иска, каза премиерът* [Стандарт. 12.11.2010].

Самостоятельное использование личного имени для номинации политических субъектов,

которое можно считать нарушением нормы с функциональным значением [Стоянов 1999: 205], очень активно в болгарской публицистике, причем не только в так называемой желтой прессе. Эта активность обусловлена не только возможностью безошибочно относить имя к определенному референту, но и стремлением к особой экспрессивности, выраженной через фамильярно-ироническое отношение к важным политическим субъектам. В основном по имени, как правило, называют не только сегодняшнего премьер-министра *Бойко* (Борисова), но и других болгарских и зарубежных политиков. Например: *Желю* (Желев), *Жан* (Виденев), *Жорж* (Ганчев), *Силвио* (Берлускони); при невозможном *Иван* (Костов), *Петър* (Стоянов) и т. д. Ср.: *Путин благодари на Бойко за помощта след пожарите* [24 часа. 9.09.2010]; *Путин продаде уазка на Силвио* [24 часа. 29.12.2009].

Отсутствуют примеры использования гипокористических (сокращенных) форм имени, которыми, как правило, подчеркивается «незрелость» политического субъекта, несамостоятельность его действий.

Единичными можно считать случаи использования перифраз, прозвищ и других способов вторичной номинации, в чем проявляется «сдерживающий характер» отсутствия у адресата (или большинства адресатов) фоновых знаний о лицах, а также о связанных с ними событиях, отношениях, обязательно необходимых для понимания и оценки подобных единиц. Например: *Енергоносителят* [Тема. 14.01.2008] — о В. Путине и его роли в решении энергетических проблем Болгарии; *България е на правилния път, смята бащата на перестройката* [Монитор. 8.10.2010] — о М. Горбачеве.

Как отмечает В. Г. Кульпина, использование вторичных имен «возможно лишь в условиях культурной общности членов данного социума, которые совместно владеют определенным запасом знаний, представлений, ассоциаций, составляющих лексический фон данной словесной единицы» [Кульпина 2002: 180]. Это подтверждается многочисленными примерами использования в современных медиатекстах прозвищ и перифраз для обозначения «родных» политических субъектов [см. об этом: Стоянов 1999; Цонева 2005].

Один из самых интересных вопросов в рамках данной статьи — игровое использование имен российских политиков. Языковая игра (ЯИ) и ее проявления в различных типах текстов являются предметом исследования многих авторов [Гридина 1996а, Гридина 2008; Санников 1999; Цонева 2000, 2002; Ильясова, Амири 2009 и др.).

ЯИ в современном понимании — это лингвистическое изобретательство, внимание к скрытым эстетическим возможностям единиц всех уровней языка, к их творческому использованию, причем не всегда и не только для дос-

тижения комического эффекта. Игровые стратегии, занимающие, наряду с другими интеллектуальными стратегиями, все более важное место в «качественной» публицистике, — одна из важных характеристик современного медиатекста. По этому поводу можно привести слова С. И. Сметаниной: «Медиа-текст, шлифуя возможности языковой игры, пополнявшей инвентарь выразительных приемов публицистического стиля, пробует приучить читателя к “потреблению” сообщения, пронизанного игровыми знаками» [Сметанина 2002: 249].

В иерархии функций ЯИ в политическом дискурсе особо следует отметить воздействующую функцию [Негрышев 2006]. ЯИ — важное средство иронизации, дискредитации политических реалий, в том числе политических субъектов.

Игра с именами, или ономастическая игра, определяется Т. А. Гридиной как «разновидность ЯИ, в основе которой лежит способность говорящих к актуализации ассоциативного потенциала имен собственных с целью создания особого мотивационного контекста их восприятия» [Гридина 2001]. Ономастическая игра основывается на богатом ассоциативном (лингвистическом и экстралингвистическом) потенциале собственного имени как лингвокультурного феномена, включающего все элементы смысла, которые актуализируются в сознании носителей языка при употреблении (Гридина 1996: 51).

Различные формы языковой игры, в которых активно «эксплуатируются» имена, и прежде всего имена политиков, — важная характеристика болгарской публицистики [Цонева 2000, 2002; Цонева 2007; Цонева 2007а]. Активность различных форм ЯИ и ономастической игры — важная черта идиостиля определенных изданий или авторов. Например, в газете «Сега», в которой работают талантливые журналисты и которая, по мнению самих журналистов, адресована интеллигентной аудитории, немало различных, иногда очень сложных и остроумных проявлений ЯИ. Отметим и исключительное разнообразие игрового использования имен политиков, в том числе русских, в блогах и на электронных форумах, что может стать предметом специального рассмотрения.

Игра с именами политиков имеет важную особенность: «мишенью» игры является референт, и обыгрывание имени опосредованно выражает отношение к его носителю. Это отношение в медиатексте обычно ярко негативное, в лучшем случае — ироническое (как известно, действия политиков редко встречают одобрение).

Игра с именами первых лиц государства, как отмечает Е. В. Какорина, отличает современную публицистику от публицистики прошлого — именно эти номинации там максимально регламентированы, в них не допускаются отклонения индивидуально-авторского характера

и возможна только превосходная степень при знака [Какорина 1996: 176].

Различные языковые «упражнения» с именами советских лидеров в тоталитарной болгарской прессе невозможно было даже представить: они обладали статусом сакральности и были неприкасаемы, более того, именами советских вождей в Болгарии крестили детей. По мнению И. Э. Ратниковой, «десакрализация» антропонимических знаков — показатель разрушения старых социальных мифов и создания новых [Ратникова 2003: 38].

Как правило, медиатексты «эксплуатируют» экстралингвистический потенциал имен, аккумулирующих существенную по объему неязыковую информацию об объекте и его среде, которая при определенных условиях становится элементом контекстуального языкового значения имени [Ратникова 2003: 11].

В целом, однако, имена российских политиков используются в различного рода играх не только намного реже, чем имена болгарских политиков (что вполне естественно), но и реже, чем имена представителей других зарубежных стран, например имена президентов США Д. Буша (в том числе после его ухода с поста президента) и Б. Обамы. Даже в периоды обострения русско-болгарских отношений (т. е. при экстралингвистических условиях, в которых проявления ЯИ, прежде всего с негативной оценочностью, особенно «востребованы») имена российских политиков обыгрываются сравнительно редко.

Экстралингвистическими причинами — актуальностью имен политиков в определенный момент — обусловлено появление окказиональных слов, типичного проявления игровой функции. Следует отметить, что повышенная словообразовательная продуктивность вообще важная характеристика КИ. Чем важнее референт, чем он значимее в конкретный момент, тем большими словообразовательными возможностями отличается его имя. Ср. производные слова от фамилии Путин: *Време е Западът да издигне глас срещу произвола, царящ в путинска Русия* [Сега. 8.06.2004]; *Медведев отвърща на путинските трикове* [Монитор. 20.09.2010]; *Руските медиуми може да са излишно пропутински настроени* [Политика. 15.01.2010].

Окказиональные слова — основная форма ЯИ, в которой «задействованы» имена российских политиков; иногда они становятся основой целых серий таких слов. Приведем серию окказиональных слов в одном тексте: *И тази книга е разказ за това как се опитаха Г. Първанов, С. Станишев и Р. Овчаров да путинизират България; Проф. Дайнов, написал сте още на първата страница, че “путинизмът” е състояние на обществото; Има няколко системни грешки, които путинизаторите на България — Първанов и Станишев най-вече, направили и не разбраха* [Борба. 25.08.2010].

Многочисленные примеры свидетельствуют, что бесспорный «герой» окказионального словообразования в болгарских СМИ сегодня — В. Путин: *Уволнението на Иво Инджев — мирис на путинщина* [Дневник. 11.10.2006]; *Затягане на гайките по путински* [Новинар. 28.09.2004]; *В помощ на Ехуд Барак — нашата оферта за още един путинизъм* [Сега. 27.01.2009] (имя В. Путина наиболее частотно при окказиональном словообразовании и в русских СМИ, что отмечается многими исследователями).

Для понимания окказиональных слов, как уже говорилось, особенно важны знания о референте, о связанных с ним ситуациях, действиях, отношениях и т. д., которые, естественно, присутствуют в более широком словесном или несловесном контексте. Так, появление окказионального слова в следующем примере связано с конкретным событием — несостоявшимся визитом В. Путина в Болгарию в 2009 г., когда вопросы энергетики решали его уполномоченные: *Шматко и Насиров се фръцкат в Безпутинщината* [Сега. 10.04.2009] — т. е. в отсуствии В. Путина.

Более широкий контекст нужен и для понимания окказионализмов в тексте *«Израелският министър на отбраната Ехуд Барак ПУТИНИЗИРА имиджа си!»* [Сега. 27.01.2009], в котором речь идет о том, что Е. Барак процитировал ставшее крылатым выражение В. Путина *мочить в сортире* (упомянем в связи с этим, что многие подобные «афоризмы» В. Путина уже включены в специальные сборники). Внимания в этом тексте заслуживает и единственный в нашей картотеке пример окказионального производного от имени *Владимир* — существительного, образованного от предполагаемого глагола **да се навладимиря* (рус. **навладимириться*) со значением «подражая В. Путину, стать жестким, резким»: *Безцеремонното му навладимирване е мачовски ход за харизматично купуване на рускоезичните гласове* [Сега. 27.01.2009].

Формы ЯИ в медиатексте (хотя и не так часто, как в разговорном и художественном стилях) могут быть обусловлены и лингвистическими особенностями имен. Лингвистический потенциал имен (к которому относятся фонетический облик, структура, лексическая мотивированность, равно как и сложный комплекс вербальных ассоциаций, нередко различающийся у разных людей) в немалой степени определяет «направление» их игрового использования, т. е. участия в определенных формах ЯИ, поэтому про некоторые имена можно заранее сказать, каким образом они будут обыгрываться.

По нашим наблюдениям, формы ЯИ, которые «эксплуатируют» лингвистический потенциал имен российских политиков, не очень активны в болгарских медиатекстах, что вполне естественно при использовании иноязычных

имен (хотя журналисты могут рассчитывать как на родственность двух славянских языков, так и на адресатов, владеющих русским языком, каких в Болгарии довольно много, прежде всего среди представителей старшего поколения). Единичны, например, отсылки к связи фамилии президента Д. Медведева со словом *медведь* (в современном болгарском языке — *мечка*): *С риск отбележа как се разсмяха недипломатично, когато прочетох, че президентът Медведев (пак тези проклети мечки!) ще раздава наказания за незапомнено лошото представяне на руснаците във Ванкувър* [24 часа. 2.03.2010].

Исключительно важны лингвистические параметры восприятия имен для создания каламбура — самой типичной формы ЯИ [Цонева 2007а, Цонева 2009]. Основой ономастических каламбуров может быть омонимия, чаще всего омонимия личного имени и нарицательного, на базе которого оно возникло. Так, на омонимии фамилии *А. Лебедев* и апеллятива *лебед* основан каламбур в следующем примере: *Арлин Антонов вече се провъзгласява за българския Лебед. Сега някой ще се обяви за българската патица или гъска* [Новинар. 30.08.1996]. Именно контекст направляет внимание на возможность понимания фамилии как апеллятива, благодаря «птичьим ассоциациям», т. е. включению в контекст слов *патица* (рус. *утка*) и *гъска* (рус. *гусь*).

Благодатный материал для создания каламбуров — русские фамилии, сохранившие семантическую связь с производящей основой. Этимологическая «регенерация» в таких случаях опирается, как правило, на столкновение в контексте фамилии и родственного слова, причем реэтимологизация нередко бывает неверной с научной точки зрения, игровой. Так, название Е. Примакова на пост премьер-министра «объясняется» в следующем примере тем, что он «обречен» быть первым благодаря самой своей фамилии, которая связывается с латинским *primus* и словами *примадонна* и *примат*, содержащими этот латинский корень. И, конечно, совсем произвольной является связь с русским словом *примочка*, позволяющая указать, он может стать средством для решения «больных» проблем России: *Както и да го гледаме, Примаков от кръщенето си е бил обречен за премиерска роля. Във фамилията му е заложено първенството — primus (в женски род — prima) на латински значи пръв, преден. Оттук примадона или пък примат, примерно на руската политика. В корена му откриваме и "примочка" — компрес, значи, за руските неволи* [Сега. 11.09.1998].

Произвольна и связь фамилии *Гайдар* с названием музыкального инструмента *гайда* (рус. *волынка*), которое входит в состав фразеологизма *играя по чужда гайда* (рус. *плясать под чужую дудку*): *Първият демократичен премиер*

и баш реформатор на Русия се наричаше, че и още се нарича Егор Тимурович Гайдар. Ама да не помисли някой, че той свири на гайда или е играл по чужда гайда [Сега. 6.03.1999].

Такие каламбуры, объединяющие слова со «случайной» формальной близостью, определяются как «паронимическая аттракция». Контекст подчеркивает игровую направленность, поскольку имена сопоставляются не с реальной, а с другой, подобранной автором производящей основой.

В подобных примерах хорошо видно и то, что комический эффект далеко не всегда является целью каламбура (как и многих других форм ЯИ). Целью подобного столкновения слов в рамках ограниченного контекста является содержательная сила высказывания, его выразительность, заострение внимания на оценке референта через обыгрывание его имени.

К паронимии можно отнести и другие случаи намеренного столкновения в рамках ограниченного контекста слов с формальной, в том числе незначительной, не столь явной близостью. Естественно, основания для объединения слов с отдаленным формальным сходством можно искать как в языковом контексте, так и во внетекстовых ситуациях. В следующем примере фамилия *Шматко* связывается с разговорным болгарским глаголом *шматкам се* (рус. *слоняться без дела, бездельничать*); этим глаголом выражается негативная оценка визита русского министра, который болгарские СМИ отразили как бесполезный для решения энергетических проблем в отсутствие В. Путина: *От руска страна до София се пошматка министърът на енергетиката с многозначителното име Шматко* [Тема. 4.05.2009].

За рамками настоящей статьи осталась такая черта КИ, к которым относятся и имена политиков, как текстогенность — возможность порождать тексты, прежде всего юмористические (анекдоты, фельетоны, карикатуры) [Шмелева 2009: 65]. Можно заметить, что имена российских политиков появляются сравнительно редко в собственно публицистических юмористических жанрах, например в фельетоне, как правило, по поводу конкретных событий, связанных с ними. Наличие подобных фельетонов следует считать особенностью идиостиля определенных изданий, например, газеты «Сега». В этих же СМИ, как правило, встречаются и многие случаи ЯИ. Упомянем текст *Между частушката и чалгата*, посвященный частушке «Путин едет в Пикалево» группы «Мурзилки International» и ее сопоставлению с песней о премьер-министре Б. Борисове (полный текст двух произведений дается в оригинале, с указанием на источник в Интернете). В других газетах юмористические жанры сравнительно немногочисленны, причем юмор направлен прежде всего на болгарских политиков.

Заслуживает внимания и вопрос об анекдотах, героями которых являются российские по-

литики. Анекдоты про политиков, в том числе российских, приводятся в специальных сборниках, на многочисленных сайтах, в специальных рубриках в газетах («Новинар», «Сега», «Труд» и т. д.). В целом российские политики редко становятся героями болгарских анекдотов (среди которых немало «странствующих», что характерно для анекдота как жанра). Чаще всего их героем является В. Путин. Приведем пример такого анекдота: *На пресс-конференции Путину задали вопрос: — Корона в гербе — отличительный знак монархических государств, а Россия — республика. Как Вы прокомментируете этот факт? — Никак. Герб — наука точная* (перевод наш. — Л. Ц.).

Обобщая сделанные наблюдения, подчеркнем, что исключительно интересная проблема функционирования имен российских политиков в болгарском политическом дискурсе требует дальнейшего исследования, причем в русле различных научных направлений, поскольку в политическом дискурсе отражается сложность и противоречивость «русской темы», которая, в силу различных обстоятельств, занимает важное место в болгарском национальном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. — М., 2009.
- Гридина Т. Г. Имена собственные как база языковой игры (на материале отфамильных прозвищ в речи школьников) // Русский язык в школе. 1996. № 3.
- Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996 а.
- Гридина Т. А. Ментальные ориентиры ономастической игры в малых фольклорных жанрах // Известия Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2001. № 20 (вып. 4). — Екатеринбург. — URL: www.http://proceedings.usu.ru.
- Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. — Екатеринбург, 2008.
- Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — М., 2009.
- Какорина Е. В. Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М., 1996.
- Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 2002.
- Кульпина В. Г. Психолингвистический анализ в реконструкции восприятия исторических личностей (имена, вторичные имена, прозвища Наполеона в России и в Польше) // Мир психологии. 2002. №3 (31).
- Къдринова К. Различната Русия // Тема. 2010. № 45.
- Негрышев А. А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) // Международный научно-практический (электронный) журнал. 2006. Вып. 5. URL: www.http://inter-cultur@1-net.
- Ратникова И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. — Минск, 2003.
- Романов А. А., Романова Е. Г., Воеводкин Н. Ю. Имя собственное в политике: язык власти и власть языка. — М., 2000.
- Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999.
- Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. — СПб., 2002.
- СМИ и политика: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Л. Л. Реснянской. — М., 2007.
- Стоянов К. Обществениите промени (1989—1996) и вестникарският език. — София, 1999.
- Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. — Волгоград, 2000.
- Цонева Л. М. Езиковата игра в съвременната публицистика. — Велико Търново, 2000, 2002. Цонева Л. М. За перифразата в публицистичния текст // СУБ и развитието на науката и висшето образование. — Велико Търново, 2005. Т. 1.
- Цонева Л. М. Ключевые имена времени в публицистическом стиле // Stylistyka XVI. Styl i czas. — Opole, 2007.
- Цонева Л. М. Игровой потенциал антропонимов // Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ. — София, 2007а. Т.1: Новое в системно-структурном описании современного русского языка. Речевая деятельность: современные аспекты исследования.
- Цонева Л. М. Каламбури със собствени имена в българската публицистика // Състояние и проблеми на българската ономастика. — Велико Търново, 2009. Т. 9.
- Цонева Л. М. Ономастические игры в дискурсе русских и болгарских СМИ // Речеведение: современное состояние и перспективы: мат-лы науч. конф., посвящ. юбилею М. Н. Кожинной. — Пермь, 2010.
- Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. — Киев, 1993. Кн.1.
- Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28).

Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова и доцент Е. А. Нахимова

П. Червиньски
Катовице, Польша

P. Chervinsky
Katowice, Poland

**ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (7)**

**LANGUAGE OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (7)**

Аннотация. В статье завершается описание единой заключительной пары параметров [Червиньски 2010/2] фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. Характеризуются номинативные единицы действующего/организуемого (боец, борец, защитник, страж, витязь, вожак, пахарь, подруга (боевая), профактивист, создатель, строитель/юнармеец, колонист (беспризорник), пионер, комсомолец, октябренок, коммунист (член партии), деткор, допризывник, гагаринец и др.). Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических вербально-концептуальных и смысловых построений.

Abstract. The article completes an elaboration of two concluding parameters of a fragment of system model [Chervinsky 2010/2] underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of a man. The nominative units of being in action/organized are characterized (боец, борец, защитник, страж, витязь, вожак, пахарь, подруга (боевая), профактивист, создатель, строитель/юнармеец, колонист (беспризорник), пионер, комсомолец, октябренок, коммунист (член партии), деткор, допризывник, гагаринец and so on). Introduced as multilevel the system can serve an example of ideological and political verbal-conceptual and semantic constructions.

Ключевые слова: язык советской действительности; обозначения лиц; семантика позитива; советская языковая картина мира; язык и идеология; парадигматическая модель описания.

Key words: language of the Soviet reality; designation of persons; semantics of a positive Soviet language world picture; language and ideology; paradigmatic model of description.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

About the author: Chervinsky Petr, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language.

Место работы: Силезский университет.

Place of employment: Silesian University.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.
e-mail: czerwinski.piotr@gmail.com.

Неполное совпадение перераспределения уточняемых точек по сравнению с тем, что было представлено ранее (см. [Червиньски 2010б]), связывается с наглядностью соотношения *бойца*-инварианта и разных его вариантов. В этом видится важное следствие для проекции возможных смыслов и процедуры их описания. Смыслы в своих составляющих точках (пунктах, подпунктах смысловых проекций) не жестки, подвижны, смещаемы. Восприятие и генерация их, как правило, не однозначна и далеко не всегда ясна в своих составляющих. Что-то может быть затуманено, что-то неточно представлено, а следовательно, так же воспринято, отражено. Сильно различаются синтагматический и парадигматический (показанный в схеме) контекст употребления. Слова и словосочетания, взятые вне контекста, вне всякой возможной связи, отличаются от других, находящихся в контексте, в смысловых отношениях, недостаточно, более или менее либо полностью определенных. Аспект возможной проекции смыслов, являющийся предметом настоящего рассмотрения, есть аспект парадигматический, предполагающий представление данного смысла как точки без исключения коррелятивных связей и отношений в точках с другими

смыслами, без исключения наиболее вероятных (отношений и связей), вероятных, допустимых либо не противоречащих для предлагаемого построения с точки зрения сущности обозначаемого. Подвижность смысла в его проекциях на точки, как представляется, не исключает ни его допускаемого, закладываемого к ним отношения, ни их собственного отношения в векторных и валентностных определениях к существу описываемой парадигмосистемы. Например, *боец*, такой или другой, какой-то определенный и нет, может быть тем и другим в своих точках, в их сочетании, порядке и отношениях друг к другу, но, согласно описываемой парадигмосистеме, каким бы он ни был, он должен описываться и иметь возможность себя представлять в этих точках, с большей или меньшей степенью необходимой и допускаемой конкретности.

Далее применительно к описанию и процедуре нас будет интересовать следующий вопрос. Ранее рассматривался *борец*, как инвариант отнесенный к позиции 3 в ее переходе к 4, теоретически также возможный для вариаций в распределениях 3.1., 3.2., 3.3. и т. д. Как бы он относился и проявлял себя в точках по отношению ко взятому в пару *борцу за народное счастье*? Не имея, как для слова *боец*, пара-

дигматического контекста соотношений, *борца* можно было бы определить в позиции (с условием кумулятивного агента в значении) точек 1—2—5—4 как беззаветно (1) преданного (2) далекой цели (5) освобождения (4) масс, без дальнейшего их уточнения в связях и положениях.

Возвращаясь к идее парадигматического контекста, небезынтересным было бы (но только наиболее общее, на определяющем входе) сопоставление таких коррелирующих и воспринимаемых как синонимы единиц, как *боец революции*, *борец революции* и *солдат революции*. Исходя из сказанного ранее, различия между ними должны не выходить за рамки акцентного распределения, в сущности, отношений готовности, а именно: для *бойца* — 2 с переходом, направленным к позиции 3 ($2 \leftrightarrow 3$, без дальнейшего уточнения); для *борца* — постоянство направленной силы (3) осуществления и защиты ($3 \leftrightarrow 4$); для *солдата* — защита, поддержка, обеспечение (4) выхода направляемых сил (3), или $4 \rightarrow (3)$.

Таким образом, между *бойцом* — *борцом* — *солдатом* (*революции*) можно усмотреть валентное соотношение позиций точек 2 — 3 — 4, что с точки зрения парадигматики предполагает для полноты пятиместной картины также наличие позиций 1 и 5 (возможно, не реализованных). Открывающую и заключающую позиции общего ряда — чего-то, кого-то, кто проявляет себя как 1 — 2 — 3 — 4 — 5 чего-то совместного и развивающегося в воображаемом для языкового сознания осуществлении *революции* при ее (про)движении в реализующих ее как возможность и достижение человеческих массах массива *extantum—hominum* (для данного случая) как цель (5), средство (2), толчок (1), материал (3) и оболочка (4) необходимого действия.

Боевая подруга, соответственно, могла бы интерпретироваться, в отличие от той, что присутствует в контексте *сто тысяч подруг — на трактор*, как действующий, т. е., с учетом сказанного, как реализация позиции 4 с поддержкой в 3. Это значит, что *боевая подруга* выступает как оболочка (4) того материала (3), той основы, реализующей массы субстанции действия, которая (оболочка) сопровождает, будучи рядом, поддерживает, обеспечивает своим участием, соучастием, необходимое достижение в 5 ($4 \rightarrow 3$). *Подруга* в сочетании *сто тысяч подруг — на трактор* воспринимается как материал, субстанция (3) расширения, пространства мобилизующей (2) инициативы-толчка (1) для масс (*multum-homogeneum vivum-existuum conjunctum-integrum magnum-extantum hominum*, с акцентами в разбираемом случае на тех составляющих, что подчеркнуты), инициативы-толчка предполагаемого и начатого уже кем-то действия с расчетом, уверенностью на такую его поддержку, как готовность-подхват, — такая *подруга* была бы подругой позиции 3, определяемой, уточняемой

через 2 к 1 как 4. В виде формулы это значение можно передать как $(3 \rightarrow 2 \rightarrow 1) \leftarrow 4$, с подразумеваемым направлением к 5, т. е., изображая в полном виде, следующим образом: $[(3 \rightarrow 2 \rightarrow 1) \leftarrow 4] \rightarrow \{5\}$. Из этого следует существенное уточнение для описательной процедуры рассматриваемых значений, предполагающее наличие всех пяти точек полного представления, распределяемых в разных своих комбинациях и соотношениях уже для первого уровня, с вынесением одних как ведущих и ядерных и подразумеваемым, сопровождающим, фоно-поддерживающим присутствием других. Разбираемые полные формулы могли бы иметь ориентированный, или комбинаторный (как в представленном случае), и не ориентированный, или общий, системный вид, предполагающий последовательность ряда от первой позиции к пятой через вторую, третью и четвертую, с демонстрацией, отображением их соответствующих ролей и соотношений. Этот неориентированный, общесистемный вид для *подруги* из выражения *сто тысяч подруг — на трактор* можно было бы передать таким образом: $[(1 \leftarrow 2 \leftarrow 3) \leftarrow 4] \rightarrow (5)$. И соответственно, такие же две формулы можно составить для *боевой подруги*: $(4 \rightarrow 3) \rightarrow 5 \{2 \rightarrow 1\}$ и $(1 \leftarrow 2) \leftarrow (3 \leftarrow 4) \rightarrow 5$.

Существуют аналогичные формулы со словом *пахарь*: *юный пахарь* (сельский школьник, работающий летом в колхозе), *пахарь голубой нивы* (рыбак), *пахарь зеленой нивы* (работник лесного хозяйства), *пахарь моря* (морской рыбак), *воздушный пахарь* (летчик сельхозавиации) и *пахарь* как таковой, т. е. инвариантный. Значения, передаваемые в данных формулах, для агента можно представить как проективы такого действующего, который в массиве своем проявляет черты отдающего всего себя, не жалея сил, не считаясь со временем и усталостью, беззаветного труженика тому/по отношению к тому, чем является *нива* в советском представлении. *Нива* же требует в необходимые для себя моменты включенного посвященного труда на ней в начале действия (пахота и посев), в продолжающейся за этим постоянной мобилизацией развития и поддержки (обеспечение будущего, растущего урожая, забота о нем) во имя необходимого достижения в сборе и получении. Если, включаясь и действуя, себя ей не посвящать, не жалея труда, сил и времени, — нива не даст или мало даст из того, что могла бы дать и должна давать во имя общего достижения, обеспечения ради поставленно-задаваемой, в том числе, в конечном итоге и перспективе, конечной цели. Нива тем самым становится знаком советского посвящения как абсолютного, полного, безусловного, не допускающего никаких оправданий поглощения человека как материала и представителя, части массива массы ею же, этой массой, во имя придаваемой, сообщаемой ей скрытым агентом и диспозитом цели движения — продвижения к результату. Идея *пахаря*, тем самым, враща-

ется вокруг того, кто действует и способен, приучен веками, воспитан, направлен действовать в отношении средства — материи потенциального результата указанным безусловным образом, не требующим, кроме внутренней, собственной мобилизации и зарядки, никаких дополнительных побудительных стимулов, принуждающих импульсов и толчков. *Пахарь* тем самым может быть интерпретирован в отношении агента как беззаветный и преданный делу труженик, действующий по причине своего определенного предрасположения и устройства, в позиции 3, находящей поддержку в 2, т. е. 3 (↔ 2), с неактуализируемыми, не слишком существенными, в силу его отдачи, не требуемыми как необходимые стимулы и проявления, позициями в точках 1, 4 и 5, относимыми к делу и только через это дело — к нему.

Юный пахарь, соответственно, может быть интерпретирован как проекция выведенной формулы 3 (↔ 2) к обеспечивающему необходимому и возможному продолжению материалу — скажем, [3 (↔ 2)] ↔ 4. *Пахарь голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный пахарь* не отличались бы в этом случае как *пахари*, т. е. как посвященные труженики, дифференцируясь применительно к *ниве* — тому, чем является в советском представлении нива водного, лесного, морского, воздушного, земного хозяйственного, отдающего свой урожай, пространства-массива и потому (для получения урожая) требующего соответствующего приложения сил для работы, действующая на нем советского человеческого хозяйственного пространства-массива. Совмещение этих пространств-массивов — хозяйственного людского и хозяйственного водной, лесной, морской, воздушной, земной стихий (в их агентивной интерпретации) — давало бы искомый смысловой результат, определение и понимание которого предполагает необходимость позиционного (как минимум)

распределения этих самых стихийно-хозяйственных в советском представлении величин. Иными словами, необходимо попытаться найти ответ на вопрос, чем в указанном отношении являются (были?) земля, вода, лес, море, воздух как объекты хозяйственного воздействия и получения, т. е. как нивы, для изучаемой парадигмосистемы. Не вдаваясь в излишние объяснения и воспитательно-идеологические советские обстоятельства (это потребовало бы обращения к широкому материалу и может стать отдельной задачей), в земле можно, говоря предельно кратко, увидеть основу и своего рода центр хозяйственно-агентивного приложения сил человека. В стихии воды (водоемы, реки, озера, пруды и т. п.) мы видим то, что, будучи неотъемлемой частью земли, вместе с тем, как хозяйственная отдельность, обеспечивает собой, своими плодами, человека труда, дает ему необходимое подтверждение-силу. В стихии леса можно усмотреть мобилизующее-мотивирующее воздействие на хозяйственную стихию советского человека (ср. понятия *русский лес, леса, лесные пространства, массивы, пущи, богатство леса* и пр.). В стихии моря просматривается выход и облекающий, обтекающий результат, а в стихии воздушных пространств — исток и исход, своего рода космизм, окрыленно-советского человека, с хозяйственной ролью этих пространств как того, что дает возможность воздействующей реализации через них соответствующих усилий на землю. Значения каждой из перечисленных здесь стихий, в том числе и агентивно-хозяйственные значения, множественны, включают взаимодействие разных позиционно-векторных составляющих. Обобщая, нивелируя различия, мы изобразим их позиционное соотношение в следующей схеме, предполагающей разного рода соотношения и связи точек между собой (их можно было бы показать стрелками разных видов).

Таблица 1.

1 воздух			или (в зависимости от возможной позиции, равно как и какой-то другой):	4 вода		
лес 2	земля 3	вода 4		воздух 1	земля 3	море 5
море 5				лес 2		

Пахарь голубой нивы тем самым, в ключе его неразрывной хозяйственной связи со стихией воды, водных, засеиваемых, вспахиваемых и дающих свой урожай пространств, представлялся бы как 3 (↔ 2) ↔ // 4. Это отличало бы его от *пахаря зеленой нивы*, характеризующегося отношением 3 (↔ 2) ↔ // 2; от *пахаря моря* — 3 (↔ 2) ↔ // 5 — и *воздушного пахаря* — 3 (↔ 2) ↔ // 1. Здесь, конечно, не уточняются многие дальнейшие нюансы.

Принцип взаимности соотношений при восприятии и соответственно описании значений встречаемых номинативных обозначений лиц

позитива предполагает допущение наличия некоторой семантической сети с ячейками взаимосвязей и переходов, в позиции точек которой вписываются воспринимаемые единицы, в своей семантике способные выступать в том или ином парадигматическом соотношении действующих и актуальных признаков. Характер зависимостей, порядков и отношений, определяющих то или иное значение признаков, обусловливается коррелятивно, в соположениях и взаимосвязях с другими значениями, выступающими как соотносимые, коррелирующие, внутренне предполагаемые, ощущаемые, свя-

зываемые в каком-либо отношении и в какой-то, в том числе узуальный, момент. Способность к движению у определяемых значений в ячейках и связях характеризующих точек парадигматической сети предполагает возможности таких допущений. Внеконтекстное и несвязанное, не соотносимое ни с какими другими в рассматриваемый момент, своего рода системное для семантического языка советской действительности значение не будет полностью независимым и необусловленным. Данный наиболее снятый, внеполагаемый вид значения единицы, допуская возможности реализации в том или ином валентностном повороте, вместе с тем имеет свой собственный, пусть не всегда до конца обозначенный и понятный в составных элементах, заряд. Говоря конкретно, можно предположить различное насыщение какой-либо рассматриваемой номинативной единицы в зависимости от ее употребления в мысли, в воображении, в памяти — синтагматического, парадигматического, контекстного, виртуального, языкового и речевого — в соотношении и связи с другой какой-либо из подобных ей еди-

ниц, с другими такими же единицами. Иными словами, рассмотренные наименования *пахарь*, *подруга* (*боевая, сто тысяч подруг на трактор*), *борец*, *боец*, *борец за народное счастье*, *боец революции*, *боец за дело рабочего класса* и пр. могут по-разному восприниматься в зависимости от актуализируемых семантических признаков, от их набора, связей и полноты, в зависимости от того, по какому поводу и в каких положениях с другими единицами они могут быть реализованы во внутренней или внешней речи. Например, *боец*, как было уже замечено, может быть воспринят и, соответственно, определен как обладатель признаков (наделенный), как представитель какого-то объединения, коллектива (принадлежащий, репрезентант) и как действитель — в значениях, составляющих признаки агентива. То есть налицо ряд, предполагающий кумулятивность значений. Вместе с тем можно предположить, что значения причастности того же кумулятивного ряда для него будут нехарактерны или менее свойственны (здесь имеет смысл напомнить исходную схему: см. табл. 2), так же как и значения аддитива.

Таблица 2

	Заряженные (кумулятивы)	Незаряженные (аддитивы)
Отдельность (носитель)	Наделенный (обладающий)	Отмеченный
Социум (общество)	Принадлежащий	Нужный
Структура (система)	Причастный	Поставленный
Действие (проявление)	Действующий	Задействованный

Сходным образом *боец* в отношении наделенности, принадлежности или действия может потенциально иметь способность своего представления, речевой либо мысленной реализации, в разных соотносимых и связываемых позициях, в варьирующихся, хотя и в известных пределах, комбинациях по-разному соотносимых признаков. Следует допускать возможность для называющей, вербально отображаемой, в том числе в сознании, единицы ее представления как высказывания, комбинирующего, сочетающего в себе и для себя, если не перманентно, то не всегда в обусловленном и предопределенном, заранее известном и заданном отношении, набор исходных парадигматических признаков.

Отвлекаясь, однако, от этой возможности, сконцентрируемся на описании включенных, по выбору, называющих единиц параметра действия (проявления) в его кумулятивной проекции. Иными словами, *боец*, как и остальные случаи, будет рассматриваться и в заданном отношении интересоваться нас как набор семантических признаков для значения действителя. Возможного, допустимого, вероятного смысла (смыслов) в соотношениях и взаимных расположениях одного к другому, валентностно-обусловленных выделенными пятью позициями в их сочетаниях для данного уровня и уточняющих переходах к последующим. Тем самым *боец* в его номинативных, обозначенных словосочетаниями, вариантах и все остальные по-

добные данной единицы будут рассматриваться как значения и подзначения агентива в системе возможных соотношений и позиционно-валентностных соположений одного с другим. *Боец* будет рассматриваться как действитель в ряду других каких-то и в чем-то подобных действителей, предположительно обозначаемых как *борец*, *подруга*, *пахарь* и пр. Объединяющим всех этих номинативно выраженных видов действителя будет смысл как идея советского агентивного позитива (как обобщенного действителя) в осознаваемом и воспринимаемом для изучаемой парадигмы ключе. Ответом на изначально присутствующий и ставящийся вопрос будет поиск определения, кто тот (каков, что за) действитель, который характеризуется, выражается в терминах *боец*, *боец революции*, *за дело рабочего класса*, *борец*, *борец за народное счастье*, *боевая подруга*, *пахарь зеленой нивы*, *моря*, *воздушный* и т. д. как номинативах советского языка, языка советской действительности и пропаганды. Поиск ответа на этот вопрос будет производиться в условиях выводимых и выведенных соотношений семантических признаков агентива.

Из представленных на выбор единиц попробуем для начала построить ряды согласно пяти постоянно используемым для производимого описания позициям — выдвижения, сжатия (собирания, мобилизации), выхода (проявления) направленных сил, обеспечивающей

этот выход поддержки, и результирования. Мотивация возможного построения и само построение могут быть не единственными и какими-то иными, для решаемой здесь задачи важно само наличие такой возможности, предлагаемой, предполагаемой в допуске построения, не противоречащем общему смыслу описываемой парадигмосистемы.

Первый ряд, позиции выдвигания, без дополнительных поисков, расширений и уточнений, может быть представлен единицами *вожак (комсомольский вожак, вожак молодежи, настоящий вожак)*, *созидатель (народ-созидатель, созидатель нового мира)*, *творец, профактивист*.

Второй ряд, позиции сжатия (заряженности, готовности), представляют единицы *боец (боец революции, боец за дело рабочего класса, боец социалистического фронта, боец за высокое качество продукции, боец на фронте просвещения, красный боец)*, *витязь (красный витязь — о советском воине)*.

Третий ряд, позиции выхода, проявления направленных на достижение сил, состоит из единиц *борец, боец (за народное счастье)*, *пахарь (юный пахарь, пахарь голубой нивы, пахарь зеленой нивы, пахарь моря, воздушный пахарь)*, *строитель (строитель социализма, строитель новой жизни)*, *труженик*.

Четвертый ряд, позиции обеспечения предполагаемого выхода, представляют *защитник (рубежей, отечества)*, *страж (границ, моря, рубежей, родины)*, *подруга (боевая, сто тысяч подруг — на трактор — в последнем примере подруга выступает содействующей, сопровождающей некое совместное действие, с акцентом на идее подруги)*, *часовой (границ, рубежей, воздушных границ, порядка)*.

И наконец, пятый ряд, позиции результирования, с известной долей условности представляет одна единица из выбранных — *трудолюбивый*.

Поскольку процедура дальнейшего подразделения, не раз повторенная и показанная, в целом, как полагаем, известна, ее уточнение в распределениях подзначений представленных точек для рассматриваемых единиц мало бы что добавило. Изменим поэтому принятый ход представления, обратившись к развертывающейся в проекциях точек идее советского позитивного действующего, показав ее воплощение в ряде номинативов, с тем чтобы вывести общий и проективные смыслы идеи деятеля для парадигмосистемы.

Искомому действующему следовало бы воспринимать как такого, который, будучи чем-то в своей основе в отношении признаков некоторого набора, мог бы непротиворечивым и предсказуемым образом отражать себя в семантике всех тех номинативов, которые вписаны в каждый из перечисленных пяти рядов. Не претендуя на полноту обобщения, обратимся в поиске таких определителей к объединяющим номинативам признакам первого ряда, затем второго, третьего и т. д.

Признаками, объединяющими единицы первого ряда (*вожак, созидатель (народ-созидатель, нового мира)*, *творец (подлинный творец истории — о советском народе)*, *профактивист*) можно считать неумность внутреннего стремления объединяя, концентрируя не организованное перед этим, в том числе и людское, множество, формировать из него единство, способное действовать, проявлять в себе признаки того, что необходимо, что требуется для осуществления цели. Из предлагавшегося набова в данном случае подходят свойства активности, имманентности, интенциональности (волюнтаристичности), конститутивности, направленные в своем применении на неформальный, неверно оформленный либо бесформенный массовидный объект. Основой этого представления является активное внутреннее стремление придавать форму массе — организовывать, строить и создавать из того, что имеется, из материи материала, природы, нечто предзаданное, артефакт результируемого замысла. Инициатива, цель, направление и замысел подобного проявления должны находиться вовне, за пределами характеризуемого позитивного действующего, составляя прерогативу подразумеваемого агента и диспозитора (в случае несовпадения с ним). Тем самым креативность, обнаруживающаяся за этим комплексом представлений, может восприниматься как креативность использования, креативность включения и подчинения внеполагаемой, т. е. не внутренней, цели. Цель движения подчиняет себе цель устремления, замещает ее, включает ее в себя, становится ею.

Признаки второго ряда с объединяющей их идеей воинского служения (*боец, подробно описанный ранее в различных своих проявлениях, красный витязь — советский воин*) может представить уже выведенная готовность действовать не взирая на трудности и опасности, не жалея себя, не щадя живота, руководствуясь внешним немотивируемым императивом, интерпретируемая как преданность долгу, воспринимаемому в ключе воинской чести, верности командирам и общему, общепризнанному делу.

Признаки третьего ряда (*борец, боец за народное счастье, пахарь (юный, голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный)*, *строитель (социализма, новой жизни)*, *труженик*) можно представить в контексте беззаветной преданности делу, определяемой в категориях постоянной борьбы, преодолений, трудной, тяжелой, не отпускающей от себя работы, строительства, внутренней тяги к такому требующему постоянной готовности, посвящения и самоотдачи труду.

Признаки четвертого ряда, связываемые с проекциями значений наименований *защитник (рубежей, отечества)*, *страж (границ, моря, рубежей, родины)*, *подруга (боевая, сто тысяч подруг — на трактор)*, *часовой (границ, рубежей, воздушных границ, порядка)*, можно опре-

делить в отношении гарантируемой надежности действия для себя, своего, в границах пространства, в том числе и людского, реализации заданной и достигаемой цели.

И, наконец, пятое обозначение, являющееся венцом и гордостью всех рассмотренных, — *трудящийся* — можно воспринимать сквозь призму свойства такого движения, которое совершается в человеке и выступает самим человеком, носителем, идеей, создателем, осуществляющим, реализующим и одновременно являющимся самим для себя и в себе реализованным результатом советского достижения для агента и действителя. Или, иными словами, это сама на себя направленная, для себя и в себе воплощенная агентивная трудовая рабочая самость, содержащая все упомянутые прежде свойства и замыкающая их в себе как исходную и конечную характеристику им самим совершаемого, но запущенного вне его (а потому неясно — для него или не для него?), движения.

Из этих проекций признаков складывается общее представление о позитиве советского действителя, воспринимаемого как, того, кто стремится, должен стремиться, в силу своих имманентных свойств, к необходимости оформляющего, созидającego воздействия на массу-объект материала, с беззаветной готовностью следовать направляющим указаниям обладателей высшего императивно-финитного знания на этом пути, с посвящением, самопожертвованием, невзирая на тяжесть, опасности и неизбежные трудности, гарантируя, обеспечивая надежность, защиту, неприкосновенность пространства и поля такого действия, во имя и ради существования и сущности таких, как он сам и, тем самым, действующего для себя, в силу сущностной составляющей собственного бытия. В итоге такого определения, смыкающего начало и результирующий конец, возникает общее представление эссенционального действителя — внутренне подготовленного, создавшего, созидającego, воспроизводящего самого себя в своей ориентированной в правильном отношении имманентной заряженности постоянно и безотказно действовать в созидательно-оградительном отношении, самоценно, в силу смысла такого своего существа. Возникновение, распространение, расширение подобного типа действителя следует воспринимать как ту системную, стоящую перед всем советским народом и обществом, стимулирующе-воспитательную и созидательную задачу, которая, будучи изначально предполагаема самим этим действием, становится ведущей основой и принципом действия пропаганды — демонстрации позитива, его внедрения, развития, усиления, поощрения.

От сказанного по поводу кумулятивного действителя можно перейти к последней ячейке в таблице описываемых параметров — аддитиву задеируемого. Представлять его

будут значения, отображаемые в единицах, предполагающих название лиц, организуемых, включаемых, втягиваемых, призываемых в какое-то объединяющее их занятие, дело и(ли) движение, связываемое с подобного рода занятием как общим, предписанным, приданным действием, делом. Примерами таких единиц могут быть *юнармеец, колонист* (беспризорник), *пионер, комсомолец, октябренок, коммунист* (как член партии), *деткор* (детский корреспондент), *допризывник, гагаринец, ворошиловец* (как член пионерского военизированного отряда), *юный дзержинец* (член отряда комсомольцев — помощников милиции), *юные друзья милиции, зарничник, юный интернационалист, кандидат* (в члены партии), *колхозник, комбедовец, коммунар* (член коммуны), *кружковец, курсант, нахимовец, призывник* и т. п.

Попробуем несколько иначе, не так, как в предыдущих описаниях параметров, подойти к задействию: не столько от внутренних соотношений семантики признаков, сколько, предполагая их и с ними соотнося, от места и роли того или иного задеируемого в системе и в связи с представлением действителя как позитива, его сформулированного пропагандистски ориентированного, направленно-воспитательного характера.

Тому имеются веские основания. Задействие предполагается как то, что должно служить правильному образованию требуемого системой действителя ради осуществления себя самой. Описанный выше эссенциальный действитель, как продукт, результат и одновременно материал и само продуцирующее системы, должен себя находить, возникать из определенным образом организующей, включающей его в соответствующие занятия системы.

Определение интересующих нас мест и ролей в системе задействия будет производиться, как, впрочем, и во всех предыдущих, на основе взаимного соотношения признаков собственно парадигматической, внутренней, когнитивной семантики и семантики, обнаруживающей и проявляющей себя как вербальная для выбранных номинативных лексических единиц. Основу их позиционного и ролевого соотношения будет представлять рассматриваемая для каждого параметрального ответвления пятиместная схема в точках от выдвижения к результированию, применяемая каждый раз в соответствующем парадигматическом отношении. Задействовать, или организовать в указанном отношении значит прежде всего поставить, приставить, втянуть, включить, но не к позиции, месту как занимаемому функционально-статусному положению, что было свойственно для значений *поставленности* и о чем шла речь в одной из предыдущих статей [Червиньски 2009г], а к занятию, делу, в организацию, объединение, коллектив, призываемый, создаваемый для такого занятия и потому предназначенный для него. *Пионер, комсомолец, юнар-*

меец, коммунист, деткор, допризывник, будучи членами организаций — пионерской, комсомольской, юнармейской, коммунистической партии и т. п., — определяются в отношении включения, задействования в них с точки зрения места и роли и цели осуществления ими этой, предполагаемой местом, роли в системе, нацеленной, обращенной и существующей в действителе, создающем ее такой, какая она есть и воспроизводящем себя через нее и в ней.

Прежде чем представить интересующее нас в конечном итоге пентавалентное распределение с углубленной характеристикой функциональных мест, попробуем, с учетом желательной объективности результата, обратиться к языковому материалу, с тем чтобы постараться увидеть в нем и вывести из него те признаки, которые будут для описания указанного задействования необходимы. *Юнармеец* (юный армеец), как пионер и член военизированного отряда, участвующий в военно-спортивной игре [ТСЯС], может быть определен в интересующем нас отношении с позиции коллективно осуществляемой подготовки, имеющей смыслом практическое освоение, выработку тех черт и качеств, которые будут необходимы для действителя, способного и готового безотказно действовать (немотивируемый императив) в оградительно-наступательном отношении, хотя и не только в нем, в коллективе и вне его, с ощущением целей и внутреннего присутствия своего и большего коллектива, вплоть до целого народа-страны, понимаемых как советская действующая система, с полной отдачей и подчинением, не щадя живота и сил. Не вдаваясь в подробности, позволяющие определить и увидеть в семантических признаках едва ли не всю структуру действующей системы на этом одном примере, следует сконцентрироваться на главном — ведущем, ядерном, акцентирующем для каждого подобного номинативного случая. Иными словами, мы хотим определить, чем является, характеризуется, становится для задеиствуемого анализируемое задействование и, одновременно с этим, во что и куда, в какое место, позицию для системы задействования втягивает, включает его.

Для *юнармейца* акцентными признаками, формирующими его задеиствуемое ядро, являются позиции подготовки в виде заряжения, мобилизации в нем необходимого чувства как состояния боеготовности к предполагаемому в будущем возможному действию в наступательном и оградительном отношениях. Задеиствование для него можно воспринимать как втягивание, включение в объединение (военизированный пионерский отряд), предполагающее военную по существу игру, участие в действиях, проецирующих, предполагающих соответствующие условия и обстановку. Такая военизированная юношеская игра может в интересующем нас аспекте рассматриваться по характеру

своего задеиствования как воспитательно-тренировочные усилия, направленные на определенную цель и ориентированные на предполагаемое в будущем действие. Целью можно определить как подготовку, а ориентацию — как действия, приближенные к боевым, т. е. наступательные и оборонительные. Полученные тем самым три основные точки — воспитательные усилия, цель и ориентация к действию — характеризуют *юнармейца* во взаимосвязываемых позициях $2 \rightarrow [2 \rightarrow (3 \leftrightarrow 4)]$. Первой точкой (2) выступает игра, определяемая в своем мобилизующе-подготавливающем отношении к состоянию боеготовности (2) к действиям наступления и обороны ($3 \leftrightarrow 4$).

Колонист (воспитанник детской трудовой колонии НКВД), определяясь по отношению к упомянутой колонии, может восприниматься в задеиствовании с позиции воспитательно-трудового использования — воспитания коллективом и коллективным трудом в настоящем и будущем человека труда для советской системы, члена советского общества. Труд, как основа подобного воспитания, результируется как в материальный (для настоящего времени с проекцией в будущее), так и в социальный (для настоящего и для будущего) продукт в виде самого колониста-воспитанника. Основу определяемого ядра составляют, таким образом, признаки, вытекающие из черт коллективного воспитания, коллектива, определенного труда и продукта. Воспитание как выработка внутренних необходимых качеств (мобилизация) сводимо к точке 2, труд как участие в действии — к точке 3, продукт, будучи достижением результата, — к точке 5. Конечной, вбирающей все это точкой, является идея советской системы в ее изначально желательном применительно к социальной проекции виде, или точка 1 как исходная и вбирающая. Формулу определяемых признаков можно представить так:

$$2 \rightarrow (3 \leftrightarrow 5) \rightarrow 1.$$

Пионер, определяется по отношению к пионерской организации. Его можно рассматривать в задеиствовании с точки зрения построения, обеспечения надежной опоры в создаваемом обществе для реализации, успешного достижения поставленных перед этим обществом целей. То есть мы сталкиваемся с позициями следующей формулы: $[4 \leftarrow (3 \leftarrow 2)] \rightarrow 5$. Данная формула предполагает направление к точке 4 (обеспечение) через 2 — подготовку — в ее подразумеваемом стремлении к 3 с идеей построения, являющейся (для точки 4, вобравшей в себя значения 3 и 2) надежной гарантией достижения в пункте 5.

Комсомолец, как член комсомольской организации, представляет в задеиствовании идею, сходную с пионерской, но с большим акцентом на участии в непосредственном действии, через которое формируется обеспечение и готовность, что можно изобразить в виде формулы: $(3 \leftrightarrow 2) \rightarrow 4 \rightarrow 5$.

Октябренок в первую очередь характеризуется позицией воспитания в соответствующем духе, предполагающем изначально правильную ориентацию и верность тем идеалам, которые в будущем обеспечат гарантию его должного проявления, что можно передать следующей формулой: $(2 \leftarrow 1) \rightarrow 4 \rightarrow 3$.

Коммунист, как член организации, объединяющей, включающей, втягивающей в свои ряды по выбору тех, кто должен, по замыслу, составлять опору, социальный базис советской системы в соответствии с ролью, обозначенной как *руководящая* и *направляющая*, может быть описан с точки зрения идеи задействия как результат продвижения от пункта 3 к 4, включая все остальные точки, распределяющиеся в соответствии с позициями самореализующейся в движении системы — встраивающейся, объективирующей, проецирующей себя в массивах людского пространства. Обозначим это условно в формуле: $[(3 \rightarrow 4) \leftrightarrow (2 \rightarrow 1)] \rightarrow 5$.

Рассматривая задействие в контексте мобилизующей организации общества, предполагающей придание ему соответствующего направления для обеспечения максимально полного и эффективного использования ради достижения поставленных целей, попытаемся представить набор отобранных единиц с позиции задействующего включения. Для этого перейдем от составления формул с точками к описанию возможного функционально-ролевого распределения.

Основу общего социального состояния советской системы с точки зрения рассматриваемого задействия составит некий организующий механизм, который можно представить в виде последовательно располагаемых фаз ролевого участия, начиная с первой, исходной, — определим ее фазой **втягивания** (1), — через движение в **подключении** (2), **испытании в действии** (3) к **направленному** проявлению в **действии** (4), над чем руководящей, предугадываемой, организующей будет вершинная фаза (5) наиболее полно выраженного (выражающего себя) **обладания**. Для социального и возрастного аспекта этой системы (при этом возраст можно и следует понимать как ступень социального обладания-достижения в разных смыслах и отношениях, в том числе ресурсов и рычагов — ресурсов использования и воздействующих рычагов), для последовательно иницирующего и взаимно предполагающего распределения ячеек осевым, центральным будет содержание, передаваемое словами *коммунист*, *комсомолец*, *пионер*, *октябренок* в порядке, представленном ниже, с вершиной в виде вербально не выраженного номинативно обладания:

- (5) обладающий всей полнотой;
- (4) направленно (воз)действующий — *коммунист*;
- (3) испытываемый в действии — *комсомолец*;
- (2) последовательно подключаемый — *пионер*;

- (1) постепенно втягиваемый — *октябренок*.

В других своих ролевых проявлениях рассматриваемая система могла бы определяться и обнаруживать себя во внутренних соотношениях, предполагающих более частные смыслы, не исключая обозначенных пяти фаз, но модифицированные для определенного представления и аспекта. Такими возможными проявлениями в «пионерской» группе подключения (2) можно назвать следующие подразделения:

2.1. втягивание, понимаемое как воспитание соответствующего духа:

2.1.2. *юные корчагинцы* для подключения;

2.1.3. *гагаринец* для испытания (далее подразделение на группы опускается в виду краткости и отбора наиболее ярких иллюстрирующих примеров);

2.2. подключение через занятия по интересам: *кружковец*, *юный натуралист*, *юный интернационалист*, *пикор* (пионерский корреспондент), *следопыт* (*юный следопыт*, *комсомольский следопыт*, *красный следопыт*), *техкружковец*, *юнкор*, *юннат*;

2.3. испытание через участие в военизированных отрядах: *юнармеец*, *зарничник*, *воршиловец*;

2.4. направленное действие (воздействие) — участие в группах поддержания порядка: *юные друзья милиции*, *юный пожарник*, *юный дзержинец*;

2.5. обладание полнотой через трудовую деятельность: *колонист*.

Втягивание, подключение, испытание, воздействие и обладание как составляющие рассматриваемых отношений способны проявлять и обнаруживать себя в других, не столь прозрачных ролевых участиях. Трудность определения значений в известном смысле вызвана множественностью внутренних соотношений, которая, будучи явной, может быть по-разному воспринята и истолкована. Так, если *кандидата* (в члены партии) в интересующем нас аспекте можно истолковать как втягиваемого (1) через испытание в предполагаемом проявлении-действии (3) в участие в направленном воздействии (4) в системе, т. е. в советском обществе, в отношении будущего его воздействия, отмеченного и освященного партбилетом, на массы в направлении социалистического строительства, то порядок и акценты точек, в зависимости от актуализируемого смысла, могут быть разными. *Назначенец*, понимаемый как тот, кого поставили, назначили, т. е. подключили (2) к воздействующей роли (4) для достижения (= обладания), результирования, эффективности (5) какой-то сферы деятельности и производства, должен, по идее, отличаться от *парттысячника* (коммуниста-производственника, посланного на учебу в высшее учебное заведение [ТСЯС]), вот только сложно сказать, чем именно? Это зависит от того, с какой целью

коммунисты направлялись в вузы или втузы получать высшее образование: для укрепления кадров на местах, для повышения квалификации, для приобретения не только практических, но и теоретических знаний, для статистики и т. д. Спектр подобных целей может быть широк и, видимо, следует свести его к обладанию посланного — посланной его партией, самим собой как коммунистом, производством, которое должно на этом, по замыслу, выиграть и приобрести, а как следствие — обществом. Но будет ли данный признак — обладание (5) — определяющим для него? На этот вопрос сложно ответить однозначно. Вместе с тем само действие по направлению коммуниста-производственного в вуз, может быть, точнее было бы определить как втягивание, подключение, испытание действием или направленность (на него) воздействия. С учетом того, что в вузы для получения высшего образования посылались тысячи производственников-коммунистов (отсюда и название *парттысячник*), можно предположить важность идеи втягивающего подключения на основе выбора с конечной целью обладания, т. е. использовать комбинацию точки 1, 2 и 5 в каком-то из порядков, возможно, до конца не реализуемых.

Существенным для данного описания, принципиальным для понимания описываемого, в том числе и с точки зрения выбранной идеи позитива, является понимание, каким образом принцип задействия и задействуемое, парадигматический признак и называемое лицо соотносятся с тем, что можно назвать общим, целостным определением, дефиницией номинатива. Покажем это на примере слова *колхозник*. Объединителем слов данной группы должна быть идея задействия, с дальнейшей конкретизацией, кого задействуют и в чем. Иными словами, при конкретизации значения определяются характер втягивающего, подключающего, испытующего, воздействующего, обладающего аспекта и того отношения, которое возникает в объекте как воплощение соответствующих признаков. *Колхозника* можно определить как сельхозпроизводителя, задействуемого в колхозе — организации, использующей его как постоянного члена для работы на условиях общего обладания производимым продуктом и средствами его производства. Данное определение можно разделить на следующие части:

- объектная, левая часть, отвечающая на вопросы «кто он?», «что он?», — в данном случае сельхозпроизводитель;
- осевая, центральная — задействуемый в колхозе как организации, использующей его для работы;
- правая, уточняющая — на условиях общего обладания результатом и средством труда.

Левая часть дает представление о том, кем или чем задействуемый является для системы, ее существования и назначения, для советского

общества, власти, хозяйства, страны, построения социализма и коммунизма. Осевая характеризует то отношение, которое следует из ролевого участия задействуемого в охарактеризованной системе через ее структуры (объединения, организации, коллективы), опосредующие такое воздействие и отношение. И наконец, правая часть определяет конвенциональный, объявленный, обозначенный характер условий его ролевого участия в данной системе, объясняющий его определенное (и не какое-либо иное) положение в ней, присутствие, позиционную и функциональную роль, то, что мотивирует его, для него самого и других, а также в системе. Исходя из этого, как сельхозпроизводитель, значение слова *колхозник* можно объяснить с использованием точек 3 и 4 (совершение последовательно направленных действий по созданию средств, обеспечивающих человеческое существование системы). Это, в свою очередь, является поводом и делает из колхозника объект осевого, задействующего, отношения, предполагающего необходимость включения его (2) на правах и обязанностях постоянного члена (параметр принадлежности) в организацию, направленно воздействующую (4) на него, для работ ролевого участия (3). Характер ролевого участия, регулирующийся условиями общего (коллективного) обладания производимым продуктом и средствами его производства, предполагает проекцию точек 5 и 4, находящихся вне его самого, в пределы его представительства для параметра принадлежности, из чего следует, что он сам, его труд, средства и результаты его труда входят в параметр принадлежности и в нем себя могут определить. *Колхозник* тем самым воспринимается как задействуемый по показателям принадлежности, без которых его представление было бы недостаточно полным. Значение и знание о нем возникает из того, что, являясь производителем средств, обеспечивающих существование людского ресурса системы, он действует как член коллектива системы, задействующего его и играющего по отношению к нему роль обладателя средствами и продуктом его труда как совместного, т. е. выполняемого всем коллективом.

Задействование, таким образом, предстает как форма и способ включения и использования человека в системе, а человек — как объект-воплодитель и передатчик признаков того или иного задействия. Опираясь на выведенную на примере *колхозника* трехчастную схему — 1) места в системе; 2) характера, вида и роли задействия; 3) вписывающих и мотивирующих системных условий задействия, — попробуем в заключение предельно кратко, не детализируя, представить распределение по группам оставшихся номинативных единиц рассматриваемого параметра.

Объединение в группы происходит следующим образом. *Парткор* (партийный коррес-

пондент) может рассматриваться как 1) передающий направляющего воздействия (идущего от системы) на партийные массы; 2) задействуемый в организации, использующей его для этой работы; 3) функционирующий на условиях действия в требуемом системой режиме. *Комбедовец*, соответственно, характеризуется как 1) передающий направляющего воздействия — на крестьянские массы; 2) задействуемый в организации, составленной и подобранной из таких же, как он, по принципу имущественного необладания; 3) функционирующий на условиях действия в требуемом системой режиме. Объединяющие эти слова первая (в исходной, вводящей части) и третья составляющие при различении второй, осевой, позволяют говорить о типологическом сходстве уточняемых далее семантических признаков самого задействования.

Выделенными на основании такого сходства группами для первой части, в зависимости от места в системе, без дальнейшего подразделения во второй и третьей частях и распределения по позициям точек (это предполагает полное описание, но не принципиально для данной статьи, кроме того, требует соответствующих пояснений, которые излишне увеличили бы объем статьи), будут следующие.

Передающий направляющего воздействия на массы различного рода: *посланец* (партии, комсомола), *прожекторист*, *профкор*, *рабжур*, *рабкор*, *рабселькор*, *лагкор* (лагерный корреспондент), *селькор*, *синеблуз*, *синеблузник*, *синеблузый* (участник агитбригады в 20-е гг. XX в.), *собкор*, *стенгазетчик*, *стенкор*, *тридцатитысячник* (один из 30 тыс. коммунистов, направленных партией на работу в колхозы в 50-е гг. [ТСЯС]), *юнрабселькор*, *юнселькор*.

Действующий (обеспечивающий, поддерживающий действие) данной сферы: *читчик* (работник отдела писем в редакции газеты в 20-е гг. [ТСЯС]), *шкраб* (школьный работник, учитель), *торгпред*.

Испытывающий на себе воспитательно-направляющее воздействие: *подшефник*, *подшефный*.

Воплощающий в себе направляющее воздействие: *коммунар* (член коммуны), *флажковой* (октябренок, который носит флажок своей звездочки [ТСЯС]).

Действующий в вооруженных силах (имеющий отношение к ним): *краском* (красный командир), *курсант*, *нахимовец*, *суворовец*, *нестроевик*, *партизан*, *допризывник*, *призывник*, *сверхсрочник*, *трудоармеец*.

Действующий в сфере охраны и поддержания физического здоровья и медобслуживания: *сандружинник*, *спортпред*, *физкультурник*.

Сельхозпроизводитель: *совхозник*, *твердозаданник* (крестьянин-единоличник, работаю-

щий по строго определенному государственно-му плану-заданию [ТСЯС]).

Осуществляющий продовольственную политику на селе: *продотрядник*.

Диктуемые системой и идущие от системы признаки, фиксирующие и уточняющие формы и виды задействования, делают представленные единицы объектом дальнейшего распределения, учитывающего все ранее сказанное и объединяющего их в парадигматике целостной структуры. Теоретические и эмпирико-аналитические следствия такого взаимобратного описания — от системы к ее элементам и от элементов к системе — предполагается рассмотреть в отдельной статье.

ЛИТЕРАТУРА

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 34—60.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репр. 5-го изд. 1899 г. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.

Латинско-русский словарь = ЛРС / сост. И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков; под общ. ред. С. И. Соболевского. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии = ТСЯС. — СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Словарь иностранных слов = СИС. 9-е изд., испр. / гл. ред. 6-го изд. Ф. Н. Петров. — М.: Русский язык, 1982.

Словарь русского языка: в 4-х тт. = МАС. 2-е изд. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — М.: Русский язык, 1981—1984.

Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 110—127.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009а. № 1 (27). С. 132—147.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (2) // Политическая лингвистика. 2009б. № 2 (28). С. 46—62.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (3) // Политическая лингвистика. 2009в. № 3 (29). С. 69—86.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (4) // Политическая лингвистика. 2009г. № 4 (30). С. 48—71.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (5) // Политическая лингвистика. 2010а. № 1 (31). С. 55—73.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (6) // Политическая лингвистика. 2010б. № 2 (32). С. 66—76.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и доцент Е. А. Нахимова

Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

E. V. Shustrova
Ekaterinburg, Russia

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В США:
НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ (2009–2011)**

**POLITICAL COMMUNICATION IN USA:
NEW RESEARCH PERSPECTIVES (2009–2011)**

Аннотация. Предлагается обзор новых изданий по проблемам политической коммуникации. Проанализированы работы за 2009–2011 гг., преимущественно изданные в США. Выделяются следующие направления исследований: дискурс средств массовой информации США; дискурс СМИ других стран; дискурс политических лидеров и возможности их риторики; развитие новых средств коммуникации, их возможности и особенности; теория политической коммуникации.

Abstract. The paper offers a review of research done abroad in the sphere of political communication. We focus on monographs and collections of articles issued mostly in the USA, 2009–2011. The most important fields of investigation are: discourse of U.S. media, especially in the post-broadcast age; media discourse of other countries; discourse of political leaders and their rhetoric power in winning over and influencing the public opinion; new media technology, its power and peculiarities; theory of political communication.

Ключевые слова: политический дискурс; политическая коммуникация; средства массовой информации и их влияние; новые публикации.

Key words: political discourse; political communication; media and their power; new publications.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

About the author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.
e-mail: shustovaev@mail.ru.

Данная статья носит обзорный характер, ее цель — познакомить читателей, в первую очередь аспирантов, с теми новыми изданиями, которые пополнили академические библиотеки США за последние два года. На наш взгляд, это позволит расширить круг цитируемой литературы и познакомит с новыми именами, с одной стороны, и даст представление об основных направлениях научных исследований, ведущихся в США в области политической коммуникации, — с другой.

В отобранных работах можно выделить пять основных направлений:

- 1) обзоры дискурсивных особенностей средств массовой информации США;
- 2) обзоры дискурсивных особенностей средств массовой информации других стран;
- 3) анализ дискурса того или иного президента США, гораздо реже — политических деятелей других стран;
- 4) анализ развития новых средств коммуникации и связанных с ними новых способов влияния на электорат;
- 5) работы общетеоретического плана, призванные подвести определенный итог и обсудить перспективы.

В первую очередь стоит обратиться к коллективной монографии «Сила масс-медиа в политике» под редакцией Дорис Грейбер. Шестое дополненное издание ожидается в 2011 г. [Graber, 2011]. В предыдущем, очень успешном, издании обсуждались следующие вопросы.

1. Как информация способна сформировать тот или иной политический институт. Речь идет не только о создании определенного образа, но и вообще о возможности внедрения новых политических образований, в том числе и в структуру государственного управления, под влиянием массмедиа (Брюс Бимбер). Как можно документированно показать убеждающий потенциал средств массовой информации. Речь идет о технике проведения опросов и методиках количественных подсчетов (Джонатан МакДональд Ладд, Габриель Ленц).

2. Почему демократическим странам нужны агрессивные средства массовой информации, как изменились отношения между государственными структурами и массмедиа к началу XXI в., что было характерно для этих отношений в середине и конце XX столетия. Почему откровенная лояльность средств массовой информации по отношению к институтам власти сейчас все меньше востребована, почему она невозможна, почему модели страха и агрессии в массмедиа оживляют политическую жизнь. В качестве одной из причин называется то, что более лояльное освещение событий, каким оно часто было в начале и середине XX в., способствовало зарождению, а впоследствии — формированию стойкого мнения у избирателя, что массмедиа действуют исключительно под влиянием политической элиты, лоббирующей тот или иной законопроект. Это привело к формированию чувства неуверенности у избирателя: не-

уверенности в том, нужно ли поддерживать даже оправданные законопроекты, с одной стороны, и неуверенности в востребованности своего голоса — с другой. Этим вопросам посвящены статьи Джея Блумера, Рейчел Гибсон, Майкла Гуревича, Стефана Коулмана, Кристофера Лумиса, Майкла Шудсона.

3. Каким видится будущее новостных программ в странах с развитой демократией, что нужно изменить, чтобы сохранить свою аудиторию, не уступив права целиком Интернету (Алекс Джоунс, Роберт Лихтер, Стивен Фарнsworth). Какова роль любительского журнализма в освещении международных событий и как можно использовать материал журналистов-любителей в профессиональных программах (Стивен Ливингстон, Дэвид Перльматтер, Кей Трамелль). Почему в США программы новостей воспринимаются все с большим безразличием или откровенным неприятием (Пол Гронг, Тимоти Кук, Томас Паттерсон). Каким должен быть формат новостных программ, освещающих события в «горячих» точках, особенно с участием американских вооруженных сил, нужны ли такие сюжеты вообще (Джил Еди, Патрик Майрик). Название статьи Сина Адейя «Настоящая война никогда не попадает на экран» служит прекрасной иллюстрацией наметившейся тенденции. Сама статья посвящена судьбе видеосюжетов о «случайных» потерях среди мирного населения, в частности Ирака и Афганистана. Вопросы освещения событий в мировой политике и цензуры также представлены в статьях Роберта Энтмана и Джерола Манхайма, где на примере новостных программ США показаны способы подачи такого материала и обсуждается возможность влияния средств массовой информации на ход событий. В статье Филиппа Сайба описывается опыт канала Аль-Джазира в создании новостных программ и тот общественный резонанс, который стал их следствием.

4. Какие средства можно применить для того, чтобы довести необходимую точку зрения до «невнимательной» аудитории. В качестве одного из таких средств рассматривается опыт использования рекламной информации на дисках с видео- и иной продукцией общего пользования (Мэтью Баум). Другой способ — использование телесериалов, в частности, именно так проводятся правительственные программы, связанные с системой здравоохранения (Вики Бек, Мей Кеннеди, Энн О'Лиери, Катарина Поллард, Пенни Симпсон).

5. Как нужно освещать ход выборов, в каком формате, с какой долей нажима на электорат, какой должна быть доля визуальной и вербальной информации. Как следует представлять кандидатов на тот или иной пост и подавать информацию об их карьере, личной жизни, политических программах, в какой пропорции и последовательности должна быть представлена эта информация в зависимости от конкретной группы избирателей (Эрик Буси, Даррелл

Вест, Мария Грейб, Глен Демпси, Бенджамин Пейдж, Роберт Шапиро). Как, в каком объеме и в какое время следует давать в эфир сюжеты, связанные с преступной деятельностью, в том числе и международной, и как можно использовать такую информацию для формирования «нужной» точки зрения общества, как это влияет на дальнейшие результаты голосования (Фрэнк Гиллиам-мл., Шанто Иенгар). В качестве иллюстрации влияния на общественное мнение приводится пример публичных обращений Дж. Буша-мл. и представителей его администрации. Определенные образные модели (в частности, модель зла, угрозы и конфликта) были подхвачены в средствах массовой информации, что привело к принятию в октябре 2001 г. Патриотического акта — федерального закона, который давал правительству и полиции широкие полномочия по надзору за гражданами (Эрика Грэм, Сью Джон, Дэвид Домки, Кевин Коу, Тед Купман). Похожим вопросам посвящена и статья Патрика Селлерса, а именно опыту наблюдения за проведением того или иного законопроекта или поправки в Конгрессе США. В статьях Аниты Данн, Лари Сабато и Николь Уоллас уделено внимание основным тенденциям освещения хода выборов в век «атакующей» журналистики «постэфирного» информационного пространства, в частности на примере выборов президента США 2008 г. Вопросы цензуры, в том числе при создании сюжетов о терроризме, обсуждаются в статьях Дорис Грейбер «Терроризм, цензура и первая поправка», Ланса Беннетта и Ульяма Серрина «Пресса в роли сторожевой собаки». Напомним, что первая поправка, принятая в 1791 г., звучит следующим образом: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [Конституция США, 2008: 14].

6. Две статьи напрямую посвящены проблеме малых групп, дробящих целевую аудиторию, в целом ряде других статей этот вопрос так или иначе поднимается в связи с проблемами, рассмотренными выше. В качестве одной из наиболее сложных таких групп называется группа «соседи». Сложность влияния на нее заключается в том, что составляющих ее людей может быть разное социальное положение, разное этническое происхождение и даже гражданство, разные семейные цели и семейное положение, разное культурное и историческое наследие, разное вероисповедание. Все, что их объединяет, — это совместное проживание, которое, как выясняется, в гораздо большей мере обуславливает общее мнение, чем это было принято считать. Другой сложный момент, связанный с группой «соседи», заключается в том, что в каждой из таких групп найдется че-

ловек, который в определенный момент может считаться ущемленным в своих правах по той или иной причине. Это рано или поздно скажется на общем мнении группы, под влиянием симпатии или антипатии к своему вполне конкретному соседу (Патрисия Ауфдерхайде, Маркус Прайор и др.).

7. Отдельный раздел посвящен взаимосвязи новых средств информации, в частности Интернета, и традиционных форм СМИ (Хелен Маргеттс). Описывается интересное взаимодействие журналистов и блоггеров, новая степень независимости комментатора, которая достигается благодаря Интернету, и новая степень ответственности, новые способы подачи информации, в частности новостей (Ирен Ву, Монро Прайс). Обсуждаются вопросы влияния Интернета на цели общественных организаций и способы их достижения (Ричард Дэвис). Еще одно направление — это развитие местных средств массовой информации и учет их влияния на аудиторию (Дуг Мак Адам, Юи Тан, Дэвид Уивер).

Под редакцией Брайена Шаффнера и Патрика Селлерса в 2010 г. вышла коллективная монография «Побеждая при помощи слов: происхождение и влияние политического фрейминга» [Schaffner, Sellers 2010]. В нее вошли десять статей (Мэри Аткинсон, Фрэнк Баумгартнер, Майкл Вагнер, Джессика Геррити, Сюзанна Линн, Томас Нельсон, Дана Уитмер, Дуглас Харрис, Эллисон Шортл и др.), в которых описывается опыт наблюдения за ходом дебатов в парламенте США по разным вопросам, преимущественно связанным с социальной сферой, то, как выстраивается полемика в рамках определенных смысловых и образных моделей, нацеленных на то, чтобы найти отклик не только у парламентариев, но и у представителей конкретных групп населения. Эти модели должны затрагивать такие смысловые области, как конкуренция, вера, собственность. Рассматривается, как модель, используемая президентом или представителями партий в конгрессе, влияет на общий образ той или иной партии и как модели, используемые в прессе, способствовали смягчению системы мер наказания за совершенное преступление, в частности за убийство.

Коллективная монография «Лелея страх: риторическая и политическая система социального контроля» состоит из трех частей [Charut, Braun, Brown 2010]. В первой части («Делая страх частью демократии») рассматриваются области страха, ставшие уже традиционными для американского общества. Они продиктованы рядом угроз. Это угроза извне, угроза демократическим принципам, угроза терроризма, угроза хаоса, крушения системы, угроза спада в любой из областей, угроза для карьеры каждого отдельного американца, угроза и боязнь совершения ошибки. Одним из источников материала послужили проповеди, которые произносились после 11 сентября 2001 г. Этот матери-

ал был предоставлен Марком Грингом. Статья называется «Нам нечего бояться, кроме...». Вторая часть («Узаконивая страх») посвящена иным областям, вызывающим постоянную озабоченность в американском обществе и выступающим в качестве основы для метафорических моделей. Это страх экологической катастрофы, страх того, что у тебя недостаточный уровень образования, и в результате ты не сможешь приспособиться к требованиям нового дня. Страх потери работы и связанный с ним страх перед постоянно прибывающими в США все новыми иммигрантами, в том числе и нелегальными, — это еще одно направление боязни и эскалации напряженности тогда, когда это удобно определенным политическим движениям. В статье Зу Хаммера «Архитектура страха» в качестве реально существующего символа страха перед новыми иммигрантами выступает стена на границе США и Мексики. В третьей части («Поглощая страх») описываются приемы борьбы со страхом. Во-первых, это обращение к культурному наследию и возможность идентифицировать себя с определенной моделью поведения или, напротив, осознать, что тот или иной негативный образ тебе не присущ. Во-вторых, это созерцание работ Томаса Кинкейда, который известен своими уютными пейзажами, полными света, умиротворения и гармонии. В качестве графических символов Т. Кинкейда, вызывающих особый отклик у американской аудитории, называются стена и деревня, поселок, община, защищенные надежной стеной. Другой прием борьбы со страхом — это «проедание» стресса и походы по магазинам. Следующий прием легко найти на сайтах и в «желтой» прессе. Он связан с описанием того, чего боятся известные люди, например, боязнь анорексии. В заключении авторы призывают обратиться к историческим урокам преодоления расизма, стыда, ностальгии в американском обществе.

Под редакцией Дона Стакса и Майкла Салвена вышел весьма объемный сборник статей «Интегрированный подход к теории коммуникации и исследованиям в этой области» [Stacks, Salwen 2009]. Основой круг рассматриваемых в нем вопросов связан с межкультурной коммуникацией и методами исследования в этой области; с ролью новостных программ, которые, по мнению Себастьяна Валенцуеллы и Максвелла МакКомбса, по-прежнему задают тон в общественных настроениях; со способами определения областей либо полного незнания, либо частично известных американцам и использования этих областей в своих целях. Последнее приводит к созданию «спирали молчания» — весьма действенного инструмента в процессе коммуникации и формировании общественного мнения (Сесилия и Эмануэль Газиано, Чарльз Салмон, Кэрролл Глинн). Рассматриваются и уже традиционные вопросы способов подачи и использования сцен насилия и секса (Дженнингс Брайент, Глен Камминс),

невербальной коммуникации (Джуди Бургун, Эмми Хаббард), политической корректности, особенно в прессе феминисток, а также самой теории феминизма (Отем Граб-Светнам, Кристина Лейн, Рамона Раш, Кэтрин Сарикакис). Ряд статей посвящен описанию межличностного взаимодействия, в частности, во время подачи объявлений и информации рекламного содержания (сравниваются печатные и интернет-источники) (Чарльз Бергер, Юн Джин, Шелли Роджерс, Эстер Торнсон); интернет-коммуникации и ее этике (Брюс Гаррисон, Маркус Месснер, Дональд Райт); взаимодействия в малых группах (Джозеф Бонито, Гвен Уиттенбаум, Ренди Хирокава). Здесь тоже упоминается группа «соседи». Одна из таких статей под названием «Следи за тем, как твой сосед следит за тобой» принадлежит Кэрри Кандриан, Ивонне Монтойя и Филиппу Томпкинсу и посвящена способам осуществления согласованного контроля и возможности изменения настроения в той или иной группе. Присутствуют обзоры способов должного информирования общественности без создания ненужного ажиотажа (на примере репортажей о финансовых скандалах) (Марсиа Дистасо, Терри Скандура) и способов моделирования массовой культуры, влияния на нее (Джин Бодон, Тереза Бодон, Марк Хиксон). Привлекает внимание статья, посвященная описанию основных моделей внутреннего общения с самим собой и проигрыванию возможных сценариев поведения (вербального и невербального) в той или иной ситуации (Джойсейя Баннер, Халид Кнассер, Кристофер Мапп, Джеймс Ханикут).

«Будущее политической науки: 100 перспектив» — еще одна коллективная монография, под редакцией Гари Кинга, Кейя Лемана Шлозмана и Норманна Ни [King, Schlozman, Nie 2009]. В этой работе особо радует гармоничное сочетание лингвистических аспектов и данных таких областей, как юриспруденция, экономика, психология, социология и история. Именно в таком сочетании разных дисциплин и видится основная перспектива развития политической науки и политической коммуникации. В качестве более узких объектов анализа выбраны способы создания имиджа политика или партии; способы опроса информантов; причины неудач, особенно в тех случаях, когда речь, казалось бы, выстроена с учетом всех канонов; изменение коммуникативной тональности и метафорических моделей в зависимости от конкретного политического контекста; учет фоновых знаний электората; влияние когнитивных особенностей, эмоций и здравого смысла на окончательный выбор. В частности, Роберт Бейтс делает особый упор на учет разного этнического происхождения граждан США, а соответственно и целого спектра культурных кодов и когнитивных моделей, наблюдаемых в современном американском обществе. Отдельный блок посвящен внедрению принципов демократии в

умы (американцев) и методам, позволяющим успешно это осуществить. Например, таким методом может стать выбор какой-то цели, которая подается как миссия, объединяющая нацию, отвечающая интересам и культурным стереотипам большинства, к которому должны примкнуть все остальные, не желающие считаться частью системы «мирового ЗЛА». Другим приемом может быть очередное скрытое влияние на психику, проявляющееся в демонстрации преимуществ принципов демократии для каждой отдельной личности, при этом сами преимущества могут иллюстрироваться конкретными примерами или, напротив, формулироваться весьма обтекаемо. Приверженности демократическим принципам и эмпирическим методикам политической психологии и социологии посвящены статьи Лоренса Джейкобса, Иры Катцнельсон, Филиппа Оксхорна, Виржинии Сапиро, Энн Сартори, Кеннета Стелик-Барри, Кэтрин Тейт. Аналитическая статья Луизы Комфорт посвящена рассмотрению демократии как сложной системы, **способной к необходимым изменениям**. Понимание этого, по мнению автора, должно лечь в основу как дальнейшего развития (американского) общества, так и в основу восприятия собственной страны отдельным гражданином.

В ряде статей описываются результаты исследований малых групп избирателей. Интерес для ученых представляет влияние семьи на современном этапе, традиций, происхождения, материального благополучия и неблагополучия (Джеффри Бери, Кристофер Дженкс, Гари Кинг, Дэвид Кэмпбелл, Дэвид Лидж, Джейн Мансбридж, Джон Олдрих, Джон Петросик, Роберт Путнам, Сьюзан Хансен, Шауна Шеймс). Отдельную область составляет религиозный аспект, изменение устоев протестантизма, с одной стороны, и по-прежнему высокая доля влияния религиозных институтов и конкретных священнослужителей на моральные принципы и выбор той или иной линии поведения в малой группе — с другой (Ульям МакКриди, Голди Шабат, Байрон Шафер, Билл Шнайдер). Иммиграция, в том числе и незаконная, приносящая новые когнитивные модели и требующая новых способов влияния на умы избирателей, — еще одна область научных изысканий. Исследуется, как влияет на электорат приверженность своей культуре, можно ли убедить сменить культурный код (Норманн Ни), как приток новых иммигрантов влияет на избирателя англосаксонского происхождения и американцев, чьи семьи уже давно укоренились в США, что меняется в политических пристрастиях и политической активности под влиянием новой волны иммиграции (Родольфо О. де ла Гарца). Уделяется внимание и проблемам меньшинств (сексуальных), дискриминации по половому признаку, способам привлечения этой части электората (Эйлин МакДонаф, Нэнси Бёрнс). По мнению Мишель Сверс, гендерные отличия должны составить

новую основу для переориентации социологии и политологии. Такие изменения в научном подходе должны помочь женщинам занять более достойное место в политической жизни страны как в качестве простых избирателей, так и членов правительства, сотрудников государственного аппарата. Осторожнее относиться к включению в свои политические заявления цифр и фактов, всякого рода сравнений, в том числе и статистических, призывают Ганс Даалдер и Филипп Шмиттер. Дело в том, что факты и статистика меняются быстрее, чем за этим успевают политические деятели. В свою очередь, такие вещи могут быть истолкованы как намеренное искажение фактов, могут негативно повлиять на избирателя, более осведомленного в той или иной области. С другой стороны, постоянные статистические сравнения, часто ничего не говорящие простому американцу, способны только нагнать тоску и вызвать недовольство действиями правительства.

Проблемы журналистики — еще одна сфера рассмотрения. Снова присутствуют обзоры того, как должен строиться репортаж (или серия репортажей) о ходе выборов (Джон Хансен, Даниель Шлозман). Дели Каприни и Андреа Кэмпбелл на примерах опросов показывают недостаточную информированность граждан, их неосведомленность в сфере нужной политической информации. Трейси Бурх выражает обеспокоенность увеличением доли политических новостей и политических тем в общественном дискурсе. Это приводит к намеренному уходу от криминальной хроники, от преступлений, совершаемых внутри страны ее собственными гражданами. Приводится анализ причин. Вопросом о росте цинизма в американском обществе задается и Артур Сандерс, который прослеживает данную угрожающую тенденцию на материале объявлений и рекламы.

Отмечается недостаток связи американского общества с остальным миром (Джеймс Розенау) и нехватка талантливых политических лидеров (Марк Петерсон), анализируются причины и возможные следствия. Необходимости все чаще отправляться за рубеж для учебы, познания других культур, обогащения идеями и анализу такого опыта посвящены статьи Йорга Доминига и Нэнси Розенблум. Родерик МакФаркуар и Лусиан Пай обращаются к опыту развития политических систем и влияния на Востоке, в частности в Китае. К необходимости обучения «политической грамоте» призывает Пол Петерсон и анализирует то, что уже сделано в этой области. Подобные мотивы слышатся и в заключительной статье Кеннета Превитта «Может (должна) ли политическая наука стать политической наукой?». Подводя итог, автор возвращается к вопросу степени влияния, которое оказывают другие области научного знания на политологию, и отмечает, что методики, разработанные в рамках нового научного направления, способны усовершенствовать методологический аппа-

рат в целом, создать новую систему подачи и применения научного знания.

Изучение фрейма «мы против них» представлено в монографии Рэнди Боббитта [Bobbitt 2010]. Автор рассматривает опыт создания радиопрограмм, нацеленных на определенную аудиторию, описывает способы нахождения «своего» слушателя и спонсора. Основные группы — это консерваторы; люди с прогрессивными взглядами; сторонники свободы мысли и деятельности; борцы за свободу; люди, желающие шокировать, поразить воображение любыми способами; ненавистники. В каждой из групп есть отличия, обусловленные территориальным, социальным и гендерным факторами. Последние две главы посвящены основным теоретическим составляющим, которые в США принято учитывать при создании радиопередач, наделенных на достижение политических целей, и сопоставлению с тем, что оказалось практически эффективно при освещении президентских выборов 2008 г.

Скорее всего, появление следующей книги продиктовано исходом президентских выборов 2008 г. в США. Сборник статей «Афроамериканцы и революция на Гаити: избранные статьи и исторические документы» [Jackson, Bacon 2010] полезен в первую очередь специалистам по английскому и креольским языкам. Из исторических документов здесь представлены: «Журнал Свободы», ведшийся на Гаити в 1827—1829 гг.; первая афроамериканская газета, выходящая в 1827—1828 гг.; речь, датируемая 26 февраля 1841 г.; лекция, посвященная революционным событиям и прочитанная 16 мая 1854 г. в Лондоне — с ней сравнивается проповедь, прозвучавшая в Филадельфии 20 декабря того же года. Это позволяет проследить, как по-разному были восприняты революционные события в американском и британском обществе. Кроме исторических документов, представлен анализ роли моряков-афроамериканцев в создании «интернациональной сети коммуникации» среди представителей черной расы и негроидных меньшинств. Другой аспект проявления влияния, оказанного революцией на Гаити (1791—1803 гг.) и личностью Франсуа Туссена-Лувретюра на политическую активность афроамериканцев северных штатов США. Обращение к периоду 1816—1862 гг. связано с недостаточной освещенностью в работах по истории США того, как менялось осознание своей роли, своего предназначения, своей судьбы в северной афроамериканской диаспоре и какой контраст эти настроения составляли с положением на Юге. Еще один аспект влияния революционных событий на Гаити на умы афроамериканцев как Севера, так и Юга проявился в создании исторических мифов, которые не преминули отразиться в фольклоре. Далее рассматривается трансформация, развитие этих мифов в афроамериканском устном и песенном творчестве во времена Гражданской войны между Севером

и Югом. Не обойдены вниманием и афроамериканская публицистика и литература. В сборнике представлены статьи и эссе Ф. Дугласа, Л. Хьюза, Р. Эллисона, П. Робсона. Отдельно анализируется влияние революционных событий на риторiku Ф. Дугласа.

Второе направление: обзоры дискурсивных особенностей средств массовой информации не только США, но и других стран. Здесь мы предлагаем обратиться к десяти основным работам.

«Антропология новостей и журнализма: мировые перспективы» под редакцией Элизабет Бёрд будет полезна тем, кто занимается проблемами креолизованного текста и мультимодальной метафоры [Bird 2010]. Книга интересна тем, что в ней представлен опыт журналистов, работающих в разных странах. В ряде статей рассмотрены вопросы, связанные с необходимостью перефокусирования новостных программ исходя из новых этнических стереотипов в странах Европы и в США, с необходимостью вызвать симпатию к одной национальности и усилить неприятие другой (Амаль Бишара, Зейнеп Гюрсель, Карин Вал-Йоргенсен). Переплетение этнических стереотипов, необходимость увеличения доли новостей местного масштаба, нацеленность на отдельного слушателя рассматриваются в статье Дебры Спитульник на примере государственного радиоканала в Замбии. Опыт опоры на миф при подаче новостей в Венесуэле во время прихода к власти Уго Чавеса стал объектом внимания Джозефа Манцеллы и Леона Яхера. Кристина Швенкель поделилась своим опытом работы в качестве оператора во времена войны во Вьетнаме: как надо снимать, как следует комментировать происходящее, что оставить, а что убрать — это одна сторона статьи. Вторая сторона — подача образа журналиста как солдата, выполняющего свой долг. Внимание вновь уделяется важности местных, узкоспециализированных средств информации. В качестве примера рассмотрен опыт Индии (Марк Аллен Петерсон, Урсула Рао), Австралии (Керри МакКаллум), Португалии (Дорль Дракл) и Великобритании (Джонатан Скиннер). В Индии изучается опыт влияния местных новостей на профиль программы в целом и их востребованность у зрительской аудитории. На примере Австралии и Португалии обсуждается учет местных слухов, их влияние на новостные программы. В Великобритании гиганты среди средств массовой информации, призванные формировать линии национальной политики, часто оказываются под огнем критики местных средств информации, которым британцы доверяют больше. Это вызывает рассогласованность действий, утрату контроля над общественным сознанием в масштабах страны. Опытом подачи визуальной и графической информации при создании цифровых программ и интернет-сайтов делятся Доминик Боейр и Адрианн Рассел. Использование кли-

пов и популярной музыки при продвижении программы той или иной политической партии — предмет статьи Марка Педелти.

Статья «Реалистичное телевидение и арабская политика: раздоры в общественной жизни» Марвана Крейди [Kraidy 2010] посвящена проблемам борьбы за зрительскую аудиторию в арабских государствах, способам согласования визуальной информации с религиозными устоями и требованиями сегодняшнего дня (на примере Саудовской Аравии), проблеме сегодняшнего неприятия программ, связанных с исламом или продиктованных его догмами (на примере Бахрейна), особенностям гендерного подхода при создании телепередач в Кувейте, информационной войне между Ливаном и Сирией, влиянием передач в стиле «reality» на дальнейшее провоцирование «борьбы за независимость».

Специалистам, занимающимся метафорическими образами в карикатуре и графике, можно порекомендовать монографию Йоля Котека «Карикатуры и экстремизм: Израиль и евреи в арабских и западных средствах массовой информации» [Kotek 2009]. Оригинал вышел на французском языке и чуть позднее был переведен на английский. Книга включает пять глав. Автор начинает с истоков формирования предубеждений против евреев в Западной Европе и рассматривает трансформации исходного мифа в период 1144—1946 гг. Основные образы следующие: вампир, каннибал, убийца младенцев. Автор обращается к той роли христианства и особенностям трактовки Священного Писания, в частности у католиков, которые во многом обусловили и поддержали исходный миф и образы. Далее автор переходит к ситуации, которая складывается в странах, исповедующих ислам, и анализирует карикатуры, созданные в арабских государствах начиная с 2000 г. Констатируется возвращение к мифу и образам, которые были хорошо известны в Западной Европе и навязывались религиозной и политической пропагандой. Наиболее частотны образы великана-людоеда и вампира. Автор обращается к рассмотрению антисюнизма как своеобразного культурного кода, стоящего за постоянной готовностью подозревать во всем либо Израиль, либо евреев. В качестве одного из примеров рассматривается ситуация с на шумевшими карикатурами на пророка Мухаммеда и графическая реакция арабских СМИ. Представлены графические ответы арабских массмедиа как на отдельные яркие или трагичные события, в частности в секторе Газа, так и на реалии повседневности. Сравниваются образы, присутствующие в ежедневных изданиях и изданиях, выходящих раз в неделю. В качестве итога приводятся графические примеры того, как можно критиковать политику Израиля и при этом избежать антисемитизма.

Еще одна работа, связанная с метафорой в рисунке, фотографии и фильме, — сборник статей «Колониализм Германии, визуальная

культура и современная память», вышедший под редакцией Фолькера Лангбена [Langbehn 2010]. В него вошли статьи Феликса Акстера, Астрид Куссер, Кристиана Роговски, Оливера Симонса, Вольфганга Фурмана, Бретта ван Хозена, Йохима Целлера, Дэвида Циарло, Томаса Шварца, Вольфганга Штрука и др. Рассматривается история колониальной политики Германии, наиболее частотные способы рекламы и графической пропаганды колониального могущества, характерные для конца XIX — начала XX вв. Во вступительной статье рассмотрены основные аргументы, приводимые для обоснования проведения колониальной политики Германией в 1884—1919 гг., т. е. в период, предшествовавший созданию Веймарской республики. В основном они носят экономический характер. Далее следует Веймарский период (1918—1933), когда колониальная политика была одним из способов справиться с последствиями Ноябрьской революции, вспыхнувшей в Германии в конце Первой мировой войны, с последствиями самой Первой мировой войны, со всеобщим обнищанием населения, наступившим вследствие гиперинфляции и репараций, которые Германия должна была выплачивать по Версальскому договору. В качестве отдельных объектов рассмотрения выступают открытки, которые посылались на родину, в Германию, из Намибии во время ведения там колониальной войны (1904—1908 гг.); рекламная продукция, содержащая большую долю экзотики, — ее использовали торговые агенты, занимавшиеся поставками колониальных товаров в Германию; фильмы, созданные на заре кинематографа, призванные поддержать дух патриотизма немецкой нации; графические способы выражения превосходства белой расы, принижения черной расы и линии расовой политики, проводимой Германией; возникновение образа «черного еврея» и его дальнейшее развитие в графической пропаганде Германии XX в.; карты Юго-Восточной Африки, создаваемые для белых поселенцев, где были обозначены территории, якобы принадлежащие Германии (1904—1930 гг.). Отражение проводимой политики в литературе представлено на примере романа Ганса Гримма «Volk ohne Raum» — «Народ без пространства». Напомним, что Ганс Гримм провел в Южной Африке около пятнадцати лет (с 1897 по 1911 гг.). Он был известен как писатель, поддерживающий политику Гитлера и расовую доктрину, а упомянутый роман считается произведением, в котором в литературной форме изложены основные принципы национал-социализма, показано «дьявольское» окружение Германии, содержатся призывы к активному расширению границ, необходимому, если немцы не хотят быть обречены на вымирание. Этот роман, опубликованный в 1926 г., стал одной из любимых книг в Германии на закате Веймарской республики, а его заглавие было впоследствии использовано нацистами в

качестве одного из лозунгов. Политическая полезность этого произведения неоднократно отмечалась Гитлером. Своего рода оппозицией творчеству Ганса Гримма стал еще один объект анализа — фотомонтажи Ганны Хох и Ласло Мохой-Надь. Оба художника известны как личности, чье творчество произвело фурор в 1920-е, не имело идеологической подоплеки, вводило новые уникальные техники, было пронизано светом, наполнено интересными дизайнерскими решениями. И Ганна Хох, и Ласло Мохой-Надь были вынуждены эмигрировать. Ганна Хох уехала из-за идеологических убеждений, Ласло Мохой-Надь — из-за национальной принадлежности. Их творчество выбрано в качестве объекта анализа, поскольку в тяжелое для Германии время помогало вспомнить, что в мире существуют любовь, гармония, вымышленное пространство света (это один из ключевых терминов, характеризующих творчество названных художников), которое выступает оппозицией к реальному территориальному пространству. Еще один объект, призванный связать прошлое и настоящее, — современное кино и телевидение Германии с точки зрения показа бывших колоний, запретные темы в графическом изображении бывших колоний.

Основная цель монографии Таль Самуэль-Азрана «Аль-Джазира и освещение войны США» [Samuel-Azran 2010] — показать, насколько предвзято отношение к каналу Аль-Джазира в США, и проследить причины этого. Автор описывает информационную войну, которую ведут западные и американские СМИ в арабских государствах, и называет ее «культурным империализмом». При показе или описании происходящих событий западные и американские СМИ, как правило, не уделяют достаточно времени обстоятельному освещению происходящего, выбирают не сюжеты, описывающие события и направления, ключевые с точки зрения арабской стороны, а фокусируются на отдельных фрагментах, не создающих должного представления, провоцирующих искаженное понимание ситуации. При этом действует политика двойных стандартов, и в предвзятости обвиняется канал Аль-Джазира. Автор рассматривает активное внедрение через американские СМИ модели «Аль-Джазира — предвзятый канал». В качестве одного из примеров приводятся обращения Усамы бен Ладена, выбранные в качестве ключевых фрагменты этих обращений, то, как их представили каналы Си-эн-эн и Аль-Джазира, и последовавшая реакция американских СМИ. Канал Аль-Джазира сразу за обращением Усамы бен Ладена передал выступление Дж. Буша-мл., и «...зрячие увидели, что они говорят на одном языке. Дж. Буш предупредил, что кто не с ним, тот с террористами, а Усама бен Ладен поделил мир на мусульман и неверных». С точки зрения журналистов Аль-Джазира, это доказательство их объективности и профессионализма. С точки зрения амери-

канской стороны, это эскалация напряженности. Другой пример — комментирование действий Израиля. Отдельная тема — война в Ираке, в частности обзор военных действий в Фаллудже и отсутствие в американских СМИ репортажей о тысячах жертв среди мирного населения, о действиях американских снайперов, которые развлекаются тем, что убивают женщин и детей, стреляя им в голову или сердце. Обсуждается роль англоязычного веб-сайта english.aljazeera.net в создании картины, более справедливой с точки зрения арабских стран, описывается процесс заимствования слов, используемых в материалах сайта, в американский английский.

В работе «Внутренняя слежка, СМИ и стратегическая политическая коммуникация: Ирак, США, Великобритания» [Bakir 2010] описываются новые способы фиксации информации и их использование в оказании влияния на зрительскую аудиторию. Рассматриваются история появления нового способа отслеживания происходящего и этимология терминов «*sousveillance*» и «*inverse surveillance*». Оба термина — авторские неологизмы, созданные Стивом Манном. Первый из них создан путем стяжения слов *source* — ‘средство, источник’ и *surveillance* — ‘надзор, слежка’. Вторая возможная этимология — использование противоположных по смыслу французских предлогов *sur* — ‘над’ и *sous* — ‘под’. Термин применяется по отношению к записи происходящего на тот или иной носитель, который находится в руках непосредственного участника событий. Обычно используются портативные средства, например, мобильные телефоны, а сами записи мгновенно попадают в Интернет. Термин «*inverse surveillance*» можно перевести как «инверсное наблюдение», т. е. наблюдение, возникающее, когда обратный надзор осуществляют лица, за которыми установлено наблюдение. В частности, ведется анализ работы служб и систем контроля, а также должностных лиц, в том числе и высокопоставленных, с привлечением видео- и аудиозаписи. Сейчас такой способ самозащиты рассматривается как форма этнографии, часть этнометодологии, подразумевающая критический анализ осуществленного официального наблюдения. Это критическое осмысление с привлечением материалов своего собственного наблюдения осуществляет любой член общества, находящегося под контролем. Различие между двумя формами контроля заключается прежде всего в том, что термин «*sousveillance*» не подразумевает обязательного обращения к событиям политической жизни, это может быть просто отражение повседневной реальности, которое не преследует цели общественного резонанса. Конечным результатом в последнее время все чаще становится так называемый *киборглог*, или *глог*, т. е. выкладывание материалов в Интернете. Термин «*inverse surveillance*» более узок и всегда предполагает осуществление внутренней

слежки (*sousveillance*) для сбора материалов, которые могут повлечь изменения в политической жизни. Это может касаться видеозаписи хода выборов, которую предоставляют избиратели, или фиксирования поведения полиции при разгоне демонстрации и т. д. Именно второй способ сбора информации используется для введения, например в телевизионные программы, оппозиции (фрейма) «мы против них» и ее усиления. В категорию «мы, свои» попадают обычные прохожие, покупатели, пассажиры, клиенты, а в категорию «они, чужие» — полиция, владельцы магазинов, обслуживающий персонал. К таким материалам все чаще обращаются профессиональные каналы. С одной стороны, это позволяет дать более объективное представление о происходящем. С другой стороны, в качестве *киборга* (человека, создающего киборглог) может выступать профессиональный журналист, заинтересованное лицо и т. д. Третий аспект, связанный с данной проблемой, — осуществление цензуры, ее сложность и необходимость в ряде случаев. В работе рассматривается опыт освещения Иракской кампании 2003 г. и постепенный переход междунациональных СМИ от практики профессионального регламентированного наблюдения к практике внутреннего наблюдения (*sousveillance*). Представлено сопоставление освещения одних и тех же событий в репортажах военных корреспондентов и блоггеров. Основное отличие — это проведение в профессиональных репортажах американских и английских СМИ следующих линий: «мы — патриоты», «мы гордимся своим отечеством», «у наших “мальчиков” тоже есть сердце». Блоггеры предпочитают идентифицировать себя с ущемленной стороной или давать более взвешенную оценку; степень патриотизма по отношению к США и Великобритании в блогах значительно ниже. Другой пример различного освещения событий и соответственно применения разных образных моделей — это обращение к ужасам тюрьмы Абу-Грейб и американской военной базы Армадилло, находящейся в Гильменде — провинции на юге Афганистана, у пакистанской границы. Судьба Саддама Хусейна, его пленение и казнь — еще одна сфера серьезных расхождений. Автор сопоставляет официальную реакцию, репортажи ведущих официальных СМИ, обзоры неофициальных СМИ разных стран, в том числе в Интернете.

В сборнике статей «Монахи, знать и горожане — проповеди, образы и печатная продукция: диахроническое изучение европейской культуры и общества» [Miller, Kontler 2010] привлекает очень широкий временной отрезок и разноплановость объектов описания. В качестве одного из объектов изучения выбраны основные стереотипы, существовавшие в Венгрии и Боснии, и поиски религиозной идентичности в Европе в период 1387—1463 гг. (Дубравко Ловренович). Далее следует описание особенно-

стей евхаристического канона у саксов, проживавших в Трансильвании, и его влияние на иконографическую традицию и ощущение своей конфессиональной принадлежности в XV в. (Мария Крациун). Следующая статья посвящена описанию влияния проповедей лютеранских священников, приписанных к румынским войскам, и убеждающей силе их обращений к военным. Выбран период XVI—XVII вв., когда Румыния вела войны с Османской империей (Марта Фата). Интересный объект выбран в статье Радмилы Павликовой, которая рассматривает тесную связь, существовавшую в Европе в XVII в., между обрядом похорон, в частности прощальной речью и погребальной проповедью как неотъемлемыми частями этого обряда, и политическим памфлетом, его структурой, риторическими приемами. Еще одно направление исследований — изучение взаимосвязи между религией, церковью, созданием империй и насаждением идеологии. Эта проблема прослеживается на примере той роли, которую сыграли иезуиты благодаря своей миссионерской деятельности в Китае (Ронни По-Чиа Хсия), а также на примере обращения в свою веру как инструменте расширения Российской империи (Альфред Рибер). Массовые поджоги в Германии начала XX в. и их влияние на темы проповедей, государственную агитацию, систему страхования, настроения в обществе рассматриваются в статье Корнела Цвирлейна. Катерина Диза выбрала этот же временной период применительно к восприимчивости и его отражению в развитии демонологической лексики Западной Украины. Традиция создания рукописей и различное отношение в турецком обществе к развитию книгопечатания в различные периоды развития Османской империи представлены в обзоре Орхана Сали.

Влияние религиозных убеждений, их стойкость и мера сформированности, обуславливающие применение разных способов убеждения по отношению к элите и большинству граждан в странах развитой и развивающейся демократии, привлекли внимание Пьера д'Туа и Ильмаза Эсмера, чьи статьи вошли в сборник социологической направленности «Пристальный взгляд на демократию» [Беек 2010].

Продолжается разработка направления, связанного с анализом политической корректности. Обратим внимание на две книги. «Политическая корректность и высшее образование: британские и американские перспективы» Джона Ли [Lea 2009] иллюстрирует то, как реагирует общество США и Великобритании на неуклонно усиливающуюся тенденцию неуместного использования политически корректной лексики. В частности, в США с этим явлением все сильнее начинают бороться представители консервативной партии. Обсуждаются основные политические причины, которые заставляют выступать против данного явления. Не в последнюю очередь это — освещение военных кампаний

США. Описывается различие ситуации в зависимости от штата (на примере Пенсильвании, Калифорнии, Мичигана) и приводятся примеры того, как политическая корректность в отношении ставших уже традиционными меньшинств провоцирует дискриминацию тех слоев, которые ранее не считались уязвимыми. Все чаще негативное влияние политической корректности ощущают на себе белые мужчины, в частности англосаксонского происхождения, т. е. та группа, которая в США называется WASP — white, Anglo-Saxon, Protestant — и традиционно относится к элите американского общества. В Великобритании растущую озабоченность вызывает выбор линии воспитания подростков и молодежи старше 16 лет, в данном случае — в плане правильного вербального поведения. Другая проблема, которую вызывает следование принципам политкорректности, — применение постоянных мер пресечения и наказания любых случаев «недостойного» поведения в высших учебных заведениях США и Великобритании. Это приводит к введению системы своеобразной слежки, уничтожает дух, присущий академическим заведениям. Сам термин «политическая корректность» трактуется автором как своеобразный оксиморон, задача которого, по определению, — придать предмету речи признак, противоречащий сущности, природе этого предмета. Джеффри Хьюз, автор книги «Политическая корректность: история семантики и культуры» [Hughes 2010], обращается к истокам этого явления, прослеживает череду долгих споров, возникавших по поводу нового способа эвфемизации, называет дискуссионные зоны (на первом месте — раса, на втором — национальность, на третьем — пол и гендерные роли; политические зоны, в том числе вооруженного вмешательства, уступают по частоте обращения к ним). Автор сравнивает виды политической корректности, существовавшие ранее, с тем, что наблюдается сейчас, и наводит читателя на размышления о том, что же такое политическая корректность: современное, усовершенствованное следование традиции эвфемизации определенных областей, пустой предрассудок или осуществление политики двойных стандартов. На этот вопрос нет однозначного ответа. Слишком многое зависит от цели коммуникации, интенций говорящего и слушающего, настроения и контекста. Внимание лексикологов привлечет список словарей (глава 3), упоминание наиболее авторитетных лексикографов, рассмотрение эволюции семантического поля под влиянием политической корректности. Автор пользуется терминологией, принятой в структурной семантике (лексико-семантическое поле, семантическая структура, семантические компоненты, лексико-семантическая группа и т. д.). С точки зрения практики английского языка очень интересен глоссарий, приводимый в книге.

Анализ работ, посвященных дискурсу

президентов США, можно начать с монографии Джеффри Коена [Cohen 2010] «Действия локально: президентское лидерство в постэфирный век». Мы уже упоминали о росте внимания к небольшим группам электората. Именно этому аспекту посвящена данная работа. Она носит, скорее, обзорный характер, но некоторые разделы могут показаться интересными. Описывается влияние контекста — как узко лингвистического, так и контекста социального явления — на стиль, выбираемый президентом. Представлен анализ успешных методов и случаев работы с малыми группами электората. Рассмотрены случаи и способы взаимодействия президентов США и кандидатов на этот пост со средствами массовой информации отдельных небольших городов и поселков. Автор доказывает необходимость постоянного чередования информации государственного значения с сюжетами на местные темы, близкие довольно узкому кругу людей, и показывает разные способы — удачные и не приведшие к успеху — освещения мер, принимаемых президентом, в СМИ небольших населенных пунктов и отдельных городских районов. Основной причиной неудач часто становится неправильно выбранное количество информации государственного значения, которая либо «забывает» новости местного значения, либо теряется в их потоке. Другой причиной неудач может стать неправильно выбранная коммуникативная тональность, что показано на материале репортажей 1990—2007 гг.

Антонио де Веласко [Velasco 2010] провел исследование риторики Билла Клинтона и его политического окружения. Ключевым моментом — создание обертона превосходства благодаря обращению к туманным, абстрактным образам, двусмысленным заявлениям, ставшим стратегическими целями партии демократов в подготовке выборов 1992 г.

Работа Брэндона Роттингхауса носит название «Временная трибуна: современные способы влияния на общественное мнение, используемые президентами» [Rottinghaus 2010]. Автор обращается к примерам успешного влияния на общественное сознание как в сфере внутренней, так и в сфере внешней политики. В этом качестве выступают речи Ричарда Никсона при обосновании мер наблюдения за ценовой политикой и регулирования заработной платы, полемика Рональда Рейгана и Билла Клинтона при обсуждении бюджета США, оценка действий во Вьетнаме, данная Линдоном Б. Джонсоном, оценка американо-панамских договоров, данная Джеймсом Картером, оправдание необходимости войны в Персидском заливе, представленное в речах Джорджа Буша-мл. Этому опыту автор противопоставляет примеры полного провала заявлений президентов США. К ним относятся речи Джона Кеннеди, посвященные попыткам изменения системы здравоохранения, провозглашение политики борьбы

с инфляцией Джералдом Фордом-мл., объяснение Рональдом Рейганом своевременности реформ системы социальной безопасности, выступления Ричарда Никсона, посвященные временному усилению влияния во Вьетнаме, призывы Рональда Рейгана к необходимости привлечения альтернативных источников финансирования, объяснения Билла Клинтона по поводу потери влияния в Сомали и свертывания «гуманитарной операции». В качестве доказательств приводятся данные опросов избирателей и подсчет голосов в ходе выборов. В сходном ключе выполнена и монография Джорджа Эдвардса «Президент-стратег: убеждение и стечение обстоятельств в осуществлении руководящей роли» [Edwards 2009].

Конечно, не мог остаться без внимания и действующий президент США Барак Обама. Коллективная монография «Главный специалист по распространению информации, или Как Барак Обама использовал новые технические средства, чтобы покорить Белый дом» под редакцией Джона Аллена Хендрикса и Роберта Дентона-мл. [Hendricks, Denton, 2010] весьма положительно оценивает то, как Барак Обама увеличивал свою популярность, применяя, в частности, Интернет. Рассматриваются личные странички Б. Обамы, использование им возможностей гаджетов, гисмо, Twitter, YouTube, электронной почты, клипов, видеоигр со своим участием, блогов. Применение целого арсенала таких современных средств многократно увеличило доступность программы Б. Обамы для избирателей, позволило показать его как чрезвычайно открытого лидера, нацеленного в первую очередь на социальные программы. Это позволило Б. Обаме многократно продемонстрировать свою приверженность провозглашенному принципу: «Я — ваш брат! Я — один из вас! Я — свой!». Совсем иную тональность носит монография Джейсона Маттеры «Зомби Обамы: как машина либералов промыла мозги моему поколению» [Mattera 2010]. Автор считает, что массированное применение современных технических средств способствовало погружению американского общества в полное оцепенение, превращению избирателя в безмозглую, безвольную массу, привело к бессовестному зомбированию американской нации. В качестве основных ходов рассматриваются следующие: *Намордник прессы*, искусно и прочно надетый на избирателя (зооморфная образная модель), *Мантра Hope-a-Dope*, или, в вольном переводе с афроамериканского, мантра надежды на лучшее, *заклинание* «Ребята, скоро все будет хорошо, не уставайте надеяться» (религиозная образная модель), *неискреннее использование страничек* в социальной сети Facebook ради фальшивого сближения с избирателем (образная модель «(ложный) друг»), *Призрак миротворца*, *Вурдалак*, воющий о глобальном потеплении, *Упырь экономики* (мистическая или демоническая образная модель), *гипноз заботой*

о здоровье (физиологическая образная модель), *Мое MTV* (сценическая образная модель). Если отбросить предвзятость автора и цветастые агрессивные названия приемов, то в целом картина может считаться правдоподобной. Наш собственный опыт изучения речей Б. Обамы [см. Шустрова 2010: 77—91] подтверждает частое обращение президента США к затронутым темам. Необходимо отметить, что Дж. Маттера обходит молчанием модели *лутника* и *семьи*, которые мы бы поставили на первое и второе место по частотности. Третье место, на наш взгляд, занимает религиозный аспект. Вместо агрессивной *демонической* лучше выделять *божественную* модель — она действительно присутствует у Б. Обамы. В этом нет ничего уникального: этот прием не раз использовался в риторике многих политических и общественных деятелей. У Б. Обамы он немного отличается в силу того, что он прихожанин Церкви Святой Троицы, где в трактовке Священного Писания присутствует афроамериканский компонент. Однако ни в одном из случаев речь Б. Обамы нельзя назвать чем-то выходящим за рамки этикета, выдержанности, чем-то, напоминая агрессивное навязывание слушателю своей точки зрения. Скорее всего, книга написана «на злобу дня», по заказу. Тем не менее выделенные модели могут представлять интерес для ученых, занимающихся мультимодальной метафорой и способами метафорического моделирования. В нейтральном ключе выдержана работа Джеффри Александера «Политический спектакль: победа Обамы и борьба демократов за власть» [Alexander 2010]. Кстати, первая часть названия по-английски звучит как «The Performance of Politics», что дает еще одну возможность истолкования: «превращение в жизнь политических мер», «практическая реализация задуманного». Однако автор часто прибегает к театральной образной модели для описания своего материала, и мы решили отразить это в переводе заглавия. В исследовании рассматриваются вопросы самопрезентации политика, его умение участвовать в «драме общественной жизни», его способность стать частью (по крайней мере в своих речах) нации как единого целого. Умение играть в команде, не «передергивать одеяло» — еще одно совершенно необходимое условие победы, которому полностью соответствует Б. Обама. И для политического лидера, и для его команды необходимо уметь воспользоваться образом героя, создать нужный героический облик и внедрить его. Также следует познать искусство боя с другим героем или применить тактику убеждения сильной личности-одиночки — другого лидера. Следует не забывать регулярно делать «обход своей территории». Метафорическая модель «политик — это знаменитость» — то, что нужно для заключительного аккорда и грома оваций.

Описание дискурса политических деятелей

лей как США, так и других стран в той или иной мере присутствовало в исследовании, представленных выше. Укажем еще два издания. В сборнике статей «Речи конфликта, речи войны: как язык, которым мы пользуемся в политических процессах, разжигает битву» [Moghaddam, Harré 2010] анализируется то, как можно закладывать модели поведения согласия и несогласия. Во вступительной статье Евы Венсес Бранте и Ларса Эрика Нильссона «Должен ли я говорить “да”?» рассматривается опыт обучения школьников разных возрастов способам согласия или отказа выполнить ту или иную работу, исходя из ценностных ориентиров. Именно с учетом последних и должна выстраиваться конкретная модель поведения, в том числе и вербального. Далее различные способы представления своей позиции показаны на примере политических баталий по вопросам здравоохранения, социального обеспечения, речей, приведших к лишению аборигенов и людей с болезнью Альцгеймера целого ряда прав (Майкл Кинг, Джулия Кует, Наоми Ли, Анна Олейсон, Трейси Пилкертон Керни, Дональд Тейлор, Эстер Усборн). Еще один пример ожесточенной риторической борьбы, в итоге закончившейся примирением и словом «да», — это обращение Яна Пейсли, хорошо известного в Северной Ирландии протестантского проповедника и политического деятеля, выступающего за укрепление связей с Великобританией. Ян Пейсли по праву считается одной из ключевых фигур в политической жизни Северной Ирландии. Будучи лидером Ольстерской демократической партии, он с одинаковой активностью боролся как с католиками, так и с коллегами-протестантами, если только они поднимали вопрос о необходимости примирения с республиканцами, в частности с радикально настроенной партией «Шинн Фейн». В результате весной 2007 г. Ян Пейсли и глава «Шинн Фейн» Джерри Адамс сказали заветное «да» и согласились работать вместе во вновь созданном Северо-ирландском парламенте. Особенности риторики Яна Пейсли описываются в статье Цирана Бенсона. Также в сборнике представлены проблемы коммуникации в асимметричных группах и риторика конфликта, построенная на принижении интересов различных слоев населения, приведшая к вооруженным столкновениям в Минданао (Бренда Батистиана, Джудит де Гузман, Чарльз Инзон, Кристина Джейм Монтель). Лайонел Боксер исходит из понимания конфликта как своеобразного способа навязать «модель гетто», т. е. выбрать определенную группу и создать вокруг нее прочную стену неприятия при помощи образов, которые обычно применяются по отношению к жителям гетто. Статья Ульяма Костанцы посвящена риторике Барака Обамы при описании времени получения высшего образования. Автор рассматривает то, как умело Барак Обама обращается к этим годам для усиления эмоциональной связи

со своей аудиторией. Маргарита Конаева и Фатали Могоддам исследуют дискурс Дж. Буша-мл. и Махмуда Ахмадинежада. Авторы приходят к выводу, что оба политика используют ставший уже привычным в современном политическом дискурсе прием фокусирования внимания отдельного слушателя на угрозе быть исключенным из нужной группы, оказаться в «системе ЗЛА».

Другая работа, посвященная сопоставлению дискурса ведущих политиков разных стран и исторических периодов, принадлежит Донателле Кампус [Campus 2010]. Основным объектом сопоставления становятся способы использования популистских заявлений, к которым прибегали Шарль де Голль, Рональд Рейган и Сильвио Берлускони.

Анализ развития новых средств коммуникации и связанных с ними новых способов влияния на электорат, помимо отдельных вышеупомянутых работ, также представлено в сборнике статей под редакцией Сокари Экина «СМС бунт» [Ekinе 2010]. Здесь анализируется растущая роль мобильной телефонной связи в политической активности в странах Африки (Зимбабве, Уганде, Кении и др.), способы отслеживания нарушений хода выборов и несоблюдения прав человека, использование СМС-сообщений для повышения политической активности в деревнях, в политической пропаганде.

Проблемам интернет-коммуникации в политике посвящена коллективная монография под редакцией Эндрю Чэдваика и Филиппа Говарда [Chadwick, Howard 2009]. В ней рассматриваются: роль Интернета в подготовке и ходе выборов в США (Ричард Дэвис и др.); изменение европейских и американских политических организаций под влиянием новых технологий (Брюс Бимбер, Рейчел Гибсон, Синтия Стол, Стивен Уорд, Эндрю Фланагин); перспективы использования агитационных веб-продуктов и учет национальных факторов, их влияние на веб-жанры (Кирстен Фут и др.); возможности сопоставительного анализа при оценке роли Интернета в активности партий и ходе выборов (Ник Анстед, Эндрю Чэдваик); роль технологических изменений в реформе парламента, государственных структур: упрощение доступа к правительственной информации и уменьшение бюрократии, появление новой, электронной формы управления государством (Хелен Маргетс, Джастин Риди, Крис Уэльс), с одной стороны, и усиление технократии и политической «всеядности» — с другой (Филипп Говард, Ульям Даттон, Малколм Пелтью, Эндрю Чэдваик); использование Интернета для осуществления общественного контроля (Дэвид Филлипс), в том числе в ходе выборов (Кеннет Виннег, Кэтлин Холл Джемисон, Брюс Харди), применительно к случаям разного рода дискриминации (Карен Моссбергер); роль Интернета в журналистике, в частности в подготовке новостных программ (Брайан МакНейр, Джейсон Риттенберг, Джеймс

Стениер, Дэвид Тевксбери); особенности создания и использования социальных сетей, расширение транснационального активизма (Ланс Беннет, Амошон Тофт); гендерные особенности в Интернете в прошлом, на современном этапе и в перспективе (Лизбет ван Зунен, Нильс ван Дурн); отражение образа иммигранта в Интернете и влияние этого образа на общественное сознание (Сандра Бол-Рокич, Йонг Чан Ким); использование интернет-технологий при проведении политики национальной идентичности в странах ЕС (Ян ван Дейк) и для достижения идеологического единства в странах Ближнего Востока (Дебора Уилер); геополитика интернет-контроля, цензура и суверенитет в киберпространстве (Рональд Дейберт); особенности политической онлайн-активности (Дженнифер Брандидж, Рональд Райс); роль Интернета в усилении метафоры ограды, забора, стены, факторы, формирующие политику собственности в киберпространстве (Оскар Гендмил., Кеннет Нейл Фарралл); защита интеллектуальной собственности в эпоху быстрого доступа (Кристофер Мей); экономические вопросы, связанные с получением прибыли от интернет-проектов (Деррик Когберн).

Работа Элизабет Лош [Losh 2009] носит название, которое говорит само за себя: «Виртуальная политика: электронная история создания государством средств массовой информации во времена войн, скандалов, катастроф, ошибок и отсутствия взаимопонимания». Автор обращается к американскому опыту и особенностям использования компьютерных технологий, которые, в частности, обусловили кардинальные изменения риторических приемов; резкий уход от сложившихся традиций эпистолярного жанра; упростили доступ к библиотечным фондам, с одной стороны, и привели к появлению огромного числа видеоигр, создание которых было оплачено Министерством обороны США, — с другой; изменили способы ведения журналистских расследований и ознакомления общественности с гражданскими и государственными инициативами. Это все — неотъемлемые составляющие современной политической жизни США.

Работы общетеоретического плана тоже уже упоминались выше. Как правило, такой характер носят вступительная и заключительная статьи практически всех рассмотренных изданий. Отдельно коснемся монографии, которая принадлежит Питеру Далгрэну [Dahlgren 2009], профессору кафедры средств массовой информации и связей с общественностью университета г. Лунд, Швеция. Автор считает, что одной из самых сложных проблем современности в странах западной демократии становится неуклонное снижение уровня вовлеченности граждан в политическую жизнь. Одним из ключевых факторов можно считать социокультурные изменения. Профессор Далгрэн обобщает существующие направления этого процесса и об-

ращается к ведущей роли СМИ в способах преобразования характера вовлеченности граждан. В частности, описываются возможности новых интерактивных электронных средств, их роль в изменении общественной жизни, влияние на понимание своего гражданского долга и ответственности; деятельность правительственных и неправительственных организаций, наблюдательных органов; осознание своей идентичности, принадлежности к определенной социальной, политической и иной группе; исход дискуссий по тому или иному вопросу. Выстраивая анализ, автор исходит из многомерной модели, которую он называет «общественные культуры». Эта модель накладывается на системы телевидения, поп-культуры, журнализма, движение активизма стран Евросоюза и позволяет оценить роль СМИ в изменении и увеличении политического участия граждан, а также в создании новых способов политической вовлеченности и формировании современного видения того, что относится к области политики.

Надеемся, что этот обзор поможет читателю найти что-то новое для собственного исследования, возможно, определит общее направление работы или подскажет что-то новое в плане идей, объектов анализа, применяемых методик.

ЛИТЕРАТУРА

- Конституция Соединенных Штатов Америки. — Vienna: Regional Program Office, 2008.
- Шустрова Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2(32). С. 77—91.
- Alexander J. C. The performance of politics: Obama's victory and the democratic struggle for power. — N. Y.: Oxford University Press, 2010.
- Bakir V. Sousveillance, media and strategic political communication: Iraq, USA, UK. — N. Y.: Continuum, 2010.
- Beek, van U. J. Democracy under scrutiny: elites, citizens, cultures. — Opladen; Farnington Hills, MI: Barbara Budrich Publishers, 2010.
- Bird E. The anthropology of news and journalism: global perspectives. — Bloomington: Indiana University Press, 2010.
- Bobbit R. Us against them: the political culture of radio talk. — Lanham, Md.: Lexington Books, 2010.
- Campus D. Antipolitics in power: populist language as a tool for government. — Cresskill, N. J.: Hampton Press, 2010.
- Chaput C., Braun M., Brown D. Entertaining fear: rhetoric and the political economy of social control. — N. Y.: Peter Lang, 2010.
- Chadwick A., Howard P. Routledge handbook of Internet politics. — London; N. Y.: Routledge, 2009.
- Cohen J. Going local: presidential leadership in the post-broadcast age. — Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2010.
- Dahlgren P. Media and political engagement: citizens, communication, and democracy. — Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2009.
- Edwards III G. C. The strategic president: persuasion and opportunity in presidential leadership. — Princeton: Princeton University Press, 2009.
- Ekine S. SMS uprising: mobile phone activism in Africa. — Cape Town, South Africa: Pambazuka Press, 2010.
- Graber D. Media power in politics. — Washington, D. C.: CQ Press, 2011.
- Hendricks J. A., Denton R. E., Jr. Communicator-in-chief: how Barack Obama used new media technology to win the white house. — Lanham: Lexington Books, 2010.
- Hughes G. Political correctness: a history of semantics and culture. — Chichester, U. K.; Malden, MA: Wiley-blackwell, 2010.
- Jackson M., Bacon J. African Americans and the Haitian revolution: selected essays and historical documents. — N. Y.: Routledge, 2010.
- King G., Schlozman L. K., Nie N. H. The future of political science: 100 perspectives. — N. Y.: Routledge, 2009.
- Kotek J. Cartoons and extremism: Israel and the Jews in Arab and Western media — Edgeware; Portland, Or.: Vallentine Mitchell, 2009.
- Kraidy M. Reality television and Arab politics: contention in public life. — Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2010.
- Langbehn V. M. German colonialism, visual culture, and modern memory. — N. Y.: Routledge, 2010.
- Lea J. Political correctness and higher education: British and American perspectives. — N. Y.: Routledge, 2009.
- Losh E. Virtualpolitik: an electronic history of government media-making in a time of war, scandal, disaster, miscommunication, and mistakes. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 2009.
- Mattera J. Obama zombies: how the liberal machine brainwashed my generation. — N. Y.: Threshold Editions, 2010.
- Miller J., Kontler L. Friars, nobles and burghers — sermons, images, and prints: studies of culture and society in early-modern Europe, in memoriam István György Tóth. — Budapest; N. Y.: Central European University Press, 2010.
- Moghaddam F., Harré R. Words of conflict, words of war: how the language we use in political processes sparks fighting. — Santa Barbara, Calif.: Praeger, 2010.
- Rottinghaus B. The provisional pulpit: modern presidential leadership of public opinion. — College Station: Texas A & M University Press, 2010.
- Samuel-Azran T. Al-Jazeera and US war coverage. — N. Y.: Peter Lang, 2010.
- Schaffner B., Sellers P. Winning with words: the origins and impact of political framing. — N. Y.: Routledge, 2010.
- Stacks D. W., Salwen M. B. An integrated approach to communication theory and research. — N. Y.: Routledge, 2009.
- Velasko, de A. Centrist rhetoric: the production of political transcendence in the Clinton presidency. — Lanham: Lexington Books, 2010.

Статью рекомендуют к публикации члены редколлегии А. П. Чудинов и Э. В. Будаев

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

Е. Е. Аникин
Колумбия, США

Е. Е. Anikin
Columbia, SC, USA

СПОРТИВНО-ИГРОВАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ США 2008 ГОДА (на материале британских СМИ)

SPORTS METAPHOR AS A MEANS OF CONCEPRUALIZING THE 2008 US PRESIDENTIAL ELECTION (on the basis of British Mass Media)

Аннотация. В статье анализируются способы концептуализации президентских выборов США 2008 г. посредством спортивно-игровой метафоры в британских СМИ. Автор приходит к выводу, что спортивно-игровая концептуальная метафорическая модель служит цели создания позитивного образа американских президентских выборов 2008 г. и их победителя Б. Обамы.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the means used to conceptualize the 2008 Presidential election in the US on the basis of British mass media. The author comes to the conclusion that the sports conceptual metaphor serves the purpose of shaping a positive image of the 2008 US Presidential election and of its winner B. Obama.

Ключевые слова: политическая лингвистика; политический дискурс; концептуальная метафора; спортивно-игровая метафорическая модель; когнитивный анализ.

Key words: political linguistics; political discourse; conceptual metaphor; sports metaphorical model; cognitive analysis.

Сведения об авторе: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, докторант факультета политических наук Университета штата Южная Каролина (США), научный сотрудник Института международных и региональных исследований имени Ричарда Уокера.

About the author: Anikin Evgeny Evgenyevich, Candidate of Philology, PhD Student in the Political Science Department of the University of South Carolina, Research Assistant in the Walker Institute of International and Area Studies.

Место работы: Институт международных и региональных исследований имени Ричарда Уокера (Колумбия, США).

Place of employment: Walker Institute of International and Area Studies (Columbia, SC, USA).

Контактная информация: 3019, Hope Avenue, Apt 'B', Columbia, SC, 29205, USA.
e-mail: ewganik_chel@mail.ru.

Президентские выборы 2008 г. в США были особенными во многих отношениях. Впервые в истории женщина и бывшая первая леди (Хиллари Клинтон) имела реальные шансы на победу. Значительное влияние на течение кампании оказало развитие финансового кризиса, который многими оценивался как самый серьезный со времен Великой депрессии. Кампания развивалась на фоне российской военной интервенции в республику Грузия, являющуюся одним из основных союзников США на постсоветском пространстве. Аналитики на Западе расценили ситуацию как утрату США своих позиций (поскольку США не вмешались, не считая громких протестов) и возврат советской угрозы. И, наконец, впервые в истории темнокожий кандидат (Барак Обама) был избран президентом США.

Учитывая все эти «новшества» и «давно забытые старые вещи», задача понимания (т. е. концептуализации) того, что происходило в течение кампании и к чему могут привести результаты президентских выборов—2008, представляется весьма сложной как в США, так и во всем мире. Настоящее исследование посвящено анализу того, как указанные президентские выборы концептуализируются в британских пе-

чатных СМИ (The Times, The Guardian, The Independent) и — под их влиянием — британской публикой в период завершающей стадии предвыборной кампании и непосредственно после оглашения результатов выборов (сентябрь — декабрь 2008 г.).

Интерес всего мира к внутривнутриполитическим событиям в США определяется той ролью, которую эта страна играет в современном мире. США являются лидером во многих значимых сферах международной жизни (военной, финансовой, политической и т. д.), и поэтому другим странам и народам представляется исключительно важным понимание и концептуализация того, что конкретно происходит в США и как эти события повлияют на остальной мир.

Президентские выборы зачастую являются поворотным событием в жизни любой страны, но когда речь идет о США, о выборах главы государства можно говорить как о весьма значимом событии для всего земного шара. Данные выборы могли стать исключительно важным событием для правительства Грузии, поскольку президент Саакашвили и его сторонники не были уверены, поддержит ли новый президент США кавказскую республику в ее стремлении

стать членом НАТО, а также выступит ли в ее поддержку в спорах с Россией (в частности, за сепаратистские регионы Абхазии и Южной Осетии). Данные выборы могли стать исключительно важным событием для России, поскольку ее правительство не могло быть уверенным, окажет ли США поддержку Грузии в ее стремлении вступить в НАТО (возможно, вместе с Украиной, что стало бы тяжелейшим ударом по российскому самоуважению и национальной безопасности). Данное событие могло иметь серьезные последствия для латиноамериканских стран (Венесуэлы, Никарагуа, Эквадора и многих других), если учесть ту роль, которую США играют на американском континенте.

Для Великобритании результаты президентских выборов и, как следствие, дальнейший внешнеполитический курс США также имели огромное значение. Ни для кого не является секретом то, что последние 50 лет (после Суэцкого кризиса) Великобритания является одним из наиболее последовательных союзников США в проведении их внешней политики. Военная авантюра в Ираке привела как к глубокому расколу в британском обществе (данная операция не находит поддержки у большей части британского общества), так и к ухудшению имиджа Великобритании на международной арене. Многие британцы винят в этих негативных тенденциях администрацию президента Буша и неоконсервативное крыло Республиканской партии и, безусловно, питали надежду, что при новом президенте во внешнеполитическом курсе США произойдут такие изменения, которые позволили бы восстановить международный имидж американского государства, а с ним — и Великобритании. Кроме того, британские политические элиты выражали надежду на то, что данные изменения позволят Великобритании проводить такую внешнюю политику, которая пользовалась бы большей поддержкой у самих британских граждан.

Настоящее исследование посвящено способам, посредством которых британские СМИ пытаются интерпретировать (т. е. концептуализировать) то, что происходило во время американских выборов и сразу после их завершения, используя спортивную и игровую концептуальную метафору.

Спортивно-игровая концептуальная метафора в политическом дискурсе широко распространена, и поэтому привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. Например, исследование Д. А. Хербек посвящено изучению спортивной метафоры как средства концептуализации операции «Буря в пустыне» в американских СМИ [Herbeck 2004]. В исследовании А. А. Касловой [Каслова 2003] приводится сопоставительный анализ спортивно-игровой метафоры как средства концептуализации российских и американских президентских выборов 2000 г. Исследование Т. И. Литвиновой посвящено «спортивным» и «игровым»

метафорам в немецком политическом дискурсе [Литвинова 2008].

Популярность спортивно-игровых метафор как средства концептуализации политических событий может быть объяснена несколькими причинами. С одной стороны, спортивные состязания и политика могут быть охарактеризованы такими общими чертами, как жесткое соперничество, конфронтационный характер и желание победить. Как отмечает А. Каслова, «точка соприкосновения политического дискурса со спортивно-игровым — элемент агональности, состязательности, который проявляется как непрекращающийся диалог-поединок между партией власти и оппозицией» [Каслова 2003: 101]. Данная особенность приобретает особое значение при описании такого важного события политической жизни, как выборы: «...состязательная сущность как выборов, так и профессионального спорта представляется достаточной основой для метафоризации выборов через спорт» — «... the competitive nature of both elections and professional sport seems a sufficient basis for metaphorisation of elections through sport» [Fetzer, Lauerbach 2007: 87; перевод наш. — Е. А.].

Кроме того, концептуальная метафора представляет собой мощный инструмент убеждения, а поскольку политическая коммуникация является по своей природе увещательной формой коммуникации, спортивная метафора становится средством политической пропаганды с возможностью воздействия на способ восприятия политических событий, политиков и их действий аудиторией.

Еще одним важным фактором является желание СМИ и политиков превратить выборы в захватывающее зрелище, заразить публику энтузиазмом. Достижение данной цели помогает СМИ реализовать свою продукцию (газеты, телепередачи и т. д.), а политическим элитам — убедить людей в том, что они играют важную роль в управлении своей страной. Театральность (т. е. зрелищность) политической коммуникации отмечается многими учеными (А. А. Касловой, А. П. Чудиновым, Е. И. Шейгал и др.). Д. А. Хербек замечает в связи с этим: «Смешивая политику и спорт, данные метафоры превращают политические события в увлекательное зрелище. И хотя это и дает прекрасный материал, подобная метафоризация подрывает участие широкой публики, не способствует политическим дебатам по существу и укрепляет существующий политический режим» — *By blending politics and sports, these metaphors transform political events into entertainment spectacles. While this makes for good copy, it undermines public participation, discourages substantive discussion of the issues, and reinforces the existing political order* [Herbeck 2009; перевод наш. — Е. А.].

Анализ спортивно-игровой концептуальной метафоры в публикациях британской прессы (The Times, The Guardian, The Independent), посвященных президентским выборам 2008 г. в

США, позволил нам выявить следующий набор фреймов, ведущих к реализации спортивно-игровой модели:

- Фрейм 1. Игра/Соревнование;
- Фрейм 2. Спортсмены;
- Фрейм 3. Результаты соревнований.

Обратимся к подробному анализу каждого выявленного фрейма.

Фрейм 1. Игра/Соревнование

Президентские выборы США 2008 г. в британских изданиях концептуализируются как спортивная игра или соревнование. К реализации данного фрейма ведут два слота:

- Слот 1. Виды спорта/виды спортивных игр.
- Слот 2. Проведение соревнований/игр.

Слот 1.1. Виды спорта/виды спортивных игр

Традиционно в англоязычных культурах выборы вообще и президентские выборы в частности концептуализируются как состязания в скорости:

*Mr Bush added his congratulations from the White House and promised a smooth transition. "What an awesome night for you," he told Obama shortly after the **race** was decided* [The Times. 2008. 5 Nov.].

*Obama's successes in the **White House race** were matched by Democratic wins in Congressional seats. The backlash against Bush provided the Democrats with one of their most satisfying wins of the night, ousting the veteran Republican Elizabeth Dole* [The Guardian. 2008. 5 Nov.].

Президентские выборы представляются как гонка, забег за право занять место в Белом доме. Как отмечает А. А. Каслова, «соревнования в скорости представляют собой едва ли не самые динамичные виды спорта: побеждает не тот, кто набрал наибольшее количество очков, а первый пришедший к финишу, следовательно, болельщики имеют возможность видеть, как самый быстрый спортсмен обгоняет своих конкурентов» [Каслова 2003: 106].

Весьма отчетливо американская политическая жизнь концептуализируется в британской прессе как азартная игра:

*Perhaps that is a **gamble** on Obama's part, to imagine he can construct a progressive administration staffed by those in the centre and even on the centre-right. (Note that his expected national security adviser, the former marine General James Jones, backed John McCain, while Hillary supported the Iraq war.) But that is the bet he is making* [The Guardian. 2008. 26 Nov.].

Одним из возможных объяснений использования метафоры азартных игр может быть неуверенность британских СМИ в успехе Б. Обамы на посту президента. В ходе кампании было сделано немало громких обещаний, что и предопределило ту феноменальную поддержку, которой заручился Б. Обама как в США, так и за рубежом, а потому не может быть стопроцентной уверенности в том, что эти обещания полу-

чится выполнить. Не исключено, что только немалая удача — неотъемлемая часть успеха в азартных играх — способна обеспечить Б. Обаме успех в выполнении его предвыборных обещаний.

Кроме того, выборы Б. Обамы концептуализируются через баскетбол — спортивную игру, пользующуюся бешеной популярностью в Америке. Ни для кого не является секретом то, что 44-й избранный президент США сам большой любитель «побросать мячик в кольцо». А потому британские СМИ уверены, что его выборы сыграют значительную роль в еще большей популяризации этого вида спорта:

*"The way we saw it, a **vote for Obama was a vote for basketball**," Adam Silver, the deputy commissioner, said. His equation is simple. Obama loves basketball. And, for now at least, the world loves Obama* [The Times. 2008. 6 Dec.].

Подводя итог концептуализации выборов президента США 2008 г. посредством слота «Виды спорта/виды спортивных игр», необходимо отметить, что британские СМИ — по понятным причинам — проявляют значительную лингвокультурную общность с США. Так, указанные выборы концептуализируются в традиционных также и для американской культуры метафорах гонки ("race"), азартных игр ("gamble") и баскетбола ("basketball"). Несмотря на то, что баскетбол отнюдь не пользуется в Великобритании той же популярностью, что и в США, британские СМИ осознают ту роль, которую этот вид спорта играет в жизни американцев. При этом метафорическая концептуализация выборов в конкретных видах спорта найдет свое отражение и при реализации других фреймов и слотов, ведущих к моделированию президентских выборов 2008 г. в терминах спортивно-игровой метафоры.

Слот 1.2. Проведение соревнований/игр

Концептуализация выборов и политической жизни в терминах соревнования или игры подразумевает определенные действия участников политических событий. Многие из этих действий концептуализируются в понятиях гонки или забега — «участники берут с места в карьер» ("hit the ground running"), «становятся в полупозицию», т. е. в более выигрышное положение ("put smb. in pole position"), а страна «сходит с беговой дорожки» ("go off track"):

*Yesterday Mr Obama was in Chicago, working out at the gym, but also working with his closest advisers on the transition and the make-up of his cabinet. Never has an incoming administration more urgently needed to **hit the ground running*** [The Independent. 2008. 6 Nov.].

*Even the succession of scandals in professional sport, from steroid-injecting baseball stars to bribed basketball officials, has fuelled the popular sense that America **has gone seriously off track*** [The Times. 2008. 5 Nov.].

*The British embassy in Washington will be trying to put the Prime Minister in **pole position** for*

the new President's first meeting with a foreign leader. But the sharp-elbowed Nicolas Sarkozy may hold the trump card because France currently holds the European Union's rotating presidency [The Independent. 2008. 6 Nov.].

В приведенных выше примерах акцент делается на неимоверной сложности задачи, стоящей перед избранным американским президентом. Ему необходимо брать с места в карьер при принятии мер к исправлению сложнейшей финансовой ситуации, а Америка, благодаря непопулярной внешней и внутренней политике уходящей администрации, сошла с беговой дорожки и испытывает огромные трудности, пытаясь вернуться на нее и продолжить участие в состязаниях на международной арене. При этом, по мнению британских СМИ, исключительную важность для Великобритании имеет то, получится ли у британского премьер-министра Гордона Брауна раньше других мировых лидеров провести встречу с новым президентом США и таким образом попытаться оказать какое-то влияние на формирование внешнеполитического курса, который будет проводить новая американская администрация. Британские СМИ считают важным проведение встречи в формате «Обама — Браун» до встречи в формате «Обама — Саркози», учитывая традиционную конкуренцию между Великобританией и Францией на международной и внутриевропейской арене, а потому надеются, что британское посольство в Вашингтоне сможет создать благоприятные условия для проведения такой встречи («поставят британского Премьера в поул-позицию»). При этом полной уверенности в успехе предприятия нет, вследствие большой изворотливости французского лидера. Выражение «*острые локти*» (“the sharp-elbowed Nicolas Sarkozy”) часто применяется при комментировании баскетбольных матчей и метафорически означает «колючесть» и «неуступчивость» противника. Таким образом, данная метафора еще раз указывает на попытку концептуализации выборов в терминах баскетбола, хотя эта связь, на наш взгляд, и не столь явная.

По мнению британских СМИ, то тяжелейшее положение, в котором накануне и сразу после выборов находятся США как во внутриэкономических делах, так и на международной арене, потребует принятия весьма рискованных и отнюдь не гарантирующих успеха мер. Как следствие, Б. Обаме придется рисковать и делать ставки (“to bet”, “to make a bet”):

More widely, the incoming president is betting that he can still cast himself as the new broom come to sweep out the Augean stables, even when he's surrounded by a team of Washington insiders. So he has turned to the former Senate majority leader Tom Daschle, a Capitol Hill fixture, to reform healthcare [The Guardian. 2008. 26 Nov.].

Perhaps that is a gamble on Obama's part, to imagine he can construct a progressive administra-

tion staffed by those in the centre and even on the centre-right. (Note that his expected national security adviser, the former marine General James Jones, backed John McCain, while Hillary supported the Iraq war.) But that is the bet he is making [The Guardian. 2008. 26 Nov.].

Указанные метафоры отсылают нас к концептуализации американских выборов и американской политической жизни в понятиях азартной игры, где многое делается наудачу и никто не может дать гарантий успеха. При этом, по нашему мнению, таким образом британские СМИ не столько хотят представить избранного президента как шулера, сколько хотят продемонстрировать катастрофичность того положения, до которого довела страну республиканская неоконсервативная администрация. Б. Обама, таким образом, заложник ситуации. Если он не справится — значит, ему не повезло, и эта неудача может быть расценена скорее как беда его, чем вина. Если же он справится — значит, он очень удачливый лидер, а удачу тоже необходимо заслужить.

Кроме баскетбола, большой популярностью в США пользуется другая игра с мячом — бейсбол. Как и баскетбол, бейсбол не пользуется особой популярностью в Великобритании, однако британские СМИ не упускают возможности продемонстрировать осведомленность о значении бейсбола в США. Бейсбольная метафора “to play the ball” (дословно — «играть в бейсбол», метафорически — «сотрудничать») применяется для интерпретации того положения, в котором оказалась бывшая первая леди США и оппонент Б. Обамы по демократическим праймериз Хиллари Клинтон после получения предложения войти в администрацию избранного президента:

Tough, unsentimental, no naive liberal: the next leader has picked people to carry out his vision. But will Hillary play ball? [The Guardian. 2008. 26 Nov.]

Захочет ли Хиллари играть в бейсбол с Обамой — т. е. сотрудничать с ним в его новой администрации — вот тот вопрос, на который британские СМИ пытались найти ответ до того, как ее согласие на сотрудничество стало реальностью.

Подводя итог реализации фрейма «Игра/Соревнование» в британских СМИ, стоит отметить, что некоторые из реализующих его метафор могут быть расценены как имеющие негативную семантику. Так, фраза “America has gone seriously off track” подчеркивает всю тяжесть ситуации, в которую попала Америка из-за бывшего президента и его администрации. Метафоры «азартной игры» (“gamble”, “to bet”, “to make a bet”) так же не внушают уверенности в светлом будущем, поскольку, учитывая всю сложность ситуации, новому американскому президенту придется уповать на удачу и рисковать, а это отнюдь не внушает уверенности в завтрашнем дне. Необходимо отметить, что ме-

тафоры с негативным прагматическим значением использованы, скорее, для создания негативного образа уходящего президента Дж. Буша и его неоконсервативной администрации, чем негативного образа самих выборов или нового президента США Б. Обамы. При этом, вероятно, британские СМИ сразу же после оглашения результатов выборов занялись поиском способов возможного оправдания нового американского президента и его администрации на случай неудачи.

Из позитивных же прагматических значений следует отметить попытку концептуализации выборов в метафорах баскетбола — спортивной игры, пользующейся бешеной популярностью в США. Баскетбольная метафорика со своими положительными смыслами прослеживается и при реализации других слотов в рамках спортивно-игровой метафорической модели, и ее позитивные прагматические смыслы служат созданию положительного образа избранного американского президента. Как отмечает М. Диккинсон, «в начале кампании некоторые видели в нем никому не известного и замкнутого человека, но баскетбол позволил ему представить себя американской общественности в качестве “нормального парня”» — “He was regarded by some in the early days of his campaign as unknown and aloof, but basketball helped to sell him to the American public as “a regular guy”” [Dickinson 2008; перевод наш. — Е. А.]. Логика американской публики понятна: «раз любит баскетбол, значит, он настоящий американец, достойный быть нашим лидером». Британские СМИ отражают эту логику американцев в своих публикациях.

Фрейм 2. Спортсмены

Фрейм реализуется посредством следующих слотов:

- Слот 1. Соперники.
- Слот 2. Звезды.
- Слот 3. Спортивные команды.

Слот II.1. Соперники

Слот реализуется посредством следующих метафор: «грозный соперник» (“*formidable rival*”) и «соперники», «конкуренты» (“*opponents*”), «серьезный противник» (“*strong contender*”):

Silvio Berlusconi, the Italian Prime Minister, who has been one of President Bush's staunchest allies, also sent a message of congratulations and offered to give Mr Obama advice as an elder statesman. He said that Italy — which next year takes over chairmanship of the G8 — “sends you its congratulations for this success after a difficult election campaign against a formidable rival” [The Times. 2008. 5 Nov.].

Larry Summers and Robert Rubin, treasury secretaries in Bill Clinton's second term, have both been advising Barack Obama and are considered strong contenders [The Independent. 2008. 6 Nov.].

Obama moves with grace but also with purpose. He is said to make the most of his left-

handedness, faking to the right and veering to the left to catch opponents off guard [The Times. 2008. 6 Dec.].

Прагматическое значение слота состоит в представлении кандидатов в президенты и в новую президентскую администрацию как соперников, стремящихся к победе в соревнованиях, и таким образом слот эксплуатирует общие для спортивных соревнований и выборов черты, а именно: жесткое соперничество, неуступчивость, страстное желание победить.

Слот II.2. Звезды

Всякое спортивное состязание интересно публике прежде всего наличием ярких индивидуальностей, звезд, делающих из этого состязания незабываемое зрелище. Отдавая должное любви к баскетболу Б. Обамы, британские СМИ отмечают, что рейтинг популярности избранного президента США сравним с рейтингом популярности выдающегося баскетболиста современности Коби Брайанта, сравнивают Б. Обаму с «Его Воздушеством» Майклом Джорданом — величайшим американским баскетболистом всех времен, называют его звездой слем-данка (вид броска в баскетболе, требующий особого мастерства, при котором спортсмен прыгает высоко над кольцом и заколачивает мяч двумя руками или одной рукой сверху):

It was a victory celebrated across the world, but nowhere more so than in a Fifth Avenue office in New York. At the headquarters of the National Basketball Association (NBA), they did not just welcome Barack Obama as President-elect of the United States, but as an exciting new star in the world of slam dunk [The Times. 2008. 6 Dec.].

Even down a telephone line from the Big Apple, you can tell that the NBA's hierarchy could not be filled with more anticipation had it just stumbled across the next Michael “Air” Jordan [The Times. 2008. 6 Dec.].

With a global reach greater than Jordan's and a popularity rating to outstrip Kobe Bryant or any of the big names of the NBA, Obama could be the best thing that has happened to his sport, Silver believes, since James A. Naismith hung up two peach baskets in a school hall in 1891 to occupy some children in the winter and invented a sport that has spread from Springfield, Massachusetts, to China, Brazil and, in fits and starts, to Britain [The Times. 2008. 6 Dec.].

Баскетбольные звезды НБА — самой популярной баскетбольной лиги в США — пользуются репутацией небожителей. Сравнение избранного президента с такими великими звездами настоящего и недавнего прошлого, как Коби Брайант и Майкл Джордан, переносит позитивные оценки этих личностей на образ самого избранного президента США, а также развивает модель концептуализации выборов 2008 г. в терминах баскетбола.

Слот II.3. Спортивные команды

В соответствии с традиционным пониманием спортивных состязаний, их участники, или

игроки, должны быть объединены в команды (данная особенность касается исключительно командных видов спорта, а выборы, по мнению проанализированных британских СМИ, относятся именно к ним). В британском медиадискурсе мы встречаем такие метафоры, как «команда кампании» (*“campaign team”*) или «команда Обамы» (*“Obama’s team”*), для концептуализации выборов как командного вида спорта:

*He paid tribute to his **campaign team**, his wife and children - to whom he has promised a puppy when the new first family enter the White House on January 20 — and to his grandmother Madelyn Dunham, who died on Sunday before seeing him win the presidency* [The Times. 2008. 5. Nov.].

*The **Obama campaign team**, scrutinising the polls, urged caution, worried that a late surge of voters casting their ballots on their way home might yet cause upsets in key states, as happened to the Democratic candidate, John Kerry, in 2004* [The Guardian. 2008. 5 Nov.].

Тем не менее команда кампании является не единственным видом команд в политике. После окончания выборов новоизбранному президенту необходимо собрать и — по ассоциативной связи — поставить игру другой команде — президентской (т. е. новой администрации). Его успех в должности президента будет прежде всего оценен по скорости создания этой команды, а также по степени мудрости и деликатности, которую он проявит при решении данной задачи:

*“I think it’s important to get a **national security team** in place because transition periods are potentially times of vulnerability to a terrorist attack. We want to make sure that there is as seamless a transition on national security as possible,” Obama said* [The Times. 2008. 17 Nov.].

Формирование успешной команды в современном спорте зачастую ложится на плечи тренера, одновременно выполняющего функции менеджера и «селекционера», т. е. человека, выбирающего лучших из списка потенциальных претендентов на место в команде. Одной из приоритетных задач, стоящих перед менеджером и тренером Обамой сразу после выигранных им выборов, является задача формирования команды по национальной безопасности (т. е. той части администрации, которая будет отвечать за вопросы национальной безопасности и которая включает такие важные посты, как Советник по внешней политике, Секретарь по обороне, Госсекретарь и т. д.). При этом, как и у каждого тренера-менеджера хорошей спортивной команды, у Обамы должен быть заранее заготовлен список кандидатов в президентскую команду:

*The first pick on his **team sheet** — to be officially confirmed later today — is Rahm Emanuel, the combative but highly effective Chicago congressman who advised Bill Clinton in the 1990s. Mr Emanuel — known as ‘Rahmbo’ —*

has agreed to return to the White House as chief of staff [The Times. 2008. 5 Nov.].

Британские СМИ также делают попытки предугадать, по какому принципу тренер-менеджер Б. Обама будет формировать свою команду:

*Obama has always invited argument, encouraging his aides to present different views. This must partly explain why he is so drawn to the precedent of Abraham Lincoln and his **“team of rivals”*** [The Guardian. 2008. 26 Nov.].

Употребление выражения *“team of rivals”* означает, что, по предположениям британской прессы, Б. Обама будет руководствоваться исключительно принципом компетентности и эффективности при выборе кандидатов, а не принципом межличностных отношений и симпатий, что, безусловно, делает ему честь. Контекст также содержит аллюзию на А. Линкольна — одного из величайших и наиболее популярных президентов в истории США, отменившего рабство и сохранившего США как единое государство, что, по мнению многих американцев, позволило Америке стать поистине великой страной. Такое косвенное сравнение имеет целью создание положительного образа 44-го президента США.

Чтобы преуспеть, спортивные команды должны иметь ярко выраженного лидера, иначе они обречены на провал. Как показывают приведенные выше контексты, Демократическая партия США имеет такого ярко выраженного лидера, а потому у нее большие шансы на успех. В отличие от демократов, республиканцы остались без лидера, что связано как с неспособностью их кандидата и соперника Б. Обамы на президентских выборах Дж. Маккейна обеспечить данное лидерство, так и с испорченной в результате действий администрации уходящего президента Дж. Буша репутацией республиканцев:

*The Republicans have lost at least 16, and perhaps as many as 25, seats in the House of Representatives. In the Senate they have lost at least six seats, though they will prevent the Democrats from reaching the 60 required to break a filibuster, and have thus retained the power to block legislation. In reality however, Republicans are **leaderless** and ideologically bankrupt* [The Independent. 2008. 6 Nov.].

Прагматическая функция фрейма «Спортсмены» состоит в представлении Обамы как выдающегося спортсмена, выигравшего в предвыборном состязании, разбившего могущественных противников. Популярность Обамы сравнима лишь с популярностью баскетбольных небожителей Америки — К. Брайанта и М. Джордана. Первым шагом Б. Обамы на посту президента еще только предстояло дать оценку, и во многом данная оценка будет зависеть от того, насколько быстро и мудро он сможет создать еще одну команду — президентскую, а также от того, как хорошо он сможет «натренировать» ее. Тем не менее первые ша-

ги тренера-менеджера Б. Обамы, ведущие к выполнению данной задачи, дают британским СМИ определенный повод для оптимизма: кандидаты в президентскую команду у Б. Обамы уже на карандаше (“*team sheet*”), и окончательный выбор игроков, судя по всему, будет сделан не по принципу личной верности, а по принципу высокого профессионализма, как то было у величайшего президента США всех времен А. Линкольна (“*team of rivals*”).

Фрейм 3. Результаты соревнований

Фрейм реализуется посредством следующих слотов:

- Слот 1. Промежуточные результаты.
- Слот 2. Победа.
- Слот 3. Поражение.
- Слот 4. Результаты в долгосрочной перспективе.

Слот III.1. Промежуточные результаты

Поскольку выборы являются соревнованием, необходимо вести счет для того, чтобы определить, кто выигрывает, а кто проигрывает, и, возможно, попытаться предсказать вероятный результат или поставить на кого-нибудь из соперников. Британские СМИ очень подробно комментируют расстановку сил в президентской гонке, начиная с самого старта. Долгое время республиканский и демократический кандидаты шли вровень (“*to be in dead heat*”), но затем, после начала больших финансовых проблем на Уолл-Стрит, Б. Обаме удалось уйти в отрыв (“*to open up a lead*”), который его сопернику Дж. Маккейну уже не удалось отыграть.

*Though this campaign began in 2007 in many ways as a contest hinged on identity — with Obama as the first viable African-American candidate for president and Hillary Clinton as the first woman — the defining moment of the campaign was the Wall Street meltdown in the middle of last month. Until that point, Obama and McCain had been in a virtual **dead heat** in polls but Obama then began to **open up a lead** that his opponent was unable **to close** [The Guardian. 2008. 5. Nov.].*

Лидерство, захваченное Б. Обамой после обвала фондовой биржи, было весьма прочным:

*McCain had managed to hold his own until mid-September when the Wall Street crash saw Obama open up a **commanding lead** [The Guardian. 2008. 5 Nov.].*

В некоторых штатах преимущество Б. Обамы накануне выборов оценивалось в 4—7%:

*On Saturday evening, 75,000 people attended an Obama rally in Kansas City. The huge turnouts came as the latest national polls showed the race essentially static, with Obama **maintaining a lead of 4—7%**. [The Guardian. 2008. 19 Oct.]*

В других, особо важных для определения конечных результатов гонки штатах Б. Обаме удалось добиться двузначного преимущества:

*Exit polls gave Obama **double-digit leads** in states that had been bitterly contested, and on*

which the outcome depended. The odds had been stacked against McCain from the start, linked, as he was, to President George Bush, with his near-record low popularity ratings, hostility towards the Iraq war and an impending recession [The Guardian. 2008. 5 Nov.].

Затем Б. Обаме удалось добиться победы в первом раунде — когда были объявлены результаты выборов в первом муниципалитете (Диксвилл Нотч в штате Нью-Гэмпшир), голосовавшем раньше других:

*In one of America's quirky traditions, Obama **won the first round** of the election when votes in Dixville Notch, a small community in the north of New Hampshire, announced its results. Obama **beat** McCain by 15 votes to six, the first time it has gone Democratic since 1968 [It's President Obama // The Guardian. 2008. 5 Nov.].*

За этой победой последовала череда других ярких побед в последующих раундах и в других штатах.

Прагматическое значение слота скорее следует расценить как положительное, изображающее победу Б. Обамы на выборах как вполне заслуженную. Гонка начиналась тяжело, оба кандидата шли вровень, но затем Б. Обаме удалось захватить прочное лидерство, которое он уже не отдал. Преимущество избранного в итоге президентом Б. Обамы было подавляющим, иногда двузначным в процентном соотношении, что привело к его уверенной победе как в первом, так и в большинстве из других оставшихся раундов.

Слот III.2. Победа

Слот реализуется за счет следующих метафорических выражений: «победа за явным преимуществом» (“*landslide victory*”), «добиться триумфа» (“*to emerge triumphant*”), «историческая победа» (“*a historic victory*”), «разгром» (“*rout*”):

*After a **landslide victory** that saw him chosen as America's first black president, Mr Obama knows that there is no time to lose if he wants to build an administration to extricate the US military from Iraq and deliver the change he promised to voters [The Times. 2008. 5 Nov.].*

*Barack Obama will become America's first black president after **emerging triumphant** from one of the most extraordinary elections in modern times [The Times. 2008. 5 Nov.].*

*Barack Obama was on course for a **historic victory** last night, overcoming America's bitter legacy of slavery and bigotry to become the country's first black president after a momentous day that saw voters turn out in epic numbers [The Guardian. 2008. 5 Nov.].*

Победа Б. Обамы концептуализируется как весьма убедительная, а значит, заслуженная. Кроме того, это историческая победа, позволившая Америке избавиться от горького наследия прошлого, связанного с рабовладением и фанатизмом. Победа Б. Обамы интерпретируется также как триумф американской мечты, как

наглядная демонстрация того, что человек, вне зависимости от цвета кожи и своего финансового состояния, может добиться всего:

*The significance and scale of his **victory** was recognised today by the outgoing president and commander in chief, George Bush. "No matter how they cast their ballots, all Americans can be proud of the history that was made yesterday," he said, adding that Obama's "journey represents a **triumph** of the American story" [The Guardian. 2008. 5 Nov.].*

Долгое время американская мечта не распространялась на чернокожее население США, что в определенной степени накладывало негативный отпечаток на образ США как наиболее демократического государства в мире. Избрание темнокожего американца президентом — доказательство того, что американская демократия одержала еще одну великую победу на пути своего развития: победу над собственным прошлым и предрассудками.

Слот III.3. Поражение

Слот реализуется посредством следующих лексических единиц и выражений: «*признать свое поражение в гонке*» ("concede the race", "acknowledge the defeat"), «*потерпевший поражение противник*» ("defeated rival"), «*проиграть*» ("to lose").

Первое время после окончания праймериз Демократической партии сторонники демократов испытывали определенное опасение по поводу того, признает ли свое поражение соперница Б. Обамы и экс первая леди США Х. Клинтон:

*Clinton is expected to end her campaign for the White House tomorrow, bowing to pressure from Democratic leaders to help the party unite around Obama as the nominee. Her exit arrived after signs of rising frustration from Democratic members of Congress at Clinton's refusal to **concede the race** or congratulate Obama for clinching the nomination [The Guardian. 2008. 5 June].*

*They feared Clinton's refusal to **acknowledge her defeat** could hurt the party's prospects against the Republican John McCain in November. [The Guardian. 2008. 5 June]*

Возможный отказ от признания итогов праймериз грозил расколом внутри Демократической партии, что поставило бы под сомнение перспективы демократического кандидата в противостоянии с республиканцами. К счастью для демократов и будущего президента, внутривнутрипартийного раскола не произошло, даже несмотря на отказ Б. Обамы выбрать бывшего конкурента Х. Клинтона в качестве кандидата в вице-президенты:

***Defeated rival** to bow out of campaign, but push continues to include her on joint ticket [The Guardian. 2008. 5 June.].*

Республиканцы же были биты не только в президентской гонке. Они также потеряли значительное количество мест в обеих палатах

американского парламента — Палате представителей и Сенате:

*The Republicans **have lost** at least 16, and perhaps as many as 25, seats in the House of Representatives. In the Senate they have lost at least six seats, though they will prevent the Democrats from reaching the 60 required to break a filibuster, and have thus retained the power to block legislation. In reality however, Republicans are leaderless and ideologically bankrupt [The Independent. 2008. 6 Nov.].*

Слот III.4. Результаты в долгосрочной перспективе

Американские президентские выборы 2008 г. представляют собой лишь этап в истории американского политического соперничества и политических игр. Кроме всего прочего, победа Б. Обамы представляется выдающейся еще и потому, что те выборы, в которых он победил, ознаменовались установкой нескольких выдающихся рекордов. Одним из рекордов, установленных Б. Обамой, является уровень мобилизации социальных классов, что отразилось в необычайно высокой явке избирателей:

*Turnout in today's election was expected to **shatter records** with the queues forming outside polling stations at dawn testament to the energy, excitement and expectations generated by a campaign that has lasted almost two years [The Times. 2008. 5 Nov.].*

*Americans voted in **record numbers**, with 136.6 million estimated to have cast their ballot — more than 64 per cent of the electorate — compared to 122 million in 2004. One analyst described it as the highest turnout in 100 years [The Times. 2008. 5 Nov.].*

*Early expectations **were of record turnout levels**, with the morning bringing long lines at polling stations. However, exit polls later in the day saw voters under 30, the target demographic of the Obama camp, voting at about the same levels as in 2004 [The Guardian. 2008. 5 Nov.].*

Кроме того, предвыборная кампания Б. Обамы побила все возможные рекорды по количеству собранных финансовых средств:

*The other was the news that it had raised a **record-smashing \$150m** in the month of September, dwarfing his previous highest monthly amount of \$65m, and bringing the total he has raised in the campaign to \$605m [The Guardian. 2008. 19 Oct.].*

С учетом того, что успех того или иного предприятия в США чаще всего определяется в терминах финансового успеха, фантастические финансовые показатели кампании Б. Обамы еще раз характеризуют его как исключительно успешного менеджера, который, как следствие, способен добиться успеха и в качестве президента. Учитывая всю сложность финансовой ситуации, в которой оказалась Америка, способность избранного президента привлекать средства, по мнению британских СМИ, должна сыграть особую роль. Республиканская же пар-

тия под руководством Дж. Буша, напротив, чуть не поставила несколько антирекордов:

The odds had been stacked against McCain from the start, linked, as he was, to President George Bush, with his near-record low popularity ratings, hostility towards the Iraq war and an impending recession [The Guardian. 2008. 5 Nov.].

Учитывая катастрофически низкий рейтинг популярности уходящего президента Дж. Буша и его республиканской администрации, Дж. Маккейну было практически невозможно победить, даже несмотря на то, что в некоторых изданиях его называют «грозным соперником» (*“formidable rival”*).

Анализ слотов, ведущих к реализации фрейма «Результаты соревнований», позволяет нам сделать вывод, что рассматриваемый фрейм дает позитивную характеристику американских президентских выборов 2008 г., а также их результата. Победа Б. Обамы стала настоящим триумфом американской мечты, продемонстрировала силу американской демократии. Президентская гонка начиналась тяжело, однако затем Б. Обаме удалось захватить прочное лидерство, уйти в отрыв, и, таким образом, его победа выглядит вполне заслуженной. Избранный президент проявил себя как человек, способный заражать идеей и внушать энтузиазм, настоящий лидер, что проявилось в рекордной явке. Республиканская партия, напротив, оказалась лишеной лидера, что во многом можно объяснить крайне непопулярной политикой, проводимой бывшим руководством.

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы отметить, что спортивно-игровая концептуальная метафорическая модель в целом служит созданию позитивного образа американских президентских выборов 2008 г. и их победителя Б. Обамы. Фрейм 2 и фрейм 3, по нашему мнению, в большинстве слотов проецируют положительный образ победителя выборов — талантливого менеджера, настоящей звезды, человека, заслужившего право быть американским президентом. При этом слот 2 фрейма 1 — Проведение соревнований/игр — содержит некоторое количество метафор с негативным значением, что отражает сложность той ситуации, в которой вновь избранному президенту предстоит принять страну. Кроме того, для британских СМИ данные метафоры представляют собой способ выразить определенную неуверенность относительно способности нового президента США выполнить свои предвыборные обещания и стать настоящим лидером для Америки и всего демократического мира.

Развеять данные сомнения может только время, а потому представляется чрезвычайно интересным проследить за тем, каким образом с течением времени эволюционирует использование спортивно-игровой метафоры для концептуализации образа 44-го избранного президента США Б. Обамы.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Политическая метафорология: курсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1.

Будаев Э. В., Чуудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3.

Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.

Литвинова Т. И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2008.

Чуудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград: Перемена, 2000.

Dickinson M. Barack Obama: President, black icon and mean shot from free-throw line // The Times. 2008. 6 Dec.

Fetzer A., Lauerbach G. E. Political discourse in the media: cross-cultural perspectives. — Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 2007.

Herbeck D. A. Sports Metaphors and Public Policy: The Football Theme in Desert Storm Discourse // Metaphorical World Politics / ed. by F. Beer. — East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2004.

Herbeck D. A. Punchless Debating. URL: http://www.bc.edu/bc_org/rvp/pubaf/chronicle/v11/n14/herbeck.html (дата обращения: 31.03.2009).

Kagan R. Paradise and power: America and Europe in the New World Order. — L.: Atlantic Books; N. Y.: Alfred A. Knopf, 2003.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Minsky M. A framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision / ed. by P. M. Winston. — McGraw Hill, New York, 1975.

Roger P. L'Ennemi américain. Généalogie de l'antiaméricanisme français. — Paris: Seuil, 2002.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

The Times. URL: <http://www.timesonline.co.uk>.

The Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk>.

The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk>.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и доцент Е. А. Нахимова

О. В. Атьман
Волгоград, Россия

O. V. Atman
Volgograd, Russia

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ПРЕДВЫБОРНЫХ
ТЕЛЕДЕБАТАХ КАК АГОНАЛЬНОМ ЖАНРЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА США**

**VERBALIZATION
OF SELF-PRESENTATION STRATEGY
IN PRESIDENTIAL ELECTION DEBATES
AS AGONAL GENRE
OF US POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Статья посвящена исследованию агонального жанра политического дискурса США — президентских предвыборных теледебатов. Автор описывает конститутивные признаки дискурса теледебатов (участники, хронология, цели, ценности, стратегии и тактики). Особое внимание уделяется стратегии самопрезентации и ее тактикам — самовосхваления, обещания, демонстрации профессионального успеха. Автор приходит к выводу, что названные тактики вербализуются через определенные лексические репрезентанты и характеризуются своеобразными лингвостилистическими приемами.

Abstract. The purpose of the article is to study one of the agonal genres of US political discourse, that of Presidential Election Debates. The author describes constitutive characteristics of the Presidential Election Debates discourse, which include participants, time constraints, aims, values, strategies and tactics. Special attention is paid to the self-presentation strategy and its tactics of self-praise, promise and demonstration of professional achievements. The author summarizes that the aforementioned tactics are verbalized by means of specific lexemes and characterized by peculiar lingo-stylistic devices.

Ключевые слова: политический дискурс; агональные жанры; президентские предвыборные теледебаты; стратегия самопрезентации; коммуникативные тактики; вербализация.

Key words: political discourse; agonal genres; Presidential Election Debates; self-presentation strategy; communicative tactics; verbalization.

Сведения об авторе: Атьман Ольга Вячеславовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной иноязычной коммуникации факультета филологии и межкультурной коммуникации.

About the author: Atman Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Professional Foreign Languages Communication, Faculty of Philology and Intercultural Communication.

Место работы: Волгоградский государственный университет.

Place of employment: Volgograd State University.

Контактная информация: 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100.
e-mail: olga-atman@yandex.ru.

Политический дискурс принято рассматривать как конгломерат жанров, дифференцируемых по характеру ведущей интенции: интеграции, ориентации, агональности. Многие из таких жанров подробно освещены в современной лингвистической литературе. К интеграционным жанрам политического дискурса США принято относить дискурс инаугурационного обращения (Inaugural Address), дискурс прощальной речи (Farewell Address), дискурс субботнего радиообращения к нации (Saturday Radio Address), дискурс рождественского/новогоднего обращения к нации (Christmas / New Year Nation Address) [Атьман, Широнова 2009; Галиева 2008; Кондратенко 2007; Спиридовский 2006]. Ориентационные жанры политического дискурса США включают в себя ежегодное послание президента США Конгрессу (State of the Union Address), партийную программу (Political Party's Programme), манифест (Political Manifesto), указ (Presidential Decree), отчетный доклад (Presidential Report), интервью (Presidential Briefing), пресс-конференцию (Presidential Press Conference) [Атьман 2009; Викторова 2008; Каримова 2006]. Выступая в этих жанрах, президент выражает свою позицию, определяет государст-

венные приоритеты и ценностные ориентиры для своих сограждан. Исследуемые нами президентские предвыборные теледебаты (Presidential Election Debates) относятся к агональным жанрам политического дискурса, наряду с предвыборными обращениями кандидатов на пост президента (Election Speeches) и встречами кандидатов с избирателями (Electoral Meetings) [Атьман 2009: 14—16]. Агональность как общая черта последних перечисленных жанров есть проявление состязательности, конкурентной борьбы, часто — агрессии по отношению к сопернику, поскольку речевое взаимодействие коммуникантов в таком жанре политического дискурса (президентских предвыборных теледебатах) организовано вокруг конфликта целей его участников (кандидатов на пост президента США) [Иванова 2003: 56].

Президентская избирательная кампания представляет собой комплекс агитационных мероприятий, проводимых кандидатами на должность президента США (с момента их официального утверждения) с целью получения электоральной поддержки на предстоящих выборах. Начальный этап избирательных мероприятий — это партийные выборы кандида-

тов — представителей политических партий США (Демократической и Республиканской). Обе партии выдвигают своего кандидата на президентский пост, который предварительно прошел все туры голосований: 'Primaries' (предварительные выборы, или «праймериз») → 'Caucus' (закрытое собрание членов политической партии или фракции для выдвижения кандидата на предстоящие выборы или выработки политической линии) → 'National Convention' (национальный партийный съезд) [Гайкова 2003: 38—39].

Каждый из кандидатов проводит свою агитационную кампанию при поддержке различных волонтеров, общественных организаций, средств массовой информации. Существуют различные способы агитации, основными из которых являются проведение собраний, митингов, встреч с избирателями, публикация статей, распространение памфлетов и листовок, расклейка предвыборных афиш и др. Таким образом, теледебаты как агональная агитационное мероприятие составляют неотъемлемую часть электоральной культуры Соединенных Штатов. По сути, они являются кульминационной частью президентской избирательной кампании.

Из истории известно, что первые публичные дебаты между кандидатами на пост президента США прошли в 1858 г. — тогда в них приняли участие противник рабовладения Авраам Линкольн и вызванный им на политический спор Стивен Дуглас, сторонник сохранения рабства в США. Кандидаты встречались семь раз в разных городах штата Иллинойс. Дебаты шли по три часа: час давался каждому претенденту на выступление, по полчаса — для ответов на вопросы противника и зрителей — потенциальных избирателей.

С тех пор предвыборные президентские дебаты как агональная форма избирательной кампании на долгое время были забыты. К дебатам вернулись лишь через столетие, в 1948 г., и проводились они уже в формате радиотрансляций. Следующие дебаты состоялись через несколько лет, в 1956 г.; в тот год их впервые показали по телевидению. Далее теледебаты были организованы в 1960 г., после чего публичные споры претендентов на Белый дом вновь ушли в небытие, поскольку некоторые кандидаты предпочли отказаться от участия в них под различными предлогами. Традиция проведения президентских предвыборных теледебатов была вновь установлена в 1976 г., и в настоящее время теледебаты являются обязательной частью любой электоральной кампании [Presidential debates].

Широкое понимание президентских предвыборных теледебатов позволяет трактовать их как избирательный поединок, непременно транслируемый по телевидению, между кандидатами на президентский пост, во время которого они имеют возможность обменяться мнениями по политическим, социальным, экономи-

ческим и иным вопросам [Теледебаты]. Лингвистическое понимание теледебатов предложила Е. И. Шейгал. Теледебаты она понимает как вербальную схватку между кандидатами на пост президента, исход которой определяется мастерством ораторов, а также другими составляющими их публичного «имиджа» [Шейгал 2000: 35].

Вербальная составляющая президентских предвыборных теледебатов — это дискурс непосредственных их участников, кандидатов на пост президента США. Поскольку дискурс президентских предвыборных теледебатов есть часть политического дискурса, а последний, в свою очередь, является одним из видов институционального типа дискурса, считаем обоснованным рассмотреть системообразующие признаки изучаемого нами дискурса, к которым относятся участники, цели, хронотоп, базовые ценности, способы общения (стратегии и тактики).

Участниками дискурса президентских предвыборных теледебатов являются, с одной стороны, агенты института выборов, а с другой — их клиенты, т. е. зрители, присутствующие в зале, в котором проходят дебаты, а также телезрители, наблюдающие за ходом их проведения за пределами аудитории, т. е. с экранов телевизоров. Все они являются потенциальными избирателями того или иного кандидата на пост президента.

Для дискурса теледебатов характерно открыто выраженное противостояние, иными словами, агональная борьба двух соперников — претендентов на один пост — есть неременный их атрибут. Поскольку в политической системе США существуют только две политические партии — Демократическая и Республиканская, — то основными претендентами на президентский пост оказываются именно кандидаты от этих двух партий. Таким образом, «человек из Вашингтона» (действующий президент или вице-президент) и «новый человек» (представитель оппозиционной партии) выступают в качестве агентов дискурса президентских предвыборных теледебатов. Ситуация выборов предполагает возможность смены политической власти, поэтому «человек из Вашингтона» оказывается перед необходимостью защищать и отстаивать свою избирательную программу, давать отчет о достигнутых результатах, создавать у избирателей положительное впечатление о себе и негативное отношение к сопернику.

Цели дискурса президентских предвыборных теледебатов включают в себя макроцель — борьба за власть, а также микроцели — приход к власти, реализация власти, сохранение власти путем воздействия на общественное мнение и др.

Под хронотопом дискурса президентских предвыборных теледебатов мы понимаем его цикличность, повторяемость через четыре года,

а также место проведения теледебатов, обстановку, типичную для их проведения. Хронотоп (хронос — время, топос — место) дискурса теледебатов проиллюстрируем в виде таблицы, в которой указаны годы проведения теледебатов

за последние 50 лет, участники теледебатов — кандидаты на президентский пост, количество проведенных раундов, города, в которых проходили теледебаты.

Таблица.
Хронотоп дискурса президентских предвыборных теледебатов в США

Год проведения теледебатов	Претенденты на президентский пост	Раунды	Место проведения
1960	Джон Кеннеди Ричард Никсон	1 ^{ый} раунд — 26 сентября	г. Чикаго
		2 ^й раунд — 7 октября	г. Вашингтон
		3 ^й раунд — 13 октября	г. Лос-Анджелес
		4 ^{ый} раунд — 21 октября	г. Нью-Йорк
1976	Джимми Картер Джеральд Форд	1 ^{ый} раунд — 23 сентября	г. Филадельфия
		2 ^й раунд — 6 октября	г. Сан-Франциско
		3 ^й раунд — 22 октября	г. Уильямсберг
1980	Рональд Рейган Джимми Картер	1 ^{ый} раунд — 26 октября	г. Кливленд
1984	Рональд Рейган Вальтер Мондейл	1 ^{ый} раунд — 7 октября	г. Луисвилл
		2 ^й раунд — 21 октября	г. Канзас
1988	Майкл Дукакис Джордж Буш	1 ^{ый} раунд — 25 сентября	г. Уэйк Форест
		2 ^й раунд — 13 октября	г. Лос-Анджелес
1992	Бил Клинтон Джордж Буш	1 ^{ый} раунд — 11 октября	г. Сент-Луис
		2 ^й раунд — 15 октября	г. Ричмонд
1996	Бил Клинтон Боб Доул	1 ^{ый} раунд — 6 октября	г. Хартфорд
		2 ^й раунд — 16 октября	г. Сан-Диего
2000	Альберт Гор Джордж Буш	1 ^{ый} раунд — 3 октября	г. Бостон
		2 ^й раунд — 11 октября	г. Уинстон-Сейлем
		3 ^й раунд — 13 октября	г. Сент-Луис
2004	Джордж Буш Джон Керри	1 ^{ый} раунд — 30 сентября	г. Корал-Гейблс
		2 ^й раунд — 8 октября	г. Сент-Луис
		3 ^й раунд — 13 октября	г. Темпе
2008	Барак Обама Джон МакКейн	1 ^{ый} раунд — 26 сентября	г. Оксфорд
		2 ^й раунд — 7 октября	г. Нашвилл
		3 ^й раунд — 15 октября	г. Хемпстед

Базовые ценности дискурса президентских предвыборных теледебатов сконцентрированы в ключевых концептах современного американского политического дискурса — «власть», «президент», «демократия», «свобода», «процветание», «war», «terror», «protect», «national security», «jobs», «health care» [Бурцева-Кулявцева 2010: 93—98; Иванова 2007: 6].

Способы общения — это избираемые участниками дискурса коммуникативные стратегии и тактики. Лингвистические исследования политического дискурса свидетельствуют о разнообразии выделяемых в нем стратегий: манипуляции, аргументации, самопрезентации, дискредитации оппонента, борьбы за власть, убеждения [Гайкова 2003: 78—125; Халатян 2010: 159—163], содержательного анализа и оценки ситуации, самозащиты, побуждения и манипулирования [Даньшина 2007: 26], интродуктивной, варьирующей и аддитивной [Иванова 2003: 59—66], «создания круга своих» и «создания круга чужих» [Могилевская 2009: 155—156], «смысловых замен», «смыслового окна», переноса оценочного фона, генерализации, детали-

зации [Ноблок 2007: 10—19], позиционирования, конфликта, кооперации [Шевченко 2010: 12] и др.

Каждая стратегия реализуется благодаря использованию определенных тактик. Тактика, в свою очередь, определяется интенцией говорящего и эксплицируется совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств. Мы выделили следующие стратегии в дискурсе президентских предвыборных теледебатов: 1) стратегия самопрезентации; 2) стратегия дискредитации оппонента, 3) стратегия рационального убеждения избирателей, 4) стратегия эмоционального убеждения избирателей; 5) стратегия самозащиты; 6) стратегия уклонения от ответа. Очевидно, что стратегический репертуар кандидатов на пост президента США разнообразен, однако универсальной стратегией, которую используют все политики без исключения, является стратегия самопрезентации. Соответственно, дальнейшее наше исследование мы сосредоточим на изучении лексической вербализации тактического репертуара стратегии самопрезентации в дискурсе президентских предвыборных теледебатов.

Самопрезентация — это управление впечатлением, которое политик желает произвести на аудиторию с целью оказания на нее воздействия; это «самоподача» оратора, вербальная демонстрация его личностных качеств, так называемое автопортретирование. Стратегия самопрезентации, как показали проанализированные нами скрипты теледебатов за период президентских избирательных кампаний 2000 — 2008 г., вербализуется тактиками самовосхваления, обещания, демонстрации профессионального успеха.

Тактика самовосхваления базируется на желании кандидата на пост президента представить себя в самом выгодном свете, описать свои личностные качества, достоинства, таланты. Тактика самовосхваления вербализуется лексемами, семантика которых позволяет охарактеризовать политика как человека, обладающего определенным набором положительных качеств. К числу таких лексем относятся, например, прилагательные *optimistic* (оптимистично настроенный), *successful* (успешный), *good* (достойный), *strong* (сильный), *safe* (надежный), глаголы *to win* (побеждать), *to lead* (вести за собой, быть лидером). Нередко политики используют прилагательные в сравнительной и превосходной степени, например: *better* (лучше), *safer*, *safest* (более надежный и самый надежный), *strongest* (самый сильный). Непременным атрибутом тактики самовосхваления является личное местоимение я (I):

I am optimistic. I am successful. My word is good. I believe I am going to win, because the American people know I know how to lead. My ideas are better for the future. Our coalition is strong. It will remain strong, so long as I'm the president [George Bush 2000].

I can make America safer. I believe America is safest and strongest when we are leading the world and we are leading strong alliances. I also know how to lead those alliances. I have a better plan for homeland security. I have a better plan to be able to fight the war on terror. I know I can do a better job in Iraq. I can do a better job of training the Iraqi forces to defend themselves, and I know that we can do a better job of preparing for elections [John Kerry 2004].

Тактика обещания, как правило, манифестируется формами глаголов в форме будущего времени. Семантика глаголов отражает действия, которые политик готов предпринять, заняв высший государственный пост. Так, например, обещания кандидата в президенты США от Демократической партии Ал. Гора (электоральная кампания 2000 г.) касаются уравнивания государственного бюджета США (*to balance the budget*), погашения государственного долга (*to pay down the national debt*), снижения налогов (*to cut taxes*), реформирования армии США (*to reform the military*). Обещания кандидата могут также быть выражены с помощью глагола 'promise' (обещать сделать что-либо), за

которым следуют глаголы с семантикой определенного действия.

Тактика обещания проявляется в условных предложениях. В этом случае придаточное предложение условия вербализует то, к чему стремится кандидат на пост президента, то, что он пытается получить в конечном счете. В главном предложении присутствует определенный глагол, значение которого соответствует обещанию кандидата.

Нередко в речи политика звучат анафорические повторы, начинающиеся с личного местоимения я (I) и глагола в форме будущего времени, например, "I will fight/strengthen/reform". Использование повторов, анафорических в частности, позволяет кандидату неоднократно акцентировать свое намерение защищать и отстаивать интересы своих потенциальных избирателей:

If I'm entrusted with the presidency, here are the choices that I will make. I will balance the budget every year. I will pay down the national debt. I will put Medicare and Social Security in a lockbox and protect them. And I will cut taxes for middle-class families. If I'm entrusted with the presidency, I will help parents and strengthen families because, you know, if we have prosperity that grows and grows, we still won't be successful unless we strengthen families by, for example, ensuring that children can always go to schools that are safe. I promise that we invest in our country and our families. And I mean investing in education, health care, the environment, and middle-class tax cuts and retirement security. I will fight for a prescription drug benefit for all seniors and fight for the people of this country for a prosperity that benefits all [Al Gore 2000].

Обещания кандидата в президенты от Республиканской партии Дж. Буша, принимавшего участие в избирательных кампаниях США 2000 и 2004 г., касаются реформирования американских войск, усиления внешней и внутренней политики американского государства, продолжения борьбы с терроризмом, укрепления политического союза с другими государствами. Лексическими репрезентантами тактики обещания Дж. Буша являются следующие глаголы: *to strengthen* (укреплять), *to reform* (реформировать), *to fight* (бороться), *to rid of* (избавить), *to achieve* (достичь), *to continue to build* (продолжать создавать), *to continue to spread* (продолжать распространять).

The next four years I will continue to strengthen our homeland defenses. I will strengthen our intelligence-gathering services. I will reform our military. We will fight the terrorists around the world so we do not have to face them here at home. And we have a duty to our country and to future generations of America to rid the world of weapons of mass destruction, and to achieve a free Iraq, a free Afghanistan. I will continue to build our alliances. And I will continue to spread freedom [George Bush 2004].

Как и кандидат Дж. Буш, кандидат в президенты Дж. Керри обещает своим потенциальным избирателям бороться с терроризмом, финансировать укрепление национальной безопасности, способствовать усилению военной мощи США, сокращать государственные финансовые расходы, окончить военные операции, проводимые США на территории Афганистана, и пр. Таким образом, тактика обещания Дж. Керри вербализуется через следующие лексемы: *promise to win* (обещать выйти победителем), *to fund* (финансировать), *to strengthen* (укреплять), *to fight* (бороться), *to cut* (сокращать), *to build* (создавать), *to get out* (вывести из страны):

I promise to win the war on terror, funding homeland security, strengthening our military, cutting our finances, building strong alliances. I believe America's best days are ahead of us because I believe that the future belongs to freedom, not to fear. That's the country that I will fight for. And our goal in my administration will be to get all of the troops out of Afghanistan with a minimal amount you need for training and logistics as we do in some other countries in the world after a war to be able to sustain the peace [John Kerry 2004].

В дискурсе обещаний упомянутых выше кандидатов на пост президента США в изобилии используется личное местоимение *I* — я, что свидетельствует о стремлении политиков продемонстрировать свое непосредственное участие в реализации той или иной поставленной задачи. Обещания, которые делает кандидат от Демократической партии в электоральной кампании 2008 г. Б. Обама, озвучены от первого лица множественного числа, в его речи используется личное инклюзивное местоимение *we* — мы, а также модальная глагольная конструкция *'have got to'* (необходимо что-либо сделать). В комплексе это придает обещаниям оттенок «установки на кооперативность»: у избирателя создается ощущение вовлеченности в решение насущных задач главы государства и его будущей администрации. Отличительной чертой тактики обещания кандидата Б. Обамы является четкая ценностная иерархия задач, которые предстоит решить будущему президенту. Для этого политик использует числительные, определяющие порядок следования задач: *first* (во-первых), *second* (во-вторых), *third* (в-третьих) и т. д. Тактика обещания вербализуется также лексемами *to guarantee* (гарантировать), *to stop giving* (перестать обеспечивать), *to start giving* (начать предоставлять) и др.:

And I've put forward a series of proposals that make sure that we protect taxpayers as we engage in this important rescue effort. First, we've got to make sure that we've got oversight over this whole process; \$700 billion, potentially, is a lot of money. Second, we've got to make sure that taxpayers, when they are putting their money at risk, have the possibility of getting that money back and

gains, if the market — and when the market returns. Third, we've got to make sure that none of that money is going to pad CEO bank accounts or to promote golden parachutes. And, fourth, we've got to make sure that we're helping homeowners, because the root problem here has to do with the foreclosures that are taking place all across the country [Barack Obama 2008].

I guarantee to grow the economy from the bottom up. And when I'm president, I will go line by line to make sure that we are not spending money unwisely. I will stop giving tax breaks to corporations that ship jobs overseas, and I will start giving them to companies that create good jobs right here in America [Barack Obama 2008].

С помощью тактики демонстрации профессионального успеха кандидат на пост президента обращает внимание избирателей на определенные результаты проделанной им работы, на свой политический опыт, профессиональные успехи, заслуги, достижения. В дискурсе кандидата Дж. Буша тактика демонстрации профессионального успеха репрезентируется глаголами, в семантике которых отражены «политические достижения» кандидата (*able to* to put together, *able to* set, *to* triple, *to* work with, *to* create, *to* spend, *to* do, *to* challenge), глаголами в форме Present Perfect, притяжательными местоимениями *мой/моу* (*my*), личным местоимением *я* (*I*):

One of the things I've done in Texas is I've been able to put together a good team of people. I've been able to set clear goals [George Bush 2000].

My administration has tripled the amount of money we're spending on homeland security to \$30 billion a year. My administration worked with the Congress to create the Department of Homeland Security so we could better coordinate our borders and ports. We've got 1,000 extra border patrol on the southern border; want 1,000 on the northern border. We're modernizing our borders. We have spent \$3.1 billion for fire and police. I have done a lot of hard work over the last three and a half years. I have been challenged, and I have risen to those challenges. I have climbed the mighty mountain. I have seen the valley below, and it is a valley of peace [George Bush 2004].

В этом примере примечательным является употребление Дж. Бушем метафоры покорения вершин: *I have climbed the mighty mountain. I have seen the valley below, and it is a valley of peace* (Мне пришлось взобраться на огромную гору, с вершины которой внизу я увидел долину — долину мира и спокойствия). Под вершиной он понимает президентскую власть, посредством которой, как ему кажется, он смог установить в государстве определенный экономический и политический порядок. С помощью этой метафоры Дж. Буш описывает усилие, которое ему пришлось приложить, чтобы достичь такого результата, и именно таким образом

кандидат иносказательно демонстрирует избирателям свои профессиональные успехи.

Дж. Керри в качестве собственных профессиональных достижений указывает на борьбу за запрещение распространения ядерного оружия. Этот политик также сообщает американским избирателям о написанной им несколько лет назад книге, в которой кандидат описывает свою политическую борьбу против создания международной преступной сети. Таким образом, Дж. Керри предстает перед американским электоратом активным борцом с преступностью и яростным противником распространения ядерного оружия:

I did a lot of work on nuclear proliferation. I wrote a book about it several years ago — six, seven years ago — called “The New War”, which saw the difficulties of this international criminal network [John Kerry 2004].

Кандидат Дж. МакКейн демонстрирует свои профессиональные достижения, которые касаются финансовой государственной сферы. Речь идет о федеральном бюджете США. МакКейн, долгое время находившийся на посту вице-президента США, занимался многими финансовыми вопросами американского бюджета. На этом поприще ему удалось, по его словам, принести немалую пользу американским налогоплательщикам. Таким образом, кандидат подчеркивает свои профессиональные способности управления финансами США:

I fought against wasteful and earmark spending. I tried to keep spending under control. I have believed that the best thing for America is to have a tax system that is fundamentally fair. And I have fought to simplify it and I have proposals to simplify it. I saved the taxpayers \$6.8 billion by fighting a contract that was negotiated between Boeing and DOD [John McCain 2008].

Итак, мы пришли к заключению, что дискурс президентских предвыборных теледебатов является агональной формой речевой политической коммуникации. Агональность проявляется в таких конститутивных признаках дискурса теледебатов, как участники (две противоборствующие стороны в каждой избирательной кампании), цели (завоевание и удержание власти), ценности (например, «власть» и «президент»), стратегии (дискредитации оппонента, рационального и эмоционального убеждения избирателей, самозащиты, уклонения от ответа). Использование стратегии самопрезентации, являющейся универсальной для всех кандидатов на пост президента, призванной подчеркнуть собственное достоинство претендента и доказать его право на высший государственный пост, есть также проявление состязательной борьбы между кандидатами-соперниками, т. е. эта стратегия полностью обладает агональными свойствами. Каждая тактика, продиктованная стратегией самопрезентации (самовосхваления, обещания, демонстрации профессионального успеха), вербализуется через опреде-

ленные лексические репрезентанты и характеризуется своеобразными лингвостилистическими приемами.

ЛИТЕРАТУРА

Атьман О. В. Жанровая специфика президентского дискурса США // Альманах современной науки и образования. — Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21). С. 14—16.

Атьман О. В., Ширинова О. В. Лексическая экспликация интеграции в ритуальных жанрах политического дискурса США // Дискурс, концепт, жанр: коллект. моногр. Сер. «Язык и дискурс». Вып. 1 / отв. ред. М. Ю. Олешков; НТГСПА. — Нижний Тагил, 2009. С. 283—292.

Бурцева-Кулявцева М. Ю. Апелляция к концепту «президент» в американской лингвокультуре // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 4 (34). С. 93—98.

Викторова Е. Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в речи российских и американских президентов (на материале жанра послания) // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 22—31.

Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2003.

Галиева Г. Н. К вопросу об инаугурационном обращении как жанре президентского дискурса // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. ст. по материалам межвуз. науч. конф. (Смоленск, 9—10 окт. 2008 г.) / отв. ред. Г. И. Краморенко. — Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. Ч. 2. С. 64—67.

Даньшина Е. В. Стратегии и тактики американского предвыборного дискурса // Вестник СумДУ. Сер. Филология. — Сумы, 2007. № 1. Т. 2. С. 24—28.

Иванова Т. В. Содержательный потенциал актуальных концептов в современном американском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2007.

Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2003.

Каримова Б. С. Жанровое пространство политического дискурса // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. филолог. — Алматы, 2006. №2 (92). С. 37—41.

Кондратенко Н. В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междун. конф. «Диалог 2007» (Беласово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / под ред. Л. Л. Иомдина и др. — М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 302—306.

Могилевская О. А. Коммуникативные стратегии «создание круга своих», «создание круга чужих»: сопоставительный аспект // Научный журнал *Lingua mobilis*. — Челябинск. 2009. Вып. 2 (16). С. 155—168.

Ноблок Н. Л. Авторские стратегии в англоязычном политическом дискурсе (на материале теледебатов Дж. Буша и Дж. Керри): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2007.

Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2006.

Теледебаты как избирательная технология. URL: <http://psyfactor.org/debaty.htm> (дата обращения: 08.05.2010).

Халатян А. Б. Коммуникативные стратегии и тактики современного предвыборного дискурса в

России и США // Вестник ПГЛУ. 2010. № 1. С. 159—164.

Шевченко О. П. Лингводискурсивные особенности публичных выступлений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград: Перемена, 2010.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: моногр. — Волгоград: Перемена, 2000.

Presidential Debates History. URL: <http://www.museum.tv/debateweb/html/index.htm> (дата обращения: 08.05.2010).

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и проф. В. И. Карасик

М. Ю. Бродский
Екатеринбург, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
И ПЕРЕВОД**

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты перевода текстов, относящихся к политическому дискурсу: текстологические аспекты, метафорология и перевод, прецедентные феномены в переводе, интертекстуальность и политически корректная лексика в переводе, этикетные моменты. Предполагается, что переводоведческий взгляд может оказаться плодотворным для дальнейшего развития политической лингвистики.

Ключевые слова: политический дискурс; перевод; переводчик.

Сведения об авторе: Бродский Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода.

Место работы: Институт международных связей.

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 33.
e-mail: mikhail.brodsky@gmail.com.

M. Yu. Brodsky
Ekaterinburg, Russia

**POLITICAL DISCOURSE
AND TRANSLATION**

Abstract. The paper investigates challenges in translation of political discourse: differences in text structure and metaphorical potential, "precedent phenomena" (cultural metaphors), political dictionaries for translators, intertextuality in translation, PC euphemisms, and elements of professional ethics. We believe that the translation perspective may breathe new ideas into the study of political linguistics.

Key words: political discourse; translation; translator; interpretation; interpreter.

About the author: Mikhail Yuryevich Brodsky, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Chair of Translation.

Place of employment: Institute of International Relations.

Переводчику приходится осваивать особенности политического дискурса на обоих (всех) рабочих языках. В содержание политического дискурса включаются все присутствующие в сознании продуцента и реципиента текста компоненты (факторы), способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, политические взгляды автора, политическая ситуация и др. [Чудинов 2007: 41]. В двуязычной коммуникации с переводом к ним прибавляются как объективные факторы, связанные с преодолением языкового и лингвоэтнического водораздела, так и субъективные факторы, связанные с личностными характеристиками переводчика. И если даже в одноязычной коммуникации личностные и социальные характеристики слушающего и говорящего важны [ван Дейк 1989: 122], то при двуязычной коммуникации с переводом мы имеем на одного слушающего и говорящего (читающего и пишущего) больше, т. е. количество факторов, способных влиять на порождение и восприятие речи, умножается.

Сопоставление национальных дискурсов, в частности политических метафор [Будаев, Чудинов 2008], дает богатую пищу для размышлений и дальнейшего изучения контактных зон языков (contact zones) [Pratt 1992]. Сопоставительные исследования показывают количественные и качественные (фреймо-слотовые) несовпадения в метафорике языков. Однако несовпадения метафорических картин мира — далеко не единственная трудность, с которой сталкивается в реальной работе переводчик. В данной статье мы рассмотрим объективные факторы, с которыми приходится считаться

специалисту при переводе текстов политического дискурса.

Мы рассматриваем работу профессионального переводчика, хотя в принципе перевод текстов, относящихся к ядру или периферии политического дискурса (от речи политика до политических анекдотов) может быть актуален во всех видах перевода — профессиональном, учебном и бытовом. В литературе, посвященной вопросам дидактики перевода, под учебным переводом обычно понимается перевод как одно из средств изучения иностранного языка [Цвиллинг 2009: 132]. При обучении будущих переводчиков перевод является целью, тогда как при изучении иностранных языков перевод — средство обучения. Перевод студентов-переводчиков на занятиях называют или также — учебным, или «профессионально ориентированным» [Чужакин 2010: 4]. Ситуации учебного перевода далее в статье мы принимать во внимание не будем. В ситуации бытового перевода оказывался хотя бы один раз в жизни, наверное, каждый, кто неплохо владеет иностранным языком. Это, например, ситуация помощи иностранцам в своей стране или соотечественникам в чужой стране: в гостинице, магазине, на улице и т. д.

Профессиональный перевод бывает *официальным* и *неофициальным*. Под неофициальным понимают перевод, осуществляемый переводчиком-профессионалом в неофициальных ситуациях: разговоры в машине, за чашечкой кофе или в банке при обмене валюты. Ситуации бытового и неофициального перевода могут совпадать. Различие заключается в том,

что в первом случае переводит непрофессионал. Можно провести аналогию с футболистом-любителем, играющим с друзьями вечерами или по выходным, и футболистом-профессионалом, тренирующимся каждый день и понимающим стратегию и тактику игры. Перед переводчиком может быть поставлена задача выполнить официальный или неофициальный перевод текста, относящегося к политическому дискурсу (см. ниже).

Даже при бытовом и неофициальном переводе такого рода текстов переводчик испытывает определенный груз ответственности. Иностранцы могут попросить его объяснить, почему существует такая традиция, какова его личная реакция на последнюю новость и т. п. Это испытали на себе, в частности, волонтеры и студенты-переводчики, обслуживавшие саммит ШОС, прошедший в г. Екатеринбурге в июне 2009 г. В таких случаях, по мысли К. Райс и Х. Фермеера, переводчик превращается в специалиста по межкультурным коммуникациям в самом широком смысле [Snell-Hornby 2006: 51—56; Vermeer 2008: 228—238]. Недаром в советское время студентам-переводчикам повторяли, начиная с первого курса, снова и снова: «Родина начинается с переводчика!» В ситуации, когда понимаешь, что полоса пограничная идет если не за тобою, то где-то недалеко, оказывается рано или поздно любой практикующий устный переводчик.

Профессиональный переводчик встречается с текстами политического дискурса в следующих случаях устного (УП) и письменного перевода (ПП):

- перевод на политических переговорах, саммитах (УП);
- речи политических лидеров (УП);
- неофициальный перевод при кулуарном общении (УП);
- (реферативный) перевод иноязычных новостей, информации с сайтов, бегущей строки (УП/ПП);
- перевод речей политических лидеров для последующего устного выступления (ПП);
- перевод и редактирование выступлений, интервью, стенограмм переговоров для последующей их публикации (и цитирования) в средствах массовой информации (ПП);
- перевод материалов двуязычных сайтов и блогов политических лидеров (ПП);
- перевод мемуаров (ПП).

Возможны и более редкие ситуации: телефонные переговоры политиков, перевод видеоконференции и т. п.

По ходу заметим, что для переводчиков перевод — это в первую очередь процесс, тогда как для непереводчиков (заказчиков перевода) — прежде всего результат, т. е. текст [Рум 1993: 149—150; Robinson 2002: 6].

Наметим ряд аспектов, которые сближают интересы политической лингвистики и перевода.

1. Текстологические аспекты. Характеристики текстов на исходном языке (ИЯ), например английском, и языке перевода (ПЯ) могут не совпадать. Для целей транслатологического анализа исходного текста (ИТ) и текста перевода (ПТ) И. С. Алексеева [Алексеева 2008] выделяет 4 вида информации: когнитивную, оперативную, эмоциональную и эстетическую.

Когнитивная информация — это факты, имена собственные и цифры, т. е. «прецизионная информация» в терминологии Р. К. Миньяр-Белоручева [Миньяр-Белоручев 1996]. В научной статье, новостной программе или политическом докладе плотность когнитивной информации (в терминах И. С. Алексеевой) высока. Когнитивная информация присутствует и в инструкциях, хотя ее плотность на единицу текста (например, на 1000 печатных знаков) будет ниже, чем в научной статье или анализе предвыборных обещаний Б. Обамы спустя год после выборов.

Оперативная информация говорит реципиенту текста, что делать. Обычно она передается императивами: «проверьте», «убедитесь в том, что», «не влезай — убьет!». Очевидно, что в инструкции по сборке мебели плотность оперативной информации выше, чем в предвыборном выступлении политика. Такая информация присутствует в слоганах, но в более скрытом виде: ведь цель любой рекламы — заставить купить тот или иной товар, проголосовать за ту или иную партию.

Эмоциональную информацию несут в себе слова с ярко выраженными коннотативными значениями, стилистические приемы (метафора, гиперболы, аллюзии и др.), часто неологизмы, в некоторых случаях — знаки пунктуации, не вполне обычная графика текста (карикатура и подпись к ней), проявления субъективной модальности, отклонения от литературной нормы и т. п. В предвыборном выступлении политика плотность такой информации высока.

В тех случаях, когда форма текста не менее важна, чем его содержание, мы имеем дело с *эстетической информацией*. Эстетическую информацию, выраженную невербально, мы видим в музыке, живописи, архитектуре, танце. В вербальных текстах такая информация чаще всего содержится на фонетико-графическом уровне: аллитерация и ассонанс, рифма и ритм. Детский стих может внешне выглядеть как елочка или снежинка. На лексико-семантическом уровне можно отметить смысловые [Виноградов 2004: 161—182], или «говорящие» [Влахов, Флорин 1980: 214], имена собственные (герцог Грабежи, музыкант Треньбреньо, деревня Гадюкино), авторские метафоры, неологизмы, каламбуры, обновление фразеологизмов («С милым рай и в шалаше, если “Вольво” в гараже»). Эстетическая информация присутствует прежде всего в художественных текстах. Присутствует она в рекламных и политических слоганах. Попутно заметим, что именно из-за сложного соотношения формы и содержания,

вербального и невербального от перевода текстов песен лучше воздерживаться.

Тексты политического дискурса на русском и английском языке в первом приближении похожи. Присутствие того или иного вида информации и плотность информации кажутся близкими. Еще в советские времена выходили пособия по «общественно-политическому» [Крупнов 1979, 1984] и «газетно-информационному» переводу [Швейцер 1973]. Количество таких пособий в постсоветские времена многократно умножилось.

Вместе с тем при сравнении некоторых групп текстов внутри политического дискурса наблюдаются различия. Так, наш собственный опыт перевода и редактирования материалов для англоязычного городского портала www.ekaterinburg.com, в том числе политических новостей, и анализ опыта коллег [Buzadzhі 2009] показывает, что англоязычные новостные тексты в рамках политического дискурса часто содержат больше эмоциональной, порой и эстетической информации. Сходным образом при УП и ПП текстов, которые можно объединить в группу «Политическая история Екатеринбурга/Урала», мы неоднократно сталкивались с такой реакцией носителей английского языка и европейцев: *Too many names! I don't want names. I want anecdotes!* → *Слишком много имен! Мне не нужны имена. Мне нужны запоминающиеся истории!*

В интересах теории и практики перевода все тексты можно разделить на 3 группы: (1) нейтральные, (2) для внешнего употребления и (3) для внутреннего употребления (идея А. Нойберта, напр., в [Neubert 1985]). *Нейтральный текст* — это в принципе любой текст, который никто специально «под перевод» не готовил, но который кто-нибудь когда-нибудь может захотеть перевести. *Тексты для внешнего употребления* — это, например, пресс-конференции с иностранными журналистами. В таких случаях опытный оратор помогает переводчику невысоким темпом речи и выбором лексики/фразеологии. Так, по нашим наблюдениям, В. В. Путин регулярно заменяет в таких ситуациях более колоритный русский фразеологизм на интернациональный: *Говорят, что в России демократии нет? Ну, и пусть говорят. Собаки лают, караван идет* (→ *dogs bark, but the caravan goes on*) вместо *собаки лают, ветер носит* (пример из записной книжки автора этих строк). Типичные *тексты для внутреннего употребления* — выступления команд КВН. Через несколько лет их шутки, обыгрывающие реалии сегодняшнего дня, бывают не всегда понятны. К таким текстам относятся и многие политические анекдоты (см. ниже). Тексты для внутреннего употребления переводить, если такая необходимость возникает, труднее всего.

2. Метафорология и перевод. В английском языке метафоры (фразеологизмы) образуются проще — видимо, это наблюдение справедливо и по отношению к другим анали-

тическим языкам (напр., [Гак 1976: 263]) — и, как следствие, статистически их больше, чем в русском языке. К такому выводу эмпирически приходит, мы полагаем, любой профессиональный переводчик, преподаватель перевода, составитель и пользователь англо-русских и русско-английских словарей. Более высокая метафоричность англоязычных текстов проявляется при сопоставлении и переводе текстов многих дискурсов.

Как показывают сопоставительные исследования, напр. [Красильникова 2005], метафоры в различных языках не совпадают по фреймо-слововому составу, наблюдаются случаи метафорических лакун. С такими количественными и качественными несовпадениями сталкивался и автор этих строк в лексикографической работе, последняя из которых — словарь «Спутник устного переводчика» [2008].

Главные трудности при переводе возникают тогда, когда в языках метафоры не совпадают качественно, концептуально [Margret 2005: 495]. Действительно, «метафора «поставляет» мышлению список возможных альтернатив для разрешения проблемной ситуации. Для политического дискурса это оказывается настолько важным, что ошибки и неточности в переводе метафорических моделей могут существенно искажать коммуникативную установку автора исходного текста» [Баранов 2007: 155—156].

В переводе работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004] мы регулярно видим случаи несовпадения метафор. Почти на каждой странице переводчик был вынужден приводить максимально близкий (буквальный) перевод в скобках. Приведем только один пример: *He **conceived** a brilliant theory of molecular motion.* → *Он задумал* (букв. 'зачал') *блестящую теорию молекулярного движения* [Лакофф, Джонсон 2004: 109]. С такими же трудностями сталкивается переводчик, переводя тексты, относящиеся к политическому дискурсу: *Conservatives understand that morality and the family are at the heart of their politics, as they are at the heart of most politics* [Lakoff 1995]. Там, где в английском языке в метафорах присутствует *heart* ('сердце'), в русском языке обычно *душа*: *a heart-to-heart talk* → *разговор по душам*. Однако в приведенном пассаже приходится использовать деметафоризацию: *основа политики*. Вариант трансформации метафоры — *краеугольный камень политики* — вызывает больше сомнений, так как данная метафора восходит к Библии, в которой она используется, по данным поисковой программы BibleQuote, в общей сложности 6 раз. Вероятно, именно эта постоянная «борьба» за сохранение и компенсацию метафор привела к досадной ошибке в переводе работы [Лакофф, Джонсон 2004: 86]: *Wipe that sneer off your face, private!* → *Счисти эту ухмылку со своего лица, это личное!* Ничего «личного» в оригинале нет: обращение *private* означает *солдат, рядовой*.

В английском языке шире представлены метафоры спорта и охоты. Переводчику-профессионалу приходится специально учить многочисленные фразеологизмы из области бейсбола. На большое количество спортивных метафор в политическом дискурсе обращает внимание в своих работах П. Р. Палажченко, бесценный переводчик М. С. Горбачева [Палажченко 2002, 2005].

В выступлениях англоговорящих политиков регулярно встречаются метафорические кластеры. Пример кластера в одном предложении (выступление Джона Маккейна): *Let me just offer an advance warning to the old, big-spending, do-nothing, me-first-country-second crowd: change is coming* [http://www.nytimes.com/2008/09/05/us/politics/05repubs.html?_r=1]. → Я хочу заранее предупредить эту дряхлеющую толпу, которая много тратит, ничего не делает, живет по принципу «сначала я, потом страна»: грядут перемены (перевод наш. — М. Б.).

В одном предложении ИТ мы видим цепочку из четырех (!) голофрастических эпитетов. Эти, как их принято называть, «структурные экзотизмы» невозможно перевести на русский язык «напрямую». Когнитивная информация остается, но часть эмоциональной и эстетической теряется.

Приведем более объемный отрывок — из инаугурационной речи Б.Обамы.

To the Muslim world, we seek a new way forward, based on mutual interest and mutual respect. To those leaders around the globe who seek to sow conflict, or blame their society's ills on the West - know that your people will judge you on what you can build, not what you destroy. To those who cling to power through corruption and deceit and the silencing of dissent, know that you are on the wrong side of history; but that we will extend a hand if you are willing to unclench your fist [http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/obama_inauguration/7840646.stm].

→ *Обращаясь к мусульманам мира — мы будем искать новых путей взаимопонимания на основе взаимовыгоды и уважения. Лидеры тех стран, что ищут конфликтов, или винят Запад в болячках своих народов, знайте: ваши народы будут судить вас по вашим созиданиям, а не разрушениям. Те, кто липнет к власти посредством коррупции, обмана и замалчивания голоса протестующих, знайте, что вы по другую сторону барьера истории, но мы все равно протянем вам руку, если вы разожмете кулак.* [http://traditio.ru/wiki/Инаугурационная_речь_президента_США_Б._Обамы].

Переводчику удалось передать большинство метафор. Однако метафора *to sow conflict* → *сеять конфликт* не передана; метафоры *судить вас по вашим созиданиям* и *вы по другую сторону барьера истории* звучат натянуто, искусственно. Приведенные примеры достаточно полно иллюстрируют проблематику, связан-

ную с передачей метафор и метафорических кластеров при переводе текстов политического дискурса.

3. Интертекстуальность. Одно из проявлений интертекстуальности — так называемые прецедентные феномены (ПФ). В последнее десятилетие тематика, связанная с ПФ, активно разрабатывается в российской лингвистике. Упомянем здесь только основополагающие труды Д. Б. Гудкова [Гудков 2003] и В. В. Красных [Красных 2002, 2003]. Появляются работы сопоставительного характера. В последние годы ПФ привлекли внимание переводоведов. Прецедентные феномены в широком понимании — любые широко известные имена, высказывания, тексты, ситуации, имеющие хождение и легко узнаваемые в данном лингвокультурном сообществе, — представляют собой интерес с точки зрения теории и практики перевода. Однако еще больший интерес представляет узкая трактовка ПФ, в которой под ними понимаются имена, высказывания, тексты, ситуации, имеющие метафорический потенциал [Бродский 2005; Brodsky 2007].

Рассмотрим несколько вопросов, представляющих интерес с точки зрения теории и практики перевода. Первый вопрос: имеет ли переводчик право *заменять* ПФ ИЯ на ПФ ПЯ? Например, можно ли было переводить сказанное вместо приветствия Дж. Шульцем М. С. Горбачеву *All the usual suspects are here*, известную фразу из фильма «Касабланка», грибоедовским *Знакомые все лица* [Палажченко 2005: 217—218]? Если да, то какова свобода при замене одного ПФ другим?

Второй вопрос: как передавать *национальные ПФ* (Штирлиц, Василий Иванович) в устном переводе, в условиях дефицита времени? Объяснение (переводческая экспликация) занимает много времени, а рассказанный политический анекдот не всегда бывает смешон. В таких анекдотах регулярно встречаются каламбуры. Каламбуры, основанные на омонимии (как в анекдотах про Штирлица) особенно трудны для передачи. Появление в текстах политического дискурса национальных ПФ «третьих культур», в терминологии В. В. Кабакчи [Кабакчи 2009], также вызывает трудности. Автору этих строк пришлось нелегко при переводе такого политического анекдота: *Малыш спрашивает у Карлсона: — Карлсон, а ты за какую партию будешь голосовать? — Конечно, за «Единую Россию», что за вопрос! — Но почему? — О, там такая крыша!* Дело в том, что Карлсон, в отличие от Пеппи, в американской культуре практически не знаком. В книжных магазинах США перевод этой книги найти почти невозможно. В концовке анекдота (the punch line), кроме того, имеем каламбур.

Даже при том, что политические анекдоты — это периферия политического дискурса и не каждому устному переводчику приходится

переводить их, они ярко иллюстрируют проблематику, связанную с передачей национальных ПФ.

Что делать переводчику, если патрон все-таки рассказывает такой анекдот, который относится, по А. Нойберту, к текстам для внутреннего употребления? Выдающийся российский лингвист и переводчик А. Д. Швейцер вспоминает, как однажды переводчик-синхронист ООН «решился на отчаянный шаг. “Дамы и господа, — сказал он, — сейчас оратор рассказал совершенно непередаваемый анекдот, но я думаю, что ему будет приятно, если вы засмеетесь”. В зале раздался смех посочувствовавших бедному переводчику слушателей» [Чужакин, Палажченко 1999: 44]. В устном общении с известными российскими переводчиками автор этих строк слышал такие рекомендации: надо сказать «В этом месте у нас в России смеются». Сам А. Д. Швейцер пошел по другому пути: «Поскольку <...> анекдоты генерала были, по существу, непередаваемыми, я обзавелся американским сборником, содержащим шутки на все случаи жизни, и тщательно его проштудировал. Выслушав очередной образец генеральского юмора, я пересказывал вместо него один из подходящих по ситуации анекдотов из сборника, причем с неизменным успехом» [Чужакин, Палажченко 1999: 71].

В некоторых ситуациях переводчику приходится играть роль эксперта по межкультурным коммуникациям и объяснять инвариант восприятия национального ПФ. Поскольку набор «героев» и «злодеев» в лингвокультурных сообщениях различается, наблюдаются случаи энантиосемии ПФ [Гудков 2003: 161]. Так, когда студенты-монголы подарили своим преподавателям в знак благодарности статуэтку Чингисхана, последовала тяжелая пауза (пример Д. Б. Гудкова). Одно и то же прецедентное имя, ситуация и т. д. может восприниматься с точностью до наоборот. В этом случае во избежание коммуникативной неудачи переводчик должен проявить культурологическую компетенцию и помочь коммуникантам понять намерения друг друга.

Следующий вопрос: что делать в случаях обновления ПФ? Приведем примеры обновления ПФ из [Titelman 1997]:

– 1611 г.: *Misery makes strange bedfellows* (W. Shakespeare) → *С кем не поведешься в нужде;*

– 1870 г.: *Politics make strange bedfellows* (Ch. Warner) → *В политике с кем не поведешься или В политике создаются странные союзы/альянсы;*

– 1994 г.: *Bedfellows make strange politics* (Headline, New York Times Book Review) → *Союзники делают странную политику или Союзники в политике с кем не поведутся.*

Совершенно очевидно, что связь между прецедентной фразой и текстом в сознании русской языковой личности и так слаба. Обновление делает эту связь еще слабее или разрывает ее вовсе. Нам представляется, что ни за

одним из предложенных нами вариантов перевода фразы *Bedfellows make strange politics* тень Шекспира не видится.

Словари не всегда успевают фиксировать ПФ и афоризмы политиков. Афоризмы, используемые англоязычными политиками, проиллюстрируем знаменитым рейгановским *evil empire* → *империя зла* и трумэновским *The buck stops here* → *Доллар останавливается здесь* (т. е. ‘все окончательные решения принимаются здесь, здесь последняя инстанция’). Такие афоризмы имеют шанс войти в группу прецедентных феноменов. Однако у прецедентных имен и высказываний, напомним, должна быть некая связь с текстом, в котором они впервые появились. Афоризмы отрываются от текстов-родителей и живут своей собственной жизнью. Одноязычная, и тем более двуязычная лексикография не успевает фиксировать крылатые высказывания политиков. Двуязычная политическая «крылатология» представляется нам перспективным направлением исследований (термины «крылатология» и «крылатика» используются авторами словаря [Клюкина, Клюкина-Витюк, Ланчиков 2004: 3]).

Еще одна черта современного политического дискурса — аллюзии на сакральные тексты. Политический и религиозный дискурсы могут «переплетаться». Религия в конце XX — начале XXI вв. влияет на политику все больше [Albright 2006]. Так, в дискурсе Б.Обамы значительное место занимают мессианские мотивы (сейчас в меньшей степени, чем до прихода к власти), аллюзии на библейские сюжеты и речи М. Л. Кинг-мл. [Шустрова 2010]. Весьма плодотворными в этой связи представляются исследования на пересечении дискурсов (интердискурсов).

4. Парадигма политкорректности. Постколониальное западное общество, движения за права женщин и сексуальных меньшинств привели за последние десятилетия к значительным изменениям в лексическом составе английского языка.

Колониализм, этот «первородный грех Европы и Америки», вызывает в постколониальном обществе чувство вины [Гачев 2003]. Постколониализм стал диктовать выбор литературы для перевода и выбор лексики. Политкорректная лексика появляется как желание вербально изгладить вину. В книгах Д. Карнеги еще встречается слово *negro*, которое невозможно сегодня на страницах печати. Хорошо известна история о том, как из соображений политической корректности А. Кристи переименовывала одну из своих лучших книг: *Ten Little Nigger boys* ‘Десять негрятят’ → *Ten Little Indian Boys* ‘Десять маленьких индейцев’ → *And then There Were None* ‘...И никого не стало’ [Кабакчи 2010]. В переводе, вторичном тексте, название «Десять негрятят» на русском языке не менялось, и еще больше закрепилось в сознании русской языковой личности благодаря другому вторичному тексту — фильму С. Говорухина.

Что касается «политически корректного» выбора самой литературы для перевода, то сегодня все больший удельный вес приходится на произведения афроамериканских, латиноамериканских, африканских и азиатских авторов. Все громче звучат требования к переводчикам сохранять национальный колорит, иначе в условиях глобализации и большого объема выпускаемой литературы появляются этакие «новопереводы» (*with-it translatese*), в которых «проза женщины из Палестины начинает напоминать прозу мужчины из Тайваня» [Spivak 2008: 372].

В гендерных политкорректных эвфемизмах наблюдается нейтрализация по признаку пола путем ухода от «сексистских» суффиксов *-man*, *-woman*, *-er* и *-ess*:

– *policeman, policewoman* → *police officer* ‘офицер полиции’;

– *chairman, chairwoman* → *a chairperson* или даже *chair* ‘председатель’ (обращение *Madam Chair* звучит пикантно);

– *air hostess* → *flight attendant* ‘бортпроводник’;

– *waiter, waitress* → *server*;

– *fireman* → *a firefighter* ‘огнеборец’, и т. д.

В последнем примере суффикс *-er* оказывается меньшим гендерным «злом», чем ненавистный дискриминирующий «мужской» суффикс. Само слово *women*, по наблюдениям некоторых исследователей, все чаще пишется как *womun* или даже *wimmin* во избежание ассоциации со словом *man* [Тер-Минасова 2000: 216].

Нужно ли отражать такие изменения в переводе? Отрицательный ответ, казалось бы, очевиден. Внутренняя форма слова вторична. Носители русского языка вряд ли обращают особое внимание на сочетания *диссертант Иванова* или замечают катахрезы вроде *рыжая белка, красное белье, фруктовый чай* (в советское время — *ячменный кофе*) и т. п.

Вместе с тем переводчицы-феминистки, например Сюзанн Лотбиньер-Харвуд (*Susanne Lotbinière-Harwood*), считают, что перевод — это своего рода политический манифест переводчицы: *My translation practice is a political activity aimed at making language speak for women* [Simon 1996: 15]. → *Моя переводческая работа является политической деятельностью, целью которой — заставить язык говорить от лица женщин* (перевод наш. — М. Б.). Переводчицы-феминистки пробуют вносить в английский язык не только лексические, но и орфографические изменения, например *auther* [Simon 1996: 21] вместо *author* ‘автор’ и др. Политически корректный перевод слов/фраз в гомосексуальном дискурсе представляет собой еще одно направление исследований [Munday 2008: 130—131].

Следующий вопрос: как передавать при переводе политкорректные эвфемизмы-словосочетания? В английском языке, особенно американском варианте, их десятки:

– *deaf* ‘глухой’ → *aurally inconvenienced*, что-то вроде «испытывающий слуховые неудобства»;

– *drunk* ‘пьяный’ → *person of different sobriety* — «человек альтернативной трезвости» или *tired and emotional* — «уставший и эмоциональный»;

– *old* ‘старый’ → *temporally challenged* — «преодолевающий временные трудности» или *experientially enhanced* — «обремененный опытом», или *senior citizen* — «старший гражданин».

Одним из наиболее продуктивных в образовании новых эвфемизмов является суффиксид *-challenged*:

– *an invalid* ‘инвалид’ → *a physically challenged person*, что можно попробовать перевести как «человек, преодолевающий физические трудности»;

– *fat* ‘толстый’ → *horizontally challenged* — «преодолевающий горизонтальные трудности»;

– *bald* ‘лысый’ → *follicularly challenged* — «преодолевающий фолликулярные трудности» или «фолликулярно отсталый»;

– *orphan* ‘сирота’ → *parentally challenged* — «преодолевающий трудности, связанные с родителями» (вообще-то — с их отсутствием!);

– *retarded* ‘умственно отсталый’ или *stupid* ‘тупой’ → *mentally challenged* или *cerebrally challenged* — «преодолевающий умственные трудности»;

– *bad cook* «плохой повар» → *culinarily challenged* — «преодолевающий кулинарные трудности» или «кулинарно дезориентированный».

В частных беседах с автором этих строк американские дипломаты неоднократно выражали пожелание видеть/слышать в ПТ эвфемизмы. Во-первых, пожелание патрона к переводчику и тексту перевода — закон. Во-вторых, хороший переводчик должен, по Н. В. Гоголю, стать «как стекло». Следовательно, политкорректные эвфемизмы следует передавать эвфемизмами, делая максимально близкую кальку. Вместе с тем мы переводим не только с языка на язык, но и с культуры на культуру, а в нашей, русскоязычной культуре эвфемизмы распространены отнюдь не так широко. Проблему усугубляет то обстоятельство, что до сих пор далеко не все эвфемизмы, порожденные толерантностью, зарегистрированы толковыми словарями, не говоря уже о словарях двуязычных. Прорекларировать благое намерение всегда проще, чем претворить его в жизнь. Политически корректные эвфемизмы иногда столь замысловаты, что от переводчика требуется недюжинная фантазия, чтобы из контекста, если под рукой нет электронных ресурсов, угадать смысл сказанного и «за деревьями увидеть лес»:

– *domestic incarceration survivor* ‘выживший домашнее заключение’ → *housewife* ‘домохозяйка’;

– *canine American* ‘собачий американец’ (по-русски звучит грубо, нет аналогичного прилагательного);

тельного латинского происхождения) → *dog living in the US* ‘собака, живущая в США’.

Поставленная проблема серьезна, и решение ее вряд ли может быть быстрым и однозначным. Толерантность нужно воспитывать еще со школьной скамьи, обогащая речь юной языковой личности словами, дотоле ей неизвестными. Необходимо расширять границы языка, ибо «границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 1994: 56]. Пока же, в обозримом будущем, расширять границы нашего мира и нашего языка предстоит общими силами и писателям, и журналистам, и филологам, и переводчикам.

Необходимо сквозь смех и слезы создавать корпус политкорректных эвфемизмов, например:

- худший → наименее удачный;
- двоечник → трудно успевающий;
- труп → с метаболическими отличиями или с недостаточной жизненной энергией;
- домохозяйка → художник по дому;
- обманщик → этически дезориентированный;
- ленивый → с мотивационной недостаточностью;
- зануда → не обремененный шармом;
- вор-домушник → нетрадиционный гость.

Дискуссию о том, как передавать в переводе политкорректные эвфемизмы, необходимо продолжать.

5. Этикетные моменты в УП. Данный аспект в литературе называют также «деонтологическим» [Левитан 1999; Аликина 2010]. Если патрон допускает ошибку или грубость, имеет ли переводчик право «отредактировать» его в переводе, нейтрализовать грубость, чтобы не допустить скандал? По словам И. Кириловой, британской переводчицы королевской семьи, профессиональный переводчик не имеет права даже заговаривать с патроном в паузах [Петренко, Чужакин 1999: 10—11]. Как справедливо отмечает другой топ-переводчик, Б. Беглин, если одна сторона оскорбляет другую, переводчик обязан переводить [Петренко, Чужакин 1999: 35]. Править патрона переводчик может только если он наделен статусом дипломата или у него с патроном сложились доверительные отношения. «Высокопоставленные лица недаром предпочитают иметь своих переводчиков, они в этом случае менее напряжены и уверены, что переводчик их “подправит”» [Миньяр-Белоручев 1999: 24].

Переводчик может сделать корректировку на свой страх и риск, но последствия в этом случае непредсказуемы. Д. Штайн, герой книги Л. Улицкой [Улицкая 2006], прототипом которого послужил Освальд Руфайзен, работая переводчиком, спас — в том числе и намеренно неправильным переводом — многие жизни. Противоречивые истории из практики мы находим в воспоминаниях переводчиков самого высокого уровня. В профессиональной среде ходит мно-

го историй о том, как непросто приходилось переводчикам Хрущева: «...он буквально истязал [переводчиков] своими прибаутками. <...> Помимо хорошо известного выражения Хрущева “кузькина мать” мне приходилось переводить и такие его перлы, как “баба с возу — кобыле легче” и “со свиным рылом в калашный ряд”. Понятно, что Насеру так и не посчастливилось оценить по достоинству сочность и аромат этих выражений и пришлось довольствоваться приблизительными эквивалентами, тем более что упоминание свиньи оскорбляет ухо правоверного мусульманина» [Кирпиченко 1993: 63]. Поправляя Н. С. Хрущева и Р. К. Миньяр-Белоручев, когда лидер СССР стал гневно обвинять албанского лидера Э. Ходжу: «“И этот человек обос...л нас с ног до головы, туды его мать!” На последней фразе у меня, естественно, происходит запинка <...> [и перевод] звучит значительно мягче: “...покрыл нас грязью с ног до головы”. После речи Хрущева объявляется перерыв, и я выхожу из кабины. Меня ждет референт ЦК КПСС <...> Он холодно спрашивает: “Кто разрешил вам поправлять генерального секретаря нашей партии? <...> Вам придется за это отвечать”, уходит. Через десять минут он появляется, отводит меня в сторону и доверительно шепчет: “Никита Сергеевич просил поблагодарить вас. Он не хотел, чтобы его грубые выражения прозвучали на всех языках”» [Чужакин, Палажченко 1999: 71]. Во время визита в Камбоджу К. Е. Ворошилов увидел храмовый комплекс, золотые статуи богов и «забурчал: “Сами без порток ходят, а куда деньги вбухивают, азиаты!..” Руководители Камбоджи обратились к переводчику: мол, что сказал высокий гость?

И тот без запинки перевел:

— Товарищ Ворошилов восхищается великой историей Камбоджи и говорит, что вся прогнившая западная цивилизация не стоит и мизинца этих великолепных статуй!» [Чужакин, Палажченко 1999: 22] Однако переводчики Сталина [Бережков 1993] и Гитлера [Шмидт 2001] править своих патронов не осмеливались.

Если переводчик становится доверенным лицом, специалистом по межкультурной коммуникации в широком смысле (К. Райс, Х. Фермеер), к нему могут обратиться с самыми разнообразными просьбами и поручениями: от обучения иностранному языку до чтения лекций и разбора иностранной корреспонденции [Верников 1967]. Военному переводчику могут даже поручить самостоятельно вести допрос военнопленного [Там же].

Затронутая в настоящей статье проблематика указывает на соприкосновение интересов политической лингвистики и переводоведения. Каждый из намеченных пунктиром аспектов заслуживает более глубокого исследования.

Когнитивистика — это «федерация наук» [Будаев, Чудинов 2008: 38], и в эту федерацию на правах полноправного члена стремится всту-

пить сегодня и переводоведение. Действительно, исследования на стыке (когнитивной) лингвистики и перевода имеют большой эвристический потенциал [Хайруллин 2010: 131]. Известный тезис Цицерона, что переводить нужно «не по счету, а по весу», привел на рубеже XX и XXI вв. к рождению когнитивного переводоведения, которое утверждает: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Когнитивное направление в переводоведении открывает новые горизонты во многих междисциплинарных областях.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. — М., 2008.
- Аликина Е. В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода. — М., 2010.
- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М., 2007.
- Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. — М., 1993.
- Бродский М. Ю. Прецедентные феномены в переводе и при обучении переводу: постановка проблемы // Проблемы обучения переводу в языковом вузе. — М., 2005. С. 6—7.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М., 2008.
- Верников С. М. Записки военного переводчика. — Пермь, 1967.
- Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы. — М., 2004.
- Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
- Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М., 1980.
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. — Л., 1976.
- Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. — М., 2003.
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М., 2003.
- Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
- Кабакчи В. В. Англоязычное описание русской культуры. — М., 2009.
- Кабакчи В. В. Ошибка Агаты Кристи // Известия.ру. 2010. 28.11.
- Кирпиченко В. А. Из архива разведчика. — М., 1993.
- Клюкина Т. П., Клюкина-Витюк М. Ю., Ланчиков В. К. Политика и крылатика. — М., 2004.
- Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М., 2002.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. — М., 2003.
- Крупнов В. Н. Курс перевода. Английский язык: общественно-политическая лексика. — М., 1979.
- Крупнов В. Н. Пособие по общественно-политической и официально-деловой лексике. — М., 1984.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.
- Левитан К. М. Педагогическая деонтология. — Екатеринбург, 1999.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. — М., 1996.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? — М., 1999.
- Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика). — М., 2002.
- Палажченко П. Р. Несистематический словарь-2005. — М., 2005.
- Петренко К. В., Чужакин А. П. Мир перевода—4. Top Translators Talk on Tape. Transcript to Audio Course. — М., 1999.
- Спутник устного переводчика. Тематический словарь переводчика-практика [ред. М. Ю. Бродский]. — Екатеринбург, 2008.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000.
- Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик. — М., 1996.
- Хайруллин В. И. Перевод и фреймы. — М., 2010.
- Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках. — М., 2009.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М., 2007.
- Чужакин А. П. Основы последовательного перевода и переводческой скорописи. — М., 2010.
- Чужакин А. П., Палажченко П. Р. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. — М., 1999.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. — М., 1973.
- Шустрова Е. В. Дискурс Б. Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2(32). С.77—91.
- Шмидт П. Переводчик Гитлера. — Смоленск, 2001.
- Albright M. The Mighty and the Almighty: Reflections on America, God, and World Affairs. — N. Y., 2006.
- Brodsky M. Learning Cultures in the Age of Globalization (precedent phenomena in intercultural communication and translation) // Russia and China in the Modern Global World. — Chanchun, 2007. P. 257—264.
- Buzadzhi S. Translating the News into English // Мосты. Журнал переводчиков. 2009. № 4 (24). С. 42-44.
- Lakoff G. Metaphor, Morality, and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In the Dust. 1995. URL: <http://www.wvcd.org/issues/Lakoff.html>.
- Marret C. Idioms // Encyclopedia of Linguistics [ed. by Ph. Strazny]. N. Y., 2005. Vol. 1. P. 494—495.
- Munday J. Introducing Translation Studies. — L.; N. Y., 2008.
- Neubert A. Text and Translation. — Leipzig, 1985.
- Pratt M. L. Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. — L.; N. Y., 1992.

Pym A. Epistemological Problems in Translation and Its Teaching: A Seminar for Thinking Students. — Caminade, 1993.

Robinson D. Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. — N. Y., 2002.

Simon S. Gender in Translation: Cultural Identity and the Politics of Transmission. — L.; N. Y., 1996.

Snell-Hornby M. The Turns of Translation Studies. — Amsterdam, 2006.

Spivak G. The Politics of Translation // The Translation Studies Reader [ed. By L. Venuti]. — N. Y., 2008. P. 369—388.

Titelman G. Y. Random House Dictionary of Popular Proverbs and Sayings. — N. Y., 1997.

Vermeer H. Skopos and Commission in Translation Action // The Translation Studies Reader [ed. By L. Venuti]. — N. Y., 2008 P. 227—238.

**Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев
и доцент М. Б. Ворошилова**

Е. В. Булипопова
Тирасполь, Молдова

E. V. Bulipopova
Tiraspol, Moldova

**ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ:
ПРОБЛЕМА И ПОНЯТИЕ
В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

**DOUBLE STANDARDS:
PROBLEM AND TERM
IN THE DISCOURSE
OF MODERN POLITICAL THEORY**

Аннотация. Рассматривается вопрос о роли в современном политологическом дискурсе категории двойных стандартов. Автор на основе анализа традиционных подходов к вопросу о двойных стандартах дает собственную дефиницию понятиям «двойные стандарты» и «политика двойных стандартов», а также вводит новую категорию «механизм (принцип) двойных стандартов», позволяющую сделать предположение о существовании объективных закономерностей, связанных с развитием ситуаций двойных стандартов.

Abstract. The article observes the question about special place of “double standards” category in the field of modern political theory. By means of analysis of traditional approaches to the problem, the author gives her own definition to the terms “double standards” and “double-standard policy”. Moreover, she proposes a new category — “double-standard principle” — that allows to make a suggestion about existence of objective laws related with double-standard situations’ development.

Ключевые слова: политика; политология; политика двойных стандартов; двойные стандарты; принцип двойных стандартов; дискурс; структурализм; власть; неравенство; равенство; справедливость; сила; право; закон; методология политической науки; философия политики.

Key words: politics; politology; double-standard politics; double standards; double-standard principle; discourse; structuralism; rule; inequality; equality; justice; power; right; law; methodology of political science; political philosophy.

Сведения об авторе: Булипопова Екатерина Валерьевна, соискатель Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

About the author: Bulipopova Ekaterina Valeryevna, Competitor for a Degree at Philosophy and Law Institute, Russian Academy of Science, Ural Department (Ekaterinburg).

Место работы: политический консультант, группа О. А. Матвейчева

Place of employment: Political Advisor, Group of O. A. Matveychev.

Контактная информация: 3300, Молдова, Приднестровье, Тирасполь 5-24.
e-mail: aerocat@inbox.ru.

Словосочетание «проблема двойных стандартов» сегодня чаще всего звучит в конкретном социально-политическом контексте. Тем не менее современная политология имеет возможность обрести новые горизонты для исследования путем формулирования обособленной научной проблемы, связанной с осмыслением, дефиницией и классификацией двойных стандартов. Если до сих пор не был поставлен вопрос о теоретическом освоении данной проблематики, то виной тому, скорее всего, традиционные подходы к осмыслению и объяснению феномена двойных стандартов. В целом можно выделить два «классических» подхода.

Естественно-правовой подход использует в качестве отправного пункта логической цепочки суждение о существовании неких естественных прав, которые в равной степени доступны каждому человеку. Перед лицом этого естественного права все люди равны, соответственно, любые попытки установить двойственные правила поведения с точки зрения данного подхода являются неправомерными, несправедливыми, а потому и определение двойных стандартов всегда носит оттенок негатива. Вот несколько примеров естественно-правовой де-

финиции термина «двойные стандарты» в гендерном контексте:

• «Двойной стандарт — какой-либо кодекс или набор установлений, содержащий разные условия для разных групп людей, в частности, неписанный кодекс сексуального поведения, предоставляющий мужчинам большую свободу по сравнению с женщинами» [Random House Dictionary 2009];

• «...набор принципов, предполагающий большие возможности и свободы для одного, и меньшие — для другого, особенно в сексуальной сфере» [Dictionary of the English Language 2009];

• «...система принципов, устанавливающих разные возможности для разных групп, например, позволяющих мужчинам пользоваться большей сексуальной свободой, нежели женщинам. К примеру, девушка жалуется на то, что ее отец практикует двойные стандарты: брату разрешено встречаться с девушками, а ей с парнями — запрещено, даже несмотря на то, что она старше» [Dictionary of Idioms 1997];

• «...различные нормы поведения для мужчин и женщин» [Сексологический словарь];

• «...термин “двойной стандарт” обращается к тому факту, что мы имеем разные нормы для

сексуального поведения мужчин и женщин» [The Double Standard].

Однако при всем многообразии гендерных определений «двойного стандарта», это выражение давно уже стало привычным для самых разнообразных дискурсов — от религиозного до международно-политического. Русскоязычная «Википедия» также критически определяет понятие: «“двойной стандарт” — термин, широко распространенный в современных политологии, журналистике, экономике, общественности и других гуманитарных науках, обозначающий разное отношение и разную оценку одних и тех же, а чаще аналогичных событий и ситуаций одними и теми же оценщиками в силу их предвзятости, изменившихся обстоятельств, личной корысти, эмоционального состояния и т. п.» [Википедия]. Популярный интернет-справочник «Глоссарий.ру» дает следующее определение: «Двойной стандарт — официально отрицаемый, но практикующийся и молчаливо признаваемый нормой, дискриминационный подход к оценке поведения, прав и обязанностей представителей разных категорий населения, разных стран, рас и т. п.» [Двойной стандарт]. Словарь «Babylon English-English Dictionary» определяет этот термин как «моральный код или стандарт, применяемый более строго к одной группе людей или обстоятельств, чем к другой; стандарт, НЕ применяемый в равной степени ко всем людям» [Babylon English-English Dictionary]. Оксфордский словарь английского языка трактует двойные стандарты как «правило, принцип, суждение и т. п. с точки зрения более строгого применения в отношении одной группы людей, обстоятельств и т. п., чем к другой» [The Oxford English Dictionary 2000].

Согласно естественно-правовому варианту логики, чем более цивилизованным становится человеческое общество, чем более однородным становится политико-правовое пространство, тем более редкими должны стать проявления политики двойных стандартов. Но практика показывает, что сам дискурс о двойных стандартах (как и соответствующее понятие) возник совсем недавно — по данным словаря «Merriam-Webster's», в конце XIX в. [Webster's Ninth New Collegiate Dictionary: 377], — а не в глубокой древности, когда несправедливости и произвола было куда больше, чем в наши дни, ввиду фрагментированности правового поля. Представление о триумфе цивилизованного мышления в духе политического идеализма и нормативизма не в силах объяснить этот парадокс, что немудрено: начинать исследование феномена реальности с его осуждения как минимум нецелесообразно.

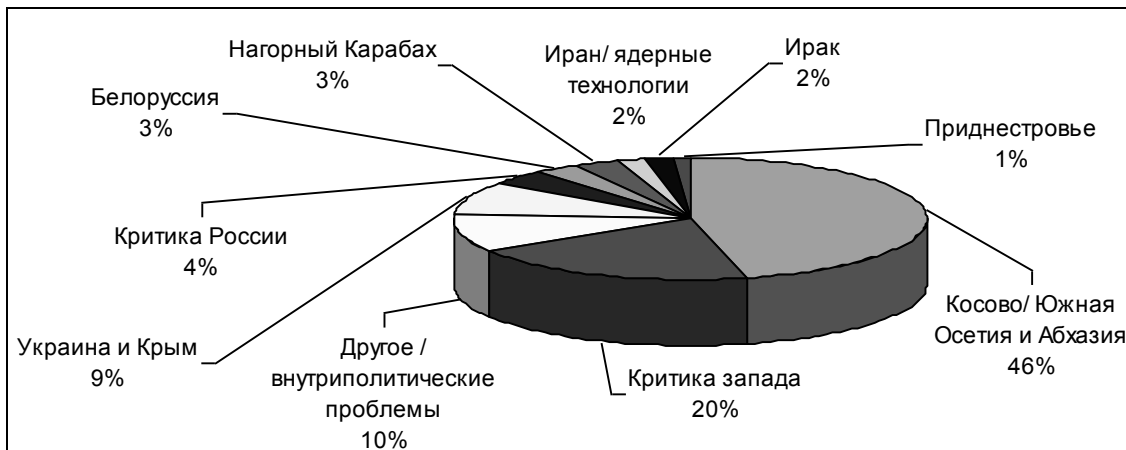
В последнее время обозначился еще один подход к осмыслению понятия и феномена двойных стандартов, который условно может быть назван *онтологическим*. Так, российская исследовательница-юрист А. С. Тимощук определяет двойной стандарт как «несимметричное

поведение в аналогичных ситуациях» и выводит природу этого феномена из объективной гетерогенности окружающего мира, отмечая, что «борьба с ДС (двойными стандартами — прим. авт.) возможна в нравственном смысле как неприятие лицемерия, в правовом смысле как требование справедливости, но бессмысленна в онтологическом смысле как борьба со множественностью, плюральностью и неоднородностью» [Тимощук 2007]. Признание имманентности феномена двойных стандартов как проявления многоликости объективного мира справедливо предполагает наличие у механизма двойных стандартов неких бытийных корней. Однако не совсем верно обнаруживать их в физической неоднородности жизни. Можно согласиться с тем, что универсального стандарта быть не может, но тогда само понятие «двойной стандарт» лишается смысла, так как корректнее будет назвать его «множественным стандартом». В любом случае, такой подход не отвечает на вопрос о том, почему именно сегодня человечество заговорило о необходимости борьбы с двойными стандартами. Более того, он не объясняет того факта, что сам термин «двойной стандарт» появился не в начале времен, а относительно недавно, хотя это противоречит логике, согласно которой язык и дискурс всегда хронологически связаны. Лаконичное и красивое определение «двойных стандартов» как несимметричного поведения в аналогичных ситуациях не просто не выделяет этот термин из плотного дискурсивного тела современной политической и правовой науки, а, наоборот, растворяет его в разнообразных понятиях вплоть до полной потери идентичности. «Живая жизнь», как назвал ее Ф. М. Достоевский, на самом деле зиждется на асимметрии и неравенстве, однако означает ли это, что современное звучание проблемы двойных стандартов можно свести к понятию о многообразии жизненных форм и неравномерности их распределения? Теоретическая картина мира, в которой двойные стандарты присутствуют везде и — вербально — нигде, провозглашает необходимость не дискурса о двойных стандартах, а скорее «дискурса о дискурсе» в политологии, ибо сегодня понятия и термины слишком часто семантически перекрывают или закрывают друг друга, демонстрируя рассеянность современного научно-политического сознания.

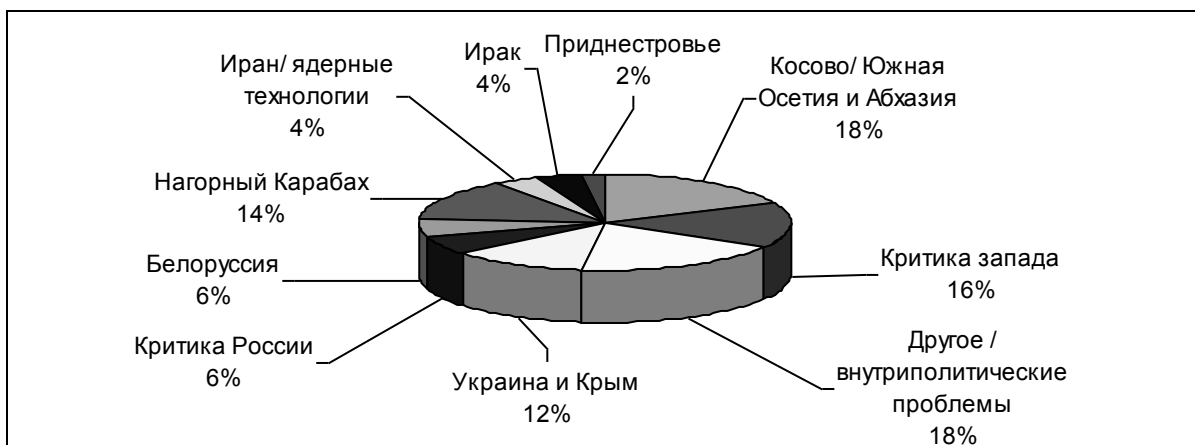
Таким образом, обе цепочки суждений, исходящие из противоположных понятий (равенство/неравенство), сходятся в одном и том же логическом тупике, в котором само понятие «двойные стандарты» лишается смысла, а дискурсивную основу с помощью односторонне дефинированного термина постичь невозможно. Кроме того, подобные трактовки упускают из виду важный момент — конъюнктурный характер использования термина «двойные стандарты». Последнее особенно ярко проявляется в ситуациях, когда некая социальная группа об-

ращается к терминологии двойных стандартов с тем, чтобы отстоять или получить определенные политико-правовые привилегии. К примеру, контент-анализ русскоязычного интернет-дискурса по проблеме двойных стандартов показывает, что дискурсивная активность вокруг данной проблемы изменяется в соответствии с политической конъюнктурой. Так, если до августа 2008 г. и событий в Южной Осетии основным контекстом для обсуждения проблемы

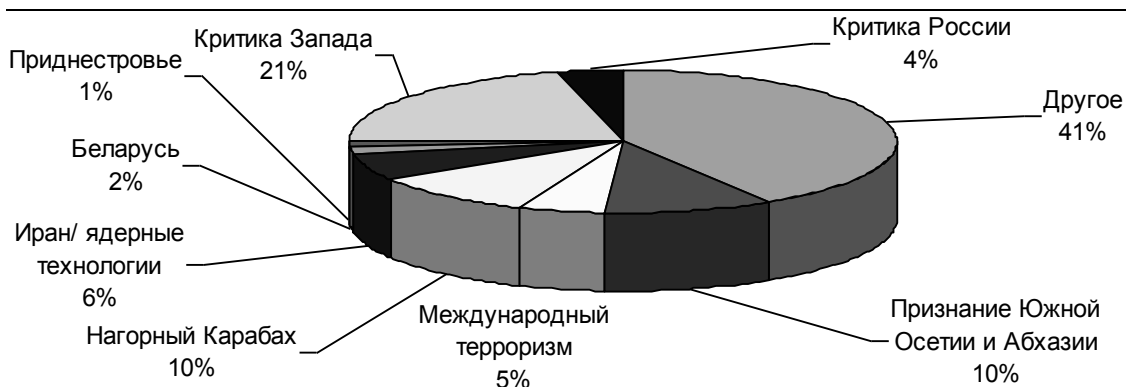
двойных стандартов в «рунете» была проблема признания самопровозглашенных государств (Косова, Абхазии, Южной Осетии и т. п.) и вопросы внешней политики в целом, то в последующие годы доля международно-политического контекста существенно уменьшилась, что закономерно, учитывая вступление России в игру по правилам двойного стандарта на уровне региональной и мировой политики (см. диаграммы 1, 2, 3)^[1].

Диаграмма 1. Контекст употребления термина «политика двойных стандартов» в русскоязычных ресурсах Интернета за 2008 г. (выборочный контент-анализ 100 самых популярных ссылок)

Диаграмма 2. Контекст употребления термина «политика двойных стандартов» в русскоязычных ресурсах Интернета за 2009 г. (выборочный контент-анализ 100 самых популярных ссылок)

Диаграмма 3. Контекст употребления термина «политика двойных стандартов» в русскоязычных ресурсах Интернета за январь—август 2010 г. (выборочный контент-анализ 100 самых популярных ссылок)

Итак, термин «двойные стандарты» появился в XIX в. и сегодня употребляется в политтехнологических целях, при этом ни одна из известных дефиниций не поясняет генезис и особенности практического использования понятия.

Подход к проблеме, применяемый в данном исследовании, можно назвать *структуралистским*, так как выражается он известной формулой: структура определяет поведение элементов системы, порой независимо от их собственных желаний и интересов. В любом случае при изучении феномена политики двойных стандартов только та логика, которая позволит обнаружить настоящую дискурсивную идентичность (структуру) такого лингвистического парадокса, как двойные стандарты, имеет возможность определить окончательное место данного термина в понятийном поле современной политологии.

С точки зрения структуралистского подхода, *двойной стандарт* — это совокупность авторитетных суждений, норм и принципов, теоретически обосновывающих и/или фактически устанавливающих неравновесное положение элементов политико-правовой системы при формальном юридическом равенстве последних.

Данная дефиниция позволяет отделить понятие двойного стандарта от категории «политика двойных стандартов», с одной стороны, и открывает путь к пониманию и теоретическому освоению такой специфической категории, как «механизм двойных стандартов», с другой. Факт существования указанного «механизма» как некоего принципа, объективного дискурсивного элемента не подлежит сомнению, хотя бы из соображений «доказательства от противного». Если стереотипные, традиционные структуры языка и массового сознания обречены на применение в политических целях, как основание для политтехнологий, то активное политтехнологическое использование какого-либо термина указывает на наличие у этого термина глубоких корней в массовом сознании.

Суть двойных стандартов открывается только после сознательного отказа от поисков ответа на вопрос, что было изначально — равенство людей или неравенство. Структуралистская логика направлена прежде всего на поиск объективных дискурсивных механизмов и структур, отраженных в живом зеркале структур языковых. Попытаемся изобразить ситуацию двойных стандартов «в разрезе», учитывая общеизвестное представление о том, что представляет собой названный феномен.

Предположим, что в едином правовом поле (это обстоятельство «дано») взаимодействуют два равных элемента — «актор А» и «актор Б». После появления в поле взаимодействия нового элемента под названием «двойные стандарты» (ДС) один из элементов получает социально-политический статус привилегированного, соответственно, второй элемент становится

непривилегированным, нижестоящим по отношению к первому. Логические круги Эйлера позволяют с легкостью визуализировать схему соотношения дискурсивных единиц, где элемент «ДС» перекрывает два равнозначных элемента-«актера» с образованием в каждом случае нового дискурсивного элемента с разными характеристиками (в данном примере это «управляющие» и «подчиненные»).

Участки соприкосновения дискурсивных элементов «ДС» и «актер» есть не что иное как дискурсивное и, соответственно, понятийное пространство, в котором происходит политическое кодирование формально равнозначных элементов, взаимодействующих в рамках ситуации двойных стандартов. Именно наличие этого пространства позволяет сообщать объективно одинаковым элементам принципиально разные качества, определяющие их социально-политическую субъектность. Впрочем, механизм должен и может работать в обратном направлении, иначе понятие «двойные стандарты» лишилось бы своего смысла. В том случае, если бы вначале элементы «актер А» и «актер Б» носили названия соответственно «элита» и «массы», то появление элемента двойных стандартов в дискурсивном пространстве дало бы группе Б возможность установить желаемое равноправие (или вернуть его — терминология будет зависеть от системы популярных идей и мифов, принятых в данном дискурсивном пространстве).

В обоих вариантах условный «актер Б», попавший на низшую ступень в фактической политико-правовой иерархии, может изменить положение вещей только с помощью апелляции к тому же механизму, который когда-то его «понижил». Если момента «понижения» никто не помнит, или нет неосязаемого единого правового пространства, точнее, идеи такого пространства, шансов на легальное установление равенства нет. Как нет его при отсутствии дискурсивного элемента, скрывающегося за понятием «двойные стандарты».

Рассмотрим эту теоретическую схему с точки зрения основных смысловых единиц, коррелирующих с понятием «двойные стандарты» — неравенство, власть, сила, интерес, норма. Эта процедура поможет более четко определить дискурсивную идентичность проблемы и терминологии двойных стандартов.

Первым понятием, от которого следует дистанцировать термин «двойные стандарты», — неравенство. Как следует из схемы, не двойные стандарты есть проявление неравенства в дискурсивном пространстве, а наоборот, неравенство есть следствие действия механизма двойных стандартов — категории, не сводимой к понятиям «двойные стандарты» или «политика двойных стандартов». То же самое относится и к понятию равенства. Работа механизма в обоих направлениях особенно подчеркивает семантику термина — именно «двойной», а не

«тройной» или какой бы то ни было еще. Подобно шарнирному соединению, позволяющему переводить две детали в разные плоскости одна относительно другой, а затем снова выравнять их на одной плоскости, механизм двойных стандартов одинаково эффективно работает и на установление неравенства, и на установление равенства. Если же вести разговор о двойных стандартах в терминах современной политической науки, то их можно назвать тем принципом взаимодействия, который позволяет переходить субъектам политической системы с горизонтального (координационного) уровня на вертикальный (субординационный) и наоборот.

Таким образом, можно заключить, что *механизм (принцип) двойных стандартов — это структурный элемент социально-политической системы, проявляющий себя в полной мере только в условиях гомогенной правовой среды и позволяющий элементам системы перемещаться относительно друг друга с горизонтального уровня организации на вертикальный и наоборот.*

Сравнительно короткая феноменологическая история проблемы двойных стандартов не отменяет глубоких онтологических корней механизма двойных стандартов. Для более ясного понимания этих корней, а также структуры механизма сравним схему ситуации двойных стандартов с соотношением общественного, уникального и индивидуального типов сознания. При этом дискурсивный элемент «общественное сознание» будет перекрывать два равнозначных элемента: «уникальные сознания», образуют вместе с пространством пересечения элементов два новых сознания — «индивидуальное сознание-1» и «Индивидуальное сознание-2».

Круги Эйлера на второй схеме показали бы, во-первых, что смешение понятий «уникальное сознание» и «индивидуальное сознание» — грубейшая логическая ошибка, поскольку уникальное сознание составляет всего лишь часть сознания индивидуального наряду с участком, совпадающим с дискурсивным пространством общественного сознания. Другими словами, если некий герой-одиночка пожелает что-то изменить в умах человечества и во всем мире, то никакая душевная красота и конструкты его уникального сознания в этом деле не помогут. Везде и нигде, в каждом сознании частично и ни в одном сознании целиком присутствует общественное сознание, являющееся по сути единственным абсолютом и богом людей, реальность которого можно доказать. Структуры общественного сознания усваиваются в разной степени, так как процесс усвоения зависит все-таки от уникального сознания и несовершенной системы образования. Так появляются пролетарии с сознанием пролетариев, буржуа с сознанием буржуа, тираны и рабы с сознаниями тиранов и рабов. В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс немало времени уделяли теории

идеологий и классового сознания, вплотную приблизившись к пониманию значимости имманентной структуры общественного сознания [см. Маркс, Энгельс 1988]. С разных сторон приходили к этому же выводу культурологи, антропологи, психологи и политические философы^[2].

Дискурсивное пространство, на котором соединяются в каком-либо случае индивидуальные сознания с общественным, успешно используют политтехнологи и пиарщики. Аналогично в политтехнологических целях используется и механизм двойных стандартов, потому как корни его уходят именно в общественное сознание со всеми его мифами, архетипами, рациональными и иррациональными структурами. Таким образом, можно дистанцировать друг от друга понятия «двойные стандарты» и «политическая технология», поскольку они соотносятся друг с другом примерно так же, как рычаг и способ его использования для того, чтобы перевернуть землю.

Необходимо также отметить, что политическое кодирование, возможность которого обусловлена логикой и геометрией соотношений, представленных в двух теоретических схемах, в ситуации двойных стандартов производится, вероятно, по линии смыслового перекрестка «(не)равенство—(не)справедливо». По всей видимости, в общественном сознании закреплены архетипические конструкции, способные одинаково убедительно объяснить и ситуацию, в которой равенство справедливо, и ситуацию, в которой справедливо неравенство. Существование этих архетипических конструкций определяет имманентность и структуру механизма двойных стандартов. Тем не менее, как видно из практики, понятие, позволившее вскрыть дискурсивные корни этого механизма, появилось совсем недавно, что ставит закономерный вопрос о причинах подобного «замалчивания».

Так как основной функцией механизма двойных стандартов в общественно-политической системе является разделение и создание единого нормативного поля, то есть фактически установление и устранение неравенства в любых его формах, использование этого инструмента в политике закономерно. В контексте разговора о политике двойных стандартов невозможно не отметить следующее: сочетание в одной семантической конструкции разнонаправленных тенденций — к разделению и объединению — характерно и для известной политической формулы «разделяй и властвуй». Однако для сегодняшнего дискурса, а именно для критики двойных стандартов, характерно стремление как раз «объединять и властвовать», что еще раз подчеркивает истинную сущность социально-политического механизма, способного работать в обоих направлениях — и от неравенства к равенству, и от равенства к неравенству. Именно поэтому под термином «политика двойных стандартов» следует понимать

не только действия, направленные на установление неравновесной ситуации, но и противоположные по направленности политические шаги, так как в обоих случаях задействуется один и тот же объективный механизм, абсолютно безразличный к авторству политического заказа. Таким образом, политикой двойных стандартов логично было бы называть и критику такой политики, а в более широком смысле *политика двойных стандартов есть применение понятия и принципа двойных стандартов в политических целях.*

Далее, вместо абстрактных акторов на схеме можно было бы разместить два одинаковых суждения, одно из которых ситуация двойного стандарта превратила бы в истину, а другое — в ложь. Аналогично две равнозначные социально-политические ситуации механизм двойных стандартов мог бы назвать «естественным неравенством» и «искусственным неравенством», справедливым мироустройством и несправедливостью. В таких вариантах схемы субъект и объект политики двойных стандартов могут быть неочевидны, поэтому на рисунке нет соответствующих обозначений. В условиях единого правового поля субъектом политики двойных стандартов может стать любой участник игры, осознавший потребность в защите своего интереса и сумевший грамотно сформулировать собственный политический заказ.

Понятия «власть» или «сила», на первый взгляд, могли бы занять место двойных стандартов на схеме, ведь и власть, и сила могут сделать из элиты подчиненных и наоборот. Однако механизм действия этих дискурсивных элементов всегда работает только в одну сторону, поэтому, хотя субъект или объект ПДС имеют возможность использовать власть и силу в своих интересах, чтобы запустить или заблокировать механизм двойных стандартов, тем не менее ни власть, ни сила не способны отменить его существование. Сходство понятий «власть», «сила» и «двойной стандарт» заключается главным образом в том, что они существуют не в буквальном физическом смысле, а в действии. Сила, власть и двойные стандарты всегда осязаемы кинетически, их не видно, если они потенциальны. Главный парадокс двойных стандартов в том, что когда субъект политики двойных стандартов для установления/ликвидации (не)равенства задействует власть и силу, то мы видим работу только власти и силы, когда же механизм двойных стандартов пытается запустить бессильный и безвластный субъект, такое политическое действие не называется политикой двойных стандартов. Неуловимый дискурсивный базис понятия, таким образом, становится совсем невидимым, не в последнюю очередь из-за односторонних подходов к анализу онтологии и феноменологии двойных стандартов.

Последними в списке смысловых единиц, структурно связанных с проблемой и понятием «двойные стандарты», но не последними по

важности, являются понятия нормы, права и закона. Возможно ли размещение этих понятий на месте дискурсивного элемента двойных стандартов, ведь сила права, закон могут уравнивать и равенство, и неравенство? Однако, ровно по тем же причинам, по которым центральное место на схеме не могут занять понятия власти и силы, право так же лишено этой возможности. Если закон устанавливает некую иерархию среди элементов социально-политической системы, то механизм двойных стандартов действует «нелегально», для таких его проявлений требуются другие названия, но никак не «двойной стандарт», так как правовой стандарт уже является разделенным — двойным, тройным и т. п. В случае же полного фактического равноправия двойных стандартов быть не может ни как феномена, ни как понятия, за исключением ситуации, когда дискурс по проблеме двойных стандартов активизируется с помощью критики сложившегося системного взаимодействия. Тем не менее реальные правовые стандарты современности далеки от естественно-правовых идеалов «равенства и братства», и именно потому, что «живая жизнь» проявляет себя независимо от абстракций и чаяний прогрессивного сознания, механизм двойных стандартов может проявлять себя как дискурсивный палиндром. Именно в условиях несовершенного, но хотя бы формально единого для всех права двойные стандарты становятся осязаемым, хотя и трудноуловимым элементом дискурса, несводимым к традиционным понятиям политической науки.

Таким образом, обращение к логике структурализма и схематическое изображение ситуации двойных стандартов позволяют выделить из общего понятийного пространства политической науки такие категории, как «двойной стандарт», «механизм двойных стандартов» и «политика двойных стандартов», что в свою очередь подчеркивает уникальность проблемы и терминологии двойных стандартов в политологическом дискурсе.

Предложенная концепция дает возможность не только решить традиционные задачи (дефинирования и методологического выделения), но также поставить новые. Первейшими из таких задач являются:

1) объяснение коллизии между объективно существующим механизмом двойных стандартов и сравнительно короткой историей феноменологии понятия и проблематики двойных стандартов;

2) создание типологии ситуаций, в рамках которых возможно и закономерно применение политики двойных стандартов. Задача классификации именно политической практики двойных стандартов обусловлена тем, что только политика двойных стандартов может проявляться в нескольких вариантах, тогда как понятие «двойной стандарт», и тем более механизм двойных стандартов всегда феноменологиче-

ски целен, однозначен. Если уподобить понятие и феномен двойных стандартов общей системе под названием «трансмиссия», то механизм двойных стандартов по аналогии можно будет назвать «сцеплением» или «коробкой передач», т. е. набором механических деталей — шестерней, валов и дисков, — в то время как политика двойных стандартов есть процесс эксплуатации «трансмиссионной системы». В этом метафорическом ряду легче всего подвергается вариациям процесс эксплуатации системы, другими словами, режимы работы «трансмиссии» могут быть разными. Соответственно, можно провести типологию «режимов эксплуатации» имманентного механизма и дискурсивной системы двойных стандартов, т. е. политики двойных стандартов. Разумеется, существует возможность и даже необходимость типологизации, к примеру, структурных единиц, формирующих механизм двойных стандартов, тех самых «шестерней, валов и дисков», с помощью которых происходит передача политического кода в ситуации двойного стандарта. Однако эта задача сама по себе настолько специфична и требует настолько уникальной методологии, сочетающей междисциплинарный подход и свободное владение сведениями из самых разных областей науки, вплоть до физиологии и психолингвистики, что рассмотрение этого вопроса требует особого подхода и отчасти формирует повестку дня для политической науки будущего.

Таким образом, привычное понятие «двойные стандарты» имеет большую эвристическую ценность как феномен, актуализирующийся именно сегодня, в настоящий момент времени и поддающийся научному освоению. Исследование феноменологии двойных стандартов дает возможность для создания цельной теоретической концепции, моделирования и прогнозирования соответствующих ситуаций, а значит, имеет практическое значение для современной политической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Двойной стандарт / интернет-портал «Глоссарий.ру». URL: http://slovari.yandex.ru/dict/gl_social/article/14011/1401_1670.htm&stpar1=1.10.1 (дата обращения: 28.08.2009).

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — М.: Политиздат, 1988.

Политика двойных стандартов // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_двойных_стандартов (дата обращения: 20.08.2009).

Сексологический словарь. URL: http://mirslovarei.com/content_sex/Dvojnoj-Standart-65.html (дата обращения: 30.08.2009).

Тимошук А. С. Онтология двойного стандарта // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1. С. 218—221.

Babylon English-English Dictionary. URL: http://dictionary.babylon.com/DOUBLE_STANDARD (дата обращения: 20.08.2009).

Double standard // Dictionary of Idioms by Christine Ammer. Copyright 1997. Published by Houghton Mifflin. URL: <http://dictionary.reference.com/browse/double%20standard> (дата обращения: 30.08.2009)

Double standard // Dictionary of the English Language. Fourth Edition. Published by Houghton Mifflin Company. 2009. URL: <http://dictionary.reference.com/browse/double%20standard> (дата обращения: 28.08.2009).

Double standard // Random House Dictionary. Random House, Inc. 2009 URL: <http://dictionary.reference.com/browse/double%20standard> (дата обращения: 20.08.2009).

The Double Standard. URL: http://www2.huerlin.de/sexology/ATLAS_EN/html/the_double_standard.html (дата обращения: 30.08.2009).

The Oxford English Dictionary. Second edition / By J. A. Simpson, E. S. C. Weiner. — Oxford: Clarendon Press, 2000. Vol. 16: Soot — Styx.

Webster's Ninth New Collegiate Dictionary / Merriam-Webster Inc. — Springfield, Massachusetts, U.S.A.: Merriam-Webster Inc., Publishers, 1991.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Особенность сайта Google.com, выдающего результаты поиска в порядке от наиболее активно посещаемых ссылок к наименее посещаемым, дала возможность провести выборочный контент-анализ ресурсов «рунета», необходимый для того, чтобы установить, в каком контексте чаще всего употребляется терминология двойных стандартов. Для данного исследования был выбран поисковый запрос «политика двойных стандартов» русскоязычной версии сайта www.google.com. Временные рамки ресурсов, подлежащих контент-анализу, были ограничены 2008—2010 гг.

[2]. См., напр.: Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. — М.: Мысль, 1971. Т. 1.; Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977; Камю А. Посторонний: роман. Миф о Сизифе: эссе. Недоразумение: пьеса: [пер. с фр.]. — М.: АСТ МОСКВА, 2007; Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991; Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. — М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2006; Фуко М. Власть и знание. Беседа с Ш. Хашуми, записанная в Париже 13 окт. 1977 г. // Уми. 1977. Дек. С. 240—256; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. — М.: Касталь, 1996; Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2002; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М.: А-сад, 1994; Шеллинг Ф. Сочинения: в 2-х т. — М.: Мысль, 1987. Т. 1; Шеллинг Ф. Сочинения: в 2-х т. — М.: Мысль, 1989. Т. 2; Юнг К. Г. Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и политолог, канд. филос. наук О. А. Матвейчев

УДК 81'27:811.581

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.20

Н. Н. Воропаев
Москва, Россия

N. N. Voropaev
Moscow, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА
И ДРУГИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
В КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

**NAMES-PRECEDENTS
AND THE OTHER PRECEDENT PHENOMENA
IN THE CHINESE POLITICAL DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.20

Аннотация. Рассмотрены факты эксплуатации прецедентных имен и других прецедентных феноменов в китайскоязычном политическом дискурсе.

Abstract. The article analyses the facts of usage of the names-precedents and the other precedent phenomena in the Chinese political discourse.

Ключевые слова: прецедентное имя; китайскоязычный политический дискурс; прецедентный текст; прецедентная ситуация; прецедентное высказывание; прецедентные феномены.

Key words: name-precedent; Chinese political discourse; text-precedent; situation-precedent; phrase-precedent; precedent phenomena.

Сведения об авторе: Воропаев Николай Николаевич, редактор Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

About the author: Voropaev Nikolay Nikolaevich, Editor of the Department of the East and South-East Asia Languages.

Место работы: Институт языкознания Российской академии наук.

Place of employment: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Контактная информация: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, к. 42.
e-mail: tianyu@mail.ru; site: www.vokitai.ru.

В данной статье рассмотрены факты эксплуатации прецедентных имен (ПИ) и других прецедентных феноменов в китайскоязычном политическом дискурсе.

ковой фонд, что отражается в различных словарях. Запас ПИ КД представляет собою ярко маркированную стилистически, эстетически, культурологически, социально, идеологически подсистему языковой картины мира носителя китайского языка.

Под ПИ мы, вслед за В. В. Красных, Д. Б. Гудковым и др., понимаем «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией» [Красных 2003: 197; Гудков 2003: 108].

Т. В. Цивьян, говоря о модели мира, т. е. «сокращенном и упрощенном отображении всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятом в их системном и операционном аспекте» [Цивьян 1990: 5], подчеркивает, что она принципиально ориентирована «на мифологический прецедент, когда действительному историческому событию подыскивается прототип из мифологического прошлого» [Цивьян 1990: 19].

Уточняя данное определение применительно к нашему исследованию, прецедентными именами китайскоязычного дискурса (КД) мы называем когнитивно и эмоционально значимые для всех социализированных носителей китайского языка индивидуальные имена и наименования широко известных в китайском лингвокультурном сообществе исторических и вымышленных личностей (персонажей), событий и единичных объектов материальной и духовной культуры Китая и всего глобального пространства.

Полагаем, что важным понятием, связанным с феноменом ПИ, является миф. В современных научных представлениях миф можно интерпретировать как «упаковку», в которую укладываются данные непосредственной действительности [Лихачев 1999: 6]. Миф обусловлен как стремлением ввести новое, первичное в систему существующих представлений, так и созданием удобств в обращении со сложными системами знаний, то есть миф может выступать в роли алгебраического «заместителя сложных значений» [Лихачев 1999: 7—8]. Другое понимание мифа обнаруживается у А. Ф. Лосева: миф есть «развернутое Магическое Имя» [Лосев 1993: 15]. Миф — один из центральных феноменов в истории культуры и древнейший способ концептуального осмысления окружающей действительности и человеческой сущности. По результатам многочисленных исследований второй половины XX в. стала очевидна не только объяснительная, но и регулятивная

ПИ — один из четырех прецедентных феноменов (ПФ), которые выделяют Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Е. А. Нахимова и др. исследователи. Кроме ПИ, к ПФ относят прецедентные тексты (ПТ), прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные высказывания (ПВ). Все ПФ взаимосвязаны и актуализируют друг друга. ПФ являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке, и хранятся в ней в виде национально детерминированных минимизированных представлений.

ПИ выражают ценностные ориентации лингвокультурного сообщества, входят в его язы-

функция мифа. Миф удовлетворяет потребность в целостном знании о мире, обуславливает систему ценностных ориентиров, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества, индивидуума.

Д. Б. Гудков замечает, что роль «мифологических прецедентов» играют национально-детерминированные минимизированные представления, стоящие за ПФ. Одна из функций когнитивной базы, ядерными составляющими которой являются ПФ, — задавать некоторую парадигму поведения членов лингвокультурного сообщества. В этом отношении для современного человека когнитивная база играет роль, подобную роли мифологической системы в жизни традиционного сообщества. Различные исследователи мифа указывали, что одной из главных его функций является структурирование принятой в обществе парадигмы культурного (социального) поведения [Гудков 2003: 118].

По словам Э. Кассирера, «один из величайших парадоксов 20 века состоит в том, что миф, иррациональный по своей природе, рационализировался» [Cassirer 1979: 236]. Совместить миф и *ratio* (по крайней мере, на поверхностном уровне) позволяет история. Современный человек часто воспринимает себя и общество, в котором он живет, как продукт истории, результат исторического развития. Именно к истории обращается он в поисках ответов на волнующие его вопросы, относясь к ней как к мифу. Сегодня в истории ищут или объяснения того, что происходит в настоящее время, или ответа на вопрос, что нужно делать в будущем, находят в ней образцы поступков, которые следует/не следует совершать. Не случайно, что ПФ, связанные с историческими деятелями или событиями, занимают столь важное место в когнитивной базе лингвокультурного сообщества [Гудков 2003: 122]. В китайскоязычном дискурсе «традиция мифологизации исторических событий» имеет долгую историю [Софронов 1996: 114].

Характерно, что при попытке изменить культурную ориентацию лингвокультурного сообщества и социальное поведение его членов атака идет прежде всего на ПФ, входящие в когнитивную базу [Гудков 2003: 122—123]. Примерами такой атаки в китайском политическом дискурсе могут служить следующие события, произошедшие в Китае во второй половине XX в. Во время правления Мао Цзэдуна, в период Культурной революции, резко осуждению подверглась театральная пьеса, написанная У Ханем об одном древнем чиновнике, Хай Жуе, которого отлучили от занимаемого им поста за проявленное перед деспотическими властями бесстрашие. Мао Цзэдун поставил вопрос о критике У Ханя в сентябре-октябре 1965 г. на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заявив, что «соль драмы» У Ханя «Разжалование Хай Жуя» — защита осужден-

ной «группы» Пэн Дэхуая (знаменитого маршала): автор в аллегорической форме якобы пытался изобразить Мао Цзэдуна императором Цзя Цином, а Пэн Дэхуая — Хай Жуем.

В 1966 г. началась «великая пролетарская культурная революция», которую тогдашнее пекинское руководство охарактеризовало как самую важную из побед. Сигналом к началу «культурной революции», по свидетельству «Жэньминь жибао» (24.05.1967), явилась публикация статьи Яо Вэньюаня «О новой редакции исторической драмы “Разжалование Хай Жуя”» («Вэньхуэй бао», 10.11.1965) [Федоренко 1978: 24].

В 1974 г. вспыхнула очередная кампания «на всех уровнях» под девизом «критика Линь Бяо и Конфуция». И вот Линь Бяо (1908—1971, военачальник периода Культурной революции) и Конфуций оказались главными контрреволюционерами в Китае и во всем мире.

В сентябре 1975 г. началась кампания, проводимая под лозунгом обсуждения широко известного классического романа «Речные заводы», который был написан шесть веков назад. Яростная атака на Сун Цзяна, одного из ста восьми героев романа «Речные заводы», вышла далеко за рамки критики «капитулянтства» и приобрела важнейшее значение в борьбе за власть, охватившей высшие сферы китайского руководства. «Цель кампании против “Речных заводов”, — подчеркивала газета «Гуанмин жибао» (04.09.1975), — заключается в том, чтобы научить весь народ выявлять и узнавать сторонников капитулянтства и бороться с ними. Образ Сун Цзяна в “Речных заводах” — это прообраз капитулянта... Мы должны извлечь из этой книги необходимые уроки» [Федоренко 1978: 26].

Вообще на примере ПИ *Сун Цзян* явно видна реализация идеологической функции ПИ: инвариант восприятия ПИ *Сун Цзян* в КД на обыденном уровне среднего представителя китайского лингвокультурного сообщества, по опросам информантов, реализуется в виде прозвища Сун Цзяна, выраженного словесным клише 及时雨 — *jishi yu* ‘Благодатный дождь’ (букв. ‘своевременный дождь’; образно в значении «всем оказывает своевременную помощь или приносит спасение»). Однако ПС, к которой апеллировали политики Китая того времени, действительно в романе была. Она вербализуется так: «...как лидер повстанческой армии он, в конце концов, принял решение сдаться властям». Таким образом, в угоду политическим целям пекинские идеологи того времени сделали акцент на другое представление в семантической структуре ПИ *Сун Цзян*, которое в языковом, культурном, народном употреблении никогда не было актуальным в течение нескольких сотен лет циркуляции данного прецедентного текста и имени. После завершения Культурной революции это представление о Сун Цзяне, естественно, сразу же исчезло вместе с проводимым политическим курсом.

Замечателен также пример манипуляций с ПИ *Цинь Шихуан* в середине XX в. в Китае. Как писал в 1978 г. Н. Т. Федоренко, «в любом китайском учебнике до недавнего времени было написано, что Цинь Шихуан, правивший в Китае с 221 по 210 г. до н. э., был жесточайшим в истории императором. К этому периоду относится завершение в Китае процесса становления и укрепления централизованной государственной власти. Абсолютная монархия августейшего императора Цинь Шихуана достигла своего могущества. Укрепление централизованной власти совершалось ценой чудовищных репрессий. Именно в период его тирании классические памятники древнекитайской литературы и философии, связанные с конфуцианской традицией, были преданы анафеме и сожжены на кострах. Всем ученым того времени за попытку совместного обсуждения конфуцианских канонических сочинений угрожала смертная казнь. Более того, по истечении тридцати дней со дня обнародования эдикта, запрещающего еретические книги, всем, кто мог оказаться заподозренным в их хранении, грозило быть сосланным на “исправление” и “перевоспитание”, т. е. на принудительные работы по возведению Великой Китайской стены, соорудившейся по повелению Цинь Шихуана. Сотни ученых были погребены заживо, как еретики, по указу императора, что породило столь же крылатое, сколь и злоеущее выражение: “книги — в огонь, ученых — в яму”» [Федоренко 1978: 29—30].

Примечательно, что в изданном в 1949 г. сборнике народных песенок есть текст, в котором ПИ *Цинь Шихуан* использовано как идеологический инструмент борьбы с первым врагом Китая того периода Чан Кайши (ПИ *Чан Кайши* использовано в песенке в форме 老蒋 (lao Jiang) ‘почтенный Цзян’, где 老 (lao) — префикс перед названиями уважаемых лиц (часто также иронично или фамильярно); фамилия *Чан* и имя *Кайши*, варианты транскрибирования, принятые в русском языке, происходят от звучания иероглифов 蒋介石 (Jiang Jieshi) “Цзян Цзешу” на родном для него диалекте У — 吴语 (wu yu) ‘язык у’); приведем ее в нашем переводе:

昔日秦始皇,	Xiri Qin Shihuang,
今日有老蒋,	Jinri you lao Jiang,
秦家寿命短,	Qin jia shouming duan,
老蒋不得长。	Lao Jiang bu de chang.

[Zong 1949: 10].

Раньше был Цинь Шихуан,
А теперь «почтенный» Чан.
Циня век недолог был,
Чану тоже не зажитья.

Разительным образом переменялось в китайской печати отношение к Цинь Шихуану, когда он оказался воспетым в стихах Мао Цзэдуна. Из ненавистного еще вчера тирана Цинь Шихуан стал любимым героем. Едва ли не самую мрачную фигуру в истории Китая тогдаш-

ние пекинские идеологи принялись всячески облагораживать [Федоренко 1978: 30].

В марте 1959 г. известный поэт Го Можо стал зачинателем дискуссии о полководце Цао Цао (220—264), предлагая пересмотреть давно сложившееся отрицательное отношение к его деятельности (так же как и к деятельности иньского князя Чжоу-вана, первого китайского императора Цинь Шихуана и др.) и призывая историков объективно оценить то положительное, что было в историческом прошлом страны [Маркова 2004: 288]. Эти примеры ярко показывают аксиологичность прецедентных имен.

Новые идеи современного китайского общества и политики часто основаны на прецедентных феноменах, имеющих большой возраст. Вот что пишет по этому поводу известный российский китаевед Л. П. Переломов: «Из всех лидеров КПК наиболее признанным, и вполне обоснованно, знатоком канонов считался Мао Цзэдун. Если Мао Цзэдун использовал каноны в сугубо конкретных политических целях, то Дэн Сяопин подошел к тем же канонам более масштабно. Он сумел заимствовать из тех же конфуцианских канонических текстов именно то звено, за которое вытащил всю конфуцианскую цепь, необходимую для модернизации Китая. Введя первую социальную утопию Конфуция — “сяокан” (小康 xiao kang [средний] достаток’ или ‘малое благоденствие’), но уже в дополнительной трактовке Мэн-цзы, с упором на экономическую составляющую, в качестве символа модернизации, он тем самым вернул страну на конфуцианские цивилизационные рельсы, придав идее китайского социализма новый импульс не только теоретического, но и сугубо прагматического развития» [Переломов 1998: 10, 2005: 75].

Хотя с самого начала реформ и создания общества «сяокан» имя Конфуция в КНР не упоминается, в руководящих и научных кругах в КНР признается, что основы нового содержания в идеологему «сяокан» (малое благоденствие) внес Дэн Сяопин [Наумов 2005: 8].

«Величие Дэн Сяопина заключается в том, что он предоставил своим последователям широкие возможности для дальнейшего теоретического развития концепции “социализма с китайской спецификой”, но с учетом ценностей, заложенных в конфуцианских канонических текстах.

В начале 2001 года Цзян Цзэминь впервые призвал в управлении страной сочетать “принцип управления на основании закона” (“и фа чжи го”) с принципом “управлять на основе Дэ” (морали) (“и Дэ чжи го”). Конкретным воплощением этого принципа стала принятая в канун XVI съезда КПК «Программа укрепления норм гражданской морали». Из 40 пунктов Программы многие имеют прямое или косвенное отношение к конфуцианским ценностным ориентирам, некоторые из них претерпели существенное переосмысление.

В своих программных выступлениях Ху Цзиньтао, творчески развивая конфуцианскую составляющую в идеологии КНР, оперирует терминами из концепции “гуманного правления” Мэн-цзы, а также теории “породнения с народом” (“цинъ минь”) из “Да Сюэ” («Великое учение», 2-я книга конфуцианского «Четверокнижия» — Н. В.) [Переломов 2005: 73].

«15 октября 2004 г. в Доме народных представителей в Пекине на Первой всекитайской конференции по подведению итогов внедрения в школах программы заучивания наизусть текстов из конфуцианских канонических канонов, выступая перед многочисленными делегатами, представлявшими не только все провинции Китая и 50 крупных городов, но и китайские диаспоры Юго-Восточной Азии и остальных частей мира, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Сюй Цзяло сосредоточился на том, что в период глобализации, когда по всему миру идет процесс навязывания американских ценностей, единственным способом сохранения Китая и его цивилизации является воспитание молодежи в духе национальных духовных ценностей, которые сосредоточены именно в конфуцианских канонических текстах. Перед делегатами выступало несколько групп школьников, которые цитировали наизусть отрывки из прецедентных текстов КД “Лунь юй”, “Да Сюэ”, “Мэн-цзы”, “Чжун юн” (книги «Четверокнижия», первой части конфуцианского канона — Н. В.).

В настоящее время лидеры Коммунистической партии Китая и КНР восстанавливают на новом уровне традиционную систему образования, ибо именно в ней они видят одну из надежных гарантий воспитания подрастающего поколения в духе активных и сознательных строителей социализма с китайской спецификой» [Переломов 2005: 73].

Начиная с 2004 г. китайские теоретики часто используют понятие «мягкой силы» (*жуань шили*), подразумевающее использование «нематериальных властных ресурсов» культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах [http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2903211.html]. «Изначально идея опоры на “мягкую силу” (soft power) в международных делах была предложена в конце 1980-х годов Джозефом Наем (Joseph Nye), занимавшим в прошлом посты заместителя министра обороны и помощника Госсекретаря США. В его трактовке “мягкая сила” состоит в способности страны привлекать и убеждать, она вырастает из притягательности культуры, политических идеалов и политики. “Жесткая сила” как способность к принуждению или покупке оппонента за материальные блага вырастает из военной или экономической мощи страны» [Борох 2005: 35]. Как элементы «мягкой силы», которые в настоящее время применяет Китай, мы рассматриваем также ПИ. Например, ПИ *Конфуций* — 孔子 (Kongzi) избрано

для наименования образовательных центров китайского языка и культуры, 孔子学院 (Kongzi xueyuan) — Институтов Конфуция. На ноябрь 2009 г. в 88 странах мира было открыто 282 Института Конфуция и 272 учебных класса. При этом в США открыто 65 институтов и 182 учебных класса. В России работают всего 13 Институтов Конфуция (первый Институт Конфуция был открыт 21 ноября 2004 г. в столице Республики Корея Сеуле). В уставе Института Конфуция записано: «Институты Конфуция призваны удовлетворять потребности жителей любой страны мира в изучении китайского языка, способствовать росту понимания языка и культуры Китая во всем мире, укреплять сотрудничество Китая со странами мира в сфере культуры и образования, развивать дружественные отношения Китая с другими странами, способствовать поликультурному развитию мира и построению гармоничного мира» [http://www.hanban.edu.cn/]. Кураторами головной организации Институтов Конфуция — Государственной канцелярии руководящей группы по распространению китайского языка в мире (создана в 1987 г.) — являются министр образования, министр иностранных дел, министр культуры и другие политики и государственные деятели Китая.

Хотя Институт и носит имя великого китайского мыслителя древности, прямого отношения к пропаганде идей конфуцианства Институт Конфуция не имеет. Дело в том, что имя Конфуция в самом Китае часто ассоциируется с культурой, просвещением и образованностью вообще, а для иностранцев является символом традиционной китайской культуры и учености. Именно поэтому правительством КНР для серии образовательных центров китайского языка и культуры было выбрано такое название — Институт Конфуция.

Институт Конфуция организует следующие виды деятельности и мероприятия: преподавание китайского языка, подготовка и аттестация преподавателей китайского языка, поддержка научных исследований в области китаеведения, проведение научно-просветительских мероприятий, направленных на продвижение китайского языка и китайской культуры, и др.

ПИ *Шелковый путь* (丝绸之路 — Sichou zhi lu) задействовано китайскими политиками в построении глобальной модели экономического развития западных регионов Китая.

Как пишут исследователи, ускоренное экономическое, социальное и культурное развитие западных районов является одним из стратегических приоритетов Китая в XXI в. Многие специалисты не без оснований полагают, что от решения поставленных задач непосредственно зависит будущее страны. Выход обсуждения на уровень исторической перспективы неизбежно ставит вопрос и о ретроспективе. В качестве популярной модели развития используется комплексное понятие «Великого шелкового пути»,

который соединял Китай со странами Запада начиная с династии Ранняя Хань, а возможно и раньше. Этот образ оказывал несомненное воздействие на разработчиков суперпроекта Евразийского континентального моста. Как отмечал В. С. Мясников, «китайское руководство увязывает этот великий проект с впечатляющей концепцией будущего: создание внутриконтинентальной инфраструктурной сети означает начало новой эры цивилизации» [Мясников 1998: 3]. При этом предполагается, что, как и в древности, развитие коммуникаций станет и стимулом, и средством экономического подъема, культурного обмена и политической консолидации для тех регионов, по которым они будут проложены.

Особое внимание уделяется национальным окраинам Китая — Синьцзяну и Тибету (который планируется подключить к магистрали за счет строительства Цинхай-Тибетской железной дороги от Голмуда до Лхасы), где опережающее социально-экономическое развитие воспринимается как реальная альтернатива росту националистических настроений. Поэтому концепция «шелкового пути» приобретает значительную актуальность с позиций не только внешне-, но и внутривнутриполитических задач.

Как принято в Китае, на поставленные руководством задачи дружно откликнулось все научное сообщество, включая археологов, исследующих соответствующие территории и периоды. Разумеется, применительно к древности и средневековой речи идет не о поиске каких-то конкретных рецептов и ноу-хау, рекомендованных для непосредственного внедрения в практику (хотя, например, данные о древних дорогах учитываются геодезистами при прокладке современных трасс, а сведения о древних рудниках принимаются во внимание геологами при разведке новых месторождений). Прежде всего полученная обществоведами информация активно используется в пропагандистских материалах, а также — все больше — в коммерческой рекламе. И если сочетание «Сычоу чжи лу» (Шелковый путь) давно уже стало, пользуясь современным жаргоном, «раскрученным брендом», то в последние годы к нему добавляются в качестве узнаваемых и привлекательных марок и вывесок названия древних царств либо археологических и культурных памятников (*Дуньхуан, Цяньфодун, Шаньшань, Турфан, Крорайна* и др.). По образному выражению Лай Гуанлиня, «с началом функционирования нового шелкового пути древний шелковый путь, который переносил достижения древних цивилизаций и традиционную дружбу, вновь засиял ярким светом» [Комиссаров 2005: 90].

Еще один аспект, имеющий важное политическое и экономическое значение, — проведение международных экспедиций, которые в основном финансируются из внешних источников. Предварительная рекогносцировка была проведена в рамках обширной программы ЮНЕСКО

«Шелковый путь», главным спонсором которой, видимо не случайно, была корпорация «Тойота». В настоящее время на территории Синьцзяна работают две японские (Университета Васэда и Буддийского университета) группы — в Хами и в Ние соответственно, американская (Аризонского университета) — в предгорьях Куньлуна, французская — в долине реки Керия; еще одна американская экспедиция исследует буддийские памятники Западного Тибета, и т. д. В 2004 г. в районах Синьцзянского Алтая проведена первая китайско-американско-российская экспедиция, обнаружившая более 20 памятников эпохи палеолита. Во многих официальных публикациях нынешние успехи в международном научном сотрудничестве прямо сопоставляются с обширными внешними связями вдоль «Шелкового пути» в раннюю эпоху. Здесь же даются рекомендации на будущее — например, установление более тесных связей со странами Средней Азии, что соответствует установкам традиционной дипломатии и коммерции.

Таким образом, состояние археологии Северо-Западного Китая может служить своеобразным показателем, отражающим как комплексный подход, так и серьезность намерений пекинского руководства в ускоренном освоении этого региона. «Древность», реконструированная благодаря усилиям археологов, успешно адаптируется к задачам «современности» и, в свою очередь, использует новые возможности для раскрытия собственных закономерностей; диалектическое взаимодействие этих факторов способствует устойчивому развитию китайского общества [Комиссаров 2005: 89].

В своем смысловом содержании ПИ представляют культурно-историческую память, кристаллизованную в именах лиц, объектов, связанных с основными вехами развития страны. Создание нового и развитие современного Китая связано, например, с такими именами, как *Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь*. Эти ПИ актуализируют прецедентные (памятные, важные для нации) события (ситуации), которые аккредитованы в политическом дискурсе в виде устойчивых словосочетаний, словесных клише. Как справедливо отмечает Е. А. Нахимова, «на каждом этапе развития страны портреты ее прошлых руководителей в массовой коммуникации заметно преобразуются, на первый план выносятся то одни, то другие поступки, качества личности, детали биографии» [Нахимова 2010: 105].

Так, с ПИ *Мао Цзэдун* в КД связаны такие ПС и именующие их словесные клише, как *长征 (Chang zheng) 'Великий поход'* (Великий поход Китайской Рабоче-Крестьянской Красной Армии 1934—1936 гг., т. е. переход коммунистов с юга на север, где, преодолев ужасные лишения и потеряв 90 % своего состава, Китайской Рабоче-Крестьянской Красной Армии все же удалось организовать новый Центральный советский район в провинции Шаньси), *大跃进 (Da yuejin)*

‘Большой скачок’, 文化大革命 (Wenhua da geming) ‘Великая культурная революция’. Инвариант восприятия ПИ *Мао Цзэдун*, представленный несколькими информантами — носителями языка, вербализуется как 新中国的创建者 (Xin Zhongguo de chuangjianzhe) ‘Создатель Нового Китая’. В предисловии к книге американского исследователя деятельности Мао Цзэдуна Росса Террилла, изданной в КНР на китайском языке, редакторы издания определяют Мао Цзэдуна следующим образом:

毛泽东是举世公认的20世纪最为重要的政治家、革命家和思想家之一，同时也是一位天才诗人 [Terrill 2006: 1]. Mao Zedong shi ju shi gong ren de 20 shiji zui wei zhongyao de zhengzhijia, gemingjia he sixiangjia zhi yi, tongshi ye shi yi wei tiancai shiren. ‘Мао Цзэдун — один из общепризнанных во всем мире важных политиков, революционеров и мыслителей XX столетия. Он также является талантливым поэтом’.

ПИ *Дэн Сяопин* всегда актуализирует в дискурсе такие прецедентные ситуации и высказывания, как 无论是白猫黑猫，抓住老鼠就是好猫 (wulun shi bai mao hei mao, zhuazhu laoshu jiu shi hao mao) ‘неважно, белая кошка или черная, лишь бы она мышью ловила’, 一国两制 (yi guo liang zhi) ‘одна страна — две системы’. Инвариант восприятия ПИ *Дэн Сяопин* в основном представлен устойчивым обозначением-дескрипцией 改革的奠基人 (gaige de dianjiren) ‘основоположник китайских реформ’ (вариант: 中国改革开放的总设计师 (Zhongguo gaige kaifang de zong shejishi) ‘главный архитектор китайских реформ’). Второй вариант, кстати, впервые прозвучал из уст бывшего секретаря ООН Кофи Аннана. Вот как известный китайский экономист, специалист по людским ресурсам профессор Народного университета Китая Пэн Цзяньфэн использует в своей статье имя *Дэн Сяопин* и связанные с ним ПС:

第二，乐观和坚韧是领导者扭转困境、走向成功的关键。

第三，伟大的领导者还要抱有务实的态度和求实的精神。同时怀抱乐观和务实的态度是不容易的。乐观易于使人盲目，而面对困境的现实又使人容易沮丧，能够将乐观、坚韧和务实的态度结合起来是逆境中领导力能够发挥作用的关键所在。

我们敬仰的邓小平正是兼具这些特质的杰出领袖的典范。他一生中曾三落三起，却始终保持坚韧和乐观，成为人们眼中“永远打不倒的人”。作为“中国改革开放的总设计师”，他提出的“让一部分人先富起来”、“一国两制”、“韬光养晦”等一系列切实的原则，让中国在经济、政治和外交上赢得了发展的机遇和空间。

«Во-вторых, оптимизм, непреклонность и стойкость руководителя являются ключевыми элементами для выхода из тупика и движения к успеху.

В-третьих, великие руководители должны еще придерживаться прагматичного отношения и делового подхода. Однако быть преисполненным чувства оптимизма и деловитости не легко. Оптимизм легко может ослепить человека и заставить действовать его наобум, а реальность тяжелого безвыходного положения может легко заставить человека упасть духом. Именно способность соединить оптимизм, стойкость и прагматичное деловое отношение является ключевым моментом того, что руководящие способности в неблагоприятных условиях могут сыграть свою роль.

Дэн Сяопин, перед которым мы благогоуем и преклоняемся, является как раз примером выдающегося лидера, сочетающего в себе все эти особые качества. За свою жизнь он три раза падал и три раза поднимался, но всегда сохранял стойкость и оптимизм, и в глазах людей стал “непобедимым человеком”. Будучи “главным архитектором китайских реформ”, он выдвинул серию насущных принципов, такие как “пусть сначала разбогатеет часть людей”, “одна страна — две системы”, “до поры скрывать свои таланты, скромно держаться в тени” и другие с тем, чтобы Китай в сфере экономики, политики и международных отношений добился шанса и пространства для своего развития» [Peng 2009: 2].

С ПИ *Цзянь Цзэминь* связана ПС, которая вербально в дискурсе представлена словесным клише 三个代表 (san ge daibiao) ‘тройное представительство’: «“Тройное представительство” — это лозунг, выдвинутый Цзянь Цзэминем в 2000 г. — 1. КПК представляет требования развития передовых производительных сил китайского общества; 2. КПК представляет самые прогрессивные тенденции китайской культуры; 3. КПК представляет самые коренные интересы китайского народа (букв. Тройное представительство)» [Буров, Семенас 2007: 432—433]. Основной политический смысл этой ситуации заключается в том, что частным предпринимателям, владельцам бизнеса было разрешено вступать в коммунистическую партию, и так была проведена корректировка принципа классовости.

Таким образом, можно резюмировать, что прецедентные имена и другие прецедентные феномены являются важнейшей составляющей частью китайского язычного политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Большая инвентаризация реальной мощи: множество блестящих успехов в развитии экономики за 55 лет с момента основания Нового Китая // Торгово-экономический вестник Китая. URL: <http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2903211.html> (дата обращения: 27.12.2010).

Борох О. Н. Опыт экономических реформ как компонент «мягкой силы» Китая // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. 15 Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27—29 сентября 2005). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. Ч. 1. С. 35—38.

Буров В. Г., Семенов А. Л. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. — М.: Восточная книга, 2007.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Комиссаров С. А. Археология северо-западного Китая в контексте программы освоения западных районов КНР // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. 15 Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27—29 сентября 2005). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. Ч. 2. С. 89—92.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. — СПб., 1999.

Лосев А. Ф. Бытие — имя — космос. — М., 1993.

Маркова С. Д. Китайская интеллигенция на изломах XX в.: (очерки выживания). — М.: Гуманитарий, 2004.

Мясников В. С. Евразийский континентальный мост — проект XXI в. // Информац. мат-лы ИДВ РАН. Сер. «Междунар. отношения стран Северо-Восточной Азии». М., 1998. Вып. 5. С. 3.

Наумов И. Н. Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия и перспективы // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. 15 Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27—29 сент. 2005). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. Ч. 1. С. 8—13.

Нахимов Е. А. Мифологема *Александр Невский* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33).

Официальный сайт Государственной канцелярии руководящей группы по распространению китайского языка в мире. URL: <http://www.hanban.edu.cn/> (дата обращения: 27.12.2010).

Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. — М.: Восточная литература; РАН, 1998.

Переломов Л. С. Лидеры КПК и конфуцианские канонические тексты (Чэнь Дусю, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао) // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. 15 Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27—29 сент. 2005). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. Ч. 2. С. 73—76.

Софронов М. В. Введение в китайский язык. — М.: ИД Муравей, 1996.

Федоренко Н. Т. Древние памятники китайской литературы. — М.: Наука, 1978.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. — М.: Наука, 1990.

Cassirer E. Symbol, myth and culture. — New Haven and London, 1979.

Peng Jianfeng = 彭剑锋 = Пэн Цзяньфэн. 逆境中打造中国中小企业领导力 = Nijing zhong dazao Zhongguo zhong xiao qiye lingdaoli = В неблагоприятных условиях выработать руководящие способности средних и малых предприятий Китая. 2009. URL: www.cqvip.com/qk/90435A/200836/29467069.htm (дата обращения: 27.12.2010).

Terrill Ross = 罗斯·特里尔 = Росс Тэррилл. 毛泽东传 (插图本) = Mao Zedong zhuan (chaturben) = Биография Мао Цзэдуна (издание с иллюстрациями) // (美) 特里尔著; 胡为雄, 郑玉臣译 = (Mei) Telier zhu; Hu Weihong, Zheng Yuchen yi = (США) Пер. на кит. яз. Ху Вэйсюна и Чжэн Юйчэня. — 北京: 中国人民大学出版社, 2006 年 = Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2006 nian = Пекин, 2006.

Zong Xian. 见了毛主席请个安. 民谣. 宗先编, 梁新稼画. 东北新华书店出版, 1949年. = Jianle Mao zhuxi qing ge an. Zong Xian bian, Liang Xinjia hua. — Dongbei Xinhua shudian chuban, 1949 nian. = «Если встретите председателя Мао, то передайте ему привет». Народные песенки [частушки]. / Сост. Цзун Сянь, рисунки Лян Синьця. 1949.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и К. В. Антонян (Институт языкознания РАН)

М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

**У РАЗБИТОГО КОРЫТА:
КУЛЬТУРНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ
О МИРОВОМ КРИЗИСЕ**

Аннотация. В ситуации современного мирового кризиса в политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, одним из самых эффективных орудий становится политическая карикатура, которая позволяет открыто и довольно точно выразить общественное, часто критическое мнение. В рамках настоящей статьи мы представляем результаты исследования функционирования прецедентного имени в современной русской политической карикатуре о мировом кризисе.

Ключевые слова: политическая коммуникация, неформальная политическая коммуникация, политическая карикатура, кризис, прецедентный феномен.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: shinkari@mail.ru.

M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

**AT THE BROKEN TROUGH:
CULTURAL PRECEDENT TEXT
IN POLITICAL CARICATURE
ON WORLD CRISIS**

Abstract. In the course of world crisis, new significance in the political discourse is acquired by informal communication; political caricature becomes one of the most effective means as it allows to openly and clearly express public opinion, which is often critical. This article presents results of research into functioning of a precedent name in the contemporary Russian political caricature on world crisis.

Key words: political communication; informal political communication; political caricature; crisis; precedent phenomenon.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Особую значимость в современных условиях мирового кризиса, обусловившего коренное преобразование социальных и культурных отношений, приобретает неформальная коммуникация, нацеленная не столько на передачу информации, сколько на выражение отношения к ней, и одной из самых востребованных форм коммуникации в политическом дискурсе справедливо становится карикатура.

Роль и значение политической карикатуры определяются в первую очередь наглядностью передаваемой информации: «визуальные средства в отличие от вербальных <...> позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие <...>, причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [Розин 2006: 26].

«Действенным орудием» исследователя политической карикатуры как примера креолизованного текста оказывается когнитивный инструментарий, включающий понятия концептуальных метафор, прецедентных образов и символов, которые «не просто отражают существующее общественное сознание, но и предлагают некий выход из сложных ситуаций, настраивают на определенный тип поведения (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. П. Чудинов и др.)» [Шинкаренкова 2005: 5].

Настоящая статья продолжает цикл работ, посвященных изучению современной русской политической карикатуры о мировом кризисе. Методом сплошной выборки нами было отобрано сто русских политических карикатур о мировом кризисе, представленных в Рунете.

На первом исследовательском этапе мы описали метафорическую базу анализируемых политических карикатур [подробнее см. Ворошилова 2010а]. Было отмечено, что метафорический образ мирового кризиса в современной русской политической карикатуре основан на трех ключевых метафорических моделях, объединенных семантическими компонентами нестабильности, неизбежности и трагичности последствий:

- кризис — это падение (в том числе катастрофа);
- кризис — это качели;
- кризис — тяжелая болезнь, смерть.

Несмотря на то что в последние годы в мировой науке все активнее исследуется так называемый феномен прецедентности, к сожалению, анализу чаще подвергаются лишь вербальные единицы, вне зоны исследования остаются визуальные прецедентные феномены (ради справедливости мы должны отметить, что некоторые шаги в этом направлении уже сделаны [см., напр.: Мардиева 2007; Сметанина 2002; Ворошилова 2010б]).

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 82 11-04-00327а — Политическая коммуникация: общие закономерности и национальная специфика).

© Ворошилова М. Б., 2011

В журнале «Политическая лингвистика» (выпуск 33'2010) нами были представлены результаты анализа функционирования прецедентного имени в современной политической карикатуре о мировом кризисе [подр. см. Ворошилова 2010б]. В качестве объекта исследования не случайно выбрано прецедентное имя. Во-первых, современные ученые (Д. Б. Гудков и В. В. Красных, Г. Г. Слышкин, Е. А. Нахимова и др.) единодушно отмечают, что именно прецедентное имя составляет ядро современной теории прецедентности. Во-вторых, в ходе анализа политической карикатуры о мировом кризисе мы отметили, что наиболее частотными являются прецедентное имя и прецедентное высказывание (присутствующие в 73 % и 42 % примеров соответственно), но степень продуктивности прецедентного имени значительно выше, так как 94 % примеров прецедентных высказываний основаны на ставших уже знаменитыми фразах Алексея Леонидовича Кудрина о временной коррекции и дне кризиса. Справедливо ради отметим, что данные прецедентные высказывания тесно связаны с прецедентным именем, что и послужило еще одним аргументом сужения объекта исследования.

Итак, в центре внимания оказались как вербальные («лицо» узнается либо по имени, либо по некой «личной» фразе), так и визуальные прецедентные имена, для представления которых в карикатуре чаще используются средства коллажа или шаржа.

В ходе комплексного исследования нами было отмечено, что целостный образ можно воссоздать только при анализе соотношения вербального и визуального уровней, их корреляции, даже если отсылка к имени представлена только на одном из уровней. В анализируемых текстах политической карикатуры были описаны два ведущих типа корреляции: оппозитивная корреляция, нацеленная на создание комического эффекта как ядра карикатуры, и интерпретативная, при которой между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе [подр. см.: Ворошилова 2007а].

Как дополнительный, но не менее частный и значимый, был охарактеризован поддерживающий тип корреляции, при котором один компонент выступает в роли некой подсказки, поскольку адресат должен владеть необходимым фоновыми знаниями для целостного «прочтения» текста карикатуры.

Также мы отметили, что в политической карикатуре спецификой реализации прецедентного имени становится его метафорическая основа: автор в рамках единого визуального образа должен представить как реальное политическое лицо, так и оценку его деятельности, и главным инструментом в данном случае становится именно концептуальная метафора, нередко основанная на том или ином прецедентном феномене.

На настоящем этапе исследования мы, опираясь на классификацию прецедентных феноменов российской политической карикатуры о мировом кризисе по сферам-источникам, проведем комплексный анализ культурного прецедентного текста.

Традиционно современные исследователи выделяют два основных подхода к классификации источников прецедентных феноменов:

– узкий, в основу которого положены роды, виды и жанры словесности;

– широкий (семиотический), при котором прецедентный феномен рассматривается как прецедентный культурный знак, хранящий фоновые знания, связанные с прошлым культурным опытом в его различных формах [Кушнерук 2006: 63].

Опираясь на широкий (семиотический) подход, в анализируемом дискурсе мы выделили две ведущие сферы-источники: политическую и культурную.

Культурный прецедентный текст, в свою очередь, представлен двумя родовидовыми классами, основанными на следующих источниковых сферах:

1. Устное народное творчество:

1.1) сказка;

1.2) отдельные фольклорные образы, функционирующие в современном языковом сознании как самостоятельные национально-культурные символы (например, Дед Мороз, Смерть с косой и т. д.).

2. Художественные произведения:

2.1) литература (авторская сказка, басня);

2.2) кинематограф и мультипликация;

2.3) живопись.

Значимость для современного языкового сознания таких источников прецедентных текстов, как художественная литература, мифы, предания, различные виды устной народной словесности и т. д., была отмечена еще Ю. Н. Карауловым [Караулов 1987: 216—217], значимость данных источников подтвердилась и в анализируемом дискурсе. Отметим лишь, что все примеры прецедентного текста «узнаваемы», не имеют культурных или возрастных ограничений и «входят в школьную программу», что является отличительной чертой политической карикатуры, так как ее аудитория максимально «широка», и действенным орудием могут быть только известные всем образы.

Наиболее частотным в политической карикатуре о мировом кризисе является сказочный прецедентный текст. Авторы легко вписывают в современную реальность волшебные предметы:

– разбитое корыто, у которого сидит все наше правительство;

– огромное золотое яйцо ипотеки, которое даже Курочка Ряба не может разбить;

– банк на курьих ножках — «сегодня он к вам передом, а завтра — задом».

К сожалению, в отличие от сказки, в современной политической карикатуре нет даже на-

мека на победу добра: правительство вновь и вновь оказывается у разбитого корыта, золотое яйцо ипотеки оказалось не только недоступным, но и опасным, угрожающим раздавить весь мир. Апогеем сказочного прецедентного текста становится камень у трех дорог с надписью «нигде ничего нет».

Процветают в кризисных условиях лишь сказочные злодеи: Баба Яга на ступе марки «Мерседес», волк-начальник, пожирающий сокращенный персонал, или дракон, который проглотил богатырей — антикризисные меры — и даже не подавился.

Отметим также, что только в одном контексте авторы используют сочетание культурного и политического прецедентных феноменов: у сказочного корыта сидят то Медведев с Путиным, то Алексей Кудрин, только золотой рыбки так и не видно, никто из авторов не решился ответить на вопрос, а кем же/чем же должна стать золотая рыбка.

Отметим, что практически во всех анализируемых примерах используется интерпретативная корреляция: между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе. Реже применяется поддерживающая корреляция.

Помимо сказочных образов, карикатуристы часто обращаются и к таким национально-культурным образам-символам, как Дед Мороз и Смерть. Образ смерти становится вторым лицом кризиса: кризис убивает все наши надежды, мечты, устремления, а в конце концов убивает и нас.

Образ Деда Мороза был актуализирован самим временем создания карикатур — Новый 2010 год. Только на сей раз Дед Мороз не принес нам подарки: часто он изображается в разорванной шубе и с пустым мешком, а нередко — и со шляпой в руках.

В данной группе текстов используется поддерживающая корреляция: вербальный компонент сведен к минимуму и лишь ставит главный акцент (актуализируя контекст) и указывает нам верный путь прочтения текста.

Частотность прецедентных феноменов с источниковой сферой «художественные произведения» значительно ниже, мы посчитали уместным представить анализ только наиболее продуктивных и актуальных в анализируемом

дискурсе, используемых не одним автором и повторяющихся как минимум в трех примерах.

В классе «Литература» нами были отмечены три наиболее «востребованных» произведения: сказка «Буратино» и басни «Ворона и лисица», «Слон и моська». Обращение к детской сказке о деревянном мальчике было предсказуемо: в русском национальном сознании, наверное, это единственная сказка «об обманутом вкладчике». Итак, Буратино — это обманутый вкладчик, Поле Чудес в Стране Дураков — банк, а лиса и кот Базилио — то инфляция, то ипотеки или кредит, а то и сам кризис.

Не менее предсказуемо и обращение к образу обманутой вороны. Отметим лишь, что образ вороны нередко дополнен отсылками к Алексею Леонидовичу Кудрину (квадратные очки, слова «ничего — дальше будет легче»).

Образ же крыловского невозмутимого слона приобретает в анализируемом дискурсе агрессивную семантику: слон-кризис не только не замечает антикризисные меры, мешающиеся у него под ногами, но и разрушает все на своем пути.

Пограничное положение занимают примеры обращения к прецедентному образу Чебурашки: мы их отнесли к классу прецедентных феноменов со сферой-источником «Кинематограф и мультипликация», так как авторы используют именно визуальный образ героя, не ссылаются на тексты произведений Э. Успенского. Любимый всеми с детства несуразный Чебурашка предстает в очередной раз обманутой жертвой банкира-Шапокляк.

Второй продуктивный пример прецедентного текста с источниковой сферой «Кинематограф» — фраза, ставшая крылатой, из знаменитого фильма «Терминатор» «I'll be back» (Я вернусь) — был актуализирован другим прецедентным высказыванием, о второй волне кризиса, принадлежащим А. Кудрину, что и обусловило частотность использования фразы.

В классе «Живопись» нам был отмечен только один продуктивный источник — картина Ф. П. Решетникова «Опять двойка». Данный прецедентный текст был актуализирован по нескольким причинам: во-первых, это одно из «программных» произведений, известное со школьной скамьи; во-вторых, образ нынешнего президента нередко в современном дискурсе основан на метафоре школьника, ученика. Характерно, что во всех примерах данной группы вербальный компонент сведен «к нулю»: указывается только автор и, иногда, название («Опять двойка»), выполняющее поддерживающую функцию, функцию подсказки, актуализирующей прецедентный текст. При этом во всех примерах происходит совмещение, взаимное наложение культурного и политического прецедентного текста: расстроенная мать всегда предстает в облике В. В. Путина (этим в очередной раз подчеркивается его особое место в современной России), а вот двойку приносит то Д. А. Медведев, то А. Л. Кудрин.

Итак, в ходе исследования нами было отмечено, что в политической карикатуре при обращении к визуальному культурному прецедентному тексту чаще используется поддерживающая корреляция: вербальный компонент отходит на второй план и выступает лишь в роли подсказки, указателя, что может быть объяснено богатым семантическим наполнением визуального компонента.

ЛИТЕРАТУРА

- Будаев Э. В. Политическая метафора в невербальных семиотических системах // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 57—66.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. «Метафоры, которыми мы живем»: преобразования прецедентного названия // Политическая лингвистика. 2007. № 22. С. 99—105.
- Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 180—190.
- Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007а. Вып. (1) 21. С. 75—80.
- Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика: сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007б. Вып. (3) 23. С. 73—78.
- Ворошилова М. Б. Политическая карикатура как креолизованный текст // Русский язык: человек, культура, коммуникация: сборник научных трудов / УГТУ-УПИ. — Екатеринбург, 2008. С. 256—263.
- Ворошилова М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2010а. Вып. (1) 31. С. 90—95.
- Ворошилова М. Б. Алексей Леонидович! Нашупали дно?: Прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2010б. Вып. (3) 33. С. 61—63.
- Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20: сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. — Екатеринбург, 2006.
- Мардиева Л. А. Прецедентные визуальные феномены в газетно-журнальных текстах // Вестник ТГГПУ. 2007. № 1 (8). URL: http://vestnik.tggu.ru/subdnn/vestnik/system/files/62-67_8.pdf (дата обращения: 28.12.2009).
- Нахимова Е. А. Имя собственное в политической коммуникации: метафорическая аналогия и концептуальная интеграция // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 4. С. 30—34.
- Нахимова Е. А. Методика описания прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2008. № 25. С. 88—93.
- Полякова И. С. Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста (на материале выступлений Кондолизы Райс) // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 126—130.
- Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. — М., 2006.
- Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в. — СПб, 2002.
- Шинкаренкова М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и доцент Е. А. Нахимова

А. А. Карамова
Бирск, Россия

A. A. Karamova
Birsk, Russia

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

**SOCIO-POLITICAL EVALUATION
AS MANIFESTATION OF CONTEMPORARY
POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассматриваются специфические особенности социально-политической оценки, обусловленные ее принадлежностью к сфере политического дискурса: особое место в ряду других частных оценок; ярко выраженная гибкость под влиянием экстралингвистических факторов; своеобразие методики анализа единиц, выражающих ее.

Abstract. The article describes specific peculiarities of socio-political evaluation, caused by its belonging to the sphere of political discourse: peculiar position among other individual evaluations; flexibility under the influence of extralinguistic factors; original method of analysis of the units expressing it.

Ключевые слова: политический дискурс; оценка; социально-политическая оценка; общественно-политический словарь; контекст; значение; коннотация; экспрессивность.

Key words: political discourse; evaluation; socio-political evaluation; socio-political dictionary; context; meaning; connotation; expressiveness.

Сведения об авторе: Карамова Айгуль Айратовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

About the author: Karamova Aigul Airatovna, Assistant Professor of the Chair of the Russian Language.

Место работы: Бирская государственная социально-педагогическая академия

Place of employment: Birsk State Social Pedagogical Academy.

Контактная информация: 452453, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10. e-mail: academy@birsk.ru.

Оценка — положительная или отрицательная характеристика предмета, связанная с признанием или непризнанием его ценности с позиции определенных ценностных критериев. И сам предмет квалификации, и его основание различны. В соответствии с этим разнообразна также и оценка. Нас интересует оценка социально-политического характера как неотъемлемая составляющая политического дискурса. Анализ лексических единиц, выражающих данный тип оценки, позволяет констатировать, что социально-политическая оценка во многом специфична, как, в общем, и та область, в которой она бытует. Специфика социально-политической оценки определяется рядом фактов. Рассмотрим наиболее значимые из них.

I. ОСОБОЕ МЕСТО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В РЯДУ ДРУГИХ ТИПОВ ОЦЕНКИ. Попытки классификации оценки предпринимались неоднократно (классификации М. Шеллера, Р. Ингардена, В. Зиллинга, М. Рокеша, Н. Д. Арутюновой, Л. М. Васильева). Классификации базируются на разных основаниях (на степени соотношения объективного и субъективного — общая и частная оценка; на характере — рациональная и эмоциональная оценка; на месте оценки в структуре значения — понятийная и коннотативная оценка). Совершенно очевидно, что социально-политическая оценка — это одна из разновидностей частных оценок, которые, помимо компонента «хорошо/плохо», содержат в себе еще и указание на конкретные свойства объекта, то есть на основание оценки (например: *полезный* — утилитарное основание, *щед-*

рый — этическое основание, *красивый* — эстетическое основание). Именно этот компонент лексического значения берется за основу в классификациях частных оценок. Несмотря на очевидность характеристики социально-политической оценки в качестве частной, в известных нам классификациях [Арутюнова 1999: 198—199; Васильев 2000: 111] нет указания на эту разновидность оценки. Вместе с тем существует необходимость рассматривать социально-политическую оценку как отдельный тип.

Это связано, в первую очередь, с многочисленностью лексических единиц, выражающих социально-политическую оценку. Такие слова являются неотъемлемой частью общественно-политического словаря, обслуживающего важнейшую сферу человеческих отношений. Эта сфера является предметом активной квалификативно-оценочной направленности. И именно такая направленность, на наш взгляд, определяет специфику подобной квалификации. Социально-политическая оценка может иметь своим основанием все наиболее социально, общественно обусловленные нормы и сблизаться в этом смысле с такими типами оценок, как этические: *карьерист*, *конъюнктурщик*, *прихватизация*; утилитарные: *убыточность*, *нерентабельность (предприятия)*; нормативные: *кризис (экономический)*, *стагнация*, *девальвация (рубля)* и т. д. Вместе с тем отождествлять социально-политическую оценку с названными типами нецелесообразно по той причине, что социально-политическая оценка имеет определенную направленность. Например, *нерентабельным*, *бездоходным* может быть

только объект из сферы экономики. (Здесь имеется в виду ингерентная общественно-политическая лексика, которой как единице языка присуще политически связанное значение. Она выделяется в противовес адгерентной, политическое значение которой обусловлено контекстом: *атрофия власти — атрофия органов, финансовые бури — песчаные бури*. Последняя может выражать социально-политическую оценку только в условиях соответствующего контекста.) Таким образом, классифицирующим признаком общественно-политической оценки становится не столько основание, то есть то, *с точки зрения чего* производится оценивание, сколько предмет, то есть то, *что* оценивается. А оцениваться в этом случае может только объект общественно-политической сферы.

Особенность социально-политической оценки определяется еще одним ее структурным компонентом — субъектом. Чаще всего общественно-политическое явление характеризуется с позиции или части социума, или социума в целом. Оценка, высказанная отдельным человеком в политике, — это чаще всего выражение коллективной позиции определенной партии, группы.

Таким образом, выделять социально-политическую оценку в отдельный тип частных оценок целесообразно с учетом основания (только социально значимого) и предмета (также общественно значимого). Отсюда очевидно, что она специфична и будет занимать в классификации особое место.

II. Подвижность, неустойчивость социально-политической оценки. Социально-политическая оценка в наибольшей мере, по сравнению с другими типами, подвержена влиянию экстралингвистических факторов. Это тоже обусловлено ее принадлежностью к общественно-политической лексике, которая очень гибко реагирует на любые внешние изменения. Коренные преобразования способны значительно повлиять на соответствующий словарь. Подобным фактором явилась перестройка 1985 г.

Коренные общественно-политические реформы влекут за собой оценочное переосмысление многих реалий. Это отражается на количественном и качественном составе оценочных единиц. В кругу количественных изменений наиболее яркий процесс — пополнение словаря: *прихватизация, волчеризация, бомж, ГКЧП, киллер, новый русский, совок* и т. д.

Качественные изменения — оценочные трансформации в пределах лексического значения слова. Они естественным образом влекут за собой и количественные процессы. Можно проследить следующие трансформации:

- формирование социально-политической оценки;
- поляризация социально-политической оценки;
- нейтрализация социально-политической оценки.

Рассмотрим их подробнее в свете указанной общественно-политической реформы.

ФОРМИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ

Под влиянием социальных факторов номинативные слова могут преобразовываться в оценочные: за лексическим значением закрепляется оценочный компонент, либо у слова развивается новое, оценочное значение.

Рассмотрим в этом плане слово *перестройка*, ставшее ключевым в конце XX в. и отражающее знаковую общественно-политическую реалию того времени.

Политически связанное значение слова *перестройка* появилось на базе отглагольного существительного. В основу развития политического значения легли два из известных значений глагола *перестроить*: «1. Построить заново, иначе, произвести переделку в постройке; 2. Переделать, внося изменения в систему чего-либо, порядок следования чего-либо» [МАС, 3: 98]. В период, наиболее приближенный к указанной реформе, словари фиксируют следующее значение: «Подготовленный и организованный КПСС и поддержанный всем народом революционный по своей сути процесс коренного изменения норм и принципов руководства, экономики, общественного сознания, направленный на совершенствование и ускоренное развитие народного хозяйства на основе обновления технической и технологической базы производства, самофинансирования и хозрасчета, на развитие демократии, гласности, личной трудовой инициативы, на ускорение социального прогресса» [Ожегов 1990: 509]. Понятно, что событие подобного масштаба не могло не явиться объектом оценочной квалификации, что не только отражалось в дефиниции значения, но и сказывалось на функционировании слова. В период «эйфории от гласности» за ним закрепляются положительные коннотации. Об этом свидетельствуют: 1) сочетаемость: *в духе перестройки, партия перестройки, творчеством масс сильна перестройка, перестройка и новое мышление, перестройка есть соединение социализма и демократии* [Костомаров 1999: 153—154]; 2) перифразы: *волна обновления, реформы в СССР, эпоха реформ*; 3) метафорические обозначения: *перевал, поток, вторая оттепель*. Инициаторы перестройки уподоблялись *штурманам, капитанам, архитекторам* [Телия 1996: 375]. Положительная оценка номинации *перестройка* выражалась в противопоставлении ее слову *застой*, употреблявшемуся в значении «период в советской истории с середины 60-х гг. до 1985 г., характеризовавшийся экономическим упадком, коррупцией, моральным разложением властных структур и связанным с этим кризисом всего общества» [ТСРЯ: 375].

Однако по мере дальнейшего осмысления обществом своей истории у слова появляются и негативные коннотации. Номинация заменяется такими перифразами, как *непрекращающийся ремонт, развалины (руины) перестройки*

ки, косметические реформы [Какорина 1996: 178]. Место положительно окрашенных метафор занимают обозначения с противоположным знаком: *повозка, болото, драма, говорильня, хирургическая операция*. Инициаторы перестройки теперь *заложники* [Телия 1996: 127]. Слово *перестройка* активно участвует в образовании оценочных экспрессивных номинаций: *перестройщик, перестроечник, долгострой, контр-перестройка, недоперестройка, катастрофка*. В этот период «перестройка воспринимается как какое-то растение, семена которого посеяны, но плодов еще никто не видел <...> перестройка уподобляется взлетевшему самолету, аэродром для которого еще не построен» [Баранов, Караулов 1991: 13]. На определенном этапе словари фиксируют нейтрализацию оценки (сравнительно с первоначальной дефиницией): «В СССР в 1985—1991 гг.: начало коренного изменения в политике и экономике, направленного на установление рыночных отношений, на развитие демократии и гласности, на окончание холодной войны» [Ожегов, Шведова 2003: 511]. Исследователи, опираясь на анализ функционирования слова, совершенно обоснованно констатируют, что в определенный момент существительное *перестройка* было энантиосемичным, «когда на определенном этапе “ухудшения” своего значения слово совмещает еще не забытую положительную оценку и новую отрицательную» [Клушина 1997: 51]. В начале XXI в., когда в лексической системе наметилась тенденция к стабилизации (по сравнению с периодом конца XX в.), слово *перестройка* также совмещает в себе две противоположные оценки, что уже узуально зафиксировано в словарях: «Совокупность осуществлявшихся в СССР в 1985—1991 гг. реформ и преобразований в области экономики, общественной и государственной жизни, направленных на развитие демократии, гласности, на выход страны в мировое сообщество и имевших, наряду с *позитивными* переменами, *негативные* (распад государства, резкое разделение общества на богатых и бедных, криминализация всех сфер жизни и т. п.)» [ТСРЯ: 724]. Указанный факт наводит на мысль о том, что в данном случае имеет место не столько энантиосемия (поскольку это явление временное), сколько двуоценочность (по определению И. А. Стернина). Доказано, что слова, обслуживающие идеологию, совмещают в себе положительную (у сторонников данной идеологии) и отрицательную (у ее противников) оценку.

Таким образом, мы проследили, как у слова, изначально неоценочного, развивается новое политически связанное оценочное значение. Процессы формирования оценки можно проследить на примере таких слов, как *христианство, ГУЛАГ, челнок* и т. п.

Поляризация оценки

Под влиянием экстралингвистических факторов, в результате переосмысления реалии

языковая оценка может поменяться на противоположную. Это в большей мере проявляется у слов с идеологической окраской. Рассмотрим в качестве наиболее яркого примера слово *советский*, которое в период существования советской власти имело неоспоримо положительное значение.

Словари советского периода фиксируют два значения слова *советский*: «1. Прилагательное к Совет; основанный на управлении советами как органами власти: *советская власть*; 2. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов: *советский период*» [МАС, 4: 175]. Как видно, в структуре лексического значения нет явно выраженного оценочного компонента. Однако примечателен тот ореол, коннотации, которыми окружалось слово в советский период развития страны. Оно употребляется в одном синонимическом ряду с прилагательными *государственный, правительственный*. Показательны также лозунги, бытовавшие в описываемый период: «*Да здравствует наша великая советская Родина!*»; «*Слава советской державе!*»; «*Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики!*»; «*За счастливую юность голосует советская молодежь!*»; «*Слава всему советскому народу — строителю коммунизма!*» и т. п. Ряд производных от прилагательного *советский* типа *антисоветский, антисоветчик, антисоветчина* свидетельствует о негативном отношении общества к противникам советского строя. Таким образом, сама идеология диктовала положительную оценку, и иная квалификация не допускалась.

Изменение оценки обществом своих идеологических и политических установок повлияло на контексты, ранее окружавшие слово: *советская бюрократия, советский тоталитаризм, советский блат*. В публицистике активно употребляется слово *застой* как негативная характеристика одного из периодов советской эпохи. Возрождается к жизни производное от сочетания *советский депутат* слово *совдепия* (оно родилось еще в Белой армии и в годы становления Советской страны выражало негативное отношение противников революции к устанавливаемому строю). Прилагательное *советский* становится производным для таких экспрессивных оценочных номинаций, как: *анти-советизм*, имеющее значение «жесткое неприятие советского периода и относящихся к нему, связанных с ним явлений» [ТСРЯ: 76]; *совок* (По свидетельству В. Г. Костомарова, появилось на газетной полосе в 1990-х гг. В настоящий момент оно функционирует в языке на правах узуального слова, так как зафиксировано в словарях полисемантически: «1. Советский Союз, советский строй; 2. Что-либо, свойственное Советскому Союзу, Советскому строю; 3. Советский человек как носитель определенных качеств» [ТСРЯ: 93]; участвует в словооб-

разовании: *совковый, совковость; гомо (хомо) советикус* (словосочетание также зафиксировано в современных словарях со значением «советский человек» [ТСРЯ: 931]).

Более того, отрицательное значение слова *советский*, предпосылки к развитию которого появились в перестроечный период, закрепились за прилагательным. Свидетельство этому — фиксация его в новейших словарях с пометой «неодобрительное»: «Характерный для СССР: *В актуальной русской литературе вновь появляется, проявляется полузабытый за годы советского беспамятства аппарат для работы с языками культуры внутренней (внутри каждого отдельного индивидуума) жизни.* Знамя, 2000, № 9» [ТСРЯ: 931].

Таким образом, мы проследили поляризацию оценок, проявившуюся в функционировании слова (от положительной к отрицательной). Вместе с тем нельзя не принимать во внимание, что анализируемое слово имеет идеологическую окраску, которая не позволяет исследователям однозначно квалифицировать полярированность оценки. Оно должно трактоваться как двуоценочное. Поэтому не исключается употребление слова *советский* (в значении «относящийся к Стране Советов, к СССР») в положительных контекстах: «За ними великая культура великого народа, за ними *советская эпоха*, которая была самым гениальным проектом человечества и которую силой сломали, не дав ей окончательно реализоваться» (Правда России. 1999. № 9).

Поляризация оценок наблюдается также в значении слов *коммунизм, коммунист, товарищ, социализм, капитализм* и т. п.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ

Под нейтрализацией оценки следует понимать утрату оценочного компонента в значении слова или оценочного значения в семантической структуре многозначного слова. Одним из наиболее ярких примеров этого явления может послужить слово *товарищ*. Согласно исследованиям Б. Казанского, слово в старорусском языке обозначало соратника, соучастника похода или торгового путешествия. На развитие политического значения существительного *товарищ* повлияло европейское *камрад*, пошедшее от испанского *камарада*, что значило 'камерный', т. е. солдат той же камеры (казармы) [Казанский 1958: 58]. Два из пяти значений слова *товарищ*, отмеченных словарями советского периода («1. Член рабочей революционной партии, партийного рабочего коллектива; 2. Гражданин, человек в советском обществе» [МАС, 4: 371]), имеют идеологический характер и во многом объясняют повсеместное употребление этой номинации в роли обращения в советский период. Активное употребление этой формы также можно связать с теми высокими ассоциациями, которые связывались со словом *товарищ*: «Какое же слово... как не товарищ...лучше — прямее, сильнее, проще и надежнее — могло бы выразить то высокое и крепкое

творческое и ответственное отношение, которое должно будет по-новому — глубже, богаче, активнее и радостнее — объединить между собой трудящихся всего мира!» [Казанский 1958: 53]. Слово *товарищ* употреблялось в качестве синонима к словам *коммунист, активист, гражданин*. Преобладающая часть контекстов, окружавших слово, также положительна: *опытный товарищ, энергичный товарищ, деятельный товарищ, руководящий товарищ, уважаемый товарищ, дорогой товарищ; в какого-либо товарища верить; в каком-либо товарище не сомневаться; на какого-либо товарища положиться* и т. п. [УСССРЯ: 591—592]; *Наше слово гордое «товарищ» нам дороже всех красивых слов.* — Е. Долматовский. Лейся, песня [Мокиенко, Никитина 2008: 602]. Указанные факты свидетельствуют о положительных коннотациях, закрепившихся за данным словом в советский период. (Вместе с тем нельзя забывать об идеологической окраске слова, которая обуславливает двуоценочность единицы: «Толковым словарем языка Совдепии» зафиксировано пренебрежительное обозначение большевика или его сторонника, бытовавшее у противников, принадлежащих к противоположной идеологии: «Мы должны сдать Питер немцам, установить немецкую власть, немецкую политику, перевешать всех *“товарищей”* и дать России крепкое правительство». — Погодин Н. Человек с ружьем. Кремлевские куранты. Третья патетическая. — М., 1969. С. 25) [Мокиенко, Никитина 1998: 602].

К середине 80-х гг. XX в. слово приобретает отрицательную окраску, используется для выражения ироничного отношения, что распространяется и на саму форму вежливого обращения: *товарищи демократы!; господа-товарищи демократы!* В. Г. Костомаров отмечает, что в истории этого слова повторилось, только с обратным знаком то, что с ним произошло в 20-е гг. XX в., когда, по оценке эмиграции, «прекрасное слово товарищ стало бессодержательным обращением» (С. и А. Волконские) [Костомаров 1999: 13].

Предпосылки к формированию отрицательной оценки слова *товарищ*, наметившиеся в словопотреблении конца XX в., способствовали вытеснению этой единицы из активного употребления. Новейшие словари трактуют данное слово (в анализируемых значениях) как историзм советского времени, не осложненный оценочным компонентом: «В советское время (обычно перед фамилией, званием, должностью, профессией): обращение к гражданину, а также его упоминание, обязательное обращение или упоминание применительно к члену коммунистической или дружественной партии» [Ожегов, Шведова 2003: 800]; «В советское время: обращение к незнакомому человеку; официальное именование советского человека» [ТСРЯ 986].

Нейтрализовались в оценочном плане слова типа *гражданин, господин, капитализм, буржуазия* и т. д.

III. СВОЕОБРАЗИЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОЦЕНКУ. Как продемонстрировал предложенный анализ, и констатация самого факта оценочности политического слова, и определение полярности его оценки представляют определенные трудности. Оценка и ее изменения могут первоначально проявляться на правах контекстуальных или коннотативных (имеется в виду коннотация как ассоциативный, потенциальный, факультативный компонент лексического значения). Такие коннотации отражаются в словарях в виде ЛСВ или помет. Однако в работе над общественно-политической лексикой приходится сталкиваться с трудностями при определении подобного рода оценочного компонента. Дело в том, что не всегда удается судить о переходе речевой коннотации в узуальную, так как даже новейшие словари часто не успевают учесть всех «коллизий», происходящих со словом из разряда общественно-политической лексики. Это связано со следующими особенностями социально-политической оценки:

1) у представителей разных идеологий, партий, группировок с одним и тем же понятием могут быть связаны различные, часто противоположные, ассоциации (например, если для представителя революционного движения *пролетариат* — это *защитник свободы и равенства*, то для сторонников оппозиции — *разрушитель России*), т. е. мы наблюдаем явление двуоценочности;

2) политическая лексика в значительной мере привязана к определенным периодам в жизни общества, в связи с чем она чутко реагирует на все переосмысления фактов (например, поляризация оценок в словах типа *советский, коммунизм, капитализм*);

3) политическая лексика часто отражает появление новых понятий в политике и общественной сфере, еще не получивших устоявшейся оценки (например, фразеологизм *новый русский* в начале 90-х гг. XX в. мог употребляться и с положительным, и с отрицательным оттенком).

Поэтому лишь сложный комплексный анализ (опирающийся на методы и приемы структурного, таксономического, лексического, контекстуального, словообразовательного, сравнительно-исторического, социолингвистического, психолингвистического анализа; привлекающий широкий исторический контекст) может позволить свидетельствовать об оценочности слова, а также об оценочных трансформациях. Часто результатом подобного анализа является лишь

определение тенденции к закреплению оценки за словом.

Таким образом, специфичность социально-политической оценки обусловлена особенностями и закономерностями самого политического дискурса, характерным проявлением которого она является.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: ЯРК, 1999.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: мат-лы к словарю. — М.: ИНЯ АН СССР, 1991.

Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа: Вост. ун-т, 2000. Вып. 1.

Казанский Б. В мире слов. — Л.: Лениздат, 1958.

Какорина Е. А. Новизна и стандарт в языке современной газеты (особенности использования стереотипов) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М., 1996. С. 169—181.

Клушина Н. И. Два противоположных значения в одном слове // Русская речь. 1997. № 3. С. 54—60.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб., 1999.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд., перераб. — М.: Русский язык, 1990.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2003.

Словарь русского языка = МАС: в 4-х т. 2-е изд., перераб. и доп. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1983. Т. 3.

Словарь русского языка = МАС: в 4-х т. 2-е изд., перераб. и доп. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1984. Т. 4.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.

Толковый словарь русского языка нач. XXI в. Актуальная лексика = ТСРЯ / С.-Петерб. гос. ун-т, институт филологических исследований; под ред. Г. Н. Складчиковой. — М.: Эксмо, 2007.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка = УСССРЯ / Институт русского языка им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1978.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и доцент М. Б. Ворошилова

И. В. Кирилова
Екатеринбург, Россия

**САКРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА
ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Анализируется сакральная символика демонологической лексики как фрагмент традиционной народной культуры, употребляющейся в российском политическом дискурсе.

Ключевые слова: демонологема; сакральная символика; народная культура; ментальное пространство; прагматика.

Сведения об авторе: Кирилова Ирина Владимировна, аспирант кафедры общего языкознания и русского языка, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: irishakuz@yandex.ru.

I. V. Kirilova
Ekaterinburg, Russia

**SACRED SYMBOLS
OF TRADITIONAL FOLK CULTURE
AS A MEANS OF INFLUENCE
IN POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. Sacred symbols of demoniac lexis as a fragment of traditional folk culture used in the Russian political discourse are analyzed in the article.

Key words: demonologem; sacred symbols; folk culture; mental space; pragmatics.

About the author: Kirilova Irina Vladimirovna, Postgraduate Student, Chair of General Linguistics and the Russian Language, Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Наиболее продуктивным в политической лингвистике последних десятилетий является комплексный анализ политических текстов в рамках дискурсивного подхода, предполагающего «...исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами <...> с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, который этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [Чудинов 2008].

Политическая коммуникация по своей онтологической сути характеризуется яркой воздействующей направленностью и оценочностью, при этом воздействие политического текста редко бывает аргументативным: «пытаясь привлечь слушателей на свою сторону <политики> вовсе не рассчитывают прямолинейно воздействовать на чье-либо сознание ... можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках...» [Демьянков 2002: 39]. Такого рода имплицитное воздействие обнаруживается лишь при скрупулезном анализе ментального пространства политического дискурса. Ср. следующее понимание ментального пространства: «...отражение представлений об объекте, а не его полной модели, <что определяет его> ... условность и возможность конструирования на основе комбинаций различных элементов реальности в соответствии с замыслом говорящего» [Ваганова, Гридина 2007: 14]. Рамками моделируемого ментального пространства политического дискурса определяется как выбор речевого жанра

текста и алгоритма манипулятивных тактик, так и языковых средств, что можно рассматривать как «интерпретационный фонд прагматических намерений субъекта, ориентированный на социокультурные стереотипы поведения в определенных традицией ситуациях» [Коновалова 2007: 65]. Лингвокогнитивный анализ текстов политической коммуникации показывает, что «речь политика (за некоторыми исключениями) оперирует символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании; высказывания политика должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть во все множество внутренних миров) ... «потребителей» политического дискурса» [Демьянков 2002: 39].

Одной из стратегий воздействия на аудиторию в политическом дискурсе является оперирование символами (в том числе из сферы демонологии) традиционной народной культуры. Применительно к политическому дискурсу использование демонологической лексики (в частности, номинаций нечистой силы) можно рассматривать как особый вариант реализации социосемантики сакральной символики традиционной народной культуры. Можно выделить три типа задач политического влияния, достигаемых за счет использования демонологем: 1) выражение отношения к какому-либо объекту (чаще негативного) — для этого используется экспрессивный потенциал демонологемы или оборота, включающего демонологему; 2) формирование в сознании аудитории демонического образа политического оппонента и, как следствие, неблагоприятных перспектив развития страны; 3) самоидентификация говорящего как

«народного представителя» масс и носителя народного сознания.

К средствам достижения задач первого типа можно отнести использование эмотивов, как правило, представленных фразеологическими оборотами, содержащими демонологемы: *кой черт (какого черта, какая ... к черту)* 'употребляется для выражения несогласия с чем-либо, сильного неудовольствия, раздражения по поводу чего-либо' [ФСРЯ 2003: 111]. Например, в статье В. Восорбина, посвященной оппозиционной деятельности партии «Яблоко»: *«Я понимаю, у него задача — ослабить Россию. Но я бы все равно взял! И Запад бы обманул, и Россию спас... В субботу на совместном митинге НБП и “Яблока” у офиса партии “Единая Россия” даже стало как-то странно — какие, к черту, пенсионные льготы?! У людей явно другие цели! “Революция! Революция!”»* [В. Восорбин. Вожди льготного бунта // Комсомольская правда. 2005.02.01]; или в высказывании В. Выжutowича об амнистии по отношению к бывшим участникам бандформирований на Северном Кавказе: *«Ведь если мы боремся с террористами, то какая им, к черту, амнистия?!»* [Валерий Выжutowич. Бес прощения // «Московские новости». 2003]. Этимологические данные сочетания восходят к магическим формулам, но в настоящий момент они утратили сакральный смысл и используются как экспрессымы. См. также рассуждения О. Власовой о перспективах европейской интеграции: *«...литовские врачи уезжают на работу в Лондон. С точки зрения ЕС — это проблема Литвы. Пусть, черт побери, лучше платят своим врачам»* [Ольга Власова. Рецепт всеобщего благополучия (2004) // «Эксперт». 2004.12.20].оборот *черт побери* используется для обозначения отношений между участниками ЕС и не содержит сакрального компонента.

Другим способом выражения отношения к объекту посредством использования демонологем является обращение к «тактике высмеивания оппонентов» (О. С. Иссерс, И. Н. Борисова и др.). В качестве примера приведем высказывание В. Новодворской о политических лидерах: *«Да все они взаимозаменяемы. Была бы какая-нибудь кикимора партийная»* [А. Гамов, О. Вандышева, В. Баранец, О. Улевич («КП»—Минск), Я. Артюшенко («КП»—Киев), А. Анишкин. Если бы Ельцин свалился с лестницы, союз бы не развалился // Комсомольская правда. 2006.12.03]. Данное высказывание относится к лицу, являющемуся представителем партии, которая в сознании автора реплики ассоциируется с болотом (ср. соотносимое с использованным, в том числе по структуре, выражение *кикимора болотная*, которое фиксирует этнокультурный стереотип *кикиморы обитают только в болоте*). Кроме того, образ кикиморы в современном употреблении чаще всего выступает как комический (ср. звукоподражательный этимон *ки-ки/хи-хи*, актуализированный в много-

численных мультфильмах и детских сказках в соответствующих действиях когда-то угрожающего, а ныне жалкого и смешного персонажа).

К средствам формирования в сознании аудитории демонического образа политического оппонента или отрицательных перспектив развития страны относится употребление демонологем в прямом значении. Следует отметить, что примеров такого использования демонологем в речи российских и советских политиков немного, в то время как для политических деятелей зарубежных стран оно более характерно. Например, президент Венесуэлы У. Чавес на выступлении в Генассамблее ООН так охарактеризовал своего политического оппонента Дж. Буша: *«Вчера сюда приходил дьявол... Прямо сюда, — и стол, напротив которого я стою, до сих пор пахнет серой. Вчера, дамы и господа, с этой трибуны президент США, которого я называю дьяволом, говорил так, будто владеет миром. На самом деле. Как повелитель всего мира»* [У. Чавес. Выступление на Генассамблее ООН. 2006.21.09]. В приведенном высказывании транслируется классическое католическое представление о дьяволе, от которого пахнет серой, о «князе мира сего», образ которого проецируется на политического лидера США. Можно предположить, что У. Чавес в своей речи отождествляет с дьяволом даже не конкретного человека, а должность руководителя мировой сверхдержавы.

Особый интерес представляет использование демонологем как средства самоидентификации говорящего в качестве носителя народного (религиозного) сознания в традиционных культурах. Например, президент Ирана М. Ахмадинежад в своей речи часто использует демонологему *дьявол* как в оборотах, так и самостоятельно: *«Они думают только о том, как бы удержать власть и богатство. Им плевать на всех остальных людей в мире, даже на собственный народ. Вот почему власть дьявола проявила себя и расширяет сферу своей власти, лишая других возможности наслаждаться равноправными и справедливыми возможностями для развития»* [<http://rusk.ru/newsdata.php?idar=182554>]. В данном случае демонологема используется в прямом значении и соотносится с понятиями власти и богатства, которые в традиционных культурах считаются греховными и опасными. Используя демонологемы в высказываниях, приведенных выше, президент исламского государства подчеркивает свою самоидентификацию не только в качестве политического, но и как национального и религиозного лидера.

Российские политики и журналисты активно используют потенциал фразеологических оборотов для идентификации аудитории как «своих», поскольку большинство устойчивых сочетаний содержит национально-культурные компоненты. Приведем анализ использования часто встречающихся фразем.

Черт из табакерки — о чем-либо неожиданном, пугающем, неприятном; часто используется в политических текстах. Для носителей языка фразеологическое значение является мотивированным, только никто не вспоминает о первоначальных табакерках с секретом, распространенных в XIX в. Вместо этого в современной культурной ситуации значение интерпретируется через известную сцену из фильма «Бриллиантовая рука». Отметим, что в данной идиоме слово *черт* не имело сакрального компонента значения, так как первоначальным основанием для создания фраземы стал метафорический перенос по сходству между неожиданным событием и игрушкой-розыгрышем. Ср. пример использования данного выражения в интервью Р. Алханова (министра внутренних дел Чечни): «*Боевики — это черти, которые в любой момент и в любом месте могут выскочить из бандитской табакерки. Наша тактика — не ждать этих вылазок, а идти на опережение, с помощью населения находить и уничтожать экстремистов*» [Янченков В. Руслан Алханов: Боевики — это черти // Труд-7. 2005.12.16]. В данном случае мы наблюдаем комплексную трансформацию фраземы — семантическую, морфологическую и синтаксическую: используется словоформа множественного числа *черти*, расширяется состав устойчивого выражения за счет столкновения прямого и переносного значений лексических компонентов. В результате такого нестандартного речевого хода говорящий достигает основной цели: идентифицируется как «свой» не только как военный союзник, но и как носитель той же языковой, а следовательно, и национальной картины мира.

Не так страшен черт, как его малюют — идиома, связанная с преуменьшением ожидаемого эффекта [http://www.gramota.ru/book/ritorika/4_8.html], безразличием к последствиям; как правило, используется в политических текстах для обозначения отношения говорящего к какой-либо проблеме. Несмотря на то что формально демонологема в составе устойчивого выражения не утратила сакрального смысла, используется фразема безотносительно к нечистой силе, как десакрализованная. Например, В. Выжutowич пишет о В. В. Путине: «...*не так страшен черт в обличье офицера ФСБ, как его малюют неугомонные наши правозащитники и американская пропаганда*» [Валерий Выжutowич. Диагноз: маниакальная шпиономания (2003) // Комсомольская правда. 2007. 11.10]. Похожий пример находим в высказывании О. Шевцова: «*Ведь, если не так страшен "исламский черт", как его малюют за океаном, то зачем загонять его в угол и тем паче превентивно атаковать?*» [Олег Шевцов. Президент Франции сболтнул лишнее // Комсомольская правда. 2007.02.03]. Здесь функционирование фраземы осложнено нестандартной сочетаемостью — демонологема *черт* в соче-

тании с идиомой «загнать в угол» придает яркую образность всему высказыванию: образ загнанного в угол черта является для русской языковой картины мира парадоксальным (за исключением некоторых сюжетов литературных сказок) и поэтому привлекает внимание аудитории.

Отдельного внимания заслуживает фразеологическое сочетание *идти хоть с чертом (брать денег хоть у черта, переговариваться хоть с дьяволом)* со значением «достижение цели любой ценой». В политических текстах эта фразема встречается довольно часто, что может быть, с одной стороны, интерпретировано как средство создания яркой и образной речи, с другой — как проявление известного политического цинизма: «*Можно исходить из той логики, что против Путина можно идти хоть с чертом. Но тогда возникает следующий вопрос — как делить плоды потенциальной победы с этим самым чертом, если он — коммунист*» [Перекраска // Известия. 2007.12.24]. Автора не столько волнует возможное сотрудничество с чертом, сколько его (черта) политические взгляды. Приведенный пример также демонстрирует общую тенденцию к десакрализации демонологемы в политическом дискурсе.

Менее эффективными в плане воздействия на адресата политического текста можно, по видимому, считать использование фразеологических сочетаний, не имеющих национально-культурных коннотаций. Ср., например, использование в российском политическом дискурсе сочетания французского происхождения *дьявол в деталях*: «*По известному выражению, дьявол кроется в деталях. Именно детали заставляют усомниться в продуманности построенного на жестких административных ограничениях документа, который подготовлен в Министерстве образования и науки*» [Сергей Лесков. Под лабораторным арестом // Известия. 2007.12.24]. Автор, используя выражение, неизвестное многим носителям русского языка и, соответственно, лишенное этнокультурных коннотаций, как бы подчеркивает свою принадлежность к интеллектуальной и культурной элите, подтверждая тем самым свое право судить о государственных программах в области образования и науки.

Таким образом, использование сакральной символики традиционной народной культуры в российском политическом дискурсе является популярным средством воздействия. Демонологическая лексика, чаще всего десакрализованная, употребляется с целью создания экспрессивности и образности высказывания. Если же демонологема входит в состав фразеологизма, в том числе десакрализованного, а в ряде случаев даже десемантизированного, она в плане эффективности воздействия на аудиторию обладает более сильным прагматическим потенциалом и способствует уже не только экспрессии, но и выразительности, яркости высказывания в целом и его запоминаемости, по-

скольку сакральная символика демонологемы «поддерживается» в этих случаях отсылкой к прецеденту и богатым лингвокультурным «шлейфом» коннотаций, закрепленных за устойчивыми выражениями.

ЛИТЕРАТУРА

Ваганова И. Ю., Гридина Т. А. «Описываемое будущее» как модель ментального пространства в художественной фантастике // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2007. №1. С.14—19.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политиче-

ская наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32—43.

Коновалова Н. И. Прагматика русского заговора // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2007. №1. С. 60—65.

ФСРЯ = Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М., 2003.

Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI в. // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 86—93.

*Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова
и проф. Н. А. Коновалова*

Ю. С. Костылев
Екатеринбург, Россия

Yu. S. Kostylev
Ekaterinburg, Russia

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ИОСИПА БРОЗ ТИТО В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

LINGUISTIC IMAGE OF JOSIP BROZ TITO IN THE SOVIET PRESS

Аннотация. Автор рассматривает средства создания негативного образа Иосипа Броз Тито в советской центральной печати времен обострения советско-югославских отношений 1948–1949 гг., анализирует, какими специфическими чертами наделяется образ в рассматриваемых текстах, прослеживает его развитие в указанный период.

Abstract. The author describes how the image of an enemy (Josip Broz Tito) was presented in the Soviet central press during the period of the deterioration of relations 1948–1949. While analyzing the means used in creating this image attention was given to specific features and characteristics that became Tito's descriptions in 1948–1949. This approach makes it possible to trace the development of the image in this period of time.

Ключевые слова: лексикология; образ врага; военная пропаганда; советская центральная печать; Югославия; Иосип Броз Тито.

Key words: lexicology; image of an enemy; military propagation; the Soviet central press; Yugoslavia; Josip Broz Tito.

Сведения об авторе: Костылев Юрий Сергеевич, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

About the author: Kostylev Yury Sergeevich, Postgraduate Student of the Chair of the Russian Language and General Linguistics

Место работы: Уральский государственный университет им. А. М. Горького.

Place of employment: Ural State University n.a. A.M. Gorky

Контактная информация: 620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
e-mail: kubkrok@mail.ru.

В ходе последнего этапа Второй мировой войны в Юго-Восточной Европе власти Советского Союза признали Народно-Освободительную армию Югославии со стоящим во главе Иосипом Броз Тито официальным союзником СССР. В советской печати этого периода Тито был представлен национальным героем Югославии, оказавшим значительную и своевременную поддержку Советской Армии в деле освобождения Юго-Восточной Европы. Он был награжден орденами и медалями СССР и других социалистических стран, что советская печать рассматривала как совершенно логичное и заслуженное завершение его боевого пути.

Однако вскоре советско-югославские отношения стали резко ухудшаться вследствие несогласия Тито со Сталиным по ряду вопросов внешней и внутренней политики Югославии (своеобразный взгляд Тито на организацию Балканской Федерации и Южнославянского Союза, неприятие резолюции Комиинформа 1948 г. и т. п.). Результатом стал разрыв советско-югославского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве и создание негативного образа Тито в советской печати. Анализ этого образа и посвящена данная статья. В качестве источника материала использовались публикации газеты «Правда» с конца июня 1948 г. (заседание Комиинформа, осудившего политику КПЮ) по начало октября 1949 г. (разрыв советско-югославского Договора о дружбе). Выборка представлена 157-ю контекстами, характеризующими личность Тито, его поведение и политику.

Характерной особенностью рассматриваемых текстов является то, что враждебное от-

ношение в советской печати формировалось, как правило, не к Югославии в целом, не к Компартии Югославии, а лично к Тито и его ближайшему окружению. Таким образом, мы имеем дело не с созданием образа врага в лице обобщенного представителя какого-либо государства, класса, социальной группы (что часто практиковала советская печать), а с разработкой негативного портрета конкретного человека.

Пожалуй, начало в создании негативного портрета положила статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии», опубликованная 8 сентября 1948 г., на начальном этапе советско-югославского противостояния, и подписанная псевдонимом ЦеКа, хотя автором ее является И. В. Сталин [см: Сталин 2006, 18: 509—515]. Публикация выдержана в духе ответа на аргументы противника в политической дискуссии, а не просто текста, создающего образ врага. В ней используются стилистически вполне нейтральные именованные противника. Единомышленники Тито постоянно (50 раз на протяжении одной статьи) именуется *группой*: «Нынешнее югославское руководство, то есть *группа Тито* — играет на руку империалистам»; «*Группа Тито* пошла на дешевую хитрость» и т. п. Несмотря на нетипичную для советской пропаганды стилистическую корректность такого именованного, оно достигает цели в создании образа врага, подчеркивая отрыв врага от народной массы.

Этот мотив еще более усиливается, когда, 50 раз назвав единомышленников Тито *группой*, автор в конце статьи начинает использовать термин *фракция*: «Теперь *группа Тито* есть *фракция Тито*»; «*Фракция Тито* сама от-

делила себя от партии» и т. п. Такой прием позволил лексически связать деятельность Тито с деятельностью внутреннего врага в Советском Союзе довоенного периода, поскольку борьба с Зиновьевым, Каменевым, Троцким и др. велась именно под лозунгом борьбы с *фракционизмом* в ВКП(б), и слово *фракция* приобрело явный негативный оттенок. Наконец, в этой статье впервые употребляется слово *клика* по отношению к единомышленникам Тито: «В связи с этим в Югославии открыто говорят^[1], что “группа Тито вырождается в клику политических убийц”». Очевидно, именно эта статья и открыла пропагандистскую кампанию, направленную против Тито.

В ходе этой кампании приписываемая югославскому лидеру персональная ответственность в рассматриваемых текстах неуклонно возрастает. Если на первых этапах ухудшения советско-югославских отношений «Правда» еще может говорить о *руководителях* Югославии, без упоминания лично Тито: «Югославские руководители вступили на путь предательства марксизма-ленинизма» (10.07.1948), то в дальнейшем враждебные группы и лица уже определяются, как правило, через их отношение к Тито: «Новое преступление клики Тито» (01.07.1949); «Почему молчит клика Тито» (17.08.1949); «Клика Тито скрывает от народа советскую ноту югославскому правительству» (17.08.1949) и т. п. Лексема *клика* является наиболее частотной для обозначения единомышленников Тито — в рассмотренном материале она встречается 43 раза^[2]. Это можно объяснить явным негативным фоном, который имеет данное слово, и его отработанностью [см.: Костылев 2007] в предыдущие периоды действия советской пропаганды. Столь же активно апробированы лексемы криминальной сферы типа *шайка* и *банда*: «Подлые методы применяет банда Тито против албанского Косова» (05.08.1949); «Банда Тито <...> требует замолчать, скрыть советскую ноту югославскому правительству» (17.08.1949); «Всем известно имя главаря белградской *шайки*» (25.09.1948). Используется и лексика словообразовательного гнезда *преступник*: «Новое преступление клики Тито» (20.07.1949); «Преступная клика Тито—Ранковича» (11.09.1949) и т. п. Кроме того, в текстах встречаются указания на конкретные преступления: «Годовщина убийства Арсо Иовановича титовцами» (18.08.1949).

Несмотря на то, что за события, происходящие в Югославии, по мнению «Правды», ответственность несет персонально Тито, существует еще одно лицо, упоминание о котором более или менее постоянно включается в тексты. Речь идет об Александре Ранковиче, министре внутренних дел Югославии того периода. Его присутствие в пропагандистских текстах неслучайно, поскольку пост Ранковича предполагает решение силовыми, недемократическими методами любого вопроса, за который он берется, что, естественно, бросает тень в пер-

вую очередь на Тито, пользующегося исключительно услугами Ранковича. Более того, в текстах фамилия Ранковича, как правило, фигурирует в конструкциях типа *клика Тито—Ранковича* и подобных (22 случая употребления конструкции *Тито—Ранкович* на 6 упоминаний Ранковича отдельно): «Несогласие с линией Тито—Ранковича» (25.07.1948); «Борьба против клики Тито—Ранковича приобретает всё более широкий размах» (11.09.1949); «Клика Тито—Ранковича ни единым словом не обмолвилась о поджигателях войны» (11.09.1949) и т. п. Более того, в ряде контекстов фамилии Тито и Ранковича формально выступают как одна двойная фамилия: «Тито—Ранковичи уверяют, что партийные массы единодушно идут за руководящей головкой ЦК КПЮ» (25.07.1948); «Это называется у Тито—Ранковича внутривластной демократией» (25.07.1948). Такой прием позволяет представить Ранковича в качестве своеобразного alter ego Тито и, в конечном счете, указать именно на ответственность последнего за силовые пути решения вопросов.

Важной особенностью портрета Тито, отличающего его от образов других врагов за пределами СССР, является применение к нему не только шаблонов, описывающих внешнего врага, но и средств, которыми характеризовались внутренние враги в 1930-е гг. Причина такого синтеза вполне понятна, поскольку, с одной стороны, страны соцлагеря подавались как часть единой социалистической системы, с другой же, Югославия все-таки была суверенным государством с независимой внутренней и внешней политикой. Естественно, основным мотивом, характеризующим действия Тито, при таком подходе становится мотив предательства. Совмещение элементов образов внешнего и внутреннего врага в одном образе позволяет двояко толковать этот мотив: как предательство по отношению к своему собственному народу (что было характерно для образов глав враждебных государств в советской пропаганде) и как предательство по отношению к тем, кто разделяет поддерживаемую «Правдой» идеологию. Этот мотив разрабатывается прежде всего при помощи лексем *предательство* и *однокоренных* (10 случаев употребления): «Предательская политика банды Тито—Ранковича» (11.09.1949); «Фашистская банда Тито—Ранковича предала словен» (11.09.1949); «Клика Тито как в свое внешней так и внутренней политике успела пройти весь путь предательства югославского народа» (23.08.1949); «Народы Югославии разрушат преступные планы предателя Тито и его банды» (19.08.1949) и т. п. Лексическим маркером сферы предательства, относящим Тито к лагерю именно внутренних врагов, является также именование его самого и его единомышленников *иудами* или отсылка к образу этого апостола-предателя: «Титовские иуды из Белграда предали дело социализма и демократии» (11.09.1949); «Тридцать сребрени-

ков» (19.09.1949 — подпись под карикатурой об американском займе Югославии) и т. п. Это именование в СССР закрепилось за Тито как за внутренним врагом (ср. ленинское *Иудушка Троцкий*, восходящее к щедринскому Иудушке Головлеву, но в сознании читателей несомненно имеющее и отсылку к Иуде, предавшему Христа) в ходе процессов 1930-х гг. Отсюда и прямое указание на троцкизм Тито: «*Троцкисты* из югославов пришли к власти» (21.09.1949). Эксплуатацию темы предательства мы видим также в использовании характеристик типа *двурушник*, *дезертир*, *удар в спину* и подобных: «Советские ноты <...> разоблачили всю отвратительную *двурушническую* политику Тито-Ранковича» (11.09.1949); «Тито, *дезертировавший* из лагеря социализма» (16.09.1949); «Клика Тито наносит *удар в спину* Народно-Демократической Греции» (19.08.1949). Еще одним активным элементом, использовавшимся «Правдой» ранее при характеристиках внутреннего врага и употребляемом в отношении Тито, является указание на его *национализм* (либо *буржуазный национализм*). В предыдущие периоды осуждаемый советской пропагандой буржуазный национализм противопоставлялся пролетарскому интернационализму, а сам термин активно употреблялся по отношению к внутреннему врагу. Хорошо знакомая адресату к рассматриваемому времени, такая характеристика вписывала Тито в ряд уже известных врагов: «Куда ведет *национализм* группы Тито в Югославии» (08.09.1949); «*Буржуазно-националистическая* политика клики Тито» (11.09.1949). Особенностью применения данной характеристики в отличие от периода 1930-х гг. является то, что ранее она применялась, как правило, к группе людей, действительно объединенных по национальному признаку, теперь же — по отношению к политике главы суверенного многонационального государства, что приводит к некоторому семантическому сдвигу конструкции. Но негативная оценка подобного определения уже была отработана в предыдущие периоды, ее частое употребление (8 случаев в рассмотренном материале) оказывалось вполне результативным для характеристики нежелание Югославии идти в русле советской политики.

Помимо отмеченных выше, для создания портрета Тито использовались и другие средства, традиционные [см.: Костылев 2009; Костылев 2010] для послевоенного периода развития пропаганды.

Основным из таких средств является употребление лексем, относящих врага к фашистскому движению и одновременно обвиняющих в следовании англо-американской политике. Вместе с тем новому врагу приписывается тесное сотрудничество с уже известными и действующими в обозначенный период врагами. При указании на связь Тито с фашизмом используется не только лексика этого корня (типа: «Режим Тито переродился в *фашистский режим*»

(01.09.1949); «*Фашистская банда* Тито-Ранковича» (11.09.1949)), но и подчеркивается схожесть политики Тито с политикой конкретных исторических деятелей: «Титлеру от *Гитлера*. *Фашистская эстафета*» (03.09.1949, подпись к карикатуре); «Страшное дело неудавшегося кандидата во властители мира *Гитлера* продолжено кандидатом во властелины Балкан и Дуная — Тито» (16.06.1949). Силловые структуры, подчиненные Тито, могут сравниваться с *гестапо*: «Покончить с ненавистным *фашистско-гестаповским* режимом Тито-Ранковича» (11.09.1949).

Средства, обозначающие связь Тито с англо-американской политикой, более разнообразны. Возможно простое именование представителей стран, с которыми *сотрудничает* Тито: «Предательская клика Тито теперь открыто *сотрудничает* в греческом вопросе с *американцами и англичанами*» (20.07.1949). Но, как правило, избираются более эмоциональные и метафоризированные средства обозначения этой связи при помощи лексики различных частей речи, такие как *сговор*, *колонизация*, *наемник*, *слуга*, *марионетка*, *хозяин*, *цепной пес*, *на поводу* и т. п. При этом сами англо-американцы могут именоваться *империалистами*, *милитаристами* либо обозначаться при помощи характерных топонимов, эргонимов и личных имен типа *Вашингтон*, *Уолл-Стрит*, *Пентагон*, *Даллес* и т. п.: «Тито — *слуга американских империалистов*» (05.08.1949); «Тито — *марионетка Вашингтона*» (13.08.1949); «Сговор предателя Тито с *английскими империалистами*» (15.08.1949); «Сговор Тито с *американскими милитаристами*» (03.08.1949); «Клика Тито — *банда наемников на службе империалистов*» (19.08.1949); «Тито *на поводу у американских империалистов*» (04.08.1949); «*Американская колонизация* Югославии с помощью клики Тито» (19.08.1949); «Крушение преступных планов *Даллеса-Тито-Райка*^[3]» (24.09.1949). Практиковалось и совмещение идей фашистской сущности и службы американцам в отношении Тито: «*Фашистский пёс* и его *хозяева*» (01.01.1949, подпись к карикатуре, под хозяевами подразумеваются именно американцы); «Агенты *Уолл-Стрита* и *Сити* всё более открыто *хозяйничают* в Югославии под покровительством *гестаповско-полицейского* аппарата клики Тито-Ранковича. Эта клика встала в один общий лагерь с *империалистами*» (11.09.1949). В этот период советской пропагандой вводится в оборот понятие *маршаллизация*, подразумевающее экономическую зависимость какой-либо страны от Запада. Это понятие начинает применяться и к Югославии: «Клика Тито подготавливает *маршаллизацию* Югославии» (01.07.1949); «Югославия по милости шайки Тито-Ранковича становится типичной *маршаллизованной* страной» (11.09.1949).

В информационной сфере основными преобразованиями Тито объявляются *ложь*, *клевета*

и провокации^[4], а также поджигание войны: «Албанская газета о новых провокациях клики Тито» (20.07.1949); «За последние дни югославские буржуазные националисты и греческие монархо-фашисты совершили целый ряд провокационных актов против Албании наряду с провокационной и клеветнической кампанией» (26.07.1949); «Тито в роли провокатора и поджигателя войны» (19.08.1949); «Преступная клика Тито врет, клеветает на Советский Союз» (11.09.1949).

Довольно часто (в рассмотренном материале 15 раз) в текстах используется лексема *агент*, которая может именоваться как самого Тито, так и его приспешников: «Тито и Райк — агенты американских империалистов» (10.09. 1949); «12 офицеров были перехвачены агентами Тито» (12.08.1949). Частотность лексемы объясняется тем, что с начала века до рассматриваемого периода у этого слова формировались явные негативные коннотации через его включение в сочетания типа *агент охраны*, *агент империализма*, *агент разведки* и т. п. Такие же негативные коннотации имеет и используемая лексема *жандармы*: «Жандармы Тито производят аресты среди офицеров» (12.08. 1949).

Как и многие главы враждебных Советскому Союзу послевоенных государств, Тито обвиняется в развязывании *террора* против граждан своей страны, что говорит о его недемократичности, в отличие от постулируемой демократии в социалистических странах: «Съезд Компартии Югославии проходил в условиях жестокого террора» (25.07.1948); «Резолюция настаивает на освобождении Вукелича вместе с другими жертвами террора клики Тито» (21.11.1948); «Иманович резко критикует террористический режим, установленный кликой Тито в Югославии» (17.08.1949); «Титовские власти их [греческих беженцев] терроризировали» (03.09.1949). Лексика этого словообразовательного гнезда также встречается весьма часто (14 раз на рассмотренном материале). Частично та же идея реализуется при использовании лексемы *палач*, которая к тому же активизирует восприятие уже указанного мотива убийства: «Агентами Ранковича, выполняющего в клике Тито обязанности главного палача, был убит <...> Арсо Иованович» (26.09.1948); «Палачи Тито-Ранковича применяют пытки» (11.09.1949).

Таким образом, мы видим, что языковой портрет Иосипа Броз Тито в советской центральной печати включает в себя многие элементы, характерные для образов других врагов, созданных советской пропагандой. Особенность портрета именно Тито заключается в том, что именно в его образе наиболее полно представлена идея персональной ответственности главы государства за происходящее в стране — в случае с Тито мы можем говорить именно о его индивидуальном портрете, тогда как обычно в советской пропаганде традиционно созда-

вался образ некоторой (как правило, весьма немногочисленной) группы противников. Другой специфической чертой данного портрета является то, что при его создании используются средства, характерные для образов не только внешнего, но и внутреннего врага, традиционно используемые в советской пропаганде. Такая комбинация элементов объясняется тем, что Тито был не просто главой суверенного государства (что требовало использования средств создания образа внешнего врага), но представителем мирового коммунистического движения (что позволяло рассматривать его как врага внутреннего).

ЛИТЕРАТУРА

Костылев Ю. С. Образ пространства Финляндии в советских стихотворных пропагандистских текстах периода «Зимней войны» // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 234—237.

Костылев Ю. С. Образ корейца в текстах советской центральной печати периода войны в Корее 1950—1953 гг. // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2009. № 10 (44). С. 77—81.

Костылев Ю. С. Образ китайца в текстах периода гражданской войны в Китае 1945—1949 гг. // Политическая лингвистика № 1 (31). 2010. С. 163—166.

Сталин И. В. Сочинения. — Тверь, 2006.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Показательна здесь ссылка на югославские источники — прием, использованный «Правдой» в дальнейшем при характеристике Тито. Суть его состоит в том, что первоначально стилистически окрашенные лексемы употреблялись «Правдой» только со ссылкой на зарубежные источники, что создавало видимость корректного отношения к Тито со стороны советской печати и плохо контролируемого гнева и презрения к Тито в соцлагере. Это, в свою очередь, создавало впечатление intersubъективного негативного отношения к Тито и позволяло советской прессе выступать в качестве непредвзятого и хладнокровного арбитра. После «обкатки» лексем в переводах зарубежных статей они начинали использоваться и в собственных материалах «Правды».

[2]. Навязчивость этого штампа нашла отражение в советском фольклоре; ср., например, анекдот: «Хрущев помирился с Тито и пригласил его в Москву. На вокзале его встречало много народа с цветами и плакатами. На одном из плакатов было написано: “Да здравствует клика Тито!”»

[3]. Ласло Райк — министр иностранных дел Венгрии, осужденный и расстрелянный 22 сентября 1949 по обвинению в шпионаже и диверсиях в пользу Югославии, США и Великобритании. С помощью процесса Райка советская печать получила возможность сделать образ Тито еще более негативным.

[4]. При этом, как и в случае с образами других врагов, из контекстов не всегда ясно, что именно считать провокацией — акт в информационной или материальной сфере. Зачастую под провокацией можно понимать практически любое действие врага.

Статью рекомендуют к публикации проф. Н. А. Коновалова и проф. М. Э. Рут

Е. В. Мадалиева

Нижний Новгород, Россия

**ПРАГМАТИКОН
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА
В ЖАНРЕ ИСПОВЕДИ**

Аннотация. Анализируется мотивационно-прагматический уровень языковой личности политика в текстовом пространстве политической исповеди. Рассмотрены вербальные средства речевого воздействия, характерные для данного жанра. Источниками языкового материала являются автобиографические книги Бориса Немцова «Исповедь бунтаря» и «Провинциал».

Ключевые слова: языковая личность; прагматикон; речевые стратегии и практики.

Сведения об авторе: Мадалиева Евгения Владимировна, аспирант кафедры русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Место работы: ЗАО «АЦ Фонд», отдел лингвистики.

Контактная информация: 603155, Нижний Новгород, ул. Минина 31а.
e-mail: madalieva@inbox.ru.

E. V. Madalieva

Nizhny Novgorod, Russia

**PRAGMATICAL LEVEL
OF THE LINGUISTIC PERSONALITY
OF A POLITICIAN IN THE GENRE
OF POLITICAL CONFESSION**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the pragmatic level of the politician's linguistic personality in the genre of political confession. Verbal means of speech manipulation, typical of this genre, are thoroughly examined. The material for the research is the autobiographical books by Boris Nemtsov "Confessions of a Rebel" and "The Provincial".

Key words: linguistic personality; pragmatical level; speech strategy and tactics.

About the author: Madalieva Evgeniya Vladimirovna, Post-graduate Student of the Chair of Russian Philology and General Linguistics of Nizhny Novgorod State Linguistic University n.a. N. A. Dobrolybov.

Place of employment: «AC Fond», JSC.

В настоящее время на книжном рынке появилось большое количество книг, написанных политическими деятелями. При этом многие из них определяют жанр своих книг как исповедь. Слово "исповедь" выносится в заглавие либо упоминается в аннотациях, или же авторы приписывают своим произведениям такое качество, как исповедальность. Понятие политической исповеди не соотносится с каноническим пониманием исповеди как религиозного таинства и литературного жанра, поэтому оно требует научного осмысления.

В традиционном литературоведении исповедью называется произведение, написанное от первого лица и наделенное хотя бы одной или несколькими из следующих черт: 1) в сюжете встречается много автобиографических мотивов, взятых из жизни самого писателя; 2) рассказчик часто представляет себя и свои поступки в негативном свете; 3) рассказчик подробно описывает свои мысли и чувства, занимаясь саморефлексией.

Словосочетание "политическая исповедь" является оксюмороном. Поскольку сфера политики отмечена манипулятивной спецификой, зачастую подлинная исповедь заменяется имитацией, ритуальным покаянием. Политики активно используют речевое воздействие для достижения своих целей. Политический дискурс отражает борьбу за власть. Это определяет особенности коммуникативных действий, основой которых является стремление воздействовать на интеллектуальную, волевую и эмоциональные сферы адресата. Речевое воздей-

ствие осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик.

Рассмотрим прагматикон языковой личности политика на примере исповедей бывшего губернатора Нижегородской области, лидера оппозиционного объединенного движения «Солидарность» Бориса Ефимовича Немцова. Источниками речевого материала являются книги «Провинциал» (1997 г.) и «Исповедь бунтаря» (2007 г.).

Жанр политической исповеди определяет интенции автора. Основной коммуникативной целью является корректирование имиджа политика. Очевидно, что политические интересы автора требуют положительной презентации партии и самой личности лидера.

Так, Борис Немцов в своих книгах активно использует стратегию самопрезентации, т. е. представление себя в привлекательном, выгодном свете. Для этого он применяет ряд речевых тактик.

✓ Тактика кооперации. Автор указывает на свою принадлежность к оппозиции, к демократам с помощью личного местоимения «мы»:

При этом он как бы и демократов не трогает, он нас не боится. Он считает, что за нами нет силы, нет людей. Это первое. Если за нами будет огромная сила, миллионы людей, тогда будет бояться [Немцов 2007].

✓ Тактика размежевания. Б. Немцов противопоставляет себя:

– действующей власти: Я являюсь оппонентом, оппозиционером, как угодно можно назвать, нынешней власти в России [Немцов 2007];

– чиновникам и конформистам: *Я не так сильно люблю власть, чтобы адаптироваться к чекистам, коммунистам или националистам. Я к ним не адаптируюсь. Никогда!* [Немцов 2007].

✓ Тактика самооправдания. Борис Немцов указывает на свои ошибки, но находит для них объяснение и оправдание: *Я был женат три раза. С точки зрения выстраивания политического имиджа это неправильно, но сердцу и телу не прикажешь. Я очень люблю всех своих детей и хорошо отношусь ко всем своим женам. Все дети, которые от меня родились, родились в любви* [Немцов 2007].

✓ Тактика самокритики. Автор делает акцент на том, что, как и любому другому простому человеку, ему свойственно совершать ошибки: *Очевидно, что в 2003 году мы допустили ряд серьезных, роковых ошибок* [Немцов 2007].

Одной из основных функций политического дискурса является агональная. В речи Бориса Немцова она реализуется прежде всего в стратегии дискредитации, которая является основной в противопоставлении «свои — чужие». Цель стратегии дискредитации — подорвать авторитет дискредитируемого объекта, унижить его, опорочить, очернить в глазах избирателей. Причем для речи Немцова характерна эксплицитная подача негативной информации о своих противниках. Данная стратегия реализуется в следующих тактиках:

✓ Тактика открытого обвинения:

Путин пограл все фундаментальные ценности, за которые мы боролись.

Он [Путин] развернул всякий развитие России, уничтожив свободу слова, институт выборов, расправившись с политическими оппонентами [Немцов 2007].

На уровне языкового воплощения тактика обвинения реализуется прежде всего в употреблении номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательным компонентом значения: *вопиюще нелепый, немудрый, негосударственный, лживый, лицемерный.*

✓ Тактика осмеяния. Данная тактика реализуется с помощью следующих речевых ходов:

– использование метафоры: *Партийное образование под названием “Единая Россия” — это динозавр, у которого тело большое, а мозг маленький* [Немцов 2007];

– языковая игра: *Таким же хвостом головастика может стать “Справедливая Россия”, которая образовалась в результате слияния “Партии жизни” с “Партией пенсионеров” и “Родиной”. Иногда это образование так и называют — “партия РоЖи” (Родина и жизнь)* [Немцов 2007];

– закавычивание, демонстрирующее иронию: *Есть три грандиозных “достижения” Путина, за которые страна его еще вспомнит недобрым словом* [Немцов 2007].

✓ Тактика разоблачения. Борис Немцов рассказывает читателям про личные мотивы, кото-

рыми был движим Путин во время теракта на Дубровке: *Проблема заключалась в популярности. “Ты представляешь, какая у тебя была бы популярность? А Лужков вообще превратился бы в стопроцентного кандидата на президентское кресло”, — просто сказал Волошин. Я мог представить все что угодно, но чтобы Путин в момент, когда в центре Москвы взяты заложники, думал о чужих рейтингах и популярности — никогда* [Немцов 2007].

Одна из основных целей политической коммуникации — убедить адресата согласиться с говорящим, с его мнением, принять его точку зрения.

Аргументация — это сложная и многогранная интеллектуальная деятельность, включенная практически во все сферы жизни человека, связанные с потребностью убеждения адресата в необходимости принятия выдвигаемого тезиса. В речи Бориса Немцова аргументативная стратегия конституируется на основе использования специфических аргументативных тактик. Как известно, в структуру операции аргументации входит выявление альтернатив разрешения ситуации, их сопоставление и оценка, а также выбор одной из них. Частотной в политической исповеди Немцова является тактика контрастивного анализа.

Тактика контрастивного анализа опирается на прием сопоставления. Сопоставление фактов, событий, результатов, прогнозов воспринимается адресатом как убедительные аргументы.

У нашего народа вера в чудо запредельная, именно поэтому для нас Пасха важнее, чем Рождество. Во всем протестантском мире Рождество — главный праздник, а у нас главный — Пасха, потому что это Воскресение Христово, чудо то есть [Немцов 1997].

В речи Немцова параметрами сопоставления являются прежде всего темпоральные отношения. Модель структуры фрагмента аргументативного текста складывается из формы прошедшего времени (как несовершенного, так и совершенного вида) с прибавлением формы настоящего времени глагола:

Редко встретишь компанию, которая за углом распивает водку и закусывает плавленным сырком. А в “совке” это было сплошь и рядом.

Очень быстро могущественный олигарх потерял в России и власть и деньги... Теперь сидит в Лондоне и кличет беду на голову Путина [Немцов 2007].

Встречается и иное сочетание временных характеристик — форма прошедшего времени (совершенного вида, реже — несовершенного вида) + форма прошедшего времени глагола совершенного вида:

Путин начинающий — это человек, который ввел самые низкие в Европе налоги, решил вековую проблему с землей, приняв Земельный кодекс, принял один из самых про-

агрессивных трудовых кодексов, в принципе, позволяющий людям защищать свои права перед нанимателем... Кто такой президент Путин во второй части своего долгого правления? Это человек, который окончательно и бесповоротно **ввел цензуру, лишил народ права избирать своих губернаторов, отменил выборы в одномандатных округах** [Немцов 2007].

Интересен случай, когда в значении настоящего результативного употреблена форма прошедшего времени совершенного вида (перфектное значение): *Сегодня многие разочаровались в Путине. А вот я никогда не поддерживал Путина* [Немцов 2007].

Помимо соотношения временных форм глаголов характерным маркирующим признаком рассматриваемой аргументативной речевой структуры является использование дейктических элементов как средства сцепления частей аргументативного текста. На речевом уровне сопоставительные отношения выражаются оппозициями наречий *раньше, тогда* (в СССР) / *теперь, сегодня, сейчас*.

Раньше за бутылку водки решалось почти все, а сейчас уже нет [Немцов 2007].

В роли элементов оппозиции могут выступать и календарные словосочетания типа *в 1998 году / сейчас*:

Когда летом 2006 года из-за грубейших действий правительств в стране начались перебои с алкоголем в магазинах, ничего страшного не случилось... А вот когда в 1991 году на прилавках кончилась водка, у меня в Нижнем Новгороде мужики перекрыли улицу и переворачивали автобусы [Немцов 2007].

К числу аргументативных тактик относится также тактика указания на перспективу. Данная тактика направлена на то, чтобы выражать стратегические цели, позиции и намерения говорящего. Борис Немцов в своих исповедях, оценивая ситуацию в стране (политическую, экономическую), пытается дать прогноз развития событий в будущем. Указание на перспективу включает предлагаемое решение и предполагаемый результат. Результат, как правило, рассматривается после того, как в тексте фиксируется предлагаемое решение. Приведенные ниже примеры указывают на нежелательные результаты, поскольку выражения *катастрофический, рост коррупции, подрывать авторитет, массовые волнения, срыв контрактов* указывают на заведомые антиценности:

Дефицит газа к 2010 году станет катастрофическим [Немцов 2007]; *Появится куча кремлевских прихлебателей, которые начнут оправдывать рост цен чем угодно: Америка мешает, враги кругом, шпионы — слова правды не услышишь* [Немцов 2007]; *Не будут строить жилье. Не будет новых рабочих мест. Цены на коммунальные услуги начнут стремительно расти. Будут расти цены на все. Замедлится рост поступлений в бюджет* [Немцов 2007].

Характерна при этом категоричность вывода, отсутствие рефлексивов сомнения (возможно, можно предположить, как кажется, представляется и т. д.).

Перспектива может видаться и позитивной. По контрасту с негативной перспективой в таких высказываниях политики используют имена прилагательные и глаголы с положительным соиздательным значением.

О базовых ценностях свободного, цивилизованного общества россияне задумаются позже [Немцов 1997]; *А значит, волна будет распространяться все шире, а запрос на свободу расти* [Немцов 2007].

Прогнозирование политиками развития событий бывает более убедительным, когда в высказывании указывается обусловленность перспективы определенными факторами. При этом на речевом уровне тактика указания на перспективу чаще всего выражается сложными условно-предположительными синтаксическими конструкциями: *Если демократы и дальше останутся такими же атомизированными, то вероятность трансформации путинского режима в красно-коричневый очень высока* [Немцов 2007]; *Если не поменяется нынешняя политика монополизации всего <...> мы увидим ежегодную борьбу с дефицитом газа и ежегодное повышение цен на газ* [Немцов 2007].

Таким образом, создание как положительной, так и негативной перспективы с помощью речевых средств осуществляется как через атрибутивность, так и на уровне синтаксических структур.

Иллюстративный тип аргумента считается одним из распространенных средств воздействия. Он имеет наглядную описательную форму. В отличие от факта, представляющего собой самодостаточное событие, из которого с неизбежностью вытекает правильность тезиса, пример — это только одно из ряда событий, любое из которого в равной мере подтверждает высказанную мысль. На речевом уровне тактика иллюстрирования вводится Немцовым дискурсивными словами *например, как например, помню, так* (в значении *например*), *вот пример*, которые могут начинать предложение, заканчивать его или оформляться союзами и частицами в роли коннектора (*а вот*): *При Ельцине больше его самого мало кто пил. Помню, когда российские войска уходили из Германии, Ельцин пил весь день и в алкогольном азарте даже дирижировал оркестром* [Немцов 2007]; *Помню случай, который потряс меня до глубины души* [Немцов 1997]; *Например, в нашем обществе очень популярна идея, что Америка плетет заговор против России и что поможет Америке Ангелия* [Немцов 2007]; *Есть гораздо менее значительные вещи, которых я боюсь. Например, когда берут кровь из вены. Когда дают общий наркоз, особенно вначале. Или когда лечу зубы* [Немцов 1997]; *Но полностью отказаться от участия в светской*

жизни я тоже не могу. **Например**, если приехала великая княгиня Леонида Георгиевна, то кажется невероятным, что я не буду с ней обедать. Она восприняла бы это как неуважение к российской истории [Немцов 1997].

Факты являются самым надежным аргументом доказательства, если они правильно подобраны и объективно отражают картину события. Наиболее убедительны в этом аспекте статистические данные. Например: **Привожу пример**. Когда Путин возглавил правительство, а затем и государство, бюджет России был **20 миллиардов долларов**, а зарплата у врачей и учителей **100 долларов** [Немцов 2007].

Итак, основой мотивационного уровня языковой личности политика является интенция корректировки своего имиджа, создание положительного образа. Для достижения данной цели автор использует стратегии самопрезентации (тактики кооперации, размежевания, самооправдания, самокритики) и убеждения (так-

тики контрастивного анализа, указания на перспективу, иллюстрирования). Агональная функция политического дискурса определяет частое обращение Бориса Немцова к стратегии дискредитации, которая выражается через тактики обвинения, критики, разоблачения, осмеяния.

ЛИТЕРАТУРА

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Омск. гос. ун-т. — Омск, 1999.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность — М.: Наука, 1987.

Немцов Б. Е. Исповедь бунтаря. — М.: Партизан, 2007.

Немцов Б. Е. Провинциал, 1997.

Грамотей. <http://www.gramotey.com/books/371140173971.htm>

Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и проф. Т. В. Романова (Н. Новгород)

В. В. Макарова
Вильнюс, Литва

V. V. Makarova
Vilnius, Lithuania

О РИТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ФЮРЕРА

RHETORIC PECULIARITIES OF FUHRER'S SPEECHES

Аннотация. Статья посвящена обнажению механизма убеждения в текстах выступлений лидера Третьего рейха; демонстрации того, что приписываемые нацистам и их идеологу методы манипулирования аудиторией пережили своих пользователей и используются в современных демократических системах. Делается попытка найти решение проблемы запрещения/незапрещения нацистских текстов.

Abstract. The article is devoted to a disclosure of the mechanism of persuasion in speeches of the leader of the Third Reich; demonstration of the fact that attributed to Nazis and their ideologist methods of manipulation of the audience have outlived their creators and are used in modern democratic systems. Attempt to find the solution of the problem of permission/prohibition of Nazi texts is done.

Ключевые слова: политическая лингвистика; риторика; убеждение; нацизм; идеология.

Key words: political linguistics; rhetoric; suggestion; persuasion; nazism; ideology.

Сведения об авторе: Макарова Виктория Владимировна, кандидат филологических наук (РФ), PhD (Евросоюз), научный сотрудник Института социокультурных исследований, лектор кафедры романских языков.

About the author: Makarova Viktoria Vladimirovna, Candidate of Philology, PhD, Research Assistant of the Centre of Socio-cultural Research, Lecturer of the Department of Romance Languages.

Место работы: Вильнюсский университет.

Place of employment: Vilnius University.

Контактная информация: 01513, Lietuva, Vilnius, universitetas.

Universiteto g. 5, Užsienio kalbų institutas, Vilniaus

e-mail: makarovavv@gmail.com.

После падения Третьего рейха было написано множество работ, посвященных анализу как причин появления феномена нацизма, так и собственно языковых особенностей текстов тех лет. Среди таких работ можно назвать включенную в «Бегство от свободы» главу «Психология нацизма» Эриха Фромма, «Lingua Tertii Imperii. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога» Виктора Клемперера, «Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике» А. К. Михальской.

Таким образом, закономерной представляется постановка вопроса: что побуждает нас сегодня вновь и вновь обращаться к проблеме языка нацистов? Неужели долгие десятилетия рефлексии не позволили расставить все точки над «и»? Я бы на эти вопросы ответила так: несмотря на вердикт, вынесенный нацизму нашими предшественниками — культурологами, философами, лингвистами, — общество по-прежнему чувствует угрозу, исходящую от нацистскими текстами.

Например, несколько лет назад истек трехгодичный условный срок заключения Михаила Житко, издателя на чешском языке полного текста «Майн Кампф» без антифашистских комментариев (по данным новостного агентства «Лента.ру» — URL: <http://www.lenta.ru/world/2001/11/05/zhitko/>). Общественность Турции и Евросоюза была взволнована данными книжных рейтингов за 2005 г., свидетельствующими о том, что «Майн Кампф» является настоящим бестселлером в Турции, особенно среди молодых граждан страны (по данным новостного агентства «Утро.ру» — URL: <http://www.utro.ru/>

[articles/2005/03/29/422746.shtml](http://www.utro.ru/articles/2005/03/29/422746.shtml)). Периодически в средствах массовой информации открыто ставится вопрос: следует ли запретить свободную продажу «Майн Кампф»? Не станут ли из-за этого объявленная запрещенной книга и, возможно, изложенные в ней идеи более привлекательными в глазах читателей?

Именно эти вопросы подтолкнули меня к написанию настоящей статьи, целями которой являются следующие. Во-первых, обнажение механизма убеждения в текстах выступлений лидера Третьего рейха. Во-вторых, демонстрация того, что приписываемые нацистам и их идеологу методы манипулирования аудиторией пережили своих пользователей и применяются в современных демократических системах. В-третьих, попытка найти решение проблемы запрещения/незапрещения нацистских текстов.

Материалом для анализа послужили шесть выступлений Адольфа Гитлера в 1939 и 1941 гг. в переводе на русский язык (Тексты, послужившие объектом анализа, на языке оригинала и в переводе на русский язык см. на сайте военной литературы «Милитера» — URL: <http://militera.lib.ru/docs/ww2/chrono/1939/index.html>). Выступления посвящены обоснованию необходимости войны с Британией, Советской Россией и США и констатации положения дел на фронте и в тылу. Это выступления фюрера в Рейхстаге, прокламация для армии и радиообращение. Таким образом, адресатами текстов являются как ближайшие соратники фюрера, так и весь немецкий народ.

Общим местом является утверждение, что Адольф Гитлер — это харизматическая лич-

ность, оратор с огромным эмоциональным зарядом, способный удерживать внимание аудитории на протяжении нескольких часов. Осуществленный мною анализ отразил не все аспекты речетворчества лидера национал-социалистов, а лишь те из них, которые являются реализацией его манипулятивных тактик, служащих ловушками для не критичного читателя — нашего современника.

Итак, обратимся к конкретным примерам некоторых методов убеждения, используемых фюрером в его текстах.

Во многих случаях автор воздействует не на разум, а на чувства аудитории, используя аргументы **ad hominem** (к человеку). Таковыми являются апелляция к **чувству патриотизма и единства немецкого народа**. Напр.: *Мы никогда не были нацией рабов, и никогда не будем!* (1 сент. — война с П. 3. IX. 39) *Речь идет о том, быть или не быть нации! Пусть всех нас вдохновляет дух великих мужей нашей истории! <Я> благодарен, что Оно [Провидение] доверило мне главенство в конфликте, который определит историческое развитие в течение следующих пятисот или тысячи лет; и не только германской истории, но также истории всей Европы и даже всего мира* (Война с Ам. 11. XII. 41). Действенность апелляции к чувству единства с нацией Э. Фромм объясняет следующим образом: «Наверно, для среднего человека нет ничего тяжелее, чем чувствовать себя одиноким, не принадлежащим ни к какой группе, с которой он может себя отождествить... и большинство выбирало единство» [Фромм 1998: 345].

Приведу еще один пример аргумента **ad hominem**, называемому **аргументом к силе**: *...Кто бы ни выступил против единства нации, его не ждет ничего, кроме истребления, как врага народа!* (3. X. 41) *В то время, когда тысячи лучших наших людей, отцов и сынов нашего народа отдают жизни, любой в тылу, кто предаст эти жертвы на фронте, заплатит своей жизнью. Независимо от предлога, под которым будет сделана попытка навредить ... виновные умрут* (11. XII. 41). Угроза любой расправы, а тем более физической, вызывает к инстинкту самосохранения. Это один из грубейших, но эффективных способов нейтрализации оппонентов и вербовки сторонников.

Кроме использования аргументов к человеку нацистская идеология активно внедряла в сознание народа **стереотипы**, придавая словам новое значение, изменяя коннотацию у общеупотребительных слов, настойчиво повторяя предложенные обществу образы. Например, глагол *aufziehen* первоначально был пейоративом со значением 'заводить, натягивать, закручивать', т. е. совершать механическое действие с неживым предметом. В эпоху Третьего рейха он стал употребляться для одобрительного именованья организации чего-либо [Клемперер 1998: 63—67]. С негативной на положи-

тельную поменялась коннотация лексем *фанатический* и *фанатизм* [Там же: 76—82]. Часто повторявшиеся в публичном дискурсе слова *расово чуждый*, *расово неполноценный*, *осквернение расы* внушали немцам мысль о том, что народы мира делятся на непересекаемые классы.

Виктор Клемперер описывает, как сослуживца с любопытством и удивлением спросила у него, правда ли он женат на немке. Автор резюмирует: «<Э>та добрая душа, далекая от нацизма, получила свою дозу нацистского яда» [Там же: 123].

В пропагандистской деятельности нацистами использовалась также аналогия между Древним Римом и современной Германией. Например, в речи об объявлении войны США рейхсканцлер на протяжении четырех абзацев проводит параллели между историей Рима и Германии, подытоживая: *Так же, как в свое время Рим сделал бессмертный вклад в развитие и защиту континента, так же германские народы сейчас приняли на себя защиту и покровительство над семьей наций, которые, хотя и различаются политическим устройством и своими устремлениями, однако в расовом и культурном единстве составляют единое целое* (11. XII. 41).

Похожими на предложенные только что примеры являются случаи употребления слов с устойчивой эмоциональной нагрузкой, Умберто Эко называет такие слова «**устойчивыми коннотациями, наделенными конкретным эмоциональным смыслом**» [Эко 1998: 104]. Например, в прокламации для армии, в 7 предложениях обосновывающей необходимость борьбы с Польшей, рациональная мотивация подменяется употреблением таких словосочетаний, как *кровавый террор* (поляков по отношению к польским немцам), *честь и жизнь Германии, верность вековым... традициям* (3. IX. 39).

Подобные слова-тени (в наше время это — *демократия, права человека*), во-первых, меняют свое наполнение в зависимости от того, кем произносятся, а во-вторых, теряют необходимую эмоциональную нагрузку, если их заменять схожими по значению словами (скажем, «*страна* вместо *отечество*» [Там же: 105]).

После выхода в свет сборника статей «Язык и моделирование социального взаимодействия» [1987] в отечественной политической лингвистике стали чаще писать об осуществляемом говорящими **выборе номинаций и грамматических конструкций**. Приведу несколько примеров выбора фюрером оценочной лексики для номинации оппонентов: им приписываются *лживые утверждения, лицемерные заявления, редкостная низость, политическое невежество, тупость, убогость*.

Среди специальных грамматических средств, позволяющих сильнее воздействовать на адресата, можно выделить увлечение автором анализируемых текстов формой превосходной сте-

пени: *Германский народ может сегодня гордиться. У него лучшие политические руководители, лучший генералитет, лучшие инженеры и управленцы в экономике, а также лучшие рабочие, лучшие крестьяне — лучшие люди* (3. X. 41). Особое отношение нацистов к суперлативу, словам со значением предельности проявления признака, и цифрам отмечается и в записной книжке филолога В. Клемперера.

Хотелось бы продемонстрировать еще один пример такого приема внушения, который способствует убеждению слушателя не только содержанием, но и формой.

Мы не ошиблись в наших планах. Мы также не ошиблись в оценке эффективности и храбрости немецкого солдата. И мы не ошиблись насчет качества нашего оружия. Мы не ошиблись относительно прекрасной организации фронтов и службы тыла, осваивающей гигантские области. И мы не ошиблись насчет нашего фатерлянда (3. X. 41).

Такой прием можно назвать **генерализацией субъекта сознания** (я = мы). Это позволяет говорящему «превышать свои эпистемические полномочия» [Методология исследований...: 48]. Смешивая употребление местоимения «мы» в различных значениях (мы — это я и единомышленники; мы — это я, соратники и сочувствующие; мы — это я, соратники и оппоненты), адресат не всегда в состоянии различить, о знании и мнении какой именно группы говорится.

Кроме расширения сознания субъекта, в данном примере мы видим использование приема анафоры: следующие друг за другом фразы имеют одинаковое начало. Это является не только эстетическим приемом, но и способом многократного репродуцирования нужного смысла.

Автор анализированных текстов, будучи главой мощного тоталитарного государства, имел также слабость проявлять чувства, **делясь сомнениями** со своими слушателями: *Правда, в тот момент мне все еще не было ясно, следует ли мне сначала выступить против Востока, а уже потом против Запада, или наоборот?* (23. XI. 39) *Постоянно прилагая усилия по нераспространению военных действий, я принял решение, которое было очень трудным для меня. В 1939 году я отправил моего министра в Москву. Более горьких чувств я никогда не испытывал.* (3. X. 41). Такой прием называют интимизацией общения. Он позволяет привлечь внимание слушателей и, возможно, снискать их расположение.

Впрочем, нельзя говорить, что автор данных текстов воздействует на слушателей только аргументами к человеку. Многие места в его текстах являются **дедуктивными по форме умозаключениями**. Например: *Рост народонаселения требует большего жизненного пространства. Моей целью было добиться разумного соотношения между численностью населения и величиной этого пространства. Тут без борьбы не обойтись!* (23. XI. 39). По-

сылками для заключения, что борьба необходима, служат суждения «Рост населения требует большего пространства» и «Потребность в большем пространстве обуславливает борьбу за него». Очевидно, что при реконструкции силлогизма, лежащего в основе приведенного отрывка из текста, истинность исходных посылок представляется сомнительной.

Сомнение в истинности утверждений может возникнуть и при анализе следующего сокращенного силлогизма, энтимемы: *Когда 3 сентября 1939 года Англия объявила войну германскому рейху, она сделала очередную попытку пресечь в зародыше объединение и возрождение Европы, обрушиваясь на самую сильную в данный момент страну на континенте* (22. VI. 41). В основании такого утверждения лежит мысль о том, что германский рейх проводил политику объединения и возрождения Европы. Думается, европейские народы с такой мыслью не согласились бы.

Однако далеко не все показанные методы пропаганды являются открытием для человечества. Каковы же в таком случае истоки нацистской риторики? Как пишет автор известных учебников по риторике А. К. Михальская [Михальская 1996], в культуре Нового и Старого Света сложилось два риторических идеала. Риторический идеал — это совокупность таких характеристик оратора и вообще любого текста, которые являются «ментальным образцом и образом хорошей речи, существующим у любого говорящего и составляющим существенный компонент культуры. ... Именно поэтому у каждого из нас есть определенный круг ожиданий по отношению к своей и чужой речи...» [Там же: 44—45].

Ключевыми моментами риторического идеала, восходящего к практике учителей мудрости — софистов, являются **агональность** общения, т. е. стремление к победе любой ценой, настрой на соперничество; **монологичность**, т. е. отношение к собеседнику как к воспринимающему информацию объекту, невнимание к чужим точкам зрения и сомнение в том, существуют ли они; **релятивистское отношение к истине**, т. е. конечной целью общения является убеждение слушающего в позиции, которой придерживается говорящий, а не совместное нахождение истины. В противоположность этому идеалу, существует иной подход к порождению текстов. Это риторический идеал, восходящий к деятельности Сократа и Платона, существенными чертами которого являются **гармоничность** в общении, **диалогичность** и **стремление к истине**, а не к победе в споре.

Риторическим идеалом тоталитарного общества, коим являлась Германия во времена Третьего рейха, является риторический идеал софистов. Характерные признаки коммуникации рассматриваемого периода, позволяющие утверждать, что дело обстоит именно так, — это

монополия правящей верхушки на декларирование списка ценностей, неприятие неугодного мнения, избирательное отношение к фактам и их вольная интерпретация, тогда как «номинации иной направленности рассматривается как подрывная акция, покушение на господствующую ценности» [Методология исследований...: 49].

Как софисты еще в 4 в. до Р.Х. апеллировали в процессе убеждения к вере, а не к знанию, так и министр пропаганды Геббельс призывал побеждать «лишь духом, а не рассудком», а автор неоднократно упоминавшейся книги «Майн Кампф» утверждал: «Худший враг любой пропаганды — интеллектуализм» [Михальская 1996: 132]. Таким образом, новым для европейской истории явилось продолжительное господство нацистской идеологии, но не методы ее пропаганды.

Говоря о генезисе нацистской риторики, хотелось бы отметить и то, что при исследовании текстов из современного политического дискурса демократических государств намечаются некоторые параллели с немецкими текстами рассматриваемого нами периода. Не к чувствам ли толпы обращается Маргарет Тэтчер, апеллируя к гордости, независимости, самостоятельности национального английского характера? (пример, как и два последующих, взят из книги [Алтунян. Кто боится демагогов?]) У деятеля какого тоталитарного режима позаимствовал генерал Лебедь лозунг «100 человек на алтарь Отечества, и Родина спасена»? Российские женщины, к которым обращался Владимир Вольфович, обещая каждой из них мужа, если придет к власти, не напоминают ли юных немок, которым пророчилось, что найдут они себе женихов в Третьем рейхе? Если же используем современный политический жаргон для обозначения целей политики Адольфа Гитлера, то может получиться, что он «выступал за свободу слова, права национальных меньшинств, экономическую интеграцию и переговорный процесс» [Анатольев].

И еще одна параллель. В современных условиях часто звучат слова о необходимости установления «**порядка**» и «**справедливости**»: *Мы выступаем за порядок и справедливость... Порядок и справедливость — вот стержневые основы нашей политики. Теперь мы должны добиться, чтобы Россия стала страной справедливости и порядка.* Если же проследить идеологические корни несвойственного для русской культуры концепта «порядок», то выяснится, что слово «Ordnung» являлось ключевым для идеологии Третьего рейха. Употребительным в Германии того времени также являлось словосочетание «порядок и справедливость» = «Ordnung and Gerchtigkeit». Например, В. Богомолов пишет: *В заключительных предвыборных теледебатах ...представители всех без исключения партий и движений обещали добиваться удвоения зарплат и пенсий. Не поздно ли проснулись?*

Рейхсканцлер более полувека назад так же иронично отзывался о своих оппонентах, спешащих по следу политической программы лидирующей партии: *Есть и другие причины, по которым нашим противникам есть о чем говорить: они внезапно открыли для себя нашу партийную программу, после многих лет тщетных усилий. И теперь мы с удивлением взираем, как они обещают дать миру в будущем почти то же самое, что мы уже дали нашему германскому народу.*

Современные политики нередко заявляют, что предпочитают совершать реальные действия вместо раздачи обещаний в публичных дебатах: *Наши оппоненты начали истерику по поводу нашего отказа от участия в теледебатах. Они предвкушали, как на фоне наших выверенных планов будут давать заведомо невыполнимые демагогические обещания. ...Народу нужны программы реальных дел и конкретные действия, которые бы оправдывали возродившиеся и растущие ожидания большинства российского населения...*

Сравним эти высказывания с началом радиообращения рейхсканцлера Германии: *Все это время я действительно был больше занят делами, чем болтовней. Кроме того, я, конечно, не могу выступать каждую неделю или каждый месяц. Зачем мне выступать? Что должно быть сказано, будет сказано нашими солдатами. Более того, темы, по которым я мог бы выступать, намного сложнее, естественно, нежели темы бесед моих противников, которые привыкли без умолку трепаться на весь мир прямо от камина, или еще откуда.* Можно заметить, что данные выдержки схожи не только по содержанию (авторы говорят о причинах своего безмолвия), но и по отношению к речевым актам оппонентов, о чем мы уже говорили выше.

В заключение хотелось бы вернуться к поставленному выше вопросу: запрещать ли нацистскую литературу? И почему после Аушвица — Освенцима идеи нацизма не являются скомпрометированными в глазах всех членов общества?

Мне представляется, что запрет каких бы то ни было текстов напоминает практику самих нацистов, запрещавших публиковать и читать не истинно германскую литературу. Пресечению распространения идей нацизма могло бы способствовать включение дисциплины риторики в общеобразовательные программы. Риторика не как перечня отработанных способов убеждения и украшения текстов, а риторики как техники порождения определенного типа высказываний, что позволило бы изучающему эту технику не только критичнее относиться к чужим умозаключениям, но и быть требовательнее к собственным утверждениям. (Идея не нова. См.: [Ивин 2002], [Лассан 2001], а также [Эко 1998].)

В перспективе же хотелось бы выявить причины популярности нацистской идеологии сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

Алтунян А. Г. Кто боится демагогов? или Апология демагогии. URL: <http://www.russ.ru/politics/articles/99-03-18/altun.htm>.

Алтунян А. Г. Виктор Клемперер — солдат культурного фронта. URL: <http://www.russ.ru/krug/99-05-28/altynyan.htm>.

Анатольев И. Гитлер с нами! URL: www.russ.ru/politics/west/20010718-ia.html.

Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В., Осетрова Е. В., Суховольский С. В. Власть в русской языковой и этнической картине мира. — М., 2004.

Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Политическая реклама. — М., 2002.

Ивин А. А. Практическая логика. — М., 2002.

Клемперер В. ЛТД. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. — М., 1998.

Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. — Вильнюс, 1995.

Лассан Э. Р. Осторожно: Риторика! Несколько слов о перераспределении акцентов в преподавании риторики. // Мир русского слова. 2001. № 3.

Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под ред. Ухвановой-Шмыговой И. Ф. — Минск, 1998. Вып. 1.

Михальская А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. — М., 1996.

Фромм Э. Бегство от свободы. // Фромм Э. Догмат о Христе. — М., 1998.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб., 1998.

Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.

Статью рекомендуют к публикации проф. Э. Р. Лассан и проф. А. П. Чудинов

В. А. Марьянчик
Архангельск, Россия

V. A. Maryanchik
Arkhangelsk, Russia

**ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ
КАК МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ**

**SACRIFICE
AS MEDIA-POLITICAL SCRIPT**

Аннотация. В статье рассматривается сценарий как главный компонент аксиологической структуры медиа-политического текста. Перечислены признаки текстового сценария, дано его определение. Автор описывает ядерный сценарий медиа-политического дискурса «Жертвоприношение». На этом материале демонстрируется алгоритм анализа сценария.

Abstract. The article presents a description of a script as the main component of axiological structure of the media-political text. The author lists signs of text script, gives its definition. The author describes central script media-political discourse "Sacrifice". This paper demonstrates the script analysis.

Ключевые слова: медиа-политический текст; сценарий; событие; сценарный анализ медиа-политического текста.

Key words: media-political text; script; event; script-writing of the media-political text.

Сведения об авторе: Марьянчик Виктория Анатольевна, доцент, кандидат филологических наук, кафедра русского языка.

About the author: Maryanchik Victoriya Anatolievna, Assistant Professor, Candidate of Philology, Department of the Russian Language.

Место работы: Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Place of employment: Pomor State University n. a. M. V. Lomonosov.

Контактная информация: 163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
e-mail: marvik69@yandex.ru.

Событие относится к глобальным категориям текста. Анализ медиа-политического текста в событийном аспекте имеет две стороны: 1) за текстом всегда стоит событие, текст отражает общественно значимые события; 2) текст сам является событием массовой коммуникации. Связь этих сторон обусловлена тем, что текст погружается в экстралингвистическое пространство — в событийную сферу, в политическую ситуацию, так как он имеет статус центрального компонента медиа-политического дискурса. Текст «впитывает» то или иное событие (ряд событий), пропуская его сквозь фильтр медиафрейминга — процесса переструктурирования реального события в медиатексте (см. термин в [Аспекты исследования картины мира: 98]). Событие в форме сюжета включается в структуру текста и становится устойчивой составляющей композиционной формы медиа-политического текста. Сюжет служит некой рамкой образа события, создаваемого в тексте. Образ события в настоящем, прошлом или будущем может являться номинативным смыслом любого простого предложения, ср.: *Вероятно, что создание электронного правительства — это новый виток модернизации; Теперь разберемся, где «накосячили»; Уверю, это резко снизит количество звонков и визитов недовольных граждан; Человек заходит на сайт* [Необюрократия. Электронное правительство несет в себе новый виток бюрократизма // Московский комсомолец в Архангельске. 2010. 03.11]. В тексте формируются хронологические и каузальные цепочки событий, а также событийные поля, включающие различные аспекты, детали, оценки, эмотивные и образные интерпретации одного события. В событийном поле

выделяется метафорическая зона. Например, в указанной выше статье используются языковые и авторские метафоры при создании образа электронного правительства, ср. *новый виток бюрократизма и мать электронного правительства модернизация — дама скромная*. Метафоричность политического текста [см. Баранов 1991; Калашникова 2008; Лакофф, Джонсон 2006; Чудинов 2003] выполняет две противоположные функции: с одной стороны, метафора индивидуализирует текст, с другой — типизирует, создавая «сценарную» метафору болезни, борьбы и др. Однако метафора не единственный способ обобщения уникальных событий, создания некоего стереотипного представления о медиа-политическом событии. Основной когнитивной структурой, типизирующей образ события в сознании говорящего и слушающего, является сценарий.

Учитывая многообразие трактовки термина *сценарий* в рамках психологических, философских, журналистских, лингвультурологических, социолитингвистических, литературоведческих и когнитивных концепций, считаем необходимым уточнить свое понимание термина. Мы опираемся на когнитивные теории, рассматривающие сценарий как систему/ряд фреймов, ситуаций. Такое понимание отражено в работах М. Минского, Н. Н. Болдырева, А. П. Чудинова и других ученых. Сценарий понимается нами как некая цепочка событий или эпизодов стереотипного события, это ряд сцен (ситуаций) в действии, ограниченном 1) маркерами темпоральности, 2) маркерами локальности, 3) ролевыми маркерами и 4) маркерами поведенческой модели. Сценарий хранится в сознании, в культурной памяти и актуализируется в тексте при-

менительно к тому или иному событию с целью его аксиологической и культурной интерпретации. Очевидны связи когнитивных единиц «стереотип» — «сценарий», «фрейм» — «сценарий» и «концепт» — «сценарий». Элементы каждой пары имеют обоюдное влияние. Так, сценарий есть результат стереотипизации представлений о ходе событий. В то же время стереотип социального поведения формируется на основе знания культурных сценариев. Сценарий имеет фреймовую структуру, так как хранится в сознании в качестве довольно жесткой схемы, представленной как последовательность действий. Также сценарий можно анализировать как систему (ряд) фреймов: сценарий отражает представления о типичном разворачивании события, событие складывается из ситуаций, фрейм структурирует ситуацию, слот (элемент ситуации) представляет часть фрейма. Сценарий соотносится с концептом, поскольку концепт может быть развернут в сценарий. Перспективу концептуального осмысления имеют, пожалуй, все сценарии социального взаимодействия (*суд, экзамен, ухаживание* и т. д.). Концепт может стать элементом сценария, например, заполнить ролевую позицию (*лжец* в сценарии «Обман», *вор* в сценарии «Преступление», *спаситель* в сценарии «Спасение» и т. д.).

Сценарий медиа-политического текста базируется, как правило, на серии повторяющихся событий, объединенных ролевыми маркерами. Однако в такой цепочке одно прецедентное событие может стать смысловой опорой сценария, ср. *Трансвааль, Беслан* и др. Однако не каждый сценарий имеет прецедентное ядро. Сценарии, представление о которых хранится на уровне культурного подсознания и требует минимальной актуализации в тексте, называются прототипическими. К прототипическим сценариям медиа-политического текста относятся «Синекура», «Обман», «Игра», «Ошибка» и др. Такие сценарии предполагают соотношение их структуры с множеством социальных событий. Признаками сценария выступают прототипичность, повторяемость, инвариантность, аксиологическая, эмоциональная, оценочная и культурологическая маркированность. Эмоционально-оценочная составляющая является важной в структуре сценария, поскольку событие соотносится со сценарием автором (далее — читателем текста) не только и не столько на основе знаний о событиях, сколько в результате переноса авторских чувств, эмоций на новую ситуацию с уже известной. При восприятии текста читатель «узнает» эти эмоции и проецирует оценочную составляющую сценария на событие, отображаемое в тексте.

Сценарии могут быть событийными («Выборы», «Акция», «Победа» и т. д.) и/или морально-этическим («Игра», «Обман» и т. д.). В некоторых сценариях событийный и этический элементы тесно переплетаются. К таким сценариям относится, например, «Жертвоприношение».

Мотив жертвы — излюбленный мотив медиа-политических текстов. В образе жертвы может предстать человек, группа лиц, идеология, политическая или экономическая система. Жертва вписывается в систему отношений «Злодей — Жертва — Герой» и позволяет выстроить концептуальную оппозицию медиа-политического текста «свой — чужой». Медиа-политический сценарий «Жертвоприношение» относится к метафорическим сценариям и связан с архетипическим мотивом наказания/испытания детей мучительной смертью. Т. В. Цивьян в книге «Античность. Язык. Миф. Знак. Миф и фольклор. Поэтика» называет важные признаки ритуала жертвоприношения: неслучайность выбора, исключительность жертвы (в качестве жертвы выбирается юное существо или статусное лицо — жрец и т. п. — несущее ответственность за род); жертвенность (добровольность жертвы); прецедент жертвы (мотив рода). По нашим наблюдениям, в медиа-политическом дискурсе эти признаки сохраняются частично: не всегда соблюдается условие добровольности жертвы. По мнению исследователя, в современном обществе, как и в архаичном мире, жертва выполняет функции юридической машины: важно не столько наказать, сколько предотвратить аналогии [Цивьян 2008: 9—24]. Смысл жертвоприношения заключается в том, что «прекращение реального, спонтанного зла совершается с помощью зла семиотического, по форме такого же, но приобретающего сакральный статус — и тем самым оправдание — так как оно (помимо своей семиотической “бесстрастности”) должно стать последним, прервать движение зла, ведущее к хаосу, и сохранить космический порядок. Чем трагичнее и ужаснее выглядит жертвоприношение, чем с большей убедительностью осуществляется “инсценированное зло”, тем больше надежности и эффективности в этом контрастном средстве борьбы со злом» [Там же: 11]. Культурологический смысл жертвоприношения определяет эпизоды медиа-политического сценария: 1) субъекты_{1, 2...n} подвергаются некоему внешнему негативному воздействию, находятся в неблагоприятной ситуации; 2) для прекращения внешнего негативного воздействия субъект₁ выбирает объект-жертву; 3) субъект₁ объявляет/полагает объект-жертву как средство прекращения внешнего негативного воздействия или как причину (виновника) неблагоприятной ситуации; 4) субъект₁ оказывает на объект-жертву негативное воздействие, причиняет ему ущерб; 5) объект-жертва смиряется или оказывает сопротивление; 6) субъекты признают жертвоприношение удачным или неудачным в зависимости от прекращения/продолжения негативного воздействия.

Сценарий «Жертвоприношение», как и другие прототипические сценарии, актуализируется в тексте вербальными маркерами и может получить полную или редуцированную реализацию. Например, этот сценарий в редуциро-

ванном виде представлен в статье Л. Радзиховского «Проект» (Российская газета. 2009.17.02). Локальный маркер сценария — Россия, темпоральный — кризис. Первый эпизод сценария в тексте представлен полно: коллективный субъект (мы) находится в неблагоприятной ситуации (неэффективная сырьевая экономика), которую усугубил мировой кризис: *Кризис, помимо всего прочего, грубо и оскорбительно ткнул нас носом в то, что нам в принципе всегда было известно — в нашу ПОЛНУЮ зависимость от цены на баррель, которая задает границы суверенитета всех сырьевых стран.* Антропоморфная метафора сообщает эпизоду образность и эмоциональность. Действие ткнуть носом предполагает реакцию — ментальную, физическую, эмоциональную. Такая реакция применительно к политическому контексту предполагает некие изменения: *Что-то ИЗМЕНИТЬ. Как говорится, “отойти от сырьевой зависимости”. Наладить мотор экономики не только вовне страны, но и внутри ее. Кризис и правда для этого — идеальный момент.* В тексте эксплицируется переход от первого эпизода сценария ко второму: *Но как именно перекреститься, когда гром грянул?* Второй эпизод предполагает выбор объекта-жертвы: *СЕРЬЕЗНЫЕ деньги можно взять только в одном месте — выдрать их с кровью и мясом из социальной сферы. КРЕПКО подрезать пенсии-зарплаты и прочие школо-больницы — и пустить в дело, на Большой Проект. Так сказать, “компьютеры вместо масла”.* Объектом-жертвой становится социальная сфера. Это — жертва-средство. Она приносится ради *Большого Проекта*, ради получения средств: *Ну, вот например — откуда взять деньги?; Только вот, опять же — “Где деньги, Зин?”* Ироничность интертекста ставит под сомнение обоснованность выбора жертвы. Автор доказывает не только необоснованность, но и невозможность факта жертвоприношения: *Значит, вы, господа, даже не смеете ПРЕДЛОЖИТЬ — а кто-то возьмет на себя смелость РЕАЛИЗОВЫВАТЬ нечто подобное...* Жертвоприношение становится невозможным (эпизод четвертый не представлен в тексте), эта невозможность объясняется сопротивлением объекта-жертвы (эпизод пятый): *Люди, как им ни промывай мозги, не желают становиться винтиками для строительства будущей Великой Империи, а желают они, подлецы, сытно, удобно, по возможности безопасно жить “здесь и теперь”. И если государство ВЫНУЖДЕНО хоть в какой-то мере прислушиваться к их желаниям, то ни о каком затыгивании поясов ради Больших Проектов и речи быть не может — это значило бы затянуть петлю на шею самого государства.*

Этот же сценарий, но в другой реализации, представлен в статье А. Самариной «В политике: Медведев не боится главного?» (Независимая газета. 2009.10.02): *Редакция газеты “Ком-*

мерсант” принесла извинения супруге президента Светлане Медведевой “за редактирование без необходимых согласований фотографии, опубликованной на обложке приложения “Стиль Часы” от 27 ноября 2008 года”. Напомним: около месяца назад был уволен главный редактор этого издания. В газете тогда отрицали связь этой отставки с публикацией снимка. Теперь же — совершенно очевидно, что такая связь существует. Заодно выяснилось, что меседж рекламной кампании “Ъ” перед сменой хозяина Кремля под слоганом “не боимся главного” оказался чрезмерно самонадеянным. Главного, что бы и кто бы за этим термином ни скрывался, не бояться в нашей стране пока рано. А Андрею Васильеву — наш респект. В текст включены локальные и темпоральные маркеры. Место определяется по смежным антропонимам, время события четко обозначено в соответствии со стилистическими нормами публицистического стиля. Исходная ситуация в событийной цепочке — ущерб имиджу публичной персоны (*редактирование без необходимых согласований фотографии, опубликованной на обложке*). Сюжет можно рассматривать сквозь призму сценария «Наказание». Однако наказание — уникально, жертвоприношение — сакрально, его цель — «прервать движение зла» (см. выше). Наказание одного издания за действие, которое регулярно совершают многие, — это именно выбор жертвы, жертвоприношение. Субъект представлен перифрастически — *хозяин Кремля, Главный*. Сочувствие жертве, понимание сути жертвоприношения отражено в тексте в форме идеологических сентенций и этикетных клише: *<...> не бояться в нашей стране пока рано. А Андрею Васильеву — наш респект.* Жертва представлена как виновник: *В газете тогда отрицали связь этой отставки с публикацией снимка. Теперь же — совершенно очевидно, что такая связь существует.* Внешняя форма жертвоприношения — увольнение главного редактора. Пятый эпизод представлен как внешнее смирение жертвы: *Редакция газеты “Коммерсант” принесла извинения супруге президента Светлане Медведевой.* Жертвоприношение в тексте оценивается как эффективное, так как достигает своей цели: *Заодно выяснилось, что меседж рекламной кампании “Ъ” перед сменой хозяина Кремля под слоганом “не боимся главного” оказался чрезмерно самонадеянным. Главного, что бы и кто бы за этим термином ни скрывался, не бояться в нашей стране пока рано.*

Сценарий «Жертвоприношение» получает в медиа-политическом дискурсе многовариантные воплощения. Его центральные роли — Палач и Жертва. Несмотря на архетипичность образов и потребность языческого и религиозного сознания в жертве, оценочность медиа-политического сценария «Жертвоприношение» имеет пейоративный вектор. Это можно объяснить

тем, что из признаков архетипического действия удален важнейший элемент, оправдывающий действие Палача, — добровольность жертвы, жертвенность. Следовательно, жертвоприношение чаще всего воспринимается наблюдателем как показательное, публичное наказание, жестокость которого несоизмерима с величиной проступка.

Итак, сценарий «Жертвоприношение» является одним из ядерных сценариев, входящих в репертуар медиа-политического дискурса. Границы сценарного репертуара медиа-политического дискурса довольно подвижны: под влиянием экстралингвистического контекста могут появляться новые сценарии или актуализироваться забытые. Однако ядро сценарного репертуара устойчиво, что связано с аксиологической иерархией политического дискурса. Сценарий является базовым компонентом аксиологической структуры медиа-политического текста, включающей аксиологически маркированный сценарий, персонажные роли (носители ценностей/антиценностей), аксиологическое поле автора и адресата, межперсонажные оценки и оценочные векторы автора. Ценности и любые аксиологически маркированные компоненты культуры обладают признаком стабильности, что обуславливает устойчивость сценарного ядра. Медиа-политический сценарий получает имя, отражающее его содержание, и в ряде случаев — оценочный знак. Границы между сценариями не жесткие. Сценарии взаимодействуют в тексте по принципу «матрешки» (например, «Обман» как часть «Грехопадения»),

по принципу ступеней (например, «Скандал» может стать следствием «Выборов») или по принципу «пересекающихся кругов» (например, «Наказание» пересекается со «Спектаклем»). Сценарий эксплицируется с опорой на имя сценария и тематическую группу имени, на социальные глагольные предикаты, формирующие сюжет и создающие ролевые образы персонажей. Экспликация сценариев (их выявление, описание и анализ реализации в конкретных текстах) помогает выявить механизмы идеологической манипуляции в медиа-политическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Аспекты исследования картины мира : моногр. / под общ. ред. проф. В. А. Пищальниковой и проф. А. А. Стриженко; АлтГТУ. — Барнаул, 2003.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991.

Калашникова Л. В. Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности: моногр. / ОрелГАУ — Орел, 2008.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л. Н. Чурилина. — М.: Флинта; Наука, 2006.

Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации. Избр. Кн. 2.: Античность. Язык. Миф. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. — М.: Наука, 2008.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / УрГПУ — Екатеринбург, 2003.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и проф. О. И. Воробьева

О. Н. Морозова
Пушкин, Россия

O. N. Morozova
Pushkin, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ:
ЕЕ РОЛЬ, ФУНКЦИИ И ФОРМЫ**

**POLITICAL
INTERNET-COMMUNICATION:
ITS ROLE, FUNCTIONS AND FORMS**

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции в развитии современной политической интернет-коммуникации, определяется место и роль этого социального явления в общей совокупности политической коммуникации, выделяются ее основные функции, описываются наиболее представленные в Сети формы данного вида общения.

Abstract. The article examines the main trends in contemporary political Internet-communication, it determines the place and role of this social phenomenon in a common set of political communication, it also analyses its main features and describes its most represented web-forms.

Ключевые слова: политическая интернет-коммуникация; сетевые формы; политическая коммуникация; информационно-интерактивные функции; политический интернет.

Key words: political Internet/On-line communication; web-forms; political communication; informative and interactive functions; political web.

Сведения об авторе: Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

About the author: Morozova Olga Nikolayevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Place of employment: Autonomous Educational Establishment of Higher Professional Education "Leningrad State University n.a. A.S. Pushkin"

Контактная информация: 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д.10.
e-mail: mail.olfrost@gmail.com.

Информационные технологии проникают во все сферы общественной жизни, очень значимо их влияние и в политике. Это подтверждается появлением в последние годы в политической коммуникации новых терминов, таких, как «сетевая политика», «политический интернет», «киберполитика», «компьютерно-опосредованная политическая коммуникация», «цифровая (дигитальная) демократия», «коммуникационная демократия», «кибердемократия», «электронное правительство», «электронное гражданство» и др.

Политический Интернет занимает особое место в общей совокупности интернет-коммуникации. Он связан с вопросами идеологии (политической, экономической, культурной жизни, международных отношений и пр.) и призван информировать, разъяснять и оценивать, способствовать формированию мировоззрения и убеждений. Представленность информационных ресурсов политического Интернета достаточно широка и непрерывно увеличивается. Это сайты органов власти и ее представителей; сайты политических партий и политических направлений; персональные сайты политических деятелей различного уровня; информационно-аналитические политические сайты; блоги государственных и политических деятелей; политическая реклама, новостные ленты и СМИ; сайты предвыборных кампаний и др. Существует много различного рода типологий этих политических интернет-ресурсов. Так, Н. В. Соленкова

предлагает следующие основания для их классификации:

- по типу контента сайтов (новостные, аналитические, имиджевые, агитационные, смешанные);
- по функциям/целям создания (предвыборные, имиджевые, аналитические, сайты — инструменты информационных войн (компроматные);
- по аудитории, на которую ориентированы информационные ресурсы (зарубежные, общероссийские, региональные, местные);
- по принадлежности информационных ресурсов (принадлежащие государству, медийным группам, политическим группам, бизнес-группам, независимые) [Соленикова 2007: 13].

Проникновение веб-технологий в политику — это сложный и противоречивый процесс. Нельзя сказать, что он полностью изменил политическую коммуникацию. Это подтверждают определения, представленные в работах зарубежных и отечественных авторов. Так, например, политолог Г. Л. Акопов подчеркивает, что сетевая политика является «новой политической технологией, которая позволяет вывести политический процесс на более качественный уровень» [Акопов 2004]. По мнению А. А. Чеснакова, «начинается формирование нового обширного канала политической коммуникации, динамика развития которого может перевернуть представления, как о системе обеспечения политической деятельности, так и традиционных

инструментах политического участия» [Чеснаков 1999: 65—66]. В целом большинство ученых сходятся во мнении, что все основные признаки, свойства и функции политической коммуникации сохранились, Интернет лишь привнес и продолжает развивать новые формы, жанры, условия и модели поведения коммуникантов данного вида общения.

Таким образом, политический Интернет представляет собой мощное интерактивное средство связи с общественностью, которое позволяет осуществлять регулярный диалог политических деятелей с частью общества, имеющей доступ к Сети. Интернет, представляя собой уникальный социальный феномен, формирует новую когнитивную среду между коммуникаторами, в которой происходит самоорганизация нового типа когнитивного мышления, нового знания о реальности, являющегося продуктом деятельности различных социальных общностей, и призван установить понимающую связь между ними [Аршинов 1997]. Кроме того, предоставляется возможность посредством сетевого общения достичь того, что оказалось невозможным в реальной жизни, в реальной коммуникации: удовлетворить фрустрированные потребности, реализовать свои личностные качества и амбиции в сфере политики, высказать свое мнение по политическим и социальным вопросам. Таким образом, речь идет не столько о дефиците количества общения, сколько о его новом качестве [Шабшин 2005].

Развитие политической интернет-коммуникации можно условно разделить на два этапа. Первый этап — информационный. Сущность его состоит в проникновении и хранении в Сети политической информации. В первую очередь это новостные ленты, электронные средства массовой коммуникации, сайты политических партий и общественных организаций, отдельных политических лидеров, а также непосредственно электронные издания аналитических и исследовательских организаций. Второй этап связан с медиатизацией политики, попыткой использования Интернета в качестве инструмента политических и пиар-технологий.

Важным моментом является то, что основная цель политической коммуникации — целенаправленное воздействие на определенную аудиторию — в полной мере представлена в политическом Интернете и получила дополнительные средства своей реализации. Благодаря возможностям современного политического Интернета воздействию подвергаются все компоненты психологической структуры человека: интеллект, эмоции и мотивы поведения. На первый план выдвигается эмоциональный признак, который стимулирует возникновение соответствующих эмоциональных переживаний, выражающих отношение человека к окружающей его действительности. Все технологии, широкий набор форм и методов политической коммуникации Интернета направлены на более

динамичное воздействие на сознание и поведение интернет-аудитории в сравнении с другими средствами массовой информации [Михайлова 2007: 10].

Весомым аргументом в пользу данного утверждения может служить то, что традиционные средства массовой информации работают преимущественно в режиме информационного монолога — односторонней коммуникации, посредством которой соответствующие структуры воздействуют на адресата и поддерживают контроль над подвластными субъектами. Компьютерные же технологии открыли возможность многосторонней коммуникации. Каждый, имеющий доступ к Сети, может выступать как получателем, так и отправителем информации, что позволяет осуществлять эффективное виртуальное взаимодействие коммуникантов как друг с другом, так и с политическими структурами. Это делает процесс коммуникации более активным и взаимообусловленным: и адресант, и адресат выступают как активные его участники и могут влиять на его развитие. Такое взаимодействие в определенной степени способно привести или хотя бы создать впечатление возможности преодолеть иерархизм властных структур, и этим снять некоторую зависимость граждан от институциональных посредников, партийных и государственных организаций, и даже позволить влиять на них. Это может проявляться в возможности контроля над ходом голосования на выборах, в участии в работе форумов, в ответах на вопросы анкет, размещенных на сайтах, в обмене электронной корреспонденцией с представителями политических сил и т. п.

Основные функции политической коммуникации в сети Интернет с точки зрения специфической среды носят универсальный характер: распространение и хранение информации, пиар, реклама, инициация дискуссий и обсуждений по решению социально-политических проблем, организация внутрикоммуникационного процесса — специфика определяется только сферой деятельности (политика) и особенностью канала связи (Интернет).

Если рассматривать функции политической коммуникации в аспекте традиционных функций языка, то надо сказать, что они полностью коррелируют друг с другом. Так, важнейшей функцией, несомненно, остается **коммуникативная**, которая включает в себя **фатическую** и **убеждающую**. Реализация этих функций в рассматриваемом виде коммуникации представляется очень значимой, так как политическая интернет-коммуникация представляет собой эффективное средство установления первичного контакта лиц, в том числе территориально удаленных друг от друга, для оказания целенаправленного воздействия. Политический Интернет также выполняет **когнитивную** (Интернет — среда для познания реальности), **информативную** (среда для накопления и хра-

нения информации), *культурообразующую* (среда для формирования информационной культуры и ее отдельных субкультур), *эстетическую* (среда для реализации художественно-творческого потенциала) [Иванов 2000] и *экспрессивную* (подчеркивающую субъективное отношение говорящего к обозначаемым предметам и явлениям действительности) функции [Афанасенко 2006: 8].

Важной особенностью политической интернет-коммуникации является то, что Интернет является «средой *персуазивного языкового воздействия*: убеждения, аргументации и пропаганды для достижения индивидуальных целей» [Асмус 2005: 29]. К функциям политического Интернета можно также отнести *суггестивную*, состоящую в целенаправленном воздействии для формирования общественного мнения. Многонаправленность этого воздействия детерминирует инвариантность данной функции, которая проявляется в следующих интерпретациях: «политико-интегративная и политико-мобилизационная функции, функция политической социализации, политико-маркетинговая, политико-рекламная, политико-имиджевая, манипулятивная функция, функция контроля» [Соленикова 2007: 12].

Политическая сфера деятельности определяет непосредственные цели политической интернет-коммуникации, которые напрямую зависят от политических коммуникаторов (акторов), выступающих в роли адресанта — это органы государственной власти, политические партии и общественно-политические объединения, политические лидеры, средства массовой информации, информационно-аналитические и новостные агентства. Возможности Интернета предлагают широкий набор инструментов для реализации их целей. Ученые, относящиеся к самым разным специальностям, в большинстве своем подчеркивают следующие преимущества интернет-технологий:

- большая эффективность связи между представителями политических структур и гражданами;
- активация и мотивация, направленные на вовлечение граждан в политику за пределами Интернета посредством самого Интернета;
- большая практичность политических решений вследствие объединения знаний граждан, основанных на разностороннем опыте;
- возможность взаимодействия в политических кампаниях;
- доступность для журналистов единовременного доступа к информации об официальных документах и текущих законодательных инициативах и предложениях;
- усиление внутренней организации партий и взаимодействия членов партий, и др. [Вершинин 2004].

Широко обсуждаемым вопросом в рамках изучения политической интернет-коммуникации является проблема выделения ее видов. Су-

ществует несколько подходов к решению этой проблемы. Так, например, Е. В. Афанасенко определяет три основные составляющие политической коммуникации — ориентация, интеграция и агональность, — на основании которых выделяет три основных вида политического дискурса: ритуальный (в котором преобладает фатика интеграции), ориентационный (тексты информационно-прескриптивного характера) и агональный (дебаты, лозунги) [Афанасенко 2006: 9]. По нашему мнению, спектр коммуникативно-прагматической направленности политической интернет-коммуникации несколько шире, и на основе приоритетности конкретной цели того или иного политического дискурса можно выделить такие ее виды, как информационные, аналитические, агитационные, пропагандистские, рекламные.

Подробную классификацию видов политического дискурса, которые в определенной степени могут быть соотнесены и с сетевой политической коммуникацией, предложила Е. И. Шейгал. По мнению автора, они могут быть дифференцированы:

- по параметру институциональности/официальности (от максимальной неформальности общения — разговоры о политике в семье, с друзьями и т. п. — до максимальной институциональности — международные переговоры, официальные встречи руководителей государств);
- по субъектно-адресатным отношениям (общественно-институциональная коммуникация, коммуникация между институтом и гражданином и коммуникация между агентами в институтах);
- по вариантам политических социолектов;
- по событийной локализации (выборы, инаугурация, съезд партии, церемония патриотического праздника, встреча депутата с избирателями, парламентские слушания, визит политического деятеля, митинг, референдум и др.);
- по степени центральности или маргинальности того или иного жанра в поле политического дискурса (парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг, декреты, конституции, партийные программы, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и т. п.);
- по характеру ведущей интенции (ритуальные/эпидейктические ориентационные, агональные) [Шейгал 2000: 255—270].

Однако надо отметить, что практически не существует речевых произведений в «чистом» виде, чаще всего они имеют полифункциональный характер, например, политическая реклама не может быть неинформативной, но информация в ней подчинена главной, ведущей коммуникативной установке, направленной на самопрезентацию адресата данного речевого произведения. Взаимосвязь указанных установок очень тесная, что иногда затрудняет выделение видов коммуникации и приводит к неоднозначным подходам к решению этого вопроса у раз-

ных ученых. В целом же изучение существующих точек зрения по данному вопросу показывает, что выделение видов дискурса в политической коммуникации вообще и в политической интернет-коммуникации в частности во многом совпадает. Это обусловлено общностью целевой прагматической установки, которую можно определить как целенаправленное и политически мотивированное регулятивное психологическое воздействие на широкие массы. Специфика политической интернет-коммуникации проявляется лишь в формах презентации ее видов в соответствии с особенностями канала связи и техническими возможностями, которые предоставляет интернет-среда.

Таким образом, можно сказать, что развитие политической интернет-коммуникации проходит в двух направлениях:

1) перенос или дублирование части функций из традиционных форм политической коммуникации для расширения возможности их объективации;

2) создание параллельных или новых сетевых форм политической коммуникации, обладающих новыми самостоятельными функциями и широкими возможностями их реализации.

Формы политической интернет-коммуникации, представленные в современной Сети, можно разделить на два основных класса в зависимости от преследуемых целей: информационные и интерактивные. Однако это не значит, что информационные формы не имеют признака интерактивности и наоборот, интерактивные формы не информативны. Такое деление лишь подчеркивает первичную направленность информационных форм на хранение и передачу информации, а интерактивных форм — на обратную связь с адресатом.

К **информационным формам** относятся: новостные ленты, информационно-аналитические сайты, презентационные государственные и законодательные сайты, правительственные и административные программы и документы, бюллетени и т. п. **Интерактивные формы** представлены электронной почтой, различного рода форумами, конференциями, чатами, интернет-опросами, онлайн-голосованием и др., которые позволяют быстро обмениваться информацией с широкой аудиторией в режиме реального времени с целью выявления общественного мнения по конкретным политическим событиям или текущим вопросам, а также для политической агитации и пропаганды. В последнее время появились и новые формы политической интернет-коммуникации, которые стремительно набирают популярность в современной Сети. Они включают в себя обе названные цели в равной мере и могут быть отнесены к **информационно-интерактивным формам** — это персональные сайты политических партий и их представителей, а также социальные сети и блоги (сетевые дневники), которые получили широкое распространение и очень востребова-

ны среди пользователей политического Интернета.

Таким образом, политический Интернет является неотъемлемой частью современного информационного пространства. Важная характеристика глобальных социально ориентированных электронных сетей, включающих в себя информационно-коммуникационные ресурсы политической направленности — их «ориентированность на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Будаев, Чудинов 2007: 90]. Сущностью и предназначением политического Интернета выступает удовлетворение политико-информационных и политико-коммуникационных потребностей участников политического процесса в результате их взаимодействия посредством особых современных компьютерных ресурсов, программных продуктов и технологий.

К наиболее востребованным формам политической коммуникации в сети Интернет относятся:

Интернет-сайты — способ публичной коммуникации субъектов политики. Позволяют поместить любое количество материалов без временных или пространственных ограничений, обращаться напрямую к аудитории, значительно экономят усилия по доставке информации, которая легко обновляется. Одновременное использование на сайте медиатехнологий позволяет посетителю получить максимально полное представление о политическом деятеле/партии/организации/движении. Использование в политической деятельности Интернета дает возможность быстро реагировать на меняющиеся социальные и политические условия, разнообразить приемы и методы политической борьбы. Создание сайта способствует расширению базы потенциальных избирателей, сторонников и единомышленников, повышает узнаваемость политического деятеля. Интернет позволяет наладить самую оперативную взаимосвязь как с целевой аудиторией, так и со своими соратниками по партии. Для этого на сайте используются механизмы обратной связи: анкетирование, опросы, гостевые книги, форумы, рассылка новостей, e-почта и т. д.

Достаточно просто и без каких-либо затрат можно получать комментарии и отзывы посетителей сайта, что помогает понять их потребности и улучшить сайт, сделать соответствующие корректировки в его содержании. На основе получаемой информации создается база данных по активным посетителям сайта (их портрет, контактная информация, сведения об интересах, предпочтениях, заинтересовавшие страницы сайта). В дальнейшем эти данные можно активно использовать для повышения эффек-

тивности воздействия на целевую аудиторию. Используя все эти преимущества сети, политический деятель может создать необходимый для себя образ, завоевать симпатии и, в конечном итоге, голоса избирателей, необходимые ему для продвижения в политической и государственной карьере.

Блоги, мини-блоги — место для обсуждения общественно значимых событий, вопросов политической идеологии и т. п. сквозь призму личности автора, который имеет или может иметь к обсуждаемому непосредственное отношение [Рогачева 2009: 99], своего рода онлайн-комьюнити, что делает блог мощным инструментом построения репутации автора, способом представления его демографического и социального портрета. Основные задачи, которые могут решать блоггеры:

1. Аналитическая задача — регулярные мониторинги, отслеживание основных тем дискуссий, характера отзывов и сюжетов с критикой самого автора или партии, которую он представляет.

2. Коммуникационная задача — модерация обсуждений политического деятеля с целью повышения к нему/ней интереса, а также своевременное опровержение негативных отзывов.

3. Исследовательская задача — инициация новых веток обсуждения кампаний или других видов депутатской и партийной деятельности с целью понять и протестировать реакцию электората на те или иные сообщения, на появление определенной информации.

Блоги обеспечивают интерактивность, неформальный стиль подачи информации, быстрое получение обратной связи, обмен мнениями. С помощью блога можно сформировать сообщество, так называемую блогосферу единомышленников, соратников по партии, представителей СМИ, заинтересованных в получении оперативной и достоверной («из первых уст») информации. Блоги, благодаря всем вышеперечисленным свойствам, формируют доверие к личности политика.

Электронная почта — способ быстрого распространения и обмена информацией. Основными преимуществами этого вида интернет-коммуникации являются широкая распространенность, традиционность, простота в использовании и возможность прямого взаимодействия с целевыми аудиториями. Кроме того, на сегодняшний день уже выработаны основные правила и принципы, которые делают данный вид коммуникации надежным и безопасным. А именно:

✓ «Вся информация распространяется пользователям только по подписке. Благодаря этому достигается соответствие между рассылаемой информацией и интересами получателя.

✓ У пользователя всегда есть возможность отписаться от информации (если она не оправдала его ожиданий или перестала интересовать).

✓ Отправитель сообщения всегда известен получателю.

✓ Существует возможность персонализированной коммуникации (персонифицированного обращения).

✓ Push-технология, работает напрямую и достигает конкретного пользователя — когда пользователю для того, чтобы увидеть рекламу, необходимо самому идти к информации» [Ефремова 2006: 33].

Форумы, чаты, социальные сети, которые позволяют обмениваться текстовыми или голосовыми посланиями широкой аудитории в режиме реального времени. Это своего рода площадка для организации обсуждений, многостороннего обмена мнениями, а также источник информации. В интернет-пространстве происходит сложный коммуникационный процесс — расширение круга общающихся создает ситуацию полилога, составной частью которого является диалог декодирующих сторон: «адресант↔адресат»; «адресанты↔адресат»; «адресант↔адресаты». Следствием этого процесса является либо формирование единого социокультурного пространства, либо концентрирование внимания на одном объекте и его обсуждение, что создает впечатление общности восприятия потока информации и формирует глобальную информационную среду сетевого сообщества. В основе организации таких форм коммуникации заложены базовые потребности человека как части социума — общение и самовыражение.

Аудитория социальных сетей может составлять несколько тысяч посетителей. Это позволяет сформировать интернет-комьюнити единомышленников, которые будут поддерживать политического деятеля во всех начинаниях и высказывать свое мнение по их поводу. Такой тип общения позволяет оперативно распространять удачные постинги по Сети посредством коммуницирования пользователей, обеспечивая бесплатную рекламу, являясь площадкой для размещения рекламы и проведения различных политических кампаний. Информировав несколько десятков лидеров конкретной социальной сети, можно получить доступ к большому количеству потенциальных избирателей.

Интернет-опросы и онлайн-голосование используются с целью выявления предпочтений аудитории и для политической агитации [Привалова 2009: 93]. Опросы общественного мнения — важный этап подготовки или своевременной модификации политической рекламы. Опросы нацелены на выявление намерений электората, его восприятия уже сложившихся имиджей партий и кандидатов, его отношения к экономической ситуации в регионе, а также на выделение проблем, наиболее остро стоящих перед избирателями [Феофанов 2006].

Таким образом, политический Интернет можно определить как новейшую электронно-компьютерную среду в сфере политико-власт-

ных отношений, созданную на основе принципа обратной связи, которая является:

- во-первых, виртуальным пространством для быстрых и разнонаправленных потоков политической информации и коммуникации;
- во-вторых, современным ресурсом и технологией политического влияния, завоевания доверия и общественной поддержки, политического участия и политической борьбы.

Такое распределение существенно влияет на характер актуального политического общения, качественно меняет язык политического дискурса и стилистику политической коммуникации и обуславливает необходимость детального и всестороннего изучения этого нового феномена.

ЛИТЕРАТУРА

Аршинов В. И. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации // Онтология и эпистемология синергетики. 1997. URL: <http://bookfi.ru/g/Аршинов> (дата обращения: 10.08.2010).

Акопов Г. Л. Глобальные проблемы и опасности сетевой политики // Политнет.ру, 2004. URL: <http://problem.politnet.ru/oglavlen.html> (дата обращения: 21.12.2009).

Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2005.

Афанасенко Е. В. Семантический повтор в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2006.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Основные этапы развития и направления политической лингвистики // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. — Ставрополь, 2007. Вып. 5. С. 89—99.

Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований / Российская коммуникативная

ассоциация. — СПб., 2004. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/v/vershinin02.shtml (дата обращения: 3.03.2010).

Ефремова А. О. E-mail маркетинг как инструмент коммуникации. // PR-технологии в информационном обществе: мат-лы 3-ей Всероссийской науч.-практ. конф. — СПб., 2006. Ч. 1. С. 33—35.

Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. 2000. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (дата обращения: 10.06.2010).

Михайлова А. М. Политическая интернет-коммуникация в современном региональном пространстве (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Улан-Удэ, 2007.

Привалова Д. А. Интернет как средство массовой политической коммуникации // Политическая коммуникация: мат-лы Всерос. науч. школы для молодежи. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 92—94.

Рогачева Н. Б. Речевжанровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // Политическая коммуникация: мат-лы Всерос. науч. школы для молодежи. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 97—100.

Соленикова Н. В. Политический Интернет в Российских избирательных кампаниях: тенденции и проблемы развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Уфа, 2007.

Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России / Библиотека «Полка Букиниста», 2006. URL: http://polbu.ru/feofanov_advert/ch42_all.html (дата обращения: 10.06.10).

Чеснаков А. А. Ресурсы INTERNET и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ. Сер.18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 65—71.

Шабшин И. И. Психологические особенности и феномены коммуникации в Интернете / Журнал «Самиздат», 2005. URL: http://zhurnal.lib.ru/s/shabshin_i_i/internet.shtml (дата обращения: 15.08.2008).

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: моногр. — Волгоград: Перемена, 2000.

Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова и проф. Т. Г. Галушко

Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ-НЕОЛОГИЗМЫ:
КУЩЕВСКАЯ И ЦАПКИ**

**PRECEDENT ONYMS-NEOLOGISMS:
KUSHCHEVSKAYA AND TSAPKI**

Аннотация. После шумевшего убийства в станице Кущевской ее название и фамилия главаря преступной банды начали использоваться как имена нарицательные для обозначения противоестественного сращения власти и преступности (Кущевская) и обнаглевших правонарушителей (цапки). Подобные вторичные значения характерны для отечественной политической коммуникации, их арсенал постоянно обновляется, но большинство из них быстро уходит из активного употребления. Уже через несколько лет такие образы не вызывают прежнего эмоционального отклика читателей, оказываются не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

Abstract. After the sensational murder at stanitsa Kushchevskaya its name and the surname of the leader of the criminal group began to be used as common nouns to denote unnatural union of government and criminals (Kushchevskaya) and impudent criminals (tsapki). Such secondary meanings are typical of Russian political communication, they are constantly updating, but most of them are quickly removed from active usage. In a couple of years this images do not cause such emotional response of the readers as before, they become vague and need additional explanation.

Ключевые слова: политическая коммуникация, метафора в СМИ, урбонимы, антропонимы, Кущевская, Цапок, цапки, имя собственное, имя нарицательное, историческая динамика политических метафор.

Key words: political communication; metaphor in Mass Media; urbonyms; anthroponyms; Kushchevskaya; Tsapok; tsapki; proper name; common noun; historical dynamics of political metaphors.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

В нашей недавней статье отмечалось, что в современных массмедийных текстах активно используются вторичные значения топонимов, связанных с обозначением событий, происходящих в соответствующих населенных пунктах. В качестве наиболее ярких примеров таких метафор рассматривались названия городов *Пикалево* и *Кондопога*, которые стали своего рода символами социальных потрясений, межнациональных конфликтов и противоречий между трудящимися и работодателями [Нахимова 2010а]. Следует подчеркнуть, что указанные названия городов как топонимы вовсе не являются неологизмами, но в качестве прецедентных феноменов они выступают именно как неологизмы, поскольку рассматриваемые метафорические значения данных топонимов возникли именно в начале XXI в.

В другой нашей публикации отмечалось, что еще одна типовая модель употребления имен собственных — метафорическое использование прецедентных антропонимов, среди которых заметное место занимают имена преступников, в том числе сексуального маньяка Чикатило, киллера Солоника, создателя финансовой пирамиды Мавроди, майора Евсюкова, без всяких причин открывшего стрельбу в магазине, и др. [Нахимова 2010б].

Подобные метафоры обычно ярко вспыхивают (они активно используются самыми различными авторами, вызывают интерес у читателей, которые легко понимают смысл соответствующих аллюзий, образные значения этих онимов реализуются в текстах без дополнительных пояснений), но вскоре быстро уходят из активного употребления и остаются в памяти лишь немногих представителей социума. Возможно, подобная судьба ждет и получившие общероссийскую известность метафорический топоним *Кущевская* (*Кущевка*) и метафорический антропоним *Цапок* (*цапки*), которые рассматриваются в настоящей статье.

Первый из названных прецедентных онимов стал своего рода символом противоестественного сращения преступных сообществ и властных структур, результатом которого становятся жестокие криминальные события. Второй рассматриваемый прецедентный оним превратился в метафорическое обозначение совершенно обнаглевших преступников, которые, пользуясь покровительством милиции и иных властных структур, совершают бесчеловечные преступления.

Историческая справка. История казачьей станицы *Кущевская* (*Кущевка*) начинается с 1794 г., когда по велению Екатерины Великой на Кубань были переселены запорожские каза-

ки. Куцевские казаки прославились своими подвигами во многих боевых действиях. В настоящее время эта станица является центром самого северного района Краснодарского края с населением около 73 тыс. человек, из которых почти половина проживает в райцентре.

Филологическая справка. Местные жители произносят название своей станицы с ударением на втором слоге, где после мягкого согласного перед твердым буква Е обозначает фонему О. Название станицы в разговорной речи имеет два варианта: *Куцевская* и *Куцевка*, но официальным статусом обладает только первый.

Криминологическая справка. Ситуация в станице Куцевской привлекла особое внимание СМИ после того, как 5 ноября 2010 г. в доме местного фермера были обнаружены трупы 12 человек, среди которых оказалось четверо детей. Преступники подожгли дом, чтобы скрыть следы преступления. Непосредственные исполнители преступления и его организаторы вскоре были задержаны, однако выяснилось, что это убийство было по существу лишь высшей точкой страшной череды преступлений, которые совершались в Куцевской при молчаливом согласии администрации и силовых структур. Некоторые офицеры милиции оказались прямыми пособниками бандитов, с ними заодно действовали следователи, судьи и прокуроры.

По версии следствия, руководителем преступного сообщества в Куцевской был кандидат социологических наук, депутат и бизнесмен Сергей Цапков, «продолживший» дело своего брата Николая, который руководил куцевскими бандитами до своей смерти в 2002 году.

В ноябре—декабре 2010 года события в Куцевской стали предметом активного обсуждения в российских электронных и печатных СМИ. В частности, проанализированный нами корпус интернет-реакций на запрос «Куцевская» насчитывает более трех тысяч текстов, причем абсолютное большинство из них тематически связано именно с преступлениями, которые в последние годы были совершены в этой кубанской станице (по данным на конец декабря 2010 года).

Преступников и попустительствовавших им чиновников осуждали самые различные авторы: политические лидеры страны, журналисты, сотрудники силовых структур, рядовые читатели и пользователи Интернета, среди которых — люди различных профессий, политических убеждений, национальностей, принадлежащие к различным религиям. В связи с событиями в Куцевской В. В. Путин, отвечая на вопросы участников прямой линии, заявил: «Я считаю, что это провал всей правоохранительной системы» [rus.ruvr.ru/2010.12.16]. При этом руководитель российского правительства пояснил, что ответственность лежит не только на милиции: «Там что, одна милиция не доработала? А где была прокуратура, где была федеральная

служба безопасности, где была ФСКН, где были суды? А местные и региональные органы власти, они где были? Они что, ничего не видели?» [rus.ruvr.ru/ 2010.12.16]. Президент РФ Д. А. Медведев в телеинтервью также говорил о прямой ответственности милиции, прокуратуры, других властных структур за события в Куцевской. Показательно, что действия куцевских «беспредельщиков», не пощадивших ни в чем не повинных женщин и детей, осудили даже лидеры организованной преступности.

В процессе официального расследования выяснилось, что в Куцевской члены банды Цапков (не обязательно носящие ту же фамилию, что и главарь) еще с конца прошлого века были известны как *цапки*. Таким образом, оказалось, что фамилия *Цапков* стала восприниматься как имя нарицательное, как обобщенное обозначение членов группы преступников, возглавляемой сначала Николаем, а потом Сергеем Цапками. Рассмотрим несколько характерных примеров, представленных в электронных и печатных СМИ.

В 1997 году к Джалилю, сыну состоятельного фермера, подошли двое „бойцов“ и заявили, что если он хочет „беспроблемно“ встречаться со своей девушкой, то должен заплатить. Джалиль без особых разговоров их избил. С тех пор начались драки между друзьями Джалиля, которых стали называть „татарами“ и цапками (kprf.debesi.ru). Местные боются, что на смену цапкам в Куцевскую пришли новые отморозки (KP.RU — Краснодар). К материалам уголовного дела приобщено и огнестрельное оружие, с которым преступники ворвались в дом Сервера Ахметова. Что и где закопано, рассказали арестованные цапки (О. Лукина, О. Сухова // Комсомольская правда. 24.12.2010).

Следующий этап развития семантики рассматриваемого прецедентного онима определяется тем, что *цапками* стали называть не только членов преступной группы под руководством Николая и Сергея Цапков, но и иных преступников, среди которых было много уличных хулиганов и насильников. Ср.:

Здесь так обычно бывает: появляется новая девушка — на нее набрасываются. У беспредельщиков есть фамилии, имена, клички, но их всех зовут цапками (Российская газета — Неделя. 16.12.2010). Доходило до того, что „цапки“ заходили в аудитории прямо во время лекций, забирали понравившихся девушек и увозили их с собой (lenta.ru/news). Куцевский судья ответил за цапков. Александр Яценко лишил не только должности, но и судейской пенсии и полагающихся льгот (Комсомольская правда. 22.12.2010).

Еще более показательны контексты, в которых прецедентный антропоним *цапки* используется как обобщенное метафорическое обозначение российских бандитов, которые, как известно, совершают свои преступления не

только в кубанских станицах. Соответственно название станицы *Куцевская (Куцевка)* превратилось в обобщенное метафорическое обозначение российских населенных пунктов, где царствует криминал. Можно предположить, что многие из представленных ниже контекстов рождены болью и обидой, они представляют собой гиперболы, призванные немедленно привлечь внимание общественности к делу борьбы с преступностью. Однако именно подобные метафоры наиболее ярко демонстрируют специфику употребления рассматриваемых слов. Ср.:

В Москву надо было писать. Так нет — все молчали, на что и рассчитывали убийцы. А ведь таких Куцевок и таких Цапков в России тысячи (eg.ru/daily/crime). Вся Россия — это большая станица Куцевская, которой правят Цапок и Цеповяз (livejournal.com). Куцевская могла быть где угодно. Не факт, что она не случится в Тюмени, Новгороде или Владивостоке, Калининграде или Свердловской области (K-kiselev.leavejournal). Симбиоз чиновников, правоохранителей и уголовников является настолько типичным явлением, что Федерацию можно было бы называть Куцевской. На кого надеется президент Медведев, когда говорит о модернизации? На цапков и их поделников в органах власти? (pzrk.ru).

Отметим, что в рассмотренных выше контекстах обнаруживаются и собственно лингвистические показатели перехода имени собственного *Цапок* в разряд имен нарицательных. Об этом говорит, в частности, вариантность в использовании прописных и строчных букв (*цапки* и *Цапки*). Еще один показатель рассматриваемого перехода — использование форм множественного числа в случаях, когда речь вовсе не идет о членах одной семьи или однофамильцах. Важным показателем нестандартности словоупотребления служит и написание рассматриваемого прецедентного антропонима с использованием кавычек.

Итак, при развитии семантики прецедентного имени *Цапок (цапки)* по направлению от имени собственного (фамилия *Цапок*, множ. число *Цапки*) к имени нарицательному *цапок* (множ. число *цапки*) можно выделить пять этапов.

1. Фамилия *Цапок (Цапки)* в станице Куцевской с середины 90-х гг. прошлого века начинает регулярно употребляться в контекстах, связанных с преступным поведением членов соответствующей семьи.

2. Фамилия *Цапок (Цапки)* начинает использоваться в станице Куцевской в конце 90-х гг. прошлого века для обобщенного обозначения членов банды, возглавляемой Николаем и Сергеем Цапками. Антропоним *Цапки (цапки)* становится прецедентным.

3. Прецедентный антропоним *Цапок (Цапки)* с начала прошлого десятилетия применяется в Куцевском районе по отношению к различным преступникам из станицы Куцевской (не обязательно состоящим в банде во главе с Цапками).

Данный прецедентный антропоним в первые годы своего существования имел региональный характер, т. е. был известен только на севере Краснодарского края.

4. В результате широкого освещения ведущими российскими СМИ событий, связанных с убийством 5 ноября 2010 года двенадцати человек в станице Куцевской, региональный прецедентный антропоним *Цапок (цапки)* приобретает общероссийскую известность (но по-прежнему обозначает только куцевских бандитов).

5. Прецедентный антропоним *Цапок (цапки)* приобретает еще более обобщенный смысл и с конца 2010 г. начинает обозначать преступников в самых различных городах России (не обязательно в станице Куцевской), т. е. становится общероссийским.

Соответственно, в развитии семантики прецедентного топонима *Куцевская* (разговорный региональный вариант — *Куцевка*) можно выделить по меньшей мере шесть этапов.

1. Название казачьей станицы *Куцевская (Куцевка)* начинает в пределах Краснодарского края регулярно использоваться в контекстах, связанных с разгулом преступности в соответствующей станице (конец 90-х гг. прошлого века).

2. Имя собственное *Куцевская (Куцевка)* с конца 90-х гг. прошлого века начинает восприниматься на Кубани как образное обозначение поселения с высоким уровнем преступности, в результате чего топоним *Куцевская (Куцевка)* превращается в региональный прецедентный оном.

3. Название кубанской станицы *Куцевская (Куцевка)* приобретает общероссийскую известность в связи с жестоким убийством 5 ноября 2010 г. семьи фермера Аметова и его гостей. В общероссийских СМИ абсолютное большинство упоминаний о *Куцевской (Куцевке)* связано с этим преступлением.

4. Название кубанской станицы *Куцевская (Куцевка)* становится образным обозначением жестокого убийства, жертвами которого в ноябре 2010 г. стали восемь взрослых и четверо детей. Топоним *Куцевская (Куцевка)* становится прецедентным.

5. Прецедентный топоним *Куцевская (Куцевка)* после жестокого преступления в ноябре 2010 г. начинает использоваться для обозначения криминальной ситуации в названной станице. Основной причиной преступления стала долгая безнаказанность бандитов, которая обеспечивалась их дружескими и родственными связями во властных структурах.

6. Прецедентный топоним *Куцевская (Куцевка)* в конце 2010 г. приобретает еще более обобщенный смысл и начинает обозначать криминальную ситуацию в самых различных регионах России (не обязательно в Краснодарском крае). Существенный признак такой ситуации — длительная безнаказанность бандитов в результате наличия у них связей во властных структурах, а также халатности и безот-

ветственности тех, кто обязан обеспечивать комфортную жизнь граждан. В результате региональный прецедентный оним становится общероссийским.

Рассмотренный материал показал, что сначала прецедентная семантика топонима *Куцевская (Куцевка)* сформировалась в Краснодарском крае, однако в ноябре 2010 г. региональный прецедентный топоним приобрел общероссийскую известность. Такая же закономерность обнаруживается и при изучении истории прецедентного антропонима *Цапки (цапки)*. Подобные факты предопределяют необходимость дифференциации прецедентных онимов регионального и общероссийского характера.

Еще одну группу прецедентных онимов российского происхождения можно определить как *интернационализмы*. В данном случае имеются в виду прецедентные имена, получившие известность не только в России, но и за ее рубежами. Политическая жизнь России в последние десятилетия предопределила широкую известность во всем мире таких прецедентных топонимов, как *Буденновск, Беслан, Хасавюрт*. Однако по-настоящему глобальную известность приобрел в конце советской эпохи город *Чернобыль*, в котором произошла страшная катастрофа на атомной электростанции. Метафорическое представление этой катастрофы в немецком, французском и англо-американском политическом дискурсе детально рассмотрели Н. А. Красильникова [Красильникова 2005] и Л. К. Никифорова [Никифорова 2010]. Что же касается рассмотренных в настоящей публикации онимов *Куцевская (Куцевка)* и *Цапки (цапки)*, то хотя о них и писали в зарубежных СМИ, известность соответствующих событий не приобрела масштабов глобальной.

При конкретном анализе во многих случаях важно различать прецедентные онимы-неологизмы и прецедентные онимы-окказионализмы. В первом случае прецедентный оним приобретает широкую известность во многих регионах и социумах, используется в различных дискурсах, а поэтому не требует в конкретном тексте специальных пояснений. Во втором случае имеются в виду вторичное значение, смысл которого понятен только в рамках данного текста, только в рамках определенной ситуации. Рассмотрим конкретный пример.

В 2007 году в Орел направили нового начальника областной милиции Владимира Колокольцева. Вскресли возбудили громкие уголовные дела против двух вице-губернаторов. Строев все понял... Мы все понимаем, что к каждому ветерану губернаторского корпуса можно посылать своего колокольцева и тот многое нароеет в его ближайшем окружении (Е. Черных // Комсомольская правда. 7—14.10. 2010).

В данном случае ближайший контекст свидетельствует, что имя генерала Владимира Колокольцева выступает как своего рода символ угрозы провинциальным топ-менеджерам: его

назначение на должность руководителя областной милиции предвещает уголовное преследование политической элиты региона. Показательно, что автор сначала использует рассматриваемую фамилию в денотативном смысле (для обозначения реального человека), и только потом употребляет ее в метафорическом смысле. Такой контекст — яркий признак прецедентного онима-окказионализма: автор не может рассчитывать на то, что читатели легко поймут смысл метафоры. Однако «объясняющий» контекст не обязателен при использовании прецедентного онима-неологизма, который, по мнению автора публикации, уже известен читателям. Предложенные выше примеры показывают, что прецедентные онимы *Цапки (цапки)* и *Куцевская (Куцевка)* в современных СМИ вполне могут использоваться без объяснительного контекста и, следовательно, не могут рассматриваться как окказионализмы.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что среди рассматриваемых феноменов отчетливо противопоставляются прецедентные онимы-неологизмы и прецедентные онимы-окказионализмы.

Обобщая закономерности функционирования прецедентных онимов, можно сделать вывод, что высокая скорость исторических изменений, постоянное обновление состава неологизмов и архаизмов, значительное количество окказионализмов и историзмов — характерные черты современной системы русских прецедентных имен собственных [Отин 2003: 56; Нахимова 2010а: 126]. Одни из них приходят всего на несколько месяцев, другие — остаются на века. Значительная часть таких онимов имеет региональный характер, тогда как другие топонимы и антропонимы становятся известными по всей России и даже за ее рубежами. Однако общая закономерность такова, что рассматриваемые метафоры, восходящие к именам собственным, как правило, менее долговечны, чем образы, восходящие к именам нарицательным. И особенности современной российской массовой коммуникации, несомненно, способствуют ускорению процессов неологизации и архаизации прецедентных имен собственных.

При рассмотрении закономерностей превращения имени собственного, известного преимущественно в отдельном регионе, в прецедентное имя, имеющее общероссийское распространение, отчетливо просматривается пять основных этапов:

- повышенная частотность функционирования имени собственного в определенных контекстах (на региональном уровне);
- превращение имени собственного в региональный прецедентный оним;
- события, предопределившие повышенную частотность использования регионального имени собственного в общероссийских СМИ;
- получение региональным прецедентным онимом общероссийской известности;

– превращение регионального прецедентного онима в общероссийский прецедентный оним и его использование по отношению к феноменам, связанным с другими регионами.

ЛИТЕРАТУРА

Нахимова Е. А. Урбонимы в политической коммуникации: *Кондопога и Пикалево* // Политическая лингвистика. 2010а. № 2 (32).

Нахимова Е. А. Историческая динамика метафорической активности прецедентных имен собственных в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2010б. № 4 (34).

Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Никифорова Л. К. Метафорическая репрезентация атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2010.

Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2.

Статью рекомендуют к публикации члены редколлегии Э. В. Будаев и Н. Б. Руженцева

Е. В. Пикалова
Воронеж, Россия

E. V. Pikalova
Voronezh, Russia

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА
«СИМПТОМЫ И КОНКРЕТНЫЕ
БОЛЕЗНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ»
В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

THE THEMATIC GROUP
“SYMPTOMS AND SPECIFIC DISEASE STATES”
IN METAPHORIC FIELDS
OF THE POLITIC DISCOURSE”

Аннотация. Медицинская метафора, используемая или создаваемая авторами политических текстов, становится сегодня определенной речевой стратегией, направленной на усиление воздействия и достижение наибольшего эффекта. Медицинские термины и понятия, выступая в новом, метафорическом значении, не утрачивают исходную семантику, а прибавляют к ней нечто новое, что предстоит разгадать реципиенту: метафора подобна таким речевым действиям, как утверждение (иногда ложное), намек, критика и т. д. Медицинская терминологическая лексика, по нашим наблюдениям, сегодня активно используется в метафорическом значении в текстах разных жанров. Особенно широкое распространение она получила в политическом дискурсе. В данной статье анализируются процессы метафоризации одной из денотативных сфер медицинской терминологии — «Симптомы и конкретные болезненные состояния» — и устанавливаются интенции субъектов метафоры.

Ключевые слова: метафора; метафорическое значение; намек; критика; терминологическая лексика; политический дискурс; процессы метафоризации; денотативная сфера; симптом; интенции субъектов.

Сведения об авторе: Пикалова Екатерина Вячеславовна, преподаватель кафедры латинского и русского языков.

Место работы: ГОУ ВПО Воронежская государственная медицинская академия им. Н. Н. Бурденко.

Контактная информация: 394036, г. Воронеж, ул. Студенческая, 10.
e-mail: katrina513@yandex.ru.

Abstract. The medical metaphor used or created by the authors of political texts becomes nowadays a certain speech strategy aimed to intensify the influence and reach the greatest pragmatic effect. Carrying new metaphoric meaning, medical terms and concepts do not lose their literal meaning and add to it something new that is still a guess. The metaphor assimilates to such speech acts as a statement (sometimes false), allusion, criticism, etc. According to our observations, the medical terminological vocabulary in its metaphoric meaning is currently used in the texts of various genres. It has become especially widespread in political discourse. This article analyzes the metaphorisation processes of one of the denotative fields of medical terminology — «Symptoms And Specific Disease States» — and it also determines the entity metaphor intensions.

Key words: metaphor; metaphoric meaning; allusion; criticism; medical terminological vocabulary; political discourse; metaphorisation processes; denotative fields; symptoms; metaphor intensions.

About the author: Pikalova Ekaterina Vyacheslavovna, Lecturer of the Chair of Latin and Russian languages.

Place of employment: Voronezh State Medical Academy n. a. N. N. Burdenko.

Studenetskaya, 10.

Медицинская метафора, используемая или создаваемая авторами политических текстов, становится сегодня определенной речевой стратегией, направленной на усиление воздействия и достижение наибольшего прагматического эффекта. С ее помощью создается подтекст, строящийся на ассоциативных связях и воздействующий на суггестивном уровне. Такая метафора обнаруживает прагматическую функцию, состоящую в убеждении адресатов. Этому способствуют яркие образы, создающие оценочный подтекст, в котором концентрируется основной смысл высказывания. Медицинские термины и понятия, выступая в новом, метафорическом значении, не утрачивают буквального значения, а прибавляют к нему нечто новое, что предстоит «разгадать» реципиенту. Дело, видимо, не в новой семантике, приобретенной словом, а в контексте употребления, и в этом метафора подобна таким речевым действиям,

как утверждение (иногда ложное), намек, критика и т. д. Это соображение позволяет говорить о значительном прагматическом потенциале метафоры вообще и медицинской метафоры в частности. Согласно «интеракционистской» точке зрения М. Блэка, метафора заставляет человека приложить «систему общепринятых ассоциаций», связанную с данным метафорическим словом, к субъекту метафоры [Блэк 1990: 153—172].

Субъект метафоры помещает слово в непривычный контекст, в результате чего рождается новое когнитивное содержание, часто, если не всегда, выраженное имплицитно. Если мы попытаемся эксплицировать его, то эффект воздействия окажется гораздо слабее. Это относится и к медицинской терминологической лексике, которая, по нашим наблюдениям, сегодня активно используется в метафорическом значении в текстах разных жанров. Особенно

широкое распространение она получила в политическом дискурсе.

Во многих лингвистических работах содержится фрагментарное описание контекстов с медицинской метафорой [см. Склярская 1993; Чудинов 2002; Баранов, Караулов 1994; Ермакова 1996 и др.]. В данной статье анализируются процессы метафоризации одной из денотативных сфер медицинской терминологии — «Симптомы и конкретные болезненные состояния» — и устанавливаются интенции субъектов метафоры. В статье последовательно анализируются контексты метафорического употребления различных лексем, расположенных в порядке от слов с обобщенным значением до слов с более конкретной исходной семантикой.

Лексема «симптом». В медицине симптом — характерное проявление или внешний признак какой-либо болезни. Лексема «симптом» обогащается добавочными значениями во вторичной номинации других, не связанных с медициной, объектов на основании сходных семантических признаков. Болезни общества, например, как целостного социального организма проявляются в виде симптомов. Это позволяет осуществлять метафорический перенос семы «признак» семантической структуры медицинского термина на похожие признаки, состояния, испытываемые обществом и государством в целом: *Первые симптомы кризиса появились еще в 2001 году* (Комсомольская правда. 2009).

В следующих примерах слово «симптом» используется в значении «сигнал», «признак»:

Известный финансист и филантроп Джордж Сорос определил симптом пневмонии: доллар умер (РИА Новости. 2008. 01.24). *Отношение к ядерной программе Ирана и отношение к режиму Лукашенко — явный симптом осложнения отношений с Америкой* (Известия. 2007.12.24). *Массовые протесты в столице — симптом тяжелой болезни, поразившей Боливию* (Известия. 2007.12.24). *Бездуховность общества — симптом, опасный для общества* (Новый регион 2. 2007.04.28). *Международная драка на площади с символичным названием „Славянка“ — очередной симптом злокачественной опухоли на теле России, которая дала метастазы в разных концах земли* (Комсомольская правда. 2007.06.25).

В последнем фрагменте перенос значения слова из области медицины в социальную сферу осуществляется по следующей схеме: симптом болезни ➔ симптом болезни российского общества; злокачественная опухоль ➔ международные столкновения; метастазы ➔ международные драки в разных концах страны. Прагматическая интенция субъектов метафоры во всех примерах — предупреждение.

Лексема может употребляться и с прямо противоположной прагматической нагрузкой, в переносном, немедицинском значении (сим-

птом — признак любого явления, не только отрицательного, т. е. заболевания): *Хороший симптом: у нас стали больше читать* (Труд-7. 2007.02.20). В данном фрагменте симптом (признак) свидетельствует о выздоровлении общества. Направление метафоризации схематически можно изобразить так: «симптом выздоровления» ➔ симптом — признак позитивных изменений в обществе. Прагматической интенцией здесь является одобрение.

Лексема «синдром». Лексема «синдром» означает совокупность признаков-симптомов, характерных для какого-либо заболевания. Семантика характерных признаков позволяет перенести значение лексемы на характерные признаки какого-либо политического события, оцениваемого негативно. Так появились регулярные, можно сказать, устойчивые в публицистическом дискурсе медицинские метафоры: афганский синдром, китайский синдром, чеченский синдром, вьетнамский синдром. Все эти примеры объединяет общая сема: совокупность признаков, негативно влияющих на человека, пережившего войну или попавшего под чье-то влияние. Такие сугубо политические клишированные словосочетания передают информацию о комплексе разнородных отрицательных явлений, обусловленных причиной, названной относительными прилагательными.

Главным образом подобные выражения заключаются в кавычки: *„Вьетнамский синдром“, „афганский“, „чеченский“ — синдром войны подспудно живет в общественном сознании* (Известия. 2002.06.02). *„Косовский синдром“ грозит отозваться мигренью почти на всех континентах* (РИА Новости. 2008.02.19).

Правда, встречаются и примеры употребления без кавычек: *В МВД Башкирии считают, что жители республики испытывают так называемый благовещенский синдром, выражающийся в том, что любые законные действия милиции воспринимаются гражданами как произвол* (Известия. 2007.12.24). В данном случае используется оборот «так называемый», подчеркивающий метафоричность медицинского термина.

Приведем еще примеры: *„Бесланский синдром“, описанный Найденовым, есть тоже часть большой картины последствий конкретного террористического акта для всей страны* (Известия. 2007.12.24). *...Преемника Путина ждет своего рода „синдром Советского Союза“: „семь тучных лет“ закончатся, и наступят тяжелые времена* (Известия. 2007.12.24). *Украина находится при этом в менее выгодном положении, так как постреволюционный синдром прежде всего сказывается на сфере финансовой и управленческой* (Известия. 2007.12.24).

Метафоризация осуществляется на основе соотнесения известного медицинского понятия с другим понятием, не известным медицине, но похожим, что обуславливает появление нети-

пичного для медицинского термина контекста. Используя лексему *афганский, вьетнамский, чеченский, китайский* и другие прилагательные или имена собственные в родительном падеже со словом «синдром», авторы негативно оценивают войну или другие явления жизни, подчеркивают значительное количество затронутых («зараженных», используя медицинскую терминологию) ими людей. Негативные события, связанные с войной, конфликтами, обладают теми же характерными признаками, которые есть в семантической структуре денотативного, первичного значения лексемы — «совокупность негативных признаков». Направление метафоризации схематически можно изобразить так: синдром — признак болезни → синдром — признак опасных социально-политических или других негативных или позитивных явлений. Прагматической интенцией в данном случае является предупреждение.

Лексема «анабиоз». С точки зрения медицины анабиоз — состояние организма, характеризующееся обратимым, но почти полным прекращением жизнедеятельности при отсутствии видимых внешних проявлений жизни. В следующем примере автор подчеркивает временное бездействие людей в предлагаемых обстоятельствах. Метафорический перенос осуществляется на основе семы «прекращение жизнедеятельности»: *Компартия пребывает в состоянии анабиоза после сделанной ей внутривенной операции* (АиФ 2004. №30).

В данном контексте метафорически используется и термин «внутриполостная операция», который эвфемистически намекает на разоблачения членов партии. Направление метафоризации схематически можно изобразить так: физиологическое явление → социальное явление; анабиоз организма → анабиоз власти. Прагматической интенцией здесь является осуждение бездействия.

Лексема «агония». В медицине агония — состояние, предшествующее смерти, характеризующееся глубоким нарушением функций высших отделов большого мозга с одновременным возбуждением центров продолговатого мозга. Семантический компонент «состояние, предшествующее смерти» становится основой для метафорического переноса на любое состояние человека, общества, предшествующее концу существования, разлуке (агония любви) и т. д.

Агония советской системы. Оплатит ли Запад реставрацию застоя (Известия. 2000. №26). *Началась мучительная агония немецких войск, затянущаяся до 2 февраля 1943 года* (Совершенно секретно. 2003.03.02). *Все, что происходит с Россией, — это агония* (Завтра. 2003.02.04). *Вот тогда-то и началась агония системы лагерей* (Столица. 1997.07.29).

Эта метафора позволяет соотносить новый объект, подвергающийся агонии, с уже известным — организмом человека. В контексте у лексемы появляется новый смысл: упадок, по-

следние тщетные попытки что-либо исправить. Употребляя медицинскую метафору «агония», авторы публицистических текстов получают возможность дать информацию для осмысления соответствующего состояния общества. Направление метафоризации выглядит так: физиологическое явление → социальное явление; агония организма человека → агония строя, власти, общества в целом. Прагматическая интенция состоит в образной констатации факта и его негативной оценке.

Теперь перейдем к рассмотрению метафорического использования наименований конкретных болезненных состояний.

Лихорадка. В медицине лихорадка — защитно-приспособительная реакция организма, возникающая в ответ на действие патогенных раздражителей и выражающаяся в перестройке терморегуляции на поддержание более высокого, чем в норме, уровня теплосодержания и температуры тела. Возможность метафорического осмысления этого слова породила устойчивое выражение «золотая лихорадка», имеющее значения «ажиотаж», «шумиха», связанные с добычей золота. Это выражение получило широкое распространение с XIX в. в связи с открытием на Аляске богатых месторождений золота, вызвавшим ажиотаж золотоискателей. Затем появились аналогичные метафорические сочетания слов с данным компонентом. Процесс метафоризации этого медицинского термина не прекращается и в настоящее время. Вот несколько примеров новаций в этой сфере.

Коралловая лихорадка (Эксперт. 2004. 12.20). *Земельная лихорадка началась не везде. В Тульской области уже три года пустуют 400 гектаров* (АиФ. 2003). *В Белом доме продолжается кадровая лихорадка* (Российская газета. 2003.05.15).

В статье, из которой взят последний пример, речь шла о выборной кампании. Лихорадку можно было бы назвать «предвыборной», так как выборы главы города могут расколоть общество, лихорадить его. Автор использует контаминацию двух выражений: «морская болезнь» и «предвыборная лихорадка», — что, на наш взгляд, не вполне удачно.

Любопытно, с помощью этой метафоры может быть представлен любой беспорядочный, суматошный процесс независимо от сферы и объектов.

Не знаю, что будет делать воронежская контрразведка, когда в губернии начнется медно-никелевая лихорадка (Совершенно секретно. 2003.09.01)

Таким образом, метафорическое употребление лексемы «лихорадка» в основном сводится к обозначению ажиотажа, связанного с ценными месторождениями, находками.

В следующем случае метафорическое употребление лексемы обозначает нездоровое возбуждение общественных кругов по какому-либо поводу: *Очередная законотворческая лихорадка*

ка отняла много сил (Время. 2003). Метафора основана на сходстве «больного состояния человека, его организма» с похожим состоянием, в котором находится одержимый какой-либо целью человек, группа или общество в целом. Перенос происходит на основе семы «горячность, возбуждение, точнее возбудимость», причем эти характеристики негативно оцениваются субъектом метафоры. Направление метафоризации можно представить так: физиологическое состояние → эмоциональное состояние. Прагматический смысл состоит в неодобрении, осуждении чрезмерного ажиотажа по разным поводам.

Метастазы. В терминологическом употреблении метастазы — очаг опухолевого процесса, развившегося в результате переноса патологического материала из другого очага этого процесса в том же организме. Сема «процесс переноса болезненного признака» становится основой метафоры: *...чем дольше Россией правит Путин, тем шире расползаются метастазы войны* (Завтра 2004. №52). Перенос происходит на основе семы «вторичный (множественный) распространяющийся воспалительный процесс». Подчеркивается, что стихийно разрастающиеся мелкие имеющие место локальные конфликты, как метастазы, могут свидетельствовать об угрозе войны глобальной.

С лексемой «метастазы» строятся многочисленные метафорические генитивные сочетания, например: *...метастазы разворовывания страны проникли туда, где, казалось, и воровать-то нечего* (Совершенно секретно. 2003.09.01). *Метастазы капитализма активно прорастают на Белгородской земле* (Коммуна. 2004. №47).

В последнем примере важную роль в реализации прагматического потенциала играют глаголы несовершенного вида с конкретно-процессуальным значением: *разрастается, разъедает, прорастают*. Они указывают на то, что «болезнь страны» — раковая опухоль, и «активное прорастание метастазов», по мнению авторов публикаций, создает критическую ситуацию: срочно требуется принять действующие меры по исцелению России. Именно эта мысль подчеркивается иллокутивной силой метафорических высказываний с лексемой «метастазы».

Направление метафоризации можно изобразить так: физиологическое явление → социальное явление; метастазы опухоли → метастазы войны. Прагматический смысл состоит в предупреждении, предостережении.

Таким образом, мы наблюдаем непрекращающийся процесс чрезвычайно политически нагруженной метафоризации медицинской терминологии, требующей когнитивных усилий получателей информации для адекватного понимания авторских интенций.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М., 1994.
- Блэк М. Метафора // Теория метафоры. — М., 1990. С. 153—172, 284.
- Ермакова О. П. Метафоризация как средство выражения оценки общественно-политической ситуации // Русский язык конца 20 столетия (1985—1995). — М., 1996. С. 45—60.
- Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. — СПб., 1993.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. №1, 3, 4. 2002. №1, 2.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и проф. И. А. Стернин

О. О. Сподарец
Уфа, Россия

O. O. Spodarets
Ufa, Russia

**ПОЛИКОДОВОСТЬ КАК КЛЮЧ
К НОВОСТНОМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ
МЕДИАТЕКСТУ**

**CODE-MIXING
AS A KEY
TO A MASS-MEDIA POLITICAL TEXT**

Аннотация. Цель статьи заключается в определении роли визуального ряда в кодировании информации в новостном печатном медиатексте. Анализ поликодовых медиатекстов американских газет позволяет сделать вывод, что вербальные и невербальные компоненты в тесной взаимосвязи представляют собой один из способов передачи искусно закодированного авторского мнения, оценки.

Abstract. The aim of the present article is to study the role of visual range in information coding in printed news materials. The author arrives at the conclusion that close interaction of verbal and non-verbal components is one of the ways of expression of the author's coded opinion and evaluation.

Ключевые слова: новость; поликодовый медиатекст; политический дискурс СМИ; фотография.

Key words: news; policode text; mass-media political discourse; photograph.

Сведения об авторе: Сподарец Оксана Олеговна, аспирант факультета романо-германской филологии.

About the author: Spodarets Oksana Olegovna, Post-graduate Student of the Department of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Place of employment: Bashkir State University.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
e-mail: tender_wo@mail.ru.

Последние годы отмечены глубоким интересом современной лингвистики к изучению невербальных средств коммуникации. Так, по словам В. М. Березина, «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [Березин 2003]. Целью данной статьи является определение роли изобразительного ряда в передаче информации в новостном печатном медиатексте. Материалом исследования служат новостные поликодовые медиатексты американских газет.

Непрерывным атрибутом большинства современных медиатекстов являются различные виды изобразительной информации: схемы, таблицы, фотографии, карикатуры и др. В лингвистике данные тексты обозначаются различными терминами: «изовербальные», используемые для синтеза вербальной и изобразительно-графической знаковых систем (А. А. Бернацкая), «креолизованные» (Е. Е. Анисимова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов), «поликодовые». Термин «креолизованный текст» принадлежит отечественным лингвистам Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову, рассматривающих его как текст, «фактура которого состоит из двух неомогенных частей: вербальной и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [Сорокин, Тарасов 1990: 180]. В рамках настоящего исследования наиболее предпочтительным представляется термин «поликодовый текст», так как он точнее и полнее передает суть изучаемого феномена. Понятие «поликодовый текст» было введено

Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом в 1974 г. По их словам, «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [Ейгер, Юхт 1974: 107]. А. Г. Сонин определяет поликодовые тексты как «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих — вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин 2005: 117].

В данной статье анализируются такие поликодовые тексты новостных печатных СМИ, в которых вербальные и невербальные компоненты находятся в тесном взаимодействии. Известно, что основная функция новостных сообщений — информирующая. Суть ее сводится к объективному изложению фактов, при этом эксплицитное выражение личного мнения, оценки, эмоций табуируется. Авторы медиасообщений вынуждены прибегать к использованию различного рода средств кодирования информации, как вербальных, так и визуальных, для того чтобы преодолеть строгое ограничение на характер информации. В рамках настоящего исследования особый интерес представляет роль невербальных средств коммуникации в новостных газетных статьях, а именно фотоизображение, сопровождающее текстовое сообщение. В поликодовых текстах употребляются разного рода фотографии (портретные, событийные, ситуативные и др.), иллюстрация несет на себе печать авторской индивидуальности, и интерпретировать, истолковать ее можно по-разному. Для журналиста фотография в большинстве

случаев представляет собой довольно «выгодный» способ передачи своего отношения к тем или иным событиям.

Анализ практического материала показывает, что фотоизображение как часть поликодового новостного текста может выполнять несколько функций. Довольно часто фотография иллюстрирует текстовое сообщение. Так, статья *Senate unlikely to follow House on yuan* (REUTERS 25.10.2010) сопровождается фотоизображением стодолларовой банкноты, наложенной на банкноту юаня с тем же номиналом с заметным преобладанием купюры Китая:

Рис. 1.

A U. S. 100 \$ banknote is placed on a 100 yuan banknote in this photo illustration taken in Beijing October 17, 2010.

Новостное сообщение, согласно информации, содержащейся во вводной части, посвящено проблеме серьезных валютных противоречий между странами-участницами «двадцатки». В частности, США намеренно отказываются проводить политику девальвации своей валюты с целью стимулирования внутреннего экономического роста:

(1) *The Senate is unlikely to take up pending China currency legislation following a weekend promise by the Group of 20 economic powers to shun currency devaluations for trade advantage, analysts said on Sunday.*

США давно выражают недовольство тем, что Китай искусственно ослабляет свою валюту, чтобы поддержать собственных экспортеров и сделать неконкурентоспособными экспортеров из других стран. Америка требует, чтобы Китай позволил курсу своей национальной валюты, юаня, расти более свободно по отношению к курсам других валют.

(2) *There was little chance even before the G20 meeting that the Senate was going to act on legislation passed by the House of Representatives aimed at pressuring China to raise the value of its currency.*

(3) *The G20 agreement buys Treasury Secretary Timothy Geithner some time to pursue a diplomatic approach with Beijing over the value of the yuan.*

(4) *The main aim of the two days of finance minister talks, which precede a G20 summit in Seoul on November 11-12, was to ease the cur-*

rency strains that some economists feared could escalate into trade wars.

В примерах (2) и (4) глаголы *to pressure* и *to escalate* содержат в себе оценочный компонент: *to pressure* определяется как „to make someone do something by using **strong or unfair influence**“ [Longman: 1093], а *to escalate* — „to make or become **more serious by stages**“ [Longman: 463]. Подобное словоупотребление указывает на серьезные намерения США повлиять на положение валюты Китая и тем самым избежать глобальных экономических последствий. Однако журналист отчетливо дает читателю понять, что убедить Китай изменить свое решение будет довольно сложно:

(5) *Geithner, who met briefly on Sunday with Vice Premier Wang Qishan in eastern China, may have secured some promises from the Chinese to take action on its currency but it will take time, Markowski said.*

(6) *A number of international analysts have said threatening China would be counterproductive and Geithner has pursued a more diplomatic approach, trying to convince Beijing it would be in its own best interest to adopt a market-based currency regime.*

Итак, внимательное знакомство с содержанием статьи и фотографией перед текстом сообщения, изображающей стодолларовую банкноту, наложенную на банкноту достоинством сто юаней с заметным преобладанием купюры Китая, делает очевидным намерения автора. Так журналист указывает читателю на то, что все предпринятые попытки США повлиять на изменение курса юаня оказываются тщетными: Китай непоколебим. В данном примере визуальная составляющая поликодового текста выполняет роль своего рода красочного обрамления вербальной информации и фактически служит целям двойного кодирования для усиления информационного веса [Чернявская 2009: 92].

Обращает на себя внимание еще один медиатекст: *Obama to meet ASEAN leaders in New York* (Breitbart. 03.09.2010), в котором содержится информация о намерениях президента Барака Обамы провести 24 сентября в Нью-Йорке встречу с лидерами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Автор раскрывает основные приоритетные вопросы, запланированные к рассмотрению в рамках предстоящего саммита. Главной целью встречи АСЕАН — США является прежде всего намерение президента США усилить роль своей страны в регионе и улучшить отношения со странами АСЕАН:

(7) *President Barack Obama will meet Southeast Asian leaders this month in New York, the White House said, as the United States tries to bolster its role in a region faced with a rising China.*

(8) *The summit, whose date was earlier confirmed to AFP by a senior official, will mark Obama's latest attempt to reinvigorate US poli-*

cy towards the dynamic region that he said was neglected by ex-president George W. Bush's team.

В словаре Macmillan глагол *to bolster* определяется как „to make something **stronger and more effective**“ [Macmillan: 146], а глагол *to reinvigorate* — как „to make something **stronger and more effective again**“ [Macmillan: 757]. Таким образом, обе лексемы содержат в себе положительный оценочный компонент.

Затем журналист считает нужным напомнить о первой встрече, которая проходила в Сингапуре в ноябре 2009 г. Тогда президент Обама и главы государств — членов АСЕАН пообещали расширить сотрудничество в ряде областей, представляющих взаимный интерес, включая торговлю и инвестиции, региональную безопасность, борьбу со стихийными бедствиями, продовольственную и энергетическую безопасность и изменение климата:

(9) *In Singapore, “the president and the ASEAN leaders pledged to deepen cooperation in a number of areas of common concern including trade and investment, regional security, disaster management, food and energy security, and climate change”, a White House statement said.*

Данную информацию автор предпочитает заключить в кавычки, ссылаясь при этом на одно из заявлений Белого дома. Тем самым журналист выражает сомнение в отношении воплощения данного заявления в реальность; он подтверждает это собственным высказыванием:

(10) *...the upcoming meeting — like many at ASEAN — may risk being overshadowed by controversy over Myanmar, whose military regime is going ahead with November 7 elections despite wide concern over their credibility.*

To overshadow определяются как „to make someone or something seem less important compared to someone or something else“ [Macmillan: 1014], а модальный глагол *may* используется для выражения значения „used for saying that there is a possibility that something is true or that something will happen“ [Macmillan: 882]. В данном случае автор высказывает сомнения по поводу ключевых вопросов, обсуждаемых на предстоящем саммите:

(11) *Bower said that Myanmar would also likely be a headline issue in the talks.*

Следует упомянуть, что ранее США выступали с предложением исключить Мьянму из АСЕАН, поскольку данная страна управляется военными режимами на протяжении последних пятидесяти лет, а для Америки такая политика неприемлема. Отмена военного режима помогла бы добиться освобождения Аунг Сан Суу Чжи, лауреата Нобелевской премии мира, которая около 16 лет находится под домашним арестом. Но данное предложение было отвергнуто АСЕАН:

(12) *At the inaugural summit in Singapore, Obama urged Myanmar's Prime Minister Thein Sein to free all political prisoners including the Nobel laureate Aung San Suu Kyi, but to no avail.*

Данная статья сопровождается фотографией, изображающей размытый, нечеткий портрет улыбающегося Барака Обамы на выставке в Джакарте, мимо которого с полным безразличием проходит женщина-азиатка.

Рис. 2.

A visitor walks past a portrait of US President Barack Obama at an exhibition in Jakarta in July.

На первый взгляд фотоизображение и заголовок статьи абсолютно не соответствуют друг другу. Но более подробное изучение истории возникновения АСЕАН указывает на то, что постоянный Секретариат АСЕАН расположен именно в Джакарте. Таким образом, можно предположить, что при выборе фотографии, сопровождающей статью, автор намеревался «закодировать» свое субъективное прочтение данной ситуации. Женщина, изображенная на фоне портрета Обамы, одета в специфические для азиатских стран платок и рубашку. Азиатка в данном случае является символом, представляющим всю Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии. А сам нечеткий портрет Обамы говорит о полном безразличии к нему со стороны этих государств. Итак, по мнению журналиста, внимание азиатских лидеров в большей степени сосредоточено на внутренних проблемах своих государств, а не на разрешении внешнеполитических проблем. Более того, фотография как бы намекает на то, что азиатские государства обращают мало внимания на своего «большого брата». Таким образом, представленная вербальная информация в статье теряет свою значимость на фоне невербального средства — фотографии, служащей ключом к

раскодированию субъективного мнения журналиста.

Другим, не менее ярким примером поликодового текста является статья под заголовком *U. S. to temper stance on Afghan corruption* (WP 03.09.2010). Данное сообщение сопровождается фотоизображением американского военнослужащего в окружении местных жителей, по большей части детей и подростков, один из которых указывает на что-то солдату. Фотография имеет нижеприведенную подпись:

Рис. 3.

U. S. forces try to keep the peace in Afghanistan's Helmand province

Из информации, содержащейся в заголовке, можно заключить, что основным событием, рассматриваемым автором в статье, будет вопрос, связанный с коррупцией в Афганистане. Во вводной части сообщения говорится о принятой США стратегии, согласно которой в качестве приоритета выступает борьба с движением «Талибан». При этом на некоторые проявления коррупции в южном Афганистане «закрывают глаза»:

(13) *U. S. military commanders in Afghanistan are developing a strategy that would tolerate some corruption in the country but target the most corrosive abuses by more tightly regulating U.S. contracting procedures...*

Исходя из заголовка, вводной части статьи и фотографии трудно судить о том, как будет приведена в действие вышеобозначенная стратегия. Для более полного представления о заложенном автором смысле необходимо обратиться к контексту в целом.

Журналист освещает различные точки зрения в отношении решения обсуждаемой проблемы. Одни представители власти считают, что проблема коррупции среди высокопоставленных чиновников Афганистана требует принятия безотлагательных мер и является главной причиной мятежа, другие, наоборот, видят в лидерах хоть и «нечистых на руку», но эффективных помощников при нацеливании на основную угрозу — «Талибан»:

(14) *“There are areas where you need strong leadership, and some of those leaders are not entirely pure,” said a senior defense official. “But*

they can help us be more effective in going after the primary threat, which is the Taliban.”

(15) *Some military and civilian advisers to the U. S.-led command in Kabul have argued for a more comprehensive effort to root out graft and other official abuses, contending that government corruption and ineffectiveness have prompted many Afghans to support the insurgency. “You can’t separate the fight against corruption from the fight against the Taliban,” one of the advisers said. “They are intimately linked.”*

Очевидно, что сами высокопоставленные представители США не могут прийти к общему мнению относительно единой стратегии поведения в Афганистане. Только в заключительной части сообщения журналист говорит об окончательно принятой стратегии военных в отношении коррупции: ограничение сумм денег, поступающих председателю провинции Кандагар, чего можно достичь посредством тщательного прослеживания заключенных контрактов США по восстановлению и снабжению этой провинции:

(16) *Instead, the military has sought to limit the amount of money flowing to Ahmed Wali Karzai by awarding lucrative contracts for supplies and services to firms that he and his relatives do not control.*

Предлагается, что в областях, где американские и афганские силы вытеснили «Талибан», военные будут работать с местными жителями, которые помогут решить, как истратить деньги на восстановление, и будут таким образом сдерживать злоупотребление властью:

(17) *In areas where U.S. and Afghan forces have driven out the Taliban, they are working with locals to assemble councils made up of elders that will help decide how reconstruction money is spent and serve as a check on government abuses.*

Таким образом, заключительная часть статьи сообщает о том, что показано на фотографии (американский военнослужащий окружен местными жителями, в основном детьми и подростками). Данным изображением автор намекает на то, что решение каких-либо важных политических вопросов в Афганистане малопродуктивно, поскольку, судя по снимку, в этом заинтересована только самая молодая часть населения страны. Итак, еще в самом начале статьи журналист при помощи фотоизображения эксплицирует главную в тексте информацию.

Рассмотрим статью, которая тематически близка к предыдущему сообщению — *Pakistan covertly aiding Taliban* (Reuters. 26.07.2010). Первое, что бросается в глаза — это фотография с изображением боевиков движения «Талибан», датированная 30 октября 2009 г., и комментарий к ней.

Во вводной части статьи сообщается:

(18) *Pakistan was actively collaborating with the Taliban in Afghanistan while accepting U. S. aid, leaked U. S. military reports showed, a disclo-*

sure **likely** to increase pressure on Washington's **embattled** ally.

Рис. 4.

Taliban fighters with weapons in an unclosed location in Afghanistan. October 30, 2009

Лексема *embattled* определяется как „*experiencing a lot of problems and likely to be defeated or destroyed*“ [Macmillan: 452]. Кроме того, автор во вводной части употребляет и другую лексему, *likely*, которая выражает сомнение или предположение о возможности осуществления факта: „*probably going to happen, or probably true*“ [Macmillan: 828]. Глагол *to collaborate* означает „*to work secretly to help an enemy or opponent*“ [Macmillan: 256]. Таким образом, уже во вводной части при помощи эксплицитных (*likely*) и имплицитных (*to collaborate*) средств автор выражает свое отношение к фактам.

В статье рассматриваются события, связанные с крупнейшей в истории утечкой информации из Афганистана. Специализирующийся на утечках сайт *Wikileaks* опубликовал документы (более 90 тыс. отчетов и разведсообщений), содержащие хронику военных действий за последние девять лет, в течение которых погибли более тысячи американских военных. Документы свидетельствуют, что пакистанские разведслужбы помогают талибам (впоследствии это поспешили опровергнуть и США, и Пакистан), а военные убивают сотни мирных афганцев:

(19) *The documents said representatives from Pakistan's Inter-Services Intelligence met directly with the Taliban in secret strategy sessions to organize militant networks fighting U. S. soldiers.*

(20) *They also spoke about civilian casualties caused by foreign forces while hunting down militants and efforts on some occasions to cover them up.*

Глагол *to cover up* содержит в себе отрицательную коннотацию: „*to hide the truth about something by not telling what you know or by preventing other people from telling what they know*“ [Macmillan: 321]. Таким образом, военные выставлены в неприглядном свете: они убивают мирных жителей, и при этом тщательно стараются скрыть данные факты. Автор несколько

раз считает необходимым упомянуть в сообщении о многочисленных жертвах в республике, в которой девять лет присутствуют силы НАТО, как со стороны мирных жителей, так и со стороны американских:

(21) *At least 45 civilians, many of them women and children, were killed in a rocket attack by the NATO-led foreign force last week during fighting with Taliban insurgents in the southern province of Helmand, an Afghan government spokesman said.*

(22) *Last month was the deadliest for foreign troops since 2001, with more than 100 killed, and civilian deaths have also risen as ordinary Afghans are increasingly caught in the crossfire.*

(23) *Violence in Afghanistan is at its highest since the war began as thousands of extra U. S. troops crank up a campaign to oust insurgents from their traditional heartland in the south.*

Журналист указывает на то, что раскрывшиеся данные могут вызвать большие сомнения конгрессменов по поводу правильности выбранной Барак Обама стратегией:

(24) *...the Wikileaks disclosures could fuel growing doubts in Congress about President Barack Obama's war strategy at a time when the U. S. death toll is soaring.*

В данном примере лексема *to fuel* содержит в себе скрытую негативную оценку и определяется как „*to make something increase or become worse, especially something unpleasant*“ [Macmillan: 572]. Таким образом, автор высказывает несогласие с действующей военной стратегией Обамы.

Итак, тщательный анализ информации статьи указывает на то, что журналист уходит от темы, заявленной в заголовке и вводной части. Ключевым вопросом для автора новостного сообщения становится проблема большого количества жертв среди мирных жителей и военных. Неслучайным представляется и фотография, напоминающая о захвате талибами в конце октября 2009 г. здания миссии ООН в Кабуле, в результате которого было убито десять заложников, из которых шестеро были иностранцами. В этот же день, одновременно с нападением талибов в Кабуле, террорист-смертник привел в действие бомбу в центре пакистанского города, что также привело к многочисленным жертвам. Очевидно, что журналист при помощи тесного взаимодействия вербальных и невербальных средств выражает негативное отношение к военной стратегии президента США в Афганистане. Если число жертв за последние девять лет не сокращается, а увеличивается быстрыми темпами, то, бесспорно, ответственность за это лежит на самих представителях власти.

Таким образом, невербальные (в данном случае — фотоизображения) и вербальные компоненты в тесной взаимосвязи представляют собой один из способов передачи по большей части искусно закодированного авторского

оценочного суждения. Фотография как неотъемлемая составляющая поликодового текста является каналом, посредством которого читатель получает доступ к субъективной оценке изложенных в новостном материале фактов. Как показывает анализ приведенных поликодовых медиатекстов, использование снимков в новостных сообщениях служит реализации нескольких функций. В одних случаях фоторяд позволяет намекнуть читателю на то, что не может быть эксплицировано в новостных сообщениях в связи с институциональными требованиями к новостному тексту: фотоизображение служит средством напомнить о событиях, связанных с теми, о которых рассказывается в сообщении. В других случаях фотоизображение, наряду с вербальными средствами, способствует не только экстерииоризации авторской позиции, но и усиливают ее звучание. Таким образом, смыслы, заложенные автором в невербальных знаках, могут приобретать совсем иную, по сравнению с вербальным текстом, интерпретацию. Изобразительный ряд принимает на себя те функции сообщения, которые не может передать новостной текст в силу своей специфики.

ЛИТЕРАТУРА

- Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. — М., 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/62.htm> (дата обращения: 05.10.2010).
- Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: сб. науч. тр. [Урал. гос. пед. ун-т]. — Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 180—190.
- Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика: сб. науч. тр. [Урал. гос. пед. ун-т]. — Екатеринбург, 2007. Вып. (1) 21. С. 75—80.
- Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: мат-лы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1974. Ч. 1. С. 103—109.
- Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект: моногр. — М., 2005.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Наука, 1990. С. 180—186.
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М.: Либроком, 2009.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — Macmillan Publishers Limited, 2002. Vol. 14.
- Longman Dictionary of English Language and Culture. — Pearson Education Limited, 2005.

Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова и проф. С. В. Иванова

М. Х. Хасуева
Грозный, Россия

M. Kh. Khassueva
Grozny, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ
СТРАТЕГИИ СУГГЕСТИИ
В МЕДИАТЕКСТАХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

**THE METAPHORICAL TACTICS
OF THE SUGGESTION STRATEGY
IN THE MEDIA-TEXTS
OF POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассмотрены метафорические тактики стратегии суггестии в медиатекстах политического дискурса. Выявлены основные метафорические модели, используемые в медиатекстах политического дискурса.

Abstract. The aim of the article is to describe the metaphorical tactics of the suggestion strategy in the media-texts of political discourse. The basic metaphorical models used in political media-texts have been outlined.

Ключевые слова: политический дискурс; медиатекст; суггестия; прагматическая стратегия; тактики; концептуальная модель; метафора.

Key words: political discourse; media-text; suggestion; pragmatic strategy; tactics; conceptual model; metaphor.

Сведения об авторе: Хасуева Мадина Хамзатовна, аспирант, кафедра английского языка.

About the author: Khassueva Madina Khamzatovna, Post-graduate Student, Chair of the English Language.

Место работы: Чеченский государственный университет.

Place of employment: Chechen State University.

Контактная информация: 364037, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33.
e-mail: hasmadi76@mail.ru.

Политический дискурс является сложным социальным явлением, которое проявляется в обществе намного чаще, чем другие типы дискурсов. Это подтверждает и количество работ, посвященных его анализу. Прежде чем перейти к определению производного понятия «политический дискурс» и его основных функций и характеристик, представляется необходимым определить базовые понятия. Дискурс представляет собой многозначный объект современных исследований и на протяжении многих лет является одной из центральных проблем языкознания. Будучи явлением промежуточного характера между речью и общением, языковым поведением с одной стороны и фиксируемым текстом — с другой, дискурс рассматривается не только с позиции лингвистики, но и в рамках социолингвистики, прагмалингвистики, лингвофилософии.

Специалисты, занимающиеся изучением дискурса, рассматривают его соотношение с текстом; многие исследователи склоняются к противопоставлению процесса результату. Характеристиками дискурса при таком подходе выступают деятельность, процессуальность, связанная с реальным речепроизводством (discourse-as-process), а текст, являющийся продуктом речепроизводства, представляет собой определенную завершенную и зафиксированную форму (text-as-product) [Brown, Yule 2008: 24; Бисималиева 1999]. Текст и дискурс связаны отношениями реализации: дискурс находит свое выражение в тексте [Карасик 2007].

В. З. Демьянков, развивая интерпретативный подход к дискурсу, рассматривает его как предложения или их фрагмент, содержание которых концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, создавая общий контекст —

«топик дискурса» [Демьянков 1982: 7]. Данная трактовка дискурса уточняется исследователем в одной из его новых работ, где дискурс представляется «реконструируемым» интерпретатором мысленным миром, в котором описываются реальное и желаемое, нереальное и т. п. положение дел, приводятся характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий, а также домысливаются детали и оценки [Демьянков 2005: 49—50].

Ю. С. Степанов обосновывает идеологический подход к дискурсу, считая, что дискурс — это особые тексты, за которыми стоит особый мир, т. е. особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика [Степанов 1995: 44—45]. Данный подход в некотором смысле близок концепции П. Серию, который рассматривает дискурс как систему ограничений, накладываемых на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Например, когда говорят «феминистский дискурс», подразумевают не отдельный частный корпус, а определенный тип высказываний, присущий феминисткам [Серию 1993: 83—70].

У Г. Н. Манаенко дискурс выступает в виде конструкта, включающего четыре компонента:

- среда (тип социального события, его цель, социально-идеологические условия, обстановка);
- социальный субъект (социальный статус, ролевые отношения, социальная активность участников, их личные отношения);
- содержание (интенции и цели, мировоззренческие позиции, общий фонд знаний, знания правил и норм коммуникации);
- текст (тема речевого общения, отнесенность к какому-либо речевому жанру, компози-

ционное построение высказываний, специфика отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия) [Манаенко 2003: 37].

И. Гофман, обосновывая драматургический подход к дискурсу, сравнивает повседневное поведение с театральным представлением. Исследователь выделяет понятия «ключ» (key) и «переключение» (keying), где «ключ» представляет собой набор конвенций, позволяющий некоему действию трансформироваться в иное действие, воспринимающееся иначе, несмотря на все его сходство с первым. Так, обычное действие, перенесенное на сцену, становится частью спектакля и т. п. Пародия на некоторый текст или коммуникативное действие, ставшее частью учебного процесса, называется ученым «переключением». По мнению исследователя, переключение является важной составляющей естественного общения, так как любой коммуникативный акт пронизан ассоциациями с другими подобными актами и отличается от них. В. И. Карасик считает, что драматургический подход к пониманию коммуникации, предложенный исследователем, позволяет акцентировать в дискурсе меняющееся позиционирование ситуантов (участников коммуникации) [см. Карасик 2007: 344].

У В. Е. Чернявской, к трактовке которой мы склонны присоединиться в рамках данной работы, дискурс — это коммуникативное событие, которое может фиксироваться как в письменных текстах, так и в устной речи, может осуществляться в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, а также в совокупности текстов, относящихся к одной и той же тематике [Чернявская 2001: 19].

В современной отечественной лингвистике большинство исследований типов дискурса сводятся к трем подходам — социолингвистическому (КТО говорит), прагмалингвистическому (КАК говорят), тематическому (О ЧЕМ говорят). Для нашей работы представляет интерес социолингвистический подход, так как политический дискурс выделяется на основании социолингвистического критерия, в котором доминантой является характеристика участников дискурса. При социолингвистическом подходе выделяются лично ориентированные и статусно ориентированные типы общения. Лично ориентированное общение имеет место в тех случаях, когда коммуниканты раскрываются друг другу и видят друг в друге личности. Статусно ориентированное общение протекает в ситуации, когда общающиеся воспринимают друг друга не как личностей, а как представителей определенной группы общества в каком-то одном качестве (продавец—покупатель, учитель—ученик и т. д.). Лично ориентированный дискурс имеет две разновидности: бытовое и бытийное общение (философский или художественный дискурс) и институциональный и неинституциональный дискурс. В рамках инсти-

туционального дискурса противопоставляются сложившиеся в обществе, исторически обусловленные, и ограниченные типы дискурса. Неинституциональный же дискурс является общением между незнакомыми людьми (Простите, Вы не подскажете, как пройти к метро?) [Карасик 2007: 350—352].

Политический дискурс представляет собой явление, которое имеет особое значение в жизни общества. Вместе с тем политический дискурс является сложным объектом исследования, не поддающимся однозначному определению, так как попадает в поле зрения разных дисциплин — политологии, социальной психологии, лингвистики, — связанных с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях [Демьянков 2001: 118].

В. Н. Базылев рассматривает политический дискурс как вариант фатической речи (ее жанровую разновидность), принимая во внимание то, что частные цели политического дискурса (помимо собственно информационного содержания) подчинены начальному контактному импульсу, а информативная задача высказывания становится вторичной. Для того чтобы адресат «правильно» интерпретировал замысел адресанта (автора текста), необходима апелляция к коллективным знаниям и представлениям. Если же речь идет о тексте, имеющем отношение к политической сфере, то, вероятно, должна иметь место апелляция к *когнитивной базе, поскольку политики и политические обозреватели обращаются* (во всяком случае, в идеале должны стремиться к этому) ко всему населению страны, а не к какой-то его части [Базылев 1997].

А. Н. Баранова и Е. Г. Казакевич подчеркивают институциональность политического дискурса, а сам дискурс трактуют как совокупность дискурсивных практик, использующихся в политических дискуссиях [Баранов, Казакевич 1991: 6]. Участниками институционального дискурса выступают не конкретные люди, а представители одного или разных социальных и политических институтов (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета).

При семиотическом подходе политический дискурс рассматривается как своеобразная знаковая система, в которой модифицируются семантика и функции разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [Шейгал 2000: 3]. Политический дискурс также трактуется как институциональное общение, которое, в отличие от лично ориентированного, характеризуется употреблением определенной системы профессионально ориентированных знаков, т. е. имеет собственный подъязык (лексика, фразеология и паремиология). С учетом значимости ситуативно-культурного контекста, суть политического дискурса можно представить формулой «дискурс = подъязык + текст + контекст» [Шейгал 2000: 15].

В. З. Демьянков отмечает следующие критерии политического языка, отличающие его от обычного:

- политическая лексика терминологична, а обычные, не «чисто политические» языковые знаки, употребляются не всегда так же, как в обычном языке;
- специфическая структура дискурса — результат своеобразных речевых приемов;
- специфична и реализация дискурса — звуковое или письменное его оформление.

Исследователь выделяет в рамках политической филологии политическую лингвистику и указывает, что ее предметом являются:

- синтактика, семантика и прагматика политических дискурсов;
- инсценировка и модели интерпретации этих дискурсов, в частности именованная политологически значимых концептов в политическом употреблении в сопоставлении с обыденным языком [Демьянков 2001: 117—118].

Общественным предназначением политического дискурса является внушение адресатам (гражданам сообщества) необходимости «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков 2001: 127].

С другой стороны, П. Б. Паршин подвергает сомнению само существование феномена политического дискурса, полагая, что языковые черты, отличающие политический дискурс, не столь многочисленны и с большим трудом поддаются идентификации, а обычные лексические и грамматические маркеры, по которым можно выделить политический дискурс как своеобразное явление, не выходят за рамки соответствующих идиоэтнических языков. П. Б. Паршин под политическим языком подразумевает не язык, точнее, не совсем и не только язык, а идиополитический дискурс, т. е. «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [Паршин 2001: 194].

В анализе политического дискурса, принятом Т. ван Дейком, также отражается эта проблема. Исследователь хотя и допускает существование стилистических, тематических и интеракционных маркеров, способствующих выявлению отличительных признаков политического дискурса, не представляет возможным создание какой-либо типологии политического дискурса на основе только вербальных свойств, полагая, что основополагающей категорией для выделения политического дискурса является контекст, а вовсе не сам текст.

Ван Дейк характеризует политический дискурс как совокупность жанров социального домена политики, противопоставляет его образовательному дискурсу, дискурсу средств массовой информации и юридическому дискурсу, подчеркивая при этом, что домен политики имеет довольно расплывчатые границы, так как сам термин «политика» имеет разные дефиниции в различных источниках [см. в: Паршин 2005].

Мы считаем, что политический дискурс обладает такими коммуникативными особенностями, как институциональность, конвенциональность и публичность (официальность).

Располагаясь между двумя полюсами — функционально обусловленным социальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией, — политический язык, по мнению Р. Водак, должен отвечать противоречивым характеристикам, в частности: доступность для понимания и ориентированность на определенную группу [Водак 1997: 22]. Исследователь считает, что основными функциями политического дискурса являются: 1) персуазивная (убеждение), 2) информативная, 3) аргументативная, 4) персуазивно-функциональная (создание убедительной картины лучшего устройства мира), 5) делимитативная (отличие от иного), 6) группо-выделительная (содержательное и языковое обеспечение идентичности).

Наряду с информационной функцией также выделяются: контролирующая функция (манипуляция сознанием и мобилизация к действию), интерпретационная функция (создание «языковой реальности» поля политики), функция социальной идентификации (дифференциация и интеграция групповых агентов политики) и агональная функция. Именно первая из указанных функций находится в фокусе нашего внимания.

Е. И. Шейгал считает, что для политического дискурса базовой функцией является инструментальная — борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение. Актуальны также регулятивная, референтная и магическая функции [Шейгал 2000: 35].

Г. Сайдел подчеркивает конфликтность политического дискурса, утверждая, что он одновременно должен выполнять многие функции и реализовывать многие интенции. Так, исследователь считает, что партийная программа призвана убеждать, агитировать, пропагандировать (персуазивная функция), при этом должна быть очевидной связь каждого конкретного пункта программы с убедительной идеологией данной партии или группы, т. е. каждое требование, каждый поступок должны быть аргументативно связаны с ценностями, традициями и идеологией (аргументативная функция) [см. в: Филинский 2002].

Именно перспективные программы партий не должны растворяться в отдельных обещаниях, ориентированных лишь на сегодняшнюю политическую ситуацию: утопия, модель лучшего другого мира (в соответствии с определенными убеждениями) также должна быть эксплицирована (персуазивная функциональность). И наконец, должно быть ясно, почему собственная программа превосходит программы оппонентов. Это реализуется чаще всего в процессе (риторико-диалогической) дискуссии с другими направлениями, убеждениями и идеологиями

(дистанцирующая функция). В результате такого дистанцирования реализуется следующая функция — функция группового объединения. Программа должна в языковом и содержательном плане воплощать идентичность данного политического направления, а также формировать ее [Водак 1997: 23].

П. Чилтон и К. Шеффнер выделяют четыре типа стратегических функций политического дискурса: принуждение; сопротивление, оппозиция, протест; симуляция; легитимизация и делегитимизация [см. в: Филинский 2002].

Е. И. Шейгал, анализируя существующие работы в области дифференциации функций политического дискурса, применяет аналогичный принцип и выделяет восемь функций в рамках инструментальной функции:

- функция социального контроля (создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидов, т. е. манипуляция общественным сознанием);
- функция легитимизации власти (объяснения и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);
- функция воспроизводства власти (укрепление приверженности системе, в частности, через ритуальное использование символов);
- функция ориентации (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума);
- функция социальной солидарности (интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп);
- функция социальной дифференциации (отчуждение социальных групп);
- агональная функция (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей);
- акциональная функция (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения: мобилизация состоит в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпление бдительности) [Шейгал 2000: 36].

Наиболее значимым проявлением инструментальной функции языка политики, которое должно стимулировать к совершению действий, является мобилизация. Осуществление стимулирования может происходить как в форме прямого обращения (в таких жанрах, как лозунги, призывы и прокламации, законодательные акты), так и посредством создания соответствующего эмоционального настроения (надежды, страха, гордости за страну, уверенности, чувства единения, циничности, враждебности, ненависти).

Некоторые исследователи упоминают магическую («заклинательную») функцию, которую можно рассматривать как частный случай регу-

лятивной функции языка. Магическая функция речи универсальна как для религиозного, так и для современного политического дискурса, так как все известные в истории культурные ареалы сохраняют в той или иной степени традиции религиозно-магического сознания. В политическом дискурсе из проявлений магической функции табуированная лексика и эвфемизмы являются наиболее значимыми [Супрун 1996; Мечковская 1994; Барт 1994].

Наряду с магической функцией упоминается тесно с ней связанная функция конструирования языковой реальности, т. е. «креативная функция». Она состоит в характеристике положения дел, при которой языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым. В процессе языковой интерпретации мира возможно установление примата языка над действительностью. Так, в российском политическом дискурсе многие «социалистические» явления появились сначала как словесные конструкты, а затем — как онтологические явления (НЭП, ГОЭРЛО, субботник, перестройка). Креативная функция языка обусловлена как объективными, так и субъективными факторами, непосредственно связанными с относительным когнитивным знанием о мире и сознательным искажением действительности [Филинский 2002].

Маркированность политического дискурса таким тематическим компонентом, как «борьба за власть», предполагает создание дискурсивной среды, соответствующей основным ценностям (мнения, суждения, верования, предубеждения) аудитории. А. А. Филинский считает, что субъектом политики (политический деятель, политическая партия или движение) сознательно используются определенные когнитивные установки для максимального соответствия дискурсивных сред (своей и аудитории) [Филинский 2002]. Исходя из этого, мы считаем, что основными функциями политического дискурса являются манипуляционная и ориентирующая, которые впоследствии могут делиться на функцию социальной солидаризации, агональности и т. д.

Как известно, институциональный дискурс выделяется на основе двух признаков, являющихся системообразующими: цели и участники общения. Системообразующими признаками политического дискурса признаются институциональность, специфическая информативность, смысловая неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, особая роль фактора массмедиа, дистанцированность, авторитарность, театральность, динамичность. Имея градуальный характер, эти признаки могут быть представлены в виде условной шкалы тоталитарности/демократичности, на которой каждый тип политического дискурса занимает определенное место. Как отмечает Е. И. Шейгал, демократический политический дискурс, приближаясь к полюсу научной коммуникации, харак-

теризуется информативностью, рациональностью, трезвым скепсисом, логикой аргументации, ясностью, диалогичностью, интимизацией общения, динамичностью, приматом референтной функции, реальным денотатом, тогда как тоталитарный, будучи близок к полюсу религиозного общения, имеет такие характеристики, как ритуальность, эмоциональность, фидеистичность, суггестивность, примат побудительной функции, фантомный денотат, эзотеричность, монологичность, авторитарность общения, консерватизм [Шейгал 2000: 73].

Е. И. Шейгал считает, что современный язык политики отличает среда его существования — *средства массовой информации* (СМИ), и, в силу ориентации политического общения на массового адресата, этот язык лишен корпоративности, присущей любому специальному языку. Исследователь показывает, что политический дискурс пересекается с другими типами дискурса — юридическим, научным, массово-информационным, педагогическим, рекламным, религиозным, спортивно-игровым, бытовым и художественным.

Политический дискурс многомерен и включает такие жанры, в которых в максимальной степени проявляется основная функция политической коммуникации (борьба за власть), как парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование. Переплетение этой функции с функциями других видов дискурса в периферийных жанрах приводит к слиянию (смешиванию) характеристик разных видов дискурса в одном тексте (интервью с политологом включает элементы публицистического, научного и политического видов дискурса). Исследователь изображает пространство между дискурсом массмедиа и политическим дискурсом в виде шкалы, включающей по мере нарастания политического содержания следующие тексты: памфлет, фельетон, проблемная политическая статья, написанная журналистом, колонка комментатора, передовая статья, репортаж (со съезда, митинга и т. д.), информационная заметка, интервью с политиком, проблемная аналитическая статья, написанная политиком, полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), речь политика, политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике) [Шейгал 2000].

В связи с тем, что адресаты политического дискурса имеют преимущественно роль адресата-наблюдателя, перед которым политики разыгрывают свои спектакли, надеясь на успех, правомерно говорить о театральности политической коммуникации. Поскольку массы выполняют созерцательную роль в политике, получая информацию о событиях политической жизни из СМИ, для сохранения и завоевания новой аудитории СМИ фильтруют сведения, отбрасывая и изменяя «скучные» факты, касающиеся людей и событий, подправляя и «упаковывая» их соответствующим образом. Все это способствует «увеличению значения „символической

политики“, „политики театра“, основанных на образах или имиджах политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам» [Гаджиев 1995: 389]. Это приводит к тому, что избирательные кампании становятся своего рода популярными спектаклями или же спортивными репортажами со своими проигравшими, победителями, напряженной гонкой, борьбой. От политика требуется умение быть актером, быстро переключаться при необходимости с одной роли на другую. Восприятие политика происходит на фоне его политических действий, или в наборе сюжетов, которые составляют базу политического нарратива [Шейгал 2000].

Границы разновидностей институционального общения весьма условны. Быстрое изменение жанров дискурса, происходящее в настоящее время, обусловлено прежде всего активной экспансией массово-информационного общения в повседневную жизнь людей. Благодаря телевидению и компьютерной коммуникативной среде стремительно стирается грань между обыденным и институциональным общением, а в рекламном дискурсе доминирует игровой компонент общения, возникают транспонированные разновидности дискурса (например, телемост в рамках проектов народной дипломатии, телевизионная имитация судебных заседаний для обсуждения актуальных проблем общественной жизни, пресс-конференция как ролевая игра в учебном дискурсе). Телевизионные дебаты претендентов на выборную государственную должность приобретают характер зрелищного мероприятия, в котором сценические характеристики общения преобладают над характеристиками политического дискурса.

СМИ играют ведущую роль в формировании и пропаганде определенных политических образов, формирующихся в зависимости от политических пристрастий и пропагандистских задач журналистов и политологов, которые транслируют свою позицию посредством медиатекста. Медиатекст, будучи одной из самых распространенных форм современного бытования языка [Добросклонская 2008], является важнейшим участником политической коммуникации, обеспечивая политикам канал связи с широкими массами, выступая источником распространения политической информации, ориентируя общество в оценке мировых политических событий, формируя общественно-политическое сознание. М. Р. Желтухина подчеркивает ведущую роль СМИ в формировании наших представлений о политическом мире: мы черпаем знания о политике из СМИ, и ими же регулируется наше последующее поведение в этой области [Желтухина 2003: 49]. В условиях глобализации основным способом борьбы за власть признаются манипуляционные ходы политиков. Существует большой арсенал средств воздействия на массовую аудиторию, к которым прибегают как политики, так и журналисты для соз-

дания нужного им образа, и одним из самых коротких путей к подсознанию является языковая *суггестия*.

Суггестия (внушение), будучи необходимым компонентом человеческого общения, может также выполнять роль намеренно организованного вида коммуникации (манипуляционный), предполагающего некритическое восприятие сообщаемой информации, противоположной сложившимся убеждениям, формирующегося при помощи вербальных (слово, текст, дискурс) и невербальных (мимика, жесты, действия другого человека, фон) средств. Это вид манипуляционного воздействия, основанного не на информировании и логической аргументации, а на внушении [Киклевич, Потехина 1998; Мурзин 1998], т. е. подсознательное, завуалированное (скрытое) воздействие, связанное со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации [Черепанова 1995]. Спецификой суггестивной функции языка признается *тождество слова и действия*. Б. Ф. Поршнев рассматривает суггестию как возможность навязывания любых действий, а также возможность их обозначать [Поршнев 1974]. Суггестия представляет собой процесс речевого воздействия на психологическую сферу слушающего, в результате которого осуществляется управление человеком, подчинение его своей воле, влияние на его образ мыслей, установки, намерения, поведение и навязывание готового мнения адресату [Платонов 1984; Мясищев 1995; Черепанова 1995; Анисимова, Гимпельсон 1998: 78], а также апелляция к эмоциям, чувствам и привычкам аудитории [Ножин 1989].

В ходе речевого взаимодействия суггестор (адресант) при помощи речи регулирует деятельность суггеренда (партнера по коммуникации), производя необходимую для себя коррекцию ценностей, толкая его к совершению определенных действий, влияя на принятие решений или меняя его картину мира [Репина 2001: 21]. Для осуществления этой цели речь суггестора насыщается эмоционально, затрагивает таким образом чувства суггеренда, а также апеллирует к его основным ценностям, что достигается преимущественно языковыми средствами. Суггестором используются специальные словесные формулы для внедрения в психическую сферу суггеренда, которые впоследствии становятся активными элементами его сознания и поведения.

Мы разделяем мнение Р. Блакара, утверждавшего, что выразиться «нейтрально» невозможно, так как даже неформальный разговор имеет своей целью «осуществление власти», а именно воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком [Блакар 1987: 5]. Считается, что чем воздействие эмоциональнее, тем оно эффективнее: прерывающая повторение предшествовавшей ему информации в рабочей памяти, эмоциональный

образ хорошо запоминается и служит организационной схемой для построения в памяти представления о событии [Желтухина 2003: 42—43]. Посредством емких концептов, ярких эмоциональных «картинок» и «образов», которые всегда понятны для слушателей и находят у них живой отклик, осуществляется суггестивное воздействие. Такой способ воздействия носит преимущественно осознанный характер, так как «степень воздействия связана с тем, насколько легко личность поддается внушению, с ее внутренним состоянием и авторитетностью выступающего» [Кохтев, Розенталь 1988: 44].

Исходя из вышеизложенного, правомерно сказать, что суггестия — это *глобальная прагматическая стратегия*, которая реализуется в медиатекстах политического дискурса рядом частных прагматических тактик. Стратегия понимается как способ планирования действия, прогноза возможных ситуаций и поведения людей, обусловливаемого направлением хода событий: «Все виды стратегий объединяются тем, что они представляют своего рода гипотезы относительно будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности» [Иссерс 2006: 55].

В нашей работе *стратегия* трактуется как *стереотипная модель речевого воздействия*, создаваемая посредством определенного набора тактик, которые, в свою очередь, представляют собой механизм ее реализации на языковом уровне. Одной из самых эффективных тактик суггестии, на наш взгляд, является *метафоризация* вследствие ее экспрессивной насыщенности и способности создавать эффективные образы, легко усваиваемые реципиентом. Указанную тактику представляется адекватным представить в виде частотно реализуемых в медиатекстах политического дискурса метафорических моделей. Метафорическая модель представляет собой некую схему связи между понятийными сферами, существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка [Чудинов 2007: 130]. По мнению А. А. Федосеева, метафоризация является важнейшим средством выражения оценки общественно-политической ситуации [Федосеев 2004: 12]. А. А. Анисимова считает политическую метафору одним из основных инструментов, эффективно использующихся политическими субъектами [Анисимова 2006: 42—44].

В рамках когнитивной парадигмы метафора понимается как особая форма мышления, формирующая представление об объекте, а также предопределяющая способ и стиль мышления о нем. Х. Ортега-и-Гассет, указывая на двойственность метафоры, отмечает, что она служит не только наименованию, но и мышлению; метафора делает доступной не только нашу мысль для других, но через нее объект становится доступным для наших мыслей; это средство выражения и важное орудие мышления, посредством которого мы постигаем самые

глубинные участки нашего концептуального поля. Мысль, благодаря близким и понятным объектам, получает доступ к понятиям, которые ускользают от нашего понимания [Ортега-и-Гассет 1990: 68].

П. Рикер также указывает на это, подчеркивая свойства метафоры, позволяющие увидеть общую процедуру создания понятий. Сила воображения, дающая способностью видеть и устанавливать аналогии, создает метафору. Необходимым этапом в создании новых единиц знания является напряжение между одинаковостью и различием логической структуры подобия. При этом установление новых подобий сопровождается нарушением предшествующей категоризации и переструктурированием семантических полей [Рикер 1990: 431].

Все это является следствием того, что метафора связывает две понятийные сферы: хорошо структурированную и известную участникам коммуникации исходную концептуальную сферу («область-источник» в терминологии Дж. Лакоффа, М. Джонсона, И. М. Кобозевой; у А. Б. Ряпосовой, А. П. Чудинова — «сфера-источник») и новую концептуальную сферу («область-цель» у Дж. Лакоффа, М. Джонсона и «сфера-мишень» в терминологии А. Б. Ряпосовой, А. П. Чудинова, И. М. Кобозевой), требующую категоризации, объяснения, концептуализации. В процессе метафоризации происходит «концептуальное наложение» одной понятийной сферы на другую, состоящее в том, что когнитивная структура, прототипически связанная с некоторым языковым выражением, переносится из той содержательной области, к которой она принадлежит, в другую область [Кобозева 2002]. Следовательно, предполагается определенное сходство между свойствами сферы-источника/области-источника и сферы-мишени/области-цели. И. М. Кобозева определяет концептуальную метафору как «способ думать об одной области через призму другой, перенося из области-источника в область-мишень те когнитивные структуры, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику» [Кобозева 2000: 171].

Таким образом, в русле когнитивной лингвистики метафора выступает не только как троп, но как тип мышления, прокладывающий путь к неизвестному и облегчающий подступы к нему, позволяя мыслить его в категориях известного. Следует также отметить, что концептуальная метафора, активно участвуя в познавательных процессах и являясь важным средством передачи информации, выполняет еще и прагматическую функцию, оказывая воздействие на общественное сознание, моделируя существующую в сознании адресата картину мира, побуждая его к выполнению определенных действий. Кроме того, метафора обладает таким свойством, как экспрессивность, которое помогает живо и выразительно представить описываемую действительность.

Эта идея отражается в подходе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые связывают истоки языковой метафоры с особенностями человеческого мышления и мировосприятия, закономерностями возникновения метафорических образов и понятий как в общечеловеческом плане, так и в отношении мировидения определенной языковой культуры [Лакофф, Джонсон 2008]. Посредством концептуальных метафор в языке формируются новые понятия и языковые смыслы, основанные на уже имеющихся, что создает возможность их манипулятивного использования. Употребляя определенную метафорическую модель, говорящий выстраивает в сознании адресата такую картину мира, которая ему выгодна. Большинство ученых (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов и др.) признают власть метафоры в политическом дискурсе и отмечают ее способность влиять на сознание слушателя. Именно благодаря метафоре заменяется или изменяется модель мира, имеющаяся у человека, на ту, которая умело построена политиком.

Традиционной стратегией, использующейся в политическом дискурсе, является стратегия «дискредитации», которую мы определяем как подрыв доверия к кому- или чему-либо, умаление авторитета, значения кого- или чего-либо. О. С. Иссерс считает, что действенность стратегии дискредитации следует оценивать по результатам речевого воздействия, когда адресант становится объектом оскорбления, насмешки или подвергается незаслуженному оскорблению [Иссерс 2006: 160—162]. Она наиболее ярко и продуктивно проявляется в тактиках *критики и компрометации действий, обвинения, косвенной «оценки» действий, косвенного намека на «негативные» действия, «навешивания ярлыков» и др.*, т. е. в таких тактиках, которые в наибольшей степени помогают добиться эффективного манипулятивного воздействия на адресата, поскольку способствуют созданию ощущения правоты адресанта политической коммуникации. Исследователи выделяют такие языковые маркеры данной стратегии, как номинации с негативной окраской, оценочные эпитеты с отрицательным компонентом значения, дейктические знаки, риторические вопросы, фамилии в нарицательном значении и множественном числе, сравнение, новые контекстуальные понятия, восклицательные предложения, ссылку на некий компетентный источник, градацию, метафорические модели с негативной окраской [Иссерс 2006; Паршина 2007].

Среди многообразия языковых средств, участвующих в воплощении обеих тактик стратегии дискредитации, выделяются метафорические модели (ММ) с негативной окраской, которые принижают политический статус противника.

Основываясь на классификации А. П. Чудинова [Чудинов 2001], мы выделили несколько моделей метафорического переноса, характер-

ного для политического дискурса, охарактеризованные ниже.

АНТРОПОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ (составляет 33 % от общей выборки). Данную модель можно усмотреть в следующем примере: *It's not just politics that's been contaminated by the viruses*

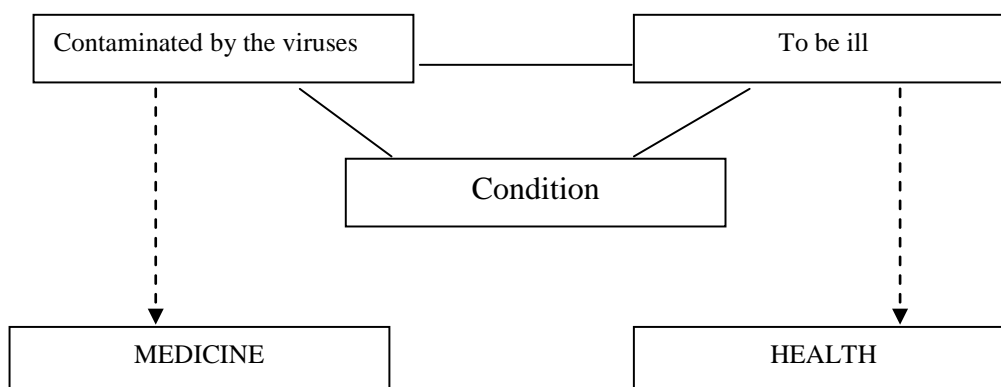

Рис 1

Yet despite having proved himself a cunning politician, he is said to be insecure, even paranoid;...Europe's most disruptive dictator since the fall of the Berlin Wall;...very bad possibility is that Milosevic resolves to become the Saddam Hussein of the Balkans; As engineer of the brutality, he is both the man we have to deal with and the man we want no dealings with whatsoever [Time. 05.04.1999]. В приведенном примере с помощью нагнетания синонимов с отрицательными коннотациями (опасный, сумасшедший, инженер жестокости, самый беспощадный диктатор), а также проведения исторических параллелей (Саддам Хуссейн, Гитлер (Берлинская стена)) создается вербальная иллюстрация концепта «ЗПА», сосредоточенного в образе одного

or rudeness, self-indulgence, and just plain nastiness [USNews. 24.09.2009]. Употребление слов, заимствованных из области медицинской терминологии, позволяет представить политическую ситуацию как живой зараженный вирусом организм, которому необходимо лечение.

из современных политических деятелей (Милошевича). Он предстает как душевно больной человек, от которого нельзя ожидать разумных действий при управлении государством.

В следующем примере посредством употребления слов, взятых из сферы криминального мира, создается негативный образ российского руководящего аппарата — действия политических лидеров России характеризуются как преступные и безрассудные: *“We are dealing with absolutely criminal and crazy acts of irresponsible and reckless decision makers, which is on the ground producing dramatic and tragic consequences”, Saakashvili said Saturday afternoon.*

Представим данную ММ посредством следующей схемы:

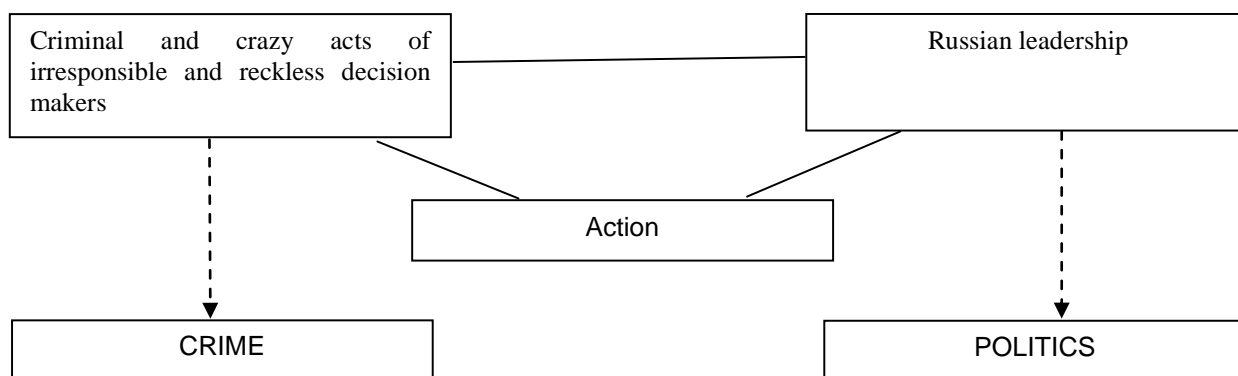

Рис. 2

СОЦИОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ (29 % от общей выборки). *He (Saakashvili) has repeatedly pledged to bring the region back under Tbilisi's control, but gamble appears to fail.* В этом примере модель реализуется посредством употребления лексической единицы (ЛЕ) *gamble*, при помощи которой действия грузинского президента сравниваются с азартной игрой. Сюда же можно отнести и следующий пример: *The Obama administration has taken a big gamble*

with its surge, and everything is being done with an eye to July 2011, when the administration has promised to begin its withdrawal [The Newsweek. 12.04.2010] (см. рис. 3).

Many problems lie ahead, but eliminating Saddam's regime is a huge leap forward for Iraq [Newsweek. 21.04.2003]. Используемая в данном примере ЛЕ *huge leap forward* представляет действия Америки в Ираке в выгодном свете, как большой прогресс для Ирака.

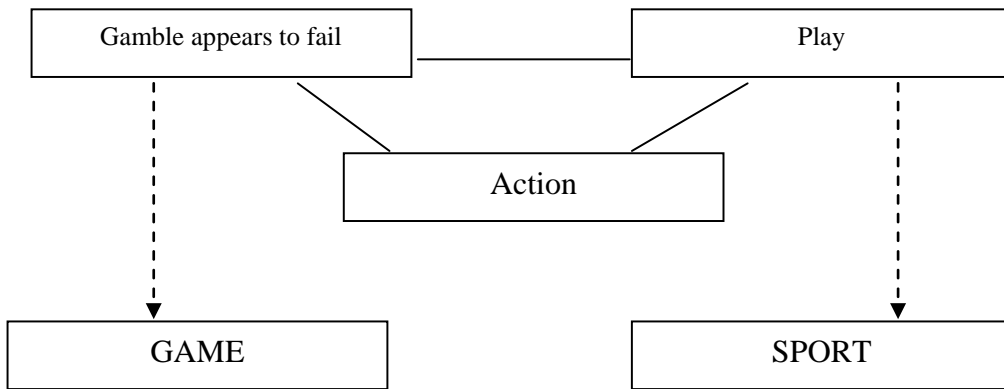

Рис. 3

The fighting comes against a backdrop of an increasingly **acrimonious struggle** between Washington and Moscow over the future of nations that were once part of the Soviet Union and the Warsaw Pact.

For much of the last two years, the Bush administration and Putin's government have been

changed in **an escalating war of words** over U. S. plans to base a missile defense system in the Czech Republic and Poland.

В вышеприведенных примерах характеризуются натянутые взаимоотношения между Россией и Америкой посредством ЛЕ, относящихся к понятийной сфере война, борьба (рис. 4).

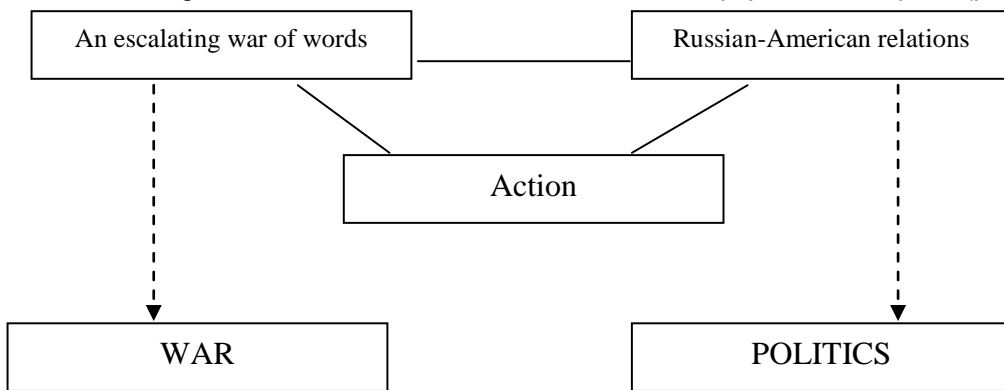

Рис. 4

He turned this humiliation into another kind of triumph when he **paraded on the world stage** as a peacemaker equal to the superpower leaders negotiating with him [Time. 05.04.1999]. В данном примере метафорически имплицитно мыслится о лицемерных действиях Милошевича, который пошел на уступки только ради сохранения собственной власти. Наличие лексики, относящейся к сфере театра, усиливает этот эффект и создает ощущение фальши и комизма проис-

ходящего. Милошевичу приписывается роль актера, играющего в комедии.

Еще один пример, относящийся к театральной сфере: *Some of these approximately 100,000 educated Afghans joined the mujahedin after the fall of Moscow's puppet Mohammad Najibullah in 1992 and are now powerful men in Afghan President Hamid Karzai's administration* [Newsweek. 12.04.2010]. Представим данную модель схематично (рис. 5).

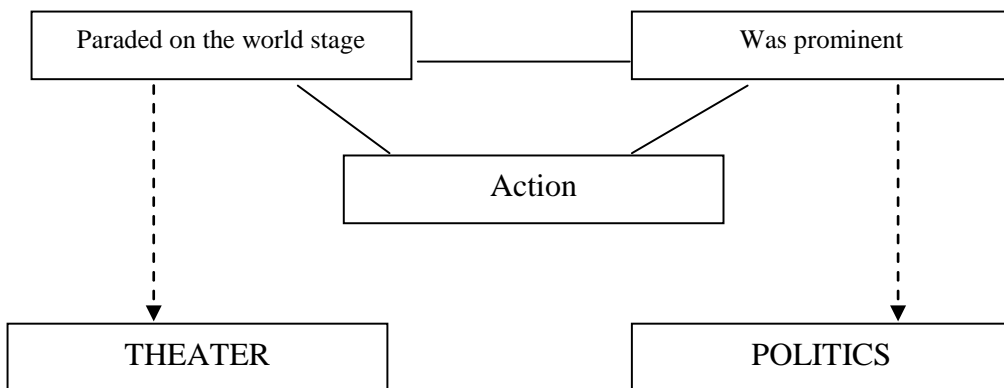

Рис. 5

АРТЕФАКТНАЯ МОДЕЛЬ (составляет 19%). *Putin was plainly at the helm of war.* Со-

гласно данной ММ, В. Путин выступает как главное действующее лицо в событиях, про-

изошедших в Южной Осетии. Кроме того, имплицитно мыслится, что хотя президентом яв-

ляется Медведев, первую скрипку в государстве играет Путин.

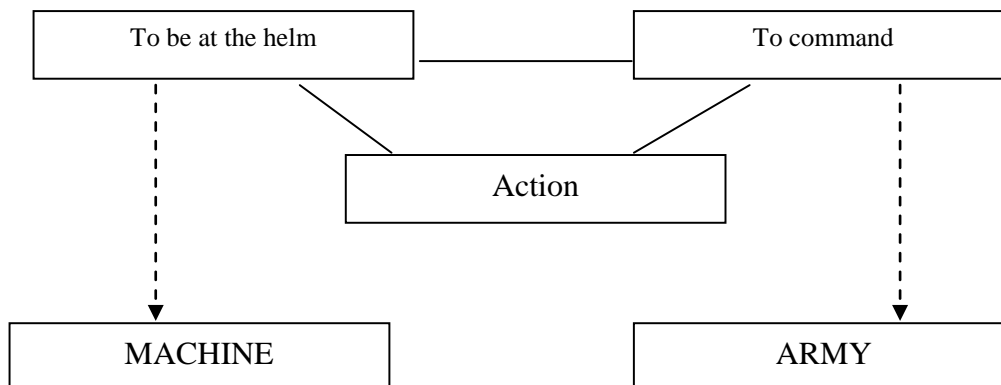

Рис. 6

Еще один пример, представляющий данную модель: *For now the official objective is to **smash Milosevic's war machine** so badly that it will be unable to continue its genocidal onslaught against the Kosovo Liberation Army and Kosovar villages.* Армия Милошевича сравнивается с военным механизмом, который нужно уничтожить для остановки геноцида невинных жителей.

*Many found important jobs in the new **resource-starved** government, as they quickly became **the building blocks** of the Karzai regime* [Newsweek. 12.04.2010]. В данном случае проводится аналогия со строительными блоками: подразумеваются новые работники свежеевропейского правительства. Наряду с обозначенной моделью в этом же контексте вырисовывается пищевая метафора, выраженная посредством эпитета *resource-starved*, который объективирует признаки недостатка профессионалов в новом правительстве.

ПРИРОДОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ (включает антропоморфную подмодель; составляет 19 %). Например: *Russia's swift invasion of Georgia appears to have met its goals: humiliating a **neighbor** that **deigned to escape its sphere of influence**, and proving that **the Bear still has very sharp claws**.*

*British Prime Minister Gordon Brown said there could be no more "business as usual" with Moscow, and said all 27 member states were united in their condemnation of Russia's "aggression" against its **smaller neighbor*** [Time. 13.08.2008]. Россия предстает в образе медведя, жертвой которого выступает Грузия, представленная соседом, пытающимся вырваться из лап хищника. Включение номинации *small* в метафорический сценарий соседства вносит дополнительную импликацию доминирования и давления России.

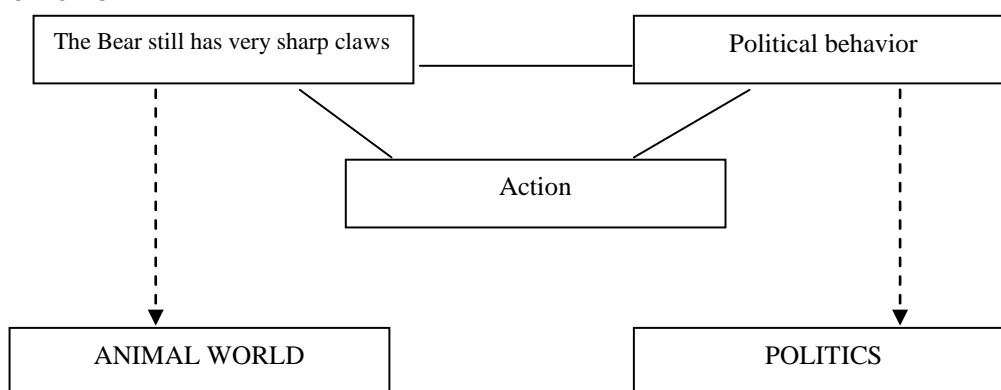

Рис. 7

*The sight of thousands upon thousands of dazed, weeping refugees fleeing for their lives into the region's poorest, least stable states **set off shock waves** in the West.* Аналогия, выявленная в данной модели, характеризует непредсказуемость, масштабы и силу данного воздействия.

*Like a shark that has to keep moving to stay alive, he is willfully exposing the **withered** state of Serbia to the might of NATO for the sake of his own power* [Time. 05.04.1999]. В рамках

данной модели мы видим, как Милошевич уподобляется акуле, идущей на все, чтобы остаться на плаву. В то же время мы можем разглядеть антропоморфную модель, в которой Сербия сравнивается с живым существом (*withered*), отданным на растерзание войскам НАТО, и находящимся на грани истощения. *The Australian Prime Minister Kevin Rudd said he witnessed a **heated** discussion between the two leaders.*

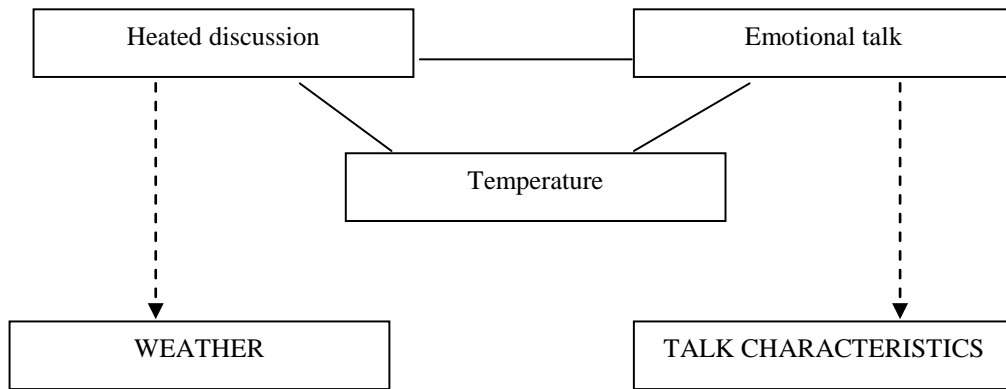

Рис. 8

В следующем примере можно увидеть метафорическое употребление ЛЕ *move closer to orbit*, в которой слова, взятые из понятийной сферы «космос», репрезентируют новый вектор направления в развитии отношений между Афганистаном и Россией: *Afghanistan's neighbors must shoulder more and more of the burden of helping fix its drug and infrastructure problems. If that means Afghanistan moving closer to Russia's orbit, then Washington, at least for now, seems to deem that a price worth paying* [Newsweek. 12.04.2010].

Проведенный нами анализ ММ позволяет увидеть, как определенный подбор ЛЕ, репрезентирующий факты реальной действительности, создает благоприятный фон, условия для манипуляции массовым сознанием, превращая заведомую ложь в безусловные факты, формируя у адресата определенную картину мира, выгодную адресанту. Проникая в глубинные сферы человеческого сознания, метафора методом селекции выделяет и организует характеристики субъекта, которые несут в себе нужные адресанту оттенки значения, ассоциации, вызывающие соответствующий эмоциональный отклик у адресата, подталкивая его к прогнозируемому адресантом действиям, и отсеивает другие, суггестивно влияя на восприятие информации адресатом.

Рис. 9

Из рассмотренных нами ММ наиболее частотной является антропоморфная модель, которая составляет 33 % от общей выборки. По нашему мнению, это обусловлено тем, что человек в большинстве случаев объясняет непонятные ему явления окружающей действительности исходя из собственных представлений о соотношении индивида и мира. Реже представлена социоморфная модель (в 29 % случаев), а наименее частотными моделями являются ар-

тефактная и природоморфная, примеры которых распределяются равномерно — по 19 %. В заключение отметим, что в каждой выделяемой по исходной понятийной сфере ММ содержится определенный дискредитирующий потенциал. Среди рассмотренных нами моделей наиболее выраженный негативный потенциал несет в себе криминальная метафора, принадлежащая антропоморфной сфере и основанная на ассоциативной связи мира политики с преступным миром. Практически любой из реализующих эту метафору контекстов можно отнести к числу дискредитирующих.

Основными тактиками, выявленными в рассмотренных метафорических моделях, являются тактика *косвенной «оценки» действий, косвенного намека на «негативные» действия, навешивания ярлыков, обвинения, критики, компроматации*. Посредством данных тактик осуществляется очернение политических оппонентов, лидеров и населения других государств, и т. д. Изучение конкретных тактик метафорического воздействия в медиатекстах политического дискурса требует отдельного подробного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. — М., 2001.
- Базылев В. Н. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) // Политический дискурс в России. — М.: Диалог; МГУ, 1997.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1994.
- Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. С. 88—125.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991.
- Баранов А. Н. Предисловие // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2008.
- Бережная Т. М. Президентская риторика США в системе пропагандистского манипулирования общественным сознанием / Язык и стиль буржуазной пропаганды. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 135—166.
- Бисималиева М. К. О понятиях *текст* и *дискурс* / Филологические науки. 1999. № 2. С. 78—85.
- Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград: Перемена, 1997.

- Водак Р. Критический анализ дискурса: политическая риторика // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград: Перемена, 2000.
- Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. — М.: Логос, 1997.
- Герасименко Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2. — М., 1998.
- Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. — М.: Всесоюзный центр переводов, 1982. Вып. 2: Методы анализа текста.
- Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 116—133.
- Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. к 70-летию Т. М. Николаевой. — М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34—35.
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. — М.: Флинта; Наука, 2008.
- Желтухина М. Р. Волонтерная функция комического в политическом дискурсе // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград: Перемена, 2000.
- Желтухина М. Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие-восприятие-интерпретация // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изатов. — М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. С. 38—52.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е. — М.: УРСС, 2006.
- Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград: Парадигма, 2007.
- Киклевич А. К., Потехина Е. А. О суггестивной функции текста // Фатическое поле языка: Памяти проф. Л. Н. Мурзина. — Пермь, 1998. С. 114—127.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. — М.: URSS, 2000.
- Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Труды международного семинара Диалог'2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». — М.: Наука, 2002. С. 132—149.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. — М.: URSS, 2000.
- Кохтев Н. Н., Розенталь Д. Э. Искусство публичного выступления. — М.: Московский рабочий, 1988.
- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. — М.: Аспект Пресс, 1994.
- Монаенко Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. тр. — Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 26—40.
- Мурзин Л. Н. О суггестивно-магической функции языка // Фатическое поле языка: Памяти проф. Л. Н. Мурзина. — Пермь, 1998. С. 108—114.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. — М.; Воронеж, 1995.
- Ножин Е. А. Мастерство устного выступления. — М.: Политиздат, 1989.
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. С. 68—81.
- Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук. — Саратов, 2005.
- Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика Изд. 2-е, испр. и доп. / под. ред. О. Б. Сиротининой. — М.: ЛКИ, 2007.
- Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. — М.: Азбуковник, 2001. С. 181—207.
- Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. — М.: Мысль, 1974.
- Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990а. С. 435—455.
- Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990б. С. 416—434.
- Репина Е. А. Психолингвистические параметры политического текста (на материале программных и агитационных текстов различных политических партий конца 90-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2001.
- Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. — Харьков: Око, 1993. Т. 1. С. 83—100.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / Рос. гос. гуманит. ун-т. — М., 1995. С. 35—73.
- Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. — Минск: Белорус. фонд. Сороса, 1996.
- Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Челябин. гос. ун-т. — Челябинск, 2004.
- Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999—2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2002.
- Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики: в 2 ч. — Пермь, 1995.
- Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11—22.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. — М.: Флинта; Наука, 2007.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград: Перемена, 2000.
- Brown G., Yule G. Discourse Analysis. — Cambridge Univ. Press, 2008

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Н. Б. Руженцева и проф. О. А. Алимуратов

Е. В. Шабалина

Россия, Екатеринбург

**ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
ПЯТАЯ КОЛОННА И ПЯТАЯ ГРАФА**

Аннотация. Рассматриваются особенности контекстуальной семантики и функционирования выражения *пятая колонна* в русском языке на фоне некоторых других европейских языков и в связи со структурно и семантически близкими выражениями *пятая графа* и *пятый пункт*. Основным материалом для статьи являются тексты современных российских СМИ.

Ключевые слова: лексикология; семантика; фразеология; политическая лингвистика; числительные.

Сведения об авторе: Шабалина Екатерина Владимировна, аспирант.

Место работы: Уральский государственный университет.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
e-mail: shabalina99@gmail.com.

E. V. Shabalina

Ekaterinburg, Russia

NUMERALS

**IN THE RUSSIAN POLITICAL PHRASEOLOGY:
THE FIFTH COLOMNA AND THE FIFTH SECTION**

Abstract. The article views peculiarities of contextual semantics and functioning of the expression *пятая колонна* («the fifth column») in the Russian language – in comparison with some other European languages and with a reference to structurally and semantically close expressions such as *пятая графа* («the fifth section/column») and *пятый пункт* («the fifth point»). The main material for the article is formed by the texts of contemporary Russian media.

Key words: lexicology; semantics; phraseology; political linguistics; numerals.

About the author: Shabalina Ekaterina Vladimirovna, Post-graduate Student.

Place of employment: Ural State University.

«Шпион, лазутчик, пятая колонна
гнилой цивилизации...»

И. Бродский. В озерном краю (1972)

Числительные выступают в нашей речи не только как обозначения конкретного количества (например, *семь человек* или *пятый стол*), но и как выразители качественной оценки объектов и ситуаций. Существует ряд обозначений идеологических и политических явлений, имеющих прецедентный характер, в которых числительное отсылает к конкретной дате или числу, связанному с тем или иным событием. Так, например, словосочетание *тридцать седьмой*, нередко звучащее в современном русском политическом дискурсе, аккумулирует в себе память о годе «большого террора»; выражение *четыре шестых* (паг. устар.) отсылает к указу от 4 июня (4/6) 1947 г. «О хищении государственного и общественного имущества», предусматривавшему наказание от 10 до 25 лет лишения свободы [БСЖ: 670]; *одиннадцатое сентября* употребляется по отношению к террористическому акту в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. В приведенных сочетаниях числительное несет в себе качественные смыслы, связанные с памятью о конкретном прецеденте. Степень актуальности того или иного прецедента зависит от степени его исторической «свежести» и осведомленности отдельного носителя языка. Часто денотативная сфера такого рода номинаций расширяется, и с течением времени они переходят в разряд фразеологизмов. Ср., например, газетные заголовки типа «Одиннадцатое сентября американской дипломатии» (статья посвящена публикации секретных документов правительства США сайтом Wikileaks) [РБК], «Это было индийское

одиннадцатое сентября» (статья о годовщине терактов в Мумбае) [РС].

Номинации, частично или полностью утрачившие связь с конкретным историческим фактом и функционирующие в качестве фразеологических сочетаний с широкой денотативной отнесенностью, представляют многообещающий объект анализа с позиций политической лингвистики. В настоящей статье в качестве такого объекта мы избрали выражение *пятая колонна*, являющееся интернациональным и более полувека функционирующее в публицистическом дискурсе, но не вошедшее в основные фразеологические словари русского языка (имеются в виду «Фразеологический словарь русского языка» (ред. А. И. Молотков; М., 1986), «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» (ред. А. И. Федоров; Новосибирск, 1995), «Русский фразеологический словарь» (авторы-сост. В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко; М., 1999)).

Выражение *пятая колонна* изначально являлось калькой испанского *quinta columna* и нормативно употребляется в значении «тайные агенты врага — шпионы, диверсанты; предатели, изменники» [Грамота]. О происхождении этого определения известно следующее: «„Пятая колонна“ — наименование нацистской агентуры в различных странах, которая осуществляла диверсионную и шпионскую деятельность, сеяла панику, занималась саботажем и помогала захвату этих стран германскими войсками. Термин *пятая колонна* впервые вошел в оби-

ход в начале октября 1936 года во время Гражданской войны в Испании, когда франкистский генерал Эмилио Мола заявил по радио, что мятежники ведут войска на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая находится в самом Мадриде и в решающий момент ударит с тыла» [Факт 400]. Вскоре после упомянутых событий выражение было включено в журналистский лексикон и скальпировано всеми европейскими языками (ср. англ. *fifth column*, нем. *fünfte Kolonne*, ит. *quinta colonna* и т. д.). Накануне и во время Второй мировой войны номинация *пятая колонна* была перенесена на нацистскую агентуру, помогавшую захвату европейских стран немецко-фашистскими войсками [Wikipedia].

В настоящее время словосочетание *пятая колонна* продолжает употребляться в русском и других европейских языках по отношению к различным типам внутреннего противника/врага: «Недавние кровавые события в станице Знаменской и Моздоке со всей очевидностью показывают, что по мере приближения выборов в Чечне (и выборов вообще — парламентских и президентских) террористы и их „*пятая колонна*“¹ сделают все, чтобы сорвать мирный процесс и не допустить дальнейшей стабилизации в ненавистной им „путинской России“» [Спецназ России. 15.06.2003.]; «Война в Ираке — это прелюдия вторжения в беспомощную Россию, где „*пятая колонна*“ уже сдала врагу ядерные объекты, стратегические аэродромы, командные посты государства, а „Комиссия по расследованию преступлений в Чечне“ приравнивает Путина к Милошевичу» [Завтра. 2003.03.09]². Показательно, что в большинстве рассмотренных нами текстов СМИ выражение *пятая колонна* употребляется в кавычках, что подчеркивает восприятие номинации как прецедентной. Ср. также некоторые контексты из польской, испанской, итальянской, английской прессы: польск. «Patriarchat moskiewski nie patrzył obojętnie ani na aktywność katolicyzmu, ani na działalność unitów, których traktuje trochę jak „*piątą kolumnę*“ Watykanu» (Московский патриархат не был безразличен ни к активности католицизма, ни к деятельности унитов, которых он в некоторой степени рассматривает как „*пятую колонну*“ Ватикана) [Przekrój. 2001. № 2922]³; исп. «Decir que quienes se oponen al gobierno forman parte de una „*quinta columna*“ que representa intereses extranjeros y son enemigos de la patria, no sólo es una exageración absolutamente absurda y estúpida...» (Говорить, что те, кто противостоят правительству, формируют часть „*пятой колонны*“, которая представляет иностранные интересы, и являются врагами родины — это не просто совершенно абсурдное и глупое пре-

увеличение...) [TCD]; ит. «Proviamo a considerarlo uno scherzo, anche se di quelli che, purtroppo, non fanno ridere. E se dietro quella sorta di gara di roulette russa <...> ci fosse l'azione di una *quinta colonna*?» (Попробуем считать это шуткой, пусть и одной из тех, которые, к сожалению, не вызывают смеха. А если за этой разновидностью русской рулетки стоят действия *пятой колонны*?) [Il Journal]; англ. «Sadly, in many respects, the *Fourth Estate* has become the *fifth column* of democracy, colluding with the powers that be in a culture of deception that subverts the thing most necessary to freedom, and that is the truth» (Печально, что во многих отношениях *четвертая власть* стала *пятой колонной* демократии, которая, вступая в сговор с властями, культивирующими обман, низвергает самую необходимую составляющую свободы — правду) [Truth Out].

Обратим особое внимание на последний из приведенных контекстов, в котором автор сближает подобные по внутренней форме выражения — *четвертая власть* и *пятая колонна*. Особенно нагляден этот риторический прием в заголовке статьи: «Is the Fourth Estate a Fifth Column?» (Является ли четвертая власть пятой колонной?). Оба выражения вписываются в весьма продуктивную и универсальную (в смысле воспроизводимости во многих языках) модель обозначения «качества через количество». Поскольку нормальное количество властей — три (законодательная, исполнительная и судебная), а колонн, в соответствии с прецедентом, четыре, то четвертая власть и пятая колонна представляют собой нечто «иное», из ряда вон выходящее. А иное, в свою очередь, осмысляется как лишнее, нежелательное, аномальное; ср., например, *пятое колесо в телеге* — ‘о ком-либо совершенно ненужном, лишнем где-либо’ [МАС, 2: 72], *пятый угол* — ‘безопасное место при скандале или драке’, *шестое чувство* — ‘обостренная способность что-л. чувствовать как дополнение к обычным пяти чувствам’ [МАС, 4: 713]. В политической сфере лишнее или аномальное воспринимается как идеологически чуждое.

Судя по контекстам из НКРЯ (всего в НКРЯ было найдено 35 контекстов, содержащих выражение *пятая колонна* в им. п.), в российской публицистике под номинацию *пятая колонна* подходят:

- политические группировки, держащиеся (тайно или явно) курса, противоположного основной политике государства — «Положительно то, что из „Единой России“ „пятая колонна“ сама уходит» [Независимая газета. 28.04.2003];
- террористы — «Не может стая одичавших обезьян приехать с гор и захватить 700 человек в заложники. Есть „*пятая колонна*“ в Москве. Этих гадов сейчас ищут» [Известия. 24.10.2002];
- бизнесмены, активно сотрудничающие с западными партнерами — «Это тем более реаль-

¹ Здесь и далее курсив мой. — Е. Ш.

² Приведенные контексты извлечены из НКРЯ (Национального корпуса русского языка).

³ Контекст извлечен из КЯР (Корпуса польского языка).

но, что уже сейчас, спустя месяц после „ответного удара“, импортеры мяса, наши отечественные бизнесмены, эта, можно сказать, *пятая колонна*, — „взвыли“» [Завтра. 27.05.2003].

Существует целый ряд контекстов, в которых *пятая колонна* выявляется по национальному признаку и относится прежде всего к еврейскому населению страны, ср. газетные заголовки типа «Пятая колонна: Еврейский след» [Дуэль], «Сага о пятой колонне и прокремлевских СМИ» [РО], «Что такое пятая колонна. Троцкисты-сионисты» [Библиотекарь], под которыми обсуждается тема участия евреев в политической жизни России. Мы не можем утверждать, что только в русском языке номинация *пятая колонна* закреплена в большей степени за евреями, но, безусловно, русская языковая среда, впитавшая в себя ряд прецедентов, связанных с национальным вопросом в Советском Союзе, располагает к установлению такой устойчивой денотативной отнесенности.

Вероятно, появление «еврейских ассоциаций» в семантике выражения *пятая колонна* в определенной мере объясняется притяжением этой идиомы к структурно подобным фразеосочетаниям *пятая графа* и *пятый пункт*, которые употребляются для указания на национальную принадлежность. В пятой графе советского паспорта указывалась национальность, что увеличивало вероятность дискриминации по национальному признаку. Ср. в заголовках СМИ: «Ходорковскому шьют пятый пункт», «Пятый пункт в жизни Утесова», «Пятый пункт как бренд» и т. п. Число «подозрительных» национальностей в советское время не ограничивалось одними лишь евреями, однако, судя по контекстным употреблениям, номинации *пятая графа* и *пятый пункт* использовались чаще по отношению к еврейской нации, ср. некоторые контексты из НКРЯ: «Было трудно представить этого немолодого уже еврея посреди сугробов, в темноте полярной ночи; эта чертова „*пятая графа*“ невольно сделала из нас каких-то убогих дознавателей...» [Сергей Иванов. Марш авиаторов. 2001]; «Из Свердловска, например, дважды присылали „Учетную карточку киносценариста“, в ней пятая графа значилась второй; свели в одну имя, отчество и фамилию, год рождения не интересовал» [Павел Сиркес. Труба исхода. 1990—1999]; «Это был Поступок, ибо в это святилище принимали только работников печати, радио и телевидения, а я работала в библиотеке, была идеологически ненадежна, и к тому же страдала „синдромом *пятой графы*“» [Вестник США. 09.07.2003]; «Рано или поздно он мог стать даже директором, если бы кадровики закрыли глаза на его *пятую графу*» [Владимир Рецепттер. Ностальгия по Японии. 2000]; «Ваша анкета — идеальна! *Пятый пункт* не должен никого смущать! Во-первых, все царицы в России, начиная с Екатерины Первой, — не из великороссов» [Григорий Горин. Иронические мемуары.

1990—1998]; «Однако Ходорковскому серьезно мешают *пятый пункт* его паспорта, делая шансы на честную раскрутку в народе минимальными» [«Вслух о...». 04.08.2003]; «Будет ли при коммунизме *пятый пункт* в паспорте? — Нет, будет шестой: „Был ли евреем при социализме?“» [Коллекция анекдотов «Евреи»: 1970—2000]; «К тому же новый сотрудник — член партии. И еще чертов *пятый пункт*... Себя Кузес смеялся называл „*инвалидом пятой группы*“, хотя по отцу был латышом» [Павел Сиркес. Труба исхода. 1990—1999].

Думается, что в номинациях *пятая колонна*, *пятая графа*, *пятый пункт* в полной мере отразилось политически обусловленное смешение образов внутреннего врага и инородца, «объекта» ксенофобии. При этом следует заметить, что *пятая графа* и *пятый пункт* переходят в разряд историзмов, исчезают из активного употребления и звучат только в речи старшего поколения, в то время как *пятая колонна* продолжает активно использоваться в журналистском дискурсе.

Обозначенная нами зона аттракции открыта для вхождения в нее новых фактов, подобных по структуре и семантике. В эту зону можно также включить словосочетание *пятая колонка*, поддерживающее семантику инаковости, противостояния большинству и функционирующее как название независимых информационных и аналитических источников; ср.: в названии живого журнала — «Пятая колонка Ольги Бакушинской»; «Пятая колонка // Будешь еще честнее, чиновник?» («Дело». 15.12.2008.); рубрика «Пятака колонка» в разделе «Политика» на портале <http://irakly.org/>, в газете «Столица» и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

- Библиотекарь: электронная библиотека нехудожественной литературы. URL: <http://bibliotekar.ru/>.
- БСЖ = Большой словарь жаргона. — М., 1999.
- Грамота: справочно-информационный портал. URL: <http://gramota.ru/>.
- Дуэль: периодическое издание. URL: <http://duel.ru/>.
- МАС = Словарь русского языка: в 4 т. — М., 1985—1988.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.
- РБК = РосБизнесКонсалтинг: информационный портал. URL: <http://top.rbc.ru/>.
- РО = Русская община: портал русскоязычных граждан Украины. URL: <http://russian.org.ua/>.
- РС = Сайт Радио Свобода. URL: <http://svobodanews.tomsk.ru/>.
- Il Journal: публицистический портал. URL: <http://www.iljournal.it/>.
- KJP = Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego PWN = Корпус польского языка научного издательства Польской академии наук. URL: <http://korpus.pwn.pl/>.
- Факт 400: информационный портал. URL:

<http://www.fact400.ru/>.

TCD = Tal Cual Digital: публицистический портал. URL: <http://talcualdigital.com/index.html>.

Truth Out: публицистический портал. URL:

<http://www.truth-out.org/>.

Webcache. URL: webcache.googleusercontent.com.

Wikipedia = Википедия: свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/>.

*Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова
и проф. М. Э. Рут*

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'25

ББК Ш107.7

ГСНТИ 16.31.41

Код БАН 10.02.20

Б. А. Акаш

Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия
**ПЕРЕВОД КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

B. A. Akash

Ar Riyad, The Kingdom of Saudi Arabia
**TRANSLATION AS A CONSTITUENT
OF MASS COMMUNICATION**

Аннотация. Вследствие научно-технического прогресса, глобализации и появления огромного количества средств массовой информации изменился характер отношений как на уровне государств, так и на уровне людей. В таких условиях перевод выступает одним из важнейших способов установления коммуникации между людьми, разделенными языковым барьером. Раскрывается важность учитывания культурного компонента как в переводческой деятельности, так и при преподавании иностранного языка. Также приводятся примеры того, как представители арабской и русской культур представляют себе некоторые предметы действительности.

Ключевые слова: массовая коммуникация; межкультурная коммуникация; перевод; русская культура; арабская культура, языковой барьер; культурный барьер.

Сведения об авторе: Акаш Бадр Абдуллах, аспирант.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Контактная информация: 119234, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, сектор Е, к. 914.
e-mail: albadr15ru@yahoo.com.

Abstract. Due to scientific and technical progress, globalization, appearance of innumerable Mass Media the character of relations have changed both on the state level and on the level of individuals. In such circumstances, translation is one of the main means of communication between people who are separated by the language barrier. The importance of taking into account cultural component in both translation and teaching is underlined. Examples of how people of Arabic and Russian cultures understand some objects of reality are given.

Key words: mass communication; intercultural communications; translation; Russian culture; the Arabic culture; language barrier; cultural barrier.

About the author: Akash Badr Abdullah, Postgraduate Student.

Place of employment: Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov.

Термин «коммуникация» происходит от латинского слова *communico* — 'делаю общим, связываю'. Под коммуникацией понимается специфический вид деятельности, содержанием которой является обмен информацией между членами языкового сообщества для достижения взаимопонимания и взаимодействия. Основная функция коммуникации заключается в достижении социальной общности при сохранении индивидуальности каждого участника. Структура коммуникации включает в себя следующие элементы: 1) двух участников — коммуникантов, наделенных сознанием и владеющих нормами некоторой семиотической системы, например, языка; 2) ситуацию, которую они стремятся осмыслить и понять; 3) тексты, выражающие смысл ситуации в языке или элементах данной семиотической системы; 4) мотивы и цели, делающие тексты направленными, т. е. то, что побуждает субъектов обращаться друг к другу; 5) процесс.

В науке о коммуникации есть два подхода к изучению этого явления: механистический и деятельностный. При первом подходе человек представляется механизмом, действия которого могут быть описаны определенными конечными правилами; контекст внешней среды коммуникации здесь рассматривается как шум, по-

меха. С точки зрения второго подхода общение представляет собой не абстрактную схему передачи/приема информации, а непрерывный процесс, совершающийся в определенном месте, в определенное время и с конкретными участниками [Кашкин 2007: 7—8]. Теория коммуникации тесно связана с другими науками, в том числе с переводоведением: перевод по сути является межязыковой и межкультурной коммуникацией. В результате в науке о коммуникации появился такой термин, как переводная коммуникация.

В зависимости от состава и количества участников коммуникации выделяются следующие типы: межличностная, групповая, массовая и интраперсональная. Рассмотрим массовую коммуникацию, имеющую непосредственную связь с переводом.

Массовая коммуникация — это систематическое распространение специально подготовленных, имеющих социальную значимость сообщений с целями удовлетворения информационных потребностей массовой аудитории (широких слоев населения) и воздействия на поведение, аттитюды, взгляды, убеждения, мнения людей; технически осуществляется с помощью разнообразных средств: печать, радио, телевидение и др. [Большой психологический словарь 2003].

Теория коммуникации, так же как и многие другие научные дисциплины, представляет собой научную схему, т. е. включает разные модели, описывающие и выявляющие существенные закономерности изучаемого объекта. Выделяются следующие модели коммуникации: 1) модель Клода Шеннона; 2) модель Харальда Лассвелла; 3) функциональная модель Романа Якобсона; 4) модель межкультурной (переводческой) коммуникации. При обращении к последней модели исходят из того, что в межъязыковой коммуникации кроме традиционных участников процесса, т. е. адресанта и адресата, появляется еще один компонент — переводчик, который, получив и восприняв исходное сообщение на одном языке, переводит его в эквивалентное ему сообщение на другой язык. Если представить коммуникацию как процесс, состоящий из двух стадий, то переводчик на первой стадии выступает в качестве получателя исходного сообщения, занимающегося перекодированием знаков исходного сообщения в эквивалентные им знаки переводного сообщения. При этом важно учитывать не только закономерности перехода от одного языка к другому, но и экстралингвистические факторы, оказывающие большое влияние на результаты переводческого процесса. Выполняя роль посредника, переводчик управляет процессом коммуникации, оперируя при этом как лингвистическими, так и нелингвистическими знаниями, включающими такой весьма важный фактор, как культура, к которой относится исходный текст (ИТ) и соответственно создатель этого текста.

Вследствие научно-технического прогресса, глобализации и появления огромного количества средств массовой информации изменился характер отношений как на уровне государств, так и на межличностном уровне. Эти изменения наблюдаются в большинстве сфер человеческой деятельности. Стали расширяться и упрочиваться отношения и контакты между разными государствами, постоянно заключаются договоры о сотрудничестве во многих областях. Кроме того, предприниматели различных стран стали активно общаться для установления и укрепления деловых отношений. Европа является показательным примером того, как можно добиться всеобъемлющего и плодотворного сотрудничества; в некоторых областях можно даже говорить об абсолютном единстве. Например, в экономической сфере в 2002 г. появилась единая европейская валюта (евро), которая используется более чем в двадцати странах Европы и является единой официальной валютой для более чем 320 млн человек. В политической области был учрежден Европейский союз, объединяющий 27 европейских государств и включающий значительное количество других организаций и структур. Что касается культурной сферы, обращает на себя внимание появление языка, называемого «Европанто» — смеси различных европейских языков, основанной на

сходстве слов и выражений в разных европейских языках. Подобная тенденция к интеграции и расширению границ коммуникации стала характерной чертой нового столетия. Многие страны избавились от скептического отношения к другим государствам и стремятся к более открытому диалогу с иными народами и культурами.

Культура является ярким примером сферы, в которой сделано множество успешных шагов в коммуникативном плане. Мы видим, что во всем мире не утихает интерес к изучению иностранных языков, сквозь призмы которых человек знакомится с совокупностью специфических культурных черт страны изучаемого языка.

Культура как феноменальное явление, тесно связанное с разными аспектами человеческой деятельности, имеет свыше 200 определений, что свидетельствует о разнообразии данного уникального явления. Культура стала объектом изучения многих научных дисциплин. А. Вежбицкая в книге «Понимание культур через посредство ключевых слов» цитирует известного социолога культуры Роберта Уатноу, который во введении к книге «Vocabularies of Public Life» (Wuthnow 1992) отмечает: «В нашем столетии, возможно более, чем в какое-либо другое время, анализ культуры лежит в сердцевине наук о человеке... Антропология, литературная критика, политическая философия, изучение религии, история культуры и когнитивная психология представляют собою богатейшие области, из которых можно извлечь новые идеи». Далее А. Вежбицкая обращает внимание на то, что «бросается в глаза отсутствие лингвистики в этом списке. Это упущение тем более обращает на себя внимание, что Уатноу связывает „живость и свежесть мысли, характерные для современного социологического изучения культуры, [с глубиной] интереса, уделяемого языковым вопросам“». Кроме того, она считает, что «анализ культуры может обрести новые идеи и из лингвистики, в частности из лингвистической семантики», и что «семантическая точка зрения на культуру есть нечто такое, что анализ культуры едва ли может позволить себе игнорировать» [Вежбицкая 2001: 13—14]. По определению Л. Л. Нелюбина, межкультурная коммуникация представляет собой коммуникацию в форме взаимодействия существующих в определенном промежутке времени культур, которое осуществляется посредством языка, пронизывающего всю теоретическую и практическую деятельность человека [Нелюбин 2009: 62—63].

В последнее время обозначилось стремление многих стран к установлению и поддержке межкультурной коммуникации, что нашло отражение в национально-государственной стратегии ряда государств, предусматривающей системные ассигнования в этой области. Поддержка межкультурного общения проявляется в разных формах: в создании культурных и языковых центров, в организации регулярных совместных конференций, в обмене студентами и препода-

вателями, во взаимном открытии филиалов университетов, во включении в учебный план некоторых факультетов предметов, ориентированных на подготовку студентов как будущих специалистов по межкультурной коммуникации. В связи с этим нельзя не упомянуть Центр по изучению взаимодействия культур, основанный в 1992 г. при МГУ им. М. В. Ломоносова. По инициативе этого центра на факультете иностранных языков ежегодно проходит конференция «Россия и Запад».

Межкультурная коммуникация, однако, не ограничивается только культурным обменом, это понятие настолько широкое, что охватывает разные стороны человеческой деятельности. Порой межкультурному общению мешает незнание языка. Это преодолевается двумя способами: всеобщим изучением языка или подготовкой переводчиков, выступающих в роли посредников между представителями двух разных языков и, соответственно, культур. В связи с ростом желания познавать миры представителей других стран, культур, ростом стремления к так называемому диалогу культур перевод, бесспорно, приобретает все большую значимость. Выполняя свою важную задачу, переводчик должен создать некий новый, переводной текст (ПТ), сохраняя при этом облик исходного текста (ИТ). Именно в этом и заключается сложность процесса. Переводчик имеет дело не только с двумя текстами на разных языках, но и с двумя разными культурами, предполагающими разное видение мира, ряд специфических характеристик, отражающих быт того или иного народа. Очень важно, чтобы переводчик был достаточно хорошо осведомлен о «картинах мира» как исходного, так и переводящего языков.

Картина мира имеет своим источником культурные ценности, традиции и обычаи, а в некоторых случаях и религию, и находит свое отражение в языке: в его лексическом составе, грамматическом строе, синтаксическом строении предложения, фразеологических оборотах, метафорических выражениях и мн. др. Поскольку составляющие картины мира у разных народов различны, а картина мира отражается в языке, постольку расхождения наблюдаются во многих из вышеназванных языковых аспектах. «Гумбольдт не отрицает того, что некоторое число различных слов можно „привести к общему знаменателю“, но в подавляющем большинстве случаев это невозможно: индивидуальность разных языков проявляется во всем — от алфавита до представлений о мире; огромное число понятий и грамматических особенностей одного языка зачастую не может быть сохранено при переводе на другой язык без их преобразования» [Богатырева 2009].

Проиллюстрируем упомянутые различия на примере метафоры в арабском и русском языках, поскольку метафора наиболее ярко выражает представления той или иной нации о действительности. В метафорических выражениях

воплощается отношение языкового коллектива к разным явлениям жизни: «Метафору нередко образно представляют как зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание» [Чудинов 2008]. Одной из главных предметных основ метафоры в арабской культуре является концепт «время». Он находит свое отражение во многих метафорических выражениях, поговорах и пословицах. Например, в арабском языке есть такое словосочетание: *انصرم الوقت* — букв. *‘порвалось время’*; в русском языке ему соответствует выражение *время истекло*. В арабской фразе время уподобляется предмету, который может рваться, а в русской время предстает в виде жидкости.

Метафора является одним из самых употребительных изобразительно-выразительных языковых средств. Она применяется в разных сферах коммуникации, выполняя при этом различные функции. Более того, даже в рамках одной сферы метафора может выполнять различные функции. Например, в политическом дискурсе ученые по-разному разграничивают функции метафоры. Так, А. П. Чудинов выделяет следующие: 1) когнитивную функцию; 2) коммуникативную функцию; 3) прагматическую функцию; 4) эстетическую функцию [Чудинов 2008: 124—129]. По мнению И. М. Кобозевой, основными функциями метафор являются эвристическая и аргументативная, а в качестве второстепенных ей выделяются эстетическая и активизационная. А. В. Степаненко различает следующие функции: прагматическую, когнитивную, эмоциональную, репрезентативную, хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа [Степаненко 2002].

В арабской культуре метафора занимает видное место, она часто употребляется носителями арабского языка. Об этом свидетельствует частое использование метафор в Коране, стихах, художественной литературе и других типах текстов, в том числе и политических. Говоря конкретно о политическом дискурсе, следует отметить, что речи президентов, высокопоставленных лиц и всех, кто связан с данной сферой, насыщены множеством метафорических образов. В качестве примера приведем отрывок из речи бывшего египетского президента Мухаммад Анвар Ассадат (1979 г.): *يسعدني ان اظل دائما كبيرا للعائلة المصرية, ففي هذا كل ما اريد*. Перевод: *я счастлив всегда быть главой египетской семьи. В этом все, чего я хочу*. Страна метафорически представлена как семья, а президент — как глава семьи. Такие метафорические образы, соответствующие арабским традициям, преподносят президента в качестве главы семьи, требующего от членов своей семьи уважения и повиновения. Кроме того, в арабских семьях решающее слово принадлежит отцу, являющемуся главой семьи. Если какой-нибудь член семьи выходит из повиновения

или же просто отказывается выполнять веления главы семьи, такое поведение резко осуждается не только с точки зрения традиций, но и с религиозной точки зрения. Данная метафора предполагает строго соблюдающиеся принципы взаимоотношений между главой семьи и остальными членами семьи. Таким образом, представление страны как семьи, президента как главы семьи и народа — как членов семьи приводит к естественному выводу, предполагающему повиновение главе государства и безоговорочное выполнение народом его решений.

Расхождения проявляются также в неодинаковых отношениях представителей арабской и русской культур к некоторым предметам реальной действительности, существующим в обеих культурах. Этот факт наблюдается в эмоционально окрашенных сравнительных оборотах. Так, если в русской культуре бык символизирует силу, в арабской культуре это животное связывается с глупостью.

Другой интересный пример — орел, почти во всех культурах символизирующий положительные качества: силу, величие, храбрость, а у китайцев и арабов еще и острое зрение. Однако при переводе названия этой птицы на арабский язык допускаются многочисленные ошибки, причиной которых является то, что некоторые переводчики путают орла со стервятником, который является как в арабской культуре, так и в других традициях низшим существом, питающимся падалью. Наблюдается и противоположное явление: для указания на одно и то же понятие, качество в двух языках используются разные предметы действительности. Например, в арабской культуре красивую женщину уподобляют луне, в то время как в русской культуре, как пишут А. С. Мамонтов и П. В. Морослин, она уподобляется майской розе [Мамонтов, Морослин 2008].

Такие примеры, демонстрирующие различные отношения представителей разных языков и культур к тем или иным предметам и явлениям жизни, можно легко умножить. Переводчик должен учитывать подобные факторы во время своей деятельности, всеми способами добываясь четкого понимания получателем перевода содержания ИТ, сглаживая несовпадения культур, приводящие иногда к серьезным конфликтам.

Переводчик, как уже было сказано, имеет дело не только с двумя языками, а с двумя культурами, между которыми есть как общие моменты, так и различия, обусловленные разными способами мышления. Сравнительно-сопоставительный анализ культур является важным моментом в обучении переводу, от него во многом зависит удачное выполнение перевода. В связи с этим следует упомянуть исследование, проведенное А. А. Мокрушиной, того, как воспринимают представители русской и арабской культур временные и пространственные понятия. Исследователем были составлены анкеты на русском и арабском языках. Инфор-

мантов просили объяснить значение ряда понятий, связанных со временем и пространством. Основная цель исследования, по словам А. А. Мокрушиной, — установить, как та или иная культура влияет на субъективное восприятие человеком временных и пространственных терминов. Понятие *быстро* (имеется в виду время, а не скорость) русскоязычные информанты связывали с отрезком времени от одной секунды до часа, в то время как носители арабского языка считали, что этот период может продлиться от одной секунды до суток. Определяя понятие *долго*, представители обеих культур высказались по-разному. Для русских *долго* — все, что длится более часа, тогда как для арабов этот период длится от одного до четырех часов. Подытоживая эту часть исследования, А. А. Мокрушина пишет: «...таким образом, несмотря на всю субъективность полученных нами результатов, мы не можем не обратить внимание на то, что в целом для восприятия *времени* у представителей арабской культуры существуют менее жесткие критерии и рамки, нежели у носителей русского языка. В этом, казалось бы, необидном наблюдении может крыться причина непонимания и даже конфликта, возникающего в процессе межкультурной коммуникации — ведь говоря, например, о понятии *недолго*, представители различных культур ориентируются на собственные несхожие представления о так называемом *эталонном* варианте понятия *недолго* (т. е. для русского это может быть час, а для араба — промежуток времени до трех дней)» [Мокрушина 2008]. Кроме того, наблюдаются расхождения в определении пространственных понятий, например, *близко* для носителя русского языка — это расстояние от десяти метров до пяти километров, в представлении же араба — расстояние от пяти метров до километра. По мнению исследователя, такое неодинаковое восприятие понятия *близко* связано с географическими особенностями: площадь России намного больше площади любого арабского государства.

Результаты этого исследования в очередной раз доказывают необходимость иметь в виду при двуязычном общении культуuroобразующие факторы. Выполняя роль посредника между людьми, относящимися к различным культурам и языкам, переводчик должен обладать наряду с языковыми компетенциями — межкультурными, т. е. знаниями о национально-культурных ценностях общества, к которому относится создатель ИТ. Поэтому при обучении и подготовке будущих переводчиков или преподавателей иностранных языков оказывается необходимым уделять соответствующее внимание культурным особенностям народа, язык которого изучается. Это должно воплощаться в ряде учебных дисциплин, ориентированных на преодоление культурного барьера, с которым сталкиваются учащиеся при обучении иностранному языку. В связи с этим необходимо

упомануть факультет иностранных языков, который предусмотрел этот важный момент и включил в учебный план такой предмет, как «мир изучаемого языка». Данный предмет направлен на изучение совокупности внеязыковых факторов, т. е. тех социокультурных структур и единиц, которые лежат в основе языковых структур и единиц.

Изучая тот или иной язык, студент успешнее и быстрее осваивает язык, нежели культуру, к которой относится изучаемый язык. Возникает вопрос: почему языковой барьер преодолевается легче, чем культурный? Вот что пишет по этому поводу С. Н. Тер-Минасова: «...чем же барьер культур труднее, „хуже“ барьера языков? В отличие от языкового, он невидим и не ощущаем. Столкновение с другими, чужими культурами всегда неожиданно. Родная культура воспринимается как данное, как дыхание, как единственная возможность видеть мир вокруг себя, жить по определенным, родным правилам, в соответствии с общепринятыми нормами, традициями, привычками. Осознание своей культуры как одной из многих, отдельной, особенной, приходит только при столкновении (знакомстве, взаимодействии) с иной культурой, особенно той, которая живет в *иных странах*, то есть иностранной» [Тер-Минасова 2008: 49].

Ошибки культурного характера воспринимаются более негативно, чем ошибки языковые. Это объясняется тем, что носители изучаемого языка терпимо воспринимают языковые ошибки иностранца. Некоторые даже могут исправить допущенную ошибку. Что же касается культурных ошибок, то они непременно вызывают очень негативную реакцию, что может привести к скандалу. Причиной такого резкого отношения к нарушениям культурных норм является то, что представители изучаемого языка усматривают в них, во-первых, личное оскорбление, во-вторых, оскорбление всему обществу, к которому они относятся, в-третьих, пренебрежение теми национально-культурными ценностями, которые они считают священными. Несмотря на то, что подобные ошибки допускаются иностранцем ненамеренно, все равно представители иной культуры возмущаются несоблюдением норм привычного культурного поведения.

Для того чтобы не оказаться в таком неприятном, затруднительном положении, надо осмотреться вокруг, ознакомиться с другими мирами, культурами, научиться воспринимать и уважать другие национально-культурные ценности, избавиться от этноцентризма, т. е. от склонности смотреть на все жизненные явления сквозь призму ценностей своей этнической группы, рассматриваемой в качестве эталона. Только это может служить залогом успешной, полноценной и плодотворной массовой, культурной и, соответственно, переводной коммуникации.

И. Ю. Марковина и Ю. А. Сорокин к национально-специфическим компонентам культуры

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и проф. Ю. Н. Марчук

относят следующие:

1) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данной системе нормативных требований);

2) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой;

3) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинестический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

4) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

5) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса. [Марковина, Сорокин 1989]

Таким образом, учет связи языковых единиц с культуурообразующими факторами является ключевым моментом в переводческой деятельности, так как он обеспечивает эффективную и плодотворную межкультурную и межъязыковую коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. — Новосибирск: Наука, 1989.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001.

Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.

Мамонтов А. С., Морослин П. В. Межкультурная коммуникация и проблемы адекватности перевода // Теория и практика перевода. 2008. № 2 (5).

Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. — М.: Прайм-Еврознак, 2003.

Мокрушина А. А. Субъективное восприятие временных и пространственных понятий представителями русской и арабской культур // Материалы докл. 15 Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008». Секция «Востоковедение, африканистика».

Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода. — М.: Флинта; Наука, 2009.

Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. — М.: Альфа-М; ИНФР-М, 2009.

Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. — М.: Слово/Slovo, 2008.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М., 2008.

Т. В. Аникина
Нижний Тагил, Россия

T. V. Anikina
Nizhny Tagil, Russia

**ПОЛИТИЗИРОВАННЫЕ НИКНЕЙМЫ
В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧАТОВ**
ГСНТИ 16.21.51

**POLITICAL NICKNAMES
IN CHATS**

Код ВАК 10.02.20

Аннотация. Последние десятилетия ознаменовались бурным развитием средств и способов передачи информации, появилась компьютерно-опосредованная форма коммуникации. Одним из наиболее популярных ее видов является чат. В данной статье рассматриваются политизированные никнеймы, используемые в англо-, русско- и франкоязычных чатах, анализируются особенности их графики и орфографии.

Abstract. Last ten years are marked by great development of information transfer, computer-mediated communication is one of them. Chat is one of the most popular forms of this kind of communication. The given article touches upon the political nicknames, the peculiarities of graphics and spelling of such names in English, Russian and French chats.

Ключевые слова: чат; логин; сетевое имя; никнейм (ник); политизированный никнейм; яркий образ; графическое оформление; нарушение орфографических норм.

Key words: chat; login; net name; nickname (nick); political nickname; bright image; graphic execution; spelling violation.

Сведения об авторе: Аникина Татьяна Вячеславовна, старший преподаватель кафедры английского языка и методики его преподавания.

About the author: Anikina Tatiana Vyacheslavovna, Senior Lecturer of the Chair of the English Language and its Teaching Methods.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: anikishna@mail.ru.

Развитие информационных технологий в последние десятилетия привело к широкому распространению интернет-коммуникации, которая воздействует на все сферы жизнедеятельности человека. Доступность связи между пользователями на дальних и близких расстояниях дает возможность использовать Интернет не только как инструмент для поиска информации, но и как средство для общения посредством электронной почты, веб-сайтов, форумов, гостевых книг, общения через систему ICQ, электронных конференций и чатов. Появление Интернета способствовало развитию особого культурного пространства, в котором субъект вовлекается в новые виды деятельности и получает в свое распоряжение орудия, опосредствующие процесс его личностного и когнитивного развития.

Несмотря на широкую популярность и доступность интернет-коммуникации, ее изучение только начинается. На сегодняшний день накоплена значительная база научных работ, в которых рассматриваются характеристики интернет-коммуникации как особой среды функционирования языка (Н. Г. Асмус, Н. А. Ахренова, М. Б. Бергельсон, Е. Н. Галичкина, А. Е. Жичкина, Л. Ф. Компанцева, О. В. Лутовинова, Г. Н. Трофимова, D. Crystal и др.), анализируются гендерные параметры (Е. И. Горошко, Л. Р. Диасамидзе и др.), жанровая дифференциация (Е. Г. Буторина, Е. Н. Вавилова, Л. А. Капанадзе, Е. И. Литневская, К. В. Овчарова). Ряд работ посвящен изучению наименований в интернет-коммуникации (Н. Г. Асмус, О. В. Лутовинова, Л. В. Самойленко, Л. Л. Фе-

дорова, В. С. Хорикова, Ю. В. Чепель и др.). Тем не менее пока отсутствует единый подход к исследованию данного вида коммуникации и функционирующей в ней антропонимической системы.

Любой человек, оказываясь в интернет-пространстве, должен взять себе компьютерное имя для виртуального общения. Возникновение сетевых имен обусловлено необходимостью идентификации пользователя в пределах одной виртуальной среды — форума, чата, конференции. С технической точки зрения компьютерное имя представляет собой неповторимую последовательность символов (цифр, букв, специальных графических символов): 256789, 20wpoNEN, _abc_, Cinder, _True_, Отчаенный, Времена_года. При регистрации компьютерного имени пользователь получает отказ в доступе, если в данной системе уже зарегистрирован пользователь с таким же компьютерным именем. Таким образом, в пределах одной виртуальной среды общения не может быть абсолютных тезок и однофамильцев.

В интернет-коммуникации различаются следующие формы антропонимов: логин, сетевое имя, никоним (ник или никнейм).

Логин — последовательность символов, идентифицирующих пользователя при получении доступа в компьютерную систему. К логину прилагается секретная информация, которая известна только владельцу логина и серверу, — пароль. Логин и пароль используются при входе в защищенную систему: логин отображается при вводе, пароль маскируется или не отображается.

Сетевое имя — имя общего ресурса на сервере. Каждая общая папка на сервере имеет сетевое имя, применяемое пользователями ПК для ссылок на нее (*Public Declare Function*

PosLeДниЙ_NiGGaДЯЙ, Мойдодыр,*** Стоунхенджск@я_Ведьм@, -EvAnEsCeNcE-, 5_РУБЛЕЙ_И_Я_ТВОЙ, НА100ЯЩАЯ, ДуКаЯ_КоШеЧка_МуРьК, emmalyonnaise69, jolemilie, Шшыкарная_ЗвИзда, MissSnow, dearwom, ыФыШ_дыФыШ_кАйФыШ, NaughtyAmishGirl.

Если логин обычно безлик и представляет собой число или бессмысленную последовательность букв, то никнейм используется для самовыражения и несет определенную смысловую нагрузку. Логин от пароля отличается отсутствием секретности, от ника — тем, что не доступен всем. Логин используется пользователем для самоидентификации при взаимодействии с другими пользователями. Не обязательно, чтобы логин был удобочитаем и легкопроизносим, а вот для ника это крайне желательно.

Выбор компьютерного имени происходит под влиянием различных внеязыковых факторов, в том числе цели использования самого имени. Главное условие при выборе виртуального имени — его информативность. Игровой характер интернет-коммуникации накладывает отпечаток и на особенности функционирования имени в Сети. Собеседник, поддерживающий общение в интернет-пространстве, безличен: не известны ни его внешность, ни склад характера, ни нравственные ориентиры. Все, что знают собеседники друг о друге, — это имя.

В данной работе нас интересует такая разновидность антропонимов, как никоним (никнейм, ник). Никоним — это псевдопрозвище, вымышленное неосновное имя, которое выбирает себе коммуникант из имеющихся имен собственных или придумывает себе для общения в виртуальном пространстве чата.

Чат представляет собой общение пользователей в режиме реального времени, то есть «здесь и сейчас», хотя участники могут быть разбросаны по всему миру [Лутовинова 2009: 166]. А. Житинский определил жанр чата следующим образом: «Специфическая форма общения на Web'e, называемая IRC (Internet Relay Chat), или просто chat (беседа, болтовня). Это когда в одном месте, на каком-то сайте происходит встреча двух или нескольких юзеров в реальном времени. Сайт выполняет роль грифельной доски, на которой пишут послания и передают друг другу» [Нестеров].

Участники общения осуществляют набор текста на клавиатуре, этот текст моментально появляется на дисплее компьютера и становится доступным для всех «собеседников». Общение в чатах часто воспринимается ««вялотекущей и бесконечной» беседой, характеризующейся для постороннего наблюдателя «феерической пустотой»». Однако, по мнению В. и Е. Нестеровых, впечатление о том, что чат — не более чем трата времени на пустую болтовню, объясняется невключенностью исследователей

GetComputerNameA Lib "kernel32", ByVal IpBuffer As String, As Long) As Long).

Никоним (никнейм, ник) — имя, используемое для общения онлайн в чате:

в действие, так как нельзя понять сути чата, не участвуя в нем [Нестеров]. С точки зрения участника, чат — это не клуб знакомств, а подлинная жизнь, проживаемая в ином, виртуальном мире. Посетители чата не просто общаются в нем, они в нем живут.

Чат представляет уникальную возможность, отсутствующую в реальном мире, — возможность творить собственное «Я». Процесс такого творчества наблюдается при создании никнейма. Отдельный индивид может иметь несколько ников, но под определенным ником скрывается только один индивид. Ник — это наиболее яркое вербальное средство самопрезентации личности в интернет-коммуникации. По сути это псевдоним виртуальной личности, которую создает автор во время вхождения в чат.

Выделим специфические черты ников как особого класса антропонимов:

- никнейм является необязательным именованием человека, его функциональный диапазон ограничен сферой межличностного общения в чатах;

- возможность создавать неограниченное число ников и вступать в коммуникацию с любым из них. Автор сам выбирает ракурс, в котором хочет представить себя как определенный тип личности. В качестве «визитной карточки» чаттер может выбрать себе профессию или род деятельности, сообщить о своих интересах и пристрастиях, помечтать о чем-то прекрасном и возвышенном;

- возможность смены ника в любой момент. Оригинальный, яркий ник характеризует пользователя как интересного собеседника и неординарную личность;

- желание скрыть за ником некоторые отрицательные черты личности и показать положительные. В чате участник сам выбирает себе ник в зависимости от того, какое впечатление он хочет произвести на собеседников;

- ники не являются престижными наименованиями, так как не могут маркировать «правовые притязания на продукт творческой деятельности» его автора [Голомидова 1998];

- возникновение никнеймов связано со стихийными речевыми процессами, а не с законодательно закрепленными правилами наречения; это «продукт индивидуального и намеренного словотворчества» [Голомидова 1998];

- никнейм может начинаться как с заглавной, так и со строчной буквы;

- наряду с буквенными символами, кириллическими и латинскими, могут использоваться и небуквенные: цифры и иконические знаки;

➤ ники могут появиться в результате образования новых слов как традиционными для языка способами, так и по аналогии со служебными ключами доступа к ресурсам и паролям. Также никнеймом может быть бессмысленный набор буквенных и небуквенных символов;

➤ некоторые графические особенности никнеймов делают их непригодными для произнесения вслух;

➤ основное назначение ника — послужить пользователю пропуском в виртуальную реальность, а затем уже — идентифицировать участника общения в чате.

Единичность сетевого имени толкает пользователя на выдумку, потому что чаще всего все известные формы имени, например *palina*, *paulina*, *paulinka*, *palina4ka*, уже заняты. Встает проблема выбора ника, дающая толчок к творческому процессу самопрезентации личности через самоназвание. Поскольку ник — это визитка, которая представляет пользователя всему чат-сообществу, служащая идентификации и привлечению внимания, к его выбору подходят тщательно и творчески. Чаще всего ники прагматически мотивированы, то есть имеют ценную для носителя внутреннюю форму и особую историю.

Внешний вид, поведение, профессия, особенности характера, увлечения пользователей в никнеймах выступают как средства внешней мотивации при выборе никнеймов. Классификация никнеймов по способам внешней мотивации позволила выявить наиболее частотные характеристики при выборе виртуального имени. В англоязычных чатах это: свойства и качества человека (14,8 %), флора и фауна (8,3 %) и фантазии создателей (7,3 %); в русскоязычных чатах: свойства и качества человека (16,8 %), внешний вид (7,9 %) и сексуальные характеристики (7,9 %), а также наименования лиц по различным предметам (7,7 %); во франкоязычных чатах: свойства и качества человека (14,9 %), фантазии создателей ников (6,7 %) и сексуальные характеристики (5,9 %). Таким образом, в чатах наибольший интерес вызывают описательные и характеризующие ники.

Материалом данного исследования послужил особый класс никонимов — политизированные никнеймы. Это ники, связанные со сферой политики. К данной группе никонимов относятся имена политиков и любые слова/словосочетания, касающиеся сферы политики (*Мэр*, *Psychotic-Queen*, *Une bourgeoise*).

По результатам проведенного исследования, количество таких ников в англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатах незначительно: в русскоязычных чатах — 0,6 % от общего количества ников, в англоязычных — 0,2 %, во франкоязычных — 0,1 %.

Таким образом, мы видим, что сфера политики для посетителей чата малоинтересна. Данное явление можно объяснить следующим образом. Большинство участников чата — лю-

ди, которым намного меньше тридцати лет, тридцати- и сорокалетние в чате скорее исключение, чем правило. Подавляющее большинство чаттеров — люди в возрасте максимальных коммуникативных возможностей, от 14 до 25 лет. По данным анализа состава российской интернет-аудитории (2006 г.), проведенного исследовательским холдингом Romir Monitoring, наибольшее количество пользователей Интернета приходится на возраст от 18 до 24 лет и составляет 36 % (www.rmh.ru/news/res_results/294.html).

В настоящее время молодое поколение мало интересуется вопросами политики, плохо информировано о политической ситуации в стране и ее политических лидерах. При выборе никнейма для молодежи привлекательными становятся совершенно другие области — искусство, поп-музыка, известные люди и т. п. Тем не менее следует отметить, что использование политизированных ников — российская особенность, на Западе политиков можно увидеть скорее в сатирических комиксах, их имена редко встретишь в качестве чье-либо никнейма.

Рассматриваемые никнеймы позволяют говорить о том, что в англо- и франкоязычных чатах политизированные ники относятся к общей сфере функционирования политики, не затрагивая в большинстве случаев современных реалий. В русскоязычных чатах мы наблюдаем использование чаттерами имен современных политических лидеров, например: *Vova_Putin*, *ВВ_ПУТИН*, *мэрлужкоффф*. При этом, выбирая подобное имя, пользователь прибегает к всевозможным языковым трансформациям, а именно:

- усечение или использование аббревиации при создании имени;
- нарушение общепринятых норм орфографии;
- сочетание кириллицы и латиницы при написании имени.

Одним из условий регистрации в чате является выбор ника, который не существует в пределах данного чата, хотя данный ник может использоваться в другом чате. В связи с этим возникают варианты одного и того же личного имени, например, никнейма *Президент_в_чате*. Необходимо отметить, что подобные ситуации редки и воспринимаются участниками чата негативно.

Выделим ряд способов различения подобных имен в чат-коммуникации:

➤ использование цифр: ****Cleopatre20 / Cleopatre095*, *tonyB138390 / tony69*;

➤ изменение регистра написания (прописные и строчные буквы): *nApOLEOn / napoleon*;

➤ ввод дополнительных слов или символов (@, _, ^): *Crazy\$BUSH / CrazyBush*;

➤ нарушение орфографических норм и норм сочетаемости: *Президент_в_чате*, *Президент_чата*, *Призидент_в_чате*. Данный способ является типичным для русскоязычных чатов.

Графические средства в чатовой коммуникации выполняют особую роль, помогая чаттерам выделиться и быть непохожими на других. Общение в чате исключает аудиовизуальную составляющую, графический способ является основным в процессе взаимодействия участников виртуального общения. Ник, оформленный с использованием разнообразной графики и нарушениями норм орфографии, несомненно, более привлекателен для пользователей чата.

Рассмотрим особенности графики и орфографии политизированных ников, используемых в англо-, русско- и франкоязычных чатах.

Для русскоязычных чатов характерно разделение многословных ников на слова при помощи нижнего подчеркивания. Подобное написание слов в никах может служить для создания непонятого сочетания букв и попытки представить себя как таинственного и требующего познания пользователя, однако при внимательном прочтении загадка мгновенно раскрывается, пользователь с таким ником уже больше не является объектом пристального внимания:

ЧЕЧЕНСКИЙЛИДЕР_Я, они_убили_Кеннеди, СЛАВА_КПСС.

Другой характерной особенностью русскоязычных ников являются значительные нарушения норм орфографии. Относительно рассматриваемых никнеймов необходимо говорить о фонетическом написании фонем, находящихся в слабых позициях — в нашем случае безударной гласной: *призидент*.

Подобное использование графических средств и нарушение орфографических норм в англо- и франкоязычных чатах встречаются реже. Исследование показало, что пользователи этих чатов менее активны в выборе языковых средств при создании личного имени. Тем не менее в англо- и франкоязычных чатах при образовании ников чаттеры применяют кроме буквенных символов и другие знаки разных семиотических систем, например \$, ?, ** и др.: *&politician&, ^whitehouse^*.

Включение в ники непечатаемых символов, как правило, продиктовано желанием, с одной стороны, выделиться на фоне других собеседников, а с другой — продемонстрировать свои познания и умение использовать такие символы. Чаще всего использующие эти символы имеют редкие и необычные профессии, о существовании которых большинство людей даже не догадывается; пользователи с такими никами могут быть также очень хорошими специалистами в какой-то узкой области, где они достигли высокого мастерства и профессионализма.

Итак, различия в выборе никнеймов у англо-, русско- и франкоязычных пользователей объясняется возрастом коммуникантов и целями их нахождения в чат-пространстве. Возраст англо- и франкоязычных пользователей составляет 25—50 лет — это люди, которые при-

шли в виртуальное пространство с определенными целями (поиск партнера для общения или создания семьи). Российскому пользователю чатов от 13 до 30 лет, он находится в Сети для того, чтобы интересно провести время и развлечься, не ставя перед собой каких-то определенных целей. Именно эти два показателя во многом определяют форму и выбор виртуального имени. В англо- и франкоязычных чатах политизированные никнеймы более строги по форме и содержанию, чаттеры сдержанны в использовании графических средств, не нарушают нормы орфографии.

Таким образом, экспериментирование с собственной идентичностью — одна из самых притягательных возможностей чата. Человек может создавать себе фактически любую виртуальную личность, которая часто сильно отличается от реальной.

Никнеймы — это имена, применяемые в первую очередь для личного общения в виртуальном коммуникативном пространстве чата. В интернет-коммуникации ник обладает набором отличительных черт, среди которых — уникальность в границах одного домена, мотивированность для носителя, ситуационность создания. Ники заменяют личные имена людей, служат сокрытию реального имени и, следовательно, позволяют показать себя более раскрепощенным и независимым в интернет-пространстве. Именно виртуальное пространство позволяет личности создавать себе индивидуальное имя по собственным законам, комбинируя различные буквенные и графические символы. Все это побуждает пользователей к перевоплощениям, к попытке «надеть маски», представить себя в воображаемых, но желаемых образах.

ЛИТЕРАТУРА

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1998.

Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: моногр. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009.

Нестеров В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions> (дата обращения: 13.04.2008).

Нестеров В. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov> (дата обращения 13.04.2008).

Нестеров В. Что выплавляют из «тонн словесной руды», или Попытка реабилитации чатов. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/chat> (дата обращения 17.04.2008).

Супрун В. И. Развитие ономастического пространства Интернета // Ономастика Поволжья: мат-лы 9 Междунар. конф. по ономастике Поволжья. — М., 2004. С. 53—58.

Статью рекомендуют к публикации члены редколлегии Э. В. Будаев и Н. Б. Руженцева

Н. В. Барковская
Екатеринбург, Россия

**ПОСТСОВЕТСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
НАД СОВЕТСКИМ ДЕТСТВОМ**

(Э. Кочергин. «Крещённые крестами»;
Н. Нусинова. «Приключения Джерика»)

Аннотация. Мемуарные произведения Э. Кочергина и Н. Нусиновой воссоздают разные периоды советской истории (40-е и конец 60-х гг.) и разные социальные срезы (бесправный сын врагов народа и представители московской культурной элиты). Однако память высвечивает ряд общих и, следовательно, существенных характеристик советского общества: отчужденность государственной власти, идеологическое насилие, репрессированную национальность, пренебрежение отдельным «рядовым» человеком. Вместе с тем авторы утверждают «семейные» ценности — сострадание, любовь, верность, ответственность — как норму человеческой жизни, как условие формирования сознательной и честной гражданской позиции.

Ключевые слова: мемуары; идентичность; закрытое общество; советизмы; цензура; детство.

Сведения об авторе: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: n_barkovskaya@list.ru.

N. V. Barkovskaya
Ekaterinburg, Russia

**POST-SOVIET REFLEXION
ON SOVIET CHILDHOOD**

(E. Kochergin “Baptized with Crosses”;
N. Nusinova “Adventures of Jeric”)

Abstract. Memoirs by E. Kochergin and N. Nusinova reconstruct different periods of the Soviet history (the 40s-end of the 60s) and different social classes (a deprived of rights son of national enemies and a Moscow cultural elite representative). The memory outlines a group of general, and consequently essential, characteristics of the Soviet society: alienation of the government, ideological violence, nationalities subject to repressions, neglect of an ordinary individual. Alongside the authors point out family values — sympathy, love, fidelity, responsibility — as a norm of a human life, as a condition to form conscious and honest civic position.

Key words: memoirs; identity; closed society; sovietism; censorship; childhood.

About the author: Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Modern Russian Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В сегодняшней России, как во всех обществах переходного типа, наблюдается кризис идентичности, вызванный «коллективной травмой», возникшей в связи с распадом советской империи (об этом писали Ю. Левада, Л. Гудков, Н. Козлова, Б. Дубин, Л. Горалик и др.). Как отмечает Н. С. Смолина [Смолина 2009: 45], отношение к недавнему прошлому у постсоветского (взрослого) человека довольно противоречивое: советское наследие либо отвергается, либо становится предметом ностальгического умиления. У подростков представление о советском прошлом самое смутное, нередко искаженное. Проблема исторической памяти, пределов реинтерпретации истории, угроза «культурной амнезии» [Полищук 2009: 133], столь остро стоящая сегодня, — это проблема формирования сознательной гражданской позиции. Забвение прошлого (наряду с недоверием к власти и слабой идентичностью) обуславливает тот феномен социального молчания, который отмечал С. Ушакин [Ушакин 2010]. Не случайно в детско-подростковой литературе на исходе первого десятилетия нового века появились книги мемуарно-беллетристического характера, авторы которых стремятся непредвзято рассказать о советском прошлом, не идеализируя его, но и не подвергая огульному отрицанию. Это, как правило, рассказы о собст-

венном детстве, о семье, о первых столкновениях с жизнью — как известно, в культуре «закрытых» обществ именно частная жизнь могла служить приватным пространством «открытости», хотя и в весьма ограниченных пределах. Вспоминая прошлое, авторы воспроизводят характерный социальный дискурс, воспринимаемый с позиций сегодняшнего дня как язык, отчужденный от личности ребенка (поскольку родители дома говорили по-другому), но воспроизводящий идеологическую структуру советского общества. Данный аспект также актуален, так как сегодняшняя речь ребенка, наполненная рекламными слоганами, не менее отчуждена от него, навязана массовым обществом потребления. В одной из пьес К. Драгунской [Драгунская 2009: 35—36] есть образ ребенка, существующего полностью в «телереальности», не способного к адекватному общению со взрослыми, выпадающего из коммуникативной ситуации:

Дронова. Мальчик, хочешь яблоко?

Женщина (мальчику). Что надо сказать?

Мальчик (вскрикивая). Фирма «Ого» не подводит! У «МММ» нет проблем!

Женщина (в ужасе). Господи, опять!.. Кузя! Кузенька... Ты меня слышишь? Перестань, успокойся, милый...

Мальчик. Это Россия. Это совокупное достояние России. Это мы. Это сто шестьдесят миллионов...

Женщина (Дроновой, доверительно). Нездоров он у меня. Заболевание такое непонятное... <...> И слова человеческого от него не дождешься. Приступы какие-то...

Мальчик. Ваш ребенок плачет в ванной? Забудьте об этом! Шампунь «Джонсонз бэй беби»... <...> Просто мы работаем для вас. <...> Посмотрите, как он нравится собаке, посмотрите, в какой она форме! <...> Фирма «Партия». Вне политики, вне конкуренции... <...> Как не повезло яблоку, как повезло вам!

Идентичность не формируется изнутри однородной среды, необходимо знание и сопоставление себя с «другими», в избранном нами случае — с реалиями и дискурсами советской эпохи. (Разумеется, авторы ставили перед собой разные задачи, обращались к разной аудитории, что отразилось на жанрово-стилевом своеобразии их произведений, но для нас сейчас важна общая установка на воспоминания о собственном детстве.)

Э. Кочергин и Н. Нусинова вспоминают разные периоды истории: 40-е и 60-е гг. Повествование в книге Кочергина начинается в 1937 г., когда был арестован отец Степан («за кибернетику») и родился сам Эдуард; в 1939 г. была арестована мать-полячка (за «шпионаж»), мальчик отправлен в детский приемник НКВД под Омском, откуда он бежал летом 1945 г, чтобы вернуться в родной Ленинград — без денег и документов, ребенок добирался до Ленинграда шесть долгих лет; заканчивается книга встречей с матерью в 1951 г. В книге Нусиновой период «застоя» характеризуют такие реалии, как дефицит продуктов и товаров, партсобрания и отчетные доклады съездов, «глушилки» вражеских «голосов», невозможность свободного выезда за границу и осуждение «невозвращенцев». Дедушка пишет письма Брежневу, начинающиеся словами: «Молодой человек, вы идете по неправильному пути...»

Герои выбранных произведений принадлежат к абсолютно разным социальным слоям: сын врагов народа, отщепенец, бродяжка и поездной вор, постигший трудную науку выживания, на протяжении всего повествования лишенный собственного имени (сверстники зовут его «Степаныч» и «Тень»), — и внучка старого большевика, дочь киносценариста, москвичка, названная Натальей в честь героини Л. Толстого, основное огорчение которой — нежелание родителей завести собаку (вместо нее купили утят, оставленных по осени на даче в Кратово). Тем не менее это — разные периоды и разные слои одного, советского общества, поэтому в произведениях обнаруживаются схожие «точки памяти». Не случайно в обеих книгах воспроизводится карта СССР.

Оба автора — представители сегодняшней творческой интеллигенции. Эдуард Кочергин, главный художник Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова, Заслуженный деятель искусств, действительный член Российской академии художеств, лауреат государственных и международных премий, написал в

возрасте 72 лет свои «записки на коленках» — книгу «Крещённые крестами», ставшую лауреатом премии «Национальный бестселлер» в 2010 г. Наталья Нусинова — кинокритик, дочь киносценариста Ильи Нусинова (по его сценариям сняты фильмы «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Внимание, черепаха!» и др.), внучка литературоведа И. М. Нусинова; другой дед — персональный пенсионер союзного значения, старый большевик. Ее книга, адресованная «детям, которые любят собак и взрослым, которые все понимают», переведена на французский, итальянский, испанский и португальский языки. Оба автора посвящают книги памяти самых дорогих людей (матери, родителей, бабушки...), оба стремятся как можно точнее воспроизвести прошлое. Э. Кочергин указывает в предисловии: «...это записки про времена, когда вся страна была поставлена на колени. <...> это фрагментарные воспоминания пацанка, которому досталось прожить под победоносные марши в бушующей совдепии со всеми ее страшноватыми фиглями-миглями, как и множеству других подобных, немалое количество лет» [Кочергин 2009: 5]. Наталья Нусинова предупреждает: «...я стремилась передать с максимальной достоверностью <...> характеры людей, отношения, атмосферу той, ушедшей жизни, в которой многое было неправильно, смешно и дико, но вместе с тем кое-что оттуда мне очень дорого» [Нусинова 2009: 6]. Достоверность воссоздания эпохи подчеркивается помещенными в книгах фотографиями из личных архивов, а в книге Кочергина есть еще и тексты популярных песен о Сталине, фотографии вокзалов, солдат, эпизодов эвакуации, видов провинциальных городов, Ленинграда и др. Приводятся и детские фотографии самих авторов книг.

Несмотря на то что герои рассматриваемых книг относятся к противоположным социальным полюсам («низы» и «верхи»), в рассказанных историях можно обнаружить совпадающие моменты, которые будут характеризовать существенные признаки советской системы на разных этапах ее истории. Так, герои обеих книг сталкиваются с национализмом, проявлением ксенофобии. Бронислава Одынец («Крещённые крестами») репрессировали по обвинению в шпионаже именно потому, что она полячка. Мальчик, оказавшись в детприемнике НКВД, стал предметом насмешек («Что змеей пшекаешь, говори по-русски!»), замолчал и надолго забыл родной, польский язык. Наташу («Приключения Джерика») две сплетницы во дворе допрашивали, какой она национальности. Девочка ответила, что она москвичка. «Не-ет, — засмеялась трамвайщица. — Вот мама-то у тебя русская. А папа-то у тебя еврей!» Дома бабушка почему-то перепугалась, начала девочкам заплетать косы, приговаривая: «Да русские вы! Запомните раз и навсегда!» Однако дедушка (старый большевик) заметил: «Толку-то что.

Разве уберезьешь? Ты сама посмотри на них. Это ж прямо-таки Шолом Алейхем!» (73—74). И девочкам рассказали, что второго их деда, Исаака Марковича, репрессировали за книгу «Пушкин и мировая литература», обвинив в космополитизме, он и умер в тюрьме. Девочка спрашивает у бабушки, за что дедушку посадили. «Еврей он был», — объяснила бабушка. «А за это что, в тюрьму сажают?» — «Профессор он был». — «И за это сажают?» — «Ну что ты пристала, — рассердилась бабушка. — У нас за все сажают!». То, что звучит гиперболой в устах бабушки в книге Нусиновой, имеет буквальный смысл в материнском предостережении в финале книги «Крещённые крестами»: «Сын, будь осторожен, никому не говори, что с нами было. В этой стране легче посадить человека, чем дерево» (228). Илью (отца девочек) выгнали с работы как сына врага народа, но он от отца не отрекся, потом пошел на фронт добровольцем. В книге Кочергина рассказывается, что однажды в челюбинский детприемник привезли «фашистиков» — тощих детей, почему-то хорошо говоривших по-русски. Потом мальчик узнал, что это дети поволжских немцев, чьих родителей выслали в Казахстан.

Шовинизм показан именно как государственная политика. В «Крещённых крестами» мальчику помогали и казахи, и «лесной человек» Хантый, и китаец Ляо, и эстонец Томас Карлович, и жители Вологодчины — национальной отчужденности в простом народе нет.

Другой совпадающий момент — цензура, ограничивающая творческую свободу. Герой «Крещённых крестами», прося милостыню на перронах у военных, возвращающихся с фронта, выгибает из проволоки профили вождей — Ленина и Сталина, а его слепой друг в это время поет. Военные хвалят, щедро кормят ребят. Но уже в омском детприемнике начальница по кличке Жаба, рисовавшая портреты Сталина для местных военных чинов, сказала мальчику, чтобы он не смел гнуть профили вождей. Позднее на одном из вокзалов это занятие категорически запретил подошедший милиционер. Наконец, в вологодском детприемнике (уже в 1950-м г.) директор посадил мальчика в карцер, крича: «Я запрещаю тебе, мелкий преступник, прикасаться к образу вождя. Кто ты такой — отщепенец, сын отщепенцев! Какое ты имел право изображать вождя проволокой? Образ великого Сталина могут создавать только заслуженные товарищи-художники!» (198). Фильмы по сценариям Ильи Нусинова кладут на полку, их запрещает цензура (29). Он и его соавтор Семен Лунгин были «подписанты», т. е. подписали коллективное письмо в правительство в защиту инакомыслящих, из-за этого они долго оставались без работы. И вот они написали «добрую и невинную комедию» — «Внимание, черепаха!». Автор (бывшая девочка Наташа, от лица которой написана книга) комментирует: «Каково же было всеобщее удивление,

когда в Министерстве кинематографии начали говорить, что „Внимание, черепаха!“ — это наверняка намек на недавние события в Чехословакии: фильм про то, как большой советский танк пытается раздавить своими гусеницами маленькое беззащитное существо, название которого начинается на букву „Ч!“» (148).

Авторы обеих книг видят антинародную сущность государства. У Кочергина при изображении культа личности Сталина сочетаются трагедия и сатира. Малыши в ДП под Омском наивно рассуждали: «Вожди могут быть людьми или должны быть только вождями, и обязательны ли им усы? — Кто лучше: шпион или враг народа? Или одинаково все это? Мы же — все вместе. <...> Почему товарищ Ленин — дедушка? Ведь у него не было внуков. Может быть, потому, что у него борода, или потому, что он умер? — Товарищ Сталин — друг всех детей. Значит, и наш друг?» (16). Постепенно к мальчику приходит понимание истинного положения вещей. В финале рассказчик разглядывает роскошный портрет Сталина в ленинградском отделении милиции («энкавэдешном парадняке») на площади Урицкого (Дворцовой): у него был «знакомый мне улыбочатый прищур мокрушника» (222). Сама площадь с аркой Штаба напоминала парадный китель главного военного прокурора (226). Таким образом, центр Ленинграда, некогда — центр Российской империи, ассоциируется у мальчика с государственным насилием: «По нашим пацанским понятиям, прокурор — самый главный начальник над человеками, как царь, но цари отошли в сказку, а прокуроры остались. В блатном мире их кличут дворниками. Может быть, в честь этих дворцов, где они паханствуют?» (220).

В книге Нусиновой, действие которой отнесено к 60-м гг., ирония мягче (да и адресована книга детям), но направлена не только в адрес культа Сталина, но и советского проекта в целом. Иронично изображен дедушка, старый большевик, которому хотелось бы выглядеть грозным и значительным, но которого легко усмиряет бабушка. Или, например, смешной эпизод разговора дедушки с коммунистами из Ташкента. Дед спрашивает, как обстоят дела у них в партячке, есть ли отдельные перегибы. Улыбающийся узбек заверяет: «Конечно есть, как можно, чтоб не было! У нас в Узбекистане все есть». «И какие же именно?» — волнуется дедушка. Гость перечисляет: «Спелые, сочные...» (72). В конце книги приводится «Список трудных и советских слов», где реалии советского прошлого комментируются сначала с точки зрения ребенка, а потом (курсивом) с постсоветских позиций автора, например: «„Центральное отопление“ — это если не сам себе печку топишь, а топят где-то там, наверное, в КОМПАРТИИ (их потому так и называют — ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ), — они себе топят, а у людей от этого раскаляются батареи и болит голова» (136). Или: «Партсобрание — это

когда старые или не очень старые большевики собираются вместе, чтобы обсудить партийные вопросы, и одни выступают, а другие в это время спят или тихонечко ссорятся друг с другом» (146).

В обеих книгах отмечается закрытость советского общества: родители Наташи ликуют, получив уникальную возможность поехать вдвоем в «полукапиталистическую» Югославию; конечно, им пришлось пройти «выездную комиссию», на которой «с треском проваливали» тех, кто не знал наизусть отчетный доклад съезда или число орденов комсомола, а выпускали только тех, кто сможет дать отпор буржуазной пропаганде (159). Гораздо более жестко сказано в книге Кочергина — характеризуя субординацию в детской колонии, рассказчик говорит, что она организована по принципу «Крестов» — знаменитой питерской тюрьмы: пахан — воры в законе — ссучившиеся воры — шестерки — фраера — петухи-парашники, а затем добавляет: «Все как в настоящем государстве...» (209). Автобиографический герой книги бежит и бежит из приемников, похожих на детские тюрьмы, бежит на волю, домой. Правда, как мы уже отмечали, в центре Ленинграда он видит «энкавэдешный парадняк».

В закрытом обществе формируется свой жаргон, свои дискурсы, отражающие практику коммуникативного насилия.

С началом своих мытарств мальчик в книге Кочергина забывает польский язык. В детприемнике он долго не говорит по-русски, и первые его словами стала нецензурная брань, адресованная хулигану, пытавшемуся завладеть в столовой порциями голодных сирот. Потом мальчик пересек самые разные регионы взбодраженной войной страны (Сибирь — Казахстан — Курган — Челябинск — Кыштым — Уфалей — Молотов (Пермь) — Киров (Вятка) — Вологда — Тарту — Ленинград), встречался с самыми разными людьми, на зиму оказывался каждый раз в новом детприемнике. И везде универсальным языком общения, в том числе и с надзирателями, оказывалась «феня» — воровской жаргон. Пригодилась феня и потом, во время жизни на Васильевском острове, среди деклассированных людей «дна», поскольку отбывшая заключение мать не могла найти работу. В пронзительную сцену встречи матери с сыном, после 12 лет разлуки, вмешивается «чистенький капитан» милиции: «Что ты ему пшекаешь? Ботай с ним по фене, он в этом языке больше разбирается». И мать, оставив польский язык, нарочито вежливо спросила капитана: «А вы, гражданин начальник, на моего пацанка какую-нибудь ксиву дадите?» (225).

Не менее отчужденным от нормального человеческого общения выглядят в книге Нусиновой советизмы, выделенные в тексте и иронически поясненные в «словарике», помещенном в конце книги. *Коммуналка, уплотнение, примус, дефицит, сознательность, несознатель-*

ные элементы, октябрюта, тимуровцы, ЦК, съезд партии, партсобрание, Устав партии, Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, воздействовать, поставить в пример, прояснить ситуацию, сын врага народа, космополитизм, проявить инициативу, общественное благо — эти слова непонятны современным детям, как, впрочем, не были понятны и Наташе, выписывавшей их в особую тетрадку.

Наконец, главной ценностью в обеих книгах представлен мир семьи, где людей связывают любовь и забота, тот «кокон шелкопряда», по выражению Нусиновой, который окружает детей в семье и защищает потом во взрослой жизни. Дома говорят на родном языке: таковы поговорки и народные словечки, обращения к Богу в речи бабушки — верной жены старого большевика; страшную «выездную комиссию» мать Наташи смогла пройти именно благодаря человеческому общению с ее членами, в которых она увидела просто старых и не очень счастливых людей; на ласковом польском языке матери Эдуард вдруг заговорил в беспамятстве, избиваемый надзирателями, и это неожиданно спасло ему жизнь. В книге Нусиновой пес Джерик нашел новых хозяев, новую семью; мальчик в книге Кочергина снова обрел мать. Последняя фраза в книге Н. Нусиновой гласит: «А семья — это, что ни говори, такая ответственность!..» (133).

Таким образом, воспоминания о советском детстве, столь различные по содержанию и тональности, одинаково опровергают идею социальной однородности советского народа, показывают, насколько сложной и внутренне противоречивой была та эпоха, утверждают приоритет общечеловеческих нравственных ценностей. Живая связь поколений и память — способы формирования честной и сознательной личностной позиции, механизмы социализации постсоветского человека.

ЛИТЕРАТУРА

Драгунская К. В. Пить, петь, плакать: пьесы. — М.: Время, 2009.

Кочергин Э. Крещённые крестами: записки на коленках. — СПб.: ВИТА-НОВА, 2009 [страницы по этому изданию указываются в тексте статьи].

Нусинова Н. Приключения Джерика: автобиографическая повесть. 2-е изд. — М.: Самокат, 2009 [страницы по этому изданию указываются в тексте статьи].

Полищук Я. А. Калькуляция советского прошлого в современной украинской беллетристике // Советское прошлое и культура настоящего: моногр.: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2009. Т. 1.

Смолина Н. С. Советская эпоха в современном интернет-пространстве: проблематизация коллективной идентичности поколения тридцатилетних // Советское прошлое и культура настоящего: моногр.: в 2 т. / под ред. Н. А. Купиной, О. А. Михайловой; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2009. Т. 1.

Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // НЛЮ. 2010. № 100.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Н. Б. Руженцева и доцент М. Б. Ворошилова

А. В. Варзин
Шуя, Россия

A. V. Varzin
Shuya, Russia

**«СВОБОДА» В СЛОВАРНОЙ ФИКСАЦИИ
XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА:
ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВ
ПОД ВЛИЯНИЕМ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

**'FREEDOM' IN VOCABULARIES
OF THE 19-TH — BEGINNING OF THE 20-TH
CENTURIES: REFLECTION
OF SENSES TRANSFORMATION
UNDER THE INFLUENCE
OF LIBERAL IDEOLOGY**

Аннотация. *Анализируются изменения, произошедшие в понимании феномена свободы в период XIX—начала XX вв. Материалом исследования служат данные толковых, энциклопедических, исторических и этимологических словарей. Наряду с анализом отечественной лексикографии проводится сопоставительное изучение зарубежных лексикографических изданий. Отмечаются идеологически обусловленные изменения в национальном понимании свободы и общеевропейская тенденция к унификации трактовки свободы в свете либеральной идеологии.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of changes happened in understanding of freedom's phenomenon during the 19-th - beginning of the 20-th centuries. The materials for analysis are the data from glossaries, encyclopedic dictionaries, historical and etymological dictionaries. Alongside with the analysis of the Russian lexicography, comparative investigation of foreign lexicography was undertaken. Ideological caused changes in national understanding of freedom and common European unification trend of freedom interpretation under the influence of liberal ideology were mentioned.*

Ключевые слова: свобода; словари; концепт; идеология.

Key words: freedom; dictionaries; concept; ideology.

Сведения об авторе: Варзин Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики обучения.

About the author: Varzin Alexey Vladimirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching.

Место работы: ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет».

Place of employment: Shuya State Pedagogical University.

Контактная информация: 155908, Ивановская обл., г. Шуя, ул. Кооперативная, д. 24, корп. 4, к. 210.
e-mail: alex.varzin@yandex.ru.

«Слово „свобода“ до сих пор кажется переводом французского *liberté*. Но никто не может оспаривать русскости „воли“, — утверждал в 1945 г. в статье «Россия и свобода» Г. П. Федотов [Федотов 2002]. Цитата эта нередко становится аргументом в современных философских и политических спорах, в рассуждениях о чуждости свободы русскому духу, о «русской воле» и о «русском рабстве». Лингвоспецифичность смыслов, соотносимых со словом *воля*, казалось бы, побуждает к утверждению знака равенства между идеалом *воли* и русским восприятием *свободы*. Однако реальная языковая картина несколько сложнее. Нельзя игнорировать тот факт, что в современном речевом употреблении слово *воля* в качестве синонима *свободы* практически не используется [Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 1999]. Исключение составляют контексты, связанные с характеристикой жизни вне тюрьмы или с поэтической стилизацией. Слово *воля* актуализируется преимущественно в значении одного из свойств человеческой психики, связанного с желаниями и их осуществлением. Соответственно, анализируя утверждения, подобные тезису Г. П. Федотова, мы не можем забывать о том, что они являются результатом *философской интерпретации* концепта конкретными носителями языка — момент, заметим, важный и заслуживающий

отдельного пристального рассмотрения. Необходимость учитывать фактор мировоззрения ставит в центр нашего внимания сложную проблему взаимосвязей языка, общества, политики и культуры.

Отметим в этой связи важность этимологической информации и замечаний историков языка. Русская лексема *свобода* историческими корнями уходит в праиндоевропейские времена. Слово это общеславянское (ср. укр. *свобода*, болг. *свобода*, польск. *swoboda*, *swieboda*, словц. *sloboda* и т. д.). Этимологические словари [Преображенский 1958; Фасмер 1986—1987; Черных 1994; Шанский 1975] склонны трактовать его как однокоренное с местоимением *свой* (образовано с помощью собирательного суффикса *-od(a)*). Праславянское **sveboda* («свобода») было собирательным именованием всех совместно живущих членов рода, включая и тех, кто не имел родства по крови, — т. е. всех «своих». На Древней Руси наряду с книжным *свобода* существовал разговорный вариант — *слобѡда*, а затем *слободá*, закрепивший за собой значение «поселок» [СлРЯ XI—XVII].

Воля — слово индоевропейское по своему происхождению (ср. нем. *Wille*, *wollen*), изначально оно было связано с семантикой «желание» (это значение первым фиксирует «Словарь русского языка XI—XVII вв.» [СлРЯ XI—

XVII; см. также Срезневский 1890—1912]), но желание это мыслилось специфически. Средневековое сознание иерархично. В нем *воля* принадлежит единому Богу: человек принимает ее как свое желание и выступает ее проводником. «Божьей воли не переволишь», — гласит пословица. Постепенно слово *воля* стало обозначать любое желание, утрачивая первоначальный смысл. Народная мудрость, однако, помнит исходное значение: «Много у черта силы, да воли нет». Ослабление сакрального смысла приводит к появлению соотносительности *воли* с повелениями сначала земного властелина, а затем и хозяина вообще. Однако проявление воли неизменно остается в иерархических рамках. «Сколько бы мы ни взяли примеров из древних текстов, общим смысловым элементом всех выражений, связанных со словом „воля“, будет один: по собственной воле исполняют только высокую волю другого, в свою очередь становясь воплощением воли Божьей или (для язычника это точнее) воли рока», — замечает В. В. Колесов [Колесов 1986]. Дальнейшее развитие значений слова таково: *воля* — «независимость, право свободы действий» — «право, власть». Выражение «*жити на (во) своей воли*» означало «пользоваться свободой, ни от кого не зависеть» [СлРЯ XI—XVII]. Важным является то, что слово *воля* здесь одновременно содержит смыслы «желание» и «свобода». В. В. Колесову представляется показательным, что первые употребления с таким поворотом значения зафиксированы в Великом Новгороде с его республиканскими традициями. «Подобная трактовка воли, — замечает исследователь, — долгое время огорчала московских государей: воля должна быть одна, хотя возможна ее передача из рук в руки — последовательно, до самого низа, где воля сходит на нет, и остается одна свобода волю эту принять» [Колесов 1986: 115]. Соответственно, становятся во многом понятны и причины притягательности *воли* для участников крестьянских бунтов. Крепостное право, оформлявшееся постепенно (Судебником 1497 г., указами о заповедных летах и урочных летах и, наконец, Соборным уложением 1649 г.), не меняло поначалу характер взаимоотношений внутри общины, но приносило новые отношения отдельного лица со всевластным государством в рамках иерархической подчиненности. Именно отсюда и вырастает представление о ценности личной *воли*, понимаемой как полная независимость от чужой *власти*.

Таким образом, с историко-этимологической точки зрения не только «*воля*», но и «свобода» — понятие исконно русское. Утверждения о чуждости для русского национального сознания смыслов, соотносимых со словом *свобода*, истекать, очевидно, из богатой книжной традиции употребления этого слова, способствовавшей проекции на него плана содержания иноязычных концептов. Языковые ощущения носи-

теля языка могут отражать и произошедшие в XIX столетии изменения в национальном понимании свободы, тесно связанные с изменениями мировосприятия в целом. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии, декабристы, народничество, либерализм и отмена крепостного права — все эти факты отечественной истории непосредственно повлияли на содержание и план выражения концепта в сознании носителей языка.

Материалом для дальнейшего исследования в настоящей работе выступят русские и европейские (в первую очередь немецкие) словари и энциклопедии XIX — начала XX вв. Приступая к анализу отображения концептуального пространства «свобода» в сфере словарной фиксации, мы ставим перед собой следующие основные задачи:

1) установить соотношение основных имен концептуального поля *свобода* и *воля* в языковом сознании носителя русского языка в рассматриваемый период;

2) определить ключевые тенденции разветвления концептуального содержания в рассматриваемый период;

3) сопоставить эти тенденции с процессами изменений близких *свободе* и *воле* иноязычных концептов.

Проведенный нами анализ отечественной лексикографии XIX столетия позволяет говорить о существенной близости содержания лексических понятий *свобода* и *воля* в русском языковом сознании этого периода. Помимо общей близости дефиниций, отмечается активность использования в толкованиях *свободы* и *воли* семантики соотносимого слова, т. е. содержание слова *воля* разъясняется через семантику *свободы*, а *свобода* определяется через *волю*.

Выявляются и некоторые особенности толкований. Слово *воля* в первую очередь ассоциируется не с отсутствием ограничений и «возможностью действовать по-своему», а со способностью к самостоятельному целеполаганию и настойчивостью в осуществлении задуманного. *Свобода*, напротив, определяется через семантику «возможности» и «независимости». Происходит своеобразное «перераспределение функций» в отображении соответствующего «кванта» ментальной реальности.

При экспликации семантической структуры слова *воля* социально-политическая составляющая в сравнении с определениями слова *свобода* выглядит явно смягченной (ср.: *свобода* — «независимость от господства или избавление от рабства или плена» и *воля* — «свобода от зависимости, от обязанности» в «Словаре церковнославянского и русского языка» [1847]). В толкованиях *воли* не используются антонимы *рабство*, *кабала*, *крепость* (крепостное состояние), хотя иллюстрации могут их и актуализировать. В итоге *воля* не выглядит столь объемным понятием, как *свобода*, ассоциируясь с соци-

альным положением конкретной личности (причем это характерно как для дореформенных, так и для вышедших после 1861 г. изданий). В то же время у деривата *вольный* значение «некрепостной» фиксируется (в общем контексте «имеющий право располагать сам собою»). Ситуацию отчасти объясняет реальная стратость употреблений имен концепта: в XIX в. слово *воля* уже воспринималось как народное, «природное» именование, следствием чего была активность употребления этой лексемы в контекстах поэтических стилизаций. В результате, например, словарь Академии наук под редакцией Я. К. Грота [Вып. 1, 1891] выделяет в отдельную статью слово *волюшка*.

В аспекте социального бытования гораздо существеннее фактическое вытеснение лексемой *свобода* третьего имени концепта — *вольность*. Настоящее знамя социально-политических преобразований XVIII в., связанных с «Указом о вольности дворянства», слово *вольность* в XIX в. явно отходит на второй план, превращаясь в архаизм или поэтизм [Лисицын 1996]. Ни *свобода*, ни *воля* не определяются через семантику *вольности*. Налицо идеологически обусловленные изменения в национальном понимании свободы. *Вольность* как основное имя концептуального поля в XVIII в. ассоциировалась с *привилегией*. Наполненное новыми смыслами слово *свобода* соотносится с выстраивающейся общеевропейской концептуализацией *свободы* как *всеобщего права*.

Революция во Франции и Наполеоновские войны произвели настоящий переворот в сознании не только французов, но и европейцев в целом. Новое осмысление свободы связывалось прежде всего со знаменитым лозунгом Великой французской революции «Свобода! Равенство! Братство!» (*Liberté! Egalité! Fraternité!*), сформулированным на основании Декларации прав человека и гражданина в 1789 г. и ставшим официальным девизом Французской республики с 1792 г. Процесс, однако, не был одномоментным и линейно-всеобщим. Буржуазные «свободы» изначально по сути своей оставались привилегиями. Это отразилось и в лексикографии, в частности немецкой.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза [Brockhaus 1854—1856], изданный в Лейпциге в середине 50-х, объективно фиксирует грозные «*Liberté, égalité*»: *Freiheit und Gleichheit, Ausruf der franz. Revolutionsmänner*. — ‘Свобода и равенство, лозунг французских революционеров’. Однако позднее словари Зандерса [Sanders 1860] и братьев Гримм [Grimm 1878] в статьях «*Freiheit*» при определении соответствующего значения апеллируют к семантике права (*Recht*) как привилегии (*Privilegium*).

Показательны, впрочем, различия в трактовке свободы в этом значении слова *Freiheit*. В словаре братьев Гримм говорится о «полной свободе» (*die volle Freiheit*); Д. Зандерс, напро-

тив, акцентирует наше внимание на отдельных «освобождениях» (*Befreiungen*), противопоставляя их «всеобщей» (*allgemeinte*) свободе. Последняя номинируется как «*die Freiheit*», а свобода-привилегия — как «*eine Freiheit*» (одна из однородного множества «*Freiheiten*» — свобод). Словарь Д. Зандерса особо подчеркивает различия в употреблении *Freiheit* с определенным и *Freiheit* с неопределенным артиклями: «*Man beachte den Unterschied zwischen: Die F. [allgem., Ggsß.: Sklaverei, Knechtschaft, und so auch personificiert = die Göttin der F.] und: Eine F., F-en. — die F. von Abgaben, Steuer, Schulden, Geschäften u. so auch: Abgaben = Steuer = F.u.a.m.*». — ‘Соблюдают различие между *die Freiheit* (всеобщая свобода, в противоположность рабству (*Sklaverei*), кабале (*Knechtschaft*); а также персонифицированно — богиня Свободы) и *eine Freiheit* (единичное освобождение), *Freiheiten* (свободы: свобода от сборов, налогов, долга, дел, а также свобода от пошлин, налоговая свобода и т. п.)’. Дефиниция поддерживается иллюстрациями: *Der Unterschied zwischen F. und F-en ist so groß als zwischen Gott und Göttern. — Разница между свободой и свободами так же велика, как между Богом и богами*. Пример достаточно удачно разъясняет тонкость отмечаемого лексикографом различия. *Свобода*, номинируемая формой единственного числа с определенным артиклем, уподобляется Богу как Абсолюту, стоящему над миром и не допускающему ограничения в силу собственного всемогущества. *Бог* един, форма множественного числа «*боги*» служит планом выражения принципиально иного представления о сверхъестественном. Многобожие убивает идею всемогущества: языческий бог — лишь «один из...», он не всевластен. По представлению язычника, над богами так же, как и над простыми смертными, довлеет Судьба. Уподобляемая языческому богу *eine Freiheit*, будучи осмысленной как единица «класса» свобод (*Freiheiten*), теряет метафизическую значительность *die Freiheit* — свободы, противостоящей концепту «*судьба*» («*Schicksal*»): *So hat auch der Mensch eine doppelte Bewegung, eine besondere und eine allgemeine. Diese reißt ihn unaufhaltsam fort, es ist sein Schicksal, jene wird von seinem Willen bestimmt, es ist die Freiheit. (Börne) — Таким образом, у человека — два пути: один особый и один всеобщий. Один неудержимо его увлекает, это его судьба; другой определен его волей, это свобода (Бёрне)*.

Срабатывает логический закон, согласно которому с увеличением содержания уменьшается объем понятия. Представление о классе свобод расширяется через демонстрацию синтагматики слова *Freiheit*. Накладывание дополнительных признаков снимает глобализм безатрибутивной *Freiheit*, но выстраивающийся ряд впечатляет охватом внеязыковых реалий: *Bürgerliche, Staatliche, physische, moralische F., die F. der Bewegung* — гражданская, государст-

венная, физическая, моральная свобода, свобода движения (передвижения). *Die Freiheit der Gedanken, der Geistes, der Gewerbe, des Gewissens, des Glaubens, des Handels, der Messe, der Presse, der Religion, des Willens.* — 'Свобода мысли, духа, промысла, совести, вероисповедания, торговли, мессы, прессы, религии, воли'.

Многоликость плана выражения закрепляет плюралистический характер концептуального содержания. Такое восприятие соответствующего «кванта» ментальной реальности не ограничивается рамками отдельного языка. Здесь работают законы общественно-политического развития, всеобщая капитализация и «брожение умов». Показателен в этом плане еще один пример из словаря Д. Зандерса: «*Freiheit von Nationaliteit*» (Фихте) — «свобода от национально-тщеславия» (Фихте). «Свободы» получают прочную прописку в европейских языках. Подтвердим это примерами из английского и французского языков, используя такие лексикографические издания, как «*The Imperial Dictionary of the English Language*» [1862] и «*Dictionnaire de l'Académie Française*» [1862]. Словари демонстрируют сближение определений, хотя во французском издании примеров значительно больше.

«Европеизацию» концепта в России отражают отечественные словари и энциклопедии XIX — начала XX вв. В центре внимания авторов — свобода как общечеловеческая ценность, и интерпретируется она на основе европейского философского и социально-политического опыта. Показательны в этом плане отсылки в конце словарных толкований. Словарь Ф. Толля [Толль 1863—1864] и приводящий ту же статью «Свобода» (в несколько расширенном варианте) «Русский энциклопедический словарь» И. Н. Березина [Березин 1873—1879] отправляют читателя к работам Жюль Симона «*De la liberté*» и Дж. Лилля «*On liberty*»; более поздняя «Большая энциклопедия» под ред. С. Н. Южакова [1903—1909] ориентирована на немецкое наследие. Содержание западных концептов проецируется на русскую языковую почву и в силу мощнейшего влияния на национальное языковое сознание западных философских концепций. Историю учения о свободе воли подробно излагает автор статьи «Свобода» в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона [Брокгауз 1890—1907, Брокгауз 1907—1909] Владимир Соловьёв, охвативший период от Сократа до своего времени. Дополняет общую картину изложение взглядов на свободу Спинозы (в словаре И. Н. Березина и энциклопедии С. Н. Южакова) и Гоббса (в энциклопедии С. Н. Южакова).

При экспликации *свободы* энциклопедические словари акцентируют внимание на *семе действия* (движения). *Свобода* ассоциируется с действием, наделенным атрибутом произвольности (ср. у Ф. Толля и И. Н. Березина: «Возможность действовать по своему усмотрению»). При определении через синоним используется

исключительно лексема *независимость*. Соотношение с *волей* как именем концепта не фиксируется, хотя в психологическом и этимологически первичном («желание, хотение») значениях слово *воля* достаточно активно на уровне уже развернутой экспликации «кванта» ментальной реальности, репрезентируемого лексемой *свобода*. Слово *воля* выступает здесь и как самостоятельная единица, и как часть устойчивого терминологического сочетания «*свобода воли*». Наконец, третьей составляющей определений является подчеркиваемое отсутствие принуждения (ср.: «*Свобода* — название состояния независимости, обуславливающегося отсутствием принуждения и произвольным движением» [Южаков 1903—1909]).

В целом дефиниции, предлагаемые энциклопедическими изданиями, вполне соотносимы с выстраивающимся общеевропейским пониманием свободы как феномена (ср. в [Brockhaus 1854—1856]: «*Freiheit* обозначает прежде всего состояние независимости, возможность беспрепятственного (*ungehinderter*) и ничем не сдерживаемого (*ungehemmter*) движения»).

The Imperial Dictionary, 1862 (англ.)	Dictionnaire de l'Académie Française, 1862 (фр.)
Natural liberty	Liberté naturelle
Civil liberty	Liberté civile
Political liberty	Liberté politique
	Liberté de conscience
Religion liberty	Liberté des cultes
	Liberté de penser
	Liberté d'écrire
Liberty of the press	Liberté de la press
	Liberté individuelle
	Liberté du commerce
	Liberté des mers

Обращает на себя внимание «социологизация» толкований. В структуру дефиниции включается сугубо оценочный сегмент, актуализирующий именно социальную природу свободы. В [Толль 1863—1864] и [Березин 1873—1879] определение в целом выглядит как «возможность действовать по своему усмотрению, одно из первых и необходимых условий развития человечества». С. Н. Южаков [1903—1909] не актуализирует «социально-оценочной» составляющей дефиниции, но подробное раскрытие сути феномена свободы начинает с трактовки представлений, стоящих за сочетанием «*политическая свобода*».

Статьи энциклопедических изданий объемно развертывают положения определений. Последовательно выражается идея включенности в представление о свободе компонента ограниченности, обуславливающегося сознанием иерархической подчиненности субъекта, состояние которого номинируется лексемой *свобода*. Ср. толкования синтагмы «*свобода воли*» в словаре Брокгауза и сочетания «*политическая свобода*» [Южаков 1903—1909] (курсив в примерах мой. — А. В.):

«Свобода воли = свобода выбора — от времени Сократа и доселе спорный в философии и богословии вопрос, который при объективной логической постановке сводится к общему вопросу об истинном отношении между индивидуальным существом и универсальным, или о степени и способе *зависимости* частичного бытия от всецелого».

«Политическая свобода состоит в том, чтобы государство управлялось не усмотрением отдельных лиц, а возведенной на степень закона общей волей всех членов государства; следовательно, свобода — не отсутствие всякого стеснения и возможность делать всё что хочется, но добровольное *подчинение* собственной воли общей воле государства — закону».

Обратим внимание на ключевые слова дефиниций — *зависимость* и *подчинение*. Референтная ситуация и в том, и в другом случае являет несколько иную картину не только в сравнении с «полным отсутствием ограничений», но даже и с более нейтральной формулой словарей Ф. Толля и И. Н. Березина «возможность действовать по своему усмотрению». *Усмотрение* предполагает учёт фактора подчинения (пусть и «добровольного»), или объективной зависимости по бытию.

Эксплицируемая картина близка к определению концепта *свобода*, предложенному А. Д. Кошелевым:

«Свобода X-а =

а) X находится в иерархически подчиненной роли к Y-у;

б) X реально имеет некоторую область выбора, ограниченную Y-м;

в) по мнению говорящего, область выбора X-а нормативна» [Кошелев 1991].

Поясним, что, к примеру, определение *свободы воли* в словаре Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона устанавливает соответствия: X = индивидуальное существо, Y = существо универсальное. Дешифрация *политической свободы* у С. Н. Южакова [Южаков 1903—1909] предполагает рассмотрение в качестве X-а «*собственной воли [лица]*», а в качестве Y-а — *закона* как «*собственной воли государства*».

Отмечаемой тенденции не противоречит и экспликация «*свободы воли*» в словаре И. Н. Березина (отсутствующая в более раннем словаре Ф. Толля): «Под свободой воли, говоря просто, разумеется такое проявление нашего душевного начала или такое произведение им перемен в положении своем и вещей, его окружающих, источник которого полагается в нем самом, в его самовозбуждении, по совершившемся в нем выбору такого или другого проявления деятельности» [Березин 1873—1875]. Предлагая такую формулировку, автор уточняет далее: «Признанием в нас свободы воли нисколько не исключается, во-первых, ограниченность ее, во-вторых, необходимость внутреннего развития для достижения правильного сознания своей свободы и употребления ее».

В итоге «*свобода воли*» предстает как «проявление душевного начала» на основе собственного *выбора*, ограниченного некими рамками, суть которых раскрывается далее: «В каком бы роде сообщества ни выражалась свобода, она требует гармонии с общими законами и высшими инстинктами, связующими всех людей, значит, требует уважения к закону и правам ближнего».

В контексте апелляции к «правам ближнего» любопытна формулировка, предлагаемая изданием второй четверти XIX в. — «Словарем физического и нравственного воспитания» князя Парфения Енгальчева. В современном понимании словарь этот близок к жанру педагогической энциклопедии. Педагогический момент явлен уже на уровне дефиниции: «Свобода есть право человека поступать по своему благоусмотрению во всем том, *что не вредит другим людям*» [Енгальчев 1827: 76]. Идея рамочности *свободы* поддерживается и на уровне иллюстраций словаря Енгальчева (попутно еще раз отметим ориентацию на европейский исторический и философский опыт и античную философию как его часть): «*Что такое свобода? — говорит Цицерон. — Это возможность жить по своей воле. Кто же так живет? Не тот ли, кто, любя правду и обязанность свою, имеет в виду цель сей жизни; кто, не страшась законов, благоволит перед ними и почитает их спасительными; кто, обожая одну добродетель, равнодушен ко всем драгоценностям, торжествует над непостоянным и коварным счастьем и сам, так сказать, управляет судьбою*». Таким образом, словарь Енгальчева устанавливает ассоциации *свободы* с ограничивающими ее *правдой* и *обязанностью*, *законами* и *добродетелью*.

В целом анализ статей энциклопедических словарей различных исторических эпох — от второй половины 20-х гг. XIX в. до первой половины 10-х гг. XX в. — выявляет неизменность такого момента рефлексии, как стремление обозначить границы свободы. Это проявляется в совмещении фактора самоопределения с фактором «другого», с которым (которыми) самоопределяющийся связан отношениями иерархического подчинения — объективного или субъективного (т. е. устанавливаемого добровольно).

Соотнесение свободы с «нормативной областью выбора» — основа семантики «свобод». Показательно в этом плане замечание из словаря Брокгауза — Ефрона (в первой части оно может показаться противоречащим постановке вопроса о свободе воли, предлагаемой в соответствующей статье того же издания): «Свобода в юридическом смысле этого слова не имеет ничего общего со свободой в смысле философском (см. свобода воли); последняя противопоставляется причинности, тогда как первая нисколько не отрицает ее, она требует только независимости человека от стеснения какими-

либо чисто физическими воздействиями извне не на волю, а на проявление воли, на деятельность» [Брокгауз 1890—1907]. Представление о свободе как независимости в какой-либо сфере деятельности преломляется в дефинициях политических свобод. В изданиях [Толль 1863—1864] и [Березин 1873—1879] говорится о «трех видах свобод, присущих человеку» — *свободе мысли, свободе действия и свободе совести*; кроме того, в словаре И. Н. Березина демонстрируется сегментация представлений об экономической свободе: «С экономической точки зрения свободой называется свобода труда, конкуренция, свобода мены, свобода торговли». Перечень этих эксплицируемых словарями понятий сохраняется в словарях Брокгауза — Ефрона и Павленкова [Павленков 1913] (в [Южаков 1903—1909] политические свободы не рассматриваются) с небольшими вариациями, что вполне вписывается в русло либеральной европейской традиции интерпретации свободы.

Атрибутированная свобода категоризуется как *законное право* и предполагает наличие конкретных границ. Последние обусловлены равенством прав граждан. В функции *У-а* здесь выступают *общественные интересы, закон* как воля государства. «Политическая свобода есть всегда принадлежность не отдельной человеческой личности, а целой политической организации, — читаем в [Брокгауз 1890—1907], — личная свобода требует, наоборот, именно разграничения сфер прав отдельной личности и прав государства». Разграничение базируется на *признании* того или иного *права* — момент, неизменно эксплицируемый энциклопедическими изданиями. Ср.: «Свобода совести или верований составляет принцип признания за каждым иметь убеждения, расходящиеся с государственными убеждениями» [Толль 1863—1864]; «свобода совести или верований состоит в признании за каждым права иметь свои верования и убеждения, хотя бы они расходились с господствующими убеждениями» [Павленков 1913].

Социум признает права личности, но практическая реализация этих прав возможна только на условиях компромисса. Именно конвенциональность общественных свобод делает их рамочными, т. е. ограниченными нормативной областью выбора, выход за пределы которой уже не рассматривается как свобода: «Свобода действия в обществе ограничивается только точно такую же свободой другого лица, в государстве — преданиями и законами» [Толль 1863—1864; Березин 1873—1879]; «Свобода труда или конкуренция, соперничество, естественное право человека заниматься сподручным ему промыслом, покупать и продавать где ему угодно или где выгодно без административных или фискальных стеснений при единственном условии — не вредить другим» [Березин 1873—1879].

В целом анализ словарных статей выявляет следующие закономерности.

1. Языковой период XIX — начала XX вв. являет ситуацию безусловного вытеснения слова *вольность* и уменьшения значимости лексемы *воля* в качестве основных имен концепта.

2. Происходит насыщение объема и содержания слова *свобода* и выдвигание его на первые роли в концептуальном плане выражения.

3. Слово *воля* в первую очередь ассоциируется не с отсутствием ограничений и «возможностью действовать по-своему», а со способностью к самостоятельному целеполаганию и настойчивостью в осуществлении задуманного. *Свобода*, напротив, определяется через семантику *возможности* и *независимости*. Происходит своеобразное «перераспределение функций» в отображении соответствующего «кванта» ментальной реальности.

4. Налицо идеологически обусловленные изменения в национальном понимании свободы. *Вольность* как основное имя концептуального поля в XVIII в. ассоциировалась с привилегией (ср. «Указ о вольности дворянской»). Наполненное новыми смыслами слово *свобода* соотносится с выстраиваемой общеевропейской концептуализацией свободы как всеобщего права.

5. Энциклопедические издания характеризуются социологизацией в трактовке феномена *свобода*. В центре внимания авторов — свобода как общечеловеческая ценность, и интерпретируется она на основе европейского философского и социально-политического опыта. В итоге статьи российских словарей по характеру интерпретации феномена практически не отличаются от статей в аналогичных европейских изданиях.

6. Наш анализ позволяет говорить о проявлении в словарно-энциклопедических изданиях общеевропейской тенденции к идеологической унификации трактовки свободы в свете либеральной идеологии.

7. Энциклопедические словари эксплицируют концепт «свобода» через соотнесение его с представлениями социума и (или) индивидуума о нормативной области выбора. Высочайшая абстракция конкретизируется на уровне семантики прагматически ориентированных политико-экономических свобод (*свобода мысли, свобода прессы, свобода морей* и т. д.).

К сказанному следует добавить еще несколько существенных замечаний. Выявленная идеологизация толкований свободы в словарях и энциклопедиях есть, помимо прочего, еще и отражение неизбежной зависимости лексикографа (печальный каламбур в контексте общей темы исследования!) от собственного мировоззрения и от господствующих в конкретный исторический момент идеологических установок. Подтверждением тому вполне может служить и советская лексикография, выдвигающая на первый план классово-государственный аспект свободы и философскую интерпретацию понятия в духе социального детерминизма.

Необходимость учитывать фактор мировоззрения неизбежно ставит в центр внимания ис-

следователя реальную стратовость существования концептов и проблему осмысления действительности языковой личностью.

В данной работе мы сознательно не затронули аспекта образов свободы и культурно значимых ассоциаций, поразительно тонко выраженных, в частности, в словаре В. И. Даля. Это уже предмет отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. — М., 1997.

Вежбицкая А. Словарный состав как ключ к этнофилософии, истории и политике: «свобода» в латинском, английском, русском и польском языках // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л., 1986.

Кошелев А. Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М., 1991

Лисицын А. Г. Концепт свобода — воля — вольность в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996.

Федотов Г. П. Россия и свобода // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи», 2002. URL: www.vehi.net-fedotov-svoboda.html (дата обращения: 20.01 2011).

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Березин 1873—1879 = Березин И. Н. Русский энциклопедический словарь: в 16 т. — СПб., 1873—1879.

Брокгауз 1907—1909 = Малый энциклопедический словарь: в 4-х ч./ Брокгауз Ф. А. — Ефрон И. А. — СПб., 1907—1909.

Брокгауз 1890—1907 = Энциклопедический словарь: в 41 т. / Брокгауз Ф. А. — Ефрон И. А. — СПб., 1890—1907.

Грот 1891 = Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / под ред. Я. К. Грота. — СПб., 1891. Вып. 1: А—В.

Даль 1880—1882 = Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — СПб., 1880—1882.

Енгальчев 1827 = Енгальчев П. Словарь физического и нравственного воспитания. — СПб., 1827.

Жуков 1893—1895 = Всероссийский словарь-толкователь, составленный несколькими филологами и педагогами / под ред. В. В. Жукова. — СПб., 1893—1895.

Павленков 1913 = Павленков Ф. Энциклопедический словарь. — СПб., 1913.

Преображенский 1958 = Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1958.

САР 1806—1822 = Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. — СПб., 1806—1822.

СлРЯ XI—XVII = Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—23. — М., 1975—1996.

СлРЯ XVIII = Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1—5. — Л., 1984—1989.

Срезневский 1890—1912 = Срезневский И. И. Материалы для словаря др.-рус. языка по письм. памятникам: в 3 т. — СПб., 1890-1912.

Старчевский 1891 = Старчевский А. В. Русский объяснительный словарь. Вып. 1. — СПб., 1891.

Стоян 1912 = Стоян П. Е. Малый толковый словарь русского языка: в 2-х ч. — СПб., 1912.

СЦРЯ 1847 = Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. — СПб., 1847.

Толль 1863—1864 = Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: в 3 т. / под ред. Ф. Толля. — СПб., 1863—1864.

Фасмер 1986—1987 = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М., 1986—1987.

Филиппов 1901 = Филиппов М. Н. Энциклопедический словарь: в 3 т. — СПб., 1901.

Черных 1994 = Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М., 1994.

Чудинов 1901 = Справочный словарь. Орфографический, этимологический, толковый русского языка: в 2 ч. / под ред. А. Н. Чудинова. — СПб., 1901.

Шанский 1975 = Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. — М., 1975.

Южаков 1903—1909 = Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 22 т./ под ред. С. Н. Южакова. — СПб., 1903—1909.

Brockhaus 1854—1856 = Kleines Brockhaus'sches Conversations-Lexikon für den Handgebrauch. Bd. I-IV. — Leipzig, 1854—1856.

Dictionaire de l' Académie Française 1862 = Dictionaire de l' Académie Française. — Paris, 1862.

Grimm 1878 = Deutsches Wörterbuch / von Jacob Grimm u. Wilhelm Grimm. Bd.4. Abth.1. Hälfte 1.Forschel—Gefolgsman. — Leipzig, 1878.

Lexikon 1956 = Lexikon A—Z in zwei Bänden. — Leipzig, 1956.

Sanders 1860 = Sanders D. Wörterbuch der Deutschen Sprache. Bd.1. A—K. — Leipzig, 1860.

The Imperial Dictionary 1863 = The Imperial Dictionary of the English Language. — L., 1862.

Weigand 1843 = Weigand F. L. K. Wörterbuch der deutschen Synonimen. 1—3. — Mainz, 1843.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и доцент Е. А. Нахимова

УДК 655.4/5

ББК 4611

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

А. В. Вдовиченко
Москва, Россия

A. V. Vdovichenko
Moscow, Russia

КОММУНИКАТИВНЫЕ АКТАНТЫ КНИГИ: ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ОТ КОММЕРЦИИ

COMMUNICATIVE ACTANTS OF A BOOK: IDEOLOGIZATION BECAUSE OF COMMERCE

Аннотация. В статье рассматривается книга как коммуникативное событие. Наряду с авторами, издатель, преследуя свои коммерческие цели, также исполняет определенную коммуникативную роль и придает публикации свой идеологический формат.

Abstract. The article regards a book as a communicative event. Besides the authors of the texts, the editor, chasing after his commercial interest, plays his own part in the communicative act organized and gives the publication a new ideological format.

Ключевые слова: книга как коммуникативное событие; роль авторов и издателя; коммерческие цели публикации; издательский формат; новое коммуникативное действие текста.

Key words: book as a communicative event; authors' and editor's part in the communication organized; commercial interest of publication; format of edition; new communicative effect.

Сведения об авторе: Вдовиченко Андрей Викторович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

About the author: Vdovichenko Andrey Viktorovich, Candidate of Philology, Senior Research Assistant.

Место работы: Институт языкознания РАН.

Place of employment: Institute of Linguistics, Russian Academy of Science.

Контактная информация: г. Москва, Б. Кисловский пер., 1 стр.1, к.34.
e-mail: anlvdo@mail.ru.

В статье как коммуникативное событие рассматривается следующая книга: [Залесский К. А., Хауссер П. Черная гвардия Гитлера. Ваффен-СС в бою. — М.: Издатель Быстров, 2008. — 640 с.]. Коммуникативное событие всегда шире, чем собственно вербальный текст, присутствующий в нем, в событии, как главный элемент. Наиболее наглядно это проявляется в ситуации, когда, например, автор не считает обложку соответствующей содержанию своего труда, или когда предлагаемый текст не вписывается по тематическим или иным параметрам в обобщенный формат издания — журнала, сборника и пр. В таких случаях диссонанс между коммуникативной задачей, исполняемой автором в тексте, и той, что обобщенно реализуется в самом издании редакцией (редколлекцией), демонстрирует своеобразную иерархию коммуникативных ролей, возникающих при публикации текста, которые, вследствие возникающего диссонанса, становятся заметными. Эту коммуникативную «матрешку» можно разбирать и собирать, обнаруживая содержательные и формальные характеристики действий коммуникантов, которые активно или пассивно, осознанно или неосознанно вовлечены в создаваемую ситуацию.

В случае «Черной гвардии Гитлера» речь идет о текстах, которые в избранном формате публикации приобретают новые обертоны, необходимые для коммерческого успеха. Эти обертоны сообщаются изданию не авторами (тексты которых исполняют — каждый за себя — свою роль в оппозиции «автор — читатель»), а издателем, которому принадлежит отдельная партия в обрамляющей коммуника-

тивной ситуации «издатель—покупатель». Ясно, что голос издателя будет затрагивать регистры идеологии и политики в целом намного прицельнее, ближе к моменту *hinc et nunc*, поскольку именно ему, рискующему собственными средствами, предстоит актуально вписаться в политическое и идеологическое пространство, чтобы извлечь из организуемой коммуникации коммерческую выгоду. При всей ограниченности способов проявить себя и внести нужные смыслы в коммуникативное событие (книгу, в состав которой входят разнородные тексты) роль издателя не столь малозаметна в организации этого последнего, обрамляющего уровня коммуникации.

Рассматриваемая книга, которую покупатель (возможный читатель) берет в руки, имеет название «Залесский К. А., Хауссер П. Черная гвардия Гитлера. Ваффен-СС в бою» — оно указано на обложке, на корешке книги и на страницах 4 и 639.

На обложке книги присутствует изображение зиг-рун, что является символом СС и иллюстрирует содержание. Это изображение занимает одно из центральных мест в композиционной организации обложки (посередине, ниже центра). Оно хорошо идентифицируется, тем более что воспринимается в единстве с надписями «Черная гвардия Гитлера. Ваффен-СС в бою», а также с двумя фрагментами черно-белых фотографий, на которых изображены марширующие солдаты в характерной немецкой военной форме, и солдат с пулеметной лентой, в камуфляже и каске, с беспощадным выражением лица. Кроме того, на обложке, корешке книги и на с. 1 присутствует изображение

Исследование выполнено в рамках НИР «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования», выполняемых на основании государственного контракта No. 02.740.11.0370 в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

© Вдовиченко А. В., 2011

имперского орла, часто используемое как элемент нацистской символики (в частности, на фуражках войск СС). В сочетании с текстом «Солдат III рейха» (название серии), а также с остальными надписями и изображениями на обложке данное изображение однозначно ассоциируется с атрибутикой нацизма. Все элементы обложки, взятые в единстве, позволяют безошибочно определить общую тематику книги как посредством вербального текста, так и посредством невербальных визуальных данных.

В издании, несмотря на целостное название, на самом деле содержатся два совершенно независимых авторских текста: исследование российского историка К. А. Залесского «Возникновение и развитие войск СС» (эта информация указана только на с. 5) и обергруппенфюрера СС (генерал-полковника войск СС) Пауля Хауссера «Войска СС в действии» (указано только на с. 349) — немецкое название «Waffen SS in Einsatz» указано на с. 348 во вступительной статье К. А. Залесского.

Таким образом, в отношениях между названиями текстов и именами авторов наблюдается определенная путаница, внесенная издателем:

1. В различных местах книги текст К. А. Залесского выступает одновременно под заголовком «Черная гвардия Гитлера» и под заголовком «Возникновение и развитие войск СС». На основании содержательных особенностей текста российского историка можно утверждать, что аутентичным для данного текста является заголовок «Возникновение и развитие войск СС», в большей степени соответствующий академическому и фактологическому содержанию работы. Название «Черная гвардия Гитлера» (присутствующее на обложке и последней странице), по-видимому, передает интенцию самого издательства «Издатель Быстров» сделать общее название книги более популярным, коммерчески привлекательным и макси-

мально соответствующим замыслу публикации в целом.

2. Книга Пауля Хауссера выступает под именем «Ваффен-СС в бою» и «Войска СС в действии». Оба названия могут считаться равноправными вариантами перевода немецкого «Waffen SS in Einsatz», однако непонятно, зачем использовать различные варианты в значимых местах публикации.

3. На основании информации, содержащейся в официальном названии книги, приведенном на обложке, у читателя складывается впечатление, будто перед ним публикация двух соавторов, в то время как немецкий автор в действительности не сотрудничал с российским. На самостоятельность двух текстов указывает и аннотация: «В ней [данной книге] как бы объединены две самостоятельные книги» [Залесский, Хауссер 2008: 4]. Однако на основании данных обложки и титульного листа (с. 3), где указаны два автора единой книги, однозначно решить вопрос авторства невозможно.

Таким образом, существование трех самостоятельных субъектов, повлиявших на создание книги в ее итоговой форме, можно констатировать только в результате «распутывания» сложных отношений между авторством и заголовками текстов, собранных издателем в рамках единой публикации: мнимому соавторству современный российский историк К. А. Залесский и бывший генерал СС П. Хауссер обязаны «Издателю Быстрову», который принуждает их тексты работать на идею единства книги. Однако, несмотря на эти усилия, внешне единая коммуникативная «упаковка» становится не столь единой и гармоничной при дальнейшем знакомстве с ролью каждого из трех субъектов книги, участвующих в ней как коммуникативном событии. По-видимому, в своем стремлении придать изданию целостную форму издатель не достигает желаемого результата, упуская и «оставляя без присмотра» собственные интенции авторов текстов.

Книга К. А. Залесского «Возникновение и развитие войск СС» (согласно названию на с. 5) представляет собой фактологическое изложение возникновения и деятельности войск СС. Текст имеет характер академического исторического труда. Автор в подавляющем большинстве случаев воздерживается от оценочных суждений, следует документированным фактам. Повествование можно охарактеризовать как сдержанное, корректное, не содержащее литературно-публицистических приемов создания нарратива. Приводятся обширные списки, таблицы и перечни. Российский историк неоднократно вступает в полемику с другими исследователями исторического пути войск СС, что свидетельствует о его профессиональных интересах и цеховых принципах.

Авторскую оценку деятельности войск СС характеризует отрывок на с. 74. Говоря о Кавалерийской бригаде СС (SS-Kavallerie-Brigade),

которую возглавлял Герман Фегелейн, К. А. Залесский указывает, что за время своего существования бригада приняла участие в боевых действиях против регулярных частей РККА, но «все же большую часть времени она специализировалась на антипартизанских и карательных операциях». Далее автор говорит: «В результате довольно сомнительная “слава” бригады Фегелейна мало чем отличалась (а в чем-то и превысила) “славу” 1-й мотопехотной бригады СС. Хотя эти бригады и сильно отличались от первых дивизий СС, сражавшихся на фронте, они, тем не менее, официально являлись составной частью войск СС и совершенные ими преступления являются преступлениями войск СС. Это еще раз показывает, что состав войск СС, даже когда речь идет о “немецких” соединениях, был очень неоднороден, чтобы подойти к проблеме войск СС с единым критерием — либо “солдаты как все”, либо каратели».

Судя по этому отрывку, К. А. Залесский выступает сторонником взвешенного и неоднозначного подхода к оценке СС: с одной стороны, он признает преступность действий войск СС, а с другой стороны, выступает против односторонней отрицательной оценки их деятельности, поскольку в их рядах были как просто «солдаты», так и «каратели».

Та же мысль содержится в отрывке на с. 348. Говоря о книге П. Хауссера, К. А. Залесский так формулирует ее главную идею: «...военнослужащие войск СС являлись такими же солдатами, как и военнослужащие вермахта, и они ни в коем случае не несут ответственности (в том числе и моральной) за преступления СС». Затем следует указание российского историка на то, что «такой подход [к деятельности СС. — А. В.] был немедленно объявлен реваншистским». Далее К. А. Залесский замечает с характерной для него неоднозначностью: «И та, и другая точка зрения слишком категоричны и слишком полярны, чтобы между ними когда-либо был достигнут компромисс, и, скорее всего, в этом вопросе никогда даже среди исследователей не будет достигнута единая точка зрения».

Вместе с тем в тексте К. А. Залесского, несмотря на внешнюю строгость и приверженность чистым фактам, некоторые фрагменты заставляют читателя смотреть на события глазами непосредственных участников (высших офицеров СС и высшего руководства Германии). Читателя подталкивают к тому, чтобы он ассоциировал себя с гитлеровскими военачальниками, психологически принимал логику их рассуждений и действий. Например, характеризуя роль П. Хауссера и Ф. Штейнера в создании войск СС, К. А. Залесский говорит, что они были единомышленны в следующем: «Основной упор был сделан на спорт, физподготовку, умение обращаться с оружием и рукопашный бой. Также основой из основ подготовки эссовцев стало формирование своеобразного

“фронтового братства” — что должно было превратить (и превратило) будущие войска СС в единый, спаянный организм, где не было различия между солдатами, унтер-офицерами и офицерами: все они были товарищами, просто одни подчинялись другим. Успехи Хауссера были налицо: молодые кандидаты в офицеры демонстрировали прекрасную физическую форму, умение владеть оружием, железную дисциплину — все, что могло привести в восторг любого руководителя (и рейхсфюрер СС не был исключением)» [Залесский, Хауссер 2008: 341].

Такой взгляд глазами участника событий готовит восприятие следующего текста — книги обергруппенфюрера (генерал-полковника) СС Пауля Хауссера «Ваффен-СС в бою» (нем. «Waffen SS in Einsatz»), которая фактически представляет собой оправдание и возвеличение войск СС. Несмотря на то, что в предисловии бывший эсэсовский генерал говорит о «скромных задачах» своего труда: «В первой части книги пойдет речь об общих вопросах формирования и деятельности войск СС, а во второй — непосредственно о битвах мировой войны» [Залесский, Хауссер 2008: 353], — его интенция со всей очевидностью состояла в том, чтобы представить состоявших в войсках СС героями, мужеством и пролитой кровью засвидетельствовавшими свою честь, оправдавшими себя от всех последующих лживых обвинений, верными своему долгу, Германии, фронтовому братству, руководителям рейха [см. Залесский, Хауссер 2008: 353]. К. А. Залесский во вступительной статье к публикации книги П. Хауссера указывает на то, что после войны бывший обергруппенфюрер СС постоянно выступал за реабилитацию военнослужащих войск СС, отстаивая точку зрения, что они были «такими же солдатами, как все» [Залесский, Хауссер 2008: 332]. Достаточно сказать, что «в 1946 году на Нюрнбергском процессе Международного военного трибунала он заявил, что войска СС не причастны ни к каким преступлениям режима и его подчиненные такие же солдаты, как и военнослужащие вермахта» [Залесский, Хауссер 2008: 347]. Предисловие к книге П. Хауссера, написанное генерал-полковником Хайнцем Гудерианом, также публикуемое на страницах издания «Черная гвардия Гитлера», подчеркивает те же интенции П. Хауссера [Залесский, Хауссер 2008: 351].

Для исполнения своей риторической задачи (оправдания и возвеличения) П. Хауссер использует различные коммуникативные стратегии, которые работают в составе его труда скрыто, но оттого еще более эффективно.

1. *Тематическое сужение и перенос акцента.* Деятельность войск СС трактуется почти исключительно как участие в боевых действиях в качестве солдат, таких же, как и военнослужащие других соединений вермахта. Предполагается, что все солдаты исполняли приказ и сражались за родину. Это якобы не позволяет

считать войска СС преступной организацией: «Войска СС несправедливо обвиняют в участии в оборонительных и разрушительных операциях в конце войны. Эти инциденты — не на совести непосредственно частей войск СС. Они шли в бой по приказу армейского командования» [Залесский, Хауссер 2008: 374].

2. *Замалчивание фактов.* Чтобы представить войска СС «просто солдатами», П. Хауссеру потребовалось затушевать особую жестокость и фанатизм войск СС, их участие в организации и охране концентрационных лагерей, в карательных операциях, в массовых убийствах славян, евреев, и др. Массовые убийства и геноцид не упоминаются в книге Хауссера ни в открытой, ни в завуалированной форме.

3. *Фактологическая дезинформация.* Проведение карательных операций приписывается исключительно эйнзатцгруппам СД [см., напр., Залесский, Хауссер: 374].

Деятельность войск СС в концентрационных лагерях П. Хауссер пытается казуистически обойти стороной, выдвигая идею о виновности руководства и формальных неточностях: «Излишне в очередной раз доказывать, что между войсками СС и персоналом комендатур концентрационных лагерей, охранных частей, гестапо, Службы безопасности, а особенно между войсками СС и эйнзатцгруппами, высшими руководителями СС и полицией в регионах нужно провести строгую разграничительную линию. Общим у них было лишь единое руководство в лице Генриха Гиммлера, а также униформа и знаки различия. Войска СС должны чувствовать себя обманутыми из-за того, что Генрих Гиммлер и Поль во время войны — без их ведома — причисляли весь персонал концентрационных лагерей к войскам СС, чтобы облегчить освобождение этих людей от военной службы для выполнения своих задач. Таким образом, Генрих Гиммлер привязал собственно войска СС к судьбе тех людей, которые ответственны за происшедшее в концентрационных лагерях» [Залесский, Хауссер 2008: 375]. Нужно отметить, что данный пассаж противоречит другим фактам, сообщаемым Хауссером в другом месте своей книги: «Когда в 1933 году были созданы концентрационные лагеря, их охраной занимались местные формирования СД и СС. В 1934 году Адольф Гитлер отдал приказ обергруппенфюреру СС [Теодору] Эйке организовать единую систему охранных подразделений. Для этого он создал новые подразделения, используя частью старые кадры, частью — путем вербовки новых. До 1936 года они содержались на средства правительств земель, а затем перешли на бюджет Имперского министерства внутренних дел рейха. Персонал комендатуры и охранные части разделили. Последние в 1936 году состояли из трех полков соединений СС “Мертвая голова” общей численностью 3600 человек. Эйке был командиром соединений СС “Мертвая голова” и инспекто-

ром концентрационных лагерей» [Залесский, Хауссер 2008: 362].

4. *Подмена понятий.* Особая жестокость и фанатизм войск СС — отличительная черта этих подразделений — представлена у Хауссера как «верность и храбрость», «образцовая твердость и выносливость» [Залесский, Хауссер 2008: 422] и т. д. В этом смысле характерно замечание Хауссера о точке зрения Эйзенхауэра на войска СС: «Следует добавить, что Эйзенхауэр особенно отмечал высокую мораль личного состава дивизий СС; что объяснялось не, как он думает, “фанатизмом”, а духом корпуса и верностью эсэсовцев долгу» [Залесский, Хауссер 2008: 503].

Для акцентирования заслуг СС в книге Хауссера используется идея единства Европы, которую войска СС якобы реализовали в своей деятельности в виде национальных добровольческих подразделений СС: «Наши мертвые остались до конца верны своему долгу и присяге. Они верили в будущее своего народа и больше чем кто-либо другой надеялись на объединение Европы, чьи сыны в качестве добровольцев сражались в рядах войск СС» [Залесский, Хауссер 2008: 353]. Отметим, что за «сынами объединенной Европы», вступившими в войска СС, скрываются представители широкого нацистского движения, перешагнувшего границы Германии в 30-е гг. прошлого века.

Кроме того, эсэсовцы выступают в книге Хауссера как авангард борьбы с коммунистической Россией, что оправдывает немецкий фашизм в качестве непримиримого врага коммунизма: «Добровольцы из почти всех европейских наций, которые вскоре участвовали в этом конфликте в рамках собственных и немецких — впоследствии в рамках частей СС (французы, бельгийцы, голландцы, швейцарцы, испанцы, датчане, норвежцы, шведы, финны, эстонцы, латыши, болгары, румыны, хорваты, сербы, албанцы, итальянцы, представители различных народов России, такие как украинцы, кавказцы, а также индийцы), доказали, что победа над большевизмом рассматривалась как общая задача» [Залесский, Хауссер 2008: 600].

5. *Создание нужного автору пафоса, вытекающего из семантического сдвига, обусловленного подменой понятий.* Пафос является наиболее мощным риторическим способом воздействия на аудиторию («образцовая твердость и выносливость»; «высокая мораль»; «дух корпуса»; «верность эсэсовцев долгу»; «объединение Европы»; «сыны Европы»; «победа над большевизмом»; «общая задача» и пр.).

6. *Создание ситуации драматургического конфликта, возбуждающей в читателе сочувствие к одному из участников этого конфликта, а именно к руководству СС.* Одной из характерных для Хауссера стратегий оправдания является перекладывание вины за преступления на руководство, и прежде всего на рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, который,

в конечном итоге, якобы является причиной всех недоразумений с подчинением войск СС, в результате чего войска СС оказались очерченными: «После того как Гиммлер в качестве главнокомандующего Армией резерва 20 июля 1944 года принял на себя управление делами военнопленных, все высшие руководители СС и полиции на родине наряду со званиями генералов полиции получили еще и звание генералов войск СС. Таким образом, все разграничительные линии были стерты и войска СС очернены так, что позже в Нюрнберге их не удалось исключить из списка “преступных организаций” [Залесский, Хауссер 2008: 375]». (Заметим, что ведя речь о подготовке и воспитании солдат СС, о создании «боевого братства» СС, Хауссер, наоборот, дистанцирует Гиммлера от этого процесса: «Сам Генрих Гиммлер представлялся нам, скорее, человеком мирного времени, идеалистом, который ставил во главу угла верность, воспитание и послушание. Он хотел перенести в войска СС такие принципы, общие СС, как святость собственности и рыцарство. Но при этом он не был профессиональным солдатом и поэтому не имел слишком уж большого влияния на войска СС, чей дух и характер определялись командирами» [Залесский, Хауссер 2008: 357]).

Приведем еще один фрагмент, призванный вызвать сочувствие к руководству СС: «Войска СС по убеждению боролись против советского большевизма, который они по-настоящему узнали только сейчас. Они верили в Новую Европу, выходцы из которой служили добровольцами в их рядах. Многие из них сохранили ту веру, которая повела их в бой, до самого конца. Старшие товарищи уже давно разглядели безысходность этой борьбы и следствия ошибок руководства. Это вызвало у них, как и у высших чинов вермахта, глубочайшие конфликты с собственной совестью. Как далеко простирается верность присяге? Нужно ли было отойти от нее, исходя из общих интересов народа и его жертв? Они не хотели стать клятвопреступниками! Таким образом, им оставалось только предостерегать, вносить свои предложения, обходить невыполнимые приказы и прекращать бессмысленное сопротивление. И это делали все. Таким образом, они сдержали данную клятву — с честью и от всего сердца по отношению к своим солдатам и как тяжелую, печальную обязанность по отношению к вышестоящим» [Залесский, Хауссер 2008: 598-599].

Таким образом, можно констатировать, что П. Хауссер в своей книге отстаивает одну из полярных точек зрения на действия войск СС (о которых говорил Залесский), а именно, полностью оправдывает их и героизирует.

Как уже было отмечено, третий участник публикации («Издатель Быстров») организует в единое целое два разнородных и не связанных между собой текста, используя различные средства, начиная с заглавия книги, представ-

ляющей Залесского и Хауссера соавторами одного труда. В дальнейшем становится ясно, что исследование современного российского историка и воспоминания обергруппенфюрера СС публикуются как равноправные источники информации о деятельности войск СС, «одна часть дополняет другую» [Залесский, Хауссер 2008: 4], как об этом сказано в краткой аннотации. На равноправие указывают и слова аннотации о том, что под одной обложкой «как бы объединены две самостоятельные книги. С одной стороны, автором части, рассказывающей о боевом пути дивизий СС, является обергруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер, с другой — публикуются материалы, основанные на новейших исследованиях, подготовленные отечественным историком Константином Залесским» [Залесский, Хауссер 2008: 4]. Как единство, так и равноправие, по всей видимости, «работают» на исполнение риторической задачи издателя — вписаться в идеологическую тенденцию новизны и «создать полную, свободную от политической конъюнктуры картину того, чем же, собственно, являлись войска СС» [Залесский, Хауссер 2008: 4]. Получается, что *задача*, которую преследует «Издатель Быстров», фактически становится идентичной задаче самого Хауссера и состоит в изменении существующего в аудитории (в данном случае российской) отношения к войскам СС. Непредвзятая картина, таким образом, формируется сдержанным повествованием российского академического автора, с одной стороны, и полными эмоцией, казуистичными (но всегда опирающимися на авторитет тенденциозно подобранных фактов) воспоминаниями немецкого генерала — с другой. Текст последнего автора не снабжен комментариями, которые обнаруживали бы подтасовки и умалчивания фактов, прямые софизмы и пр., что могло бы воспрепятствовать «убедительной силе» П. Хауссера. Разъясняющий комментарий отсутствует и в тех случаях, когда факты, указанные П. Хауссером, противоречат тенденциям или фактам, охарактеризованным и изложенным К. А. Залесским (например, согласно Хауссеру, Гиммлер создает войска СС по приказу Гитлера [Залесский, Хауссер 2008: 357]; согласно Залесскому, Зепп Дитрих по приказу Гитлера создает Штабную стражу «Берлин», при этом Гиммлер проявляет большую заинтересованность и ведет самостоятельную «игру» [Залесский, Хауссер 2008: 8—9]).

Возникает вопрос о цели публикации данного вовсе не нейтрального текста. Если относиться к нему как к публикации исторического источника, вызывает недоумение отсутствие научного аппарата, в том числе подробных комментариев. Между тем «научный аппарат» представлен только несколькими пояснениями к личным именам в комментариях и вводной статьей — биографией П. Хауссера. В результате апологетический текст немецкого генерала

напрямую обращается к российскому читателю, формируя «новый подход» к оценке войск СС.

При способе подачи текстов, избранном издателем, книга П. Хауссера, в которой присутствует прямая апология и героизация войск СС и которая обладает ярко выраженными литературными достоинствами, совмещенными с «историческими фактами», подобранными со скрытой тенденцией, оказывает гораздо более сильное воздействие на читателя, нежели научный текст К. А. Залесского, предназначенный для академической аудитории, а потому лишенный действенной риторики и в гораздо меньшей степени субъективно окрашенный, затрагивающий далеко не все темы и сюжеты, на которых останавливается П. Хауссер.

Таким образом, рассматривая книгу издательства «Издатель Быстров» как коммуникативное событие («целенаправленное воздействие публикатора на сознание покупателя/Читателя»), нужно признать, что в сложившейся форме книги текст П. Хауссера, как ее составная часть, в значительной степени определяет собой общее направление и содержание публикации «Черная гвардия Гитлера. Ваффен-СС в бою». По-видимому, в результате намеренных или неосторожных действий издателя возникает своего рода идеологическая провокация: на фоне нейтральной точки зрения российского историка отставной генерал СС убеждает российского читателя в том, что его бывшие подопечные, солдаты СС, т. е. фанатики нацистского режима, уничтожившие десятки и сотни тысяч людей (в том числе русских) в ходе захватнической войны, являются для всех (в том числе для русских) образцом для подражания.

Чтобы устроить личную встречу Хауссера с российским читателем (для формирования «непредвзятого отношения» к войскам СС), «Издатель Быстров» организует (вольнo или невольнo) коммуникативную матрешку (целостную публикацию) как матрицу, в которой самостоятельные тексты, как чипы в материнской плате, интегрированы в структуру общего коммуникативного действия. В создаваемом фор-

мате самостоятельные тексты исполняют — для издателя — искомую задачу коммерциализации издания, успех которого зависит от меры привносимой новизны и от актуальности в современном идеологическом контексте (идеологической конъюнктуре). Вольно или невольнo издатель эксплуатирует одну из коммуникативных аксиом, согласно которой естественные вербальные факты (на различных уровнях членения), будучи предикатами коммуникативных ситуаций, т. е. мыслимых условий совершения словесных действий, для адекватного понимания должны быть встроены в мыслимый коммуникативный контекст, обрамляющий и объясняющий данный способ словесного действия. Для адекватного смыслообразования каждый предметный элемент любого актуального текста потенциально нацелен на более высокий и масштабный уровень коммуникативной ситуации. Вне такого восхождения вербальный текст (или его элементы) не обладают потенциальной способностью к смыслообразованию. Создавая новый (не свойственный самостоятельным текстам) уровень коммуникативной ситуации, издатель изменяет условия смыслообразования, корректируя и само коммуникативное действие. Так, Пауль Хауссер, по всей видимости, построил бы свою апологию СС несколько иначе, если бы сознательно обращался к российской, а не к немецкой аудитории. Тогда вряд ли его столь «живой» голос сыграл бы столь выгодную для издания коммуникативную роль. Издатель воспользовался возможностью создать новую коммуникативную матрицу из автономных текстов и вместо самого Хауссера облек его коммуникативное действие в новые условия, добиваясь одновременно провокации и читательского внимания. А кроме того, возможно, — появления новых адептов нацистской социальной и военной практики.

ЛИТЕРАТУРА

Залесский К. А., Хауссер П. Черная гвардия Гитлера. Ваффен-СС в бою. — М.: Издатель Быстров, 2008.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и доцент Е. А. Нахимова

Т. А. Гридина
Екатеринбург, Россия

**ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ИГРЫ**

Аннотация. Рассматриваются модели трансляции и обыгрывания коннотирующей семантики имени собственного в современной этносоциокультурной ситуации, характеризуются ассоциативные стратегии языковой игры в акцентировании аспектов социально и этнически маркированной семантики антропонимикона, функционирующего в СМИ.

Ключевые слова: языковая игра; ассоциативный потенциал слова; ономастическая игра; этносоциокультурная модель; политический дискурс.

Сведения об авторе: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 281.
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

T. A. Gridina
Ekaterinburg, Russia

**ETHNO-SOCIO-CULTURAL CONTEXT
OF ONOMASTIC GAME**

Abstract. The article describes models of communication and playing up with connotative semantics of a proper name in the contemporary ethno-socio-cultural situation. Associative strategies of the language game are characterized, which stress aspects of social and ethnic marked semantics of proper names used in Mass Media.

Key words: language game; associative potential of a word; onomastic game; ethno-socio-cultural model; political discourse.

About the author: Gridina Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Современная языковая ситуация характеризуется высоким рейтингом деканонизированных форм речевого поведения, что выражается, в частности, в активном использовании говорящими широкого регистра приемов языковой игры. «Игровые трансформации» обнаруживают свежие возможности интерпретации языковых знаков, выявляя их ассоциативный потенциал. Последний образуется всей совокупностью ассоциативных реакций, которая может возникать в сознании носителей языка в процессе использования, восприятия или порождения вербальных единиц, т. е. отражает весь спектр функционально-динамических репрезентаций знака, сопряженный с присвоением языковых значений и форм конкретными носителями языка (с учетом гендерных, возрастных, этнических, социальных, культурных, когнитивных и т. п. факторов, влияющих на ассоциативный тезаурус языковой личности) [Гридина 1996, Ваганова, Гридина 2007].

Основополагающий принцип языковой игры, с нашей точки зрения, заключается в актуализации психологически релевантных для носителей языка многовалентных ассоциативных связей знаковых единиц и в намеренном использовании нестандартного кода их употребления, восприятия и порождения (при «обнаружении» и одновременном переключении, ломке ассоциативных стереотипов с помощью специальных лингвистических приемов). В этом смысле языковая игра может быть определена как особая форма лингвокреативного мышления [Гридина 1996], в основе которого лежат ассоциативные механизмы, позволяющие создавать нечто новое на базе уже познанного.

В случае языковой игры новой ассоциативной обработке в специально смоделированном контексте подвергаются вербальные «стимулы». В качестве таких стимулов (единиц, вовлекаемых в процессы языковой игры) нередко выступают имена собственные, несущие в себе этносоциокультурные коннотации, закрепленные за соответствующим классом онимов в сознании носителей языка. В сочетании с личностно-проективными аспектами восприятия имени собственного его этносоциокультурный базис создает «обширный и качественно сложный ... лексический фон», придающий конкретному имени «неповторимый облик» [Верещагин, Костомаров 2005: 98]. В частности, для восприятия носителями языка имени-антропонима оказываются значимыми такие его параметры, как «возраст», происхождение, социальная окраска (даже в значительной степени стертая в настоящее время), употребительность, территориальная локализация, «живая внутренняя форма»; устойчивые «значения», связанные с употреблением имени в фольклоре» [Там же: 98—103], а также ассоциативный контекст имени, определяемый его связью с разного рода прецедентами (из области политики, истории, литературы и т. п.).

Ономастическая игра — особая разновидность языковой игры, основанная на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного, что достигается при помощи различных приемов его (имени) трансформации и контекстуальной/референтной актуализации. При этом языковая игра активно эксплуатирует именно социокультурный шлейф, который составляет коннотат соответствующего онима.

Особой коннотативной нагруженностью, сопряженной с разного рода оценочными пресуппозициями, характеризуются антропонимы. Личное имя обладает собственными этнокультурными и социокультурными проекциями, даже будучи воспринятым вне контекста: например, *Иван* — имя, вызывающее вполне предсказуемый спектр ассоциаций, связанный с типовым представлением о его потенциальном носителе. По данным ассоциативных экспериментов, это имя *простого/обычного русского человека*, которому приписываются такие личностные черты, как *доброта, открытость, доверчивость, простодушие*, при этом в сознании всплывает сказочный образ *Ивана-дурака*; одновременно с этим имя *Иван* актуализирует и такие ассоциации, как *рубаха-парень, смельчак, ловкий малый, русский солдат* и т. п. В русской народной культуре и межъязыковом социокультурном пространстве, как известно, имя *Иван* выступает символом «русскости».

Традиционными сферами обыгрывания антропонимов выступают фольклор и художественная литература, которые «насыщают» личное имя контекстуально заданными (типовыми и индивидуально-авторскими) смыслами (ср.: *Зина, не сиди разиней // Сидит Устя, рукава сплутя* и др. поговорки, в составе которых имена *Зина* и *Устя* соответственно приобретают коннотации «разиня» и «лентяйка»). В художественно-литературном дискурсе оценочной семантикой наполняются так называемые говорящие имена (ср. *Обломов, Хлестаков*), эксплицирующие свою «нарицательность» в дериватах типа *обломовщина, хлестаковщина* и т. п. Многочисленные примеры обыгрывания антропонимов находим в «зашифрованных» (часто пародийных) презентациях и псевдонимах писателей и поэтов (ср.: *Вивиан Ван Бок* = Владимир Набоков; *Форшмак* = Самуил Маршак; *дяденька Корнеплодий* = *Корней Чуковский* и др.). Активно используется ономастическая игра и в современном политическом дискурсе, где она получает все большую «легализацию». Достаточно привести известный пример спонтанного обыгрывания имени М. С. Горбачева в речи Р. Рейгана во время визита в Советский Союз: *Куй железо, пока Горбачев*. В этой игровой трансформации пословичного выражения (куй железо, пока горячо) однозначно прочитывается смысл «политического напутствия» первому президенту СССР. В описанной ситуации сказанная Рейганом фраза была явным выражением одобрения и признания политики перестройки, проводимой М. С. Горбачевым. Ср. *рейганомика* — от антропонимического образования той же эпохи, транслирующее представление об экономической политике бывшего американского президента.

Таким образом, ассоциативный потенциал имени собственного (в частности антропонима) может быть охарактеризован с помощью этнокультурной и социокультурной моделей его ин-

терпретации, поскольку «семантика» онима определяется прежде всего тем, **что** оно **«коннотирует»** как единица языка и речи в рамках культуры определенного этноса и социума.

Весьма показательно в этом отношении функционирование антропонимов в «цитатном фонде» СМИ, прежде всего в составе прецедентных высказываний, в которых актуализируется социокультурное содержание разных видов собственных имен [см. Душенко 2002].

В настоящее время широкое распространение в интернет-сообществе получил созданный в Израиле русскими эмигрантами словарь «Ты русский, если...», в котором в качестве одного из признаков русского этнического сознания отмечается знание носителем языка реестра уменьшительных форм полного имени собственного (так называемых гипокористик): *«Ты русский, если ты знаешь, что Александр может быть Сашей, Саней, Шурой, Шуриком или Аликом...»*

Этносоциокультурный статус антропонимов определяется, таким образом, их формой (структурным обликом, наличием полных и уменьшительных вариантов, фоносемантикой), типичностью, распространенностью, мотивированностью и символической/прецедентной значимостью в языке того или иного народа.

Можно выделить следующие приемы обыгрывания отмеченных составляющих антропонима в цитатном дискурсе современных СМИ (при этом транслируются не только первичные смыслы, присущие имени, обыгрываемому в цитируемом высказывании, но и позднейшее ассоциативное «расширение» цитатного текста, в котором представлен антропоним):

- подчеркивание национально-культурной идентичности в опоре на *структурные стереотипы* восприятия определенных моделей антропонимов. Например: *Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи* (И. Ильф и Е. Петров. «Золотой теленок»). Оформление финалей данного ряда антропонимов, характерное для еврейских фамилий, в приведенном прецедентном высказывании подкрепляется грамматической актуализацией их типичности (употреблением в форме мн. ч.) и подчеркиванием невысокого социально-оценочного «рейтинга» (*всякие там Рабиновичи*). Заметим, что антропоним, употребленный во мн. ч., как правило, становится транслятором разного рода социальных оценок (см. примеры ниже); ономастическое обыгрывание структурного сходства антропонимов усиливается ассоциативным наложением — совпадением одной из фамилий с омонимичным апеллятивом (ср. *Айсберги* — *айсберг*), а также фонетической «перекличкой» первых трех «имен», контрастирующей с прецедентной (имеющей «нарицательное» значение) фамилией *Рабинович*;

- акцентирование *символической* национально-культурной или социальной коннотации типичного имени этноса. Ср.: *На Ивановых Россия держится* (К. Симонов. «Живые и мерт-

вые»). *На службу вышли Ивановы / В своих штанах и башмаках* (Н. А. Заболоцкий. «Ивановы»). Разный оценочный модус данного антропонима обусловлен акцентированием в первом случае идеи патриотизма простых русских людей (*Иванов* — «самая распространенная, самая обычная русская фамилия»; эта уже упоминавшаяся в связи с именем *Иван* коннотация «русскости» и «типичности» коррелирует с представлениями о свойствах национального характера русского человека); во втором случае коннотация типичной фамилии актуализирует идею «обезличенности» человека в новом (советском) обществе, где «все равны». Гротескный характер подобных этносоциальных обобщений (оценок) составляет основу комического (юмористического и сатирического) обыгрывания имени собственного, что определяет, в частности, и востребованность (высокий цитатный индекс) таких ономастических «фигур»: *Стили бывают разных Луёв* (В. Маяковский. «Баня»); *Мало ли в Бразилии Педров! И не сосчитаешь!* (телефильм «Здравствуйте, я ваша тетя!»). Грамматическая аномальность падежных форм несклоняемых фамилий — одна из форм экспрессивного сниженного стиля народной смеховой культуры;

- установление межэтнической эквивалентности и/или этнического своеобразия имен при актуализации языкового стереотипа восприятия имени как *наиболее типичного* для представителей того или иного этноса. Например: *Погрузински я — Ваню, / А по-русски — Ваня* (песня «Ваня»). В данном случае актуализируется «первичный» этнический статус антропонимов, что позволяет интерпретатору (автору песенного текста) при помощи «ассоциативной идентификации» русского и грузинского имен «преподнести» массовому адресату идею о дружбе народов;

- ономастический каламбур, связанный с опосредованной актуализацией этносоциокультурных коннотаций имени собственного при помощи разного рода лингвистических «трюков» (приемов контекстуального обыгрывания «семантики» имени). Например: *Журналистика — это когда сообщают: „Лорд Джон умер“ — людям, которые не знали, что лорд Джон жил* (Г. Честертон. «Лиловый парик») — по поводу склонности английской прессы информировать о том, что не может быть предметом публичного интереса. Имя *Джон* обладает коннотацией типичного английского имени и коннотацией аристократичности, наведенной контекстуальной статусной референцией имени (лорд). Ср.: *А зовут его Авас. Ты — Вася, а он — грузин* (М. М. Жванецкий. «Авас») — комическое обыгрывание ситуации омофонического восприятия имени *Авас* как вопросительной этикетной формулы «*А Вас?*» при фоновой актуализации этнокультурных коннотаций (грузинское имя *Авас* столь же типично, как русское *Вася*; «анаграммный» характер данных имен усиливает

игровой эффект этнокультурного контраста). Данная фраза, ставшая ходячей остротой, используется (часто в сокращенном виде «*А зовут его Авас*») для указания на то, что кто-то «запутался в простом вопросе» (с намеком на несообразительность и отсутствие эрудиции у адресата высказывания): имя транслирует смысл целого прецедентного текста;

- игра с социально (политически) маркированными прецедентными именами собственными, интерпретационная «сила» которой определяется возможностью многократного ситуативного перекодирования **значимой** информации, связанной с восприятием ономастической единицы. Например: *Сыновья лейтенанта Шмидта* («Золотой теленок») — в данном случае отсылка к имени легендарного лейтенанта Черноморского флота, руководившего восстанием на крейсере «Очаков», маркирует ситуацию мнимой реальности — постулирование (так поступали герои романа И. Ильфа и Е. Петрова) «родства» со знаменитой личностью для повышения собственной «значительности» (манипулятивное использование прецедентного имени для получения незаслуженных «льгот»). Ср.: *Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции* (в том же романе, гл. 13) — здесь искусственный оним ассоциативно соотносится со своим прецедентным прототипом («Лев Толстой как зеркало русской революции» — название известной статьи В. И. Ленина). Несовпадение «величин» усиливает пародийный эффект ономастической игры. Особый тип обыгрывания прецедентного имени в цитатном фонде СМИ — его аллюзивное тиражирование применительно к новым референтам. Так, по аналогии с *Железный Феликс* (о Дзержинском) появилось прозвище *Железный Шурик* (на рубеже 1950—60-х гг. так называли главу КГБ А. Н. Шелепина, в 1990-е гг. — тележурналиста А. Г. Невзорова). Распространенным приемом ономастической игры является также обобщающая референция прецедентного имени. Ср.: *Коллективный Распутин* (А. М. Тулеев. Речь на 9-м съезде народных депутатов). Нередко прецедентное имя, «вписанное» в конкретный социально-политический ситуативный контекст, становится источником юмористических «аллюзий», например: *И примкнувший к ним Шепилов* (Из постановления пленума ЦК КПСС, опубл. 4 июля 1957 г.: «Осудить... фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова»). По анекдоту того времени, «*и примкнувший к ним Шепилов*» — **«самая длинная русская фамилия»**; ср.: *ножки Буша* (об американской продовольственной помощи России в виде куриных ножек; имя американского президента Джорджа Буша метонимически «приклеивается» к этой ситуации, получая шутливо-ироническую характеристику, сниженную оценочную коннотацию);

- игра с эстетически и культурно маркированными прецедентными именами в цитатном фонде современных СМИ, использующая разные приемы акцентирования и/или переключения их типовой ономастической «семантики»:

а) ситуативное тиражирование прецедентного текста в опоре на обобщенно-оценочный смысл имени собственного в его составе: *Муля, не нервуй меня!* (кинофильм «Подкидыш») — о ситуации, требующей от адресата реплики безропотного подчинения; *Богатенький Бурадино!* (телефильм и сказка А. Н. Толстого «Золотой ключик») — шутливо-ироническая реплика, содержащая импликацию «мнимая величина»;

б) словообразовательная актуализация «значения» прецедентного имени: *Пастернак перепастерначит...* (А. А. Ахматова);

в) направленная актуализация семантики прецедентного имени собственного путем включения его в инородный лингвосоциокультурный контекст: *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью* (В. А. Бахчанян. Одностишие); *Ближе к телу, как говорит Мопассан* (И. Ильф и Е. Петров); *Гомер, Мильтон и Паниковский* («Золотой телёнок», гл. 12);

г) актуализация «нарицательного» смысла прецедентного имени: *Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные!* (В. Высоцкий) — грамматическая генерализация; *Иудушка Троцкий!* (В. И. Ленин) — контаминация и ассоциативная идентификация прецедентных имен разных сфер по оценочному модусу; *Уцененный Мейерхольд* — о некоем режиссере (М. А. Светлов) — оценочное градуирование как прием иронического уничижения (сравнения не в пользу адресата);

- обыгрывание через актуализацию и/или «прояснение» внутренней формы имени собственного: *Борис, борись!* (лозунг, обращенный к Б. Ельцину; использовался на плакатах и значках на митингах демократической оппозиции в Москве с лета 1980 г.) — каламбурное сближение паронимов, намекающее на ситуацию острой политической борьбы за власть; *Господа Обмановы* (Заглавие фельетона // Россия. 1902. 13 янв.). Под «Обмановыми» имелась в виду царствующая семья Романовых (ономастический эквивалент выступает как прозрачный оценочный эвфемизм); *Вставай же, Всеволод, И всем володей...* (Э. Г. Багрицкий) — этимологическая актуализация ономастической семантики; и т. п.

Игровой «имидж» языка, характерный для конца XX — начала XXI вв., активно вторгается не только в сферу политической радио- и телекоммуникации, но и в сферу разговорной речи, где стремление к языковой игре (в том числе ономастической) проявляется в неофициальной обстановке спонтанного общения. Одной из ярко выраженных тенденций ассоциативного обыгрывания имени собственного (часто имеющего статус прецедентного имени) стано-

вится его актуализация в структуре так называемых антипословиц (трансформированных прецедентных высказываний и единиц традиционного пословичного фонда, «подчеркнуто иронически „выворачивающих наизнанку“ освященную веками народную мудрость и нравственные стереотипы советского времени). Этот процесс обозначается как «паремиологическое сопротивление» [Вальтер, Мокиенко: 4] демократического общества тем моральным догмам, которые сковывают свободу самовыражения личности.

Охарактеризуем ассоциативные стратегии и приемы ономастической игры этого типа с точки зрения тех этносоциокультурных проекций, которые она в себе несет:

1. Введение прецедентного имени (как части прецедентного текста, высказывания) в инокультурный контекст, или ассоциативное **переключение смысла прецедентного имени по принципу контрастной ситуативной референции**.

Свадьба — это контрольный выстрел Амура. Амур — бог, пронзающий сердца людей стрелами любви. *Контрольный выстрел — последний выстрел убийцы* с целью убедиться в том, что жертва мертва. Ассоциативный контекст ономастического каламбура: Амур — бог, дарующий любовь, чьи стрелы разят беспощадно, не оставляя жертве свободы выбора (при актуализации импликации «свадьба — узаконенное совместное существование и конец романтических отношений» и т. п.).

2. Акцентирование социокультурной коннотации прецедентных имен собственных для создания оценочных импликаций. Это достигается, в частности, игрой по принципу ассоциативной идентификации и контраста имени с содержанием устойчивых (пословичных, афористических) выражений. Ср., например, прием введения антропонима в модельную сетку легко узнаваемого фразеологизма: *Не так страшен Бонч, как его Бруевич!* (ср.: *Не так страшен черт, как его малюют*). Расчленение сложного имени на самостоятельные элементы в составе фраземы определяет их «игровую» оценочную градацию. В данном случае смоделированный фразеологический аналог актуализирует идеологическую импликацию: *Бонч-Бруевич* — ближайший соратник и проводник в жизнь идей В. И. Ленина. Подобные антропонимические каламбуры весьма продуктивны в игровом «политическом» дискурсе.

Еще одним приемом ассоциативной идентификации, создающей новые ономастические каламбуры (ходячие «фразы-ярлыки»), является аллюзивное сближение прецедентных имен разных исторических эпох: *«Борис Грозный, потому что Николай Первый»* (Запись. СПб., март 2002 г.). Это намек на первого президента России Б. Н. Ельцина, отличавшегося *крутым нравом*; ср. также *Николай Кровавый* — прозвище Николая I.

3. Принцип паронимического и омофонического обыгрывания прецедентного имени при введении его в контекст пословицы или цитаты из художественного текста: *Слезам Боре не поможешь* (ср.: *Слезам горю не поможешь*). *Боря матом небо кроет* (ср.: «*Буря мглой небо кроет...*»). Данные трансформы содержат намек на обстоятельства политической карьеры и характерные черты личности Б. Н. Ельцина. Комизм и экспрессия данных «переделок» поддерживаются использованием уменьшительной формы имени.

4. Использование имен из сферы художественной литературы во вторичной номинативной функции (по принципу парадоксальной ассоциативной идентификации, нарушающей прогноз употребления онима). Ср., например, использование имени *Буратино* в качестве названия водки в контексте, пародирующем современную рекламу: *Водка „Буратино“ — почувствуйте себя дровами*. Акцент на том известном обстоятельстве, что Буратино был вырезан папой Карло из полена, имплицитно содержится в игровом рекламном слогане и переклюкает ассоциативный стереотип восприятия образа данного персонажа в неожиданное русло (ср. *Буратино* — веселый деревянный человечек, герой детской сказки, — символ неизбежного оптимизма и жизнелюбия).

5. Актуализация нарицательного смысла имен литературных персонажей, воплощающих в себе определенный тип личности, путем неожиданного сближения и противопоставления: *В каждом из нас сидит Обломов, но Герасим глубже*. Расширение известного цитатного контекста, в котором сталкиваются символические «проекции» двух прецедентных литературных имен, парадоксально заостряет мысль о лени, пассивности и молчаливом «сопротивлении» как типичных чертах русского национального характера.

6. Комическое обыгрывание мотивированности имен известных деятелей современной культуры по принципу фразеологической аллюзии: *Гусман Михалкову не товарищ* (ср.: *Гусь свинье не товарищ*). Содержание фразеологической трансформы передает идею несоответствия «рангов» применительно к конкретным личностям (по режиссерскому «весу» в искусстве кино *Гусман* и *Михалков* несопоставимы).

Ср.: *Если вы не Шекспир, это еще не значит, что вы Толстой* (Трушкин, 2000).

7. Обыгрывание структурного сходства имен как средство их «уравнивания» в определенном ситуативном контексте: *Мы с тобой одной крови. Чук и Гек* (Фоменко). *Чук от Гека недалеко падает* («Чук и Гек» — название детской повести А. Гайдара). Ср. прием введения имен в модельную сетку прецедентного высказывания (фразеологизма), в данном случае в представленной игровой трансформе ассоциативно считывается прототип *яблоко от яблони недалеко падает*.

8. Эффект ассоциативного наложения апеллятивной и ономастической семантики морфем в составе слова как способ создания каламбура: *Геноцид — это насилие над Чебурашками // По наследству передаются только гены и Чебурашки* (ономастическая зевгма). Ср. *геноцид и Гена; гены и Гена* (имя известного друга Чебурашки, крокодила Гены).

Таким образом, ассоциативная «обработка» антропонима обнаруживает потенциальную многомерность его интерпретации как единицы коллективного и индивидуального сознания. Ономастическая игра предстает при этом как процесс многократного декодирования и перекодирования этой информации в коммуникативном регистре «языковая/речевая значимость имени собственного — интерпретатор — адресат».

ЛИТЕРАТУРА

Ваганова И. Ю., Гридина Т. А. «Описываемое будущее» как модель ментального пространства в художественной фантастике (на материале повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу») // *Известия МГОУ. Сер. «Филология»*. — М., 2007. С. 14—20.

Вальтер Х., Мокиенко В. М. *Антипословицы русского народа*. — СПб.; М., 2006.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура*. — М., 2005.

Гридина Т. А. *Языковая игра: стереотип и творчество*. — Екатеринбург, 1996.

Гридина Т. А. *Языковая игра в художественном тексте*. — Екатеринбург, 2008.

Душенко К. В. *Словарь современных цитат*. — М., 2002.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и проф. М. Э. Рут

О. Н. Копытов
Хабаровск, Россия

Oleg Kopytov
Khabarovsk, Russia

МОДУС ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

MODUS OF THE PUBLICISTIC TEXT

Аннотация. Исследуются текстостроительные возможности модуса в публицистическом тексте. Модус понимается исходя из учения Шарля Балли, но его идеи распространяются с высказывания на текст. Инструментами описания являются категории модуса в концепции Т. В. Шмелевой. Кроме того, раскрываются взгляды автора на устройство текста современной публицистики, текста СМИ в общем.

Abstract. The article describes text construction opportunities of the modus in a publicistic text. The author's understanding of "modus" is based on the teachings of Charles Bally, but his ideas applied to the statements only are expanded to the text. Tools of description are the part of the category of modus in the conception of Professor Tatjana Shmeleva. In addition, the article contains the author's views in general on the arrangement of a modern publicistic (journalistic) text.

Ключевые слова: модус; текст; публицистика.

Key words: modus; text; publicism.

Сведения об авторе: Копытов Олег Николаевич, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Kopytov Oleg Nikolayevich, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Место работы: Хабаровский государственный институт искусств и культуры.

Place of employment: Khabarovsk State Institute of Arts and Culture.

Контактная информация: 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, д. 112.

e-mail: oleg_kopytov@mail.ru.

Для нас первым, главным, тотально определяющим специфику публицистического текста признаком является его **вторичность** по отношению к некоторому первичному тексту или прототексту. Точное определение этой вторичности публицистического текста (текста массовой информации/коммуникации в другой терминологии; некоторое несовпадение этих неполных синонимов мы прокомментируем позднее) сформулировал Юрий Владимирович Рождественский в известной книге «Введение в общую филологию» 1979 г.: «Тексты массовой коммуникации отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются „первичными“. В результате возникает новый вид текста со своими законами построения и оформления смысла» [Рождественский 1979: 163].

Требует разъяснения характер этого первоначального, первичного текста, того, что мы назвали прототекстом. Вначале пойдем эмпирическим путем: вспомним всё, что приходилось делать автору этих строк в свою бытность профессиональным журналистом. Какого бы жанра текст массовой информации мы ни продуцировали — монолог на радио, интервью в газете, очерк в журнале, репортаж на телевидении, — в каких бы СМИ ни работали, мы изучали не один, а несколько первичных текстов. Среди них обязательно был текст специальный: если велась подготовка к интервью о положении региональной экономики, это был соответствующий экономический текст; если мы готовили текст о региональном театре, это были, например, прототексты-высказывания о текущем положении дел в театре его художественных руководителей и актеров; если мы брали

интервью о современном состоянии нравственности в обществе, это были предварительные беседы с интервьюируемыми (философами, священниками и т. д.), а также тексты тех же СМИ либо специальные философские или клерикальные, содержащие тезисы, противоречащие или тождественные прототекстам интервьюируемого. Даже репортаж или спортивный комментарий, на первый взгляд первичные тексты, в реальной практике СМИ таковыми не являются, поскольку эфирный репортаж обязательно включает в себя прототексты: во-первых, мини-интервью с участниками событий, а во-вторых (и в главных), и репортаж с места событий, и спортивный комментарий, например футбольного матча, обязательно следуют за первичным прототекстом журналиста/комментатора/корреспондента, пусть слагающимся только в его сознании, но не как репортера, а как свидетеля/соглядатая событий.

Можно оттолкнуться и от известного тезиса журналистской педагогики: нет вообще журналистики, есть журналистика политическая, экономическая, спортивная, культурная и так далее, и где — в политике, экономике, спорте, культуре — будущий журналист лучше всего ориентируется, там он более всего проявит себя именно как журналист.

Наконец, вышеупомянутый тезис Ю. В. Рождественского находит немало подтверждений и в собственно лингвистических исследованиях других авторов. Например, исследователь газетно-публицистического текста В. И. Коньков писал: «В речевой структуре газетного текста мы находим влияние художественной, научной, официально-деловой и разговорной речи. Подтверждается гипотеза о синтетическом характере текстов массовой коммуникации» [Коньков 1995: 159]. Даже расхожее выражение «журна-

лист — это профессиональный дилетант» (мы бы добавили — в «любой области»), на наш взгляд, служит подтверждением данного глобального признака публицистического текста.

Очевидно, в понятия *первичный* и *вторичный текст* здесь вкладывается иное содержание, чем в классификациях текстов, оперирующих понятиями, выделяемыми на основе самостоятельности/независимости (например, *собственно сочинения* и *рефераты*, см. [Мещеряков 1998]). Так, обзоры СМИ — это жанр вторичных текстов в традиционном понимании термина «вторичный текст».

Из главного, глобального признака публицистического текста мы выводим его **модусное напряжение**. Зазор между «первичным» и «вторичным» текстами требует ответов на вопросы: кому принадлежит первичный текст, хорош он или плох, насколько достоверен и др., т. е. диктует необходимость имплицитного или эксплицитного проявления всех «классических» модусных категорий — авторизации, персуазивности, оценки и т. д. Причем даже умозрительно, не проводя специальных статистико-количественных исследований, можно утверждать, что в публицистическом тексте количественно лидирует авторизационный модус: автору достаточно часто приходится апеллировать к разнице между его артикуляцией и первичным текстом или прототекстом, а самому органу СМИ, в свою очередь, необходимо дистанцироваться от сообщения своего корреспондента или иного источника информации. Отсюда проистекает столь развитая в текстах СМИ система авторизационного модуса: *по словам N; как утверждают наши источники в российском МИДе; пишет газета „Коммерсантъ“ со ссылкой на агентство „Рейтер“*; ремарки с именами говорящих в газетном тексте; титры под изображениями с говорящими в телевизионном репортаже; «подписи» в репортажном телевизионном кадре и т. д.

Еще одним основополагающим признаком публицистического текста является его имманентная направленность на значительное изменение сознания адресата и на определенные действия адресата. Другими словами, в самом предназначении публицистического текста скрыта огромная иллюкативная сила. Часто она эффективно проявляется и приносит ощутимые эффекты. Достаточно вспомнить, какое огромное значение имели пресса и устная публицистическая речь для изменения патриотических настроений в русском обществе в революционные 1916—1917 гг., приведшие к глобальным общественным изменениям в России, или то, как от одной газетной публикации или телевизионной передачи в России 1990-х гг. рушились казавшиеся прочными экономические структуры, например, «лопались» банки.

Авторской интенции убеждения и ее реализации в публицистическом тексте (языке СМИ)

только в 2000-е гг. посвящено огромное количество работ лингвистов, культурологов и специалистов по журналистике (см., например, библиографию к диссертации [Клушина 2008а]). Авторская интенция убеждения оказывается неэффективной при реализации только грубыми приемами, например, чрезмерной насыщенностью прямыми императивами («Вся власть Советам!»; «Голосуй, а то проиграешь!»). Хотя и эти примеры — часть модуса, в данном случае императивного модуса, в терминах Т. В. Шмелевой. Кроме императивного модуса, в создании воздействующих эффектов могут и принимают участие все виды модуса, одни из самых активных — оценочный и актуализационный.

Убеждению необходимо реализовываться в столь сложных обстоятельствах многомерного и полифоничного мира, в котором одно, допустим, «черное» иногда резко, а иногда медленно перетекает в другое, допустим, «белое», решать такие сложные задачи, вплоть до выдвигания лозунгов, противоречащих самой «правде жизни», что убеждению требуется разнообразная, сложная и тонкая система модусно-диктумного и жанрового инструментария плана выражения. Такой инструментарий есть, и его необходимо исследовать. Это тем более важно, поскольку, по утверждению современной лингвистики, сегодня СМИ существуют в условиях, когда грань между убеждением фактами и убеждением манипулированием давно перейдена: «Следует констатировать, что сегодня в публицистическом дискурсе происходит смещение убеждения в сторону манипуляции. Не случайно сегодня все чаще говорят о *массовокоммуникативном дискурсе* как не просто воздействующем типе дискурса, но как манипулятивном, „сплошном“, подавляющем рациональное восприятие информации и навязывающем адресату заданные смыслы сообщения» [Клушина 2008б: 29]. Мы уже показывали механизмы такого смещения в работе «Концепт „терроризм“ в свете модуса именованного» [Копытов 2005], в которой анализировалось, как американские СМИ в пору войсковой операции «Буря в пустыне» и до нее смогли облечь симулякры — пустые, лишённые референтов понятия вроде «иракского оружия массового поражения» — в формы, убеждающие в действительном наличии референтов. Одним из главных инструментов в таком риторическом действии является актуализационный модус, например, в паре с перерасположением диктума, когда в сетку координат «я-здесь-сейчас» между настоящими пропозициями, в настоящий многочисленный диктум, например «Саддам-репрессии-бедность», помещается упомянутый диктум-симулякр. Более свежий пример представляет почти полностью манипулятивная природа освещения западноевропейскими, некоторыми восточноевропейскими (польскими, латвийскими) и почти всеми американскими СМИ «войны 08.08.08», т. е. отражения российской армией грузинского

вторжения в Южную Осетию. Здесь также был задействован мощный и разнообразнейший арсенал приемов лжи: от чисто лингвистических, например, характеризующих (модусных) прилагательных и существительных — *горящий* Гори, грузинские *беженцы* — до примитивной подмены картинки (фотография или телекартинка сгоревших домов Цхинвала с подписью «Гори»). Огромную роль в этих приемах играл модус текста.

Третьим глобальным фактором необычайного разнообразия и развития модуса публицистического текста является бурное **развитие жанровой системы** публицистики (речи СМИ) в начале XXI в. Оно отмечается практически всеми исследователями языка СМИ и журналистики в целом. К собственно-публицистическому стилю (подстилю) традиционно относятся аналитические жанры (аналитическая статья, рецензия, комментарий, обзор, корреспонденция и др.), сатирические жанры (фельетон, памфлет, сатирическая реплика и др.), художественно-публицистические жанры (очерк, зарисовка, эссе и др.). Каждый из них имеет множество подвидов. В бурном жанровом развитии публицистики авторы исследований отмечают некую «креолизацию жанров», а именно: типизированные контаминации комментария и памфлета (на наш взгляд, яркий тому пример — программа «Однако» М. Леонтьева на «Первом канале»); эссеизация газетных жанров [Дмитровский 2003; Кайда 2008]. Как самостоятельные в 2000-е гг. выделяются жанры исповеди, прогноза, рейтинга, шутки и т. п. [Тертычный 2000]. Особо рассматривают функционирующие сегодня относительно самостоятельно и формирующие собственные специфические признаки ораторские жанры (выступление на митинге, публичные выступления политиков, дебаты), коммуникативные жанры (пресс-конференция, брифинг, саммит, встреча «без галстуков»). Среди сатирических жанров описаны как самостоятельные и существующие отдельно от традиционных прикол, стёб и афоризм [Беглова 2007]. По-своему живут, множатся и описываются исследователями рекламные жанры. И так далее.

В каждом из жанров СМИ (публицистики), — уже ставших самостоятельными или только претендующих на независимость от традиционных, — формируются в том числе и собственные признаки модусно-диктумного устройства. Сам прорыв за рамки традиционных жанров и строительство новых жанровых пространств в немалой степени осуществляется за счет метааспекта. Один из наиболее распространенных приемов — жанровое указание, например: *далее в этом очерке приведем небольшой отрывок из нашего интервью прошлого года; как писали бы в старинном фельетоне; наш жанр не позволяет сказать об этом подробно, но всё-таки приведем детальный пример*; на телевидении в этой роли выступают игровые эпи-

зоды, реконструирующие реальные события, причем в черно-белых тонах, в отличие от цветной картинки основного материала, и т. п.

Возникает важный вопрос: можно ли считать прерогативой именно публицистического текста нацеленность современных текстов не на *любого* (провиденциального) читателя, а только на *своего* читателя (на читателя-друга, целевую аудиторию)? Некоторые исследователи считают, что да, можно. В публицистическом тексте складываются особые отношения автора и читателя, и понятие целевой аудитории наиболее релевантно именно для публицистических текстов: «В настоящий момент ориентированность на адресата с его конкретными социальными характеристиками, иначе говоря, на целевую аудиторию, один из важнейших признаков любого профессионального текста массовой коммуникации, в частности совокупного текста определенного средства массовой информации» [Каминская 2009: 3]. Однако нам представляется, что ситуация в современном текстопродуцирующем процессе сложнее: сегодня автор не только публицистического текста, но и художественного и даже научного имеет в виду определенного читателя, а не пишет для провиденциального читателя или «вообще-для-истины». Достаточно сказать, что с конца XX в. окончательно разделились художественная литература массового спроса и художественная литература повышенного культурного запроса (элитарная). Внутри первой почти самостоятельно живут, в том числе именно при поддержке определенного читателя, «женский роман»; «просто детектив», «детектив сыщика-дилетанта» и «иронический детектив»; «рублевский гламурный роман» и «гламурный роман Лазурного берега» и т. д. Более того, в 2000-е гг. между «массовой» и «высокой» литературой (от Достоевского до «деревенщиков» типа Распутина, Белова и Астафьева) образовалось — именно вследствие раздела сфер влияния на читателя — несколько пограничных слоев: «литература модных имен» (от Алексея Иванова и Дмитрия Быкова до Ольги Славниковой), «романы подонков» (Вадим Чекунов и др.), «крепкая беллетристика» (Людмила Петрушевская, Людмила Улицкая и др.), «новый реализм», провозглашенный в противовес «старому новому реализму» (Роман Сенчин, Захар Прилепин), и т. д. Судя по всему, сегодня именно эти «пограничные слои» (получается, что по сути маргинальные) мощнее всех и громче всех заявляют о себе. Они развиваются успешнее остальных, и так будет продолжаться вплоть до тех пор, пока у них есть собственная целевая аудитория. При этом «широкого признания», то есть рекомендаций «читать всем», например повсеместной включенности в вузовские учебники по литературе, произведения, рассчитанные именно на «целевую аудиторию», пока не получили. Некоторые авторитетные филологи вообще отказывают текущему литературному

процессу не только в светлом, но в любом будущем (проф. МГУ А. А. Волков в интервью газете «Татьянин день» от 24 мая 2010 г. заявил: «Я не пророк, но мне кажется, что и писателей сегодняшних помнить не будут. Лично мне никакие не нравятся, я их не читаю, и читать не собираюсь»). Последние авторы, бесспорно «рекомендованные к чтению», т. е. попавшие в учебники по современной литературе — это Людмила Петрушевская, Виктор Пелевин и Владимир Маканин, причем только с произведениями, написанными в 1990-е гг. и раньше, т. е. с такими, которые писались для всех, для читателя провиденциального, а не для «целевого», «солидарного», «своего». Публицистика, в отличие от беллетристики, по самой своей природе диалогична, полемична. Здесь можно завоевать на короткий срок «своего» адресата, но практически невозможно его удержать (во всяком случае, ни нам, ни нашему окружению не доводилось вживую повстречать фаната В. Познера или Н. Сванидзе, или того же М. Леонтьева).

Таким образом, по нашему убеждению, приоритетной имманентностью, «эксклюзивностью» узко понимаемая адресность ни изящной словесности, ни тем более публицистического текста сегодня не обладает. Хотя, безусловно, **воздействие на адресата вообще** — одна из фундаментальных функций публицистики, одна из ее существенных характеристик, и сама публицистика и понимается многими исследователями как один из типов коммуникации, предназначенных именно для воздействия: «Публицистика понимается как тип творчества, если точка отсчета — основная функция воздействия» [Кайда 2006: 19].

Кстати, не считая выделения двух важнейших для общественно значимого текста функций — воздействия и информирования, — многие авторы сегодня даже и не стремятся к полному, окончательному определению содержания термина «публицистика», впрочем, как и терминов «журналистика», «тексты СМИ», «язык СМК». Отчасти можно согласиться с Л. Г. Кайда, которая утверждает: «В конце концов, что это такое — „публицистический текст“? Вся многоаспектная наука о публицистике не дает на него точного, глубокого и всеобъемлющего ответа. Скорее всего, его и не может быть» [Там же]. И всё-таки в любом исследовании должны приводиться хотя бы рабочие определения понятий. В качестве такового выберем для «публицистического текста» следующее: это такое качество текста, которое информирует о текущих общественно важных событиях и/или оценивает их. Под «журналистикой» условимся понимать род деятельности, направленный на производство публицистических текстов, под «СМИ» — все институты и учреждения журналистики, а под «языком СМИ» — особые функциональные качества национального языка, регулярно воспроизводя-

щиеся в публицистических текстах. Понятно, что «публицистические тексты» шире, чем «тексты СМИ», поскольку СМИ не только сущностное, но и юридическое понятие, и, например, заметка в школьной стенгазете будет публицистическим текстом, но не будет «текстом СМИ», если эта газета не зарегистрирована как средство массовой информации согласно действующему законодательству.

Выше мы упоминали еще одну важнейшую категорию модуса публицистических текстов — **оценку** (с главными операторами «хорошо — плохо»). Воздействие, в отличие от «чистого информирования» (если последнее вообще возможно), своим основанием всегда имеет элементарно, а чаще — усложненно составленный рисунок положительных и отрицательных оценочных смыслов (направленностей). Недаром большинство исследователей в публицистическом тексте отдельно рассматривают как минимум два типа оценки — прямую и скрытую (см., напр.: [Кайда 1977]; [Клушина 2008]; в последней работе эксплицитной и имплицитной оценке посвящены отдельные разделы). С древнейших времен в общественно значимом дискурсе о современности недостаточно сообщить о событии, необходимо сказать, хорошо это или плохо, если плохо — как такого избежать в дальнейшем. Это неизбежно требует той или иной экспликации авторской позиции. А всё, что касается роли автора и ее проявления, так или иначе связано с модусно-диктумным устройством высказывания и текста.

Таким образом, пятым элементом, пятым фундаментальным фактором, формирующим модусное устройство публицистического текста, является «громкое» или «тихое» проявление **авторской позиции** (2) в публицистическом тексте, которое взаимосвязано и даже определенным образом генерирует в себе и все четыре предыдущих компонента — **«вторичность»** (1) текстов СМИ, **определяющую роль воздействия на адресата** (3), **жанровую неустойчивость** (4) и **высокое требование оценки** (5).

Далее необходимо наметить контуры многоликого и, как правило, скрытого, а не открытого **авторского «я»** в публицистическом тексте с точки зрения его модусного устройства, что составит отдельный подраздел данной статьи.

Предваряя главную часть, рассказывающую о модусе публицистического текста, скажем, что в нем представлены все три блока категорий модуса, которые выделяет Т. В. Шмелева, — **метакатегории**, **актуализационные** и **квалификативные** [Шмелева 1988], — причем в зависимости от жанра и даже от позиции в жанровой композиции одна из модусных категорий выступает в качестве регулярной и основной. Другими словами, в отличие от модуса художественного текста, наиболее сложного и непредсказуемого вида творчества, в тексте СМИ, в публицистике модус чаще жестко пре-

допределен. Например, в оперативных жанрах, обобщенно говоря, в жанре новости (заметка, информация, хроника в газетном тексте; телеили радиокадр информационного выпуска) одной из ведущих являются актуализационные категории: текст со словом «сегодня», телекадр со словами «как известно на этот час» и под. Например: «Президент Медведев в ходе своей дальневосточной поездки полчасика назад прибыл в Биробиджан и отправился в местный Дом бракосочетаний, один из лучших на Дальнем Востоке». В том же жанре эфирного информационного выпуска в его начале и в конце важнейшей становится социальная категория приветствия/прощания: «Здравствуйте, уважаемые радиослушатели»; «О дальнейших событиях расскажет „Время“ и под. В жанрах, допускающих иронию и юмор, одна из главных модусных категорий — частнооценочная категория «плохого» с разнообразнейшим реестром конкретных реализаций. В «державных» или «отчетных» жанрах, например репортажах об инаугурации президента или вступлении в должность губернаторов, о ежегодных посланиях президента и т. п., ведущей выступает частнооценочная категория «хорошего» с ее менее разветвленной, но все же имеющей инвариантность. В комментариях, а также новостях, когда ньюсмейкерами являются не входящие в редакцию персоны, одно из главных модусных средств — взаимодействие авторизации и персуазивности: «Источники, близкие ФБР, утверждают, что „шпионский скандал“ готовился именно к окончанию встречи Обамы и Медведева».

Можно подойти к проблеме и с другой стороны и сказать, что необходимость регулярной экспликации и/или импликации модусных смыслов в определенной мере формируют и саму жанровую систему публицистических текстов, и их композиционные правила.

Однако, повторимся, явлением, так или иначе цементирующим модус публицистического текста, который, в свою очередь, выступает одним из главных способов текстостроительства, является позиция автора, авторское начало, авторское «я» в публицистическом тексте, речь о котором пойдет ниже.

АВТОРСКОЕ «Я» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО МОДУСНОГО УСТРОЙСТВА

В любой из глобальных школ журналистики, которых, по большому счету, две (американско-британская, называемая также функциональной, и континентальная европейская, к которой относится и российская, упрощенно именуемая авторской [см.: Таловов 1990; Кучерова 2000]), главным способом выражения авторского «я» является непрямо́й, имплицитный, скрытый. Прямое выражение авторского «я» в публицистике — факультативный способ.

Однако в рамках обеих школ (понятно, что их разграничение довольно условно) мы встре-

тим немало примеров прямой экспликации авторского «я», и каждый раз необходимо разобратся, почему магистральная формула *издание пишет* («В „Ведомостях“ пишут...»; «„Таймс“ опубликовала...» и под.) меняется именно в данном материале, именно в этом месте определенного материала на «Я пишу...». С точки зрения модусного устройства публицистического текста, эксплицированное авторское «я» в глобальном, в общем плане всегда подчеркивает вторичность текста по отношению к событию, т. е. выражает один из модусных смыслов или сразу несколько модусных смыслов.

Лидирует при этом смысл персуазивности в виде указания на достоверность сообщаемого, взаимодействующий, вплоть до сращения, с «я»-авторизацией. Более того, в публицистике есть целый жанр с разветвлением разновидностей, действуя в рамках которого, корреспондент СМИ на собственном примере исследует какую-то проблему, является не наблюдателем событий, а их участником. На телевидении это так называемый жанр прямых включений с места событий, в газетно-журнальной области таким материалам уже в блоке заголовков/подзаголовков (в заголовках-врезках), как правило, дается специальное жанровое определение. Например: «Догнать и перегнать. 2010 год прошел под знаком „Фейсбука“. О своем опыте пользователя самой популярной социальной сети размышляет Лидия Маслова» (Коммерсант. 27.12.2010).

Ниже мы приведем еще несколько случаев экспликации авторского «я» с точки зрения модусной организации публицистического текста. Однако предварительно дадим общий взгляд на сущность данного явления. Экспликация авторского «я» в публицистическом тексте фиксирует третий слой субъективации текста. Первый слой характеризуется следующим: вслед за самим событием следует его «объективная» вторичность — освещение самим изданием: «В „Ведомостях“ пишут...»; «„Таймс“ опубликовала...» и под. Второй слой — жанр. От наиболее «объективированных», например, передовицы, публикующей, как правило, под заголовком «редакционная статья», «от редакции», «главное» и т. п., до «фельетона», «очерка» и «блога». И наконец, третий слой — любая экспликация формы «я» в материале СМИ, публичной лекции или выступлении на митинге. Характерной чертой публицистической сферы является то, что экспликация «я» здесь почти всегда очередной слой субъективности, который выступает частью не «субъективирующей», а именно «объективирующей» риторики. Другими словами, отмеченный нами третий «субъективирующий слой», к которому мы отнесли прямую экспликацию «я» в газетно-журнальном, телевизионном, интернет- и любом другом публицистическом тексте, существен не сам по себе, но как парадоксальный метод «агитации

фактами» (я — это факт), а не «внутренним миром говорящего».

Возьмем любой случай употребления «я и его модусного осмысления» в публицистическом тексте, и увидим, несмотря на кажущееся разнообразие форм, жесткое соблюдение именно такой трехслойной организации и знаковые смыслы модуса.

В последнее время руководители — от высших, президента и премьер-министра, до руководителей низовых органов самоуправления, — на наш взгляд, в качестве одного из основных риторических приемов публицистических выступлений, очень популярных на телевидении («Разговор с Путиным» в 2000-е гг.; жанры «беседа с губернатором», «диалоги с мэром» и под.), используют прием экспликации императивного модуса в качестве модального. В риторическом плане это более «политкорректный» и «демократический» прием, нежели экспликация прямого, категорического императива. Прием состоит в следующем: вместо того, чтобы говорить: «Я так **решу** проблему; сделаю, расскажу, распоряжусь, покажу, накажу и под.», — чиновник говорит: «Я это (проблему) знаю, для решения **надо**...» Тем самым совместно с экспликацией «я» эксплицируется модальность (по форме), по сути являющаяся императивом. При этом адресата императива нет, и в такой синтаксической форме быть не может, поэтому перевод таких императивов из модальных форм (возможности, необходимости и т. д.; актуальной здесь и сейчас или менее актуальной) — дело ответственности чиновников, законодателей и прочих людей, которые способны эту ответственность за собой лично усмотреть. Пример из «Разговора с Путиным» 2002 г. «ВОПРОС: Михаил Васильевич Балабанов, город Омск. Владимир Владимирович, здравствуйте! **Говорят**, что в российской армии генералов в два раза больше, чем в советской... **Нельзя ли** сократить в два раза?... **Я, кстати, знаю**, что Вы активно занимаетесь спортом. **Может быть, надо** ввести специальный „путинский стандарт“? Не думаю, что половина наших генералов сможет подтянуться хотя бы 10 раз... Не сдал норматив по физподготовке — тогда в отставку. В. В. ПУТИН: Михаил Васильевич, **что касается генералов**... Ваше предложение уже исполнено: количество генералов сокращено вдвое. **Я думаю, что, конечно же, можно** вводить определенные стандарты и **нужно** это делать. **Важно, мне кажется**, не только количество генералов, **а важно и то**, где и как они исполняют свои служебные обязанности...» (<http://www.linia2002.ru>).

Надо, нужно, необходимо, целесообразно, важно и под. операторы **модальных** модусных смыслов в публицистическом тексте, наряду с операторами **авторизации** и **персуазивности**, также пребывающими в лидерах модуса публицистического текста, употребляются и

сами по себе, с собственными, прямыми грамматическими смыслами, и как «лукавые», неявные формы иных смыслов, чаще всего — императивного и оценочного.

Наконец, приведем пример использования третьего ведущего публицистического модуса — **оценочного**, который часто тоже воедино спаян с модусами персуазивности, авторизации и модальными. Например: «**Это был преступный режим, который и избирался-то в свое время под дулами бандитов и международных террористов. Что за этим последовало, мы хорошо знаем; У нас в Осетии межнациональная политика ведется очень хорошо. Я думаю, что и везде должно быть так; Сергей Николаевич, это не соответствует действительности, у нас нет никакой возможности, но и главное, нет желания** укрупнять регионы и ставить во главе регионов, **у меня, во всяком случае, нет такого желания, назначаемых лиц. Мы эту проблему в истории нашей страны проехали. Хорошо это или плохо, у нас сложилось так, что руководителей регионов избирает население прямым тайным голосованием. Так прописано в Конституции, и так должно остаться»** (примеры оттуда же). (Другое дело, что с тех пор система выборов губернаторов сменилась на прямо противоположную, но мы говорим о модусе, а не о диктуме.)

Конечно, кроме аспекта модуса, эксплицированное авторское я в публицистическом тексте исследовано и исследуется в аспектах риторики, композиции и жанра, в целом стилистики как самими представителями журналистского и писательского цеха (например, немало интересного написал об этом М. М. Пришвин), так и сегодняшними публицистами и филологами. Наблюдения «изнутри» своего «я», вообще «я» в публицистике М. М. Пришвина согласуется с нашими результатами об объективирующем эксплицированным «я», ср.: «В тот момент, когда на фоне давно знакомого мне нарисовывается какая-то форма, которую могу записать, и я беру бумагу — это „я“, от которого я обыкновенно пишу, по правде говоря, уже „я“ сотворенное, это — „мы“. Мне не совестно этого „я“: его пороки не лично мои, а всех нас, его добродетели возможны для всех» [Пришвин 1975: 348].

Нельзя не согласиться с авторами, которые выдвигают в центр проблемы эксплицированного «я» в публицистике, в газетно-журнальном тексте явление **позиции автора** (А. А. Волков, Г. В. Колосов, Л. Г. Кайда и др.) с такими главными чертами **личности автора** публицистического текста, как компетентность, ответственность, неравнодушие.

ЛИТЕРАТУРА

Беглова Е. И. Семантико-прагматический потенциал неcodифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи. — М.: Изд-во Моск. гос. открытого ун-та, 2007.

Дмитровский А. Л. Эссе как жанр публицистики: дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2003.

Кайда Л. Г. Выражение авторской оценки в современном фельетоне (опыт функционально-стилистического исследования подтекста на материале синтаксиса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1977.

Кайда Л. Г. Композиционная поэтика публицистики: учеб. пособие. — М.: Флинта; Наука, 2006.

Кайда Л. Г. Эссе. Стилистический портрет. — М.: Флинта; Наука, 2008.

Каминская Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2009.

Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.): дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008а.

Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008б.

Коньков В. И. Речевая структура газетного текста. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.

Копытов О. Н. Концепт «терроризм» в свете модуса именования // Международный терроризм: внутренняя структура понятия и его роль в политическом дискурсе: сб. науч. тр. / под ред. Л. Е. Бляхера. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2005. С. 31—42.

Кучерова Г. Э. Очерки теории зарубежной журналистики (XIX — первая половина XX вв.). — Ростов н/Д: Комплекс, 2000.

Мещеряков В. Н. Текст // Педагогическое речеведение: словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. — М.: Флинта; Наука, 1998. С. 239—240.

Пришвин М. М. Записи о творчестве // Контекст-1974: Литературно-теоретические исследования. — М., 1975. С. 329—358.

Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. — М.: Высш. шк., 1979.

Таловов В. П. Журналистское образование в СССР: учеб. пособие. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2000.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». — Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и проф. Т. В. Шмелева

УДК 81.22:811.112.2

ББК Ш143.24

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.04

Н. Л. Романова
Москва, Россия

N. L. Romanova
Moscow, Russia

**СВОЕОБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ МЕТАФОРЫ
В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕССЫ ФРГ РУБЕЖА XX — XXI ВВ.)**

**SPECIFICITY OF RELIGIOUS METAPHOR
IN MODERN GERMAN PRESS
(BASED ON THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY
PRESS MATERIALS, ISSUED ON THE BOUNDARY
OF XX—XXI CENTURIES)**

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.04

Аннотация. *Анализируются метафоризированные религиозные термины в немецкой прессе рубежа XX — XXI вв. В основе исследования лежит когнитивно-информационный подход — метод, направленный на установление взаимосвязи между спецификой информации, заложенной в религиозных терминах, и объектами действительности, подвергающимися метафоризации. Описываются важнейшие фреймы и концепты религиозной метафорической модели, оценивается их прагматический потенциал.*

Abstract. *The paper is devoted to the analysis of metaphorized religious terms in German press publications, issued on a boundary of 20-21 centuries. Presented investigation is based on cognitive-informational method, which is directed on elucidation of the relationships between the specific information, containing in religious terms and reality objects, subjected to metaphorization. The paper also describes the main frames and concepts of religious metaphorical model and evaluates its pragmatic potential.*

Ключевые слова: *религиозная метафора; детерминализация; терминологическая информация; метафорическая концептуализация; метафорическая модель; фрейм; слот; метафорический концепт.*

Key words: *religious metaphor; determinologization; terminological information; metaphorical conceptualization; metaphorical model; frame; slot; metaphorical concept.*

Сведения об авторе: *Романова Наталья Леонидовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языкознания.*

About the author: *Romanova Natalia Leonidovna; Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of the German Linguistics.*

Место работы: *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

Place of employment: *Moscow State University n.a. M. V. Lomonosov.*

Контактная информация: *119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й ГУМ. e-mail: natabu1@yandex.ru.*

В языке современной немецкой прессы большое распространение получили метафорические преобразования терминов, ведущие к их детерминализации. Новые слова, возникающие в результате этих процессов, выражают социальную оценку происходящего, а также обладают экспрессивной и идеологической окраской.

Необходимо отметить, что метафорическое переосмысление само по себе еще не свидетельствует о детерминализации, о приобретении термином нового переносного значения. Л. А. Капаназе разграничивает три стадии переносно-образного употребления: «...образное переосмысление (метафора), переносное употребление (частотная метафора) и переносное значение (связанное с детерминализацией слова)» [Капаназе 1965: 16]. «Благодаря метафоре, основанной на ассоциативной образности, термин обретает вторую жизнь в качестве общеупотребительного слова, отличающегося особой наглядностью», — указывает Н. М. Володина [Володина 2000: 67].

Высокая продуктивность метафорического употребления специальной лексики в прессе объясняется близостью когнитивно-информационных качеств терминологии функционально-стилевым и коммуникативным характеристикам публицистического дискурса.

При использовании терминов в переносном значении особенность метафорической информации, заключающаяся в способности воздействовать на читателя, сочетается с точностью терминологической информации, что способствует созданию четкого образа, характеризующего конкретное событие. Таким образом, в результате метафоризации терминов реализуются одновременно две самые важные функции публицистического дискурса — информативная функция и функция воздействия.

Специфика когнитивно-информационного подхода к исследованию метафоры, основанной на термине, состоит в том, что при данном подходе устанавливается взаимосвязь между использованием метафоризированных терминов для концептуализации различных отрезков действительности и своеобразием терминологической информации, заложенной в самих терминах.

Одним из видов когнитивной модели (структура знаний, служащая фоном для когнитивной переработки, в частности для выяснения значения высказывания) является метафорическая модель [Лакофф 1988]. По определению А. П. Чудинова, метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, например «избирательная кампа-

ния — это марафон» [Чудинов 2003: 70]. Таким образом, метафорическая модель представляет собой когнитивный аналог объективного мира, создаваемый на основе классификационных связей метафорических единиц.

Метафорическая модель подразделяется на фреймы (знания, организованные вокруг некоторого понятия). Фрейм включает определенные слоты, т. е. элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма. При характеристике составляющих слота используется термин «концепт».

Концепт отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [Кубрякова 1996: 90]. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептоферу.

Метафорическая модель, основанная на религиозной метафоре, в современной немецкой прессе является среднечастотной и достаточно продуктивной. Она характерна для политической (рубрика „Politik“), экономической (рубрика „Wirtschaft“) и социокультурной (рубрика „Feuilleton“) сфер. Данные выводы были сделаны на основании анализа более 500 метафор, принадлежащих различным моделям, в статьях немецких газет „Die Zeit“, „Süddeutsche Zeitung“, „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, „Die Welt“ и журнала „Der Spiegel“, датированных с 1998 по 2004 г. [Бучнева <Романова> 2004].

Религиозная метафорическая модель часто характеризуется положительной эмотивностью. Это связано с позитивным отношением большинства авторов и реципиентов метафорических образов к сфере-источнику. Однако в данной модели присутствуют и метафорические образы, основной когнитивный потенциал которых базируется на ироническом отношении к описываемым объектам. Такое восприятие религиозной терминологии имеет свои истоки еще в историческом прошлом, когда в некоторых случаях деятельность отдельных священников или церкви в целом не являлась примером святости, а отличалась лицемерием и фальшью.

В качестве вспомогательных субъектов метафор обычно используются известные большинству людей наименования священнослужителей, церковных обрядов и элементов богослужения. С помощью этих терминов, как правило, концептуализируется деятельность ключевых политических фигур, направленная на решение особо важных внутренних и международных проблем.

Метафоры данной модели вызывают чувство оптимизма, если они относятся к позитивным явлениям в общественной жизни или к правильным политическим решениям. В том случае, когда религиозные метафоры направлены на критику каких-либо событий или поступков государственных деятелей, они прово-

цируют осуждение власти, апеллируя к религиозной морали.

Собранный языковой материал позволяет выделить внутри метафорической модели «Политика, экономика и общественная жизнь — это религия» следующие фреймы:

1. Фрейм «Церковные обряды». Метафоры этого фрейма направлены, как правило, на концептуализацию особо важных событий, особенно в сфере политики. Данные метафорические концепты могут использоваться журналистами как для положительной, так и для негативной оценки происходящего:

«Mit dem Euro gab sich die Union der 15 Nationen eine monetäre Verfassung; und mit der Niederlage der Kommissionkritiker erhielt sie... ihre *konstitutionellen Weihen*». — «Благодаря евро у союза 15 наций появилась монетарная конституция, и после поражения критиков комиссии она получила *конституционное освящение*» („Die Zeit“. 1999. № 4. Politik, S. 3).

«So aber sind die beiden zentralen EU-Länder die größten Sünder, und sie sind schon dabei, sich selbst *den Ablass zu erteilen*». — «Таким образом, обе центральные страны Европейского союза оказались величайшими грешницами, которые сами себе *отпускают грехи*» („Die Zeit“. 2003. № 37. Politik, S. 1).

«Er werde mit allen Mitteln *„die Heiligsprechung von Fischer stoppen“*, verspricht Gerhard, sonst ein Mann moderater Worte». — «Герхардт, обычно высказывающийся сдержанно, обещает, что он всеми средствами будет *„препятствовать канонизации Фишера“*» („Frankfurter Allgemeine Zeitung“. 2001. № 45. Politik, S.3).

2. Фрейм «Люди церкви». Метафоризированные термины данного фрейма служат для образной номинации различных лиц, проповедующих высокие или новые, интересные идеи в политической, экономической и культурной областях. Очень часто данные метафоры зафиксированы в словарях как переносное значение или употребление лексем:

«Die Republik... soll ihre Vergangenheit nicht vergessen. Aber Bescheidenheit oder gar Demut, das wird man vom *Wanderprediger* Kohl noch öfter hören, stehen ihr schlicht am besten». — «Республика... не должна забывать свое прошлое. Но скромность или даже смирение — это будут слышать от *странствующего проповедника* Коля все чаще — идут ей больше» („Die Zeit“. 1999. № 45. Politik, S. 2).

«Einen *„politischen Wanderprediger“* nennt Wolfgang Thierse sich. Nun tritt er das zweithöchste Amt im Lande an». — «Вольфганг Тирзе называет себя *„странствующим политическим проповедником“*. Теперь он занимает второй по важности пост в стране» („Die Zeit“. 1998. № 45. Politik, S. 2).

Слово-термин «Prediger» имеет в немецком языке значение 'человек, проповедующий что-либо, в том числе и какие-то политические взгля-

ды', однако за словом «Wanderprediger» такого значения в толковом словаре Duden (Deutsches Universalwörterbuch, 1996) не закреплено.

«Die beiden Professoren gelten als *die Päpste der Internet-Ökonomie* in den USA» (der Papst — Папа Римский). — «Оба профессора считаются *отцами интернет-экономики* в США» („Die Zeit“. 1999. № 4. Wirtschaft, S. 17).

«Im Allgemeinen besteht die Originaltätigkeit der Zeitgeistwächter nämlich in der Hatz auf *Moralapostel...*» — «В общем и целом подлинная деятельность стражей духа времени заключается в погоне за *апостолами морали...*» („Die Zeit“. 2002. № 47. Feuilleton, S. 50).

3. Фрейм «Богослужение». Различные элементы богослужения подвергаются метафорической концептуализации в разнообразных областях. Самые распространенные концепты этого фрейма — однокорневые слова-термины «predigen» и «die Predigt». В метафорических выражениях с их использованием актуализируется смысл 'что-то настойчиво рекомендовать', 'призывать к чему-то':

«Politiker und Beamte sind *der Moralpredigten aus den Nato-Staaten überdrüssig*». — «Политикам и чиновникам надоели *моральные проповеди из стран НАТО*» („Die Zeit“. 1999. № 49. Politik, S. 11).

«Das Modell Hilti — ist es ein Vorbild, das andere nachahmen sollten? Vieles, was bei den Liechtensteinern *gepredigt wird*, gehört zweifellos zum Mainstream des modernen Managementdenkens». — «Модель Хилти — это пример, которому всем следует подражать? Многие из того, что *проповедуется* в Лихтенштейне, без всякого сомнения относится к основному направлению современного менеджерского мышления» („Die Zeit“. 2003. № 39. Wirtschaft, S. 29).

«Dann *wird viel politischer Weihrauch aufsteigen*, zum Lobe von Wahlen in der ehemaligen Sowjetunion». — «Потом будет *куриться политический фимиам* во славу выборов в бывшем Советском Союзе» („Die Zeit“. 1999. № 51. Politik, S. 1).

В метафорических выражениях участниками богослужения могут быть не только группы людей, но и целые слои общества:

«Aus diesem Grund hatte der Spiegel den Big Brother-Container schon inspiziert, bevor Guido Westerwelle mobil zur Stelle war. Er hoffte *auf ein Pontifikalamt der Spaßgesellschaft* und beugte die Knie». — «По этой причине журнал „Шпигель“ проинспектировал телевизионное шоу „Big Brother-Container“ еще прежде, чем Гидо Вестервелле прибыл на место. Он надеялся на *обедню*, которую совершит общество, ориентированное на развлечения, и преклонил колени» („Die Zeit“. 2002. № 47. Feuilleton, S. 50).

4. Фрейм «Религиозная живопись». Метафоры этого фрейма распространены в современной немецкой прессе не так широко, как метафорические концепты других фреймов. Нами был обнаружен один случай образного переос-

мысления термина, относящегося к группе «религиозная живопись». Данный термин уже подвергался процессу детерминологизации: «Sie (Kunst) ist weltlich, aber es umgibt sie mehr denn je *ein Nimbus die Gegenwart überschreitender Wahrheit*». — «Искусство — сфера мирского, но его больше, чем когда-либо, окружает нимб правды, переходящей границы современности» („Die Zeit“. 2004. № 8. Feuilleton, S. 37).

5. Фрейм «Святые и грешники». С помощью метафор этого фрейма нормы религиозной морали, касающиеся поведения людей, переносятся в сферу политической и экономической деятельности: «Premier Wladimir Putin verkörpert die Sehnsucht nach dem *nationalen Erlöser*». — «Премьер Владимир Путин воплощает тоску по *национальному спасителю*» („Die Zeit“. 1999. № 49. Politik, S. 11). «So aber sind die beiden zentralen EU-Länder *die größten Sünder...*» — Таким образом, обе центральные страны Европейского союза оказались *величайшими грешниками...*» („Die Zeit“. 2003. № 37. Politik, S. 1).

Обобщая результаты исследований религиозной метафорической модели, можно сделать вывод, что принадлежащие ей метафорические концепты достаточно активно используются журналистами, но наиболее широко они распространены в политической и социокультурной сферах. В результате метафорического переосмысления индивидуальные знания и представления автора метафоры трансформируются в метафорическую информацию, которая обобществляется в системе коммуникации. Этот процесс объемлет целеполагающую интенцию журналиста, задающую те когнитивные и прагматические функции, которые будет выполнять метафора в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М., 1994.
- Бучнева (Романова) Н. Л. Когнитивно-информационный и лингвопрагматический аспекты метафоризации терминов в современной немецкой прессе: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004.
- Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Капанадзе Л. А. Взаимодействие терминологии с общеупотребительной лексикой // Развитие лексики современного русского языка. — М., 1965.
- Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003.

Статью рекомендуют к публикации проф. М. Н. Володина и доцент М. Б. Ворошилова

О. В. Третьякова

Екатеринбург, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

В РОМАНЕ Н. И. ГРЕЧА

«ПОЕЗДКА В ГЕРМАНИЮ»

(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

ГСНТИ 16.21.27; 17.07.21

Аннотация. В центре внимания находится проблема межкультурного диалога, ее художественное решение в романе Н. И. Греча «Поездка в Германию», проявляющееся на уровнях субъектной, пространственно-временной, речевой организации произведения.

Ключевые слова: межкультурный диалог; эпистолярный роман; Н. И. Греч; «Поездка в Германию».

Сведения об авторе: Третьякова Олеся Владимировна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

e-mail: treolesja@rambler.ru.

O. V. Tretyakova

Ekaterinburg, Russia

CROSS-CULTURAL DIALOGUE

IN THE NOVEL BY N. I. GRECH

“TRIP TO GERMANY”

(LINGO-CULTURAL ASPECT)

Код БАН 10.01.01

Abstract. In the focus of the article is the problem of cross-cultural dialogue and its aesthetic solution in the novel by N.I. Grech “Trip to Germany”, which appears on the levels of subjective, space-temporal and speech organization of the text.

Key words: cross-cultural dialogue; epistolary novel; N. I. Grech; “Trip to Germany”.

About the author: Tretyakova Olesya Vladimirovna, Post-graduate Student of the Chair of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

известен и изучен другой роман Н. И. Греча — «Черная женщина», изданный в 1834 г.). Дебютное произведение писателя не было замечено критикой. Исключение составляет отклик В. Г. Белинского, который весьма доброжелательно отозвался о романе: «Простота происхождения, простота и, вместе с нею, одушевление, игривость рассказа, верность, естественность в картинах, в изображении характеров, прекрасный, образцовый язык — всё это делает „Поездку в Германию“ одним из примечательных явлений русской литературы» [Белинский 1953: 156].

В отечественном литературоведении роман Греча «Поездка в Германию» еще ни разу не становился предметом специального изучения. Краткое упоминание о романе находим в академической «Истории русской литературы», в разделе, посвященном писателям 20—30-х гг. XIX в.: «... реакционный литератор Н. И. Греч издал в 1830 году роман в письмах „Поездка в Германию“, в котором описывал быт обрусевших василеостровских немцев — ремесленников, аптекарей. Греч усиленно восхвалял буржуазно-мещанские „добродетели“ этого круга, с его скопидомством и ограниченностью умственных интересов» [Степанов 1953: 154]. Автор обвиняет «реакционного литератора» в пристрастии к немцам, чьи сомнительные, с его точки зрения, «добродетели» не заслуживают похвалы. Нет необходимости доказывать, что такого рода социологизм в оценке произведения является вчерашним днем литературоведения. К тому же очевидно, что в романе Н. И. Греча главным становится не «восхваление» обрусевших немцев, а, как уже отмечалось, изображение их «нравов и обычаев», ко-

В 1831 г. Н. И. Греч, известный журналист и редактор «Сына отечества», выступил в роли беллетриста, издав эпистолярный роман «Поездка в Германию». Автор обратился к новой, еще не освещавшейся в русской литературе теме, «коснулся струны... еще не тронутой» — «нравов и обычаев петербургских немцев» [Греч 1831: 2]. Быт обрусевших немцев был знаком Н. И. Гречу, имевшему немецкие «корни», о чем позднее он писал в мемуарах «Записки о моей жизни» («В половине XVII столетия несколько тысяч семейств протестантских, преследуемых католическими изуверами, бежали, большей частью, в северную Германию и в Пруссию. В числе их был и прапрадед мой» [Греч 2000: 5]).

Тема нравов петербургских немцев могла найти заинтересованного читателя, хотя бы потому, что немцы в начале XIX в. составляли значительную часть населения северной столицы. И. Озерская, изучавшая историю немецкой колонии в Петербурге, ее роль в развитии городской столичной культуры, отмечает: «... петербургским немцам в это время уже принадлежало особое место среди всего многонародья, населившего „юный град“ Санкт-Петербурга. <...> К концу XVIII века немцы составляли почти половину всех иностранцев, обосновавшихся в российской столице» [Озерская 2003]. Переселяясь в Россию, уроженцы Германии «приносили с собой традиционные для своей родины формы общественной жизни, бывшие новым и необычным явлением для российской среды» [Купина, Хомяков 2005: 22], что и стало предметом внимания Н. И. Греча.

«Поездка в Германию» оказалась забытой страницей в истории русского романа (более

торых они придерживаются в «чужой» для них национальной и культурной среде. Поэтому Греч не мог не коснуться проблемы, которая на современном языке обозначается как проблема толерантности. Утверждение идеи толерантности как терпеливого отношения не только к чужой вере, но и терпимости ко всему чужому, готовности сосуществовать с ним определяет пафос романа. Рассмотрим, как идея толерантности воплощается в романе «Поездка в Германию», какие языковые средства «работают» на ее выражение.

Роман Н. И. Греча состоит из писем главного героя, Дмитрия Мстиславцева, которые он посылает из Германии (куда отправлен по долгу службы) другу. В корреспонденциях Мстиславцев описывает свое путешествие, города Германии, нравы немецких жителей, отмечая особенности царящей в каждом из городов атмосферы. Фридеберг за его идеальное устройство общественной жизни Дмитрий Мстиславцев назовет «идиллическим миром». Герой с нескрываемой симпатией рассказывает, как проходит торжество по случаю пятидесятилетнего юбилея службы почтмейстера города, какие почести ему оказываются: «Поутру, в день юбилея, старик просыпается при звуках городской музыки, собравшейся у него под окнами. Лишь только он встанет, являются градоначальник, все чиновники, пасторы, почетнейшие граждане и поздравляют его. Двенадцать девиц, в белом праздничном платье, подносят ему цветы...» [Греч 1831: 15]. Семидесятилетнего почтмейстера благодарят за труд на благо города, государства. «Трудолюбие, исправность, честность и бескорыстие здесь, в Пруссии и Германии, не так редки, как в других странах». Здесь «с человеком, который поступил противозаконно, который позволил бы подкупить себя... никто не станет обходиться, и он принужден будет не только выйти в отставку, но и переселиться в другой город» [Греч 1831: 16]. Все это вызывает уважение героя романа к немцам. В России же, как с сожалением замечает Мстиславцев, «наказание за взятки и тому подобные случаи, считаются несчастьем, таким, как, например, паралич, глухота и т. п., и подвергшийся преследованию законов возбуждает не досаду или презрение, а самое нежное соболезнование» [Греч 1831: 43].

Берлин вызовет у героя иное впечатление: «... город правильный чистый, но в новой его части (Фридрихштате) все что-то форменное, шеренговое. Улицы прямые, дома высокие, однообразные». Зато «старый город построен неправильно: улицы узкие, кривые; дома разнообразные; но в этой постройке видна немецкая национальность, и она мне нравится». Старая часть Берлина милее Мстиславцеву, потому что она хранит в себе историю, то, что принадлежит народу «искони, дано ему самую природу» [Греч 1831: 37, 38].

Франкфурт герой назовет «большой гостиницей», состоящей из «множеств отделений»

(«Всяк, кто едет из Франции или во Францию, с юга Европы на север, с запада на восток, редко минует Франкфурт»). В этом «подвижном» городе, в котором «ежедневно встречаются новые лица» [Греч 1831: 110], все основано на расчетах. По улицам разъезжают «ходячие сундуки» — банкиры. Во Франкфурте, по наблюдению Мстиславцева, господствует «превратное понятие о правах»: на учтивое замечание полицейского в адрес некоего «знаменитого мужа», вздумавшего «ломать сучья прекрасных лип», последний спесиво возразит: «... я член законодательного сословия, имею право составлять уставы для целого государства нашего, и не смею сломать прутика с дерева!» [Греч 1831: 114, 115]. Образ Германии предстает в романе как внутренне неоднозначный. Главный герой видит как достоинства немецкой нации, так и то, что, с его точки зрения, является недостатком. Однако о последнем говорит он без неприязни, стремясь дать объективную оценку увиденному, постоянно сравнивая особенности немецкой и русской культур.

Время путешествия составляет фабульное время романа, художественное же его время шире фабульного, поскольку включает прошлое, воскрешаемое в воспоминаниях Мстиславцева о возлюбленной Луизе Миллер, ее семье петербургских немцев. Мстиславцев рассказывает в письмах другу о том, как он познакомился с Миллерами, стал частым гостем в их доме и, наконец, встретился там с Луизой. Герой описывает быт, нравы Миллеров, отмечая особенности речи членов этой семьи, приводя нередко немецкие слова, которые трудно перевести на русский язык, и давая им свои пояснения («*Rlatfcrj, Flatfcrjen, Rlatfcrjeren* — <...> Это означает болтовню, пересуды, сплетни, ограничивающиеся вздором и пустяками...» [Греч 1831: 140]).

Поскольку Миллеры — наиболее значимые в судьбе главного героя персонажи, речевая манера каждого из них (Фризеля, Карла Миллера, Марьи Ивановны и других) индивидуализирована. Так, Фризель, знающий анекдоты на все случаи жизни, часто иллюстрирует ими то, о чем говорит («... накладно знакомиться коротко с нашим братом. Это напоминает мне анекдот о Фридрихе Великом, когда он увиделся с знаменитым врачом Циммерманом: „Так видно я очень болен, что вы меня посетили!“ — сказал он»; «„Я исполнил свой долг!“ — отвечал я. „Долг! долг! *mein lieber*, батюшка! Это напоминает мне анекдот об одном покойном приятеле, который говорил, что слово „долг“ есть то же, что долгий ящик» [Греч 1831: 79]).

В русскую речь членов семьи Миллер нередко «вплетаются» немецкие слова. Например, в разговоре Карла Миллера с Мстиславцевым встречаем: «Померания, что мы, немцы, называем: *mif Grlaubni gu fagen Binfer Dommern*»; «„Дмитрий Сергеевич, не знаю, как по-русски выразиться — *reditfcrjaffen*. — Это зна-

чит...“ „Я понимаю и по-немецки!“ — отвечал я ему» [Греч 1831: 81].

Марья Ивановна Миллер строит свою русскую речь с грамматическими ошибками, что выдает национальную принадлежность: «Поди, Карлинька, в кухню... и вымой себе руки: ты выглядишь, как трубочист с своими черными пальцами. Да скажи Авдотье, чтобы приготовила чайной воды и взяла прочь этот стул; у него ножка на два разломилась» [Греч 1831: 83]; «Когда отец опять услышит ее играть и петь, тогда еще более заупрямится». Пересказывая в письме Левадину историю семьи Миллер, поведанную ему Марьей Ивановной, Дмитрий Сергеевич говорит ее словами: «Отец хотел было, чтоб старший сын учился Богословию, но не имел средств на отправление его на университет...» [Греч 1831: 82]; «... желали мне счастливо воротиться домой...» [Греч 1831: 89].

Речь членов семьи Миллер не просто характеризует их, как и других персонажей романа. В этом полурусском-полунемецком слове отражена главная особенность обрусевших немцев — соединение в их восприятии двух культур: «своей» по национальности и «чужой» по месту проживания, но также ставшей «своей». «Обрусевшие» немцы переводят на русский язык свои имена. Так, Фризеля «по-русски зовут Иваном Ивановичем»; «Карл и Христиан остаются в своей силе, но Августа нередко крестят в Евстафия; Магнуса в Максима или Матвея; Густав — Кузьма; Амалия — Пелагея; Флорентина — Вера и т. д.» [Греч 1831: 102].

Немецкие слова «приживаются» на русской почве. Марья Ивановна Миллер в разговоре с русской служанкой вставляет немецкие слова, и та понимает хозяйку: «„Ты не подала шпилькумки?“ „Тотчас сударыня!“», — отвечает Авдотья. „Это что? — подумал я. — Видно, слово русское, когда Авдотья понимает“ Очень любопытно было мне знать, какая вещь так называется, и вдруг вижу, приносят полоскательную чашку» [Греч 1831: 84]. В. В. Виноградов, изучая судьбу заимствованных в русском языке слов, обратил внимание на употребление в романе Н. И. Греча «Поездка в Германию» глагола «выглядеть», характерного в 1830-е гг. для речи петербургских немцев-ремесленников. Позднее, как пишет исследователь, слово с этим значением — «иметь вид» — укрепилось в широком кругу Петербурга, затем и в системе русского языка [Виноградов 1994: 168]. Герой романа отмечает и русские слова, которые, в свою очередь, «полюбили» петербургским немцам: «... таково слово „пожалуй“, которое очень часто слышишь в немецкой беседе: *Jch mill pofcnaui mitgcnen*, и т. п.» [Греч 1831: 101].

Мстиславцев не случайно привязывается к Миллерам: его отец был русским, а мать немкой («Ты опять станешь упрекать меня в пристрастии к немцам. Брани, но выслушай. Моя добрая мать, первый мой друг и благодетель-

ница в мире, была немкой...» [Греч 1831: 54]). Герой, прекрасно владея, как видно из его писем, русским языком, свободно говорит и по-немецки. Будучи русским по мироощущению и образу жизни, Мстиславцев вместе с тем не воспринимает немецкую культуру как «чужую», представителей немецкой нации — как «других», чуждых ему людей. Это позволяет ему сформулировать свое представление об особенностях русского и немецкого характеров, отметив как сильные, так и слабые их стороны: «Русские — народ по превосходству воинственный: они спартанцы или, лучше сказать, римляне новых времен. Что требует силы, сметливости, пламенного пожертвования, минутного исполнения, что обещает и непосредственную награду — все это прельщает и занимает русского. <...> Немец, напротив того, рассудителен, терпелив, хлопотун...»; «...у немцев необыкновенная способность, выражаемая глаголом *profitiren*. Это значит пользоваться всеми незапрещенными средствами к приобретению, и от этого происходят в них мелкие попечения о житействе, препятствующие порывам великодушия и самопожертвования» [Греч 1831: 101].

В Луизе Миллер, как считает Дмитрий Мстиславцев, наиболее гармонично сочетаются как русские, так и немецкие черты. «Русским чувством» в Луизе Мстиславцев называет патриотизм. Дмитрий Сергеевич вспомнит, как Луиза рассказывала ему о горящей Москве: «Глаза Луизы засверкали и вскоре наполнились слезами. — „Нет нашей Москвы“, — сказала она с глубоким чувством, — где я провела счастливые годы молодости, там теперь кучи пепла, следы грабежа и убийства!“» [Греч 1831: 132]. Перед лицом войны и русских, и немецких петербуржцев охватывает «общее горе», они становятся представителями одного народа, одинаково сильно тревожась за судьбу России («Все чувствовали, мыслили, как один человек, а это единство мысли и чувства и составило нашу народную силу» [Греч 1831: 127]).

Казалось бы, Карл Миллер является яростным приверженцем протестантской религии («...пристрастие оказывает он к протестантской религии, ко всем ее обрядам, повериям и даже обыкновениям, сопряженным с некоторыми обрядами. Я думаю, он развелся бы со своею доброю Марьей Ивановной, если б в Великий Четверток (называемый у немцев *Gründonnerstag*) не было на столе крапивного супу...» [Греч 1831: 92]). Но в христианский праздник Миллер, как пишет Мстиславцев, «по-русски похристосовался со мной, и даже позволил это всем домашним» [Греч 1831: 99]. Размышляя о том, за кого могла бы выйти замуж старшая дочь, Карл Миллер на предположение жены о том, что Луиза может обручиться с русским, твердо говорит: «Чтобы мои внуки были русские, чтоб они говорили не по-немецки! Да я прокляну ее и весь род!» [Греч 1831: 178]. Однако, поняв, что Луизу и Дмитрия Мстиславцева

связывают истинные, глубокие чувства, Карл Миллер дает свое согласие на их брак.

Н. И. Греч в романе «Поездка в Германию» изобразил субъективные миры пишущих героев, являющихся носителями как русской, так и немецкой культур, органично связавшими их в своем сознании. Идея межкультурного диалога получает выражение в произведении и на лингвистическом уровне, определяя особенности речевой организации романа, что проявляется в органичном включении в русскую речь немецких слов и оборотов, деликатном и уважительном их комментировании.

ЛИТЕРАТУРА

Бахмутская Е. В. Немцы в России. URL: <http://www.genrogge.ru>.

Белинский В. Г. Сочинения Николая Греча. Статьи и рецензии 1836—1838. Основания русской

грамматики // Белинский В. Г. Полное собр. соч.: в 13 т. — М., 1953. Т. 2.

Виноградов В. В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Институт русского языка РАН; под ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1994.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. — М., 2000.

Греч Н. И. Поездка в Германию. — СПб., 1831.

Озерская И. Гамбургский счет. Что немцу хорошо, то петербуржцу тоже // Российская газета. 2003. 17 мая. № 93.

Степанов Н. Л. Прозаики двадцатых— тридцатых годов [XIX век] // История русской литературы: в 10 т. — М.; Л., 1953. Т. 6.

Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / под ред. Н. А. Купиной, М. Б. Хомякова. — М., 2005.

Статью рекомендуют к публикации доцент М. Б. Ворошилова и проф. С. И. Ермоленко

Т. А. Шабанова

Екатеринбург, Россия

ЖЕНЩИНА — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО.

Метафорическое представление

женского образа в феминистском дискурсе России

Аннотация. Анализируется метафорическое представление женского образа в феминистском дискурсе в России. Рассматривается его историческое прошлое, развитие, социокультурное своеобразие и влияние на российский дискурс феминистского движения США.

Ключевые слова: метафора; гендерная система; женское движение; феминизм; права женщин; дискриминация; феминистский дискурс.

Сведения об авторе: Шабанова Татьяна Андреевна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: tatshab@yandex.ru.

Несмотря на широко распространенное негативное отношение к феминизму, в российском обществе постепенно развивается женское движение, формируется феминистский дискурс. В связи с этим необходимо понимать, какие культуры воздействуют на формирование феминистского дискурса и восприятие соответствующих проблем в современной России, помнить, что особые исторические, социальные и институциональные структуры определили сложившиеся понятия, категории, значения (дискурс).

Можно предположить, что наибольшее влияние на феминистское движение в бывших социалистических странах оказывает американский опыт. Женское движение 60-х гг. в США было одним из первых, получивших наибольшее развитие, в определенном смысле «классическим». Интерпретация положения женщины в терминах «патриархата», «дискриминации», «угнетения и подавления» была связана с особенностями американского социального контекста, традициями женского движения, положением женщины в обществе (обычно неработающей американки, принадлежащей к среднему классу).

Современный западный феминизм развивался в контексте мощных социальных протестов 60-х гг., имевших антикапиталистический характер. Для его развития существенными были либеральные и марксистские теории (а впоследствии — психоанализ, постмодернизм, экологизм и пр.). Вопросы, поднимаемые движением, зависели от конкретных условий и требований, наиболее распространенными среди которых были законодательное равенство, равная оплата труда за равный труд, рав-

Т. А. Shabanova

Ekaterinburg, Russia

WOMAN — IT SOUNDS MAJESTIC.

Metaphorical representation of a woman

in a feminist discourse of Russia

Abstract. The article presents analysis of metaphorical representation of a woman's image in the feminist discourse of Russia. Its historical past, development, socio-cultural peculiarities and influence of American feminist movement on Russian discourse is investigated.

Key words: metaphor; gender system; women's movement; feminism; women's rights; discrimination; feminist discourse.

About the author: Shabanova Tatiana Andreevna, Post-Graduate Student of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

ные образовательные возможности, право на аборт, использование контрацептивов; главным результатом движения стало изменение политических институтов и общественного сознания.

Нетрудно увидеть, насколько сильно данные условия отличаются от современных российских, в которых не стоят вопросы права женщин на труд, на участие в политической деятельности, свободы аборт, разводов. Проблемы здесь, будучи связаны с экономическими изменениями и политическими кризисами (в том числе с войнами), с изменением положения женщин (от превращения в безработных до формирования слоя «богатых домохозяек»), с дифференциацией проблем в разных социальных группах, имеют совсем иной характер. Традиции, институты и дискурс задают особые направления интерпретации женской идентичности.

На примере западного женского движения первой волны (равно как на примере стран за пределами западного мира) можно увидеть, что объединения женщин, отстаивающих свои интересы, не обязательно нацелены на изменение половой стратификации, гендерной системы. Интересы женщин могут быть опосредованы ролью матери, жены, вытекать из вовлеченности в процесс воспитания детей и обучения, из конкретных проблем, восприниматься в рамках той гендерной системы, которая существует в обществе (хотя и считается, что основные, стратегические интересы имеют феминистский характер). Именно такое направление и представляется наиболее вероятным для России, так как женская субъективность меняется медленно, а российский социальный контекст не способствует переменам (отсутствие фемини-

стского дискурса, развитого женского движения, традиций участия в общественной жизни) в условиях существования прочных гендерных стереотипов в общественном сознании.

Существенные различия между феминистским движением России и Запада не могли не отразиться на метафорическом представлении феминистов и их отношений с обществом. Индустриализация, система образования, Гражданская война, репрессии привели к тому, что, в то время как на Западе начала формироваться третья волна феминизма, уже постмодернистского и психологического, свидетельствующего о более сложных механизмах дискриминации — на психологическом уровне и т. д., в России стала формироваться волна «антифеминизма»: «Русская женщина устала быть эмансипированной. Вовлечение женщин в общественное производство произошло стремительно, и экономика с определенного момента без них обойтись уже не могла, они были уже „встроены“ в отраслевую структуру. После войны естественным образом происходит стремительная либерализация семейно-брачных отношений. Женщина оказывается вовлечена в общественное производство и образование и фактически совершенно сексуально свободна, но внутрисемейные отношения, основанные на патриархальной системе, перестроиться еще не успели. И поэтому на жизнь русской женщины была полностью возложена двойная нагрузка: и общественно-трудова, и семейная» [Очкина 2009]. Именно поэтому одни и те же концепты не приобретают настолько яркую негативную эмоциональную окраску в русском феминистском дискурсе по сравнению с американским аналогом.

Наш мир переживает эпоху социальных катаклизмов, при которой военные действия ведутся одновременно в разных уголках мира, вследствие чего богатый военный опыт находит свое воплощение в метафорах, функционирующих в разных ситуациях и в разные периоды, что делает их универсальным и доступным средством осмысления социополитических действий.

Агрессивный и воинствующий характер феминистского движения США не мог не отразиться на феминистском дискурсе России, однако претерпел некоторые изменения, связанные с социокультурным наследием нашей страны, менталитетом русских граждан и историческим прошлым. То, что американский феминистский дискурс оперирует военными терминами, наглядно свидетельствует о расколе общества, в котором противостояние стало ключевым моментом национального сознания. Процесс получения власти в России также не протекает в миролюбивой атмосфере и соотносится с военными действиями, хотя и не такими интенсивными, как в Америке. Ср.: *Вы просто не понимаете, что такое феминизм. Это — борьба женщин за равные права с мужчинами,*

устранение дискриминации [<http://www.lovehate.ru/Feminism>. 25.12.2006]. *Теперь коснемся идеологии феминизации общества: „Настало время, когда женщина должна завоевать права, от нее отнятые, и те, которые она добровольно отдала...“ „Мужское начало не захочет добровольно дать женщине законное место, но препятствия закаляют силу, и женщина, отстаивая свои космические права, обретет знание своей мощи...“ „Женщина должна принять борьбу с жизненными препятствиями, чтобы на них закалить свои силы и выявить свою истинную сущность“* [ГЭ. 2006.01.03].

Специалисты отмечают, что при моделировании действительности в феминистском дискурсе России модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности, соперничества находят не столь частое применение и носят более спокойный характер. Ср.: *Феминизм не участвовал ни в каких войнах. Он не убивал своих оппонентов. Он не создавал концентрационных лагерей, не морил врагов голодом, не совершал никаких жестокостей. Феминизм боролся за образование, за право голоса, за улучшение условий труда, за безопасность на улицах, за службы ухода за детьми, за социальные пособия, за кризисные центры для переживших изнасилование, за убежища для женщин, за реформы законодательства. Если кто-то говорит: „О нет, я не феминистка“, спросите: „Почему? В чем ваша проблема?“* [<http://lurkmore.ru/Феминизм>. 04.09.2009]. *Чтобы быть феминисткой или феминистом, не обязательно ложиться под танки, сражаться на баррикадах, стоять на площади с плакатами — это, скорее, карикатурный, навязанный нам образ. Феминизм, если быть точнее, — это внутреннее чутье на неправду и фальшь, это неприятие эксплуатации, социальной несправедливости, лжи. Это — неподдельное стремление к личной реализации, свободе, к равенству. Это чутье свойственно и мужчинам, и женщинам* [http://fe-mail.ru/politics/what_is_feminism.htm. 18.11.2008].

Порабощение и унижение сопровождают любые социополитические преобразования в России. В связи с этим широко применяется метафорическая модель «ЖЕНЩИНА — РАБ». Прагматический смысл данной модели можно сформулировать следующим образом: на протяжении всей истории российская действительность существовала за счет молчаливых, беспрекословных и безропотных рабов — женщин. Это подводит адресата к мысли о том, что жизнь идет не в том русле, что пришло время перемен. Ср.: *Вы говорите о загадке женственности? До тех пор, пока женщина будет оставаться объектом усиленной эксплуатации, унижений и манипуляций, она будет „загадкой“. Слуга, раб всегда загадочны и опасны для господина, они всегда скрытая угроза и „темная сторона Луны“. Женщины — это негры, чеченцы, „цунарефы“ нашего общества.*

Сексизм — дискриминация по половому признаку — есть своеобразный расизм. Их роднит то, что они есть идеологические орудия господствующих задниц, используемые для подчинения широких масс трудящихся правящим кастам [http://www.avtonom.org/lib/theory/kabanos_feminism.html. 08.09.2008]. В данном контексте актуализируется метафорическая модель «Мы — ЖЕРТВА», чем создается негативный образ мужчины и изображается «тяжелая женская доля». Ср.: *Дескать, если бы мужчины держались с женщинами как с мужчинами, женщины бы и стали мужчинами: женщин из них делает наше поведение по отношению к ним, женщина — жертва мужских стереотипов* [<http://www.regions.ru/news>. 05.10.2009]. *С костями мясо глотали бы — если бы, конечно, мужики их не угнетли... не угнетнули... не... в общем, не поработили тыщи лет назад, не поломали им психику* [<http://www.denisfilimonov.ru>. 03.06. 2007].

В связи с тем, что духовность и религия являются неотъемлемыми компонентами многих обществ, религиозная метафора приобретает большое значение в моделировании женского образа в российском феминистском дискурсе. Однако если американские феминистки, опираясь на такие базовые семантические компоненты, как *религиозность, истинность, возвышенность и духовность*, возводят себя в ранг богини, управляющей миром, то метафора *Бога* в феминистском дискурсе России является лишь инструментом в борьбе за равные права с мужчинами. Ср.: *Мать, дающая жизнь, имеет право распоряжаться судьбой своих детей.*

Поэтому голос женщины-матери должен раздаваться в рядах вершителей человеческих судеб [А. Авилов / Дуэль. 21.04.2006]. Вопрос лидерства здесь не представлен, вероятно, потому что вопрос веры для русской женщины в первую очередь связан с послушанием, смирением и кротостью.

Несмотря на сходный инструментарий метафорических моделей, используемых для манипулятивного формирования представлений о женщине в российском и американском дискурсе, российский феминистский дискурс отличается большей сдержанностью и сравнительным спокойствием. В отличие от американского дискурса и американских женщин с их концептуальным вектором жестокости, агрессивности и соперничества, российский феминистский дискурс менее агрессивен и характеризуется большими душевными и интеллектуальными силами при построении образа женщины и феминистки. Это связано с социокультурным наследием страны, менталитетом и историческим прошлым. Тема смирения и послушания, столь несвойственная американской женщине, звучит в феминистском дискурсе России и находит свое отражение в меньшей категоричности, агрессивности и враждебности. Исключение данных показателей не представляется возможным в связи с тем, что традиции феминистского дискурса США оказывают прямое воздействие на российское движение.

ЛИТЕРАТУРА

Очкина А. В. Феминизм меняет сознание женщин. URL: http://www.russia.ru/video/expert_6577.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и доцент М. Б. Ворошилова

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'1

ББК Ш10

ГСНТИ 16.01.09

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

Т. Н. Зубакина

Екатеринбург, Россия

T. N. Zubakina

Ekaterinburg, Russia

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ: МАЙКЛ ОСБОРН И ДУГЛАС ЭНИНГЕР

FROM THE HISTORY OF CREATION OF COGNITIVE THEORY OF METAPHOR: MICHAEL OSBORN AND DOUGLAS EHNINGER

Аннотация. Статья «*Metaphor in Public Address*», написанная известными американскими лингвистами Майклом Осборном и Дугласом Энингером, анализируется в параллелях и аналогиях с другими известными публикациями по проблемам использования метафор в устной речи.

Abstract. The article “*Metaphor in Public Address*” written by renowned American linguists Michael Osborn and Douglas Ehninger is analyzed in parallels and analogies with other famous metaphor theoreticians who suggest metaphor to be a category of thought.

Ключевые слова: категория мысли; онтология метафоры; концептуальная теория метафоры; теория концептуальной интеграции; ассоциативное взаимодействие.

Key words: a category of thought; ontology of metaphor; conceptual metaphor theory; a theory of conceptual integration; associative interaction.

Сведения об авторе: Зубакина Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

About the author: Zubakina Tatyana Nickolaevna, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Place of employment: Urals Federal University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

e-mail: zoubakina@mail.ru.

Возникновение когнитивной теории метафор обычно связывают с именами Джорджа Лакоффа и Майкла Осборна, однако очевидно, что истоки этой теории, первые предположения о когнитивном (ментальном) статусе метафоры относятся к более раннему периоду. Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры «стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект)». Как указывают Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, еще до Дж. Лакоффа и М. Джонсона на феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи, однако наиболее важны в этом плане публикации американских ученых М. Осборна и Дж. Джейнса [Будаев, Чудинов 2008: 68; см. также: Будаев, Чудинов 2006, 2010].

Статья «*Metaphor in Public Address*», написанная в соавторстве знаменитыми американскими специалистами в области риторики Майклом Осборном и Дугласом Энингером^[1], была впервые опубликована в августе 1962 г. Это пионерское исследование, в котором метафора в отличие от предшествующих теорий рассматривается не как «орнамент стиля», а как категория мысли. На современном этапе развития науки, когда господствует когнитивная теория метафоры, статья американских ученых воспринимается как очень важный этап становления когнитивного подхода к метафоре. Становится ясно, что именно учение М. Осборна и Д. Энингера в

значительной мере повлияло на создание Дж. Лакоффом когнитивной теории метафоры.

В момент публикации статьи «*Metaphor in Public Address*» (1962) Дугласу Энингеру было 49 лет, а Майкл Осборн был младше его почти вдвое: ему исполнилось 25. В 1949 г. Энингер защитил докторскую диссертацию по теме «*Selected Theories of Inventio in English Rhetoric: 1759—1928*». Доктор философии, профессор Д. Энингер с 1961 по 1978 г. работал в университете Айовы. В 1962 г. Осборн еще не был профессором. Свою докторскую диссертацию, «*The Function and Significance of Metaphor in Rhetorical Discourse*», он защитил годом позже, в 1963 г. в университете Флориды. Насколько нам известно, статья «*Metaphor in Public Address*» была их единственной совместной работой. Об их авторитете говорит, в частности, то, что в разные годы оба ученых возглавляли на правах ежегодных президентов американскую Национальную ассоциацию коммуникации (Энингер в 1968 г., а Осборн в 1988 г.).

Значительно позднее Дж. Лакофф в книге «*The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought*» (1993), дифференцируя метафорическое выражение и концептуальную метафору, пишет, что «локус метафоры — в мысли, а не в языке» [Лакофф 1993: 203]. А М. Осборн и Д. Энингер в анализируемой статье акцентируют, что именно «мысль» субъекта метафоры (содержание) и «мысль» элемента для ассоциации (оболочка) своим смысловым взаимодействием психологически определяют появление и смысл метафоры. («*The*

“thought” of the subject (tenor) and the “thought” of the item for association (vehicle) which in their meaningful action together determine psychologically the appearance and sense of a metaphor» [Osborn, Ehninger 1962: 228].

У английского философа, лингвиста Айвора Ричардса, на которого ссылаются в своей статье Осборн и Энингер, в его «The Philosophy of Rhetoric» (1936 г.) мы читаем о процессе метафоризации: «...что происходит в нашем сознании, как мы объединяем ...два предмета, относящиеся к двум весьма отличным друг от друга сферам опыта. Помимо общего смятения и напряжения чувств, мы достигаем самого важного — усилия сознания, чтобы свести эти предметы друг с другом» [Ричардс 1990: 64]. «Усилия сознания», «работа мысли» — важные составляющие процесса метафоризации, метафора у авторов приведенных цитат прежде всего является категорией мысли.

Описывая процесс метафоризации, ученые учитывают теорию интеракции, наиболее известным сторонником которой был американский логик Макс Блэк. Этот ученый в том же 1962 г. в своей работе «Metaphor» развивает идеи Ричардса: «...когда Ричардс говорит, что читатель должен „связывать“ два предмета, он находится на верном пути. В этом соединении и кроется тайна метафоры» [Блэк 1990: 163]. В основе этого направления — подход к метафоре как результату ассоциативного взаимодействия двух образных или понятийных систем, обозначаемого и образного средства. Проекция одной из двух систем на другую дает новый взгляд на объект и делает обозначаемое новым вербализованным понятием.

Авторы концептуальной теории метафоры в своей книге «Metaphor We Live by» (1980 г.), американские лингвисты Дж. Лакофф и Марк Джонсон утверждают, что метафоры как лингвистические выражения возможны именно благодаря тому, что они заложены в понятийной системе человека. Понятийная система определяет схемы, по которым человек думает и действует. Согласно теории концептуальной метафоры, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов — «сферы-источника» (source domain) и «сферы-мишени» (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из «сферы-источника» в «сферу-мишень» элементы «сферы-источника» структурируют менее понятную концептуальную «сферу-мишень». Таким образом, авторы теории концептуальной метафоры, вслед за А. Ричардсом и М. Блэком, а также М. Осборном и Д. Энингером так же утверждают, что смысл некоторых метафор можно объяснить исходя из взаимодействия двух понятийных пространств (сфер, систем).

Статья «Metaphor in Public Address» представляет особый интерес своим описанием

«процесса метафоры». Заимствовав у А. Ричардса два рабочих термина — содержание (tenor) и оболочка (vehicle), — М. Осборн и Д. Энингер, описывая и детализируя процесс метафоризации, вводят такие понятия, как элемент для ассоциации (item for association), контекстуальные (contextual), архетипические (archetypal), частные определители (private qualifiers) и определители общности (communal qualifiers).

Идея А. Ричардса, что метафорична сама мысль, развивающаяся через ассоциативное сравнение, и «отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс 1990: 47], находит свое продолжение в статье «Metaphor in Public Address» Осборна и Энингера. Авторы обозначают в своих диаграммах линии ассоциации (lines of association) и придают им важное значение в процессе порождения метафоры. Ассоциация, по Осборну и Энингеру, находится в центре стадии резолюции метафоры: «At the core of resolution is association» [Osborn, Ehninger 1962: 231]. Линии ассоциации вовлекают интерпретанты в соответствующую смысловую и/или эмоциональную связь, сокращая или ликвидируя таким образом напряжение (tension), вызванное их начальной внешней диспаратностью. Ученые наглядно в диаграммах показывают, что ассоциативные линии у «мертвых» метафор короче, чем у «старых» и тем более «свежих» метафор. В тексте статьи авторы утверждают: «Сказать, что метафора является „мертвой“, само по себе является метафорическим способом утверждения, что ассоциативные линии атрофированы или сокращены до той точки, когда содержание и оболочка соединяются в простой обозначающий знак» — «To say a metaphor is “dead” is itself a metaphoric way of asserting that the lines of association have atrophied or have contracted to the point that tenor and vehicle are now merged into a simple designative sign» [Osborn, Ehninger 1962: 232]. Следуя логике авторов в изложении вопроса онтологии метафоры, можно заключить, что линии ассоциации — это «третье пространство», которое появляется между двумя «изначальными пространствами» — содержанием (tenor) и оболочкой (vehicle) метафоры. Таким образом, возможно, и истоки идей теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, «где смысл некоторых метафор можно объяснить только исходя из взаимодействия трех пространств (двух исходных и бленда)...» [Скребцова 2005: 40], восходят к идеям ассоциативного взаимодействия А. Ричардса, М. Осборна и Д. Энингера.

Авторы завершают свою статью «Metaphor in Public Address» предположением, что цель их работы будет выполнена, если ученые продолжат предпринятые ими теоретические исследования метафоры. Как видим, такие исследования активно продолжаются до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Блэк М. Метафора // Теория метафоры. — М., 1990. С. 153—172.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивные и риторические истоки «Метафор, которыми мы живем» // Вестник Южноуральского государственного университета. 2006. № 6. Лингвистика. Вып. 3. С. 68—70.

Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 10—22.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М.: Флинта; Наука, 2008.

Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры. — М., 1990. С. 44—67.

Скрещцова Т. Г. Современные исследования политической метафоры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2005. Вып. 1. С. 35—46.

Fausonnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science. 1998. Vol. 22. P. 133—187.

Lakoff G., Johnson M. Metaphor We Live By. — Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Lacoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Second edition [Ed. by Ortony A.] — New York: Cambridge University Press, 1993. P. 202—251.

Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address // Speech Monographs. 1962. Vol. 29. P. 223—234.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]. Приведем лишь несколько наиболее известных трудов М. Осборна и Д. Энингера.

Michael M. Osborn:

1967 “Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family.” *Quarterly Journal of Speech* 53, no. 2 (April 1967): 115—126.

1974 “The Hidden Traps of Language: Dangerous Metaphors”. Paper presented at the Annual Meeting of the National Council of Teachers of English (64th, New Orleans, Louisiana, November 28—30, 1974).

1976 “Orientations to rhetorical style (Modules in

Speech communication)”. Published by Research Associates.

1977 “The Evolution of the Archetypal Sea In Rhetoric and Poetic. *Quarterly Journal of Speech*, 63, 4, 347—63, Dec 1977.

1983 “The Abuses of Argument”. *Southern Speech Communication Journal*, v.49 № 1 pp. 1—11, Fall 1983.

2005 “Public Speaking” (7th Edition), Published by Houghton Mifflin Company.

2007 “Public Speaking Guidebook” (together with Suzanne Osborn). Published by Allyn & Bacon.

2009 “The Trajectory of My Work with Metaphor”. *Southern Communication Journal*, Jan. 2009, Vol. 74. Issue 1, pp. 79—87.

Douglas Ehninger:

1951 “John Ward and his Rhetoric.” *Communication Monographs* 18 (1951): 1—16.

1952 “Dominant Trends in English Rhetorical Thought, 1750-1800.” *Southern Communication Journal* 18 (1952): 3—12.

1954 “The Logic of Argument.” *Argumentation and Debate*. Ed. D. Potter. New York: Dryden, 1954. 101—123.

1957 “The Classical Doctrine of Invention.” *The Gavel* 39 (1957): 59—62, 70.

1960 “Toulmin on Argument: an Interpretation and Application.” By Ehninger and Wayne Brockriede. *Quarterly Journal of Speech* 46 (1960): 44—53.

1962 “Decision by Debate”. By Ehninger and Wayne Brockriede. New York: Dodd, Mead, 1962.

1964 “Principles of Speech” by Ehninger and Alan H. Monroe. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1964. Revised as *Principles of Speech Communication and Principles and Types of Speech Communication*.

1966 “Debate as Method: Limitations and Values.” *Communication Education* 15 (1966): 180—185.

1972 “Contemporary Rhetoric: a Reader's Coursebook”. Glenview, IL: Scott, Foresman.

1974 “Influence, Belief, and Argument: an Introduction to Responsible Persuasio”. Glenview, IL: Scott, Foresman.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и доцент Е. А. Нахимова

Осборн М.
Мемфис, США
Энингер Д.
Айова, США

Osborn M.
Memphis, USA
Ehninger D.
Iowa, USA

**МЕТАФОРА
В ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ**

Перевод с английского Т. Н. Зубакиной

Аннотация. Одно из лучших совместных исследований знаменитых американских специалистов по риторической метафорологии Майкла Осборна и Дугласа Энингера, впервые переведенное на русский язык. Первая публикация на английском языке — август 1962 года.

Ключевые слова: риторический дискурс; процесс метафоры; публичное выступление; интерпретант; ассоциация.

Сведения об авторах:

Осборн Майкл (1937 г. р.), доктор философии, профессор.

Место работы: Университет Мемфиса.

Энингер Дуглас (1913—1979 гг.), доктор философии, профессор.

Место работы: университет Айовы.

Сведения о переводчике: Зубакина Татьяна Николаевна, старший преподаватель.

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

e-mail: zoubakina@mail.ru.

**THE METAPHOR
IN PUBLIC ADDRESS**

Translated from English by T. N. Zubakina

Abstract. One of the best joint studies of celebrated American specialists in rhetorical metaphorology Michael M. Osborn and Douglas Ehninger is for the first time translated into Russian. The first publication in English was in August 1962.

Key words: rhetorical discourse; process of metaphor; public address; interpretant; association.

About the authors:

Osborn Michael (b. 1937), PhD, professor.

Place of employment: the University of Memphis.

Ehninger Douglas, PhD; professor.

Place of employment: the University of Iowa.

About the translator: Zubakina Tatyana Nickolaevna, Senior Lecturer.

Place of employment: Urals Federal University (Ekaterinburg).

Несмотря на давний интерес к этой теме, остается определенный ряд важных, требующих исследования проблем рассмотрения метафоры в публичном выступлении. После констатации этих проблем авторы предлагают ряд теоретических определений, которые могут способствовать их решению. Кроме того, авторы рассматривают и риторическую дефиницию метафоры, ее элементы, структуру, а также процесс образования метафоры и гипотезы риторики речи о природе типичной метафоры.

Критики давно осознали проникновение метафоры в риторический дискурс и были озадачены тайной метафорического впечатления. Однако, несмотря на свой предмет исследования, им все-таки приходилось систематически задавать ряд интересных и важных вопросов, касающихся присутствия метафоры в публичном выступлении^[1].

Является ли метафора оратора, как это принято считать, орнаментом стиля или, как считают И. А. Ричардс и его последователи, категорией мысли?^[2]

Почему же все-таки некоторые метафоры воздействуют на аудиторию более захватывающим и незабываемым образом, чем другие?

Что определяет ряд мыслей, которые оратор может успешно воссоединить для метафорического сравнения?^[3]

Что значит, когда говорят, что слушатель «понимает» или «не понимает» метафору? Может ли одно и то же утверждение быть метафоричным для одного человека и неметафоричным для другого?

Можно ли метафору переводить в матрицу буквальных суждений, не теряя при этом никаких оттенков значения или чувства, свойственных этой фигуре?^[4]

Генерирует или отражает метафора замысел оратора? Является ли она регулирующей причиной или пассивным следствием отобранных и представленных для презентации материалов?

Какой эффект может оказать разносторонняя тематическая метафора на стиль и систематизацию дискурса?

Применимо ли понятие метафоры к невербальным, образным знакам так же, как и к вербальным?^[5]

Как метафора соотносится с символом, образом, аналогией, аллегорией, басней и мифом?^[6]

Почему некоторые темы и некоторые виды дискурсов «притягивают» метафоры в большей степени, чем другие?

До какой степени метафора может усилить воздействие речи или очерка? Какие особые отношения у нее с видами художественного доказательства — этосом, пафосом и верой?

По каким основаниям (если таковые имеются) могут различаться поэтическая и риторическая метафора? Является ли риторическая метафора обособленным видом с уникальными особенностями и свойствами?

Эти и подобные вопросы манят того, кто изучает риторику. Но для того чтобы приблизиться к ответам на них, он должен быть вооружен более современным пониманием онтологии метафоры и знанием дескриптивной терминологии, то есть одновременно более всеобъемлющей и более точной, чем та, которую обычно используют сейчас в дискуссиях по данной теме.

Настоящая работа направлена на решение этих задач. Основанная отчасти на трудах философов, лингвистов и литературных критиков, которые рассматривали данную проблему, а отчасти — на предложенных нами формулировках, эта работа в первую очередь определяет теоретическую сущность метафоры под углом зрения риторики публичного выступления. Целью работы является рассмотрение поочередно дефиниции метафоры, процесса метафоризации (в который мы включаем элементы метафоры и ее структуру), степеней метафоры, а также гипотез, касающихся риторической метафоры. Эти аналитические задачи решаются на основе примеров метафоры, приведенных ниже.

1. *В то время, когда я сидел напротив скамьи министров в Палате общин, министры напоминали мне один из морских ландшафтов, совершенно обычных на побережье Южной Америки. Вы видите цепь потухших вулканов. Ни проблеска пламени ни на одном бледном гребне. Но ситуация все еще опасная. Случаются редкие землетрясения и время от времени раздается мрачный гул моря*^[7] (Бенджамин Дизраэли).

2. *Со своей стороны, глядя на будущее, я не вижу в перспективе никаких опасностей. Я не мог прекратить это, даже если бы хотел; никто не может прекратить это. Как Миссисипи — она просто течет. Пусть течет. Пусть течет полнокровным течением, неумолимым, безудержным, добросердечным к обширным землям и лучшим временам*^[8] (Уинстон Черчилль).

3. *Вы не сдавите чело труда этим терновым венцом, вы не распнете человечество на кресте из золота*^[9] (Уильям Дженнингс Бриан).

4. *Британская конституция — фундамент вашей независимости*^[10] (Уильям Питт).

Хотя дополнительные примеры расширили бы демонстрируемый диапазон возможностей метафоры, представленные примеры вполне соответствуют масштабу и вариативности нашей цели. Мы наблюдаем разные степени

сложности в метафорическом контенте и смысловых вариациях, в силе или воздействии без соответствующего объяснения. Более того, привлекая примеры более сильных и сложных метафор, мы в итоге получаем изначальное преимущество перед такими учеными, как И. А. Ричардс и Абраам Каплан, которые большей частью проводят свои исследования с относительно простыми фигурами речи.

ДЕФИНИЦИЯ МЕТАФОРЫ

Традиционно научные риторики предпочитали рассматривать метафору в ее отношениях с «областью» языка, и в итоге ограничивались семантическими дефинициями термина^[11]. Аристотель, например, писал: «Метафора заключается в приложении к одной вещи имени, которое принадлежит чему-то еще». Генри Пичем считал, что метафора — «искусственный перевод одного слова с правильного значения на другое, неправильное, но, тем не менее, близкое и похожее»^[12].

Хотя такие дефиниции не являются «неверными», мы можем поставить под сомнение их адекватность для объяснения того, что люди традиционно имели в виду, говоря о метафоре. В использовании этого слова подразумевается признание того, что метафора не просто знак, который обозначает что-то неординарное, обозначенное термином, а «многозначительное» использование знака для этой второй или замещающей цели. Однако когда добавляется фактор «многозначительности», должны привлекаться во внимание слушатели, психологический агент — определяющий значение организм. По причине того, что работа этого психологического агента должным образом не исследована^[13], прагматическая дефиниция метафоры, необходимая для работы исследователей риторики в прагматическом ключе, появляется редко^[14].

Дефиниция, которая отражает как психологическую, так и лингвистическую природу метафоры, и является по этой причине более подходящей для риторики, могла бы быть примерно такой: метафора является как коммуникативным стимулом, так и ментальным откликом. Как стимул, метафора является идентификацией идеи или объекта через знак, который, как правило, обозначает совершенно другую мысль или другой объект. Как отклик, метафора является взаимодействием двух мыслей или интерпретантов^[15], один из которых возникает из обычного значения знака стимула, а другой — из особого значения в данном контексте. Такое взаимодействие интерпретантов обеспечивает основу для цикла «стимул — отклик», который является метафорой^[16].

В следующей части мы анализируем этот метафорический цикл «стимул — отклик», исходя из того, что мы под ним подразумеваем: случайность в значении. Наш анализ включает в себя прослеживание характерных процессов цикла, определяет эти процессы, как мы уже

сформулировали, через необходимые элементы возникновения метафор.

ПРОЦЕСС МЕТАФОРЫ

Процесс метафоры начинается со стимула, как мы только что его описали. В момент стимула адресат (конечно, это может быть сам оратор, реагирующий на свой собственный стимул)^[17] инициирует последовательность более-менее продуманного отклика. Эта последовательность отклика, часто называемая «интерпретацией», проходит три основные стадии: *ошибку (error)*, *головоломку-отскок (puzzlement-recoil)* и *резольюцию (resolution)*.

Стадия *ошибки* в интерпретации возникает из привычной склонности читателя-слушателя приписывать слову или фразе их буквальное значение. Такая тенденция совершенно естественна и способствует быстрому и достоверному общению, поскольку в большинстве случаев предполагается именно буквальное значение.

Однако, согласно нашей дефиниции, суть метафорического стимула состоит в использовании слова для обозначения предметов, мыслей или чувств, которые это слово обычно не обозначает. «Фундамент» в буквальном смысле слова относится к основанию здания, а не, как в примере из речи Пита, к инструменту правления. «Вулканы» относятся к горам, а не к кабинету министров, и т. д. По причине того, что эти слова сдвинуты со своих обычных и ожидаемых значений к новым и неожиданным значениям, первая интерпретация читателя/слушателя, вероятно, будет ошибочной.

Как только метафорическое выражение распознается, то есть как только читатель/слушатель осознает, что слово, о котором идет речь, не используется в его буквальном значении, стадия ошибки завершается. Такое распознавание может возникнуть по разным причинам. Чаще всего это понимание, что слово логически и эмоционально несовместимо со своим прямым вербальным или воспринимаемым контекстом. Какой бы, однако, ни была причина, если распознавание происходит, то интерпретация входит во вторую стадию — *головоломку-отскок*^[18].

Сбитый с толку ситуацией, при которой его ожидаемое им обычное значение перечеркивается, читатель/слушатель испытывает смятение, которое сопровождается неопределенностью и отскакивает от нее. *Отскок*, в свою очередь, есть то начало, которое мотивирует его решать головоломку, созданную непривычным — использованием метафорического термина. *Отскок* — тот генератор энергии, который побуждает искать нужное понимание слова. С этого момента начинается третья стадия интерпретации — *резольюция*.

В стадии *резольюции* происходит самая важная часть работы метафорического отклика. Эта работа состоит в реконструкции определенных составных факторов, которые мы опишем ниже.

ЛОГИЧЕСКИ ПЕРВИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Мысли, или интерпретанты, от взаимодействия которых зависит метафорический отклик, конечно, должны иметь точки происхождения. Это должны быть мысли о чем-то. Этим логически первичным элементом, из которых берут начало мысли, мы даем названия «*субъект*» (subject) и «*элемент для ассоциации*» (item for association).

1. *Субъект (Subject)*. Источником первого из интерпретантов, которые вступают в метафорическое взаимодействие, являются ситуация, человек или объект «приложения метафоры» — то, что данная метафора «характеризует»^[19]. В терминах нашего определения «специальный денотат метафорического стимула в данном контексте» и есть *субъект*. Субъект, наделенный вербальной или ситуативной матрицей, в которую включен метафорический стимул, может быть как имплицитным, так и эксплицитным в данной матрице. В цитированных примерах «министры», «будущее», политика несеребряной монетной системы и «британская конституция» — субъекты соответствующих метафор.

2. *Элемент для ассоциации (Item for Association)*. Элементом для ассоциации, источником второго интерпретанта является та идея или предмет, с которым субъект ассоциируется посредством метафоры. Выступая обычным денотатом знака стимула, элемент для ассоциации — идея или предмет, который осуществляет процесс «описания», или «символизирования», который иллюстрирует, или «освещает» субъект. Элемент для ассоциации выявляет те качества, которые автор метафоры подразумевал, выбирая эту фигуру речи. В отличие от субъекта, элемент для ассоциации не задается контекстом или целью окружающего дискурса, а выбирается автором метафоры в рамках определенных ограничений. Поскольку элемент для ассоциации всегда в какой-то степени является результатом выбора, он может считаться «внешним источником» фигуры речи. Повторим: поскольку метафора отражает осознанный выбор оратора, она часто дает возможность сделать важные умозаключения об авторе метафоры или аудитории читателей/слушателей, кому эта метафора предназначена.

В наших примерах метафорические стимулы — «морской пейзаж», «Миссисипи», «терновый венец» и «фундамент» — сразу указывают на элементы для ассоциации.

ДУАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАНТЫ. Следует дать названия интерпретантам, которые происходят от означенных логически первичных элементов.

1. *Содержание (Tenor)*. Содержание — это субъект метафоры в понимании автора метафоры или адресата метафорического утверждения^[20]; это мысль о субъекте, или интерпретант субъекта, поддерживаемые участниками коммуникации. Если известно содержание субъекта адресата метафоры как до, так и после ее возникновения, а также намерение авто-

ра метафоры при подборе метафорического стимула, то можно сразу сказать, достигла ли метафора своей цели.

2. *Оболочка (Vehicle)*. Интерпретанту элемента для ассоциации, который непосредственно возникает из знака стимула, мы даем название «оболочка». Именно «мысль» субъекта метафоры (содержание) и «мысль» элемента для ассоциации (оболочка) своим смысловым взаимодействием психологически определяют появление и смысл метафоры^[21]. Чтобы проще представить эту фазу взаимодействия, мы можем сказать, что она возникает по линиям ассоциации (*lines of association*), которые существуют между содержанием и оболочкой.

ОПРЕДЕЛИТЕЛИ (*QUALIFIERS*). *Определители (Qualifiers)* — силы, которые формируют линии ассоциации и, следовательно, определяют, как интерпретанты ассоциируются читателем/слушателем; определители предлагают, или направляют, понимание метафоры^[22]. Определители дают уверенность, что ассоциативный процесс, при котором оболочка связывается с содержанием, не пойдет наудачу, что автор метафорического стимула с большей или меньшей степенью точности может предсказать тот смысл, с которым его фигура будет воспринята.

Можно выделить четыре класса определителей:

1. *Контекстуальные определители (Contextual Qualifiers)*. Определители, происходящие из лингвистического или ситуативного контекста, в котором возникает метафора, мы называем контекстуальными.

В метафоре «он был как лев в бою» сочетание «в бою» — контекстуальный определитель. Это выражение объясняет или определяет стимул «лев» так, чтобы направить внимание читателя/слушателя к тем конкретным свойствам элемента для ассоциации, которые присущи задуманному значению — смелости, силе, свирепости и т. д. В то же время не принимаются во внимание такие качества, как наличие шерсти, рыжий окрас и т. д., которые неуместны. В вышеприведенной цитате Черчилля контекстуальными определителями «Миссисипи» являются вербальный, или активный, смысл «течет», адъективный смысл «неумолимый» и «безудержный», номинативные ассоциации «обширным землям» и «лучшим временам». В совокупности эти термины определяют метафору, предлагая нам, как следует реагировать на стимул «Миссисипи».

Контекстуальные определители в примере Черчилля также иллюстрируют особый класс определителей, которые мы называем *расширения (extensions)*. Расширения выступают в качестве распространения или проецирования элемента для ассоциации. Расширения, которые обычно можно найти в чередовании сильных и поразительных стимулов, добавляют ясность, направление и определенное картинное качество метафорическому впечатлению. В приме-

ре из Дизраэли предложения «*Вы видите цепь потухших вулканов. Ни проблесков пламени ни на одном бледном гребне. Но ситуация все еще опасная. Случаются редкие землетрясения...*» и т. д. образуют расширения элемента для ассоциации, обозначаемого стимулом «морские ландшафты». При помощи подобных расширений Дизраэли определяет особые свойства «морских ландшафтов», которые привели его к выбору этого элемента для ассоциации и к созданию именно этого метафорического стимула.

В окончательном виде контекстуальный определитель находится внутри самой метафоры и должен быть объяснен с точки зрения различия между тематической и малой метафорами.

Некоторые метафорические стимулы оказывают влияние через отклик (*response*), который они получают не только в том фрагменте, в котором употребляются, но и расширив символические поля для оказания определяющего влияния на фрагменты, достаточно удаленные от их непосредственного окружения; они могут даже определять весь дискурс, частью которого являются. Например, в процитированной выше речи Черчилля «будущее» является не только субъектом метафоры, но и лежащей в основе главной мыслью всего выступления. Подобным образом в хорошо известной речи Уильяма Питта «Об отмене торговли рабами» яркая метафора света и тьмы, развернутая в выводе, делает эксплицитным символ, который неявно присутствует во всем дискурсе^[23]. Метафоры типа черчиллевской «Миссисипи» или «света и тьмы» Питта, имеющие расширенные символические поля, могут рассматриваться как *тематические (thematic)*. Метафоры с ограниченным влиянием или те, которые повторяют или подготавливают тематическую метафору путем участия, прямого или косвенного, в элементе для ассоциации этой метафоры, называются *малыми (minor)*.

По причине того, что тематические метафоры, по определению, имеют распространенные тематические поля, а малые метафоры иногда вторят им или подготавливают тематическую метафору, участвуя в ее элементе для ассоциации, оба вида метафор могут выступать в качестве контекстуальных определителей.

2. *Определители общности (Communal Qualifiers)* возникают не из лингвистического или окружающего контекста, в который включен метафорический стимул, а из суммы знаний — общего опыта, традиций или обычаев той публики, которой направлен стимул. Эти определители отражают склонность членов культурной группы откликаться на определенные стимулы предопределенным способом либо от того, что частое использование данных стимулов стало лингвистической условностью, либо потому, что принятая интерпретация была впечатана в их память авторитетным источником.

Пример воздействия, которое определители общности могут оказывать на ожидание чи-

тателя/слушателя, предоставляет известное наблюдение Джорджа Кэмпбелла: мы полностью поддерживаем выражение «источник сатиры» (буквальный перевод — «вена сатиры»), но использование сходного слова «артерия» приводит нас в замешательство^[24].

3. *Архетипические определители (Archetypal Qualifiers)*. Определители, которые выходят за данные временные или культурные рамки и зависят от опыта людей многих рас и возрастов — опыта, оживляемого каждым поколением заново — мы называем архетипическими.

Оказывается, как класс архетипические определители возникают из ситуаций, которые глубоко волнуют людей. В результате эти определители осуществляют четкое регулирование того, как люди думают и что чувствуют. Более того, представляется, что такие определители большей частью основаны на всепроникающих и общих отношениях — контраст между верхом и низом, светом и тьмой, войной и миром, землей и морем и т. д.

Хотя общий культурный опыт и традиции, которые устанавливают определители общности, могут помочь предопределить интерпретацию этих более фундаментальных архетипических отношений, финальным фактором в «фиксировании» нашей интерпретации этих определителей является наше индивидуальное и невыражаемое словами впечатление об их присутствии. Итак, когда Иисуса называют «светом» мира или когда утверждают, что коммунизм свергнет мир в «темноту», «свет» и «тьма» несут значения, которые, возможно, не поддаются выражению; они каким-то образом являются более важными и одновременно более глубокими и универсальными, чем значения, которые задаются определителями общности.

Различие между определителями общности и архетипическими далее иллюстрируется тем фактом, что стимулы, которые производят отклики с доминированием определителей общности, зачастую прекращают быть метафорическими. В результате продолжительного использования их метафорическая сущность разрушается, и они становятся простыми указательными знаками тех субъектов, к которым прилагаются. Примером могут служить так называемые мертвые метафоры, такие как «ножка стола» или «подлокотник кресла». С другой стороны, стимулы, которые выводят на сцену архетипические определители, обычно имеют длительную историю использования для произведения метафоры и предвещают стимулу вечное поддержание метафорической сущности. Постоянное использование может делать их привившимися, избитыми: например, «отец страны» — избитая метафора. Однако это не полностью ассимилирует их в число источников буквальных или указательных знаков общности.

Для оратора, который ищет способы сильного воздействия на аудиторию в течение длительного периода времени, метафорические

стимулы, которые играют значительную роль для архетипических определителей, подобны вложениям в золото, на чью стабильную цену биржевик может положиться в долгосрочных вложениях.

4. *Частные определители (Private Qualifiers)*. Определители, используемые читателем/слушателем исключительно на основе личных или субъективных ассоциаций, мы называем частными.

Хотя частные определители могут помочь определить интерпретацию любого полученного метафорического стимула, наиболее важными они, очевидно, являются в случае с радикальными метафорами, т. е. стимулами, которые поддерживают необычные или неожиданные отношения.

Частные определители «допечатывают» к метафоре уникальное значение. И даже когда определители общности, контекстуальные и архетипические определители объединяются для создания в высшей степени всеобщего восприятия, частные определители дают возможность личности наложить отпечаток своих собственных интерпретаций на фигуру речи^[25].

РЕЗОЛЮЦИЯ (RESOLUTION)

Субъект, элемент для ассоциации, содержание, оболочка и определители являются, по нашему предложению, необходимыми составными частями метафорического отклика, встречающимися в резолюции. Гипотезу о структурных отношениях, существующих между этими частями, а также их взаимодействию в процессе создания «метафорического значения» возможно для большего удобства представить в форме диаграммы^[26] (см. рис. 1).

Связь между интерпретантом субъекта (*содержанием/tenor*) и интерпретантом элемента для ассоциации (*оболочкой/vehicle*) устанавливается реципиентом вместе с *линиями ассоциаций (lines of association)*, установленными *определителями (qualifiers)*. В результате этого взаимодействия читатель/слушатель приходит к метафорическому значению, которое, в сущности, является отношением и/или утверждением касательно субъекта.

В связи с предполагаемой относительно доминантной ролью, которую играют контекстуальные определители в нашем отклике на метафорический стимул, на диаграмме одна из линий ассоциации нарисована более жирно, в отличие от двух других, и занимает центральное положение. Если определители к тому же являются *расширителями (extensions)*, их роль в управлении значением является, несомненно, более яркой и более четко выраженной.

ПРОЦЕСС РЕЗОЛЮЦИИ. В части, расположенной выше и озаглавленной «Процесс метафоры», вступление в стадию резолюции следует у нас непосредственно за стадией отклика. Здесь необходимо остановиться, чтобы понять, с чем мы столкнемся на этой стадии, а именно: с основными элементами, их источниками, дейст-

вующими на них силами и структурными отношениями между ними. Теперь мы завершим

наше описание, показав, как эти части функционируют на стадии резолюции.

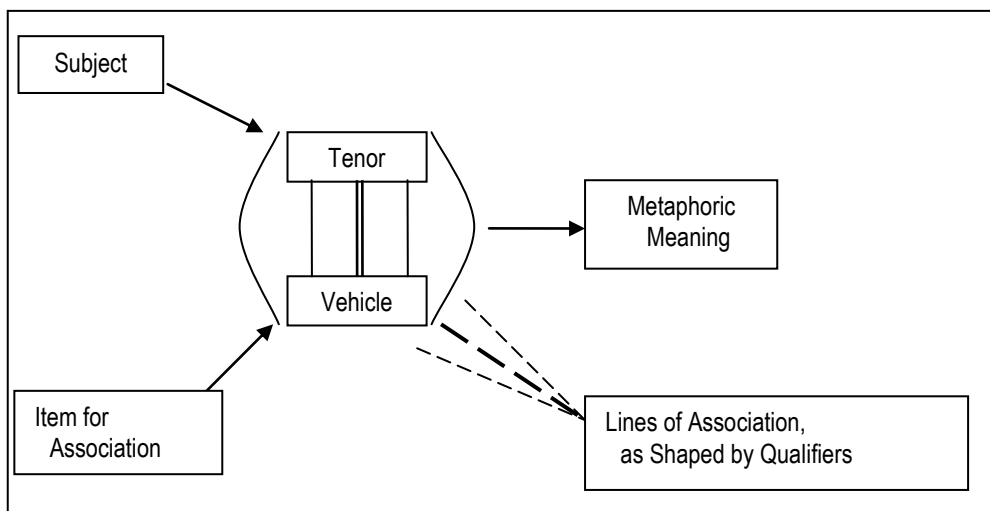

Рис. 1

ПРОЦЕСС РЕЗОЛЮЦИИ. В части, расположенной выше и озаглавленной «Процесс метафоры», вступление в стадию резолюции следует у нас непосредственно за стадией отклика. Здесь необходимо остановиться, чтобы понять, с чем мы столкнемся на этой стадии, а именно: с основными элементами, их источниками, действующими на них силами и структурными отношениями между ними. Теперь мы завершим наше описание, показав, как эти части функционируют на стадии резолюции.

Резолюция может произойти мгновенно и почти автоматически или занять много времени и усилий. В любом случае этот этап начинается с *внутренних размышлений (insight)* читателя/слушателя, при этом не требуется идентифицировать «министров» с «вулканами» или «Миссисипи» с «будущим», как произошло бы при буквальном использовании этих терминов. Читателю/слушателю надо только найти ассоциацию, основанную на косвенных или фигуральных отношениях, которые два предмета имеют друг к другу. По этой причине, побуждаемый отскоком (*recoil*), извлекая ключ из своих внутренних размышлений, читатель/слушатель продолжает применять уместные определители общности, контекстуальные, архетипические и частные определители так, чтобы выстроить линии ассоциации между содержанием (*tenor*) и оболочкой (*vehicle*). Линии ассоциации вовлекают интерпретанты в соответствующую смысловую и/или эмоциональную связь, сокращая или ликвидируя, таким образом, *напряжённость (tension)*, вызванное их начальной внешней диспаратностью.

В центре резолюции находится ассоциация. Соотнося различные мысли, объекты или качества, реципиент (*receiver*) сокращает семантическую дистанцию между ними, и они оказываются в зоне близости значений, достаточной, чтобы была узнаваема их общая база, или основа. Из этой общей основы возникает интерпретированное значение^[27].

Результат, которого достигает резолюция, может быть проиллюстрирован вариацией диаграммы, представленной ранее^[28] (см. рис. 2).

СТЕПЕНИ МЕТАФОРЫ

Как уже отмечалось в начале, некоторые метафоры поражают аудиторию своей необычностью и силой, они «метафоричнее» других. Метафора Питта «Британская конституция — фундамент вашей независимости» явно содержит метафорический стимул. Представляется, что данный стимул не столь сильнодействующий, как тот, что содержится в метафоре Бриана «Вы не сдавите чело труда этим терновым венцом...».

Косвенно уже предлагались две причины такого явного различия в «метафоричности». Во-первых, метафора может оказывать большее или меньшее эмоциональное воздействие и иметь большую или меньшую сферу влияния в дискурсе (большее или меньшее символическое поле) в соответствии с классом определителей, который она выявляет. Метафорические стимулы, первичной целью которых является скорее продемонстрировать, чем приводить в движение, и резолюция которых прежде всего зависит от контекстуальных определителей и определителей общности, часто бывают слабее^[29]. С другой стороны, фигуры речи, эксплуатирующие архетипические или частные определители, часто оказывают глубокие эмоциональные и интеллектуальные впечатления.

Второй источник силы, видимо, кроется в природе самого стимула. Он состоит в степени удивления или «шока», испытываемого читателем/слушателем, когда он впервые сталкивается с отношением между субъектом и элементом для ассоциации, которое, как утверждается, якобы существует. Чем неожиданнее и необычнее это отношение, т. е. чем больше семантическая дистанция между субъектом и элементом для ассоциации, тем более неопределёнными являются линии ассоциации и более на-

пряжены ассоциативные связи, необходимые для того, чтобы удерживать рядом расходящиеся элементы. В результате в новой, радикальной метафоре присутствует высокое напряжение, и когда это напряжение внезапно ослабляется проникновением в подразумеваемое значение, метафора, подобно тетиве туго натянутого лука, отпускает стрелу своего глубинного значения^[30].

Если натянуть тетиву слишком сильно, свя-

зи обрываются, и метафора падает в сторону, как лишенная смысла. С другой стороны, в старых или устоявшихся метафорах ассоциативные связи являются короткими и слабыми. Утверждение, что метафора является «мертвой» — метафорическое же указание на то, что ассоциативные линии атрофированы или сокращены до той точки, когда содержание и оболочка соединяются в простой обозначающий знак (см. рис. 3—5).

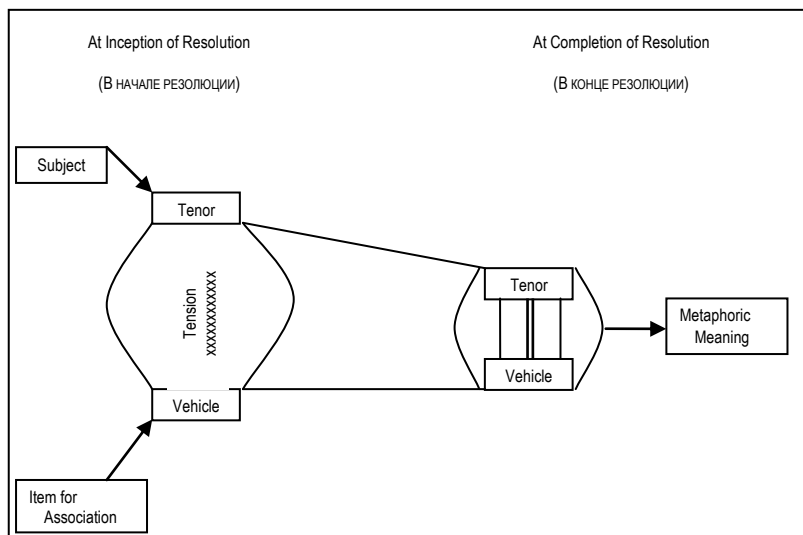

Рис. 2

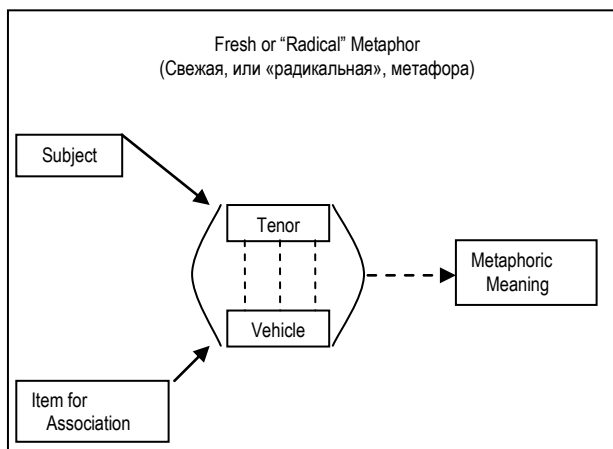

Рис. 3

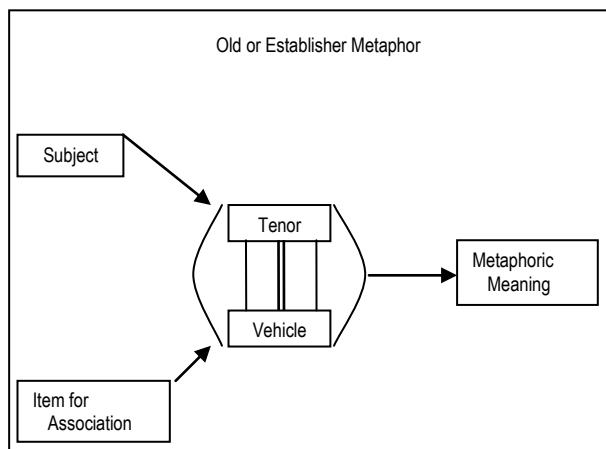

Рис. 4

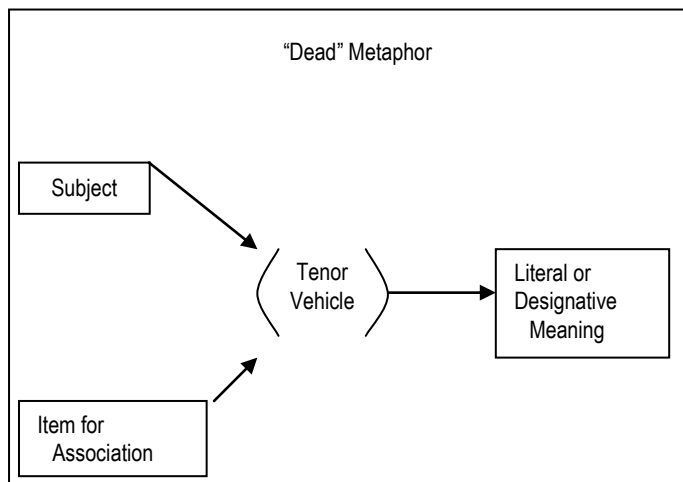

Рис. 5

МЕТАФОРА В РИТОРИКЕ

Некоторые из предшествующих формулировок с предложенными терминами предлагают гипотезы, которые могут способствовать изучению природы метафоры, типичной для риторики публичного выступления^[31].

1. Метафора в риторике формируется тремя условиями, присущими риторическому акту.

Во-первых, поскольку оратор общается с аудиторией для того чтобы достичь скорее общего отклика, чем стимулировать чье-то частное воображение или индивидуальную реакцию, метафорические стимулы оратора обычно направлены на простые реакции аудитории. Произведение более сложного индивидуально-впечатления, в принципе возможное, является редкостью.

Во-вторых, поскольку оратор обычно желает вызвать быструю, а не замедленную реакцию, у него существует стремление получить готовый, почти автоматический отклик. Он лишен слушателей, настроенных на продолжение выступления, они не располагают временем для неторопливой интерпретации. Таким образом, метафорические стимулы в риторике обычно бывают с «коротким фитилем».

В-третьих, в риторике у типичной метафоры подготовительные стадии ошибки и головокружения-отскока раздвинуты или ослаблены. Оратор старается не рисковать со стадией ошибки, так как она легко может сохраниться в подлинной головоломке, что в итоге способно обернуться против значения, задуманного оратором. К тому же, по причине нехватки времени, внимание должно направляться к скорейшей резолюции.

2. Можно найти в риторике (даже в «хорошей» риторике) необычно большой запас метафорических стереотипов — стимулов, которые приводят в действие хорошо известные определители общности. Такие общепринятые стимулы делают понимание не только быстрым и легким, но могут также являться эффективным средством возбуждения эмоций.

3. Если оратор отважится выйти за рамки стереотипа, его метафорический стимул, скорее всего, будет контролироваться контекстуальными определителями, которые быстро направляют аудиторию к метафорическому значению утверждения оратора. Требуется большое искусство в обращении со «свежими» метафорами в риторике, поскольку, как отмечал Аристотель, оратор должен управлять интерпретацией, не показывая, что делает это^[32]. Поэтому в те редкие моменты, когда свежая и запоминающаяся метафора появляется в публичном выступлении, мы должны ценить не только свойственный метафоре внутренний смысл, но и умение оратора, не лишая воспринимающих радости интерпретации, управлять ею.

4. Будучи существенными элементами контроля метафорического значения, расширители выполняют важные функции для опытного оратора.

Они служат для того чтобы ограничить незапланированные интерпретации представителями аудитории с более богатым воображением, а также стимулировать процесс интерпретации у не обладающих воображением слушателей. Расширители важны также и тем, что увеличивают для всей аудитории время, отводящееся на обдумывание смысла и значения метафорического суждения. В конце концов, подтверждая через толкование соответствие элемента для ассоциации субъекту, расширители служат чем-то вроде внутренней алхимии, призванной сделать саму метафору аргументом в защиту самой себя.

5. Метафорические стимулы риторики часто выводят на сцену определители архетипического класса. Подобные стимулы являются наиболее сильными из тех, что может вызвать оратор, так как они не только усиливают эмоциональное воздействие речи, но и наверняка солидаризируют аудиторию с целью оратора и обращают слушателей против того, чему он противостоит.

6. Риторическая ситуация, в отличие от поэтической, имеет тенденцию к приуменьшению роли частных определителей в создании метафорического значения. Несмотря на то что частные определители часто находятся на периферии, когда слушатель реагирует на риторическую метафору, стимулы оратора редко напрямую направлены на их возбуждение. Действительно, минимизация роли частных определителей в риторике может быть важной отправной точкой в попытке отличить риторическую метафору от метафоры в поэтическом дискурсе^[33].

Эти гипотезы, касающиеся характеристик риторической метафоры, приводят наш анализ к следующему выводу. Метафора в риторическом дискурсе может быть сложным лингвистическим механизмом, который является и результатом, и источником значительно более сложного ментального впечатления. По причине этого двойного основания существование метафоры в риторике делает особенно спорными и важными те проблемы, которые были подняты в начале этой статьи. Если наша попытка их решения побудит других продолжить теоретическую работу в том же направлении, наша цель будет достигнута.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Среди лучших описаний метафоры, данных полностью или частично с точки зрения риторики, мы бы назвали следующие: Aristotle, *Rhetoric*, 1410b-1413a (cf. *Poetics*, 1457b - 1461a); Quintilian, *Institutio Oratoria*, VIII, vi, 4-18; pseudo-Longinus, *De Sublimitate*, xv-xviii, xxxii-xxxviii; George Campbell, *The Philosophy of Rhetoric* (London & Edinburgh, 1776), Book III, Ch. 1, Sec. 2; Henry Home (Lord Kames), *Elements of Criticism* (Edinburgh, 1762), Ch. XX, Sec. 6; Kenneth Burke, *Permanence and Change* (Los Altos, Calif., 1954), pp. 90-120, 193-215, 258ff; I. A.

Richards, *The Philosophy of Rhetoric* (New York, 1936), pp. 89-114.

[2]. Richards, *The Philosophy of Rhetoric*, pp. 30-36, 90-94; cf. Walter J. Ong, S.J., "Metaphor and the Twinned Vision," *Sewanee Review*, LXIII (Spring 1955), 193-201. Для критики этой точки зрения см. Abraham Kaplan, "Referential Meaning in the Arts," *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, XII (June 1954), 472.

[3]. См.: Max Reiser, "Analysis of Poetic Simile," *Journal of Philosophy*, XXXVII (April 11, 1940), 213; Walker Percy, "Metaphor as Mistake," *Sewanee Review*, LXVI (Winter 1958), 79-99.

[4]. См.: Scott Buchanan, *Symbolic Distance* (London, 1932), pp. 26-32; cf. Ruth Herschberger, "The Structure of Metaphor," *Kenyon Review*, V (Summer 1943), 433.

[5]. Kaplan, p. 469; William Empson, *The Structure of Complex Words* (Norfolk, Conn. N.d.), p. 344.

[6]. См.: Joshua C. Gregory, "Metaphor and Analogy," *Fortnightly Review*, CMLXXXVIII, N.S. (April 1959), 260-267; cf. Friedrich Max Müller, *The Science of Language* (New York, 1891), II, 448ff; Cleanth Brooks, "The Language of Paradox," *The Language of Poetry*, ed. Allen Tate (Princeton, 1942), p. 45.

[7]. Lord Beaconsfield [Benjamin Disraeli], "Conservatism," *A Library of Universal Literature. P. III, Orators of Great Britain and Ireland* (New York, 1900), pp. 174-214.

[8]. Winston S. Churchill, "The War Situation, I," *Blood, Sweat and Tears*, ed. Randolph S. Churchill (New York, 1941), p. 351.

[9]. *Speeches of William Jennings Bryan. Revised and Arranged by Himself* (New York, 1909), II, 249.

[10]. William Pitt, "The Rupture of Negotiations with France," *Select British Eloquence*, ed. Chauncey A. Goodrich (New York, 1852), p. 603.

[11]. Основная функция дефиниции, как мы предполагаем, заключается в установлении четких границ концепта, идеи или сущности, которые в действительности указывают, что такое определяющее и чем оно не является. Таким образом, когда кто-то дает дефиницию, он размещает определяющее в некую «область» отношений, а потом определяет его отличие от других элементов этой «области».

Отсюда, решающим элементом дефиниции является «область». Когда кто-то меняет «области», он также меняет дефиницию. При этом новое и несходное видение открывает новый и несходный аспект определяющего.

[12]. *Poetics*, 1457b; Henry Peacham, *The Garden of Eloquence* (1593), ed. William G. Crane (Gainesville, Fla., 1954), p. 3.

[13]. В ходе долгой работы над этой проблемой лорд Кеймс, очевидно, был среди первых, кто ясно осознал важность ответа на вопрос, что есть метафора. «Метафора, — говорил он, — это акт воображения, представляющий один объект как другой» (Кеймс. Указ.

соч.^[1]). Но Кеймс, — чья природная пронизательность, между прочим, была в значительной степени недооценена такими авторами, как Ричардс и Клинт Брукс, — погрузился в изучение проблемы, которое существенно изменило его изначальное предположение. Определив метафору как ментальное явление, Кеймс далее делал научные описания и прогнозы, как если бы она была лингвистической единицей, создавая тем самым непреодолимое глубокое расхождение между его изначальным представлением этой фигуры речи и набором правил и исключений, предложенных, чтобы регулировать использование метафоры. По-видимому, не понимая этого, Кеймс показал неизбежный дуализм метафоры — свидетельство того, что она включает в себя как психологическое, так и лингвистическое начала, причем ее сущность выводится не из одноаспектного, а из двуаспектного понимания.

Изучение дефиниций метафоры, включая новейшие, показало бы, что, за отдельными исключениями, все они наталкивались на рифы, которые погубили Кеймса. Либо эти дефиниции становились узко-односторонними, ограничивая функционирование метафоры лингвистическим «полем», игнорируя «поле» «слушатель — отклик», либо они безуспешно интегрировали «двуполярные» отношения в единое всеобъемлющее представление о процессе метафоризации. (См., напр., Gustaf Stern, *Meaning and Change of Meaning*. Göteborgs Högskolas Arsskrift, XXXVIII (1932); Philip Wenger, *Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens* (Halle, 1885). Pp. 45-54; Heinz Werner, *Die Ursprünge des Metapher* (Leipzig, 1919). *Arbeiten zur Entwicklungspsychologie*, III.)

[14]. Здесь и в ряде других мест на нашу терминологию влияет учение Чарльза Морриса. См. его *Foundations of the Theory of Signs*. *International Encyclopedia of Unified Science*, I, No. 2 (Chicago, 1938), 6-7; cf. his *Signs, Language, and Behavior* (New York, 1955), p. 217-220.

Синтаксические и семантические соображения, разумеется, невозможны без взаимосвязи с метафорой. Например, мы можем спросить: «Приводят ли различия в грамматических позициях к различиям в способе интерпретации метафор?», «Может ли одна и та же метафора проявиться в одной позиции более „радикально“, чем в другой?», «Существует ли оптимальное положение метафоры с точки зрения силы или долговременности впечатления или убедительности воздействия?». Возможно, исследование подобных вопросов может привести к развитию «синтаксической стратегии» метафоры, что будет интересно как практикам, так и теоретикам риторики. Точно так же к развитию «семантической стратегии» может привести изучение вопросов ясности и простоты понимания метафоры.

Для более глубокого изучения синтаксических позиций существования метафоры см. Stern, *Meaning and Change of Meaning*, and

Christine Brook-Rose, *A Grammar of Metaphor* (London, 1958).

[15]. См. Morris, *Signs, Language, and Behavior*, p. 17.

В более поздней и более точной формулировке, изложенной в лекции в Университете Флориды в октябре 1960 г., Моррис определил термин *толкование* как «склонность реагировать определенным образом на определенный объект».

[16]. Ср. Richards, *The Philosophy of Rhetoric*, p. 93. Даже с этой попыткой более точной дефиниции метафоры проблема ее отграничения от других фигур речи остается важной.

[17]. Однако может быть необходим отдельный комментарий для объяснения самостимуляции, когда оратор или писатель реагируют на свой стимул. В данной работе в процессе рассуждения мы прежде всего используем термины традиционной риторики, исходящей из того, что оратор выступает в роли направляющего стимулы аудитории, которая получает их. И все же теория самостимуляции несомненно основывалась бы отчасти на тех же, изложенных выше принципах.

[18]. Cf. Empson, p. 341; Paul Henle, "Metaphor," *language, Thought, and Culture* (Ann Arbor, 1958), p. 183.

[19]. Kaplan, p. 470; Henle, pp. 175, 181, 191.

[20]. См. Richards, *The Philosophy of Rhetoric* pp. 96-97; cf. Gregory, p. 260; Reiser, p. 211, etc.

[21]. О «содержании» (tenor) и «оболочке» (vehicle) см. Hugh R. Walpole, *Semantics* (New York, 1941), p. 155. Отмечаем, что наше использование термина «vehicle» несколько отличается от принятого у Ричардса (*Philosophy of Rhetoric*, pp. 96ff., etc.).

[22]. См. особенно Stern, p. 139-145.

[23]. "Mr. Pitt on the Abolition of the Slave Trade, Delivered in the House of Commons, April 2, 1792." Goodrich, *Selected British Eloquence* (New York, 1852), pp. 579-592, esp. 591-592.

[24]. Campbell, Bk. III, Ch. I, Sec. 2. Part 1.

[25]. Cf. Kaplan's discussion of "projected" characteristics, p. 471.

[26]. О других попытках графических изображений см. Stern, pp. 301-302; Manuel Bilsky, "I.A. Richards' Theory of Metaphor," *Modern Philology*, L (November 1952), 135.

[27]. Kaplan, p. 472.

[28]. Мы, конечно, не имеем в виду, что резолюция всегда или даже часто является столь очевидной и симметричной процессу, как это представлено на нашей диаграмме. Отклонение предполагаемой точки схождения или сомнения касательно обоснованности точки схождения может увеличить напряжение, а следовательно, вызвать замедление или искажение в интерпретации. С другой стороны, подтверждение точки схождения открытием новых возможностей может так же увеличить напряжение. Короче, к нашей диаграмме лучше относиться как к идеализированному или абстрактному описанию процесса резолюции, чем как к подлинной карте территории движения в любом представленном примере резолюции.

[29]. Отметим, что на начальной стадии, пока определители еще не использовались в попытке понять метафорическое значение, напряжение высокое. В завершении резолюции, с другой стороны, когда определители выполнили свою функцию, напряжение падает.

[30]. См. Richards, *The Philosophy of Rhetoric*, pp. 124-126; Herschberger, pp. 439-442; Stern, p. 307; Philip Wheelwright, *The Burning Fountain: A Study in the Language of Symbolism* (Bloomington, Ind., 1954), p. 106. Эта фигура речи – тетива лука – также упоминается Кеймсом (Chap. 20, Sec. 3).

[31]. Систематическое исследование этих гипотез посредством сравнительного изучения большого количества метафор, как они существуют в риторическом или других формах дискурса, лежит за рамками данной статьи. Однако предварительные выборочные изучения неофициального рода показывают, что подобного рода исследование допустимо.

[32]. *Rhetoric*, 1405b, 1410b, 1412a.

[33]. Об отличиях между риторической и поэтической метафорами см.: pseudo-Longinus, xv и Campbell, Book III, Chap. I, Sec. 2, Part 2, Par. 3.

Статью рекомендуют к публикации члены редколлегии А. П. Чудинов и Э. В. Будаев

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.47; 16.21.39

Kod BAK 10.02.01

О. О. Борискина
Воронеж, Россия

O. O. Boriskina
Voronezh, Russia

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

Аннотация. Рассматриваются теоретический и практический аспекты нового научного направления — политической метафорологии — на примере монографии, выполненной в рамках данного подхода к исследованию метафоры политического дискурса.

Ключевые слова: политическая метафорология; методология; теория; практика; дискурс.

Сведения об авторе: Борискина Ольга Олеговна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Контактная информация: 394006, г. Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: olboriskina66@mail.ru.

POLITICAL METAPHOROLOGY: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Abstract. The paper aims at providing the reader with an overview of the theoretical and practical aspects of a new field of linguistics called political metaphorology on the example of a book written within the framework of the study of metaphor in the political discourse.

Key words: political metaphorology; methodology; theory; practice; discourse.

About the author: Boriskina Olga Olegovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Place of employment: Voronezh State University.

Рождение нового научного направления — политической метафорологии (ПМ) — произошло естественным образом. Глубокое проникновение метафорологического инструментария в политический дискурс, по мнению основателей ПМ, «привело к возникновению новой области исследований: политической метафорологии» [Будаев, Чудинов 2008а, 2008б].

Соответственно, и место политической метафорологии в системе научного знания логично рассматривать с опорой на предтеч, которые задали вектор и наметили перспективы данного направления. Актуальность научной инициативы этого пилотного проекта (проект поддержан грантом РГНФ № 07-04-02-002А — «Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе») связана с осознанием потенциала политической метафоры для манипуляции общественным сознанием, что, гарантирует востребованность и жизнеспособность ПМ. Современная политическая метафорология привлекательна уже тем, что позволяет увидеть новые, неожиданные грани в казалось бы хорошо известном явлении, подтверждением чему служит монография Э. В. Будаева «Метафорический образ России в современном мире» [Будаев 2009], представляющая собой синтез теории и практики политической метафорологии.

Данное исследование продолжает традиции известной отечественной школы политической лингвистики и заслуживает самого пристального внимания. Работы подобного плана преследуют цель ввести в научный обиход и обосновать ключевые положения нового направления, а также «запустить» практическое применение. В книге последовательно решаются три задачи.

Во-первых, предлагается панорамное обозрение основных течений и подходов к исследованию метафоры. Безусловно, ретроспективный взгляд присутствует едва ли не в любой монографии, посвященной теории и практике исследования метафорики дискурса, но в данном случае классификация современных исследований в области политической метафоры подается в системе координат и лингвистического, и политологического знания. Другими словами, автор создает лингвистикоцентричную уровневую модель методов изучения политической метафоры [Будаев 2009: 61]. При этом авторское отношение к истории формирования теории политической метафоры можно назвать предельно объективным и беспристрастным. «Фамильное теоретическое сходство» [Будаев 2009: 28] современных концепций получения научного знания идеально подходит для ознакомительных целей начинающим метафорологам.

Вторая глава будет интересна не только ученым, но и практикам (пиарщикам, имеджмейкерам и просто специалистам в области связей с общественностью). В ней обсуждаются критерии определения границ именно политического дискурса, а также рассматривается специфика использования политической метафоры в разных видах политического дискурса (национальном, институциональном, массмедийном, идиолектном) через призму двух взаимодополняющих свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности.

Вытекающая из первой, вторая задача анализируемой работы состоит в формулировании принципов и закономерностей современной политической метафорологии. Постулируется междисциплинарность ПМ и обосновывается целесообразность привлечения методов поли-

тологического, культурологического и социологического толка. На фоне обсуждения методов исследования метафорики поднимается вопрос об использовании корпусной методики и контент-анализа как способствующих точной количественной характеристике источниковой базы. Поскольку корпусных исследований метафоры в рамках этой теории пока не проводилось [Будаев 2009: 53], отмечается перспективность корпусного подхода именно на этапе углубления и детализации теории в силу того, что «после выявления наиболее общих закономерностей и перспектив исследования актуальным становится скрупулезное описание конкретных метафорических моделей с точным определением их количественных параметров» [Будаев 2009: 67]. При таком подходе к изучению метафоры можно получить наиболее полные и точные данные и об устойчивости, востребованности, и о соотношении разных видов политических метафор.

Третья глава книги заканчивается своего рода манифестом теоретических основ современной политической метафорологии.

К значимым теоретическим обобщениям следует отнести (помимо рассмотренных выше) тезис о глобальном интердискурсе, в рамках которого «политическую коммуникацию самых различных государств объединяет значительное число однотипных метафорических моделей, способствующих сближению национальных картин мира, форм категоризации и концептуализации политической реальности» [Будаев 2009: 132]. Важным для теоретического осмысления явления глобального интердискурса является и допущение лингвистической дополнительности в использовании метафоры в национальных политических дискурсах. Ср.: «...национальные особенности политической метафоры связаны преимущественно не с характером используемых метафорических моделей, а с их частотностью и прагматической нагруженностью, а также с различной фреймовой организацией этих моделей и их концептуальной организованностью» [Будаев 2009: 132].

Третьей задачей, стоящей перед автором монографии, стало сравнение метафорических образов некоторых стран, а именно России, Грузии и бывших советских социалистических прибалтийских республик. Этому посвящена четвертая глава. Материалом для сравнения образов послужил политический дискурс британских и российских СМИ. Сравнение образов опирается на качественный и количественный анализ, что говорит о вескости и сбалансированности исследования. Для сопоставительного анализа образов автор привлекает эвристики политической метафорологии. Фактически автор стремится измерить политические процессы в метафорологических единицах. Следует сказать, что читатель, знакомый с терминологическими и методологическими канонами когнитивной парадигмы научного поиска, сможет

поистине насладиться результатами практического исследования метафорических образов. Для непосвященных некоторые выводы могут показаться терминологически перегруженными — но таковы законы жанра. Существенно дополняют восприятие анализируемого явления диаграммы, отражающие частотность метафор с разными сферами-источниками в российском и британском политическом дискурсе.

Реализация предлагаемого подхода на практике позволила автору сформулировать важные для лингвистической интерпретации политического мироустройства положения, с которыми подробно можно познакомиться в четвертой главе монографии. Значимым для теории ПМ является выведенная автором зависимость таких характеристик дискурсивно устойчивых метафорических моделей, как актуализация отдельных фреймов и слотов, частотность и структурированность, от выбора сферы-мишени метафорической экспансии. При этом экстралингвистические факторы, обладающие дискурсообразующим характером, влияют на характеристики метафорических моделей в гораздо большей степени, чем особенности национальных языков и национальных концептофер.

Сопоставительный анализ показал, что все рассматриваемые метафорические модели характерны как для российского, так и для британского политического дискурса. Вполне ожидаема, но отнюдь не очевидна высокая дискурсивная устойчивость антропоморфной метафорической модели, сопровождающаяся невысоким уровнем частотной вариативности при смене сферы-мишени метафорической экспансии. Вместе с тем перспектива антропоморфного мировидения в большей степени характерна для российского, чем для британского сознания, о чем свидетельствует преобладание российских органистических метафор независимо от выбора сферы-мишени метафорической экспансии в качестве объекта анализа [Будаев 2009: 248—249].

При анализе метафорических моделей «Война», «Театр», «Спорт», «Болезнь», «Человеческий организм», «Мир животных» особенности в когнитивном и дискурсивном ракурсе выявляются только на уровне отдельных сегментов метафорической модели, а варьирование свойств метафорических моделей по критерию сферы-мишени не обнаруживает полярных характеристик. В то время как анализ метафорики родства и монархических метафор позволил выявить особенности, отражающие полярные различия, которые проявляются в двух ракурсах:

- а) особенности функционирования метафорической модели, выявляемые по критерию сферы-мишени метафорической экспансии;
- б) особенности функционирования метафорической модели, выявляемые по критерию национального дискурса.

Для британских СМИ крайне характерно осмыслять сферы-мишени «Россия» и «Грузия» в понятиях войны, а прибалтийские республики — в понятиях родства. В российской прессе для осмысления политических событий в Грузии и странах Балтии в большей степени востребованы театральные метафоры.

Британское национальное сознание более склонно к осмыслению политики через спортивные метафоры независимо от сферы-мишени метафорической экспансии.

Британское и российское видение ситуации посредством морбиальных метафор во многом совпадает. При этом в российском дискурсе морбиальные метафоры для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии» оказались востребованными в большей степени. Авторский комментарий связывает эти данные с проблемой защиты прав русских меньшинств в этих республиках.

При общей востребованности зооморфной метафоры, значительно варьируется выбор конкретных зооморфизмов и связанных с ними эмотивных смыслов, зависящий от политической ситуации и сферы-мишени метафорической экспансии.

Рассмотренные метафорические модели в разной степени варьируют характеристики функционирования в политическом дискурсе в зависимости от когнитивной укорененности сферы-источника в национальном сознании и политической ситуации. Степень дискурсивной устойчивости для рассматриваемых метафорических моделей различается по сфере-источнику. Характеристики антропоморфной и спортивной моделей слабо варьируются при смене сферы-мишени метафорической экспансии внутри одного национального дискурса, что свидетельствует о большей когнитивной укорененности антропоморфного мировидения политики для россиян и спортивных образов при осмыслении политики для британцев.

Моделирующий потенциал сферы-источника «Родство» регулярно используется в британ-

ском политическом дискурсе для осмысления действительности прибалтийских республик и не задействован для осмысления сфер-мишеней «Россия» и «Грузия».

Анализ российского политического дискурса свидетельствует о противоположных результатах: прагматический потенциал сферы-источника «Родство» активно реализуется в российском политическом дискурсе для концептуализации сфер-мишеней «Россия» и «Грузия», но не характерен для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии». Немногочисленные метафоры родства, актуализированные для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии», лишены прототипических смыслов сферы-источника или относятся к русскоговорящим меньшинствам прибалтийских республик.

Метафорические модели со сферами-источниками «Родство» и «Монархия» можно отнести к дискурсивно неустойчивым, проявляющим значительную вариативность в проявлении своих свойств в зависимости от сферы-мишени метафорической экспансии и востребованных политической ситуацией эмотивных смыслов [Будаев 2009: 248—250].

В заключение следует сказать, что полученные в рамках политической метафорологии данные и теоретические обобщения представляют несомненный интерес для изучения оценок и предпочтений национального сознания и самосознания и полностью соответствуют духу времени.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 305 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. — Екатеринбург, 2008.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: моногр. — М.: Флинта; Наука, 2008.

Статью рекомендует к публикации доцент Е. А. Нахимова

Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова
Екатеринбург, Россия

**ВОПРОСЫ НОМИНАТИВНОЙ ТЕОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. Рецензия на монографию Петра Червинского «Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации» (Тернополь : Крок, 2010. — 344 с.).

Ключевые слова: язык политики; десовиетизация; русский и советский речевой узус; социальная оценочность в публицистике.

Сведения об авторе: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 281.
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Сведения об авторе: Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 282.
e-mail: sakralist@mail.ru.

T. A. Gridina, N. I. Konovalova
Ekaterinburg, Russia

**PROBLEMS OF THEORY OF NOMINATION
IN POLITICAL COMMUNICATION**

Abstract. The article presents a review of the book by Pyotr Chervinsky "Nominative aspects and consequences of political communication" (Ternopol:Krok, 2010. — 344 p.)

Key words: language of politics; de-sovietization; Russian and Soviet speech usage; social evaluation in political journalism.

About the author: Gridina Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.

Place of employment:

About the author: Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Place of employment: Ural State Pedagogical University(Ekaterinburg).

Рубеж XX—XXI вв. ознаменовался коренными изменениями общественно-политической ситуации, что привело к активизации социолингвистических исследований, связанных с коммуникативно-прагматическим анализом активных процессов в языке. В этом смысле одним из наиболее заметных явлений стало изучение русского (российского) политического дискурса. В рамках этого направления написана, в частности, книга П. П. Червинского «Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации».

Язык политики рассматривается автором в трех аспектах:

1) в номинативном, который предполагает выявление роли номинативного акта в условиях политического взаимодействия. Язык политики рассматривается при этом как специфическая сфера функционирования речевых знаков устойчивого характера с закрепленной оценочностью. В фокусе внимания при таком подходе закономерно оказывается личность номинатора — «изучение позиции того, кто дает соответствующее название, запускает подобное <оценочное> выражение в ход» (с. 25);

2) в аспекте категоризации, позволяющем моделировать характерные для того или иного типа политического языка «семантизированные категории порождения и восприятия вербального выражения» (с. 98), иными словами, во главу угла ставится выделение в национальном языке корпуса слов и выражений с политической

(идеологической) коннотацией, в частности с коннотацией «советскости», что является предметом анализа в данной книге;

3) в эволюционном аспекте, предполагающем выявление «динамики политизированных парадигмосистем» (с. 7), что дает возможность проследить смену одного идеологического дискурса другим.

В соответствии с намеченными аспектами выстраивается композиция книги П. Червинского.

В первой части рассматриваются апеллятивы языка политики как свернутые оценочные высказывания. Очевидно, следует пояснить содержание термина *апеллятив*, употребляемого автором не в общепринятом лингвистическом смысле (имя нарицательное), а как соотнесительном со словами *апеллировать*, *апелляция*. В этом смысле под апеллятивами понимаются «единицы особой природы, характеризующиеся включением в состав значения коннотаций», которые обусловлены «скрытой апелляцией к системе принятых общественных моральных ценностей и установок». Конкретному описанию подвергается период так называемой горбачевской осени, которая характеризуется П. Червинским как время «заката стоящего у власти лидера псевдодемократического тоталитаризма». Образно выражаясь, автор сравнивает язык политики с некой драмой-действием, которая разыгрывается участниками этого действия в словах, и «по этим словам можно судить об облике, типе, характере и,

главное, фазе власти — в начале она, в пути, на подъеме ... на коне, и как давно едет, или падает, начала только падать, или уже свалилась» (с. 28). Иллюстрация сказанного представлена целым рядом так называемых номинативов рассматриваемого периода, демонстрирующих «экспликативно-оценочную нетерпимость и агрессивность агентов власти»: *взять на вооружение, левые радикалы, неолевые вистская тактика, разрушение государственной структур, укрепление правопорядка, угроза диктатуры, государственный переворот, поднять истошный крик, деструктивная волна, поправить падающий политический рейтинг* и т. п.

Важным постулатом для исследования языка эпохи в заданном аспекте является указание на то, что свойство языка быть инструментом власти проявляет себя «с самого начала», уже в самом номинативном акте, в процессе актуализации выбора.

Несомненный интерес представляет классификация приемов социальной оценки на лексическом уровне, выделяемых с учетом исходной позиции субъекта номинации:

а) группа приемов силового типа (лексика, заимствованная публицистикой из военной, спортивной, административной сфер, а также из экспрессивов-архаизмов и интенсификов разговорной лексики) — *атака на (кого), давить на болевую точку у (кого), бить лежачего, главное — выигрыш, рвать когти, наезд, происки, вбить клин между (кем), находиться на грани издыхания;*

б) группа приемов статусного типа (формируется на базе обновляемых историзмов и адаптируемых экзотизмов, меняющих свою семантику и стилистическую окраску): *империя (кого), медиа-империя, олигархи, могущественный магнат, мэр, сановник, монаршая семья (о семье президента), наследники престола, власть предержащие*. Отмечается активность оценочного переосмысления одних групп лексики и меньшая активность в этом процессе других групп. Так, к менее активным, но безусловно ярким в оценочном плане группам относятся единицы разговорной лексики (*приготовить на закуску, примитивное прислужничество перед (кем), с барского плеча*) и группа лозунгов и фраз предыдущего, тоталитарного периода (*кадры решают все, назначенец*). Из жаргонизмов и арготизмов: «заказ», «заказать» (*заказное убийство*), «компра» (*компрометирующий материал*) и пр.;

в) группа дистанцированного типа (формируется на базе переосмысливаемых нейтральных слов и публицистических клише, которые приобретают ироническую, пренебрежительно-снисходительную оценку в повествовательно-событийных контекстах): *понадеявшись, видимо, на их сообразительность, трудно представить, что не ведал, что творил, доморощенный шоу-бизнес;*

г) группа приобщенного типа (характеризуется «отмеченной включенностью» авторской позиции, которая может выражаться различными лексическими средствами): *народ не любит олигархов, примет на „ура“, народ безмолвствует, свет в конце тоннеля;*

д) группа переходного (трансформативного) типа: *стартовой площадкой стал, так и не увидел свет*.

Вторая часть книги посвящена описанию категоризации языка советской действительности как идеологизированной, советизированной формы русского литературного языка, другими словами, «тоталитарного языка советской эпохи» (по определению Н. А. Купиной).

П. Червинский дает развернутую предметно-тематическую (идеографическую) сетку номинативных единиц языка советской эпохи. На первом уровне выделяются три класса номинативов: субъектные, объектные, предикатные. Внутри каждого класса выделяются соответствующие идеограммы: например, в группе объектных номинаций представлены локативы (*БАМ, города-побратимы, березка — магазин*), объективы — предметы как носители соответствующих признаков (*автоагитпоезд, бюст, вымпел, галстук, голос — радиостанция, дефицит — товар*), структуративы (*агропромкомплекс, госснаб, военторг*), серии (*дневник ... соревнования, библиотечка ... профактивиста*).

Весьма диагностичен взгляд польского исследователя на человека советской эпохи сквозь призму тоталитарного языка. Автор выделяет значимые, на его взгляд, категории (всего семь), в основе своей лексико-грамматические (например, категория «финитного достижения», «лимитивной роли», «категория композита», «категория позитивного/негативного полюса» и др.). Категориальные признаки в составе значений на следующих этапах анализа используются для распределения единиц по семантико-грамматическим группам и классам. Так, семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности представлена несколькими группами: «слова с очевидной и явной советскостью» (*аллилуйщик, антисоветчик*), слова разговорные со «вставляемой» советскостью (*фарцовщик, прогульщик, халтурщик*), слова «с неявной, смазанной советскостью», нередко намеренно затемненной (*керосинщик, сыщик, добытчик, наплевист, подпевала*) и др.

В третьей части рассматривается круг проблем, связанных с развитием и трансформацией, переходом политических языков и систем к каким-то новым состояниям. К таким переломным периодам П. Червинский относит 20-е гг. XX века и конец XX—начало XXI вв. В качестве основной тенденции изменения русского языка рубежа веков отмечается десоветизация в противовес существующему мнению о его деидеологизации. Десоветизация, по мнению автора, «проявляет себя в первую очередь в изменении

общественно-публичного и официально-воздействующего лексикона, уходе <из употребления> значительных лексических пластов», но далеко не всегда этот процесс выражается в десоветизации категориального мышления. Данный вывод находит в работе аргументированное подтверждение.

Завершается исследование презентацией составленного автором и подготовленного к

печати словаря «Негативно-оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначения лиц», содержащего около 400 лексем. В целом можно лишь приветствовать появление подобных работ, выполненных в русле направления «политическая лингвистика» и открывающих новый ракурс видения языка политической коммуникации в контексте определенной эпохи.

***Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев
и доцент М. Б. Ворошилова***

УДК 81'42:811.581(049.32)
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Лу Тинтин
Пекин, Китай

Lu Tingting
Beijing, China

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КИТАЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ

LINGUISTIC ANALYSIS
OF CHINESE GOVERNMENT
PRESS CONFERENCE

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. Рецензия на монографию Чэнь Лицзянь «Культурный контекст и политический дискурс: дискуссионный анализ правительственных пресс-конференций» (Пекин: Китайское издательство радио и телевидения, 2007. — 295 с.)

Abstract. This is a review of the monograph by Chen Lijiang «Cultural context and political discourse: discourse analysis of government press conference» (Beijing, China Television Broadcasting Press, 2007. 295p.).

Ключевые слова: контекст; политический дискурс; правительственная пресс-конференция; жанр; «монолог».

Key words: context; political discourse; government press conference; genre; “monologue”.

Сведения об авторе: Лу Тинтин, кандидат филологических наук.

About the author: Lu Tingting, Candidate of Philology.

Место работы: Пекинский университет иностранных языков.

Place of study: Beijing Foreign Studies University.

Контактная информация: 100089, Китай, г. Пекин, пр. Сусаньхуаньбэйлу, д. 2, ящ. 245.

E-mail: lutingting0809@mail.ru.

Исследования политического дискурса, являясь одним из новых направлений современного языкознания, носят междисциплинарный характер. Для изучения политического дискурса используются достижения социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, лингвострановедения, стилистики и риторики. Рассмотрение политического дискурса вызвало большой интерес у лингвистов разных стран, особенно европейских.

Изучение политического дискурса попало в круг внимания китайских ученых совсем недавно. Профессор Тянь Хайлун опубликовал статью «Изучение политического языка: рассуждение и размышление» в 2002 г., и тем самым первым в Китае обратил внимание на исследование взаимодействия языка и политики. С тех пор в этой области появились некоторые научные работы, но большинство из них посвящено критическому анализу политического дискурса западных стран. Китайский политический дискурс редко становится объектом исследования (за исключением метафорического исследования). Возможно, это происходит по причине того, что политика в Китае пока еще остается чувствительной темой, многие лингвисты от нее уклоняются.

Именно на таком фоне вышла в свет монография «Культурный контекст и политический дискурс: дискуссионный анализ правительственных пресс-конференций (ППК)». Следует отметить, что она является первой в Китае монографией в области политического дискурса. Кроме того, ее предметом являются 30 аудиозаписей китайских ППК и 10 аудиозаписей американских ППК. Итак, не будет преувеличением сказать, что данная монография занимает очень важное место в изучении китайского политического дискурса.

Монография подразделена на 10 глав: «Введение», «Культура, национальная идентичность и идеология», «Ритуальный монолог», «Структура ППК (первая часть)», «Структура ППК (вторая часть)», «Роль участников ППК и их взаимоотношения (первая часть)», «Роль участников ППК и их взаимоотношения (вторая часть)», «Стратегия представителя правительства», «Стратегия журналистов» и «Заключение».

Первая глава является теоретической основой для дальнейшего исследования: она содержит обзор истории рассмотрения политического дискурса, диалогического единства «вопрос — ответ», жанра ППК. Автор придерживается узкого понимания политического дискурса. Под ним понимается дискурс политических деятелей и партий в институциональных контекстах. Жанр ППК по своей сущности относится к политическому дискурсу, но при этом имеет форму медиадискурса, поэтому автор предлагает для него новое название — «политический медиадискурс».

Во второй главе автор подразделяет контекст на макроконтраст (культурный контекст), ситуативный контекст и микроконтраст (в объеме текста). Под культурным контекстом понимается результат взаимодействия традиционной китайской конфуцианской культуры (особенно концепты «гуманность» и «вежливость»), политического социалистического режима и современной культуры. Ярким вербальным отражением такого культурного контекста является метафора «государство — это семья» (в китайском языке слово «государство» — “国家” — записывается двумя иероглифами: 国 обозначает государство, 家 — семью). Именно культурным макроконтрастом обусловлены следующие вербальные особенности в дискурсе

китайской ППК: 1) яркие различия между вопросами, заданными китайскими журналистами и их иностранными коллегами; 2) различия в способе обращения адресанта и в смене роли в коммуникации; 3) принцип вежливости с китайской спецификой — самоуничижение и уважение к другому; 4) цитаты из классической литературы.

Третья глава посвящена анализу ситуативного контекста на ППК. Автор определяет отличия жанра пресс-конференции от таких сходных жанров, как политические публичные речи, политические интервью, коммюнике правительства и т. д. Ситуативный контекст, состоящий из поля, модуса и тенора дискурса, позволяет отнести жанр пресс-конференции к институциональному дискурсу. Сравнив китайскую ППК с американской, автор отмечает, что китайская пресс-конференция характеризуется ритуальностью и монологичностью.

В четвертой и пятой главах рассмотрена структура китайской пресс-конференции. Как процесс речевого взаимодействия, ППК представляет собой структуру с четырьмя уровнями: транзакции (вступительная, основная и заключительная части), обмен (8—10 диалогических единств «вопрос — ответ»), ход и коммуникативный акт. Автор предлагает подразделить структуру вопроса на 3 части: начальную, центральную и конечную. В начальную часть входят такие элементы, как метавопрос, обращение, вводные слова, оценка и фоновые знания; в конечную часть — фоновые знания и маркированные слова. Для китайской ППК характерны модели вопросов «начальная + центральная часть» и «центральная + конечная часть», а модель «начальная + центральная + конечная часть» является самой типичной на американской ППК.

Автор отметил, что речь представителя правительства отличается от речи журналистов большим объемом, плавностью, официальностью и сложностью в структуре. На ППК, несмотря на возможность получить трудный вопрос, у представителя правительства нет права молчать, он должен в любом случае ответить. Исходя из этого, автор разделил речь представителя правительства на два вида: речевой акт ответа и речевой акт реакции. При речевом акте ответа представитель правительства отвечает на заданный ему вопрос, а при речевом акте реакции он не дает конкретный ответ, а произносит какие-то слова, фразы во избежание молчания. Прежде всего автор предлагает разделить структуру ответа на 3 части: начальную, центральную и конечную. В начальную часть входят такие элементы, как метаответ, оценка, вводные слова, неопределенные выражения (*hedges*), повторы и фоновые знания; а в конечную часть — дополнительная речь и маркированные слова (например, «спасибо»). Затем автор выделяет в речевом акте реакции два возможных варианта: в первом представитель правительства просто уклоняется от во-

проса, во втором он отвечает только на часть многосоставного вопроса. Автор рассматривает речевой акт реакции как псевдосвязанность, то есть такой, который не семантически, а только прагматически имеет связи с предыдущим вопросом. Использование стратегии уклонения политиком и явление псевдосвязанности обусловлены политической целью и намерениями, стоящими за ППК.

Шестая и седьмая главы посвящены анализу ролей участников ППК. На основании уже имеющихся исследований ролей участников в дискурсе (Гоффман, Левинсон, Томас) автор делает вывод, что участники-отправители ППК играют роли *мотиватора*, *представителя* и *рупора*. Разные роли несут на себе разную ответственность: *мотиватор*, в том числе тайный автор и говорящий на ППК, отвечает за намерение и высказывание, *представитель* — только за форму высказывания, за содержание высказывания он не отвечает, а *рупор* не несет ответственности ни за форму, ни за содержание высказывания. В большинстве случаев представители правительства и журналисты на ППК выступают в роли *представителя*. Однако анализ ППК показывает, что они часто выступают в нескольких ролях, а не в одной: например, при обсуждении на ППК разных тем или даже при наличии только одной темы они выступают в разных ролях последовательно или одновременно. Смена роли в коммуникации обусловливается коммуникативным намерением и стратегиями.

Участники-реципиенты ППК выступают в роли адресата, слушателя и массовых зрителей. Следует отметить, что бывают очные адресаты и заочные адресаты. Очным адресатом является тот присутствующий на ППК, кому непосредственно адресована речь представителя правительства. Однако на самом деле данная речь может быть адресована человеку или группе людей, которые не присутствуют на ППК. Слушателями являются те присутствующие, которые не принимают непосредственного участия в данном коммуникативном процессе, но могут иногда вставлять свои реплики. Массовые зрители — это потенциальные телезрители.

В восьмой главе автор отметил, что для осуществления личных или государственных интересов представители правительства часто используют такие стратегии, как стратегия идентичности, стратегия определения повестки дня, стратегия уклонения, стратегия переформулирования, стратегия неопределенности. С одной стороны, эти стратегии реализуются в макроконтексте, в культурном сценарии идеологии, с другой — каждая стратегия имеет свое языковое выражение. Например, представители правительства часто в речи употребляют метафору «государство — это семья» и местоимение «мы», чтобы вызвать у присутствующих национальную идентичность, общее чувство любви к родине.

В девятой главе автор отмечает, что в сравнении с представителями правительства журналисты используют меньше стратегий (стратегию переформулирования, стратегию использования пресуппозиции, стратегию неопределенности), поскольку на ППК основную роль играет представитель правительства. Но цель и функция вопросов, заданных журналистами, далеко не ограничена простым желанием получить информацию, в вопросах присутствуют и такие иллокутивные силы, как упрек, угроза, презрение, возмущение и т. д. Вот почему представители правительства всегда так осторожно реагируют на вопросы.

Монографию завершает последняя глава — «Заключение». В этой части автор подводит ито-

ги исследования данной темы и предлагает свои рекомендации для китайской системы ППК.

Главная цель данной монографии — проанализировать взаимодействие между культурным контекстом и политическим дискурсом, объяснить причины отличия китайской ППК от ППК других стран. Монография Чэнь Лицзян представляет собой значимый шаг на пути исследования китайского политического дискурса. Появление данной монографии открывает новое направление в лингвистической науке в Китае, поощряет китайских лингвистов на изучение китайского политического дискурса. Мы надеемся на значительную активизацию в области исследования китайского политического дискурса в ближайшие годы.

Статью рекомендует к публикации член редколлегии А. П. Чудинов

УДК 378.245

ББК Ч21

ГСНТИ 16.01.21

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Н. А. Пирогов
Екатеринбург, Россия

N. A. Pirogov
Ekaterinburg, Russia

**ХРОНИКА РАБОТЫ
ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ЗАЩИТЕ
ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ
ДИССЕРТАЦИЙ Д 212.283.02
В 2010 ГОДУ**

**CRONICLE OF WORK
OF THE DISSERTATION COUNCIL
FOR THE CONFIRMATION
OF DEGREES OF CANDIDATE AND DOCTOR
IN 2010**

Аннотация. Информация о работе совета по присуждению ученых степеней кандидата и доктора наук по лингвистике.

Abstract. The presented data is the information about the work of Dissertation Council for the conferment of academic degrees of candidate and doctor in linguistics.

Ключевые слова: лингвистика; ученая степень; диссертационный совет.

Key words: linguistics, Academic degree, Dissertation Council.

Сведения об авторе: Пирогов Николай Александрович, кандидат филологических наук, профессор.

About the author: Pirogov Nikolay Alexandrovich, Candidate of Philology, Professor.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: pirogov@r66.ru.

Код совета	Д 212.283.02
Год открытия совета	1994
Специальности совета	10.02.01 — Русский язык (по филологическим наукам) 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (по филологическим наукам)
Председатель	Чудинов А. П., д-р филол. наук, проф.
Зам. председателя	Томашпольский В. И., д-р филол. наук, проф.
Ученый секретарь	Пирогов Н. А., канд. филол. наук, проф.

В 2010 году Диссертационный совет Д 212.283.02 провел 18 заседаний.

По специальности «10.02.01 — русский язык» защит диссертаций не было; по специальности «10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» защищено 12 кандидатских диссертаций.

29 января 2010 г.

1. *Колтышева Светлана Яковлевна* (Южно-Уральский государственный университет). Метафорическое моделирование образа современного шоу-бизнеса в российском и американском медиадискурсе. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А.П.Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Э.А.Лазарева; д-р филол. наук, проф. Т.А.Гридина. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Э.А.Лазарева; канд. филол. наук, доц. Н.Г.Шехтман. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет».

2. *Григорьева Ольга Владимировна* (Уральский государственный педагогический университет). Метафорическое моделирование дихотомии «Свое — Чужое» в контркультурной рок-лирике США и СССР. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф.

А.П.Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н.В.Пестова и д-р филол. наук, проф. Э.А.Лазарева. Оппоненты — д-р филол. наук, доц. Е.В.Шустрова и канд. филол. наук, доц. А.А.Каслова. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Уральский государственный университет».

5 марта 2010 г.

3. *Никифорова Людмила Константиновна* (Уральский государственный педагогический университет). Метафорическая репрезентация атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Э.В.Будаев. Эксперты — канд. филол. наук, доц. Н.А.Пирогов; д-р филол. наук, проф. М.Л.Кусова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. С.Л.Мишланова; канд. филол. наук, доц. О.Г.Путырская. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет».

23 апреля 2010 г.

4. *Зырянова Ирина Петровна* (Уральский государственный педагогический университет). Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. А.П.Чудинов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Н.Б.Руженцева; д-р филол.

наук, проф. Э.А.Лазарева. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Э.А.Лазарева; канд. филол. наук, проф. Г.Н.Бабич. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Пермский государственный университет».

5. *Юдина Наталья Александровна* (Уральский государственный педагогический университет). Сущность абсолютной метафоры и ее перевод. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н.В.Пестова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. З.И.Комарова; д-р филол. наук, проф. Г.Н.Плотникова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Н.Л.Мышкина; канд. филол. наук, доц. О.Г.Скворцов. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

25 июня 2010 г.

6. *Дедюхина Анна Сергеевна* (Уральский государственный технический университет — УПИ). Репрезентация категории партитивность в английском и русском языках. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. З.И.Комарова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Т.В.Попова; д-р филол. наук, проф. М.Л.Кусова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Н.В.Хавина; канд. филол. наук, доц. О.Г.Скворцов. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Пермский государственный университет».

7. *Елисеева Светлана Викторовна* (Сургутский государственный университет). Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современных российских и американских СМИ. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И.А. Курбанов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. А.П.Чудинов; канд. филол. наук, проф. Н.А.Пирогов. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Л. М. Алексеева; канд. филол. наук, доц. Е. В. Колотнина. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

16 сентября 2010 г.

8. *Чулкина Дарья Викторовна* (Сургутский государственный университет). Концепт «Разлука» в русском и английском поэтическом дискурсе (на материале поэзии В.А. Жуковского, поэтов Озерной школы и Г. Лонгфелло). Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И.А. Курбанов. Эксперты — д-р филол. наук, проф. К.И.Демидова; д-р филол. наук, проф. Е.Г.Доценко. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Е. С. Гриценко; д-р фи-

лол. наук, проф. М. В. Пименова. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет».

9. *Шадрина Юнона Юрьевна* (Уральский государственный педагогический университет). Местоименные прилагательные в английском и русском научном тексте. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. З.И.Комарова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. К.И.Демидова; д-р филол. наук, проф. Н.Б.Руженцева. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Е. А. Пименов; д-р филол. наук, проф. О. А. Леонтович. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет».

10. *Тимиргалеева Елена Рифовна* (Уральский государственный педагогический университет). Оценочный характер фразеологизмов с компонентами вертикального пространства в русском, английском и французском языках. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н.В.Пестова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. А.П.Чудинов; д-р филол. наук, проф. Н.И.Коновалова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Г.Н. Манаенко; д-р филол. наук, проф. О. А. Алимуратов. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Пермский государственный университет».

17 декабря 2010 г.

11. *Сандалова Наталья Владимировна* (Уральский государственный педагогический университет). Вариологические аспекты юридического термина в русском и английском языке. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. З.И.Комарова. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Т.А.Гридина; д-р филол. наук, проф. М.Л.Кусова. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. С.Л. Мишланова; д-р филол. наук, проф. Ю.В. Сложеникина. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

12. *Истратова Юлия Александровна* (Уральский государственный педагогический университет). Аллюзивные онимы в поэзии Брассенса и ее русских переводах. Специальность — 10.02.20. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Э.А.Лазарева. Эксперты — д-р филол. наук, проф. Т.А.Гридина; д-р филол. наук, проф. О.А.Турбина. Оппоненты — д-р филол. наук, проф. Н.Н.Лыкова; канд. филол. наук, доц. И.Д.Белеева. Ведущая организация — ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.

4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно.);

- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл.

Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).